

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ

ЛЕНИНЕ

ТОМ

5

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Scan: Ershov V. G., 2006

**ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ
СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ

ЛЕНИНЕ

В ДЕСЯТИ
ТОМАХ

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ

ЛЕНИНЕ

ТОМ

5

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1990**

ББК 13.5

В77

Редакционная коллегия:

М. П. МЧЕДЛОВ, А. П. ПОЛЯКОВ,
А. М. СОВОКИН

Составитель пятого тома —

Р. З. ЮНИЦКАЯ

В $\frac{0103020000-119}{079(02)-90}$ Подписное

ISBN 5—250—01103—9 (т. 5)

ISBN 5—250—01019—9

© Составление — Р. З. ЮНИЦКАЯ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

С победой Великой Октябрьской социалистической революции начался новый этап в жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина. Впервые в истории пролетарская партия стала правящей, а ее вождь по решению II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов возглавил первое Советское правительство России — Совет Народных Комиссаров.

Видный деятель большевистской партии А. И. Рыков, вспоминая о совместной работе с Лениным, писал: «Совершенно исключительное знание и чувство действительности всегда помогало ему избирать те пути, которые были по силам стране и партии, знание людей помогало ему формулировать очередные лозунги в таких выражениях, которые были понятны и доступны всякому... Владимир Ильич обладал замечательным дарованием строить государство трудящихся из того материала и теми силами, какие есть, и подготавливать их своей бурной и неутомимой работой к разрешению все более и более трудных задач».

Мемуары современников и соратников Ильича, членов ЦК РСДРП(б), народных комиссаров, вошедшие в книгу, наглядно и ярко рассказывают о строительстве нового демократического государства, о формировании высших органов управления (народных комиссариатов), становлении кадров руководителей. «В каждом комиссариате,— вспоминал М. С. Кедров,— руками Ильича закладывался фундамент, на котором в дальнейшем комиссариат строился и развивался». Отсутствие опыта государственного строительства создавало серьезные трудности. Как очень метко заметил нарком иностранных дел Г. В. Чичерин, «для всех нас перелом от прежних взглядов подпольной революционной партии к политическому реализму стоящего у власти правительства был чрезвычайно труден».

Одной из важнейших и неотложных задач нового правительства стала реализация экономической платформы партии, и в первую очередь установление рабочего контроля над производством. С. А. Лозовский и Г. В. Цыперович, рассказывая о ходе выработки проекта декрета о рабочем контроле, отмечали, что Ленин «усматривал прежде всего развертывание инициативы рабочих масс и близкий, практический подход их к процессу производства». Он настаивал на скорейшем опубликовании закона о рабочем контроле, не дожидаясь окончательной отделки всех его деталей, т. к. глав-

ное заключалось в том, «чтобы контроль пустить в ход. Пусть рабочие проявят инициативу, а все это свести в общегосударственном масштабе мы успеем потом. Никаких преград не надо ставить инициативе масс. Через определенный период можно будет, на основании опыта, увидеть, в какие формы отлить рабочий контроль в общегосударственном масштабе». Для В. И. Ленина революционное творчество масс — главное в созидательной работе новой власти.

Об участии Владимира Ильича в обсуждении проектов создания нового органа по руководству экономикой страны — Высшего совета народного хозяйства, в налаживании его работы вспоминают В. Я. Чубарь, М. Н. Животов, А. В. Шотман, Н. Осинский (В. В. Оболенский).

Я. С. Ганецкий, Г. Ломов (Г. И. Оппоков), М. А. Андреев рассказывают о роли В. И. Ленина в проведении национализации банков, промышленных предприятий. По свидетельству Ломова, «Владимир Ильич подписывал бесконечное количество декретов о национализации различных заводов, причем он всегда подчеркивал, что национализировать гораздо легче, чем управлять национализированным. Однако поскольку настроение широких рабочих кругов, ярко выражавшееся повсюду на местах, стояло за национализацию, постольку Владимир Ильич считал невозможным задерживать ее темп».

«Декретное законодательство» на переломных этапах революции давало духовный толчок массам и развязывало им руки.

Большевик В. Н. Каюров, один из рабочих вождей (так его называл Ленин), в первые годы Советской власти выполнял многие поручения Председателя Совнаркома. Длительное время участвуя в проведении продовольственной политики в деревне, он пришел к глубокому убеждению о необходимости отказа от продразверстки и перехода к иному принципу отношений с крестьянами. Свои соображения он высказал Ленину в большом письме, которое публикуется в его воспоминаниях.

В издание включены воспоминания представителей местных советских и партийных организаций, бесхитростные рассказы рабочих, крестьян — Б. Т. Бункина, А. В. Иванова, А. С. Киселева, А. Д. Метелева, Ф. Ф. Образцова, М. И. Санаева, которые с первых же дней революции приезжали к Ленину для решения многочисленных практических вопросов. И он выслушивал их, помогал находить правильные, наиболее целесообразные формы работы.

А. Г. Шлихтер, назначенный в ноябре 1917 г. временным заместителем наркома земледелия, рассказывает, как крестьянские ходоки хотели получить разъяснения «непременно у самого Ленина». «Декрет пролетарской революции,— вспоминал Александр Григорьевич,— о немедленной передаче всей земли всколыхнул деревню до самых глубин ее. Деревня судорожно рвалась к деловому закреплению земельной реформы, но декрет о земле устанавливал лишь общую норму революционного права. В эту общую норму деревня пыталась немедленно же влить содержание революционной прак-

тики и тянулась к революционному центру за указаниями и ответами.

Я полагаю, что эти дни были моментом наибольшей духовной близости и доверия крестьянских масс к Советской власти вообще, а к Совнаркому — в особенности.

Видный работник Всероссийского центрального союза потребительских обществ А. Н. Лаврухин и член Пермского губисполкома С. И. Канатчиков пишут, какое огромное значение придавал Ленин кооперации в системе хозяйственного строительства. В беседе с Канатчиковым Владимир Ильич подчеркнул, что «кооперацию нельзя разрушать, ее нужно во что бы то ни стало сохранять. Без кооперации мы ведь никакого социализма не построим...».

О многосторонней деятельности В. И. Ленина в организации защиты социалистического Отечества рассказывают В. А. Антонов-Овсеенко, М. Д. Бонч-Бруевич, К. Х. Данишевский, П. Е. Дыбенко и другие. Не было ни одного сколько-нибудь значительного вопроса, связанного со строительством Красной Армии и организацией обороны страны, в решении которых не принимал бы активное участие Владимир Ильич. «Вопросы пополнений, снабжения, усиления фронта политработниками, — писал И. Т. Смилга, — перемены командного и политического состава — все это отнимало у Владимира Ильича массу времени. Он к этим вопросам относился не только как глава правительства, по обязанности, но с величайшим интересом и желанием постичь действия внутренних пружин. Он часто выводил разговор за пределы непосредственной конкретности, интересуясь, знает ли история военного дела аналогичные случаи и как в том или другом деле способные военачальники поступали».

Основная тема воспоминаний Г. В. Чичерина, А. А. Иоффе, Б. Ф. Малкина, К. Б. Радека — внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина. Основным ее содержанием была настойчивая и последовательная борьба за достижение мира с первых дней Советской власти. Значительный интерес представляют материалы, связанные с Брестскими переговорами. По словам К. Б. Радека, который был противником заключения мирного договора с Германией, Ленин, «защищая брестскую передышку, не скрывал ни на один момент перед массами, какие бедствия она нам сулит. Но хуже немедленного разгрома русской революции она не была, она давала тень надежды, передышки хотя бы на несколько месяцев, и это решало. Надо было, чтобы мужик дотронулся руками до данной ему революцией земли, надо было, чтобы встала перед ним опасность потери этой земли, и тогда он будет ее защищать».

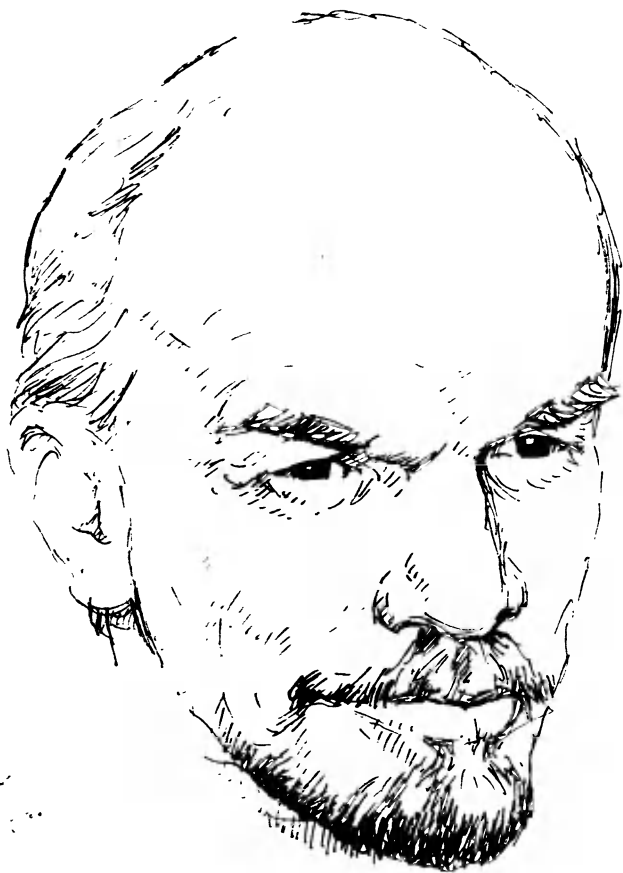
Весьма интересны дневниковые записи С. Д. Мстиславского, бывшего члена ЦК партии левых эсеров. В них содержится неизвестный ранее текст выступления Ленина на одном из объединенных заседаний ЦК РСДРП(б) и ЦК партии левых эсеров: «Революционную войну вести нельзя, так как армия ее не хочет: бежит с фронта, увлекая за собой красные полки. Кто идет сейчас на войну, идет против народа. Вести революционную войну — значит помо-

гать буржуазии, контрреволюции... Отклонить мир — значит сдать Москву и Питер в несколько недель... Возврат солдат в деревню — укрепление революции: каждый солдат, идя в деревню, несет с собою идеи Советской власти».

Значительно дополняют документальные источники, воссоздают дух того времени, атмосферу заседаний, стиль работы Советского правительства воспоминания секретарей СНК Н. П. Горбунова, Е. К. Кокшаровой, которые повседневно общались с Лениным.

Имена многих авторов, активных участников революционных событий и строительства нового общества в стране, долгие годы были преданы забвению. Читатель впервые познакомится с уникальными свидетельствами Г. Е. Зиновьева, С. И. Канатчикова, В. Н. Каюрова, Н. И. Муралова, Н. Осинского, К. Б. Радека, А. И. Рыкова, И. Т. Смилги и других.

Воспоминания печатаются в основном по первым публикациям 20-х годов, написанным по свежим следам событий. Все мемуары сверены с источниками. Те из них, которые ранее по каким-либо причинам подвергались редакционным сокращениям, восстановлены. Необходимые пояснения к тексту даны в виде кратких подстрочных примечаний. В конце тома помещены биографические сведения об авторах воспоминаний и указатель имен.

А. И. РЫКОВ
Л. Б. КАМЕНЕВ
Ф. Ф. РАСКОЛЬНИКОВ
В. П. МИЛЮТИН
Ю. М. СТЕКЛОВ
П. Е. ДЫБЕНКО
А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ
В. А. АНТОНОВ-ОВСЕНКО
Н. И. ПОДВОЙСКИЙ
В. Я. ЧУБАРЬ

М. Н. ЖИВОТОВ
Н. ОСИНСКИЙ
А. В. ШОТМАН
Г. В. ЦЫПЕРОВИЧ
С. А. ЛОЗОВСКИЙ
Н. П. БОГДАНОВ
А. М. КАКТЫНЬ
П. Н. СОЛОНКО
Д. И. ГРАЗКИН

Scan: Ershov V. G., 2006

А. И. Рыков

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ — ВОЖДЬ МАСС

Владимир Ильич окончил жизнь как неоспоримый властитель дум всех трудящихся и угнетенных. Его значение в широких народных массах на протяжении многих лет неуклонно возрастало из года в год.

Еще в период нелегального существования нашей партии каждый рабочий, принимавший участие в борьбе, знал товарища Ленина как единственного вождя большевиков. Всех нас — его сторонников — уже тогда называли ленинцами. Влияние Ленина с колоссальной быстротой возрастало каждый раз, когда партия выходила из подполья. Владимир Ильич немедленно вырастал в гигантского вождя народных масс, близкого всем их нуждам, интимно-простого в личных отношениях и неумолимого гиганта в политической борьбе. Так было в 1905 г., так было и после Февральской революции.

Февральская революция дала доведенным почти до отчаяния, истощенным войной и царизмом массам возможность открытой революционной борьбы и массовой организации. И Владимир Ильич в короткое время стал выразителем единственного в мире массового революционного движения и привел рабочих, крестьян и армию к Октябрьской победе.

Нужны были его сердце, его чутье массы, чтобы впитать в себя, чтобы почти физически ощущать те сдвиги, которые происходили в глубинах сознания народа, и нужны были громадное образование, гениальный ум и полное обладание теорией марксизма, чтобы оформить это движение в организованное движение рабочих и крестьян против буржуазного строя, за социализм. Между Владимиром Ильичем и революционными массами установилось настолько близкое единство, что отделить их друг от друга невозможно. Владимир Ильич был лабораторией революционной мысли для миллионов восставших рабочих и крестьян, он был гениальной головой, которой были понятны как самые интимные мысли рабочих и крестьян, так и самые высокие вершины научных знаний. Владимир Ильич был особенно велик как вождь восстаний, но не менее он был велик и как организатор нового государства. Вся масса государственных вопросов была у него всегда перед глазами, и он без труда и без ошибок выбирал самое существенное для данного момента и со всей своей невиданной энергией принимался за осуществление очередной задачи. Совершенно исключительное знание и чувство действительности всегда помогало ему избирать те пути, которые были

по силам стране и партии, знание людей помогало ему формулировать очередные лозунги в таких выражениях, которые были понятны и доступны всякому. Поэтому он был близким и родным для каждого рабочего и крестьянина. В разрешение каждой очередной задачи Владимир Ильич уходил с головой, проверяя каждый шаг на опыте и личными разговорами с отдельными, часто рядовыми работниками. Особенное значение он придавал объяснению каждой меры широким народным массам и тому, как тот или другой закон или распоряжение правительства воспринимается рядовым рабочим и крестьянином.

Я до сих пор помню, как Владимир Ильич заставил товарища Цюрупу, тогда народного комиссара по продовольствию, вызвать в Москву несколько рядовых крестьян — поговорить с ними «по душам» и узнать без прикрас думы и чаяния крестьянской массы.

Владимир Ильич обладал замечательным дарованием строить государство трудящихся из того материала и теми силами, какие есть, и подготавливать их своей бурной и неутомимой работой к разрешению все более и более трудных задач.

Он умер, сплотив рабочую и крестьянскую массу на жгучей ненависти к дворянству и буржуазии и на беззаветной любви к государству трудящихся — Республике Советов.

Он оставил своим последователям богатое наследство. Своей жизнью он показал невиданные примеры революционной активности, гениальности, предвидения и упорной систематической настойчивости в работе.

Великий строитель. М., 1924. С. 7—8

Л. Б. Каменев

КАК ПРОИЗОШЛА ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРВОГО В МИРЕ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Другие товарищи, вероятно, лучше меня расскажут вам о военной стороне переворота. Я же в нескольких словах расскажу о подготовительной политической работе, сопутствовавшей свержению Временного правительства и образованию рабоче-крестьянской власти.

Главная роль в этой работе принадлежала, конечно, тов. Ленину. Еще во время Демократического совещания тов. Ленин считал момент назревшим для перехода власти в руки Советов. Вынужденный жить в подполье, он требовал от ЦК партии решительных шагов для организации восстания и низвержения правительства Керенского. Еще более настойчивым сделалось его требование в течение ближайших к Демократическому совещанию недель. Решено было, наконец, собрать партийное совещание вместе с товарищами из Москвы для решения вопросов о восстании. Таких совещаний

было два: одно у тов. Калинина в Лесном, а другое на квартире, предоставленной тов. Сухановой. На оба собрания Ленин принужден был приходить еще загримированным, в парике, чтобы не попасться шпионам Керенского. На обоих собраниях было по 15—20 человек. Все присутствовавшие были затем главнейшими деятелями Октябрьского переворота. Все это были члены ЦК партии и ближайшие активные работники, ставшие к тому времени во главе Петроградского и Московского Советов. На этих собраниях точка зрения Ленина о необходимости дать решительное сражение правительству Керенского окончательно победила. Там же была выбрана пятерка, которой было поручено политическое руководство начавшейся борьбой. В эту пятерку вошли: Ленин, Троцкий, Сталин, Дзержинский и я. Сопровождения пятерки происходили на разных квартирах рабочих на Выборгской стороне. В Смольном в это время уже действовал и руководил операциями Военно-революционный комитет, вокруг которого тов. Троцкий сгруппировал силы Петроградского гарнизона и в руках которого находилось все руководство боевой подготовкой. Только в ночь с 23 на 24 октября события приняли столь решительный характер, что оказалось необходимым и возможным сконцентрировать всю деятельность по организации революции в самом Смольном. В эту ночь тов. Ленин впервые появился в Смольном, но об этом знал только узкий круг членов Военно-революционного комитета и ЦК партии.

Чтобы охарактеризовать степень напряженности нашей работы, укажу на такой факт: в одну из ночей остались дежурить в Смольном Троцкий, я и, кажется, Свердлов или Урицкий: оба они были самыми активными членами Военно-революционного комитета. Это была та ночь, когда из Петергофа и Ораниенбаума должны были двинуться юнкера, вызванные Керенским. Троцкий не отходил от телефона, отдавая распоряжения нашим комиссарам на железных дорогах. Мы все сидели за столом. Вдруг мы видим, что Троцкий бледнеет, задыхается и падает со стула на пол. Когда мы привели его в чувство, оказалось, что этот упадок сил объясняется тем, что вторые сутки не имел времени ничего перекусить.

В тот день, когда должен был открыться съезд Советов, на улицах уже происходили отдельные стычки наших революционных войск с защитниками Керенского. Для нас было совершенно ясно, что не только рабочее население Петрограда, но и весь Петроградский гарнизон стоит за нами. Выяснилось также, что за нас стоит подавляющее большинство съехавшихся делегатов Советов. Надо было приступить к практической организации новой власти.

В то время как Военно-революционный комитет, под руководством товарищей Свердлова, Урицкого, Иоффе, Дзержинского и др., заседавших в третьем этаже Смольного, руководил захватом всех боевых пунктов, рассылая воинские части, комиссаров и т. д., а товарищи Антонов, Подвойский и Чудновский подготавливали взятие Зимнего дворца, — в нижнем этаже Смольного, в маленькой 36 комнате, под председательством Ленина, вырабатывался первый список народных комиссаров, который я на следующий день огласил

на съезде. Помню, как тов. Ленин предложил назвать новую власть Рабоче-крестьянским правительством. Тут же были прочтены и рассмотрены написанные лично Лениным декреты о земле и мире. Эти декреты были приняты почти без прений и без поправок; было решено отменить старое название министров и заменить их званием народных комиссаров, а правительство, помнится, по моему предложению было названо «Советом Народных Комиссаров». На этом же совещании произошла первая попытка соглашения с левыми эсерами. Они прислали к нам делегацию в составе Камкова, Карелина и, кажется, Колегаева с вопросом, что мы собираемся делать. Мы им сказали, что для нас вопрос решен, что мы передаем власть съезду Советов и готовы составить правительство из членов нашей партии, но что мы готовы предоставить им несколько мест в правительстве, если они безоговорочно пойдут за нами. Они отказались, ссылаясь на то, что это вызовет раскол в партии эсеров, которую они надеялись всю целиком повести под лозунгом «Власть Советам». Господа Авксентьевы и Черновы очень скоро опровергли это наивное заблуждение. После этих переговоров мы отправились открывать съезд. Председательство на съезде было поручено мне. Съезд открывался в тот момент, когда вокруг Зимнего дворца шла борьба. Потребовалось несколько минут на то, чтобы прочесть заявление правых эсеров и меньшевиков об их уходе со съезда, и затем слово было предоставлено тов. Ленину, который огласил декреты о мире и земле, принятые почти единогласно.

Власть перешла в руки Советов. Первое в мире правительство рабочих и крестьян вступило в жизнь. Пролетарская революция победила.

*Первый народный календарь на 1919 г.
Союза коммун Северной области.
Пг., 1919. С. 81—83*

Ф. Ф. Раскольников

ОКТАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Во время лекции в цирке «Модерн» 20 октября я сильно простудился и слег в постель. «Поздравляю, революция началась! Зимний дворец взят, и весь Петроград в наших руках», — возвестил меня утром 26 октября один из товарищей, входя в мою комнату. Я тотчас вскочил на ноги, мысленно послал к черту лечение и с чувством физического недомогания, с повышенной температурой, устремился в Смольный. Главный штаб пролетарской революции был многолюден, как никогда. Несмотря на упоение первыми победами, все участники Октябрьского переворота живо чувствовали, что революция еще только начинается и предстоит тяжелая борьба. Керенский бежал на фронт — ясно, что он не успокоится и постарается мобилизовать полки, оторванные от бурного кипения всей остальной ре-

волюционной России. Наконец, можно было ожидать белогвардейской попытки восстания изнутри. Поэтому всем революционерам, способным владеть оружием, приходилось готовить патроны. Этими боевыми приготовлениями больше всего и были озабочены толпы рабочих и солдатских представителей, наводнявших Смольный. Весь Смольный был превращен в боевой лагерь. Снаружи, у колоннады — пушки, стоящие на позициях. Возле них — пулеметы. Пулемет внутри, с дулом, направленным в проходную дверь. Почти на каждой площадке — все те же «максимы», похожие на игрушечные пушки. И по всем коридорам — не тот ищущий, надоедливый, плетущийся шаг просителей, к которому привыкли стены Смольного, а быстрая, громкая, веселая поступь солдат и рабочих, матросов и агитаторов. Волны революционного прилива вливались в широкое устье подъезда, дробились по этажам, разбегались направо и налево по огромным прямым коридорам, рассчитывались по сотням комнат, чтобы, соединившись с кем-то нужным по телефону, найдя искомую справку, получив инструкцию, связавшись с соседним революционно-боевым участком, опять вернуться в общее русло и, помахивая невысохшим, на лету подписанным мандатом, хлопнув ни на минуту не закрывающейся дверью, перескочив через три ступеньки мраморного крыльца, броситься на верховую лошадь, на подножку перегруженного грузового автомобиля или в бархатное комфортабельное купе закрытого «фиата», готового нести своих случайных, в трепанные шинели и кожаные куртки одетых пассажиров по покрытым жидкою грязью улицам Питера во все концы пролетарской столицы.

По этим же длинным коридорам едва слышно уже стелились неясные слухи о приближении к Питеру верных Временному правительству войск. В городе обывательская молва уже творила чудовищные легенды о близкой и неминуемой гибели новой власти, и эти фантастические слухи, молниеносно разносившиеся по всему городу, опьяняли надеждой всю контрреволюцию, и в первую очередь белогвардейски настроенных юнкеров. Контрреволюционная молодежь военно-учебных заведений и два казачьих полка, квартировавших в Питере, сосредоточивали на себе самое пристальное внимание как огнеопасные, самовоспламеняющиеся реторты внутреннего мятежа.

По лестнице, красневшей нашими плакатами и лозунгами, я поднялся в верхний этаж и, повернув по коридору направо, в одной из боковых комнат нашел товарища В. А. Антонова-Овсеевко. Он сидел, низко склонившись над столом, водя близорукими глазами почти вплотную по бумаге, и что-то беголо писал. Густые и длинные, с легкой проседью волосы свешивались ему на лоб, иногда нависали на глаза, и он часто отбрасывал их назад быстрым, нетерпеливым жестом руки. Окончив свою краткую записку — один из бесчисленных приказов, которые ему пришлось собственноручно написать и подписать в эти исторические дни, — он порывисто вскочил и сам побежал ее передавать кому-то для отправки. На ходу поправляя очки, он поздоровался со мною. Его утомленные глаза говорили о

нервной напряженности работы и выдавали нечеловеческую усталость от бессонных ночей.

— А, здравствуйте, хорошо, что вы пришли, а то я уже начинал думать...— и, не договорив шутливой фразы, он потушил улыбку в кончиках книзу опущенных усов.

Неожиданно вошел тов. Ленин. Он был без усов и без бороды, сбритых во время нелегального положения, что, впрочем, не мешало его узнать с первого взгляда. Он был в хорошем настроении, но казался еще более серьезным и сосредоточенным, чем всегда. Коротко переговорив с тов. Антоновым, Владимир Ильич вышел из комнаты.

Вошел запыхавшийся и раскрасневшийся от мороза Бонч-Бруевич.

— В воздухе пахнет погромами. У меня на них особое чутье: сейчас на улицах определенно пахнет погромами. Надо принять необходимые меры, разослать патрули.

Вернулся Ильич. Спросил на лету, как бы между прочим:

— Какие меры вы приняли бы по отношению к буржуазной печати?

Этот вопрос застал меня врасплох. Тем не менее, быстро собравшись с мыслями, я ответил в духе одной из статей Владимира Ильича, как раз незадолго прочитанной в «Крестах», что, по-моему, прежде всего следует подсчитать запасы бумаги и затем распределить их между органами разных направлений, пропорционально количеству их сторонников; тогда я не учел, что это была мера, предлагавшаяся во время режима Керенского, и теперь, после революции, уже устаревшая. Ленин ничего не возразил и снова ушел.

В это время откуда-то получилось известие о наступлении на Питер самокатчиков. Военно-революционный комитет командировал меня встретить их отряд, разъяснить положение и призвать его к соединению с восставшими рабочими и солдатами Питера. Предполагалась торжественная встреча, чтобы сердечным товарищеским приемом расположить их в нашу пользу. В соседней комнате, где уже обосновалась канцелярия, был от руки написан на бланке Военного отдела Исполкома Петросовета следующий мандат: «Военно-Революционный Комитет делегирует тов. Раскольникову для встречи войск, прибывающих с фронта, на Варшавский вокзал и назначает его комиссаром прибывающих войск». Мандат подписал тов. Н. Подвойский.

Я направился на Варшавский вокзал и в пассажирском поезде скоро добрался до Гатчины. Здесь никаких самокатчиков не было. Тогда в поисках этих таинственных самокатчиков я пошел на Гатчинский вокзал Балтийской железной дороги. Подходя к вокзалу, я заметил пару круживших в небе аэропланов Гатчинской авиашколы. Но на путях было пусто. У железнодорожного сторожа я осторожно позондировал почву насчет проходивших эшелонов. Он спокойно ответил, что никаких воинских поездов в сторону Петрограда не проходило. На товарной и пассажирской станциях тоже

никто не имел никакого понятия о движении войск. Вся Гатчина произвела на меня впечатление более чем мирного — просто сонного городка. Тревога оказалась ложной. Прождав около часу, я на первом попутном поезде уже в сумерки вернулся в Питер. Сделав отчет о результатах поездки, я поспешил в большой Актовый зал на заседание съезда Советов. В зале ярко горели все люстры и боковые огни. И первое, что бросилось в глаза, это специфически-народный, рабоче-крестьянский состав съезда.

В то время как на заседаниях меньшевистско-эсеровского Совета и на первом съезде Советов «выпирала» интеллигенция, блестящие погоны офицеров и военных врачей, раздавались иностранные слова и парламентские обороты, здесь была разнообразная черносерая масса рабочих пальто и пестревших защитными пятнами солдатских шинелей. Я никогда не видел более демократического собрания.

В перерыве, прогуливаясь с Семеном Рошалем по одному из бесконечных коридоров, я заметил, что он обменялся поклоном с товарищем, носившим черные усы и небольшую остроконечную бороду.

— Кто это? — невольно спросил я, первый раз видя товарища, которому любезно поклонился Рошаль.

— Как, ты не узнаешь? Да ведь это товарищ Зиновьев.

Я был поражен необычайным изменением наружности тов. Зиновьева. В то время как бритая внешность Ленина все же с первого взгляда обнаруживала его знакомые черты, Зиновьев был буквально неузнаваем. Встретясь с ним в таком виде на улице, я бы ни за что не узнал его.

Когда мы с Семеном вышли из Смольного во двор, разыскивая там свой автомобиль, к нам быстро подошел тов. Володарский и, взяв нас под руки, взволнованно сказал: «У меня к вам дело, — пойдемте». Он подвел нас к закрытому автомобилю, в котором уже сидел тов. Шатов, анархо-синдикалист, с первого дня революции дружно работавший с нами. Мы все сели в автомобиль и поехали в казармы Егерского полка. В пути Володарский рассказал, что Егерскому полку необходимо немедленно выступить в поход на Царскосельский фронт, и нам следует его «раскачать».

В казармах мы разыскали дежурного и предложили ему срочно разбудить членов полкового комитета и ротных представителей. В связи с нашей победой в Питере положение было таково, что, независимо от политических симпатий ночного дежурного, он не мог отказать от такого поручения. Часы показывали два ночи. Но, несмотря на позднее время, быстро собралось около 50 товарищей. Перед этой небольшой аудиторией первым выступил тов. Володарский. Он произнес одну из своих самых блестящих и талантливых речей. Это необычайно подняло настроение солдатских делегатов и создало благоприятную для последующих ораторов атмосферу. Тов. Володарский обрисовал политическую обстановку, отметил критическое положение революционных завоеваний, ознакомил товарищей с первыми декретами Советской власти, разъяснил их колоссальное значение для рабочих и крестьян и в заключе-

ние призвал славный Егерский полк к защите революции. После тов. Володарского также с большим воодушевлением говорил тов. Шатов. Наконец собрание закрылось выступлениями Рошаля и моим.

Присутствовавшие на собрании товарищи, увлеченные искренним чувством ораторов, разошлись по ротам, поклявшись немедленно вывести полк на аванпосты революции. И они сдержали свое слово. Ранним утром полк, действительно, выступил на фронт.

27 октября я явился в штаб Петроградского военного округа. Здесь главная работа сосредоточивалась в руках Чудновского. С рукой на перевязи от полученной на фронте раны, нервный, необычайно подвижный, он ни одной минуты не оставался в покое. Едва подписав какую-нибудь бумагу, он спешил к телефону или бросался к ожидавшим его посетителям. Чудновский был героем революции, рыцарем без страха и упрека. Чудновский, не переставая быть вдумчивым и осторожным работником партии, никогда не терял свою трезвость и уравновешенность политического бойца, он вместе с тем горел каким-то романтическим чувством. Всю жизнь я буду помнить лицо Чудновского, бледное от непрестанного внутреннего сгорания, с капельками пота на высоком лбу, еще не успевшем остыть от творческого жара, измученное и счастливое. Как известно, впоследствии, в 1918 году, тов. Г. И. Чудновский героически погиб на Южном фронте.

Утром 27-го мне нужно было узнать у тов. Чудновского положение на фронте, где, по слухам, Керенский формировал экспедиционный корпус для похода на Петроград. Но в штабе округа, как и в Смольном, точных сведений еще не было. Какой-то молодой офицер Измайловского полка уславливался с тов. Чудновским относительно своей поездки в Гатчину. Он командировался туда для выяснения военной обстановки и для организации гатчинской обороны. Ему предстояло немедленно выехать, автомобиль уже был приготовлен. Меня тоже тянуло на боевой фронт,— в Питере, как мне казалось, нечего было делать. Я вызвался поехать к измайловцам для организации политической работы. Кроме того, я рассчитывал, что в случае неустойчивости войск Керенского путем разъяснения действительного положения в Питере их удастся перетянуть на нашу сторону. Тов. Чудновский сочувственно отнесся к моему предложению.

Прежде всего мы заехали в Измайловский полк. В помещении полкового комитета, как сонные мухи, одиноко бродили гвардейские офицеры в состоянии полной растерянности.

Члены полкового комитета отсутствовали; создавалось впечатление, что его не существует вовсе. Впрочем, возможно, что так и было на самом деле: старые члены разбежались, большевики еще не были избраны. Измайловский полк имел репутацию одного из самых отсталых. Наспех закончив неотложные дела, мы с измайлов-

цем прямо из казармы отправились за Нарвскую заставу и мимо Путиловского завода поехали в Гатчину.

Странное впечатление производил мой спутник: по внешности, по кругозору он был типичный гвардейский поручик старорежимных времен, что, однако, не помешало ему с головой окунуться в революцию в жажде кипучей работы. Неизвестно, чем именно и с какой стороны захватило его движение. Вероятнее всего, дело решил простой случай. С таким же увлечением он мог бы работать и на стороне белогвардейцев. Но было что-то детски-наивное в этом служении пролетарской революции молодого, изящного офицера, который, едва сознавая смысл происходящих событий, до самозабвения работал против своего собственного класса. Такие славные оригиналы, выходящие из чуждого нам класса, встречались тогда редкими одиночками.

Возле Красного Села выбежавшие на дорогу солдаты знаками остановили автомобиль. Тов. Левенсон, «межрайонец»¹ — интеллигент, руководивший большевистским движением в Красном Селе, и в частности в 176-м запасном полку, где он служил вольноопределяющимся, подошел к нам и сообщил о занятии Гатчины войсками Временного правительства. В Красном Селе наших войск не было, если не считать местного 176-го запасного полка, целиком стоявшего на страже Октябрьской революции и в любой момент готового вступить в бой с бандами Керенского.

Кроме постоянных красносельских партийных, советских и полковых организаций, здесь не было никакого штаба, способного принять на себя руководство военными операциями в сколько-нибудь широком масштабе.

По совету тов. Левенсона мы направились в Царское Село, где всего естественнее было ожидать хотя бы подобия оперативного центра. Но там тоже еще не было никакой организации. В местном военном штабе одиноко сидел полковник Вальден, симпатичный пожилой офицер, отдававший по телефону свои, едва ли исполнявшиеся, приказания. Полученное на войне тяжелое ранение ноги позволяло ему передвигаться, только опираясь на палку. Тов. Вальден был одним из первых военспецов, честно послуживших Советской власти. Его имя не пользовалось широкой известностью ни до, ни после Октябрьской революции. Но в самый тяжелый ее момент, когда нас преследовали временные неудачи, угрожавшие погубить все дело, этот скромный военный работник самоотверженно и бескорыстно пришел нам на помощь своими военными знаниями и всем боевым опытом штаб-офицера.

Но в тот момент мы застали тов. Вальдена одного: вокруг него не было абсолютно никакой организации. Оставив ему в помощь измайловского офицера, я в автомобиле тов. Ульянцева вернулся

¹ «Межрайонцы» — члены социал-демократической группы, возникшей в Петербурге в 1913 г., пытались примирить большевиков с меньшевиками в «единой РСДРП». В первую мировую войну стояли на позиции центризма. После Февральской революции порвали с меньшевиками-оборонцами. На VI съезде РСДРП(б) приняты в партию большевиков. *Ред.*

для доклада в Питер. Тов. Ульянов, матрос-кронштадтец, старый каторжанин, был в Царском Селе по поручению военной организации и теперь возвращался в Питер. Мы ехали в темноте, в атмосфере пронизывающей серой слякоти, под частой сеткой скучного дождя. Противная погода и невеселые сведения, собранные в Красном и Царском Селах, не располагали к оптимизму, но мы оба не теряли уверенности в том, что таинственный завтрашний день даст победу русскому пролетариату. Тов. Ульянов, вообще большой энтузиаст, нисколько не сомневался в будущем, хотя от его внимания, конечно, не ускользали дефекты нашей организации. Трагична была дальнейшая судьба тов. Ульянцева. В 1919 году, когда в тылу буржуазно-националистического мусаватистского Азербайджана, на Мугани, образовалась Советская власть, Ульянов был одним из самых активных руководителей. Незадолго до падения Мугани Ульянов, командовавший красными войсками, доблестно погиб на поле сражения в борьбе за мировую революцию.

После получасовой езды наш автомобиль остановился у штаба военного округа. Несмотря на поздний час, все окна были ярко освещены. В одной из комнат этого обширного военно-чиновничьего дома происходило заседание активных работников «военки» под председательством тов. Н. И. Подвойского. Мы с Ульяновым сделали доклад о безрадостном положении на фронте. Тотчас были приняты решения о срочной отправке броневиков. Одновременно, ввиду недостаточности этой меры, было постановлено ускорить формирование рабочих отрядов и отправление на фронт рабочих полков.

Едва кончилось заседание, как я был вызван тов. Лениным.

Владимир Ильич сидел в большой комнате штаба округа, в конце длинного стола, который обычно покрывался зеленым или красным сукном, но сейчас зиял своей грубой деревянной наготой. Это придавало всей комнате нежилой, неуютный вид обиталища, только что брошенного своими хозяевами. Кроме Ленина, в этой пустой и унылой комнате находился Троцкий. На столе перед Ильичем лежала развернутая карта окрестностей Питера.

— Какие суда Балтийского флота вооружены крупнейшей артиллерией? — с места в карьер атаковал меня Владимир Ильич.

— Дредноуты типа «Петропавловск». Они имеют по двенадцать двенадцатидюймовых орудий в 52 калибра в башенных установках, не считая более мелкой артиллерии.

— Хорошо, — едва выслушав, нетерпеливо продолжал Ильич. — Если нам понадобится обстреливать окрестности Петрограда, куда можно поставить эти суда? Можно ли их ввести в устье Невы?

Я ответил, что ввиду глубокой осадки линейных кораблей и мелководья Морского канала провозка столь крупных судов в Неву невозможна, так как эта операция имеет шансы на успех лишь в исключительно редком случае весьма большой прибыли воды в Морском канале.

— Так каким же образом можно организовать оборону Петрограда судами Балтфлота? — спросил Ленин, пристально глядя на меня и настораживая свое внимание.

Я указал, что линейные корабли могут стать на якорь между Кронштадтом и устьем Морского канала примерно на траверзе Петергофа, где, помимо непосредственной защиты подступов к Ораниенбауму и Петергофу, они будут обладать значительным сектором обстрела в глубь побережья. Ленин не удовлетворился моим ответом и заставил меня показать на карте примерные границы секторов обстрела разнокалиберной артиллерии. Только после этого он несколько успокоился.

Вообще в этот день Владимир Ильич был в необычайно повышенном нервном состоянии. Занятие Гатчины белогвардейцами, видимо, произвело на него сильное впечатление и внушило ему опасения за судьбу пролетарской революции. В течение всей беседы тов. Троцкий не проронил ни слова.

— Позвоните по телефону в Кронштадт,— обратился ко мне тов. Ленин,— и сделайте распоряжение о срочном формировании еще одного отряда кронштадтцев. Необходимо мобилизовать всех до последнего человека. Положение революции в смертельной опасности. Если сейчас мы не проявим исключительной энергии, Керенский и его банды нас раздавят.

Я попытался вызвать Кронштадт, но ввиду позднего времени не мог дозвониться. Владимир Ильич предложил мне связаться с кронштадтскими товарищами по Юзу. Мы вошли в телеграфную комнату, где неугомонно жужжали прямые провода. Облокотившись на стол одного из бесчисленных аппаратов, стоял тов. Подвойский. Мы подошли к нему. Мысли невольно были устремлены на фронт, где сейчас решалась судьба революции. После известия о взятии Керенским Гатчины никаких существенных сообщений с боевого фронта не поступало. Падение Гатчины всеми переживалось тяжело. Однако все знали, что в ближайшие дни необходимы безграничное напряжение, колоссальная работа по организации стойкого вооруженного сопротивления, массовый уход на фронт всех боеспособных элементов Питера и окружающих его городов.

— Да, теперь положение таково, что либо они нас, либо мы их будем вешать,— сказал тов. Подвойский.

Никто ему не возражал.

Моя попытка связаться с Кронштадтом по прямому проводу также не увенчалась успехом.

— Ну, хорошо, вот что,— ответил мне Владимир Ильич, когда я доложил ему об этом,— поезжайте завтра утром в Кронштадт и сами сделайте на месте распоряжения о немедленном формировании сильного отряда с пулеметами и артиллерией. Помните, что время не терпит. Дорога каждая минута...

*Раскольников Ф. Ф.
Кронштадт и Питер в 1917 году.
М.; Л., 1925. С. 232—241*

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА О ЛЕНИНЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Мною получено наряду со многими другими товарищами, работавшими с товарищем Лениным, предложение от Госиздата дать свои воспоминания о тов. Ленине. Обдумав это предложение, я пришел к заключению, что лучше всего будет, если я пока ограничусь сообщением строго проверенных фактов, а воспоминания отложу на будущее время, так как очень опасаясь неизбежных ошибок памяти, которые возможно исправить лишь путем обмена воспоминаниями с товарищами и, до известной степени, качественной переработкой своих же воспоминаний, что требует более длительного времени. Воспоминания о таком гениальном человеке, как тов. Ленин, требуют особенно тщательной проверки всех фактов, той проверки, которой так часто учил тов. Ленин тех, кто с ним работал. Сообщаемый мною материал составляет поэтому лишь часть имеющихся у меня материалов, еще не обработанных. Я даю здесь: во-первых, одно крайне важное и характерное для тов. Ленина письмо, относящееся к 1920 г. и написанное им ко мне, как заместителю председателя Высшего совета народного хозяйства; во-вторых, несколько записок тов. Ленина относительно концессий и относительно рабочих, желавших переселиться из Германии в Советскую Россию; наконец, в-третьих, я даю выдержки из своего дневника. Страницы дневника я взял в том самом виде, как они записывались, зачастую наспех. Дневник велся не для опубликования, а исключительно для себя, поэтому со стороны литературной формы эти записи почти совсем не проработаны. Но я именно поэтому и не перерабатываю их, что считаю, что слова и выражения тов. Ленина, записанные сразу почти после их произнесения, являются наиболее ценными в этих записях. И несмотря на недостатки самого дневника, историческая точность выражений, замечаний, мнений тов. Ленина является лучшим достоинством их. Подлинник записок и письмо т. Ленина я передаю в Институт т. Ленина. Начну же с приведения страниц из своего дневника.

1917—1918 ГОДЫ

- 1. Первый состав Совета Народных Комиссаров.
(Настоящие страницы были опубликованы
несколько лет тому назад в «Известиях».)*

24 октября часов в 12 ночи или же позднее, так как в бурные дни Октябрьского переворота время в счет не шло, многие из нас не спали в течение нескольких суток. Центральный Комитет партии большевиков заседал в комнате № 36 в первом этаже Смольного. Посреди комнаты стол, вокруг несколько стульев, на полу сброшено

чье-то пальто... В углу прямо на полу лежит тов. Берзин, Ян Берзин, в то время член ЦК. Ему нездоровится. В комнате исключительно члены ЦК, т. е. Ленин, Троцкий, Сталин, Смилга, Каменев, Зиновьев и я, остальные разошлись по домам. Время от времени стук в дверь: поступают сообщения о ходе событий; вопрос еще не решен — на нашей ли стороне победа или нет, но соотношение сил вполне определилось — перевес на нашей стороне. Но как сложатся события? Что может произойти, какие ждут отдельные случайности, этого никто не знает. Настроение у всех какое-то «обычное», делаем дело, как нужно делать. Дело интересное и нужное. Все несколько утомлены бессонными ночами, но напряжение нервов, важность совершающегося — все это делает незаметным утомленность, наоборот, веселые разговоры прерываются разными шутливыми замечаниями.

Идет обсуждение дальнейших планов действий. В один из перерывов я предложил составить список будущего правительства. Взял карандаш и клочок бумаги и сел за стол. Предложение некоторым показалось настолько преждевременным, что они отнеслись к нему как к шутке. Но в конце концов все приняли участие. И вот тут возник вопрос, как назвать новое правительство, его членов? «Временное Правительство» всем казалось затасканным, и потом самое слово «временное» отнюдь не отвечало нашим видам. Все, конечно, на свете временно, но мы не хотели придавать новому правительству такого специфического значения, как это делали сначала Львов с компанией и затем Керенский с его друзьями. Название членов правительства «министрами» еще более отдавало бюрократической затхлостью. И вот тут Троцкий нашел то слово, на котором сразу все сошлись — «народный комиссар». «Да, это хорошо, — сейчас же подхватил тов. Ленин, — это пахнет революцией». — «А правительство назвать Совет Народных Комиссаров», — подхватил Каменев. Мною было записано «Совет Народных Комиссаров», и затем приступили к поименному списку.

Так в комнате № 36 Смольного родилось новое рабочее правительство и новое название.

2. 18 июля 1918 года

Был вчера вечером в Совете Народных Комиссаров. На нас, т. е. на ВСНХ, опять нападали. ВСНХ хотят бюрократизировать, из Совета превратить в комиссариат. Избрали комиссию из Смирнова и Бронского. Президиум ВСНХ отказался принять участие в этой комиссии и в производстве над собой харакири. Совнарком вынес выговор президиуму. Ильич даже заявил, что «стоило бы президиум на недельку посадить под арест на хлеб, на воду, но по слабости нашей ограничимся выговором...» — что на воду и даже в воду можно посадить, это верно, но чтобы на хлеб — это утопия и даже Наркомпрод не позволит такой роскоши.

18 июля. 3 часа ночи

Поздно возвратился из Совнаркома. Во время обсуждения проекта о здравоохранении, во время доклада тов. Семашко вошел Свердлов и сел на свое место на стул позади Ильича. Семашко кончил. Свердлов подошел, наклонился к Ильичу и что-то сказал.

— Товарищи, Свердлов просит слово для сообщения.

— Я должен сказать,— начал Свердлов обычным своим ровным тоном,— получено сообщение, что в Екатеринбурге по постановлению областного Совета расстрелян Николай; Александра Федоровна и сын в надежных руках. Николай хотел бежать. Чехословаки подступали. Президиум ЦИКа постановил одобрить.

Молчание всех.

— Перейдем теперь к постатейному чтению проекта,— предложил Ильич.

Началось постатейное чтение, затем обсуждался проект по статистике. Кончилось заседание в 2 часа ночи.

6 августа 1918 года

Англичане в Архангельске. В Совнаркоме обсуждались реализация урожая и увеличение твердых цен. Инициатива Ильича «Нейтрализация крестьянина», но ясно, что цены на хлеб надо поднять, так как они действительно отстали от других цен.

Утром мы: я, Ломов, Гуковский, Рыков обсуждали проект финансового соглашения. Окончательная редакция Гуковского и моя. Во время обсуждения твердых цен Ильич сказал:

— «Сейчас поворотный пункт революции, мы все должны подчинить интересам гражданской войны. Крестьянин получил землю, и ему нет ни до чего дела. Мы должны смягчить отношения с крестьянством, пойти на компромисс», предложил повысить твердую цену в 4 раза. Я предложил установить данную цену на хлеб в 18 руб. пуд, повысить цену на мануфактуру, обувь, кожу и заработную плату чернорабочим до 400 руб. в месяц.

31 августа 1918 года.

Пятница, 2 часа ночи

Сегодня были обычные по всему городу митинги. Выступал. Тема: «Две диктатуры — буржуазии и пролетариата»¹. Приехал часов в 10 вечера. В 11 позвонила из «Метрополя» Феодосья Ильинична (Драбкина)!

— Приготовьтесь услышать тяжелую весть: Ленин ранен. Подробностей не знаю!

¹ 30 августа 1918 г. в Москве состоялись митинги на тему «Две власти (диктатура пролетариата и диктатура буржуазии)». *Ред.*

Немедленно позвонил в Совнарком, подошел Каменев и рассказал следующее:

«Ильич выступал на митинге на заводе Михельсона. После речи его окружили рабочие и стали расспрашивать о твердых ценах. В это время сзади раздался выстрел, стреляли две женщины; две пули попали в шею; артерия не задета, есть 50% шансов на выздоровление. Женщины арестованы, но отказываются от показания!

Говорил по телефону с Соловьевым, говорит, что вся рабочая Москва поднята на ноги. Оказывается, МК запретил сегодня Ленину выступать, но он все-таки поехал. Сегодня же пришло известие в Москву, что в Петрограде убит Урицкий. По-видимому, начинается полоса террора. Вряд ли террор изменит положение и соотношение сил. Даже смерть Ленина, несмотря на ту колоссальную роль, которую он играет, лишь временно внесет замешательство.

1919 ГОД

5 августа

Был в Совнаркоме. Перед окончанием заседания в час ночи, после утомительных дебатов о советских хозяйствах Ильич прочел только что полученное радио: «С Советской Венгрией кончено. В Будапешт вошли румынские войска!» Предательство соглашателей, свержение коммунистов дало свои плоды. Воображаю, как смакуют империалисты. Но не рано ли? Этот урок показателен для всего мира. Он послужит толчком для западноевропейского пролетариата. Он послужит наглядным уроком для тех, кто надеется на половинчатые меры. Он послужит уроком для социал-соглашателей, если они только захотят хоть чему-нибудь научиться. Сегодня вечером до заседания говорил с Лениным о положении в Венгрии. Он сказал:

— Да, по-видимому, сразу Советская страна не может установиться: керенщина должна быть переходным моментом.— Затем добавил: — Какое счастье для нас, что 25 октября меньшевики и эсеры отказались и ушли!

А жаль Советскую Венгрию. Опять мы, как советская республика, одиноки в мире. Надолго ли?..

1920 ГОД

22 апреля. Юбилей Ленина. Ему 50 лет. В 8 часов было обычное заседание Совнаркома, на котором по обыкновению председательствовал Ленин. Обсуждался вопрос о переселении к нам германцев¹. Между прочим, Владимир Ильич стал нападать на советские хозяй-

¹ Заседание Совнаркома состоялось 23 апреля 1920 г. Наряду с другими вопросами на СНК обсуждался проект постановления о предоставлении Наркомзему права заключать договоры с «Объединенной организацией германских союзов по эмиграции в Советскую Россию». *Ред.*

ства, так как в них царит бесхозяйственность, непорядок, ничтожная производительность.

— Необходимо принять строгие меры,— сказал он,— надо сажать управляющих.

Середа стал доказывать, что виновата «власть на местах».

— Вся власть на местах — это был лозунг 2 года тому назад,— заметил Ильич,— теперь это реакционный лозунг.

Между прочим, относительно переселения немецких рабочих в Советскую Россию. Вследствие того что переговоры с ними крайне затянулись, я получил от Владимира Ильича следующую записку:

«Нельзя терпеть этой неопределенности *ни одного дня*. Если кто протестует, *тогда в СНК* вносите (иначе Вы виноваты будете).

Взята ли с делегатов-немцев *расписка*, что им нами объявлено, что мы *не гарантируем* продовольствия, одежды и жилищ лучше остальных и *рядовых рабочих России*».

На это я ответил запиской же Владимиру Ильичу: «Чтобы не было волокиты, надо на Чичерина давление оказать, он мне сказал, что Дзержинский будто бы подал заявление в ЦК. Я могу *сегодня* же переговорить с Чичериным. Взята ли «расписка»? — С ними заключен договор, я могу текст его завтра Вам доставить».

Ответ Владимира Ильича: «1) С Чичериным *обязательно* переговорите. 2) Надо Вам проверить, взята ли расписка (взять обязательно или вставить *все ее содержание* в договор)»¹.

В заключение я приведу текст письма тов. Ленина ко мне, относящегося к 1 февраля 1920 года:

«Тов. Милютину (ввиду болезни тов. Рыкова). Кремль. Москва. 1 февраля 1920 года.

Положение с железнодорожным транспортом совсем катастрофично. *Хлеб перестал подвозиться*. Чтобы спастись, нужны меры действительно экстренные. На два месяца (февраль—март) такого рода меры надо провести (и соответственные еще другие меры подобного рода изыскать):

I. Наличный хлебный паек *уменьшить* для неработающих по транспорту; *увеличить* для работающих.

Пусть погибнут еще тысячи, но страна будет спасена.

II. Три четверти ответственных работников из всех ведомств, кроме Комиссариата продовольствия и Военного, взять на два эти месяца на железнодорожный транспорт и ремонт. Соответственно закрыть (или в 10 раз уменьшить) на два месяца работу других комиссариатов.

III. В 30—50-верстной полосе по обе стороны *железнодорожных линий ввести военное положение* для трудовой мобилизации на чистку путей и *в волости этого района* перевести три четверти ответственных работников из вол- и у-исполкомов *все й* соответствующей губернии.

Председатель Совета Обороны. В. Ульянов (Ленин)»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 185, 423.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 81; Декреты Советской власти. М., 1975. Т. 7. С. 165—166.

К этому письму вряд ли нужны хоть какие-либо комментарии. В них весь Владимир Ильич с его решительностью, энергией, напором по решению трудной задачи.

Прожектор. 1924. № 4. С. 8—13

Ю. М. Стеклов

В ЭТОТ ДЕНЬ

КЛОЧКИ ВОСПОМИНАНИЙ

I

25 октября утром я сел (вернее, стал) в трамвай, отправляясь в Смольный, где в этот день должен был открыться Второй съезд Советов. Публика сидела, молча и хмуро уткнувшись в газеты. В городе было беспокойно, ибо с минуты на минуту ожидалось столкновение большевиков с силами Временного правительства, а напуганному желтой прессой воображению обывателей это выступление представлялось в виде какого-то всеобщего погрома.

Вдруг стоявший передо мной человек обернулся, и я узнал в нем тов. А. А. Иоффе, тогда члена ЦК, а позже посла в Берлине. Здороваясь со мною, он сказал:

— Ну, поздравляю, Временное правительство низвергнуто сегодня ночью.

Он произнес эти слова тихим голосом. Расслышали ли их соседи или нет, но никакой реакции на них не последовало. Публика в вагоне была серая, мещанская. Вдобавок в тот момент все держались настороже. Положение было слишком неопределенное, и обывательская масса не знала, кто завтра очутится хозяином положения. Что выступление Военно-революционного комитета против Керенского или Керенского против Комитета неминуемо в близком будущем, знали все, но что оно началось уже минувшей ночью, большинству петроградцев было неизвестно.

В Смольном все кипело. Делегаты на съезд в большинстве съехались, и в разных комнатах происходили заседания фракций. Наиболее многочисленной была фракция большевиков. Комната, где она заседала, была переполнена; там было несколько сот человек. Несмотря на шум, царил порядок и шло более или менее планомерное обсуждение вопросов. Сразу выяснилось, что у делегатов сомнений нет: все приехали для того, чтобы провозгласить власть Советов. Тут же выбрана была тройка (кроме себя, помню Ларина и, кажется, Аванесова) для сношений с ЦК.

Днем, во время заседания Петроградского Совета, на трибуне появился невысокого роста, бритый, рыжеватый человек, похожий на пожилого финна. Когда председательствующий Троцкий заявил, что слово предоставляется тов. Ленину, зал всколыхнулся и за-

дрожал от рукоплесканий. Вождь революции вышел из подполья, чтобы повести в бой свои батальоны. Я смотрел на давно знакомого Ленина и с трудом узнавал его. Внешне он тоже сильно изменился. Но так казалось только в первый момент. Странно было, конечно, видеть его без усов и бородки, которую он, впрочем, в последнее время не носил. Но голос, слегка картавящий и звучащий внутренним сдержанным смешком, можно было узнать среди ста, среди тысячи. А далее привычные жесты, поглаживание лысины обеими ладонями, закладывание рук в карманы во время речи и другие ленинские ухватки сразу показывали, кто перед вами стоит.

Ленин говорил о Советской власти, ее программе и ближайших задачах. Это было введением к съезду Советов, который должен был открыться через пару часов и которого все ждали с нетерпением. Потому и Ленин на этот раз был краток. Суть его первого выступления сводилась к явлению вождя народу. Главное было впереди.

II

Съезд Советов открылся вечером в большом зале Смольного. На трибуну потянулась вереница ораторов от соглашательских фракций, один за другим заявлявших протест против Октябрьского переворота. Съезд слушал их с возрастающим нетерпением и негодованием. Иначе были встречены матросы с «Авроры», сообщившие об обстреле Зимнего дворца; им была устроена овация. Дезертиры революции уходили со съезда, напутствуемые нелестными кличками и соответствующими пожеланиями. Впрочем, их уход был малозаметен: слишком уж их было мало. От них отмахивались, как от досаждающих мух.

Решение подавляющего большинства съезда было принято заранее. Одни большевики составляли больше половины съезда, почти две трети. Вторая по численности фракция съезда, левые эсеры, тоже насчитывала около четверти делегатов. Злостная оппозиция, меньшевики и правые эсеры, не располагали и десятой частью голосов. Оппозиция! Давно ли они выступали от имени «революционной демократии», держали в своих руках ВЦИК, говорили от имени рабочих и солдат, а теперь! Более жалкое зрелище, чем кучка этих изменников революции, трудно себе представить. И не удивительно, что съезд действительных представителей пролетариата и революционного крестьянства, собравшихся для того, чтобы выразить и выполнить волю трудящихся масс, смотрел на этих господ с чувством негодования, смешанного с презрением.

Первое заседание съезда было несколько сумбурным с внешней стороны, но только с внешней. В глубине души у большинства делегатов царил глубокий внутренний мир. Все было решено и перерешено. В результате получилась твердая и спокойная решимость, которая могла вводить в заблуждение поверхностных и враждебных наблюдателей, показаться им нерешительностью, выжиданием, присматриванием. На деле было не так. Если кто и колебался, то левые эсеры, прихрамывавшие за Октябрьской революцией, но одним глаз-

ком заглядывавшие в сторону, надеясь на возможность составления правительства из всех «социалистических» партий, в том числе и соглашательских. Последние же, саботируя и бойкотируя советский съезд, тайком сговаривались с буржуазией и с минуты на минуту поджидали прихода Керенского с казаками и корниловскими частями, которые в случае удачи не только устроили бы кровавую баню большевикам, но свернули бы, «как куренкам», глупые головы и самим соглашателям.

Большевики же были тверды. Они знали, что трудящиеся массы ждут от них установления Советской власти, и решили не расходиться, пока таковая не будет провозглашена. Когда открывалось заседание съезда и пока на трибуне сменялись оппозиционные ораторы, надеявшиеся не то выиграть время, не то заговорить революцию жалкими словами, шла осада Зимнего дворца, где укрылись буржуазные министры. Фактически Советская власть в столице уже победила, но для полноты победы нужно было овладеть этим последним окопом контрреволюции и капитала. Позднею ночью получено было наконец известие, что Временное правительство препровождено в Петропавловскую крепость (кроме сбежавшего в американском автомобиле Керенского), и последнее препятствие было убрано с пути.

Теперь, при всеобщем энтузиазме, было зачитано и принято воззвание съезда к рабочим, солдатам и крестьянам. Громко, на всю страну прозвучали исторические слова: «Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки». Далее следовала программа переворота: мир, земля, хлеб, рабочий контроль, самоопределение народов, оборона революции. Увесисто падали эти внушающие слова в разгоряченную атмосферу съезда, и хотя стояла глубокая ночь, хотя все смертельно устало и от трудов истекшего дня, и от волнения, и от прежних усилий, но у всех сияли молодые глаза и пели переполненные надеждой сердца.

Расходились делегаты уже под утро. Над столицей брезжил рассвет, и нам казалось, что заря новой жизни занимается над всем миром, обманутым и окровавленным, но пробуждающимся к свободе и всеобщему братству трудящихся

III

Второе заседание съезда началось также вечером. Такие уж были тогда дни, что некогда было заседать. Если в первый день была принципиально провозглашена Советская власть, то теперь надлежало ее организовать и выступить от ее имени с основными декларациями. Общественное мнение пролетариата и всей трудовой страны чутко прислушивалось к тому, что скажет съезд, и нужно было внятно и вразумительно дать ответ на все проклятые вопросы, занимавшие тогда умы.

Съезд взял в руки власть, выпавшую, или, если угодно, вырван-

ную из рук буржуазии восстанием красной столицы. Но кому вверит он эту власть? Что она попадет в руки только представителей большевистской партии, это было понятно. Эта партия стояла во главе восставшего народа, она одна не боялась взять на себя ответственность власти, она одна пользовалась доверием большинства трудящихся. Но кто будут те лица, которые призваны будут к осуществлению выдвинутой революцией программы? Относительно главы будущего правительства, первого рабочего правительства, не могло быть сомнений. И когда названо было это имя, зал дрогнул и мощная непроизвольная овация, в которой выявлялся весь долго сдерживаемый энтузиазм, раскатилась по залу.

Все сознавали, что революция началась всерьез и надолго, настоящая революция, которая не оставит камня на камне от старого строя неправды и угнетения, которая открывает перед человечеством какие-то ослепительные перспективы, сулит ему истинно человеческую жизнь, то, что выражается словами «рай на земле».

Но прежде всего нужно покончить с кошмаром войны, который вот уж столько лет давит несчастное человечество и которая, в случае продолжения, угрожает пожрать и рабочую революцию. И вот выступает Ленин, оглашающий знаменитый Декрет о мире. Как много слилось в этом слове для рабочего, для крестьянина, для окопника! Какие надежды связаны у всех с восстановлением мира на окровавленной и загаженной земле! Зал слушает с напряженным вниманием.

В день 26 октября 1917 года, когда невысокий рыжеватый человек своим картающим голосом читал с трибуны Декрет о мире, провозглашающий право всех народов на полное самоопределение, так верилось в близкое торжество, в скорый конец безумных грабительских войн, в близкое освобождение человечества! Простые безыскусственные слова декрета так отвечали наболевшим сердцам и вместе с тем выражали такую неограниченную веру в торжество разума над обманом масс, что неудержимый порыв охватил весь съезд, который поднялся с мест и запел песнь пролетарского освобождения. Звуки «Интернационала» смешивались с приветственными криками и с громовым «ура»; в воздух летели шапки, лица раскраснелись, глаза горели. Общее воодушевление охватило и президиум, который присоединился к пению толпы. И можно пожалеть о том, что киносъемки в то время еще не применялись и что эта знаменательная минута не была увековечена на ленте.

Но мир был связан с другим вопросом — о земле. В умах крестьян и солдат оба эти вопроса стояли неразрывно. Вековая мечта пахаря должна была получить свое удовлетворение от рабочей революции. И одним из первых дел победившего пролетариата была безвозмездная передача крестьянам земли, к которой всегда алчно тянулись их взоры, за овладение которой они пролили столько крови и на которую они теперь могли наконец наложить свою руку. Вот когда положено было начало смычке города с деревней, вот когда нанесен был решительный удар буржуазной власти, у которой этим актом вырывалась почва из-под ног. Отныне реставрация ста-

новились невозможной, ибо она встречала против себя не только рабочий класс, но и многомиллионное крестьянство, которое для борьбы за землю выставило, несмотря на утомление империалистической войной, пять миллионов бойцов и выставит, если понадобится, новые миллионы, но раз полученной земли не отдаст никому.

Счастье огласить с трибуны съезда Декрет о земле снова выпало на долю Ленина. Неважно, что декрет не во всех частях разработан. Важно то, что с него в истории страны, более того, в истории всего человечества открылась новая полоса, что принципу частной собственности, развратившему мир и изуродовавшему людей, впервые нанесен был смертельный удар, что миллионы пахарей получили удовлетворение своих заветных надежд, что мировая революция приобрела таким путем бесчисленные когорты новых защитников, что к старому отныне не было возврата. И вот почему съезд с таким лихорадочным вниманием слушал эти опять-таки простые слова, вот отчего снова загорелись глаза и новая громкая овация покрыла слова докладчика.

Не знаю почему, но на меня лично Декрет о земле произвел более сильное впечатление, чем Декрет о мире. Немудреные слова и термины его меня очень волновали. Правда, одно впечатление трудно было отделить от другого. Все впечатления этого дня сливались воедино, создавая какой-то мощный ансамбль. Помню, как я столкнулся с одним социал-демократом, сочувствовавшим скорее меньшевикам, но в качестве скромного обывателя не проявлявшего особенно пылких чувств и не питавшего ненависти к большевикам. Он стоял в задних рядах и, слушая, скептически улыбался. В успех Октябрьской революции он, видимо, не верил. Но энтузиазм, господствовавший в зале, способен был заразить даже холодных людей. Когда я проходил мимо него, он с улыбочкой спросил: «Вы думаете, что из этого что-нибудь выйдет?» Момент был такой торжественный, что я не мог даже на него рассердиться: чувство симпатии к людям вытесняло тогда все остальные. В другое время я бы пришел в негодование. Но теперь я только ответил скептическому обывателю: «Если даже ничего и не выйдет, чего я не думаю, то и в таком случае мы присутствуем при величайших событиях. Неужели же вы не чувствуете, что сегодня здесь в этом тесном, закуренном зале начинается новая страница истории? И что бы нас ни ждало впереди, этой минуты мы никогда не забудем».

И сейчас, вспоминая об этих знаменательных днях Второго съезда, я испытываю глубокое волнение. Иных из тех, кто выступал тогда, уж нет (и в первую голову нет Ленина), иные далече, но я убежден, что всякий, кто переживал тогда Октябрьских дней прекрасное начало, не забудет их никогда. А теперь, через десять лет, он, кроме того, прибавит: «Много было тяжелого прожито с того времени, много трудностей предстоит нам еще впереди, но не напрасно боролись в Октябре: новая страница в летописи человечества все-таки вписана, и за нею последует еще немало других. Честь и слава Октябрю!» И он будет прав.

*Вечерняя Москва. 1927.
№ 254. 5 ноября*

П. Е. Дыбенко
ИЗ ГЛАВЫ
«ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ

Знакомый кабинет. На тех же местах стоят столы, кресла, всевозможные морские модели, эскизы. У входа тот же учтиво раскланивающийся швейцар. Это — подлинная живая история морского ведомства. Сколько на его веку сменилось министров, продефилировало всевозможных посетителей. Он служил при царе, при всех временных правительствах и достался даже большевикам. Только трудно ему понять, как все это быстро совершается и меняется. Пять месяцев назад он говорил делегации Центробалта ¹:

— Его превосходительство министр Керенский еще не прибыл. Зайдите через часок.

А теперь те же делегаты, но уже как хозяева заходят в тот самый кабинет, в котором еще в мае Александр Федорович недоверчиво морщился на Центробалт, — чуяло его сердце, что в Центробалте он найдет своего заклятого врага. Но тогда он, конечно, не думал, что ему придется не только покинуть морское министерство и председательское кресло, но даже и пределы России.

В наследство Керенский оставил в морском ведомстве «верных» людей. Они ни за что не хотели верить в окончательную победу большевиков и не собирались сдавать им постов. Вердеревский, которого так отстаивали матросы в июльские дни, теперь их не признавал, манкировал службой, не являлся. Прислал только собственноручную записку первому помощнику графу Капнисту: «Оставаясь верным своему долгу и Временному правительству и не считая возможным служить захватчикам власти — большевикам, временное исполнение обязанностей морского министра возлагаю на вас. Морской министр адмирал Вердеревский. Ноябрь 4 дня 1917 г.».

Граф Капнист, написав, со своей стороны, рапорт о непризнании большевистского правительства, передал министерство капитану первого ранга Кукелю, а Кукель — Игнатьеву. Игнатьев оказался беднее всех: он не нашел себе подходящего преемника и решил, оставаясь в чине морского министра Временного правительства, совместно с графом Капнистом и Кукелем отправиться в Петропавловку. Стоило ему за три минуты ношения чина министра знакомиться с Петропавловской крепостью, — ведь все равно работает с большевиками!.. Но эта бутафорская игра в министры сразу выявила, кто с нами, кто против нас.

Сторонников Керенского оказалось мало. Все служащие, без лишних вздохов и воспоминаний о минувших днях, взялись за работу. Даже известный черноморец лейтенант Вербов, для которого Керенский был кумиром, с легкой болью в груди согласился помо-

¹ Центробалт — Центральный комитет Балтийского флота. *Ред.*

гать большевикам. Особых потрясений морской комиссариат не переживал. Ему не пришлось, подобно другим комиссариатам, обращаться к наркомтруду, чтобы из биржи получить красных советских чиновников. Там, где недоставало бывших офицеров, работу выполняли матросы — те самые матросы, которых еще несколько дней назад считали «чернью»; теперь они великолепно налаживали государственный аппарат. Одна беда: всем им не по душе были кабинетная работа да груды бумаг.

Приходят с докладом, морщатся и все просят на фронт.

— Там я на своем месте буду и больше пользы принесу.

— А кого же мы посадим вместо вас? Не Вердеревского же, который и разговаривать не хочет с нами?

— Так-то оно так, но нельзя ли обратно во флот? А то с кораблей всех нас повыдернули — как бы оставшиеся меньшевики не завладели умами матросов. Вот ряд телеграмм от т. Измайлова, просит вернуться в Центробалт. Хотя он и изворотливый и работать может 24 часа, а видно — и ему трудно.

Но отпустить их нельзя. Разочарованно возвращаются они к своему столу, чтобы снова разбираться в бумагах.

Кончаются доклады, начинается заседание коллегии. Томительная работа, не знаешь, как от нее избавиться. Недаром раньше в министры назначали стариков; для них эта работа действительно по костям. В заседании коллегии бывший командующий Балтийским флотом адмирал Максимов докладывает о своих грандиознейших планах эксплуатации военной промышленности, использовании водопадов для добывания торфа и пр. Во время заседания Измайлов вызывает к аппарату. Требуется срочно. Экстренные дела... Ну и времена настали! Все срочно да экстренно, притом не то, что тебя просят, а прямо требуют. Живой ты или мертвый, а должен немедленно отвечать на сотни вопросов.

— У аппарата председатель Центробалта Измайлов. Я получил целый десяток нарядов для отправки матросских отрядов на фронт. На кораблях и так команды недостает, а, кроме того, выдергивание матросов ослабит флот и работу среди моряков. На кораблях мало остается активных работников.

— Товарищ Измайлов, все это верно. Но пока мы не победили и не уничтожили контрреволюцию, отправка моряков неизбежна. Там, где матросы, мы имеем успех. Наряды должны быть выполнены немедленно. Сообщите, как настроение во флоте. Возможно создание коалиционного правительства с включением меньшевиков и правых эсеров. Кажется, сегодня в Совете Народных Комиссаров будет обсуждаться этот вопрос.

— Настроение во флоте великолепное. Меньшевики и эсеры совершенно исчезли с нашего фронта и нашего кругозора. Ввод меньшевиков в правительство вызовет недовольство среди флота. Нужно от имени флота настаивать перед Советом Народных Комиссаров о недопущении создания коалиционного правительства. Сейчас же передам резолюцию, где моряки клеймят меньшевиков и эсеров изменниками.

— Хорошо, все будет принято во внимание.

Ну и времена!.. Власть на местах диктует центру, а не посчитавшись с ней — прямо кричат: «Что же, мы переворот делали для того, чтобы опять меньшевиков да Милюкова сажать?!»

Один за другим к Смольному подкатывают автомобили. Одиночные пассажиры торопливо выскакивают с толстыми портфелями под мышкой и на ходу показывают пропуск часовым; они спешат подняться на второй этаж. Сегодня важное заседание Совета Народных Комиссаров. При въезде в Смольный дежурят броневики и латышский полк. Охрана надежна, никаких «чужестранцев» не пропускают. Сегодня охрана о чем-то оживленно разговаривает, спорит между собой.

Ведь охрана раньше всех узнает о новостях. Спорят: можно ли допустить меньшевиков в правительство? Но прислушиваться и узнавать их заключение некогда. И так опоздал. Заседание уже началось, а тут еще не знаю, в какой комнате; вообще плохо знаю внутреннее расположение Смольного. Пропутаешься, и пока найдешь, где заседают, собрание может кончиться. Голос флота так и не будет принят во внимание.

Поднимаюсь на второй этаж. С трудом разыскиваю комнату заседания Совета Народных Комиссаров. Маленькая, плохо освещенная комнатка едва вмещает всех народных комиссаров. Луначарский, за ним Зиновьев и некоторые другие горячо, с раздражением доказывают невозможность удержать власть без меньшевиков, отстаивают необходимость создания коалиционного правительства.

— Гражданская война началась, льется народная кровь. Нужно сегодня же решить вопрос и начать переговоры с меньшевиками.

За столиком в стороне, опершись на руки, сидит Владимир Ильич, спокойный, с иронической улыбкой.

— Ну, дальше, дальше! Все? Вы испугались революции? Вы боитесь, что не удержите ее? Рабочий и солдат ее начал, он ее и удержит. А я предпочитаю остаться с двадцатью стойкими рабочими и матросами, чем с тысячей мягкотелых интеллигентов.

Ленин неожиданно покидает комнату. На минуту воцаряется тишина. Недоумение пробегает по лицам. Затем вновь быстро завязывается спор между отдельными товарищами. Выхожу вслед за Лениным сообщить ему лично настроение флота...

На второй день уже всем было известно, что точка зрения Владимира Ильича победила. Владимир Ильич со своей глубокой проницательностью и умением глядеть в будущее спас Октябрьскую революцию...

РАЗГОН УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Наступила суровая русская зима. Ее морозы не сломили упорства одних, не охладили пыла других. Гражданская война ширилась. Одну за другой одерживала Советская власть победы над орга-

низирующей белогвардейщиной. В период этой обостряющейся классовой схватки обывательский элемент еще беспечно посещал кинематографы и театры, плакался на дороговизну и ждал конца большевиков. Он оставался пассивен. Мелкобуржуазная демократия, чиновники, кооператоры, представители так называемых свободных профессий — интеллигенция саботажем боролись с Советской властью. Выбитые из колеи, совершенно потерявшие опору в массах, меньшевики и эсеры, обанкротившиеся политически, бесильные и жалкие, жили платоническим упованием на Учредительное собрание. Эти чудаки еще верили, что в пролетарском центре, в Петрограде, возможно существование и возрождение власти из суррогата трудовых масс, из всех живых (фактически мертвых) прослоек страны. Они ждали момента, когда их пророк займет трибуну и, томно вращая глазами, начнет произносить бесконечные слащавые речи. Они наивно верили в непогрешимость лозунга: «Вся власть Учредительному собранию».

Но не менее наивны были и некоторые большевики, которые не без боязни ожидали приближающегося момента, когда воссядут на свои депутатские кресла столь давно жданные представители Всероссийского Учредительного собрания. Тревога жила во многих сердцах. А день «суда над большевиками живых сил страны» все приближался. Наконец страна оповещена Советом Народных Комиссаров о дне созыва Учредительного собрания. Наивные кадеты, меньшевики, эсеры, представители буржуазной демократии через баррикады спешили на званный вечер. Им, очевидно, снился сладкий сон: покаявшиеся в своих заблуждениях и в пролитии гражданской крови большевики сойдут со сцены истории с опущенными головами и скажут: «Вы — законная власть всей Руси, ключи ее вручаем вам. Берите и правьте».

В эти дни снова раздался непримиримый голос флота: «Долой Учредительное собрание! Вся власть Советам! Мы завоевали ее — мы ее удержим».

Накануне открытия Учредилки прибывает в Петроград отряд моряков, спаянный и дисциплинированный. Как и в Октябрьские дни, флот пришел защитить Советскую власть. Защитить от кого? От демонстрантов-обывателей и мягкотелой интеллигенции. А может быть, вдохновители Учредилки выступают грудью на защиту обреченного на смерть детища?

Но на это они не оказались способными.

17 января. С раннего утра, пока обыватель еще мирно спал, на главных улицах Петрограда заняли свои посты верные часовые Советской власти — отряды моряков. Им дан был строгий приказ: следить за порядком в городе. Начальники отрядов — все боевые, испытанные еще в июле и октябре товарищи.

Железняк со своим отрядом торжественно выступает охранять Таврический дворец — Учредительное собрание. Моряк-анархист, он искренне возмущался еще на втором съезде Балтфлота, что его имя предложили выставить кандидатом в Учредительное собрание. Теперь, гордо выступая с отрядом, он с лукавой улыбкой заявляет:

«Почетное место займу». Да, он не ошибся. Он занял почетное место в истории.

В 3 часа дня, проверив с т. Мясниковым караулы, спешу в Таврический. Входы в него охраняются матросами. В коридоре Таврического встречаю Бонч-Бруевича.

— Ну как? Все спокойно в городе? Демонстрантов много? Куда направляются? Есть сведения, будто направляются прямо к Таврическому?

На лице его заметны нервность и некоторая растерянность.

— Только что объехал караулы. Все на местах. Никакие демонстранты не движутся к Таврическому, а если и двинутся, матросы не пропустят. Им строго приказано.

— Все это прекрасно, но говорят, будто вместе с демонстрантами выступили петроградские полки.

— Товарищ Бонч-Бруевич, все это — ерунда. Что теперь петроградские полки? Из них нет ни одного боеспособного. В город же втянуто 5 тысяч моряков.

Бонч-Бруевич, несколько успокоенный, уходит на совещание.

Около пяти часов Бонч-Бруевич снова подходит и растерянным, взволнованным голосом сообщает:

— Вы говорили, что в городе все спокойно; между тем сейчас получены сведения, что на углу Кирочной и Литейного проспекта движется демонстрация около 10 тысяч, вместе с солдатами. Направляются прямо к Таврическому. Какие приняты меры?

— На углу Литейного стоит отряд в 500 человек под командой товарища Ховрина. Демонстранты к Таврическому не проникнут.

— Все же поезжайте сейчас сами. Посмотрите всюду и немедленно сообщите. Товарищ Ленин беспокоится.

На автомобиле объезжаю караулы. К углу Литейного действительно подошла довольно внушительная демонстрация, требовала пропустить ее к Таврическому дворцу. Матросы не пропускали. Был момент, когда казалось, что демонстранты бросятся на матросский отряд. Было произведено несколько выстрелов в автомобиль. Взвод матросов дал залп в воздух. Толпа рассыпалась во все стороны. Но еще до позднего вечера отдельные незначительные группы демонстрировали по городу, пытаясь пробраться к Таврическому. Доступ был твердо прегражден.

После партийных совещаний открывается Учредительное собрание. Перед тем состоялись и партсовещание большевиков. Только несколько товарищей голосовали против открытия Учредительного собрания. Вся процедура открытия и выборов президиума Учредительного собрания носила шутовской, несерьезный характер. Осыпали друг друга остротами, заполняли пикировкой праздное время. Для общего смеха и увеселения окарауливающих матросов мною была послана в президиум Учредилки записка с предложением избрать Керенского и Корнилова секретарями. Чернов на это только руками развел и несколько умиленно заявил: «Ведь Корнилова и Керенского здесь нет».

Президиум выбран. Чернов в полуторачасовой речи излил все горести и обиды, нанесенные большевиками многострадальной демократии. Выступают и другие живые тени канувшего в вечность Временного правительства. Около часа ночи большевики покидают Учредительное собрание. Левые эсеры еще остаются.

В одной из отдаленных от зала заседания комнат Таврического дворца находятся тов. Ленин и несколько других товарищей. Относительно Учредительного собрания принято решение: на следующий день никого из членов Учредилки в Таврический дворец не пропускать и тем самым считать Учредительное собрание распущенным.

Около двух с половиною часов зал собрания покидают и левые эсеры. В этот момент ко мне подходит тов. Железняк и докладывает: — Матросы устали, хотят спать. Как быть?

Я отдал приказ разогнать Учредительное собрание, после того как из Таврического уйдут народные комиссары. Об этом приказе узнал тов. Ленин. Он обратился ко мне и потребовал его отмены.

— А вы дадите подписку, Владимир Ильич, что завтра не падет ни одна матросская голова на улицах Петрограда?

Тов. Ленин прибегает к содействию тов. Коллонтай, чтобы заставить меня отменить приказ. Вызываю Железняка. Ленин предлагает ему приказа не выполнять и накладывает на мой письменный приказ свою резолюцию: «Т. Железняку. Учредительное собрание не разгонять до окончания сегодняшнего заседания». На словах он добавляет: «Завтра с утра в Таврический никого не пропускать».

Железняк, обращаясь к Владимиру Ильичу, просит надпись «Железняку» заменить «приказанием Дыбенко». Владимир Ильич полушутливо отмахивается и тут же уезжает в автомобиле. Для охраны с Владимиром Ильичем едут два матроса.

За тов. Лениным покидают Таврический и остальные народные комиссары. При выходе встречаю Железняка.

Железняк:

— Что мне будет, если я не выполню приказание товарища Ленина?

— Учредилку разгоните, а завтра разберемся.

Железняк только этого и ждал. Без шума, спокойно и просто он подошел к председателю Учредилки Чернову, положил ему руку на плечо и заявил, что, ввиду того, что караул устал, он предлагает собранию разойтись по домам.

«Живые силы» страны без малейшего сопротивления быстро испарились.

Так закончил свое существование долгожданный Всероссийский парламент. Фактически он был разогнан не в день своего открытия, а 25 октября. Отряд моряков под командованием тов. Железняка только привел в исполнение приказ Октябрьской революции.

*Дыбенко П. Е. Из недр царского флота
к Великому Октябрю.
Из воспоминаний о революции.
1917. 7. XI 1927. М., 1928.
С. 193—196, 201—205*

ИЗ ОКТЯБРЬСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ

Всегда бывает очень страшно припоминать что-нибудь из бесед с Владимиром Ильичем не для себя лично, а для опубликования. Все-таки не обладаешь такой живой памятью, чтобы каждое слово, которому, может быть, в то время не придавал максимального значения, запечатлелось в мозгу, как врезанная в камень надпись, на десятки лет, а между тем ссылаться на то, что сказано великим умом, допуская возможность какого-нибудь искажения, очень жутко.

Однако мне хотелось бы в одиннадцатую годовщину Октября, роясь в воспоминаниях, которые кружатся вокруг этой яркой точки жизни каждого революционера-большевика, отыскать и по возможности уточнить то, что приходилось слышать в те гигантские дни от великого вождя.

Это было в день составления первого Совнаркома. Тов. Каменев, встретив меня в коридорах Смольного, сказал мне с радостной улыбкой, что ЦК партии, подбирая состав правительства, решил доверить мне Народный комиссариат по просвещению. Новость была волнующая, даже пугающая той громадной ответственностью, которая возлагалась на мои плечи.

Значительно позднее я совершенно случайно (все мы были в то время завалены всяческой работой), опять-таки в коридорах Смольного, встретил самого Владимира Ильича. Он с очень серьезным лицом поманил меня к себе и сказал: «Надо мне вам сказать два слова, Анатолий Васильевич. Ну, давать вам всякого рода инструкции по части ваших новых обязанностей я сейчас не имею времени, да и не могу сказать, чтобы у меня была какая-нибудь совершенно продуманная система мыслей относительно первых шагов революции в просвещенском деле. Ясно, что очень многое придется совсем перевернуть, перекроить, пустить по новым путям. Я думаю, вам обязательно нужно серьезно переговорить с Надеждой Константиновной. Она будет вам помогать. Она много думала над этими вопросами и, мне кажется, наметила правильную линию... Что касается высшей школы, то здесь должен большую помощь оказать Михаил Николаевич Покровский. Но со всеми реформами нужно быть, по-моему, очень осторожным. Дело крайне сложное. Ясно одно: всемерно надо позаботиться о расширении доступа в высшие учебные заведения широким массам, прежде всего пролетарской молодежи.

Большое значение я придаю библиотекам. Вы должны над этим делом поработать сами. Созовите библиотекovedов. В Америке делается очень много хорошего по этой части. Книга — огромная сила. Тяга к ней в результате революции очень увеличится. Надо обеспечить читателя и большими читальными залами, и подвижностью книги, которая должна сама доходить до читателя. Придется использовать для этого почту, устроить всякого рода формы

передвижек. На всю громаду нашего народа, в котором количество грамотных станет расти, у нас, вероятно, станет не хватать книг, и если не сделать книгу летучей и не увеличить во много раз ее обращение, то у нас будет книжный голод.

Я надеюсь, что в скором времени найду момент, чтобы с вами еще об этом поговорить и чтобы вас спросить о том, какие перед вами определяются планы работы и каких вы можете привлечь людей. Сейчас вы сами знаете, какое время, даже для самого важного дела можно найти, да и то с трудом, какой-нибудь десяток минут. Желаю успеха. Первая победа одержана, но если мы не одержим еще вслед за этим целого ряда побед, то худо будет. Борьба, конечно, не окончилась, а только еще находится в самом, самом начале».

Владимир Ильич крепко пожал мне руку и своей уверенной, быстрой походкой пошел в какой-то из многочисленных тогда кабинетов, где роились и строились новые мысли и новая воля только что родившегося пролетарского государства.

* *
*

Я передал первую мою беседу с Владимиром Ильичем о народном просвещении в форме прямой речи из его уст. Это не значит, повторяю, чтобы в моей памяти все это было отпечатано и что я передаю в точности подлинные слова Владимира Ильича. Нет, к великому моему сожалению, но я старался воссоздать эти слова с предельной для моей памяти точностью.

*Красная газета. 1928.
7 ноября. С. 5*

В. А. Антонов-Овсеев

ЗА РАБОТОЙ

(Набег Краснова)

— ...Ну, как у вас? Что нового?

Я подробно докладываю Ленину о положении на фронте. У Керенского сил немного. Казачья дивизия генерала Краснова. Пехоты незаметно. По слухам, ударники движутся через станцию Дно. С Юго-Западного фронта Керенским снята дивизия пехоты, но задержана в пути. На Северном фронте латыши и сибиряки разогнали соглашательские комитеты, обещают поддержку. Из Финляндии к нам прибыл сводный отряд моряков — тысячи полторы. Отборный народ. Выборжцы обещают отряд с артиллерией. Им удалось удержаться на месте, кубанскую казачью дивизию. Против Керенского уже действуют рабочая гвардия, моряки, у Пулкова — стрелки, остальные несут караулы, казаки-донцы 1, 4 и 14-го полков сидят в казармах под неусыпным наблюдением. Наш правый фланг вполне

прочен. Центр закреплен, Керенский угрожает Царскому Селу, Павловску, Пулкову. Угроза серьезна, ибо у нас слабо с артиллерией. У казаков артиллерия превосходна. Действует с ними также сильный бронепоезд. Путиловцы обещали изготовить бронеплощадку с зенитными орудиями, да что-то все их нет.

Ленин выражает нетерпение:

— А вы уверены, что выполняют?

— Они делают все, что могут, но не мешало бы подтолкнуть.

— Смотрите!

— Хотите лично убедиться, — предлагаю я, — можно съездить и подтолкнуть заодно.

Легко соглашается.

...Пронизывает до костей эта питерская предзимняя сырость. В открытом автомобиле Ильич почти совсем замерз, когда наконец мы подкатили к Путиловскому заводу. Завод освещен и гудит нутряным трудовым гулом. Пробираемся дворами в помещение фабрично-заводского комитета.

Вздохмаченные, вымаранные, усталые, но деловые фигуры. Как-то не удивились нашему появлению. Как-то мало задержались вниманием на личности глубокопочтимого рабочего вождя. «Товарищ Ленин»... И опять в дело с головою... Некогда... Толково разъясняют, что делается и в чем задержка. Да, за пару дней наворочено столько, сколько за две недели раньше не вырабатывали.

...Мы молчим дорогой, возвращаясь в Смольный. Ильич успокоен. Я думаю, думаю об этой силе, массовой, рабочей, солидарной. Свое они дело делают, кровное. Их подгоняет нутряная страсть, великое самосознание класса, вставшего на борьбу. С этой силой все выдержим. Да, выдержим! — хочется мне, ликуя, крикнуть.

У Нарвских ворот — заставы красногвардейцев. Всюду их патрули бдительные, неутомимые. В жалких пальтишках в чертову стужу, но бодрые и уверенные... Что же с этой силой смогут поделывать дикие казаки — последняя ставка Керенского! Но как она еще неуклюжа и грузна — эта силушка! Эти доморощенные батареи, передвигаемые вручную. Этот бронепоезд путиловцев, насквозь пробиваемый пулями, но до краев насыщенный энтузиазмом... И все же сломлена сила казачья мужеством питерских рабочих, матросов-балтийцев, атаковавших на «ура» бронечерепаху Керенского (сколько их полегло под Гатчиной, под Пулковом — родных, безымянных). Казаки разбиты, Краснов в плену, Керенский сбежал. Юнкера разоружены...

Революция победила в Питере. Революция побеждает в России. Революция победит во всем мире!

*Красноармеец. 1919. № 10—15.
С. 31—32*

Н. И. Подвойский В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

Банды Керенского стояли под Петроградом. Положение только что организовавшейся рабоче-крестьянской республики было критическое. Мы поставили под ружье, отправили на фронт все, что было способно стоять за дело республики, но развал в некоторых наших частях, недочеты командования и разрозненность в деле руководства операциями сводили на нет все наши усилия. Врагу ничего не стоило при нашей разобщенности и на плечах наших отступающих войск ворваться в столицу. Командующий, тов. Антонов, утомленный и подавленный, еле давал себе отчет в событиях.

В этот тяжелый момент на сцену выступил тов. Ленин.

26 октября 1917 года мы приступили к сбору и отправке на фронт солдатских и красногвардейских полков. Смольный был буквально превращен в лагерь, где наспех формировались из присланных рабочих части. Тут же обмундировывались и вооружались, правильнее сказать, облачались в шинели, снабжались патронташами, сумками, патронами. Многие из рабочих впервые становились в строй и брали ружье.

С фронта мы получали скудные вести. Было известно, что головной отряд тов. Чудновского не смог выполнить данную ему задачу.

Тов. Антонов отправился на фронт и возвратился подавленный беспорядком и неразберихой. Было собрано несколько наших большевистских офицеров и солдат, и мы принялись обсуждать наше весьма критическое положение. Для врага ничего не стоило при нашей разобщенности и ненадежности командования раздавить нас самыми незначительными силами и среди паники, которая была бы принесена отступающими отрядами, произвести в Петербурге контрреволюционный переворот.

Тов. Ленин, с исключительным напряжением следивший за наступлением Керенского и за ходом восстания белогвардейцев, очевидно, самым реальным образом учел наше критическое положение на позициях. Неожиданно для нас он явился в штаб округа со Сталиным и Троцким. Он вызвал меня, Антонова и Мехоношина и потребовал, чтобы мы сделали ему подробный доклад о положении дел, чтобы мы познакомили его с находящимися в нашем распоряжении силами, с силами противника и нашими оперативными планами.

На мой вопрос, что означает этот приезд — недоверие к нам или что другое, тов. Ленин просто, но твердо ответил:

— Не недоверие, а просто правительство рабочих и крестьян желает знать, как действуют его военные власти.

В этот момент я впервые почувствовал, что у нас диктатура, что у нас сильная, твердая рабочая власть. Тут я понял, что я — ответственный перед рабочими и крестьянами агент власти, а не просто

работник, что я сам, составляя частицу аппарата диктатуры, подчинен власти пролетариата, в каждом шаге своем я несу величайшую ответственность перед общей диктатурой пролетариата в лице Совета Народных Комиссаров.

Тов. Антонов стал излагать общий план операций, указывая по карте расположение наших сил и вероятное расположение противника. Тов. Ленин впился в карту. С остротой самого глубокого и внимательного оператора-стратега и полководца он потребовал объяснений, почему этот пункт не охраняется, почему тот пункт не охраняется, почему предполагается тот шаг, а не иной, почему не вызвана поддержка Кронштадта, почему не разработана такая-то позиция, почему не закрыт такой-то проход.

Этот вдумчивый и строгий анализ показал нам, что мы действительно допустили целый ряд оплошностей, не проявили той чрезвычайной активности, которой требовал момент. Мы шли за массами, но ничего не сделали, чтобы быть их вождями и полководцами. Оставалось два выхода: или сказать тов. Ленину, что мы все никуда не годны, не можем нести ответственности за операции, или кому-либо другому взять командование.

После краткого перерыва и обмена мнениями с товарищами по штабу я направился к тов. Ленину и заявил, что берусь устранить тяжелое положение на фронте и надеюсь, что мне удастся собрать силы красного Петербурга. Часов в двенадцать следующего дня тов. Ленин явился ко мне в штаб и потребовал, чтобы ему поставили в моем кабинете стол, и заявил, что он хочет все время быть в курсе событий.

Сев на организационного конька, тов. Ленин через каждые пять — десять минут присылал мне кого-нибудь на помощь: то по снабжению, то по мобилизации рабочих, то по подрядному делу, то летчика, то агитатора. Постепенно увлекаясь, он, сам того не замечая, выходил из моего кабинета, давал непосредственные распоряжения то одному, то другому товарищу.

Работа закипела. Но тов. Ленина это не удовлетворяло: ему казалось, что работа все еще идет медленно, нерешительно, неэнергично, и он принялся сам вызывать в свой кабинет представителей организаций заводов и информировался у них о состоянии вооружения рабочих, о технических средствах, о том, что можно вообще получить от них для обороны и чем их завод может быть для этого полезен. Тут появились приказы — путиловцам бронировать площадки паровозов, ставить имеющиеся на Путиловском заводе пушки, везти на позиции блиндажи¹. Нарвскому району приказывалось реквизировать у извозчиков лошадей для отправки имевшихся на заводе 40 готовых пушек. По различным заводам, организациям были посланы комиссары, чтобы взять от них все, что потребно для обороны.

Я несколько раз в течение трех — пяти часов сцеплялся с тов. Лениным, протестуя против его «рваческой» работы. Протесты мои

¹ Блиндажные балки. *Ред.*

как бы принимались, но через несколько минут забывались и игнорировались. В сущности, создалось два штаба: в кабинете Ленина и моем. В кабинете Ленина как бы походный, так как тов. Ленин имел стол в моем кабинете. Но чем чаще тов. Ленин посещал свой кабинет, куда беспрерывно вызывались по его приказу всевозможные работники, тем более распоряжения случайного характера превращались в непрерывную цепь. Правда, эти распоряжения не касались ни операций, ни воинских частей, а только мобилизации «всех и вся» для обороны. Но этот параллелизм работы страшно нервировал меня. Наконец я резко и совершенно несправедливо потребовал, чтобы тов. Ленин освободил меня от работы по командованию.

Тов. Ленин вскипел как никогда:

— Я вас предам партийному суду, мы вас расстреляем. Приказываю продолжать работу и не мешать мне работать.

Только на следующий день оценил я все значение параллельной работы Ленина. Я особенно понял ценность ее после того, как проанализировал результаты созванного им совещания из представителей рабочих организаций, районных Советов, фабрично-заводских комитетов, профессиональных союзов и воинских частей. На этом совещании он приказал быть и мне.

Здесь я понял, в чем заключается сила тов. Ленина: в чрезвычайный момент он доводил концентрацию мысли, сил и средств до крайних пределов. Мы разбрасывались, собирали и бросали силы случайно, непланомерно, благодаря чему получалась расплывчатость действий, а отсюда — расплывчатость в настроении масс и отсутствие активности, инициативы и решимости.

*О Ленине: Сборник воспоминаний.
Кн. I. Предисл. и ред.
Н. Л. Мещерякова.
2-е изд. М., 1925. С. 120—123*

В. Я. Чубарь

УРОКИ ИЛЬИЧА

В работе Владимира Ильича меня поражал тот практицизм, всегда имевший под собой базу теоретических обоснований и отвечавший основным требованиям момента, который проявлялся в подходе Ильича к любому вопросу. Особенно важно то, что и при решении больших вопросов и при разрешении мелких запросов Ильич давал свои указания и добивался решений, выделяя главное, не допуская в то же время затушевывания и «замазывания» того, что нужно подчеркнуть из деталей.

Характерным для Ильича и поучительным для нас всех было то, что решение вопросов, выработка плана действий и тому подобное вытекали из учета обстановки, сил и взвешивания факторов как содействующих, так и противодействующих намеченному делу. Гений Ильича охватывал и систематизировал не только опыт прой-

денного, но предвидел перспективы, особенно полно учитывая тенденции широких масс трудящихся. Мне помнятся его инструкционные указания нам — представителям заводских коллективов Петрограда в период проведения выборов в районные и городскую думы в 1917 году. Наряду с определением общей линии нашей партии он доходил до мелких указаний, особенно остро требовавшихся низовым работникам. Все мы знали, что партия идет к мобилизации пролетарских сил для вооруженного восстания, и указания Ильича в части тактических выступлений заставляли всех этот путь чувствовать в своей повседневной работе, обобщать такие же чувства рабочих и крестьян (бывших тогда в значительном числе в армии).

26 октября 1917 года, когда Ильич еще в пылу боя занимался вопросом захвата экономических органов, он основным вопросом поставил учет сил, способных эту задачу выполнить. На совещании с группой работников профсоюзов и Центрального совета фабрично-заводских комитетов (тов. Глебов, Шмидт, Амосов, я и еще кто-то) в одной из комнат Смольного он прямо спросил: «Чем мы сейчас располагаем (в отношении людского состава) в ЦСФЗКов и *какие* учреждения нужно захватить в первую очередь?» Силы были распределены, двинуты на важнейшие пункты, и этим обеспечено удовлетворение неотложных нужд промышленности.

Первый период после переезда ВСНХ в Москву, когда руководство этим учреждением нарушилось из-за существовавших тогда в партии разногласий по вопросу о Брестском мире, Владимир Ильич принимал довольно близкое участие в работах президиума ВСНХ. Часто заседания происходили в Кремле (в помещении СНК), но бывали и во 2-м Доме Советов. Тогда втягивался в работу тов. Рыков. Уже тогда Ильич вел жестокую борьбу с «прожектантами» отдельных товарищей и требовал делового подхода к вопросам, к стоявшим тогда хозяйственным задачам, уже тогда настойчиво требовал фактических цифровых данных и предостерегал некоторых товарищей от увлечения самонадеянностью. Там, где не было ярко выраженного мнения широких масс рабочих и их организаций, тов. Ленин требовал вовлечения их в обсуждение вопроса. В вопросе об организации управления объединением заводов Сормово — Коломна (впоследствии Гомзы¹) было много споров, но участие Ильича помогло их изжить вовремя.

Когда мне пришлось работать в качестве председателя правления Гомзы (с октября 1917 по октябрь 1919 года), нередко приходилось добиваться чего-нибудь, лишь доходя до СТО. Работа этого крупнейшего промышленного объединения всегда интересовала тов. Ленина, который неоднократно вызывал к себе как по большим вопросам, так и по мелким (иногда из-за вагона хлеба или овса, где-либо застрявшего в пути и срывающего производство).

¹ Государственные объединенные машиностроительные заводы (ГОМЗы).
Ред.

Владимир Ильич уже тогда добивался *правильного учета ресурсов и учета производительности труда как основных предпосылок для правильного ведения дел.*

В дальнейшем он неуклонно возвращался к этому требованию, систематически вбивая в наши головы и головы широких масс трудящихся *роль и значение учета и отчетности в нашей работе.*

Другой момент, который врезался мне в память,— это борьба В. И. Ленина за использование специалистов в хозяйственной и других областях.

Основные кадры наших пролетарских сил, вынесших на своих плечах тяжесть работ первого периода после Октября, при почти всеобщем саботаже интеллигенции с трудом шли на привлечение спецов и правильное их использование. Тов. Ленин этот вопрос ставил резко и добился перелома в отношении к спецам, с одной стороны, и спецов к Советской власти — с другой. Мне неоднократно приходилось говорить с Владимиром Ильичем на эту тему, так как вопрос использования всех производительных сил его чрезвычайно интересовал и он использовал всякую возможность, чтобы получить от практических работников нужные ему данные.

Вопросы восстановления хозяйства, и в частности промышленности, настолько захватывали Владимира Ильича, что он находил время и возможность принимать хозяйственников самых разнообразных рангов и профработников не только центральных, но и с мест. При этом он особо интересовался проявлением рабочей инициативы в области улучшения производства и инициативы спецов в части механизации и т. п. Это непосредственное соприкосновение с живыми работниками, а не только ознакомление с бумажными докладами главков Ильич широко использовал в своей руководящей работе в СНК и СТО. Эта доступность неизбежно вела к переутомлению тов. Ленина, но эти общения являлись сильнейшими толчками в работе. После разговора со своим Ильичем, даже после его ругани чувствовался прилив энергии, рост веры в дело и тяжесть положения как будто облегчалась, хотя он всегда подчеркивал «архитяжелую» обстановку, которую нужно преодолевать. Никогда он не сулил неосуществимого, всегда обещанное выполнял в той степени, какую обеспечивали общие условия момента и тщательная проверка всех расчетов.

Во время посещения мною Владимира Ильича, когда мне пришлось работать на Украине, он особенно интересовался бытом крестьянства, развитием украинской культуры и языка в селе и в городе, среди крестьянства и среди рабочих и вопросами участия местных культурных сил в нашей работе. *Одобрив и целиком поддерживая курс на организацию незаможного селянства, Владимир Ильич особенно подчеркивал необходимость установления теснейшей спайки рабочих и крестьян Украины как страны, являющейся особо лакомой приманкой для мирового империализма, готового в любой момент пойти на захват Украины.*

Владимир Ильич всегда на первый план выдвигал задачу вовлечения в государственную работу широких масс трудящихся.

Сейчас уроки Ильича должны быть повторены и повторяемы впредь, чтобы во всех областях государственной работы идти уверенными шагами вперед, как мы шли при непосредственном руководстве величайшего вождя пролетариата — нашего дорогого Ильича.

*Великий строитель. Памяти
В. И. Ленина. М., 1924. С. 25—27*

М. Н. Животов

КАК ЗАРОЖДАЛСЯ ВСНХ

*(Из воспоминаний
о первых месяцах
Октябрьской революции)*

Для нас, работников совета фабрично-заводских комитетов, в период вышибания буржуазии из седла ее собственности (по выражению Владимира Ильича на одной из конференций заводских комитетов) каждое слово Ленина было законом.

С того момента когда рабочий класс стал у власти, заводские комитеты не могли продолжать свою работу без фактического контроля над производством.

Задумываясь над этим вопросом, совет фабрично-заводских комитетов (тов. Амосов и я) разработал схему организации такого государственного органа, который бы регулировал и управлял всем хозяйством и промышленностью. Продумав организационные формы этого органа, мы решили пойти к Владимиру Ильичу и узнать, как он к этому отнесется.

28 или 29 октября 1917 года Владимир Ильич принял нас в Смольном, во 2-м этаже, в своей рабочей комнате. Усадив нас около маленького круглого столика, он стал расспрашивать о цели посещения. Мы ему подробно изложили наш план, при этом разложили перед ним графическую схему. С большой внимательностью Владимир Ильич расспрашивал нас о мельчайших подробностях нашей схемы, а особое внимание обратил на состав и название проектируемого органа. Мы ему показали набросанный нами перечень представителей от комиссариатов и рабочих организаций, входящих в состав пленума. На его вопрос, как мы назовем этот орган, мы ответили, что думаем назвать его Высшим советом народного хозяйства, после чего он несколько раз повторил это название, заявляя, что оно очень удачно, причем высказал в нескольких словах мысль, что рабочему правительству такой орган нужен, что при нашей задаче обобществления средств производства нам нужен такой орган, через который сами рабочие управляли бы хозяйством.

Ободренные сочувствием Владимира Ильича, мы тогда же стали просить его о том, чтобы наш проект был издан в виде декрета, на что он со смехом заявил: «Не буду же я издавать декретом вот эти

ваши разноцветные кружки! Вы напишите на бумаге так, чтобы там были параграфы да пункты,— вот тогда мы и издадим все это декретом». Мы откровенно сознались, что такого декрета написать не умеем, над чем Владимир Ильич искренне смеялся, говоря: «Ну как же быть тогда?» Мы стали просить, чтобы он сам написал декрет, на что Владимир Ильич ответил, что самому ему писать некогда, но он кого-нибудь к нам пришлет и мы там совместно напишем.

Уходя в этот раз от Владимира Ильича, мы радовались сочувствию, высказанному им нашему проекту, одновременно вдумываясь в высказанную им мысль: рабочему правительству нужен такой орган, через который рабочий класс мог бы управлять своим хозяйством.

Был другой случай посещения Владимира Ильича нами — представителями совета фабрично-заводских комитетов.

В конце января 1918 года, когда злостный саботаж со стороны экономически еще не разбитой буржуазии привел к тому, что петроградские заводы, не имея заказов, приостанавливались один за другим, нам казалось, что, если бы мы централизовали все дела заявок и заказов, нам было бы известно, какие заводы обеспечены заказами и какие не обеспечены. Нам казалось, что если правительство издаст декрет о централизации заказов, то все будет хорошо. Вот поговорить об издании такого декрета мы и пошли к Владимиру Ильичу. Пошло нас несколько человек. Фамилий этих товарищей не помню, но, если они живы, они смогут дополнить то, что будет мной упущено в описании этого посещения.

Принял нас Владимир Ильич в Смольном, по-товарищески усадил, и мы в беседе с ним изложили нашу просьбу, на которую получили ясный и точный ответ. Владимир Ильич заявил, что при нашем хозяйстве и при чрезвычайно распыленном крестьянском потребителе централизовать заказы нельзя. Прежде чем об этом говорить, нам надо приложить все усилия к вовлечению в кооперацию всего населения, а главное — рабочего класса и крестьянства, и только тогда, когда рабочий класс и крестьянство будут перед нами стоять как организованные потребители и когда этот потребитель свяжется с нашей промышленностью,— тогда не надо будет и никакого декрета, ибо мы и без декрета будем знать нашего заказчика. «А теперь,— заключил Владимир Ильич,— следовало бы вам, работникам фабрично-заводских комитетов, как можно больше уделить внимания на организацию отпора нападающим белогвардейцам и проявить наибольшее участие в борьбе с внутренней контрреволюцией и саботажем».

Из высказанной Владимиром Ильичем еще в 1918 году мысли мы видим, как его гений в условиях жесточайшего саботажа и контрреволюции уже предвидел необходимость для нашей промышленности смычки с крестьянством через кооперацию.

*Великий строитель.
Памяти В. И. Ленина.
М., 1924. С. 75—76*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ «ИЗ ПЕРВЫХ ДНЕЙ ВЫСШЕГО СОВЕТА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА»

...Через неделю после открытия действий ВСНХ Центральный Исполнительный Комитет постановил: *назначить председателя* ВСНХ с правами народного комиссара. Надо заметить, что сам президиум ВСНХ, придерживаясь «демократических» принципов, до этого момента не избрал председателя и считал возможным, чтобы члены президиума *посменно* несли обязанности ответственных представителей Совета. Председателем ВСНХ, согласно постановлению от 12 декабря 1917 г., был назначен один из членов президиума, а именно — пишущий эти строки.

С назначением председателя в жизни ВСНХ закончился первый, наиболее хаотичный период. Этот период старые работники ВСНХ обычно называют «эпохой Мариинского дворца». ВСНХ в первые дни ютился в 3—4 комнатах Мариинского дворца, которые даже не принадлежали ему легально. Здесь происходили заседания бюро, президиума и отделов, принималась масса делегаций и наскоро, неорганизованно решались дела. Между тем к услугам ВСНХ было помещение Главного экономического комитета в здании Комиссариата торговли и промышленности.

Первой весьма скромной задачей председателя ВСНХ было перевести высшее государственное учреждение в более приличное помещение. Совет был перенесен на Тучкову набережную, в Комиссариат торговли. Здесь т. Шляпников, бывший тогда одновременно комиссаром труда и комиссаром торговли и промышленности, отвел Совету целую вереницу комнат, куда не без трений и был «эвакуирован» Совет.

Необходим был затем твердый и разумный деловой организатор для быстрой постройки технического аппарата. Такого человека, после долгих настояний, удалось получить в лице т. В. Н. Яковлевой; она была назначена управляющим делами Совета. Далее появился деловитый секретарь в лице т. Масленникова. Оба эти товарища, в сущности, принесли себя в жертву технической работе, которая, однако, имела большое значение. Появились правильные протоколы заседаний, правильная переписка, соподчинение частей делового аппарата, более или менее налаженная хозяйственная часть. В текущих делах водворился некоторый порядок, и начал строиться аппарат отделов.

Т. Шляпников так же, как и его преемник т. В. М. Смирнов, стоял на той единственно разумной точке зрения, что рядом с Советом народного хозяйства существование Комиссариата торговли и промышленности — сплошная бессмыслица. Т. Шляпников начал, а т. Смирнов почти довел до конца постепенную передачу отделов Комиссариата торговли и промышленности в ведение ВСНХ. У Комиссариата торговли и промышленности были (правда, очень слабо

развитые) производственные отделы (т. е. ведавшие единичными отраслями промышленности), была статистика, библиотека, канцелярия. Все это постепенно передавалось Совету.

С первого же шага было установлено правило: всякий производственный отдел, переданный Совету, немедленно вступает в связь с профессиональным союзом данной отрасли и требует у него людей для ответственной работы в отделе. На таких основаниях были приняты в состав Совета отделы химический, кожевенный, текстильный и пр.

Одновременно с принятием отделов Комиссариата промышленности шло влияние в состав Совета бывших «совещаний» и комитетов — по топливу, по металлу, по обороне (последнее «совещание» было превращено в «совещание по финансированию» под руководством сперва т. Гуковского, а затем т. Смирнова). Помню энергичную схватку в Совете Народных Комиссаров по вопросу о топливном «совещании». Тов. Смидович и Ларин, ведущие переговоры с главой этого «совещания», ярым саботажником профессором Киршем, настаивали на том, чтобы пойти на соглашение и признать хотя бы на время «автономию» «совещания»¹. Мне удалось отстоять точку зрения полного подчинения «совещания по топливу» Высшему совету народного хозяйства.

Помню также совместные поездки с представителями кожевенных рабочих к т. Ленину. Кожевенники предлагали тогда разрешить им заключить с капиталистами своеобразный коллективный договор: заводы не экспроприируются, а поступают под контроль смешанного буржуазно-пролетарского синдиката, которому государство выдает субсидию. Промышленники и рабочие совместно вырабатывают и проводят определенную программу производства; товар сдается государству. План этот не осуществился и оказался позже удочкой, закинутой промышленниками в поисках субсидии. Но кожевенники, вообще настроенные крайне оппортунистически, усиленно убеждали т. Ленина в его целесообразности. Т. Ленин, не разделяя моих сомнений насчет синдиката, считал, что такой опыт было бы во всех отношениях интересно проделать.

Мне очень ярко вспоминается также первое заседание бюро², на котором я присутствовал уже в качестве председателя Совета. Здесь т. Ленин сделал один из наиболее интересных своих докладов, обосновывая проект декрета, внесенный им в ВСНХ. В этом проекте (печатается ниже) провозглашались сразу: национализация всех банков, национализация всех крупных промышленных предприятий, аннулирование государственных займов, введение трудовой повинности, потребительских коммун и бюджетно-трудовых книжек³.

¹ В то время все чиновники Керенского требовали «автономии» для своего учреждения: банк, продовольственное ведомство, топливная организация и пр., соглашаясь работать только при условии невмешательства в их дела. *Н. О.*

² Если не ошибаюсь, оно состоялось 14 декабря. *Н. О.*

³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. т. 35. С. 174—177; Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 225—230.

Члены бюро были весьма смущены этим проектом. Принципиально (кроме тов. Лозовского и Рязанова) они не возражали против положений декрета, но, очевидно, сомневались в том, что все эти меры можно было осуществить сразу. Т. Ленину был задан вопрос, считает ли он этот проект *программой* экономических мероприятий (на деле он ею и оказался), или он полагает, что все это можно провести сразу, одним законом. Т. Ленин ответил, что имеет в виду последнее. Тогда было внесено предложение разработать более детально отдельные части декрета, что было поручено: по отношению к национализации заводов — Ларину и мне, по отношению к трудовой повинности — Шмидту, к коммунам — Милютину, к займам — Пятакову.

Как известно, почти все части декрета теперь уже осуществлены, но это было сделано постепенно. В тот момент мне казалось, что т. Ленин, настаивая на немедленном осуществлении проекта, рассчитывал на неизбежную косность мысли даже самых революционных членов партии, хотел побудить их к быстрому движению вперед.

Теперь я думаю, что т. Ленин понимал дело, так сказать, всерьез. Декларативное, декретное законодательство имеет огромное значение в острые периоды революции. Этого не понимали в свое время не только меньшевики, но и многие из большевиков. Оно дает духовный толчок массам и развязывает им руки. Только «демократический» кретин Каутский может думать, что «смешно» *сперва* объявлять национализацию производства, а *потом* проводить ее на деле. В моменты массового штурма на капитал необходимо провозглашать в виде декрета цель, к которой массы должны стремиться, и никакого значения не имеет то, что юридическое слово расходится здесь с революционным делом.

Первый период моей работы в ВСНХ закончился в конце января 1918 г., когда я поехал в Харьков вести подготовительную работу по национализации донецких копей. Брестский мир заставил отложить в сторону эту национализацию, а эвакуация Питера, а вместе с тем и ВСНХ закончила собой первый этап развития ВСНХ — его «детство и раннюю юность», которые очерчены в этих беглых строках.

*Народное хозяйство. 1918.
№ 11. Ноябрь. С. 13—14*

А. В. Шотман ЛЕНИН И ВСНХ

Еще в Смольном, до организации ВСНХ, мне пришлось присутствовать на заседаниях Совнаркома, где Владимир Ильич не раз ставил вопрос о создании органа, который всецело занялся бы вопросами народного хозяйства в широком смысле этого слова.

По поручению Ленина тов. Бухарин, Ларин и Осинский разработа-

ли положение о ВСНХ. До переезда в Москву, если не ошибаюсь, ни одно заседание ВСНХ не проходило без участия Владимира Ильича.

По переезде в Москву Владимир Ильич хотя и не присутствовал на заседаниях президиума ВСНХ в «Сибирской гостинице», но в Кремле под его председательством заседания происходили не раз.

В конце июня 1918 года я был в Кремле на одном из собраний президиума ВСНХ под председательством Владимира Ильича.

Вопрос шел о национализации всей промышленности за исключением мелкокустарной. До этого национализировали заводы и фабрики в отдельности по представлению или главка, или местных совнархозов.

По ряду причин, о которых тов. Ларин когда-нибудь, вероятно, расскажет подробно, провести национализацию нужно было не позже как к 30 июня.

Собрались мы у Владимира Ильича 27 июня. Ленин потребовал в течение суток составить список заводов и фабрик России всех отраслей промышленности. Работа была нелегкая.

В то время не все главки и центры знали количество заводов и фабрик в своей отрасли. Мы указывали Владимиру Ильичу на это обстоятельство. Но он нашел из этого положения выход. Он предложил взять прежние справочные книги и по ним составить перечень подлежащих национализации заводов и фабрик.

Конечно, это был перечень весьма неточный, но иного выхода не было. «Неважно,— говорил Владимир Ильич,— если и произойдет маленькая ошибка; важно послезавтра уже объявить, что все это национализировано».

Наши спецы после этого заседания работали всю ночь. На другой день уже в десять часов утра Владимир Ильич звонил мне по телефону: «Готовы ли списки?» Затем через каждые два часа он неустанно справлялся, сделана ли работа. Поздно вечером все главки и центры представили списки. Президиум ВСНХ объявил предприятия национализированными, о чем сейчас же сообщили Владимиру Ильичу.

Был уже первый час ночи 29 июня. Владимир Ильич приказал мне сейчас же ехать в редакцию «Известий» и сдать список в срочный набор, чтобы утром этого же дня он был опубликован. В редакции мне отказали в напечатании, мотивируя тем, что полосы уже сдаются в стереотипную. Я стал звонить в Кремль, вызывая Ленина, но ночной редактор отговаривал меня, не советуя тревожить Ленина, так как все равно ничего нельзя уже сделать.

Я все же дозвонился и рассказал ему положение дел. Владимир Ильич выругался и попросил передать трубку ночному редактору.

Что он ему говорил, я не слышал, но, судя по тому, как вытягивалась физиономия у ночного редактора, я догадался, что Владимир Ильич крепко «нажимает».

Декрет наутро появился...

Второй раз на заседании президиума ВСНХ Владимир Ильич присутствовал уже в «Деловом дворе» в 1921 году.

Тут он не председательствовал, а скромно сидел в сторонке и внимательно прислушивался к прениям о ходе работ Каширской электростанции.

При выходе его ждал автомобиль, но Владимир Ильич, увлекшись разговором с Г. Д. Цюрупой о Каширской электростанции, по-видимому, забыл об автомобиле, прошел мимо него и с Цюрупой по Варварке направился в Кремль.

Хотя Владимир Ильич формально и не входил в состав президиума ВСНХ и на заседаниях, за исключением нескольких случаев, не присутствовал, но работой ВСНХ он очень интересовался, особенно в 1918 и 1919 годах.

Всякое новое начинание его всегда увлекало. Когда начали постройку Шатурской, а затем Каширской электростанций, Владимир Ильич требовал подробной информации о ходе работ. Если происходили задержки в доставке на место работ продовольствия или материалов, находящихся в ведении других наркоматов, то стоило только позвонить об этом Владимиру Ильичу, и затруднения устранялись...

*Торгово-промышленная газета.
1924. № 21. 26 января*

Г. В. Цыперович

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

О Владимире Ильиче писать воспоминания становится с каждым днем все труднее. Главным образом потому, что о нем написано очень много и притом товарищами, близко знавшими Владимира Ильича, работавшими с ним и под его руководством многие годы, десятилетия. Единственный довод в пользу того, что писать все же следует, — это то, что даже мелкие, отрывочные воспоминания могут дать случайно новую черточку, которая существенно не изменит, разумеется, ничего, но даст возможность в биографию Владимира Ильича внести тот или иной новый оттенок, облегчить критический обзор скопившихся в большом количестве *основных* материалов.

Владимира Ильича в работе я узнал впервые вскоре после Октябрьских дней. В то время — примерно в декабре — рабочий контроль развернулся в стране с огромной силой, которая говорила о твердой решимости рабочего класса взять руководство экономической жизнью в свои руки, не отступая перед сопротивлением буржуазии, чего бы это ни стоило.

В противовес резолюции третьей конференции профессиональных союзов¹, которая была проведена силами меньшевиков и эсеров

¹ Конференция происходила с 21 по 28 июня (ст. ст.) 1917 г. Резолюция «По вопросу о контроле над производством и распределением и об организации производства в России» гласила: «Процесс... регулирования очень труден и сложен, чтобы пролетариат мог возложить только на себя одного, или даже преимущественно на себя, это регулирование, даже если бы другие классы населения предоставили ему выполнение этой задачи...» «Пролетариат... кровно заинтересован в том, чтобы не брать на себя одного ответственность за ход и исход борьбы с экономическим расстройством страны». Г. Ц.

и предупреждала рабочих от взваливания на свои плечи ответственности за дальнейшие судьбы России, РКП(б) под руководством Владимира Ильича убеждала рабочих в том, что, только взяв всю ответственность и все руководство в свои руки, рабочий класс сможет вывести страну из тупика, спасти ее и повести по пути к строительству социализма. Капиталисты сделали все для того, чтобы убедить рабочих в самый короткий срок в правильности последней точки зрения: на следующий день после Октябрьской революции в России начался саботаж по всей линии и в таких размерах и формах, что даже остальные рабочие быстро поняли, почему резкая революционная постановка партии верна, почему, кроме нее, нет никакого выхода.

Рабочий контроль разлился по стране с исключительной быстротой и с такою же быстротой стал превращаться в захват фабрик, заводов, шахт и рудников, транспорта и т. д. Не потому, разумеется, что была дана такая «директива», а потому, что началось умышленное оставление капиталистами предприятий на произвол судьбы, повальное бегство их от растущей диктатуры рабочего класса.

Необходимость оформления стихийного рабочего контроля и захвата предприятий (на деле это была доподлинная, хотя и стихийная «экспроприация экспроприаторов») стала очевидной очень скоро после Октябрьских дней.

Я не помню, кто именно подготовил набросок проекта Положения о рабочем контроле, который был в руках Владимира Ильича, когда состоялось совещание для обсуждения его в Смольном, но мне кажется, что почерк был Владимира Ильича. Совещание происходило в комнате, где теперь помещается отдел физкультуры, за столом у окна; поперек комнаты помещался стол, за которым сидели: Владимир Ильич (лицом к двери, ведущей в соседнюю комнату), тов. В. В. Шмидт, Н. П. Глебов, С. А. Лозовский, А. Г. Шляпников, М. П. Томский, я и еще несколько товарищей, фамилии которых я вспомнить теперь не могу.

Обсуждение проекта шло по двум основным руслуам. Некоторые из товарищей настаивали на том, что в Положении должна быть усиленно подчеркнута необходимость перехода от стихийного рабочего контроля к государственному, на что Ильич не соглашался. Другие товарищи (я был в их числе) указывали на необходимость ограничить действие Положения только наиболее крупными и командующими высотами, то есть крупнейшими предприятиями металлопромышленности, топливом, банками и железными дорогами. Владимир Ильич убеждал нас в том, что необходимо с помощью рабочего контроля заранее обеспечить не только первый, но и второй и третий ряд укреплений от саботажа предпринимателей, указывал на факты перебрасывания сопротивления буржуазии в средние и даже мелкие предприятия, где ей удавалось закрепиться, а также на то, что «самоинный контроль» и захват все равно получили большое распространение и что уже по одному этому молчанием в Положении не отделаться. Положение о рабочем контроле, как

известно, было опубликовано 16 (29) ноября 1917 года. Ни первая, ни вторая точка зрения не нашли в ней отражения. Но они были учтены, когда от рабочего контроля и экспроприации на местах (секвестр и пр.) стало возможным перейти к *национализации*. Здесь и роль государства, и значение командных высот получили новое освещение и были сформулированы в новом разрезе¹.

Вторая встреча с Владимиром Ильичем была связана с его приездом в Петроград в 1919 году. Настроение в городе было беспокойное. Много фабрик стояло, а работавшие жили вполсилы или того меньше. Было голодно, назревало недовольство против заградительных отрядов. Петроградский губернский совет профессиональных союзов в то время помещался уже не на Фурштатской улице, а во дворце бывшего великого князя Кирилла, до войны занятом Ксенииным институтом, во время нее — лазаретом. Огромное здание было в полном запустении, когда группе руководящих работников профдвижения пришлось на мысль использовать его для Дворца труда. Получить согласие на это от Владимира Ильича, как Председателя Совета Народных Комиссаров, не стоило большого труда. С такою же быстротою была перевернута на другую сторону мраморная мемориальная доска, свидетельствовавшая о том, что в таком-то году Ксенийский дворец был осчастливлен посещением Александра III, для того чтобы нанести на нее акт передачи дворца пролетариату Петрограда.

Приезд Владимира Ильича был для нас неожиданностью. У меня шло заседание по какому-то, кажется тарифному, вопросу, когда в зал, где оно происходило, вошла группа товарищей с Владимиром Ильичем во главе. Кроме него были Надежда Константиновна, Анна и Мария Ильиничны, кажется, тов. Д. Ф. Зорин и др. Мы, разумеется, хотели прервать заседание, чтобы поговорить с Владимиром Ильичем и его спутниками, но нам это не удалось, — Владимир Ильич настолько решительно запротестовал, что мне, как председателю совещания, пришлось уступить, хотя участники совещания, представители профсоюзов, были недовольны тем, что я не нашел какого-нибудь удобного предложения для роспуска или перерыва.

Я остался продолжать заседание, а вся группа пошла осматривать Дворец труда под руководством тов. Н. М. Анцеловича. Помню, уже после осмотра Владимир Ильич как-то вскользь бросил такую фразу: «Кажется, это единственное здание у нас в таком порядке. Не жаль, что затратили деньги». Здание, как я сказал выше, было в ужасном виде, когда губернский совет профессиональных союзов его получил. В течение двух недель из него только вывозили мусор. Для ремонта были отпущены специальные средства из фонда для

¹ Помню небольшой, но характерный эпизод, имевший место во время заседания. Из соседней комнаты вышел матрос и, вставши у стола против Владимира Ильича, сообщил: «Такой-то не найден». Владимир Ильич, слегка пригнувшись к столу и подавшись к матросу, сказал, прищурив глаз, с упреком: «Революцию сделали, а нужного человека найти не можем». Матрос густо покраснел, по-военному повернулся на каблучках и вышел. Г. Ц.

безработных, причем рабочих брали только из этой категории. Дворец был отремонтирован на славу. К этой работе в то время мы относились не как к простому ремонту, а как к своеобразной пробе: можем ли мы что-нибудь делать в области строительства? О постройке дворцов мы, разумеется, и не мечтали, но даже в успешности ремонта многие сомневались. Мне кажется, что и Владимир Ильич был очень удовлетворен состоянием Дворца именно потому, что «мы сами» привели его в прекрасный вид.

После осмотра все товарищи спустились вниз, где был устроен обед. Наша публика решила угостить гостей на славу. Состряпали обед из трех блюд, раздобыли откуда-то белый хлеб, нарядили персонал в белые халаты и т. д. С современной точки зрения это был обед, ничем не отличающийся от обыкновенного в любом ресторане за 75 копеек или 1 рубль, а тогда его было достаточно, чтобы навести Владимира Ильича на весьма иронический вопрос: «Это вы каждый день так обедаете?» Мы, конечно, должны были сказать правду. А заключалась она в том, что все работники губпрофсовета и союзов питались в то время плохо, сидели на «осьмушке» и «на овсе». И эта правда испортила все дело. Нехорошо как-то вышло.

Говорили о настроении среди текстильщиков, в то время особенно беспокойном. Я помню, как настойчиво и подробно Владимир Ильич старался выяснить, какие основные причины и формы недовольства текстильщиков (собственно текстильщиц, так как женщины составляют главную массу рабочих на текстильных фабриках). Он не особенно, по-видимому, верил в то, что доказывали мы. А мы старались убедить его в том, что политически текстильщики, как и рабочие других заводов, где было недовольство, целиком за Советскую власть и волнуются из-за вопросов бытовых, которые в то время не могли не волновать тех, кто действительно работал, и поэтому нуждался в более усиленном питании, чем то, которое Советская власть могла рабочим предоставить. В тот же день Владимир Ильич выступал на одной из немногих текстильных фабрик, в то время работавших. Я на митинге этом не был, но вспоминаю со слов товарищей, что настроение рабочих и работниц было неровное и что говорить Владимиру Ильичу было нелегко.

Третья моя встреча с Владимиром Ильичем имела место накануне дискуссии о профессиональных союзах. Этой встрече предшествовало долгое обсуждение вопросов о дальнейшей роли профессиональных союзов, об отношении партии к профессиональным союзам и т. д. М. П. Томский и я, так же как и ряд других ответственных работников профессионального движения, находили, что профессиональным союзам уделяется недостаточно внимания, что в партии установилось отношение к профсоюзникам, как к работникам второго разряда, что многие партийцы считали, что с разрешением многих серьезных вопросов профессионального движения можно «потерпеть» и т. д. Нужно помнить, что к тому времени положение профессиональных союзов резко изменилось по сравнению

с положением периода «военного коммунизма», когда профсоюзы играли огромную роль не только в непосредственном управлении промышленностью, но и в топливном и продовольственном снабжении, организации обороны страны и в непосредственном участии в борьбе на всех фронтах. Переходный период от «военного коммунизма» к нэпу сопровождался серьезными и глубокими изменениями в работе и организации профессиональных союзов, но взять сразу новую, безошибочную линию профсоюзникам было, разумеется, нелегко. В результате М. П. Томскому и мне пришлось в голову поговорить с Владимиром Ильичем, который, осведомившись предварительно о теме предстоящего разговора, немедленно вызвал нас к себе. «Докладывал» я, как работник «с места», но тов. Томский меня по всем пунктам поддержал. Кончился разговор примерно так: «Вот вы оба — ответственные работники профессионального движения, и работу вашу мы знаем хорошо. Пришли вы поговорить и «плачете в жилет» (это выражение показалось мне очень обидным, и, вероятно, поэтому я запомнил его хорошо). А между тем было бы целесообразнее и поэтому лучше, если бы свои соображения вы изложили на бумаге в виде тезисов. Тогда делу легче было бы дать сразу ход. Есть у вас тезисы или предложения в письменной форме? Нет? Ну, тогда идите и пишите. Как только будут готовы, зайдите снова». Помню, что после этого разговора мы с тов. Томским попытались набросать тезисы, но что с ними стало после, не знаю, так как я должен был срочно выехать в Петроград.

Но в резолюции, предложенной партией и проведенной на четвертом Всероссийском съезде профессиональных союзов в мае 1921 года, я, как и многие работники профессионального движения, безусловно нашел разрешение многих вопросов, волновавших нас в то время.

К 1922 году я ушел от профессионального движения и занялся плановой работой в организовавшейся в то время Плановой комиссии и в Северо-Западном областном ЭКОСО. Приблизительно к этому времени под руководством и, насколько мне известно, при самом непосредственном участии Владимира Ильича был составлен проект известного Наказа СТО, который здесь стал руководством для всех плановых и хозяйственных работников в изучении экономики страны. В обсуждении проекта принимали участие работники с мест, причем по существу возражений ни у кого не было, но зато много спорили о том, можно ли при отсутствии необходимых средств «на местах» и при слабости плановых аппаратов справиться с систематическим изучением экономической жизни с такою обстоятельностью, какую требовал проект Наказа. Владимир Ильич заметно волновался, так как придавал Наказу большое значение, уговаривал Наказа не сокращать и, когда голосовали по пунктам и разделам, стремительно выбрасывал руку вверх, словно боясь, что миг промедления может повредить Наказу.

У меня создалось такое впечатление, которое, впрочем, разделяли и некоторые другие товарищи, с которыми мне пришлось впоследствии говорить о Наказе, что Владимир Ильич считал его

одним из крупнейших методологических достижений и возлагал большие надежды на то, что с помощью Наказа удастся наконец периодически получать точную картину того, что делается в экономике нашей страны, своевременно улавливать важнейшие назревающие процессы, вовремя их подхватывать и направлять по надлежащему руслу.

Мне несколько раз приходилось встречаться с Владимиром Ильичем по разным случаям. Когда я теперь пытаюсь восстановить в своей памяти подробно его образ, мне это плохо удается, так как встречи были случайные, ибо каждый раз я видел Владимира Ильича мимолетно и в другой обстановке. Но то общее, что резко выделяется или выносится как общий множитель за скобки всех воспоминаний товарищей, хорошо знавших его, крепко осело и в моей памяти. Владимир Ильич был *простой человек* в самом лучшем смысле этого слова. Именно поэтому, надо думать, в сложнейших задачах и положениях ему удавалось с такою быстротою ориентироваться в настроениях рабочих и крестьянских масс, которые всегда подходят к жизни *просто*. И поэтому рабочие и крестьяне так охотно шли с ним даже в самые тяжелые времена.

Ленин говорил просто о самых трудных и мудрых вещах. Его все понимали. Ленин любил и ненавидел просто, как любит и ненавидит рабочая масса. Просто относился к жизни и смерти. Просто вошел в жизнь и занял в ней свое место. Огромные массы рабочих и крестьян особенно за это его любят.

*Красная летопись. 1927.
№ 2. С. 229—235*

С. А. Лозовский

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ¹

Теперь, на расстоянии шести с половиной лет, можно поспокойнее подойти к прошлому. От Октябрьской революции до середины января 1918 года мне не раз приходилось выступать и во фракции, и на пленарных заседаниях ВЦИКа против Ленина. Всегда было крайне тяжело и больно выступать против него, потому что я всегда испытывал по отношению к нему особую любовь и уважение. Но большевики никогда не обращали внимания на моменты личного характера. Раз я считал ошибочной общую линию, то нужно было выступить против нее и против ее выразителей со всей революционной страстью. Я помню одну сцену, когда целая группа рабочих-большевиков требовала на фракции соглашения с меньшевиками и эсерами во что бы то ни стало. Ленин прекрасно понимал, что все это соглашательство отражает настроение известных слоев рабочих, и поэтому он в своих стремительных и резких выступлениях и атаках против колеблющихся в первое время не предлагал

¹ Начало воспоминаний см. настоящее издание. Т. 3. С. 198—207; Т. 4. С. 112—115. *Ред.*

против них никаких организационных мер. Он считал, что колебание будет изживаться по мере того, как рабочий класс будет входить в гущу борьбы. Он действовал методами наглядного обучения. Я помню (это было, кажется, 27 или 28 октября), как после одного особенно бурного заседания фракции, где нажим насчет соглашения был очень велик, последовало новое заседание, которое началось с выступления нескольких кронштадтцев, которые яростно обрушились на колеблющихся, причем требовали самых свирепых мер против них. После этого Ленину нетрудно было взять «среднюю» линию, т. е., иначе говоря, провести ту линию, какую он предлагал с самого начала. Это была форма внутрипартийной стратегии, путем которой в такие моменты выравнивалась линия. Методы внутрипартийного воздействия, с одной стороны, и развивающиеся события — с другой, оказали определенное влияние на ту группу товарищей, которая колебнулась в Октябрьские дни, и она тогда же, за немногими исключениями, вошла в партийные рамки.

В эти бурные дни, когда происходила борьба в самой фракции, Ленин ни на минуту не забывал, что революция должна дать немедленно нечто реальное трудящимся массам. Второй съезд Советов, как известно, начал с Декрета о мире и Декрета о земле. Оставался для осуществления третий вопрос — это вопрос о рабочем контроле. Как раз накануне Октябрьской революции в Петрограде происходила Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов, и эта конференция приняла целый ряд резолюций, и в том числе о рабочем контроле. Надо было придать рабочему контролю конкретные и реальные формы. По этому вопросу, главным образом, происходили прения. Вопросы о том, каков должен быть контроль, как его нужно организовать, крайне волновали не только работников профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов, но и всю партию, так как надо было провести в жизнь лозунг рабочего контроля. 29 или 30 октября, точно дату не помню, я поднялся с нижнего этажа Смольного института, где помещался ВЦСПС, наверх, где находился Военно-революционный комитет, навстречу идет Ильич. «Хорошо, что я вас встретил, — воскликнул он, — вот я написал проект декрета о рабочем контроле. Посмотрите его, посоветуйтесь с профессионалистами, а затем надо будет заняться им уже во фракции ВЦИКа». И он вручил мне карандашом написанный набросок восьми пунктов декрета. Я немедленно отправился в ВЦСПС, секретарем которого я в то время был, и здесь мы с Цыперовичем засели за просмотр этого декрета. К восьми пунктам мы прибавили еще несколько. Главное, что меня беспокоило в предложенном проекте декрета, — это полное отсутствие централизованного контроля. Там не было никаких органов, которые вносили бы определенный регулирующий элемент во вновь возникающий контрольный аппарат, и я внес пункт о создании Всероссийского и районных Советов рабочего контроля. После тщательного просмотра всего проекта вместе с Цыперовичем проект пошел

в комиссариат труда, где подвергся обсуждению вместе с представителями профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов, затем он был перенесен во фракцию ВЦИКа и, наконец, опубликован 14 ноября 1917 года. Основные пункты Ильича остались. Я помню, я как-то спросил его: «Как же, Владимир Ильич, может быть организован рабочий контроль, если нет никаких общегосударственных органов, регулирующих этот контроль? Контроль будет носить крайне пестрый характер. Во многих случаях рабочие и так рассматривают фабрики как свои; если оставить декрет в таком виде, как вы предлагаете, тогда каждая группа рабочих просто будет рассматривать этот декрет как разрешение делать все, что угодно». На это он ответил: «Сейчас главное заключается в том, чтобы контроль пустить в ход. Пусть рабочие проявят инициативу, а все это свести в общегосударственном масштабе мы успеем потом. Никаких преград не надо ставить инициативе масс. Через определенный период можно будет, на основании опыта, увидеть, в какие формы отлить рабочий контроль в общегосударственном масштабе». Сейчас, конечно, ясно, что Ильич рассматривал рабочий контроль не с точки зрения производственно-технической, а с точки зрения политической. Нужно было вызвать к жизни всю скрытую энергию масс. Нужно было, чтобы рабочие на каждом заводе, на каждой фабрике взяли за горло своих предпринимателей, не дали им саботировать производство и революцию, — в этом был центр вопроса, все же остальное отходило на задний план. Ленин, как практик революции, дал своим проектом ответ на этот коренной политический вопрос момента. В этом лишний раз проявилось его умение в каждый данный момент обратить внимание на самое главное, на самое существенное. Что же касается спора профессионалистов и фабзавкомщиков о том, какой должен быть контроль — *пассивный* или *активный*, то уже в начале 1918 года Ленин считал рабочий контроль стадией пройденной: революция уже поставила в порядок дня вопрос об управлении производством, а не только о контроле над ним.

От Октябрьских дней до января 1918 года мне приходилось очень часто наблюдать Ильича в Центральном Исполнительном Комитете и на большевистской фракции. Особенно памятно мне заседание Центрального Исполнительного Комитета второго созыва, где я часто выступал с критикой тех или других мероприятий Совнаркома. Я помню особенно ясно то заседание ВЦИКа, где обсуждался вопрос о свободе печати. Это были первые месяцы по-октябрьской революции, когда в Петрограде и в Москве выходили не только кадетские, но и черносотенные газеты. Было очевидно, что с этим надо покончить. Но в большевистской фракции на этот счет были еще колебания. Ильич особенно подчеркивал, что свобода печати, раз у буржуазии имеются капиталы и бумага, а у пролетариата этого нет, представляет собой обычную демократическую ложь и что действительная свобода печати возможна только в том случае,

если пролетариат отнимет бумагу и типографии у буржуазии. Все это кажется очень простым и ясным, и тем не менее у меня было такое ощущение, как будто бы мы нарушаем какие-то веками установившиеся традиции. Такое чувство было у многих, ибо провозглашение в течение десятилетий демократических формул превратило эти формулы в некий фетиш и довольно трудно было вложить определенное социальное содержание в старые лозунги. Ярko осталось у меня в памяти то заседание ВЦИКа, на котором обсуждался вопрос о рабочем контроле. Мне все казалось, несмотря на внесенные изменения, что декрет грешит излишней децентрализацией, что он может привести к распылению народного хозяйства. В этом смысле мною было внесено письменное заявление во время дискуссий о недостаточной централизации рабочего контроля. Ильич настаивал на скорейшем издании декрета. Из того, что он мне говорил в частной беседе, было ясно, что для него организационная сторона дела в данном случае была второстепенной, ибо в декрете о рабочем контроле он усматривал прежде всего развертывание инициативы рабочих масс и близкий, практический подход их к процессу производства.

*А. Лозовский. Великий стратег
классовой войны
(Памяти единственного).
М., 1924. С. 56—60*

Н. П. Богданов

В. И. ЛЕНИН

И РАБОЧИЕ-СТРОИТЕЛИ

Победа Октябрьской революции поставила перед профсоюзами новые задачи. Петроградский совет профсоюзов поручил членам Исполнительной комиссии Совета (так назывался тогда президиум) — В. В. Шмидту, В. Я. Чубарю, Н. К. Антипову и другим товарищам пойти к В. И. Ленину с просьбой, чтобы он выступил перед профсоюзными работниками.

Владимир Ильич одобрил нашу инициативу. 9 ноября 1917 года в Смольном было созвано расширенное заседание Петроградского совета профсоюзов, на котором выступил Ленин. Записи этого выступления не сохранились, но я хорошо помню, что оно было посвящено задачам профсоюзов в социалистической революции. Речь Владимира Ильича была полна непреклонной решимости укрепить власть Советов и отвергнуть всякие компромиссы с соглашателями.

— Меншевики, — говорил Ленин, — истощным голосом кричат о гибели революции, призывают к ликвидации власти Советов. Они хотят ослабить солидарность рабочих, чтобы облегчить врагам возврат к капитализму. А такие путаники, как Рязанов, объективно им помогают.

Мы впервые познакомились тогда с ленинским планом перехода к социалистическому строительству.

Владимир Ильич отметил огромную роль профсоюзов, которые в дни Октябрьской революции шли за большевистской партией, и поставил перед ними новые задачи: профсоюзы должны обеспечить возвращение рабочих на фабрики и заводы, сохранность оборудования, организовать учет сырья, полуфабрикатов и изделий; предприятия должны начать изготовление предметов, необходимых для народа, — сельскохозяйственных машин, плугов, телег, гвоздей, лопат и т. п.

Ленин призвал рабочих сломить саботаж промышленников, заставить их работать под строгим контролем.

— Привлекайте на свою сторону добросовестных спецов, учитесь у них хозяйствованию, — говорил он.

Это были первые наброски ленинского плана организации социалистической промышленности. Не одного меня взволновало требование на деле осуществить рабочий контроль, а затем и рабочее управление промышленностью. Ленин называл это первыми шагами к социализму.

Я был поражен, насколько глубоко знал Владимир Ильич положение на фабриках и заводах. Он приводил многочисленные примеры из опыта рабочего контроля.

— В текстильной промышленности Петрограда, — говорил Ленин, — господствовали иностранные капиталисты, они саботировали, сокращали рабочих «из-за нехватки сырья», а в то же время сырье погружалось на баржи и отправлялось неизвестно куда. Когда рабочие послали своих людей в Архангельск, то обнаружили там партию хлопка в 2000 кип.

— Накануне Октября на фабриках и заводах атмосфера с каждым днем накалялась; во многих отраслях промышленности забастовки продолжались до Октябрьской революции. Общество фабрикантов и заводчиков выступает и сейчас против рабочих, — говорил Ленин. — Оно существует и делает все для подрыва производства. — В. И. Ленин привел много примеров из практики Путиловского, Трубочного и других заводов и закончил призывом к рабочим самим организовать производство.

Мне приходит на память еще один случай, характеризующий ленинский стиль работы. В декабре 1917 года (точного числа не помню) В. И. Ленин предложил заслушать в Совнаркоме доклад о состоянии промышленности Петрограда. Нам, членам Исполнительной комиссии Петроградского совета профсоюзов, поручено было принять участие в подготовке материалов; материалы эти мы доложили В. И. Ленину. Доклад А. Г. Шляпникова на заседании Совнаркома не удовлетворил Владимира Ильича, и он потребовал от работников промышленности и профсоюзов большего внимания к практическим задачам: изготовлению гвоздей, плугов, мануфактуры. Все это, говорил он, нужно для деревни, которая должна дать нам хлеб. Большое внимание Ленин уделял тогда топливу и электроснабжению предприятий.

В конце 1917 года меня, как депутата Петроградского Совета, вместе с П. Бушуевым и Г. Хитровым правление Петроградского

профсоюза строителей направило к Ленину с вопросами, волновавшими строителей. Владимир Ильич нас принял и горячо отозвался на наши нужды. Мы рассказали ему, что подрядчики бросают работы незавершенными, расхищают материалы и инвентарь, не выплачивают рабочим заработной платы. По этой причине усилилась безработица и начался голод среди строительных рабочих.

Ленин попросил присутствовавшего при разговоре Ф. Э. Дзержинского помочь нам сломить саботаж предпринимателей, проследить, чтобы заработная плата рабочим была выплачена. Прощаясь с нами, Владимир Ильич сказал:

— Передайте рабочим, что мы в скором времени начнем обширные строительные работы, постарайтесь сохранить от расхищения материалы и инвентарь, все это потребуется нам в будущем.

Мы рассказали о беседе с Лениным строителям, они были взволнованы и удовлетворены. Обычно в конце строительного сезона рабочих выбрасывали на улицу, а тут глава Советского государства думает об их работе!

Вскоре ленинские идеи начали претворяться в жизнь. В декабре 1917 года по инициативе В. И. Ленина инженеру А. В. Винтеру было поручено строительство Шатурской электростанции, а весной 1918 года профсоюз строителей уже послал первых рабочих на стройки Волховской и Свирской гидроэлектростанций. Затем по инициативе Ленина началось сооружение Каширской станции.

Ленинские стройки открыли новую страницу социалистического преобразования страны. Они послужили ядром будущего ленинского плана электрификации.

В начале 1918 года мне, как секретарю Петроградского профсоюза строителей, пришлось разговаривать с инженером Г. О. Графтио. Это был крупный специалист, профессор ряда технических учебных заведений. Он пришел к большевикам одним из первых, многого еще не поняв в происшедших событиях. Любопытны были его первые слова при нашей встрече:

— Меня вызывал гражданин Ленин и поручил заниматься строительством Волховстроя.

Его рассказ о стройке увлек нас. Профсоюз строителей горячо поддержал строительство Волховской гидроэлектростанции. Рабочие Петрограда и его окрестностей сообщали нам об обнаруженных ими материалах, припрятанных бывшими подрядчиками еще в период Временного правительства и после Октябрьской революции. Теперь эти материалы направлялись на Волховстрой.

В 1918—1922 годах мне довелось не раз присутствовать на заседаниях Совнаркома и Совета Труда и Оборона по вопросам строительства. Я видел, с каким увлечением Ленин относился к стройкам, как умел он заражать своим энтузиазмом рабочих и инженеров. Строительные вопросы, как их тогда называли, всегда решались при личном участии Владимира Ильича. Для нас это была отличная школа хозяйствования!

Помню, как в апреле 1918 года в повестке дня Совнаркома стоял вопрос о Волховстрое. Все с большим вниманием слушали сообщение Г. О. Графтио, его ясную, четкую речь, точные сведения о сроках выполнения задания и необходимых ресурсах для работ. Представители Наркомфина и ВСНХ выступали на этом заседании с возражениями: мол, мы не можем в такое трудное время удовлетворить огромные потребности строителей.

Ленин, улыбаясь, смотрел на оппонентов Графтио и спокойно задал ему вопрос:

— Можно ли закончить Волховстрой за два-три строительных сезона и что для этого надо?

Противники строительства были поражены. Графтио и другие строители подтвердили, что эта задача выполнима. Ленин заключил обсуждение: Волхов построить за два-три сезона! Если отбросить годы интервенции и гражданской войны, Волховстрой и был закончен в три года.

В. И. Ленин встает в нашей памяти как создатель и строитель. Он вникал не только во все крупнейшие технические проекты, но и в мелкие детали и нужды строек. Мне приходилось слышать, как Ленин высоко оценивал труд строителей. Вспоминаю радостную улыбку Владимира Ильича, когда мы сообщили ему о доставке на Волховстрой первого экскаватора, машины, пуск которой был первым шагом к избавлению строителей от тяжелого ручного труда. Этот экскаватор привезли из Средней Азии и собирали по частям на строительстве.

*О Владимире Ильиче Ленине.
Воспоминания. 1900—1922 годы. М.,
1963. С. 325—328*

А. М. Кактынь

КАК ИЛЬИЧ УЧИЛ НАС РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТАКТИКЕ

Из встреч непосредственно после Октября с тов. Лениным в мою память особенно врезалась одна.

То было в декабре 1917 года, вскоре после опубликования декрета СНК о рабочем контроле над производством, инициатором и творцом которого, как известно, явился сам тов. Ленин, так же как и от него еще в апреле того же года родился самый лозунг, самая идея рабочего контроля. Опасаясь слишком резкого поворота в сторону захвата предприятий рабочими и истолкования ими декрета о рабочем контроле в сторону слишком сильного вмешательства в производство, совет рабочего контроля выделил специальную комиссию (в которую входили, насколько помнится, тов. Ларин, Лозовский и некоторые другие), которая разработала инструкцию, толковавшую декрет в сторону ограничения прав фабрично-заводских комитетов в области контроля над фабриками и заводами,

придававшую рабочему контролю характер контроля *пассивного*, контроля в узком, точном смысле этого слова, без вмешательства в распоряжения администрации. Мы, работники Центрального совета фабрично-заводских комитетов г. Петрограда, составили тогда свой контрпроект инструкции к декрету, толковавшей его в прямо противоположном направлении, как контроль *активный*, контроль с вмешательством в процесс администрирования, контроль, предупреждающий саботаж и преступления владельцев по отношению к рабочим и всей Советской власти.

Постановка наша, по глубочайшему нашему убеждению, была в тогдашних условиях единственно правильной, революционной, прямолинейной. Нас поддерживала в этом вся рабочая масса питерских фабрик и заводов. Инструкцию мы отпечатали своими силами и средствами и разослали не только по Питеру, но и по провинции. Но как придать ей официальный, *законный* характер, когда правомочный орган рабочего контроля — Всероссийский совет рабочего контроля — поддерживал в большинстве своем пассивный контроль? Как усилить нам свою инструкцию в глазах рабочих?

Тут мы решили обратиться за содействием к тов. Ленину, зная его подход к делу рабочего контроля. Мы втроем, Амосов, тогдашний председатель Петроградского совета фабрично-заводских комитетов, тов. Иванов (Михайлов) и я, отправились как-то вечером к тов. Ленину. Изложили ему кратко, хотя и нескладно суть дела. Владимир Ильич внимательно, прищурив, по обыкновению, глаз, выслушал нас, задал нам несколько дополнительных вопросов и тут же дал нам неожиданный отеческий совет:

— Если вы хотите добиться настоящего жизненного осуществления вашего подхода к рабочему контролю, то не на авторитеты и законы опирайтесь, а действуйте, агитируйте, проводите всеми способами в рабочие массы вашу мысль. Если она революционна и жизненна, то пробьет себе дорогу и опровергнет всякие нежизненные, хотя и «законные» инструкции и толкования рабочего контроля.

Таков был смысл, если не точная формулировка того, что нам ответил Владимир Ильич. Для нас, по крайней мере для меня, тогда это было ново, неожиданно, даже странно. Нам казалось, что вопрос разрешится именно подписью, утверждением, законодательным актом. И вдруг вместо этого подобный совет, да еще в сопровождении добродушной, этакой товарищеской насмешки, издевательства в некотором роде: как это вы, дескать, наивны, молоды еще, коли не понимаете, что не декретами и инструкциями определяется жизнь, а, наоборот, последние являются ее отражением и тем, насколько они ее отражают, обуславливается их жизненность, действительность.

Для нас урок Ильича не прошел даром. Сначала после его слов мы оторопели, пытались потом что-то сказать, но ничего серьезного из этого, кажется, не вышло. Но, выйдя от Ильича, мы энергично принялись за дело: инструкция пошла во все стороны, не утвержденная, не подписанная, без рекомендации с чьей-либо стороны, но

решительно поддержанная всем процессом развития революции в области производственных отношений. Жизнь вскоре показала, насколько Ильич был прав и здесь, как и во всем другом. Он и тогда, и задолго еще до того ясно видел путь, по которому пойдет первая в мире «экспроприация экспроприаторов». Он знал наверняка, что никакие попытки задержать мощную поступь пролетарской революции ни к чему не приведут. Он, пользовавшийся в других областях работы и в других условиях в широчайшей мере «агитацией» декретами, считал не без основания излишним их содействие начавшемуся уже на низах перерождению рабочего контроля в управление производством, слабым отражением чего являлась тогда наша инструкция.

Конечно, во всем этом сказывалась и другая черта Ильича. Это — его осторожность, осмотрительность. Прежде чем декретировать, необходимо присмотреться к явлению, изучить его. Одно дело было выпустить общий декрет, развязывающий руки рабочим низовым ячейкам в области контроля, другое дело было оформлять этот контроль и предпринимать уже в самом начале в окончательном порядке вытекавший из него захват предприятий рабочими. Тов. Ленину нужно было уложить стихию в организованное русло, создать соответствующие условия для национализации предприятий, прежде чем решаться на это. Этим и можно объяснить его осторожность и его медлительность, непонятное в то время для многих «соглашательство» с предпринимателями до издания декрета в июне 1918 года о национализации промышленности¹. Эти соображения, несомненно, руководили и его ответом нам, и нежеланием сразу же оформлять нашу инструкцию. Но урок сам по себе этим не умаляется. Ильич лишний раз показал свое искусство революционной тактики на этом маленьком примере.

*Великий строитель.
Памяти В. И. Ленина.
М., 1924. С. 77—79*

П. Н. Солонко

ДВЕ ВСТРЕЧИ С В. И. ЛЕНИНЫМ

Накануне Февральской революции я служил в железнодорожном батальоне 5-й армии Северного фронта, располагавшемся близ г. Режица Витебской губернии (ныне г. Резекне Латвийской ССР). После Февральских событий солдаты избрали меня председателем ротного, затем батальонного комитета, а вскоре я стал председателем Режицкого уездного Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Режица была крупным железнодорожным узлом на подступах к Петрограду. Поэтому в Октябрьские дни 1917 года перед Режицким Советом встала задача — не пропускать контррево-

¹ Декрет подписан 28 июня 1918 г. (см.: Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 498—504). *Ред.*

люционные силы, стягивавшиеся Временным правительством к революционному Петрограду. Нам удалось задержать несколько эшелонов с казачьими отрядами и два эшелона с броневыми автомобилями.

В качестве делегата от Режицкого Совета мне довелось участвовать в работе II Всероссийского съезда Советов. На съезде я впервые увидел В. И. Ленина, слушал его доклады о мире и о земле¹. В ночь на 26 октября по решению съезда я был направлен в Гатчину для проведения агитационной работы в казачьих частях, оставшихся верными Временному правительству.

После этого я получил новое назначение — выехать в Витебск в качестве эмиссара Петроградского Военно-революционного комитета.

Выполнив задание, в начале ноября я возвратился в Петроград. В Смольном я встретился с В. Д. Бонч-Бруевичем и Н. П. Горбуновым, которые сообщили В. И. Ленину о приезде представителя Северного фронта. Спустя несколько минут после этого В. И. Ленин принял меня в своем кабинете. Разговор шел о том, как я стал председателем Режицкого Совета, о переходе большинства Совета на сторону большевиков накануне вооруженного восстания в Петрограде, о проводимой Советом борьбе с меньшевиками и эсерами, о захвате крестьянами помещичьих земель в уезде при содействии Совета, о задержании броневиков и казачьих частей в Режице. В. И. Ленин интересовался настроением в войсках Северного фронта, работой среди солдат. Я рассказал ему о своих выступлениях на солдатских митингах.

Готовясь к встрече с В. И. Лениным, я написал себе памятку-вопросник на четвертушке листа. Во время беседы В. И. Ленин взял из моих рук эту записку и внимательно прочитал ее. Потом второй раз стал читать. На него, по-видимому, произвело впечатление краткое и четкое содержание записки, то, как поставлены в ней вопросы.

— Товарищ Солонко,— сказал он,— в Режице председателем уездного Совета работает юрист. Повезло Режицкому Совету!

И продолжал:

— Освободитесь от этой работы, товарищ Солонко: в председатели уездных Советов мы будем давать юристов не скоро. Ведь и в центре еще не так уж много образованных работников. Не скоро! — закончил он, как бы подчеркивая значение последних слов.

Действительно, тогда было мало людей, имевших подготовку для работы в государственном аппарате, преданных революции. Но все же слова В. И. Ленина меня озадачили. Как он мог узнать, что я юрист? Об этом я ему не говорил. Видимо, он определил это по моей записке. В. И. Ленин быстро набросал на листке бумаги несколько слов, которые я потом перечитал десятки раз и даже снял копию, прежде чем передать листок по назначению. В записке, адресованной Петроградскому Военно-революционному комитету,

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 13—27.

содержалась просьба В. И. Ленина предоставить мне работу, наиболее соответствующую моей специальности и практическому опыту.

В заключение беседы В. И. Ленин попросил меня зайти в редакцию «Правды» и передать М. И. Ульяновой содержание нашего разговора для опубликования в газете информации о положении на Северном фронте. Это указание В. И. Ленина я выполнил.

Явившись в Петроградский ВРК, я передал записку Владимира Ильича М. И. Лацису. Мне было предложено принять один из департаментов бывшего министерства внутренних дел и организовать на его базе Народный комиссариат социального призрения. От нового назначения я сразу не отказался, но у меня было право выбора. Следовало правильно оценить свои силы. Решаю выбрать такую работу, чтобы справиться с ней наверняка. Выявилась необходимость назначения комиссара в Витебскую губернию. В случае назначения комиссаром я мог бы использовать имевшийся у меня опыт работы председателем уездного Совета. Об этом я сказал М. И. Лацису и был направлен комиссаром Советского правительства в Витебскую губернию. В этой должности я пробыл до конца 1917 года.

* *
*

Вновь мне посчастливилось встретиться с В. И. Лениным в 1920 году. Злободневными тогда были уже другие вопросы. Поскольку об этой встрече сохранились документальные данные, то воспользуюсь ими для подкрепления памяти.

В то время я был уполномоченным 14-й армии Южного фронта по железнодорожному транспорту и членом комиссии по разгрузке Брянского железнодорожного узла. Зная об огромном внимании В. И. Ленина к вопросам скорейшей ликвидации царившего в стране топливного кризиса, я, приехав в январе 1920 года по делам в Москву, направил на имя В. И. Ленина следующий документ:

«В Совет Рабоче-Крестьянской Обороны. Бывшего члена разгрузочной комиссии в Брянском жел. узле П. Н. Солонко, представителя от 14-й армии¹.

ДОКЛАД

В одном из заседаний по вопросу топливного кризиса на железных дорогах и заводах представители бывших мальцевских заводов заявили, что в районе Брянска по Московско-Киево-Воронежской дороге, на расстоянии 3-х и 4-х верст от полотна обнаружили уголь и другие ископаемые блага земли, как-то: сернистый колчедан и белый песок для фарфоровой посуды, который ранее привозился из-

¹ На конверте написано: «Председателю Совета Народных Комиссаров Российской Социалистической Федеративной Советской Республики товарищу Владимиру Ильичу Ульянову (Ленину) от П. Н. Солонко». Красными чернилами В. И. Ленин написал на конверте: «От П. Н. Солонко об угле в Мальцевском районе». Ред.

за границы. Площадь, на которой обнаружен уголь, равна приблизительно 40 верстам в квадрате. Добыча угля может равняться при теперешних средствах и продуктивности труда до 3 500 000 пудов в год, а если производство поставить хорошо и дать достаточное количество рабочих и всех необходимых материалов для копей, то добыча может быть равна более 10 000 000 пудов. Такой клад для исколодавшейся Республики оставить так нельзя, и нужно предложить кому следует приступить к разработке новых копей немедленно, тем более что уже там мальцевские заводы ведут незначительную работу по добыванию угля и такового добыто до 3000 пудов.

12 января 1920 года, г. Москва.

П. Н. Солонко».

В. И. Ленин написал на этом докладе следующую резолюцию:

«В Главуголь

На срочный ответ: 1) знают ли про это?
2) что именно известно?
3) есть ли литература об этом угле?
4) что сделано?
5) что делается?

14/1. Ленин»¹.

Конечно, по нынешним масштабам цифры о размерах добычи угля, приведенные мной в докладной записке, невелики. Наша страна шагнула далеко вперед. Но в тех условиях В. И. Ленин внимательно отнесся к моему докладу. 14 января 1920 года Владимир Ильич принял меня в Кремле для обсуждения затронутых в докладе вопросов. Он попросил меня представить ему дополнительные сведения об ископаемых богатствах недр Подмосковья. Известно, что до восстановления Донбасса уголь центральных районов страны играл существенную роль в топливном снабжении Советской республики, а в моей записке речь шла как раз об угольных районах, являвшихся отрогами Подмосковского бассейна.

Забегая вперед, скажу, что по просьбе Владимира Ильича в конце января 1920 года я подготовил для него дополнительную объяснительную записку с приложением документальных материалов. В их числе находились описания геологических изысканий, произведенных накануне первой мировой войны, сметы на производство работ. В записке я писал, что запасы каменного угля, железной руды, огнеупорной глины, кварца, колчедана, известняка, фосфорита, имеющиеся в этом месторождении, могут обеспечить предприятия прилегающего к Брянску района сырьем на десятки лет.

Моя беседа с В. И. Лениным не ограничивалась вопросами, затронутыми в докладе. Мы говорили о программе восстановления железнодорожного транспорта. Владимир Ильич попросил меня в отдельной записке изложить свои мысли по этому вопросу, так

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 118.

как я имел отношение к работе железных дорог (в годы русско-японской и первой мировой войн служил в железнодорожных войсках, а в то время, в 1920 году, участвовал в работе по восстановлению железнодорожных мостов на Украине). Много внимания в нашей беседе было уделено вопросам укрепления трудовой дисциплины, борьбе с бюрократизмом. Фактов волокиты я знал много и о наиболее разительных рассказал тут же в беседе. Владимир Ильич очень остро реагировал на недостатки в работе советского государственного аппарата, давал советы и указания о том, как скорее искоренить волокиту, это зло, доставшееся нам в наследство от эксплуататорского строя.

* *
*

Вот те воспоминания, которыми я хотел бы поделиться с читателем. Встречи с В. И. Лениным — самые памятные события в моей жизни.

*Вопросы истории КПСС. 1964.
№ 4. С. 88—90*

Д. И. Гразкин

ГЛУБОКОЕ ЗНАНИЕ ЖИЗНИ ТРУДЯЩИХСЯ

С Владимиром Ильичем Лениным я встречался много раз, особенно часто в 1917 году, в дни Чрезвычайного съезда крестьянских депутатов и II Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Я был председателем фракции большевиков этих съездов и впоследствии председателем фракции большевиков крестьянского исполнительного комитета, и мне неоднократно по различным вопросам приходилось обращаться к товарищу Ленину. О выступлениях В. И. Ленина на I крестьянском съезде уже упоминалось в литературе, и я этого касаться не буду. В литературе описано и выступление Владимира Ильича в 1906 году в Петербурге, на митинге в доме графини Паниной; я тогда впервые увидел и услышал нашего учителя, его речь произвела на меня и моих товарищей неизгладимое впечатление.

После Октябрьской революции и захвата нами Ставки XII армии в Валке я поехал в Петроград на Чрезвычайный съезд крестьянских депутатов, который открылся 10 (23) ноября 1917 года¹. Из участников съезда — членов нашей партии я помню товарищей Невского, Харитонов, Врачева, В. Соловьева, В. Гайле (впоследствии секретарь фракции большевиков крестьянского исполнительного комитета), Инессу Арманд, Иванова (впоследствии председатель Смоленского губисполкома), Сергея Гусева.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 91—101.

Все съезды тогда проходили весьма бурно, в том числе и этот съезд. Каждый пункт повестки дня, каждый вопрос вызывал отчаянные схватки. Благодаря исключительной большевистской спаянности, целеустремленности и напористости мы, делегаты-большевики, не только толкали левых эсеров на определение ими более ясной позиции, но «давили» и на весь съезд. Мы ставили всех делегатов перед прямым вопросом: за то ли съезд, чтобы сами крестьяне непосредственно взяли в свои руки устройство земельных распорядков, или они вместе с правыми эсерами, перебежавшими в лагерь богачей, за то, чтобы земельные распоряжки устраивали гучковы, львовы, милюковы и тому подобный контрреволюционный сброд? Правые эсеры этой нашей постановкой вопроса были взбешены, особенно тем, что мы их считали в лагере контрреволюции.

Понятно, что все установки до мельчайших подробностей я получал от Владимира Ильича. Приходилось поражаться его предвидению. Тактику эсеров он часто настолько точно разгадывал, что будто бы читал их мысли.

Однажды на третий день съезда утром я пошел к товарищу Ленину информировать его о работе съезда. В разговоре, между прочим, сказал, что, очевидно, радиотелеграмма о созыве съезда попала на места с запозданием, так как делегаты все время прибывают, а сейчас даже больше, чем в первые два дня. Товарищ Ленин, резко повернувшись ко мне, спросил: «Вы говорите, больше?» Я подтвердил. Тогда он, обратившись к только что вошедшему Я. М. Свердлову, сказал: «По-видимому, Авксентьев и Чернов хотят зацепиться за крестьянский съезд». И добавил, что правые эсеры, должно быть, сами послали приглашение на съезд, что «запоздавшие» умышленно запаздывают, что правые эсеры думают захватить крестьянский исполком, а если это им не удастся, то из «опоздавших» составить свой съезд. Свердлов заметил: «Вылетев из седла, на хвосте не удержишься». Ленин стремительно встал со стула и проговорил: «Надо столкнуть их скорее и с хвоста, чтобы не мешали».

Вернувшись на съезд, я выяснил, что действительно многие из опоздавших прибыли на съезд по приглашению Исполнительного комитета крестьянских депутатов (эсеровского), избранного I съездом, то есть по приглашению Авксентьева.

Атмосфера съезда накалялась. Обозначилось и некоторое колебание среди левых эсеров. Тогда на съезде выступил В. И. Ленин. Он, как я запомнил, говорил примерно следующее:

Рабоче-крестьянская революция окончательно победила в Петербурге. С фронта и из деревень ежеминутно поступают сведения о поддержке нового правительства подавляющим большинством солдат и крестьян. Декреты о мире и немедленной передаче земли крестьянам повсюду нашли полное одобрение. Помещики, капиталисты, все богатые и тянущие руку богатых отчаянно сопротивляются революции. Трудящиеся понимают, что богатые против власти народа. Враги народа хотят обмануть трудящихся, уверяя, будто большевистское правительство не есть Советское правительство.

Всем известно, что II съезд Советов утвердил состав правительства. Спасение от ужасов войны, от гнета помещиков и капиталистов — в крепком союзе крестьян с фабрично-заводскими рабочими. Судьба страны теперь в ваших руках, вы должны провести в жизнь Декрет о земле и создать на местах рабоче-крестьянскую власть. Далее Ленин говорил о перебежке в стан богачей правых эсеров, об обмане ими рабочих и крестьян, о предоставлении мест в правительстве представителям меньшинства съезда Советов при условии признания ими платформы Советов и высказал сожаление, что левые эсеры отказались на II съезде Советов войти в правительство.

Выступление товарища Ленина на съезде нанесло сокрушительный удар по правым эсерам и окончательно определило позицию левых социалистов-революционеров.

Съезд принял резолюцию в основном в духе выступления товарища Ленина. Съезд со знаменами и музыкой пошел в Смольный приветствовать Совнарком.

Новые делегаты, все время прибывавшие в Петроград, выражали недовольство тем, что им не удалось принять участие в работе съезда, а группа правых эсеров настаивала на открытии нового съезда, очевидно надеясь на захват исполкома. Чрезвычайный съезд крестьянских депутатов не без острой борьбы превратился во II Всероссийский съезд крестьянских депутатов (открылся 26 ноября (9 декабря) 1917 года).

Правые эсеры стали распространять среди делегатов паскудное антисоветское воззвание ко всем крестьянам, солдатам и рабочим, выпущенное от имени Исполкома крестьянских депутатов. Но им так и не удалось захватить руководство съездом.

И во время II Всероссийского съезда крестьянских депутатов я систематически получал от Владимира Ильича указания, касающиеся работы съезда. С ним часто встречались и совещались по вопросам работы съезда и левые эсеры.

В разговоре со мной товарищ Ленин рекомендовал вести усиленную агитацию среди делегатов съезда правых эсеров. Он говорил примерно следующее:

— Вы не смущайтесь. Эти делегаты называют себя социалистами-революционерами, но они не все такие испоганившиеся и прожженные политики, как Авксентьев и Чернов. Это в большинстве обманутые солдаты и крестьяне, не разобравшиеся в политике своих вождей. Пошли же они за их «фирмой» по укоренившемуся мнению, что якобы только социалисты-революционеры за мужика. Им надо терпеливо и настойчиво разъяснять разницу между нашей политикой и политикой Авксентьева, Маслова, Чернова.

Владимир Ильич взял со стола обращение правых эсеров и стал разъяснять, как использовать это обращение против самих правых эсеров.

— Вот видите, они тут говорят: «Ни одного дня отсрочки созыва Учредительного собрания». Надо задать вопрос: почему они раньше так не вопили? После этого укажите: Керенский обещал созвать

Учредительное собрание 8 июля — не собрал, обманул, обещал созвать к 17 сентября и опять обманул. Черновы и авксентьевы молчали. Потому молчали, что на словах они за народовластие, а на деле за власть буржуазии. И дальше глядите, что написано в обращении: Временное правительство объявило об окончательной разработке закона о передаче земли в распоряжение земельных комитетов. Тех самых комитетов, которые правительство Керенского арестовывало за захват помещичьих земель! Почему же Чернов, Маслов, Авксентьев тогда молчали? Да потому, что они защищали помещика от крестьянина, а не крестьянина от помещика. А если они сейчас заговорили о земле, то это только потому, что крестьянам надоело: восемь месяцев их кормили обещаниями, их терпение лопнуло, они сами стали брать землю, а правительство Керенского их расстреливало, как бунтовщиков. Вот где правда! Тут в обращении говорится и о мире. Разъясните делегатам, что Чернов и Авксентьев никогда не думали о скором мире. Все помнят их крики: «Война до победного конца». Если теперь они заговорили о мире, то это обман. Они хотят не мира, а выигрыша времени для собирания контрреволюционных сил. Они готовы пригласить немцев, англичан, французов, лишь бы отстоять власть помещиков и капиталистов. Старательно разъясняйте делегатам, что правительство большевиков не на словах, а на деле дало землю крестьянам, издало Декрет о мире. Мы провозгласили: «Вся власть Советам!» Теперь от самих крестьян зависит, сумеют ли они отстоять свои права против помещиков и их подручных — черновых, авксентьевых и масловых.

Обо всех указаниях товарища Ленина я сообщал на собраниях фракции большевиков. Но в экстренных случаях, когда фракцию собрать было невозможно, я об указаниях Ленина информировал в кулуарах более активных товарищей.

Мы вели агитацию на собраниях и в кулуарах, но и правые эсеры не спали. Они усиленно обрабатывали своих единомышленников, пуская в ход самую отчаянную демагогию, извращали факты, не считаясь с истиной. В результате подобной разнузданной обработки некоторые провинциальные простаки вылезали с этим примитивным багажом на трибуну съезда. 2 (15) декабря, перед тем как говорить товарищу Ленину, выступал как раз такой эсерик. Он повторил все пошлости продажной буржуазной прессы: о пломбированном вагоне, о немецких деньгах, о шпионах и т. п. В. И. Ленин стоял в президиуме несколько поодаль от трибуны и смеялся. Эсерик повернулся, очевидно полагая, что он убил Ленина своей пошлостью. А когда он в изумлении увидел, что В. И. Ленин смеется, то воскликнул: «Посмотрите! Посмотрите! Этот человек еще смеется!» Тут грянул смех всего зала. Эсерик растерялся и, желая выйти из неловкого положения, крикнул: «Чего вы смеетесь? Вот Ленин разгонит вас штыками» — и затем, промямлив несколько нечленораздельных слов, сошел с трибуны.

Товарищ Ленин, заявив, что он выступает от фракции большевиков и считает важным, чтобы мнение партии большевиков было известно съезду крестьянских депутатов, начал свою речь с послед-

него выкрика эсерака. В. И. Ленин сказал: «Когда я пришел сюда, я слышал часть речи последнего оратора, который, обращаясь ко мне, сказал вам, что я хочу разогнать вас штыками»¹.

Речь Ленина в основном сводилась к следующему.

Народ шел за социалистами-революционерами, покуда не увидел, что они не осуществляют его желания. Потом он убедился, что только большевики осуществляют его думы и чаяния, и пошел за большевиками.

Народ сам носитель и устроитель своей судьбы. Советская власть — самая демократическая власть, выше всяких Учредительных собраний.

Большевики уверенно смотрят в будущее, твердо знают, что народ за большевиков, за Советы.

Мы не допустим гибели народной власти, и все потуги врагов социалистической революции напрасны.

Речь товарища Ленина произвела громадное впечатление на участников съезда. Она была ясна, убедительна. Эта речь была образцом того, как можно самые сложные вопросы изложить простыми словами, понятными даже малограмотному, темному человеку. Таким же языком было написано и воззвание к крестьянам по поводу ухода правых эсеров со съезда. К сожалению, эта речь товарища Ленина не была подробно записана.

Правые эсеры ушли со съезда, увлекли за собой часть колебавшихся делегатов, открыли свой съезд, но потом колебавшиеся вернулись обратно. Оставшиеся правые эсеры — ничтожная кучка, человек сорок, — уже не имели большого политического значения.

Я не буду касаться работы Исполкома крестьянских депутатов, а также III съезда крестьянских депутатов, на котором был принят закон о социализации земли, хотя и в это время часто встречался с Владимиром Ильичем. Не буду касаться и последующих встреч с ним. Опишу лишь одну встречу, характеризующую работу товарища Ленина и его подход к решению важных проблем.

В конце декабря 1920 года во время моей работы помощником комиссара Главного управления путей сообщения по водному транспорту я, получив месячный отпуск, поехал в деревню — в Кирилловский уезд Вологодской области. В деревне я застал архитяжелое положение. Империалистическая, а затем гражданская войны нанесли сельскому хозяйству тяжелый урон, что не могло не отразиться на настроениях крестьян. Продразверстка не способствовала подъему сельского хозяйства. Крестьяне засевали минимум того, что требовалось для прокормления семьи. поголовье скота тоже резко сократилось. Крестьянские хозяйства не давали товарной продукции и становились почти натуральными. Это создавало тяжелые условия не только для сельского хозяйства, но и для промышленности. По приезде из деревни, в первых числах февраля 1921 года, я написал председателю ВЦИК Калинину письмо о положении в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 139.

деревне, в котором передавал настроения крестьян и их пожелания. Я предлагал установить такой порядок взимания продуктов с крестьянского хозяйства, при котором крестьянину заранее было бы известно, сколько с него продуктов пойдет государству и сколько он может оставить в своем распоряжении.

Тогдашний секретарь ЦК Крестинский, которому я отнес копию письма, выслушав его содержание, сказал:

— Это нужно немедленно послать товарищу Ленину. — И отдал распоряжение аккуратненько перепечатать письмо (оно должно быть где-нибудь в архивах¹).

Примерно дня через два или три мне позвонили и сказали, чтобы я немедленно шел к товарищу Ленину. Он принял меня в своем кабинете и стал подробно расспрашивать, какие типы крестьянских хозяйств существовали в нашей местности, какое положение их было до войны 1914 года, какое положение создалось к осени 1916 года, и особенно подробно, каково оно в настоящее время. Велики ли у крестьян наделы? Сколько в надел входит земли: пахотной, сенокосной, пастбищной, под лесами, неудобные? Какая почва преобладает? Какие культуры выращиваются? Каков урожай?

И когда узнал, что обычный урожай — «сам-пят», «сам-шест», а «сам-сем» считается хорошим урожаем, воскликнул:

— Какое варварское хозяйство! Сколько отнимает труда, а результат ничтожный, — и тут же спросил: — Может ли такое хозяйство обеспечить крестьянина?

Я ответил, что в нашем месте крестьяне не жили одной землей. У нас сравнительно неплохо развито скотоводство. Многие крестьяне имели по две коровы, а некоторые и по три.

В. И. Ленин начал расспрашивать: какой удой молока, куда сбывалось молоко?

Я сказал:

— Скупщик по договору со всей деревней законтрактовывал молоко, устраивал маслодельню, куда крестьяне и сдавали молоко. Масло он отправлял в Рыбинск или Петербург, а снятое молоко возвращал крестьянам.

В. И. Ленин заметил:

— Это не хозяйственно. Из снятого молока можно делать сыры. В этом случае молоко использовалось бы более рационально, — и тут же спросил: — Сколько скупщик платил за молоко?

— Когда я жил в деревне, я работал в такой маслодельне. Тогда цена была 40 копеек за пуд, а перед войной — кажется, 50—55 копеек.

Товарищ Ленин возмущенно сказал:

— Да это же прямой грабеж! Сколько же скупщик наживал на молоке?

¹ Письмо с надписью, сделанной В. И. Лениным на конверте: «Доклад Граскина (Главд) о деревне», хранится в ЦПА ИМЛ. *Ред.*

Я ответил, что скупщик наживался не только на молоке. Он держал лавчонку, в которой крестьяне за сданное ему молоко обязаны были брать товары. Такой же порядок существовал и на лесозаготовках.

Товарищ Ленин с грустью сказал:

— Сколько около крестьянина было загибаемых рук, разных «колупаемых» и «разуваемых»! Как много крестьянин мог при двух коровах получить дохода от молока в год?

— Рублей 80—100 самое большое. Да на лесозаготовках рублей 50—60.

Владимир Ильич взял карандаш и начал в блокноте подсчитывать. Попутно, как бы уточняя, спрашивал:

— Кроме картошки, овощи не было принято разводить? А из зерновых рожь и меньше овес? — И, подсчитав, спросил: — Как же жили крестьяне? Доходы неправдоподобно малы.

Я сказал:

— Владимир Ильич! Про нашу местность существовала поговорка: «Улома¹ дура, белянки² без крупы».

Владимир Ильич улыбнулся и сказал:

— Да, при урожае «сам-пят» не много круп наделаешь! Наверно, хлеба и на полгода не хватало,— и добавил: — Ничего-то про крестьянские хозяйства эти аграрные «теоретики» не знали, зато обывательской спеси хоть отбавляй.

Помолчав немного, очевидно раздумывая о чем-то, заметил:

— Пожалуй, нам придется подумать о контрактации сельскохозяйственных продуктов,— и после небольшой паузы добавил: — Но для этого надо иметь достаточное количество промышленных товаров и устойчивые цены.

Потом спросил:

— А сокращение запашек земли в настоящее время вызвано сокращением поголовья скота и лошадей?

— Нет, Владимир Ильич, не только этим. Мне крестьяне нашей деревни и соседних деревень прямо говорили, что нет никакого смысла подымать хозяйство, когда все отбирают.

Товарищ Ленин сказал:

— Вы в письме предлагаете заранее установить норму взимания продуктов с крестьянского хозяйства. А куда крестьяне будут девать излишки? Продавать? Значит, нужна торговля?

Я про себя подумал: вот я писал о нормах взимания продуктов, а мне и в голову не пришло, что это вызовет.

Товарищ Ленин, подчеркивая что-то в блокноте, как бы про себя проговорил:

— Теперь увеличение сельскохозяйственных продуктов — основное. Старые объемы крестьянского хозяйства при старых формах в дальнейшем не могут удовлетворить потребность страны.

Я в то время не понял смысла этих ленинских слов. Дошли они

¹ Улома — местность в Кирилловском уезде. Д. Г.

² Грибы. Д. Г.

до моего сознания, когда партия поставила вопрос об индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

В этом разговоре с товарищем Лениным меня поразили всесторонний его интерес к тому, что происходит в республике и что волнует трудящихся. Эта беседа происходила тогда, когда гениальный ум Ленина уже вынашивал план перехода к новой экономической политике. Прежде чем принять какое-либо важное решение, В. И. Ленин тщательно изучал вопрос не только по официальным материалам, но и по беседам с людьми. Вот поэтому-то Владимир Ильич знал положение в стране и жизнь трудящихся так глубоко, как никто другой в нашей партии.

*Воспоминания
о Владимире Ильиче Ленине.
М., 1957. Ч. 2. С. 141—148*

А. ЛОМОВ
А. С. КИСЕЛЕВ
Л. Н. СТАЛЬ
Я. С. ГАНЕЦКИЙ
М. А. АНДРЕЕВ
Ф. Ф. ОБРАЗЦОВ
Д. П. БОГОЛЕПОВ
А. М. КОЛЛОНТАЙ
М. И. БАРСУКОВ

Н. А. СЕМАШКО
А. Н. ВИНОКУРОВ
Н. П. ГОРБУНОВ
В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ
Е. К. КОКШАРОВА
А. Г. ШЛИХТЕР
П. Д. МАЛЬКОВ
М. Н. СКРЫПНИК
А. А. ИОФФЕ

Scan: Ershov V. G., 2006

А. Ломов

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ РАБОТЕ

Писать о роли Владимира Ильича в хозяйственном строительстве республики означает писать историю хозяйственного строительства. Фактически Владимир Ильич не только интересовался всеми наиболее выдающимися моментами восстановления нашего хозяйства, но он непосредственно вырабатывал, диктовал, предлагал, влиял всеми силами своего могучего мозга.

В первый период строительства Высшего совета народного хозяйства, питерский период, роль Владимира Ильича была необычайно велика. Ежедневно, часто по несколько раз или Осинский (первый председатель ВСНХ), или я, как его заместитель, бывали в Смольном у Владимира Ильича, советовались и обсуждали совместно все стороны хозяйственной жизни. Владимир Ильич подписывал бесконечное количество декретов о национализации различных заводов, причем он всегда подчеркивал, что национализировать гораздо легче, чем управлять национализированным. Однако поскольку настроение широких рабочих кругов, ярко выразившееся повсюду на местах, стояло за национализацию, постольку Владимир Ильич считал невозможным задерживать ее темп. Но уже в то время Владимир Ильич резко и решительно ставил вопрос о порядке управления национализированным.

Он впервые выдвинул вопрос о необходимости использовать в широких размерах специалистов. В то время когда по инициативе тов. Антипова впервые обсуждалось создание первого кожевенного главка, Владимир Ильич принял конструкцию управления по трем: треть — рабочих, представителей профсоюзов, треть — представителей технического персонала и треть — представителей буржуазии.

Часам к одиннадцати вечера мы все съезжались на заседания Совета Народных Комиссаров в Смольный, и здесь под председательством Владимира Ильича, большей частью до 4—5, а иногда и 6 часов утра обсуждались основные вопросы хозяйственной жизни страны. Владимир Ильич неизменно председательствовал на этих собраниях — не формально, а беря на себя инициативу при разрешении всех вопросов. Все резолюции обычно либо писались, либо диктовались Владимиром Ильичем. Он проявлял глубочайший интерес ко всем практическим деталям дела, не говоря о существе вопроса. Обсуждался ли вопрос о национализации нефтяной промышленности, он неизменно требовал специалистов этого дела (не-

сколько раз вопрос откладывался из-за того, что не был извещен Гуковский, долго работавший в нефтяном деле), стараясь поставить вопрос на практические рельсы, ненавидя всякие философские рассуждения. Когда обсуждался вопрос о национализации Волжского флота, он не только вызывал к себе представителей Центрального комитета профсоюза, он беседовал и с капитанами отдельных пароходов, и с представителями водников из Нижнего Новгорода, и со старыми организаторами (капиталистическими) этого дела.

Владимир Ильич уже весной 1918 года в дискуссии с нами, тогда «левыми коммунистами», резко поставил вопрос о превосходстве государственного капитализма по сравнению с прежним капиталистическим порядком в России и о необходимости сочетать свой «национализаторский пыл» с возможностью «переварить» все национализированные предприятия. Он уже тогда указывал, что мы национализировали больше предприятий, нежели это под силу для деловитого нашего управления ими, и уже тогда слышался его предостерегающий голос о том, как бы не «обожраться», как «обожрется» германский империализм Украиной.

Тем не менее история требовала от нас более решительного темпа национализации промышленности.

Гражданская война субсидировалась целым рядом собственников предприятий, опиралась на них. Чистая политика заставляла нас резко пойти по пути национализации, и 28 июня 1918 года по инициативе Владимира Ильича, под его непосредственным руководством Совет Народных Комиссаров принял декрет об общей национализации всех наиболее крупных предприятий России.

Владимир Ильич ни на одну минуту не забывал практической почвы. Он требовал от нас, сидевших тогда в ВСНХ, сведений о том, как проходит фактическая передача предприятий в руки новых правлений, не разваливаем ли мы национализированные предприятия, какова выработка, кто, где и на каком предприятии назначен управляющим и т. д.

Эта черта — каким-то чутьем всегда найти наиболее слабое, уязвимое место в системе, найти то звено, которое является наиболее больным в цепи событий, — являлась характерной для Владимира Ильича. И уж нутужно бывало, когда Владимир Ильич, открыв слабые стороны, начнет энергично на тебя насаждать: телефонные звонки днем, ночью, записочки от руки, в которых Владимир Ильич требует к такому-то часу «принять необходимые меры и о мерах доложить»; — все это повышало темп работы настолько, что буквально приходилось кипеть.

Владимир Ильич поставил себе за правило узнавать обо всем происходящем в хозяйственном строительстве не только от руководящей коллегии, верхушки, но он старался выявить все наиболее важное через отдельных рабочих из низов. Он принимал непосредственно и управляющих заводами, и просто наиболее талантливых и выдающихся рабочих.

С большой охотой он выслушивал соображения крупнейших специалистов, инженеров-практиков, и надо сказать, что каждый

из этих товарищей инженеров с величайшей теплотой и уважением вспоминает до сих пор о своих разговорах с Владимиром Ильичем. Мне не раз приходилось слышать от них, как они все искренне поражались умению Владимира Ильича с полуслова схватывать существо дела и затем простыми словами формулировать большому специалисту существо вопроса. Товарищи часто указывали, как иной профессор или инженер шел разговаривать с Владимиром Ильичем, желая его «научить», и с величайшим изумлением уходил после разговора, весьма многому «научившись» у Владимира Ильича.

Владимир Ильич видел насквозь и умел взять от каждого все, что ему нужно.

Во всех сколько-нибудь крупных хозяйственных кампаниях чувствуется Владимир Ильич. Он первый поставил на практическую почву борьбу с тем бюрократизмом, которым, как шерстью, обрастали наши хозяйственные учреждения. В своих речах на съездах совнархозов он неоднократно бичевал его. Одним из первых он выступил решительно против коллегиальности в управлении предприятиями — этого демократического парламента, наследия керенщины. В вопросах о взаимоотношениях хозорганов и профсоюзов он взял решительный курс и этим предопределил судьбу вопроса. Когда многие товарищи зарывались и старались из ВСНХ сделать единый хозяйственный комиссариат и для промышленности, и для земледелия, и для продовольствия и торговли, он всегда ироническим, едким словом выбивал оружие из рук зарвавшихся товарищей. Достаточно было Владимиру Ильичу с едким словечком о «всемирном совнархозе» выступить на нашем партийном съезде, чтобы уложить в гроб эту идею. В вопросе организации планового хозяйства место Владимира Ильича самое основное: по его идее создан Госплан, и он же первый ясно формулировал отношение партии к идее электрификации: «век пара — век буржуазии, век электричества — век пролетариата». План проведения в жизнь электрификации России для Владимира Ильича — экономическая программа осуществления социализма.

Владимир Ильич придавал гигантское значение вопросам соревнования. Ему принадлежит идея привлечения иностранного капитала путем концессий. Он не раз и не два своими телефонными звонками торопил меня быстрее и быстрее выпустить книжку о концессиях: «Вы опять копаетесь...» Он поддерживал до самой своей смерти все иностранные группки товарищей, которые переселились к нам в Советскую Россию и образовали артели, внося новые американские и европейские методы и навыки в производство и жизнь.

Я вспоминаю, с каким интересом Владимир Ильич следил за тракторным товариществом в Пермской губернии и радовался каждому успеху, о котором сообщали ему товарищи с места. Он интересовался этим делом настолько, что писал записочки кому нужно об ускорении отпуска нефтетоплива для тракторов, на железные дороги — о переброске тракторов, он посылал нужных людей, которые бы могли перевезти тракторы, и т. д.

Владимир Ильич умел ценить специалистов. За учебу у специалистов он не жалел платы, он понимал, что за науку надо платить. «Умный коммунист не побоится учиться у капиталиста и у спеца» — слова Владимира Ильича, брошенные им в 1921 году.

И Владимир Ильич решительно проводил эту линию в жизнь. Без всяких левых фраз, просто и скромно, с нечеловеческой энергией он вел и двигал работу. После перехода к нэпу именно Владимир Ильич поставил на новые рельсы Совнархоз, поддерживая идею создания трестов.

Он лично принимал у себя товарищей, которым первым пришла в голову эта мысль (Либерман из Северолеса), и, когда эта мысль на практике получила удачное разрешение, он ухватился за нее и торопил, толкал, двигал вперед это дело, пока вся промышленность не трестировалась.

Владимир Ильич является душой и мозгом всего современного хозяйственного строительства России. Только его энергии и его блестящей изворотливости, умению выйти из любых затруднений обязаны мы тем, что теперь советское хозяйство выходит из чрезвычайно тяжелой полосы, в которой оно находилось в первые годы революции.

Ни один товарищ, которому довелось вместе с Владимиром Ильичем работать в заседаниях в годы хотя бы топливного кризиса, когда мы ежедневно под его председательством после Совета Оборона начиная с 11 часов вечера вновь заседали, никто не забудет того величайшего наслаждения, которое мы получали от неукротимой работы могучего мозга Владимира Ильича.

Работа хозяйства поставлена на нынешние рельсы Владимиром Ильичем. Теперь, когда его с нами нет, наша задача — идти по намеченному им пути наиболее быстро и энергично. Это будет самым лучшим памятником великому хозяйственнику и талантливейшему строителю царства будущего.

*Экономическая жизнь. 1924.
25 января*

А. С. Киселев

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ «ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ»

После Октябрьского переворота, когда власть перешла к Советам, руководимым большевиками, мы считали своей обязанностью немедленно поставить в центре все наболевшие вопросы иваново-вознесенского городского хозяйства. Подготовив все сметы по нуждам городского самоуправления и соответствующие материалы для получения займов, штаб революционных организаций и городская управа обсудили вопрос о том, кого из иваново-вознесенской организации направить в Петроград для того, чтобы успешно выполнить стоящие перед ними задачи. После тщательного обсуждения выбор пал на меня, как председателя штаба революционных орга-

низаций и как члена городской управы. Большую роль играло при этом и то, что меня знал Владимир Ильич лично по подпольной работе, и поэтому можно было надеяться, что мне скорей, чем кому бы то ни было, удастся добиться встречи с ним для изложения нужд Иваново-Вознесенска и удовлетворительно разрешить вопрос о кредитах для города. Кроме меня, в состав комиссии был выделен еще бухгалтер отделения Государственного банка, который должен был обосновать с цифрами в руках все потребности и нужды, которые предъявлялись к иваново-вознесенскому отделению Госбанка на денежные знаки. В свою очередь, городская управа наметила в состав комиссии своего бухгалтера, который вооружился всеми данными и сметами и должен был обосновать получение кредитов, необходимых для иваново-вознесенской городской управы.

ПЕТРОГРАДСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Когда наша делегация приехала в Петроград, то оказалось, что весь город превращен в вооруженный лагерь. На всех перекрестках улиц, на площадях и посередине больших улиц стояли патрули красной гвардейцев. Нередко можно было видеть, как вооруженные красной гвардейцы тянулись длинной вереницей в направлении фронта красновских войск, расположенных тогда недалеко от Петрограда. Проходя по улицам или проезжая в трамвае, можно было повсюду слышать обывательское шипение и недовольство Октябрьским переворотом. Надо заметить, что в то время выходили газеты всех направлений: эсеровские, меньшевистские, анархистские, кадетские и даже черносотенцев. Всей этой печатью была поднята неистовая, бешеная кампания против новой Советской власти, и поскольку вся эта многочисленная пресса травила и ругала большевиков в печати, естественно, и обыватель считал своей обязанностью повторять всю эту ложь, клевету, всю низкопробную демагогию, какую только можно было придумать. Многие утешали себя тем, что все равно это не надолго: большевики, мол, через несколько дней слетят, так как они управлять государством не сумеют, указывали, что против большевиков интеллигенция, что уже забастовали чиновники, что Керенский двигается на Петроград с огромным количеством войск, которые через несколько дней сметут большевиков, и что буржуазия снова придет к власти. Указывалось, что, наконец, большевики не сумеют достать ни хлеба, ни сырья, ни топлива для промышленности, а закончить войну не позволят союзники. Словом, пускались в ход все аргументы, какие тогда приводились в печати и какие можно было придумать самому обывателю. Такими вот неприветливыми выкриками и упреками встретила нас мелкобуржуазная стихия революционного центра, Петрограда.

Для выполнения миссии, возложенной на нас иваново-вознесенским пролетариатом, необходимо было пробраться в Смольный. Вокруг Смольного в разных местах были расставлены патрули красной гвардейцев. От Смольного и к Смольному сновали автомобили

и двигалось туськом в различных направлениях бесчисленное множество всякого рода людей (тут были и рабочие, и красногвардейцы, и солдаты, и лишь изредка встречалась «чистая публика»), так как он являлся центром, куда стремилась вся рабочая, крестьянская, солдатская и красногвардейская масса.

ПОСЕЩЕНИЕ СМОЛЬНОГО. ВСТРЕЧА С ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧЕМ

В Смольный я отправился один. Предъявив свой мандат, я без особого труда проник внутрь Смольного. Осведомившись у первого попавшегося красногвардейца, стоявшего на карауле, я узнал, что кабинет Владимира Ильича находится наверху. Когда я поднялся на третий этаж Смольного, то, обратившись к первому стоявшему у двери часовому, я спросил: «Где помещается Владимир Ильич?» Солдат дружелюбно махнул рукой, указав мне в глубь коридора на левую сторону. На мой вопрос: «Какой номер комнаты?» — солдат ничего определенного не сказал, буркнув: «Там дальше спросишь». Ничего определенного от него не добившись, я пошел вперед, разглядывая все двери, находящиеся на той и другой стороне коридора, ища какого-нибудь признака, указывающего на местопребывание Владимира Ильича. Взглянув внезапно в глубь коридора, я увидел шедшего торопливой походкой Владимира Ильича, направлявшегося в мою сторону. Владимир Ильич хотя и смотрел вперед, тем не менее был поглощен какой-то мыслью и, по видимому, не замечал людей, попадающихся ему навстречу. Лицо Владимира Ильича выражало глубокую внутреннюю работу мысли, а общий вид его был заметно усталый. Если нам, провинциальным работникам, в первые дни Октябрьского переворота приходилось работать целые ночи, то нечего и говорить о том, что Владимир Ильич, неотлучно находившийся в первые дни после Октябрьского переворота в Смольном, работал без усталости, проводя бессонные ночи...

Вначале я колебался, стоит ли отрывать Владимира Ильича от дела, по которому он спешил, и от той напряженной работы, которой он был поглощен, но большой соблазн воспользоваться представившимся мне случаем — лично поговорить с Владимиром Ильичем — взял верх над всеми другими соображениями, и я, остановившись перед самым его лицом, довольно громко сказал: «Здравствуйте, Владимир Ильич». Владимир Ильич как бы встепенулся от глубокого раздумья, быстро взглянул на меня, как бы припоминая, где это он меня видел, и, быстро узнав меня, сказал: «Здравствуйте, товарищ Киселев. Откуда?» Я ответил, что приехал из Иваново-Вознесенска. «Что там делаешь?» Я ответил, что сейчас являюсь председателем штаба революционных организаций. Тогда Владимир Ильич начал закидывать меня вопросами: «Ну, как у вас там дела? Как произошел Октябрьский переворот? Как относятся рабочие к Октябрьскому перевороту? Каково настроение войск в

Иваново-Вознесенске? Как встретили Октябрьский переворот крестьяне?»

Я кратко передал о том, что в Иваново-Вознесенске рабочие встретили Октябрьский переворот с восторгом; указал, что на рабочих Иваново-Вознесенска можно вполне положиться, ибо иваново-вознесенские рабочие к Октябрьскому перевороту уже давно были подготовлены. Еще в июльские дни они фактически захватили власть в свои руки и только дожидались сигнала. Далее я сказал о том, что гарнизон также надежен, с восторгом приветствует Октябрьский переворот; что я сам был на первом гарнизонном собрании после Октябрьского переворота, делал там доклад и могу засвидетельствовать, что солдаты в трудные минуты будут в первых рядах бороться, защищая Советскую власть. О крестьянах у меня были сведения более скудные, но так как рабочие Иваново-Вознесенска являются полупролетариями-полукрестьянами и во Владимирской губернии вообще, а в Иваново-Вознесенском районе в частности крестьянство тесно переплетено с рабочими и так как в рабочих районах один, два, иногда три члена семьи работают на фабрике, то я высказал мнение, что крестьянство также одобряет Октябрьский переворот. Об этом, между прочим, и свидетельствовали резолюции, выносимые на крестьянских съездах перед Октябрьским переворотом. Сообщив затем о некоторых трудностях, которые встречались в начале Октябрьского переворота, я указал, что первые два дня после Октябрьского переворота у нас почтово-телеграфные служащие отказались работать под контролем рабочих, поставленных от штаба революционных организаций и Совета рабочих депутатов, и, испортив аппараты, все дружно забастовали. Штаб революционных организаций Иваново-Вознесенска, придавая огромное значение почтово-телеграфной связи, решил всех почтово-телеграфных служащих арестовать, после чего почтовики быстро отказались от забастовки, исправили испорченные аппараты и приступили к работе. Рассказал также о попытке Викжеля толкнуть железнодорожных рабочих и служащих Иваново-Вознесенского железнодорожного узла к забастовке и о том, как рабочие и служащие все же приняли резолюцию, одобряющую Октябрьский переворот и обещающую вновь организованному Советскому правительству полную поддержку.

Во время этого разговора мы направились в кабинет Владимира Ильича и уселись за стол, заваленный бумагами, газетами и картами. Владимир Ильич внимательно слушал, радостно улыбался и решительно одобрял наши действия. Тогда я перешел на трудности, которые стояли перед Иваново-Вознесенском после Октябрьского переворота, указал, что у нас в настоящее время не имеется продовольствия, что рабочие находятся в ужасно тяжелом положении, что касса отделения Государственного банка пуста, что нигде — ни в городском управлении, ни в казначействе, ни в отделении банка — нет денежных знаков, что все общественные организации осаждаются рабочими, крестьянами, служащими, инвалидами и семьями принятых на военную службу, что мы находимся в неве-

роятно тяжелых условиях и крайне нуждаемся в поддержке Советского правительства. Я сообщил Владимиру Ильичу, что в Иваново-Вознесенске еще перед Октябрьским переворотом городская управа находилась в руках большевиков и правительство Керенского сознательно не принимало поэтому никаких мер для того, чтобы оказать материальную помощь для организации городского хозяйства; что в настоящее время городская управа и пролетарское население Иваново-Вознесенска находятся в таком положении, что необходима скорая помощь в виде выдачи долгосрочной ссуды.

Владимир Ильич меня прервал, сказав: «Я сейчас поговорю с товарищем Менжинским, который стоит во главе вновь организованного комиссариата финансов, а по вопросам продовольствия и кредитов поговорим с другими товарищами». Он куда-то вышел и минут через 10 вернулся и сказал: «Пойдемте». Мы прошли мимо часового, стоявшего у первой двери, потом прошли еще через одну дверь, охраняемую часовым, и там увидели т. Менжинского и т. Аксельрода, с которыми т. Ленин меня познакомил, сказав при этом: «Вот товарищ Киселев, делегированный от штаба революционных организаций Иваново-Вознесенска; у них там скверное положение с денежными знаками, и необходимо товарищу Киселеву оказать всяческое содействие. Вы поговорите с товарищем Пятаковым, чтобы он сделал все, что нужно».

Затем Владимир Ильич поручил товарищу, сидевшему в этой же комнате, соединить его немедленно с комиссаром продовольствия т. Шлихтером, и через несколько секунд Владимир Ильич разговаривал уже с комиссаром продовольствия. Разговор был примерно такой: «Вот сейчас придет к вам товарищ Киселев, представитель иваново-вознесенских организаций, нужно ему оказать всяческое содействие в деле получения продовольствия». Тут же он предложил мне отправиться в Комиссариат продовольствия лично и изложить там свои нужды. По вопросу о получении городских кредитов Владимир Ильич направил меня в бывшее министерство внутренних дел, где помещался Наркомвнудел, временно возглавляемый членом Государственной думы т. Петровским. На прощание Владимир Ильич сказал: «Если будут какие-нибудь трудности, то загляни ко мне опять, а теперь продвигай все сам». На этом окончилась моя беседа с Владимиром Ильичем.

Он вернулся в свой кабинет, а я остался с т. Менжинским и рассказал ему более подробно о финансовом положении дела в Иваново-Вознесенске...

Во время моего пребывания в Петрограде как раз шло в ЦК обсуждение кандидатур на освободившиеся посты наркомов. Владимир Ильич выставил мою кандидатуру на пост наркома внутренних дел. По-видимому, этот факт находился в прямой связи с моим докладом о положении в Иваново-Вознесенске. Во всяком случае, мне передавали, что Владимир Ильич, неоднократно выступая на том или ином собрании в Петрограде и парируя удары вышедших из ЦК партии товарищей, указывавших на невероятные трудности, стоящие перед нашей партией, говорил, что мы все трудности пре-

одолеем, но нужно не отступать, а действовать смело и решительно против всех тех саботажников, которые стоят на нашем пути и чинят препятствия закреплению Октябрьских завоеваний. Как на пример решительности, Владимир Ильич указывал на действия иваново-вознесенских рабочих. Так как я возглавлял штаб революционных организаций Иваново-Вознесенска, то Владимир Ильич, по-видимому, остановился на мне как подходящем кандидате. К тому же Владимир Ильич знал меня с 1914 г., когда я приезжал по партийным делам к нему за границу и жил у него недели 2¹/₂; в то же время после одного совещания с членами ЦК партии, приехавшими из России, я был кооптирован в члены ЦК партии (в 1917 г. был избран кандидатом в члены ЦК партии).

О выставлении моей кандидатуры на пост наркома внутренних дел сообщил мне т. Бубнов, входивший тогда в состав ЦК партии. Владимир Ильич поручил ему переговорить об этом со мной. Выслушав сообщение т. Бубнова, я был очень удивлен и смущен. Передо мной встали все огромные трудности, связанные с руководством Народным комиссариатом внутренних дел, и я, сравнив скромные задачи провинциального городка Иваново-Вознесенска с задачами Наркомата внутренних дел 150-миллионной страны, немного подумав, сказал т. Бубнову: «Передайте Владимиру Ильичу, что я считаю себя неподходящим кандидатом на пост народного комиссара внутренних дел, эта задача будет мне не под силу, и поэтому я прошу снять мою кандидатуру». Помнится, в этот же вечер я сел в поезд и отправился обратно в Иваново-Вознесенск.

Советское строительство.
М., 1927. № 10—11. С. 109—113, 115

Л. Н. Сталь

РАБОТНИЦА В ОКТЯБРЕ

Величайшая пролетарская революция, являющаяся прологом мировой революции, совершилась в России при участии и сочувствии большинства пролетариата города и деревни и самых отсталых слоев его — женского пролетариата.

В этой заметке я хочу коснуться только одного из эпизодов Октябрьской революции и отношения к нему работниц Петрограда, работниц совершенно неорганизованных, среди которых велась до Октября только массовая работа.

После Февральской революции делались попытки наладить организацию работы среди женского пролетариата по примеру германской социал-демократии, но эти попытки разбивались о сопротивление районных работников нашей партии. Они находили, что ведение специальной работы среди женщин очень пахнет феминизмом, что не для чего разделять партийной работы среди пролетариев обоего пола. Попытки ПК организовать общепетроградский центр для работы среди женского пролетариата поэтому не удавались. Единственным объединяющим центром для такой работы являлся орган Центрального Комитета «Работница».

Этот журнал пытался заводить связи на фабриках и заводах для того, чтобы иметь постоянных корреспондентов из жизни рабочих. И вот по инициативе редакции «Работница» и группы рабочих из районов, с разрешения Петербургского комитета была созвана первая беспартийная конференция рабочих города Петрограда.

Работа велась очень интенсивно, с большим подъемом, в атмосфере нарастающей Октябрьской революции. Буквально не была пропущена ни одна фабрика, ни один завод. Было избрано 600 делегатов, приблизительно от 80 тысяч рабочих. Конференция назначена была на 25 октября. Инициаторы ее не предполагали, что как раз в этот день рабочие и солдаты Петрограда будут осаждать Зимний дворец, охраняемый юнкерами и ударниками из буржуазного класса. Понятно, что в этот важный момент, когда лишали полномочий предательское правительство Керенского, конференцию пришлось отложить. Она состоялась 6 ноября. В это время наша революция переживала один из своих критических моментов. Оппортунистические вожди Викжеля и Почтово-телеграфный союз требовали организации власти из представителей всех социалистических партий. Это вызвало раскол и в среде партии большевиков. Часть наших товарищей, в том числе Зиновьев и Каменев, высказывались за коалицию всей демократии; три большевика вышли из состава народных комиссаров, настаивая на том же самом. В момент революционного действия, когда необходимо единство воли и концентрация энергии в одном направлении, организация власти на таких коалиционных началах грозила погубить результаты первой победы.

Высказалась по этому вопросу и беспартийная женская конференция. Центральной фигурой ее была Александра Михайловна Коллонтай, бывшая тогда комиссаром социального обеспечения. Она увлекала рабочих своим горячим словом, она разжигала их революционный энтузиазм. К концу второго дня конференции рабочие уже разбирались в той гигантской классовой борьбе, которую зажег Октябрь; они ясно поняли роль каждой партии в этой революции. Стоило Александре Михайловне появиться на конференции, как рабочие все подымались, встречая ее долго не смолкаемыми аплодисментами. Тем более характерно отношение рабочих к ее предложению избрать делегацию в Смольный, чтобы *примирить* разногласия в нашей партии по вопросу об организации власти и высказаться в духе соглашения с другими социалистическими партиями. Странно было делать беспартийную пролетарскую массу арбитром в партийном вопросе. Но Октябрьская революция делалась массами, и дальнейший ее успех зависел от сознательного отношения и поддержки пролетариата, поэтому автор этих строк нашел нужным выступить с противоположным предложением: *приветствовать политику Центрального Комитета нашей партии, руководимого Лениным и Троцким, и призвать товарищей, вышедших из Совета Народных Комиссаров и ЦК партии, прекратить свою дезорганизующую работу и, подчинившись большинству, занять свои посты.* Это предложение, поддержанное Клавдией Ни-

колаевой и еще несколькими ораторами, было принято *единогласно* конференцией.

Поздно ночью выбранная конференцией делегация направилась в Смольный.

Темная осенняя ночь. Костры, разведенные вокруг Смольного, освещающиеся многочисленные патрули произвели на нас сильное впечатление. Ряд темных коридоров — и мы наконец в комнате, отделяющей нас от заседания Петроградского Совета. Каменев и Зиновьев были заняты на заседании. Нас повели в другую комнату, и мы увидели вождей революции, Ленина и Троцкого. Троцкий был совершенно спокоен; лицо Ленина было очень утомленное, на нем отражались следы ряда бессонных ночей. Взгляд Владимира Ильича как будто спрашивал нас: для чего вы пришли? наше время нам так дорого!

Когда тов. Николаева своим звучным и внушительным голосом заявила: мы пришли приветствовать вас от имени 80 тысяч петроградских рабочих; мы всецело поддерживаем вашу политику в вопросе об организации власти, и мы порицаем тех товарищей, которые внесли раскол в такую трудную минуту, то бледное лицо Владимира Ильича озарилось улыбкой, как солнечным лучом.

Я не могу восстановить в памяти, что отвечали нашей делегации Ленин и Троцкий; помню, что Ленин был краток, а Троцкий сказал длинную и красивую речь. Надо, чтобы питерские рабочие восстановили в своей памяти этот момент и сказанные нашими вождями слова.

Происходившая затем беседа с Каменевым и Зиновьевым затянулась до рассвета. Зиновьев употребил все свое красноречие, чтобы убедить рабочих в правильности своей позиции. Получилась целая дискуссия, в которой приняли участие все члены делегации. Но красноречие и эрудиция товарища Зиновьева не могли победить здорового классового инстинкта, и рабочие остались при своем мнении, что Совет Народных Комиссаров должен быть организован из представителей той партии, которая свергла правительство Керенского, которая стоит за беспощадную борьбу с капиталистическим режимом и с идеей коалиции с буржуазией.

Эта твердая убежденность вдохновляла рабочих Питера в защите революции, давала им силу переносить всякие испытания в борьбе с буржуазией всего мира и помогла власти Советов дожить до пятой годовщины своего существования.

*Пролетарская революция. 1922.
№ 10. С. 299—301*

Я. С. Ганецкий

ЛЕНИН И НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЧАСТНЫХ БАНКОВ

Когда начинаю вспоминать о встречах с Владимиром Ильичем, прихожу к выводу: все мы, сталкивавшиеся с ним непосредственно в работе, были до невозможности некультурными. Мы не только

постоянно тревожили и дергали его по всяким мелочам, но, получая от него целый ряд записок, телефонограмм и письменных инструкций, в большинстве случаев уничтожали или забрасывали их. Между тем эти письменные памятки, на вид незначительные, необыкновенно характеризуют Ильича. Тут мы можем проследить не только его гениальный ум, но и его решительность, вместе с тем и осторожность, его стремление подталкивать нас всех к точному, аккуратному исполнению наших задач; тут проявлялась также его чуткость, его доброта.

Во время моего пребывания в Народном (бывшем Государственном) банке мне часто приходилось беседовать с Ильичем о нашей работе и получать от него указания. Многие инструкции получались в письменной форме. Но в большинстве случаев это были не «казенные» бумаги, написанные на машинке с тремя подписями, с номером, зарегистрированные в канцелярии, а маленькие записки, лично Ильичем написанные... Где они теперь?.. Писать по памяти об Ильиче трудно. Необходимо быть весьма и весьма осторожным, иначе будешь неточным...

И по работе Народного банка Ильич интересовался всякими деталями.

Заставить спецов работать для Советского государства, но одновременно дать им возможность работать в сносных условиях, не слишком прижимая их. Припоминаю следующие характерные случаи.

В Петербурге в начале 1918 года я натолкнулся в банке (бывшем Государственном) на какие-то таинственные документы, доказывающие, что перед самым Октябрьским переворотом было вывезено из Питера в Стокгольм золото в слитках на 5 миллионов. Официально золото вывез Азовско-Донской банк и депонировал в Шведском государственном банке.

От добросовестных работников бывшего Государственного банка я узнал, что Азовско-Донской банк как представитель концерна русских банков выступал здесь лишь формально, а фактически, по указанию Временного правительства, высылал золото Государственный банк. Мне при этом было объяснено, что золото вывозилось весьма конспиративно. Поезд с золотом из Нижнего Новгорода был направлен в Москву, а в пути маршрут был изменен на Петроград, куда поезд «особого назначения» прибыл ночью и тут же был передан на Финляндский вокзал, откуда тотчас же направлен в Финляндию для дальнейшей отправки в Швецию.

У нас, естественно, зародилось подозрение, что Керенский, предвидя свой последний час, постарался вывезти «на всякий случай» крупную сумму. Необходимо было установить точно, в чем дело, и предотвратить возможность получения этих денег Керенским...

Сведения могли дать только оставшиеся в Питере директора частных банков. При существовавшем тогда враждебном отношении у этих господ к Советскому правительству нельзя было сомневаться, что добровольно они никаких объяснений не дадут.

Арестовывать их как-то не хотелось. Ильич одобрил мое пред-

ложение. «Задержать» директоров и, если дадут искреннее разъяснение, немедленно отпустить. Делом этим Ильич поручил мне лично заняться и доложить ему, прежде чем выпустить задержанных.

Тов. Дзержинский дал распоряжение ЧК доставить указанных директоров в Сибирский банк (не в ЧК)... Испуганные обыватели всё объяснили. Временное правительство предполагало получить у шведского правительства заем в 30 миллионов шведских крон. В обеспечение займа оно обязалось депонировать в Шведском государственном банке такое же количество золота. Посланные 5 миллионов были первым взносом, но кредита шведы не успели уже дать, так как тут же произошел переворот. Деньги принадлежали казне, русские банки выступали лишь фиктивно. Все документы хранились в Государственном банке. Частные банки не знали даже, как и когда перевозится золото. Они догадывались лишь, что Керенский весьма форсирует перевозку золота в Швецию.

С этими объяснениями я отправился в Смольный, доложил Ильичу полученные сведения и предложил немедленно освободить директоров. Ильич поручил их тут же освободить и успокоить, что их по этому делу больше тревожить не будут, и велел принять меры против получения этих денег Керенским. Так, после нескольких часов задержки директора были на автомобилях отправлены обратно домой...

Вскоре после этого я был командирован в Швецию для зондирования почвы, нельзя ли получить нам обратно эти деньги.

Отношение к нам шведского правительства окончательно еще не выяснилось. Оно не решилось нас признать, но оно вместе с тем с нами не порвало и признавало тов. В. В. Воровского нашим полуофициальным представителем. При известном нажиме и помощи Азовско-Донского банка золото это можно было бы получить...

В Швеции тогда находился председатель Азовско-Донского банка Борис Абрамович Каменка. С тов. Воровским мы решили переговорить с ним и предложить подтвердить наше законное требование относительно выдачи нам золотого депозита. Ясно, Каменка держал себя здесь иначе, чем его коллеги в Питере, в Сибирском банке. В общем он был довольно сдержанным. Вначале как будто колебался и просил дать ему один день для ответа. За этот день он, очевидно, посоветовался со своими друзьями и дал нам отрицательный ответ: дескать, сам он разрешить этого вопроса не вправе, так как Азовско-Донской банк действовал от имени всего концерна... Золото мы, таким образом, не получили (оно и до сих пор не возвращено). Но мы предприняли необходимые шаги для того, чтобы оно не досталось Керенскому и его братии...

Каменка весьма интересовался положением в России. Ему, видимо, тяжело было сидеть вдали без дела. Я ему указывал, что он напрасно уходит от работы, наше правительство даст ему полную возможность работать, поскольку он будет придерживаться нашей банковской и финансовой политики. Каменке тяжело было вести этот разговор: работа тянула, но работать по указаниям большевиков казалось ему не особенно приманчивым.

Я сделал еще один приступ. В этот период должны были начаться дополнительные переговоры с Германией по реализации наших брестских обязательств. Я был назначен в делегацию как «специалист» по банковским делам. Перспектива встретиться за зеленым столом с немецкими тузами-банковиками Мендельсоном, Глазенапом и другими не особенно радовала меня. Я думал, хорошо было бы привлечь в помощь кого-нибудь из старых банковских деятелей. Зная отношение Ильича к спецам, я, хотя и не имел указания, решил предложить Каменке поехать в Берлин на переговоры в качестве эксперта. Наше предложение (я всегда беседовал с ним вместе с тов. Воровским, а вначале принимал участие также тов. Л. Б. Красин) произвело на него ошеломляющее впечатление. Он, однако, сразу не отказал, а лишь дискутировал.

— Помилуйте, я являюсь вашим противником, я вашего правительства не признаю, а вы желаете, чтобы я помог вам вести переговоры.

— Но ведь вы должны считаться с фактом, что власть сейчас в руках большевиков и большевики должны договориться с немцами. Если вы утверждаете, что мы недолго удержимся у власти и отечество избавится от большевистского насилия, то тем более должны нам помочь, чтобы мы меньше ошибок сделали.

— Да это невозможно. Ведь немцы знают, что я являюсь противником Брестского договора, и мое появление на конференции было бы для них непонятно.

— Так вы можете указать, что с нами не согласны, но считаете своим долгом помочь нам, так как этого требуют интересы отечества, о котором вы нам столько рассказывали.

— А что сказали бы мои коллеги-единомышленники?

— Поезжайте тогда частным образом в Берлин, и мы в случае надобности будем с вами советоваться.

— Нет, это уже никак неудобно. Ведь меня там все знают, и сразу будет известно, зачем я приехал. Нет, я не поеду...

— Мы так и запомним. Мы лояльно предлагали вам помочь нам вашими советами, а вы окончательно отказываете. Если нам по неопытности нашей придется немцам больше уплатить, это будет ваша вина...

Как известно, делегация наша не так уж плохо вела переговоры. А Брестский мир рухнул скоро и во всяком случае не под напором господ Каменка. Характерно, однако, как эти господа в начале Октябрьского переворота были нерешительны и не знали, как им действовать.

Когда я после возвращения в Москву рассказывал Ильичу о наших переговорах с Каменкой, он сердечно смеялся, одобрил наше поведение и прибавил:

— А вы, Ганецкий, зафиксируйте всю эту историю, может, когда-нибудь пригодится.

Помню инцидент с другим спецом.

Я хотел привлечь к нашей банковской работе более крупных спецов. Во-первых, пригодятся, во-вторых, работая у нас, не будут нам пакостить.

Во второй половине 1918 года в Москве осталось их небольшое количество. Как на более крупных и честных, мне указали двоих — Илью Григорьевича Когана и Игнатия Семеновича Познера¹. Первый ответил: «Завтра дам вам ответ». И. С. Познер заявил: «Если Коган согласится, я тоже приступаю к работе».

На следующий день Коган заявляет мне: «Я хотел было уехать из России, однако я готов остаться с вами вместе работать. Я знаю, что, раз я решусь работать, я достаточно известен для того, чтобы пользоваться вашим полным доверием, и в этом смысле у меня никаких сомнений нет. Но я одновременно знаю, что как общественный деятель я гожусь вам в случае надобности в... заложники, и эта опасность меня действительно очень беспокоит».

Я обещал ему, что в тот же день переговорю с Владимиром Ильичем и смогу ему на следующий день представить соответствующие «гарантии». При следующей встрече я сообщил ему, что по поручению Владимира Ильича ему будет выдана за подписью тов. Дзержинского грамота, где будет указано, что всякий обыск и арест его может иметь место только с разрешения Председателя Совета Народных Комиссаров.

Коган остался весьма довольным и решил приступить к работе. Через несколько дней мы уже поехали с ним и с И. С. Познером в Петроград на совещание по балансу частных банков. После двух дней мы с И. С. Познером вернулись, а Коган остался еще для окончания работы...

Но он так и не появился у меня больше... Через 8—10 месяцев в банке И. С. Познер просит, чтобы я принял жену Когана. Сконфуженная, рассказывает о мытарствах своего мужа, которому приходилось постоянно вместе с белыми перекочевывать из города в город. Он по ее настоянию уехал из Советской России. Очень жалеет об этом, но теперь вернуться как-то неудобно. Она просила дать ей возможность пробраться к мужу.

И. С. Познер добросовестно работал в Народном банке в качестве товарища управляющего до конца своей жизни, и у всех нас осталась о нем самая лучшая память.

Я не знаю, как вели себя И. Г. Коган и Б. А. Каменка во время интервенции и что они поделявают сейчас. Но не безынтересно было припомнить об их растерянности в начале революции и о той полной возможности работы у нас добросовестно, которая была им предоставлена по указанию Владимира Ильича.

Будучи решительным при проведении всяких необходимых мероприятий, декретов, Владимир Ильич проявлял вместе с тем большую осторожность. Проекты декретов финансового характера, не имеющие политического значения, но бьющие по мелким держателям, не нравились Владимиру Ильичу.

Помню, у нас была большая возня с залогами ссудной казны.

¹ Заместителем управляющего Народного банка работал Познер Игнатий Адольфович (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 362, л. 49). *Ред.*

Залоги не выкупались, ссудные кассы необходимо было ликвидировать, а залогов лежало десятки тысяч. При каждой выдаче необходимо было производить оценку по «современной» стоимости, так как полагалось по декрету выдавать лишь до 10 тысяч рублей.

Здесь, естественно, возможны были всякие ошибки, злоупотребления, а уж выдача в таких случаях всегда затягивалась.

Стоило только Владимиру Ильичу узнать о «маленьких недостатках» нашего механизма, как он делал соответствующие указания.

Вот какая-то просительница обращается к Владимиру Ильичу с просьбой ускорить и облегчить выдачу залога. Владимир Ильич ее сейчас же снабжает следующим собственноручным письмом на официальном бланке председателя Совобороны:

«28/IV 1919

т. Крестинский (или т. Ганецкий),

Подательница имеет просьбу, касающуюся заложенных вещей. Очень прошу *как можно скорее* рассмотреть ее просьбу и разрешить дело без промедления.

Пр. СНК В. Ульянов (Ленин)»¹.

Свои «приказы» Председатель Совета Народных Комиссаров всегда делал в весьма вежливой и корректной форме. Но не из-за их формы всем нам представляло удовольствие быстро исполнять распоряжения Ильича. И в данном случае выдача немедленно была произведена. На сохранившемся у меня письме Владимира Ильича имеется моя пометка: «Исполнено 29.4.19. *Ганецкий*».

Когда мы предложили издать декрет, ограничивающий срок приемов заявлений по залогам, не понравился Ильичу наш проект. Очевидно было, что он его хочет оттянуть. У меня сохранилась следующая записка, которую тов. Крестинский (тогда наркомфин) написал Владимиру Ильичу во время заседания Совета Обороны:

«Прочтите. Если согласны, подпишите, я соберу подписи остальных членов Совобороны. *Н. Крестинский*».

Владимир Ильич на обороте отвечает:

«Нельзя сразу реквизировать, и, кроме того, это не проект декрета.

Предлагаю: поручить 2—3 наркомам

либо договориться о мерах

либо внести в СНК проект декрета»².

Кто не помнит, какие отчаянные вопли приходили с мест по поводу недостатка денежных знаков. Ведь никогда нельзя было правильно рассчитать. Сметы, бюджеты почти не существовали, денежные знаки изо дня в день падали в цене, фронт требовал постоянно много денег... Владимир Ильич обо всем этом хорошо знал и понимал, что упреки с мест по поводу неполучения денег незаслуженны.

¹ Ленинский сб. Т. 24. С. 290.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 43.

Но лишь только Владимир Ильич получал телеграмму на сию тему, он уже волновался и делал все, чтобы деньги были отправлены.

Вот опять кто-то прислал телеграмму, и Владимир Ильич внушительно запрашивает на заседании Совнаркома тов. Крестинского.

Тот успокаивает его и шлет записку: «8 апреля 1919 года.

Я сейчас позвонил Ганецкому, чтобы он послал *немедленно вне всякой очереди*. Н. Крестинский».

Но и это сообщение не успокаивает Владимира Ильича. Он отсылает записку тов. Крестинскому и прибавляет: «Не забудьте же!»

Вот шлет тов. Раковский из Киева 16 июля 1919 года следующую шифровку:

«Предсовнаркому тов. Ленину.

Настоятельно прошу обещанные деньги. Мы опять переживаем острый кризис. Раковский».

Вечером на заседании Совнаркома Владимир Ильич передает мне эту телеграмму с припиской:

«Ганецкому: составьте текст ответа».

Я немедленно передаю Ильичу следующий проект:

«Сегодня высылается 300, из коих 50 предназначены для Калуги. Впредь высылка будет планомерна».

Но текст этот не нравится Владимиру Ильичу. Он тут же возвращает мне его со следующей запиской:

«Ганецкому: такой текст не годится. Надо составить так: обещано вам столько-то миллионов за такой-то срок. Выслали же мы вам столько-то тогда-то и вышлем еще столько-то тогда-то.

Составьте тотчас такой текст»¹.

И все это делается во время заседаний Совнаркома, где Владимир Ильич председательствует и не упускает ни одного словечка из происходящей кругом дискуссии.

Владимир Ильич сильно интересовался политикой и деятельностью наших банков. Он волновался, что безграмотно проводится национализация частных банков. Его смущала стачка-бойкот, а затем саботаж банковских служащих, без помощи которых нельзя правильно вести работу, нельзя иметь правильного учета.

Могут ли ликвидировавшиеся национализированные частные банки производить текущие операции и когда ликвидацию их окончательно закончить? Как составить баланс этих банков и с какого срока составить баланс уже от единого тогда Народного банка? Какова должна быть политика нового, советского банка?

Ильич мечтал о том, чтобы советский банк постепенно превратить в «единый аппарат счетоводства и регулирования социалистически организованной хозяйственной жизни всей страны в целом».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 14.

Все эти первостепенной важности вопросы, равно как менее важные, касающиеся техники работы банков, являлись постоянной заботой Владимира Ильича. Он о них не переставал думать, постоянно советовался, давал указания.

Перед переездом правительства из Петрограда в Москву в 1918 году народным комиссаром финансов был намечен Исидор Эммануилович Гуковский. Владимир Ильич сообщил мне об этом, предложил предварительно обсудить вместе с И. Э. Гуковским все банковские вопросы и через несколько дней после переезда Владимира Ильича в Москву обязательно и нам переехать туда, где намечалось обсуждение совместно с Ильичем. После нашего приезда мы раза 3—4 по несколько часов совещались у Ильича, проживавшего тогда в 1-м Доме Советов. В некоторых совещаниях принимал участие и тов. Спундз (тогда заместитель управляющего Народного банка). На последнее заседание Ильич принес что-то вроде протокола нашего совещания.

Приводим этот интересный документ, написанный собственноручно Владимиром Ильичем:

«Тезисы банковской политики»

1. Составить отчет полученного в частных банках, включая в отчет ликвидацию всех дел каждого частного банка.

(Единогласно)

По вопросу о том, как составить отчет, следующие мнения:

(а) Прежнему персоналу служащих (с правом Комиссариата государственного банка отвести некоторых из них) каждого частного банка дается ультимативное поручение в кратчайший срок привести в порядок все дела банка и составить баланс в окончательной форме, во-первых, на 14 декабря 1917 г., во-вторых, на последний день операций.

(б) Частные банки, выполняя эту функцию составления отчетов и ликвидации всех дел банков, действуют исключительно как отделения единого Народного банка Российской республики и лишь в целях ликвидации, никаких новых операций не производя.

Ганецкий и Гуковский
и Ленин

Особое мнение Спундз:

Баланс на 14.XII.1917 составляется особой комиссией по нашему назначению.

Другого баланса составлять не надо.

Производить дальнейшие операции, с 14.XII.1917 г., от имени Народного банка.

Все частные банки, равно как Государственный банк, объявляются единым Народным банком Российской республики.

2. Всей деятельностью составления отчетов руководит Комиссариат государственного банка.

Приглашается возможно большее число опытных сотрудников, в том числе и бывших служащих Государственного и частных банков.

(Единогласно)

3. Банковая политика, не ограничиваясь национализацией банков, должна постепенно, но неуклонно направляться в сторону превращения банков в единый аппарат счетоводства и регулирования социалистически организованной хозяйственной жизни всей страны в целом.

{ Спундз и Ленин за
 Гуковский против
 Ганецкий воздерживается,
 считая практически невыполнимым.

4. Экстренные меры для открытия возможно большего числа отделений Народного банка по всей стране.

Наиболее целесообразное размещение этих отделений внутри городов и по деревням в интересах больших удобств для публики.

Использовать, как отделения Народного банка, существующие отделения бывших частных банков.

(Единогласно)

5. Объявление неприкосновенности вкладов (каковая, что само собою разумеется, отнюдь не умаляет прав государства на взимание налогов).

6. Свободный чековый оборот.

7. Полное сохранение рабочего контроля по отношению к выдаче денег из банков.

8. Нормировка выдач денег на потребительные цели сохраняется.

Вводится ряд облегчений для публики в целях ускорения взносов денег в банки и выдачи денег из банков, а равно упрощения формальностей.

9. Принятие мер к тому, чтобы население держало все деньги, не безусловно необходимые на потребительские цели, в банках. Подготовка закона и практических шагов к принудительному осуществлению этого принципа.

(Публикации не подлежит)

10. Все отделения Народного банка в пределах Федеративной Российской Советской Республики руководствуются точно в своей деятельности инструкциями и директивами центрального управления, не имея права устанавливать каких-либо местных правил и ограничений. Исключения допускаются лишь с согласия центрального управления»¹.

Только горсточка воспоминаний об Ильиче, касающихся одного лишь вопроса. Но как характерны эти записки, эти его тезисы.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 219—221.

Необходимо еще и еще раз вменить всем нам в партийную обязанность пошарить в своих архивах и разыскать письменные Ильичевские документы, вспомнить свои встречи и беседы с Ильичем и все это записать.

Мы должны передать истории, новым поколениям характеристику Владимира Ильича с максимальной точностью, со всеми деталями. Воспоминания отдельных товарищей значительно облегчат эту трудную работу.

*Пролетарская революция. 1926.
№ 6. С. 5—15*

М. А. Андреев

БЕСЕДА С В. И. ЛЕНИНЫМ
О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ НАДЕЖДИНСКОГО ЗАВОДА
(Отрывок из воспоминаний)

В конце 1917 г. приехали мы с председателем Центрального совета фабзавкомов Богословского горного округа тов. Курлыниным в Петроград искать управу на правление округа. Ходили мы по учреждениям, ходили, ничего для Надеждинского завода не выходили. Решили мы написать докладную записку на имя Председателя Совета Народных Комиссаров. Тут у нас спор вышел. Я говорю: ты пиши записку. А Курлынин говорит: нет, ты пиши. Взяли лист графленой бумаги, вынул я карандаш, наточил его, начал писать:

Председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину от представителей Богословского горного округа имярек. Написали мы, что представляет собой Богословский округ, какие там есть богатства, что производит наш завод, какие заводы он снабжал своей продукцией. Написали, что если мы сейчас сократим выпуск продукции или вовсе свернем производство, то и другие заводы, связанные с нашим заводом, должны будут сделать то же. Это вызовет безработицу и может привести к большим конфликтам, которыми безусловно воспользуются враги рабочего класса. Дальше мы упомянули о наших хождениях по учреждениям в Питере, о том, как принимали нас организации, и о том, что в Наркомате труда сидят еще всякие бюрократы, чиновники. Мы писали, что не раз были в Военно-промышленном комитете, указали, что в помощники нам дали меньшевика. Мы пожаловались на Шляпникова, на то, что у него не хватает времени хорошенько выслушать представителей рабочих, приехавших из далекой тайги. В заключение мы просили Ленина принять нас для личной беседы, чтобы мы могли посоветоваться с ним по ряду вопросов, не освещенных в нашей записке.

Когда все было написано, Курлынин прочитал и сказал, что надо выправить и переписать получше. А у меня рука устала, не писаря мы были: он — каменщик, я — слесарь. Было уже около пяти часов вечера, значит, в Совнарком идти уже поздно. А в обще-

жители у нас писать нельзя, так как там шумно, народу много, ребята с фронта приехали и жарят на гармошке целый день.

Чтобы переписать эту докладную записку, пришлось нам опять пойти в гостиницу «Хижина дяди Тома» и занять там номер. Посидели мы часов до 9 вечера. Чернил в номере не было, да чернилами я и писать не брался. Посадишь где-нибудь кляксу и все испортишь, а тут не кому-нибудь писали, а Председателю, да еще Совета Народных Комиссаров, да еще Ленину.

2 декабря 1917 года мы с утра забрались в Смольный, чтобы встретиться с Горбуновым и передать ему бумагу. Народу было много, особенно в той части здания, где происходили заседания ВЦИКа, а в те комнаты, где Совнарком заседал, пропускали поодиночке. Помню, тогда шло заседание ВЦИКа и тов. Свердлов делал доклад.

Часа в два на лестнице встретили тов. Горбунова, рассказали ему о своем деле.

— Где же бумага? — спросил он.

Я подал ему нашу докладную записку, а к ней приложил ответ правления Богословского горного округа.

— Зачем вы карандашом написали, ребята? Ну, ничего! Завтра придите, ждите там внизу, в столовой.

Третьего числа мы пришли часов в двенадцать, чтобы отыскать Горбунова. Курлынин смотрел в левую сторону, а я — в правую. Когда встретили Горбунова, было уже около трех часов. Горбунов сообщил нам, что Ильич примет нас пятого числа в одиннадцать часов вечера. В комендатуре нам выдали пропуска на указанный день. Радостные, мы отправили в Надеждинск телеграмму, сообщая, что 5 декабря будем на свидании у Владимира Ильича.

Дожидались мы пятого с нетерпением. Ходить нам больше было некуда, мы уже всюду побывали.

На улицах ключом была шумная питерская жизнь. Разъезжали автомобили, проходили красногвардейцы. На углах собирались летучие митинги. Но все это проходило мимо нас; мы, волнуясь, с нетерпением ожидали вечера. В Смольный мы пошли еще с девяти часов, бродили там по коридорам. Еще никого не было, часовые спрашивали нас: «Что шляетесь?»

В помещении Совнаркома мы пошли, чтобы встретить там Ленина, позднее, и я очень боялся, чтобы чего доброго свидание не сорвалось. Мы следили, не пройдет ли в здание Горбунов, но потом выяснили, что он живет там, так что пройти не мог. Наконец мы решили пройти в приемную Совнаркома, но нас не пустил часовой, не то латыш, не то из кавказских народностей. По-русски он не говорил, а только наставлял на нас свою винтовку. Пропуска свои показываем — ничего не действует, не разговаривает даже. Мы начали требовать вызова караульного начальника. На шум вышел тов. Горбунов и велел пустить нас. Часовой все равно не пускает. Тогда вызвали караульного начальника, и нас пропустили.

Я был очень удивлен, что в Совнаркоме такая приемная. Мы бывали в других приемных, например у Шляпникова в Мраморном дворце. Там приемная — огромный зал с большими окнами, висят

бархатные портьеры, стены обиты шелковой материей и т. д. А тут — комната метров 40, стены, как в учебном заведении, выбелены известкой, дальше — деревянная заборка. Вся мебель комнаты составляют некрашенный стол и шесть табуреток.

— Вы подождите здесь, к вам выйдет Владимир Ильич,— сказал нам Горбунов.

Ни я, ни Курлынин никогда не видели портрета Ленина. Я представлял себе Владимира Ильича могучим человеком с большой шевелюрой, наподобие Карла Маркса. Курлынин рисовал себе Ленина в этом же роде, только волосы, ему казалось, должны быть не такие, как у Маркса, а поменьше и по-другому причесаны.

Минут через пять вышел человек среднего роста, коренастый. Я на голову посмотрел: волос совсем мало, большая лысина. Он быстро, улыбаясь, подошел к нам:

— Здравствуйте, я Ленин.

Не помню, что мы ему пробормотали в ответ. Он сказал:

— Садитесь и говорите, в чем дело.

Мы, перебивая друг друга, стали излагать свое дело.

— Я читал вашу записку,— сказал Ленин.— Жаль, что вы сидите здесь безрезультатно, когда у вас на местах столько дела. А вы не арестовали членов правления?

— Нет.

— Плохо, плохо. Разве можно так? Сейчас ведь пролетариат у власти.

Мы говорим, что были у Шляпникова.

— Что Шляпников? Вы же представители рабочего класса, а Шляпников — одно лицо.

Ленин спросил нас, как обстоят дела на заводе.

Мы сообщили, что рабочим не платили вот уже два с половиной месяца, что никаких известий с завода мы не имеем. Спросив, как работает завод, что вырабатывает, куда идет продукция, Ленин задал такой вопрос:

— А как вы сможете перейти на мирное производство?

Я ответил, что для этого у нас, по сути дела, в рельсопрокатном цехе никаких изменений не потребуется, снарядную мастерскую придется переделать на механическую для токарных работ, сортопрокатка может катать совершенно другую проволоку, листокаточный цех также можно пустить. На рудниках тоже никаких изменений не потребуется.

— Я,— сказал Ленин,— про рудники и не спрашиваю, а про завод. Так что никакой особой передраги не будет?

— Нет, не будет.

— Плохо, что вы не арестовали членов правления. А справится с вашим правлением мы поможем. Не беспокойтесь, через день смотрите в газете, будет постановление.

Как раз в это время Шляпников проходил на заседание. Ильич остановил его:

— Как же это так, Александр Гаврилович? Люди приехали из далекой провинции, из самого дальнего угла, ведь дальше Надеж-

динска такого крупного завода нет. А вы с ними так поступаете!

Шляпников старался оправдаться тем, что очень занят, и просил нас прийти к нему на следующий день.

— К сожалению, я больше говорить не могу, так как сейчас начнется заседание Совнаркома,— произнес Владимир Ильич.

Мы простились.

На меня произвело большое впечатление, что Ленин одновременно слушал нас обоих и задавал вопросы.

7 декабря 1917 года в «Известиях ВЦИК» было напечатано постановление правительства о национализации Богословского горного округа со всем его имуществом, в том числе и пароходством.

*История заводов. Сборник. М., 1934.
Вып. 1—2. С. 138—140*

Ф. Ф. Образцов

В СМОЛЬНОМ И В КРЕМЛЕ

Уездное продовольственное собрание выдвинуло меня в Тверь на губернское собрание. Там один кулак поспорил со мной и сказал: «Как раньше в России было при Николае, так и теперь — не дойти вам до вашего царя». Я об заклад с ним бился по пятьдесят рублей, что к нашему правительству дойти можно. Из Твери я поехал в Петроград увидеть Владимира Ильича.

Представив документы Горбунову, сказал о главной причине моего приезда — посылка волостными и сельскими съездами увидеть Ленина, поговорить, спросить его, за крестьян он или против. Обратился я с усердной просьбой, как приехавший за 700 верст от имени четырех волостных съездов и многих сельских просить Ленина: доверяться мужичкам этому правительству или нет? Взял Горбунов мои документы и сразу же пошел к Ленину. Минуты через две возвращается и заявляет:

— Владимир Ильич через десять минут вас примет ¹. Подождал я немножко — этот же Горбунов отворяет дверь и говорит:

— Пожалуйста.

И ведет меня по просторному залу — длинный, длинный зал в Смольном. Навстречу идут трое. Владимир Ильич подает мне руку.

— Вы товарищ Образцов?

Отвечаю ему:

— Я, товарищ Ленин.

Он подходит к столику, облокотился рукой. Я вижу, что с ним придется поговорить, осмелился подать ему стул и себе взял стул — так уж очень быстро у меня вышло. Тогда он сел на стул и задал мне вопрос:

— По какому делу, товарищ Образцов, приехали?

¹ В. И. Ленин принимал Ф. Ф. Образцова в ноябре—декабре 1917 г. два раза.
Ред.

Я товарищу Ленину сказал:

— От имени четырех волостных съездов и многих сельских, как видно из моих мандатов, послан выразить вам, как главе правительства, благодарность. Крестьяне велели через меня спросить, будет ли рабочее правительство и крестьянским правительством?

А потом рассказал, как с кулаком об заклад бился, на что товарищ Ленин очень смеялся. Товарищ Ленин спрашивал о крестьянской жизни, даже все до мелочей. Спрашивал, как женщина в политическом отношении? Было говорено-то много, да ведь тут не выразить всего того. Когда время подошло прощаться, он подал мне руку и говорит:

— Товарищ Образцов, вы останьтесь здесь, в Петрограде, у нас есть работа, вы нужны будете.

Я ему ответил:

— Товарищ Ленин, нужно дать отчет, так как я с губернского съезда приехал.

Он говорит:

— Тогда поезжайте, вот вам неделя сроку.— И тут же добавил: — За неделю сможете управиться?

Я сказал, что сделаю.

Как раз через неделю явился к нему. Он пишет письмо товарищу Свердлову приспособить меня при Центральном Исполнительном Комитете, так как товарищ Образцов производит прекрасное впечатление. В первую очередь дать ему возможность проявить себя в массах на агитации. А на записочке, чтобы я не заблудился, поместил: 2 этаж, комната 39. Здесь товарищ Свердлов занимался¹.

Теперь о другой встрече — третьей. В Васютине и Заболотье я был организатором коммунистической ячейки, организовал 25 человек. И моя же была здесь инициатива построить Народный дом имени Ленина на пожертвования и свой труд. Организована была библиотека из двух тысяч томов — у местных лесопромышленников конфисковали. К несчастью, дом сгорел от временной печи при усиленной топке, когда обучали здесь красноармейцев, во время нахождения Советов в огненном кольце.

Пожар Народного дома принес большое горе Васютинской коммунистической организации. Надумали вновь его построить, с помощью правительства. Отправили меня к товарищу Ленину с просьбой о помощи на постройку.

Приехал к товарищу Ленину². Объяснив, в чем дело, указал желание коммунистической ячейки. Товарищ Ленин пишет указание в губернию: дать средства и лесу. Товарищ Ленин спросил, есть ли у нас вблизи лес. Я сказал, что рядом корабельная дача в 200 тысяч десятин.

Товарищ Ленин говорит:

— А как бы доставлять оттуда в Питер и в Москву материал лесной?

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 5.

² В. И. Ленин принял Ф. Ф. Образцова 3 января 1919 года. Ред.

Я сказал, что неудобство заключается в том, что нет прямого пути, сначала сплав, а дальше лес идет на Рыбинск с погрузкой на железную дорогу. Товарищ Ленин говорит:

— А если бы построить железную дорогу?

Я ему ответил:

— Постройка железной дороги со станции Малышево до станции Пестово 80 верст пройдет в центре корабельной дачи. Тогда вполне понятно, что Петроград и Москва будут обслужены лесными материалами.

Товарищ Ленин берет памятную книжку, пишет с моих слов нахождение этой дачи, линии проведения железной дороги и добавляет:

— Постараемся построить.

Товарищ Ленин спросил еще, далеко ли город Весьегонск от нас и бываю ли я там иногда. Я сказал, что это наш родной город и бываю частенько.

— Не знаете ли там товарища Тодорского?

— Большого знакомства не имею, но знаю.

— Что он, питерский рабочий?

— Товарищ Ленин! Он сын священника!

Ленин удивился.

Я ему сказал, что Тодорский не разделяет взглядов отца. Ленин ответил:

— Да, я знаю. Читал его книжку «Год — с винтовкой и плугом». Когда будете в Весьегонске, зайдите к нему и передайте ему мою благодарность.

По приезде домой по делам постройки Народного дома я сразу поехал в Весьегонск, чтобы выполнить наказ товарища Ленина. Нашел Александра Ивановича Тодорского, он в то время был членом уездного исполнительного комитета и редактором газеты. Рассказал ему о беседе с Лениным, показал записку Ленина о помощи в постройке нового Народного дома. Товарищ Тодорский, заметно, был в великом смущении. Несколько раз пришлось мне повторять ему те слова Ленина, которые к нему относились.

У меня сложилось такое впечатление, что товарищ Ленин — друг и товарищ. Принимал всегда просто и любезно. Выявлял такую доброту, которую я не встретил ни от матери, ни от отца, ни от моего деда. Это выше всякой отцовской приветности. И такая, понимаете ли, простота, что доходит до всех. Это мой вывод. За все время, сколько я был раз принят, не заметил, чтобы на его лице когда-либо было недовольство.

Бывал я на общих собраниях с Лениным, где пришлось наблюдать его выдержку, слушать его речи. Когда он говорил об опасности, думалось: вот все погибло, непоправимо. А когда он начинал говорить, какие нужно принять меры, то уже кажется, что мы непобедимы. И вот все расходятся, говорят между собой: сказал правду, но и закалил нас — знаем, что делать и как поступить.

Слова его действовали, как электричество, понимаете...

*Лазебников А. Их знал Ильич
М., 1967. С. 75—79*

ВОСПОМИНАНИЯ О В. И. ЛЕНИНЕ

Мое личное знакомство с Владимиром Ильичем относится к апрелю 1917 г. Я встретился с ним на Апрельской конференции.

Уже первая речь Владимира Ильича еще до официального открытия конференции об апрельских демонстрациях, имевших своим последствием отставку Милюкова, произвела на меня, как и на многих других, в первый раз видевших и слышавших великого вождя пролетарской революции, потрясающее и вместе с тем чарующее впечатление. На этой же конференции я участвовал в выработке резолюций конференции, и работа в этой комиссии еще лучше заставила меня оценить личность Ильича и его совершенно необычайную работоспособность. Последнее заседание этой комиссии началось с утра и окончилось около трех часов ночи без перерыва даже на обед, так как обед для всех 12 ее участников был принесен в комнату заседания. Владимир Ильич играл в этой комиссии, разумеется, самую активную роль. Именно здесь он внес предложение о переименовании нашей партии в коммунистическую, и это было, кажется, единственное предложение, не встретившее сочувствия других членов. Здесь же он произносил свои горячие речи против Второго Интернационала и посредине этих прений находил еще время, чтобы между прочим выступить на пленуме конференции по национальному вопросу.

После Апрельской конференции мне не удалось видеть Владимира Ильича до самой Октябрьской революции. Я работал в финансовом совете Московского Совета, когда 12 ноября тов. Ломов показал мне собственноручное требование Ильича, призывавшее меня в числе других товарищей в Петроград. Я приехал в Петроград 14 ноября. В этот период мне приходилось видеть Владимира Ильича ежедневно, так как заседания Совнаркома происходили каждый день, не исключая воскресений и других «праздников».

Работа в это время происходила в совершенно исключительных условиях. Советской власти пришлось столкнуться на первых же порах с полнейшим саботажем, который почти совершенно приостановил работу высших государственных учреждений, в частности финансовых учреждений. Госбанк был почти пуст вследствие стачки чиновников; закрыты были и другие финансовые учреждения, заведовавшие выдачей денег. Совет Народных Комиссаров, высшее учреждение страны, сидел в это время без бумаги и чернил, и стоило колоссального труда достать первые 10 миллионов рублей на канцелярские и другие необходимые расходы Совета Народных Комиссаров. Владимиру Ильичу приходилось принимать в этом деятельное участие: первый финансовый закон, подписанный Владимиром Ильичем, был как раз декрет о выдаче этих несчастных 10 миллионов¹.

В дальнейшем Владимиру Ильичу приходилось вести упорную борьбу за введение хотя бы самой элементарной правильности в

¹ Имеется в виду декрет от 13 (26) ноября 1917 г. о выдаче Совету Народных Комиссаров аванса 25 млн рублей (см.: Декреты Советской власти. Т. I. С. 75).
Ред.

ведение финансовых дел. Государственного бюджета в это время не было, так как Временное правительство за восемь месяцев своего существования не удосужилось его рассмотреть и утвердить; кроме того, он все равно никуда бы не годился при изменившейся ценности денег и совершенно изменившемся строе государственной жизни. С другой стороны, многие товарищи совершенно не считались с бюджетными формальностями, считая их буржуазными предрассудками, и Владимиру Ильичу приходилось в Совете Народных Комиссаров вести упорную борьбу за соблюдение норм, необходимых и для Советского государства. Живо вспоминаю один интересный пример, хорошо характеризующий тогдашнюю обстановку и роль в ней Владимира Ильича. Высший совет народного хозяйства потребовал немедленного проведения в Совнарком ассигновки в 1600 миллионов рублей (громкая по тому времени сумма) на лесные заготовки ввиду кризиса топлива, угрожая, что в случае отклонения этого проекта или даже промедления в его проведении грозит остановка всей промышленности. Тем не менее Владимир Ильич поддержал мое предложение о передаче этого проекта на заключение Наркомфина и Госконтроля, назначив для этого кратчайший срок (кажется, 24 часа). В Наркомфине дело было рассмотрено тотчас. Оказалось, что на это дело будет достаточно не 1600 млн, а 100 млн рублей; об этом был составлен протокол, подписанный представителями всех участвовавших в заседании ведомств, в том числе и ВСНХ. Вскоре после этого правительство переехало в Москву, и об этом деле совсем забыли. Месяца через полтора представитель ВСНХ снова возбудил этот вопрос, требуя на этот раз что-то около 500 млн рублей. Я предъявил протокол, и нужно было видеть, как напустился Владимир Ильич на представителя ведомства, упрекая его в недопустимом легкомыслии в финансовых вопросах.

Таких примеров можно привести очень много, и можно прямо сказать, что если бы не было сдерживающей и направляющей воли Владимира Ильича, то наше финансовое хозяйство было бы совершенно дезорганизовано в самое непродолжительное время.

Разумеется, ни один крупный вопрос тем более не мог быть двинут вперед без предварительного обсуждения с Владимиром Ильичем. Так было, например, с вопросом о национализации банков, которая была предпринята после двухдневного совещания с Владимиром Ильичем при деятельном участии тов. Сокольников, бывшего тогда членом коллегии Наркомфина.

В последнее время распространилось представление, будто в эти времена не было никакой финансовой политики, которая возникла только с проведением новой экономической политики, т. е. в 1921 году. Это совершенно неверно. С марта 1918 года, когда был назначен народным комиссаром финансов покойный тов. Гуковский, проводилась приблизительно такая же политика, какая проводится теперь. Она проводилась при деятельной поддержке Владимира Ильича. Я помню, как я был поражен (в марте или апреле 1918 года, когда я был заместителем народного комиссара финан-

сов) неожиданным появлением в моем служебном кабинете Владимира Ильича вместе с тов. Гуковским. Оказывается, оба они приехали за мной для совещания по вопросам финансовой политики. Я теперь точно не помню тех тезисов, которые были тогда предложены тов. Гуковским и в общем поддержаны Владимиром Ильичем, но общий их смысл заключался в стремлении к восстановлению равновесия в нашем бюджете, в поддержании курса нашего рубля на иностранных биржах и в построении правильной налоговой политики с наибольшим ущемлением буржуазии. Идея Владимира Ильича, которую он горячо защищал на 1-м совещании финансовых деятелей, состоявшемся в конце мая 1918 года, была идея о полном аннулировании всех прежде выпущенных бумажных денег и о замене их совершенно новыми денежными знаками с целью окончательного экспроприирования спрятанных богатств буржуазии. Против этой меры всегда возражал тов. Гуковский, доказывая, что она не вяжется с общим направлением принятой в это время финансовой политики. Тем не менее именно с этой целью печатались дензнаки, и только впоследствии они были вследствие сильного голода в денежных знаках выпущены вместе со старыми дензнаками, а не взамен их, как предполагал Владимир Ильич. Впоследствии эта мера была, в сущности, осуществлена, но уже после того, как богатства были экспроприированы потоком денежных знаков, который не удалось остановить.

Именно с целью достигнуть стабилизации рубля Владимир Ильич постоянно поддерживал предложения о повышении так называемых начислений в пользу государства и стоял за повышение также и других видов государственных доходов, несмотря на противодействие ряда товарищей, которые в этом вопросе занимали совершенно противоположную позицию. Но гражданская война требовала все новых и новых средств, которые взять было негде, и все эти средства приходилось брать поневоле при помощи печатного станка, что и привело к полному срыву первоначально намеченной и первое время твердо проводившейся Владимиром Ильичем политики. Она была намечена в период передышки и была сорвана потому, что на этот раз передышка оказалась очень непродолжительной, и возродилась только тогда, когда передышка стала гораздо более прочной, т. е. в начале 1921 года.

С целью упорядочения государственных расходов Владимир Ильич горячо поддерживал меры, направленные к укреплению и развитию государственного контроля. Именно по его инициативе был введен предварительный контроль государственных расходов. Эта мера вызвала жестокое сопротивление целого ряда ведомств, в особенности хозяйственных ведомств, и я помню, что вопрос об освобождении от предварительного контроля хотя бы хозяйственных ведомств, жаловавшихся на чрезвычайное стеснение их деятельности, раза четыре обсуждался в Совете Народных Комиссаров, и каждый раз Владимир Ильич горячо отстаивал эту меру.

Во время «военного коммунизма» финансовые вопросы все более и более отходили на задний план; война привела, как уже

сказано, к совершенно другой финансовой политике, и Владимир Ильич, будучи гениальным политиком, повернул и в этом вопросе.

Я помню, что мне несколько раз приходилось бывать у Владимира Ильича по этому вопросу. Я в это время еще плохо понимал политику крутых поворотов и настаивал на продолжении прежней финансовой политики. В связи с обсуждением бюджета я попросил Владимира Ильича устроить специальное заседание Совнаркома для решения вопроса об общем направлении финансовой политики. Это заседание было созвано 30 декабря 1918 года, но в нем мне не удалось отстоять свою точку зрения.

Мне приходилось бывать неоднократно у Владимира Ильича, и он всегда очень охотно шел навстречу желанию выяснить вместе с ним тот или другой вопрос. У меня сохранилась одна из собственноручных записок Владимира Ильича, где в ответ на просьбу дать «аудиенцию» Владимир Ильич написал: «Я надеюсь, что буду по-свободнее с завтрашнего дня (после обеда). Звоните 3.61.50 (в 12 час., 4 ч.) и 3.61.82»¹.

Эта записка очень характерна для Владимира Ильича. Как известно, во время заседания Совнаркома, внимательно следя за прениями, он все же находил время писать массу подобных записок. Прямо поражает его внимательное отношение к товарищам. Тут и указание номеров телефонов, которые можно было узнать у секретарей, и точное указание времени, когда можно позвонить, хотя и это можно было узнать другим путем. Интересно еще отметить, что записка написана по старой орфографии.

Внимательное отношение Владимира Ильича к нуждам товарищей, отмеченное уже неоднократно в печати, мне много раз приходилось испытать на себе. Владимир Ильич неоднократно проявлял заботу о здоровье товарищей, и о моем в том числе. Всем, кого он считал больными, он предлагал обед в только что открытой (именно по инициативе Владимира Ильича) столовой Совнаркома, которая первоначально была устроена для больных комиссаров. Далее, после своего первого отдыха в Горках, куда его почти насильно отправили после выстрела Каплан, он рекомендовал отправиться туда же ряд товарищей, в том числе и меня. По своей инициативе он писал множество записок о пользовании автомобилем из автобазы Совнаркома. Совершенно исключительно, что такое внимание даже к мелочам жизни окружавших его товарищей проявлялось со стороны человека, всецело поглощенного делами первостепенной важности для всего человечества.

С начала 1919 года я стал постепенно отходить от финансового ведомства и значительно реже встречаться с Владимиром Ильичем. Мне пришлось еще несколько раз встречаться с Владимиром Ильичем по делам совершенно другого рода — по поводу коренного преобразования преподавания общественных наук в высших школах. Владимир Ильич поручил мне составить записку по этому вопросу, причем дал определенные директивы. В это же время состоялось совещание под председательством Владимира Ильича, на

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 6309.

котором были заложены основы коренного преобразования преподавания общественных наук в высших школах.

Еще раз мне пришлось иметь дело с Владимиром Ильичем весной 1921 года на заседании по вопросу о выработке основных директив по реформе университетского устава.

Последний раз я видел Владимира Ильича, случайно встретив его в Кремле, кажется, в 1922 году, когда он был уже болен. Я считал тогда неудобным останавливать его, хотя мне очень хотелось переговорить с ним по ряду вопросов. Один красноармеец спросил меня, кто это идет, и, когда узнал, что это Ильич, долго мы вместе с ним провожали его глазами, пока он не скрылся в подъезде.

*О Ленине. Воспоминания. Кн. 4.
Под ред. и с предисл.
Н. Л. Мещерякова.
М.: Л., 1925. С. 116—121*

А. М. Коллонтай

ПЕРВЫЕ ДНИ НАРКОМСОБЕСА

Не так-то просто было «занимать» министерства в Октябрьские дни.

С неделю и даже больше после великих дней 24 и 25 октября, когда Советы взяли власть, старые учреждения продолжали работать, будто ничего не произошло. Доклады шли по служебной лестнице министерства вверх и вниз, начальники департаментов продолжали подписывать бумаги именем Временного правительства. Они слышать не хотели, что власть в руках Советов.

Чиновникам, обывателям, всему «старому Петербургу», враждебному пролетарской революции, казалось невероятным, чтобы какие-то там «большевики», не то немецкие шпионы, не то просто хулиганы, вздумали всерьез править Россией.

И именно поэтому не верилось российской буржуазии и ее служилым людям — чиновникам, что большевики удержат власть «дольше трех дней»...

Советская власть вовсе не намеревалась «прижимать» и «гнуть» чиновников и интеллигенцию. Напротив, народные комиссары шли занимать свои народные комиссариаты безоружные, без охраны, с парой товарищей. Думалось «деловым образом» принять дела. Но стоило народному комиссару появиться в здании народного комиссариата, чтобы залы министерств моментально пустели. На местах оставались технический персонал и два-три служащих, сочувствовавших большевикам.

Побродив по опустевшему зданию министерства призрения день-другой, мы с близкими товарищами решили временно «открыть» деятельность Народного комиссариата государственного призрения (ныне Наркомсобес) в Смольном.

Смольный гудел в те дни, как потревоженный улей. По бесконечным его коридорам лились два людских потока: направо — к Военно-революционному комитету, налево — в комнату, где приютился Совет Народных Комиссаров.

Забравшись в пустое помещение со столом, в котором был всего один ящик, мы вывесили от руки написанную надпись на дверях: «Народный комиссариат государственного призрения. Прием посетителей от 12 до 4 часов». И этим «открыли» свою деятельность.

В тот же день в комнату ввалились здоровые ребята в ободранных шинелях.

— Тут, что ли, большевики помощь выдают? Мы — голодные. Без крова шляемся, никому до нас дела нет. Были на Казанской — швейцар сюда погнал. Идите, говорит, к большевикам — от них требуйте. Давайте помощь.

Пробуем выяснить: кто? откуда? Инвалиды, что ли?

— Какие там инвалиды. Просто люди голодные. Не видите, что ли? Чего зубы нам заговариваете? Говорите прямо: большевики вы али нет?

Объясняем, что большевики-то мы большевики, но надо же знать, на каком основании такие здоровенные ребята из касс государственного призрения помощи ждут.

Слушать нас не желают: коли мы большевики — значит, обязаны голодному люду помочь.

— На что Советы-то власть брали, если о голодных никто заботиться не станет?

Набирают ребята — здоровые детины, решительные.

А наше положение — пиковое. Касса бывшего министерства призрения еще в руках чиновников Керенского.

Порылись у себя по карманам. Пустовато. Сложились с тов. Цветковым. Вышло что-то вроде двугривенного на брата. Выдали как бы «временное пособие». Приняли пособие первые наши клиенты по сощобесу, а уходить не хотят. А работу? Дай им работу. На то большевики и власть взяли, чтобы каждому работу дать.

Что тут выдумаешь? В Красную гвардию — опасно. Несознательные парни — сами подсказали. В милицию? Действительно, такие здоровяки туда подойдут. Отправили с запиской народного комиссариата да с припиской:

«...Во всяком случае накормите».

Ушли. А за ними — безрукий. Рабочий. На войне руку потерял. Но не пособие у него на уме, а целый план: как увечных и безруких рабочих спасти, особенно текстильщиков. Надо купить вязальные машины, он берется устроить мастерские, артели. Безрукий где-то в коридоре поймал Владимира Ильича и, видимо, атаковал его. Владимир Ильич будто весьма даже одобрил план насчет вязальных мастерских артелью, а за деньгами на покупку машинки направил ко мне.

Но покупка вязальных машин наше ли это дело — госпризрения? Безрукий текстищик — человек настойчивый. Красно агитирует насчет своего «производственного плана».

Что тут сделаешь, если к тому же народный комиссариат еще не смог получить даже ключей от несгораемой кладовой, где, по свидетельству тов. Адашева, счетовода, хранятся наличными министерские «миллионы».

Решили на этот раз поступить «по-бюрократически», предложили безрукому зайти «через денька два».

И этот ушел. Недовольный. Что-то проворчал по адресу «большевиков».

Только он за дверь — шумно появляются двое представителей от союза увечных воинов. Взволнованы, возбуждены, нервны. Накладываются на нас.

Если не придем на помощь увечным воинам, не выплатим вовремя пособия, не позаботимся о бездомных — не избежать демонстрации. Их недовольство растет. Гудят против большевиков. Вот-вот выйдут на улицу.

И тут же заявился курьер — тов. Васильев, прямо из богаделен.

— Старушки бунтуют. Дров нет. Замерзают. Скандал, если старушки помирать начнут...

За ним — тов. Качан с карточной фабрики¹.

— Расчетный день на носу, — денег нет. В первую же получку при большевиках и проводить отсрочку? Невозможно! Недопустимо! Делегация из приютов.

— Няньки собираются разбежаться, — кормить нечем.

Тов. Амосова из воспитательного дома. И там — ропот. Задержка в ассигновках. Кормилки грозят бросить младенцев.

Шумно в нашей маленькой комнатке, где зародился нынешний Наркомсобес.

Совещаемся.

Забегает тов. Егоров — наш, партийный. Член Совета с первых дней. Председатель и душа «союза младших служащих» при министерстве государственного призрения. Сам и создал еще летом союз — оплот большевизма в новом народном комиссариате.

Обрадовались ему, обступили.

— Надо действовать. А то если пойдут скандалы по части государственного призрения да выйдут на улицу инвалиды, рабочие с карточной фабрики, няньки да кормилки с криками, что мы их голодом морим, — это будет почище, чем войска Керенского. Моральный подрыв Советской власти. Вечером в здании министерства у нас делегатское собрание союза младших служащих. Приходите. Обсудим.

Так и порешили.

Перед собранием я забежала к Владимиру Ильичу.

Скромная комната, где первые месяцы шли заседания всегда почти ночного Совета Народных Комиссаров.

Почему-то, очевидно, в попытках, в первые недели стол Владимира Ильича стоял лицом к стене, спиной к окну. Ближе к окну — крохотный столик, за которым тов. Горбунов вел протокол. Народные комиссары садились полукругом за спиной Владимира Ильича, и ему, председателю, приходилось каждый раз поворачиваться к тому, кто просил или брал слово. В течение недели никто не подумал о том, чтобы поставить удобнее стол для Председателя Совета

¹ Карточная фабрика находилась в ведении госпризрения, так же как и монопольная продажа карт. А. К.

Народных Комиссаров. Такое было время. Мысли обычно скользили мимо житейского, как капли воды по стеклу. Видели, воспринимали лишь большое, основное, решающее...

В этот вечер в комнате горела одна лишь лампочка. Было полутемно. В первую минуту, не увидав Владимира Ильича на его обычном месте у стола, я решила, что комната пуста.

Но Владимир Ильич стоял спиной ко мне у окна. А в окне светилось морозное небо, звездное.

Владимир Ильич смотрел на звезды.

Услышав, что кто-то вошел, он быстро обернулся.

«Звезды», — сказал он, показав головой на небо. Будто еще не оторвался от каких-то своих, ему одному известных дум. И тотчас перешел на деловой тон.

В этот вечер решено было назначить тов. Егорова заместителем народного комиссара. Но среди моего краткоспешного доклада о государственном призрении Владимир Ильич вдруг спросил:

— А к вам заходил безрукий рабочий насчет артели? Парня надо поддержать с артелью, это он хорошо задумал.

Как это среди всего огромного и важного, что совершалось, Владимир Ильич вспомнил о безруком рабочем, который хлопотал о вязальной машинке и носился со своим «производственным планом»?

От Владимира Ильича спешу на делегатское собрание союза младших служащих.

Председательствует тов. Егоров. Собрание многолюдное, шумное. Много женщин: сиделок и нянек. Рабочие с карточной. Курьеры министерства. Механики, монтеры.

Шумят. Спорят. Горячатся. О чем?

О своих личных нуждах, обидах, требованиях? Ничего подобного! Каждый защищает интересы того учреждения, где он работает. И как защищает! Один говорит о больницах и санаториях, другой — о протезной мастерской, третий — о родильном приюте, четвертый — о пенсионерах и инвалидах, пятый — о карточной фабрике. Каждый хлопотал, отстаивал необходимость в первую очередь «спасти от развала» то учреждение, в котором он, младший служащий, нес лишь скромную работу курьера, сиделки, истопника...

Порешили: образовать совет при народном комиссаре: теперь бы это назвали коллегией. Каждый член совета взял на себя одну из отраслей деятельности народного комиссариата: карточную фабрику — тов. Качан, богаделок и пенсионное дело — тов. Васильев, доходные дома — тов. Адашев, воспитательные дома — тов. Амосова и т. д. Выбрали совет, и разошлись делегаты бодро и подъемно.

— Теперь работа пойдет.

И тут же сами, младшие служащие, предлагали — кого из докторов, из интеллигентов и чиновников привлечь к работе.

— Этот подходящий. Он дело любит. Он пойдет с нами.

Других оспаривали. Отклоняли.

— Саботажник. Не понимает он нас. Не жалеет он народ-то.

Слово «жалеть» было своего рода «профессиональным термином» в союзе, где работа шла в кругу обездоленных...

В ту же ночь состоялось первое заседание совета при Народном комиссариате государственного призрения.

А на другое утро в здании бывшего министерства уже открыл свою неотложную работу советский Народный комиссариат государственного призрения, ныне Народный комиссариат социального обеспечения.

*Ленин в первые месяцы
Советской власти.
Сборник статей и воспоминаний.
М., 1933. С. 137—142*

ЛЕНИН ДУМАЛ О БОЛЬШОМ И НЕ ЗАБЫВАЛ О МАЛОМ

Меня всегда удивляло, как это Владимир Ильич умеет думать о большом и важном и вместе с тем не забывать о текущих мелочах. Как это он, создавая новое, небывалое в мире государство, в то же время не упускает случая учить нас помнить и в мелочах о том, что в государстве, особенно социалистическом, должен быть учет и порядок. Приведу один пример.

Декабрь семнадцатого года. Приближаются рождественские праздники, но о них у нас, в Смольном, никто не думает. В Смольном работа кипит как в котле. Зима еще не установилась. Падает талый снег, и вдоль Невы дует холодный, северный ветер.

Надежда Константиновна старается уговорить Владимира Ильича уехать на несколько дней, на время рождества, за город. Надежда Константиновна говорит, что перерыв в работе Владимиру Ильичу необходим. Он стал плохо спать и явно утомлен.

Доктор, заведующий санаторием «Халила» в Финляндии, на Карельском перешейке, приезжал ко мне в Наркомат госпризрения и сказал, что у него в санатории есть новый домик-особняк, теплый и светлый, который он охотно предоставит в полное распоряжение Ленина. Но Владимир Ильич отмахивается от всех наших уговоров. Хотя мы и говорим, что ведь там кругом чудесный лес и можно сколько угодно ходить на охоту, Владимир Ильич отвечает: «Охота— вещь хорошая, да вот дел у нас непочатый край, развернуться развернулись, а наладить новое государство в два месяца — это и большевики не могут. На это потребуется, по крайней мере, десяток лет».

Надежда Константиновна его перебивает: «Что же, ты так и будешь все эти годы безотлучно сидеть за письменным столом?» «Ну уж там дальше посмотрим»,— сказал Владимир Ильич.

Однако прошло несколько дней, и Владимиру Ильичу пришлось в голову, что он в эти два или пять дней за городом может успеть написать целую работу, до которой в Смольном руки не доходят. И эта мысль его так воодушевила, что он утром сказал Надежде Константиновне: «Если в наркомате у Коллонтай в самом деле есть отдельный домик в лесу, где мне никто не будет мешать, то я готов уехать».

24 декабря утром я приехала на Финляндский вокзал провожать Владимира Ильича в дом отдыха. Владимир Ильич, Надежда Константиновна и Мария Ильинична только что вошли в вагон. Владимир Ильич уселся возле окна, в самый угол, чтобы быть менее заметным. Рядом с ним села Мария Ильинична, а напротив — Надежда Константиновна. Владимир Ильич считал, что будет безопаснее, если он поедет в простом пассажирском вагоне. В том же купе сидят два красноармейца и верный финский товарищ.

Владимир Ильич был в своем поношенном осеннем пальто, в котором он приехал из-за границы, и в фетровой шляпе, хотя был уже сильный мороз. Вслед за мной в вагон вошел товарищ, который нес три меховые шубы и меховую шапку с наушниками. «Это вы наденете,— сказала я Владимиру Ильичу,— когда вам придется ехать на санях в открытом поле, где, конечно, будет очень холодно. От станции до санатория очень далеко. Эти шубы,— добавила я,— взяты из склада наркомата». — «Это и видно»,— сказал Владимир Ильич, отворачивая полу одной из шуб. На ней были нашиты номера склада и инвентаря. «Это вы для того, чтобы мы шубы сохранили и не забыли? Казенное добро учет любит. Так и следует».

Владимир Ильич хотел, чтобы я ехала вместе с ними, но меня задержали срочные текущие дела наркомата, главным образом организация помощи матерям и младенцам. Я обещала приехать позднее.

Владимир Ильич вдруг вспомнил, что у него нет финских денег: «Было бы хорошо, если бы вы могли достать хотя бы 100 финских марок для носильщика на станции или на какие-либо другие надобности в мелочах». Я побежала к кассе, но у меня с собой было мало денег, и я не набрала даже 100 финских марок.

Владимир Ильич сказал: «Так, значит, домик отдельный и теплый, говорите вы, и в лесу охотиться можно? А есть ли там зайцы?» Я ответила, что за зайцев не ручаюсь, но, наверное, есть белки. «Ну, белок стрелять — это детская забава». Надежда Константиновна добавила: «Лишь бы Владимир Ильич решился ходить по лесу, а не просидел бы все три дня у письменного стола». — «Но там и в комнате воздух чище»,— перебил Владимир Ильич.

Поезд тронулся. Вся окружающая публика и понятия не имела, что едет Председатель Совета Народных Комиссаров как обыкновенный пассажир II класса. Через несколько дней Владимир Ильич снова работал в Смольном.

Я же получила записку от Владимира Ильича, написанную его рукой:

«Посылаю Вам с благодарностью и в полной сохранности шубы из инвентаря Вашего наркомата. Они нам оченьгодились. Нас захватила снежная буря. В самом «Халила» было хорошо. Финских марок Вам пока не посылаю, но я приблизительно подсчитал, что составляет это в русских деньгах, то есть 83 рубля, их и прилагаю. Знаю, что у Вас неважно с финансами. Ваш Ленин»¹.

¹ Подлинник записки не разыскан. *Ред.*

Так типично для Владимира Ильича, что среди всех огромных государственных забот он мог помнить о таких мелочах и быть всегда внимательным товарищем.

Работница. 1946. № 1. С. 6

М. И. Барсуков

ВОСПОМИНАНИЯ ГЛАВНОГО КОМИССАРА ВРАЧЕБНО-САНИТАРНОГО ОТДЕЛА ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

В ночь с 25 на 26 октября, когда создавалось рабоче-крестьянское правительство, Военно-революционный комитет решил организовать Медико-санитарный отдел. В удостоверении, датированном 26 октября 1917 года (№ 1767), на имя М. И. Барсукова, подписанном Н. И. Подвойским, говорилось: «Дано сие от Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов товарищу доктору Михаилу Ивановичу Барсукову в том, что он временно назначен главным комиссаром Медико-санитарного отдела Военно-революционного комитета. Доктору Барсукову предоставлено право немедленно реорганизовать санитарное дело Республики. Всем оказывать ему надлежащее содействие».

Первой медицинской организацией, с представителями которой мне пришлось уже официально разговаривать, был Медико-санитарный отдел Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов первого созыва, которым руководили меньшевики и эсеры. Этот отдел помещался в Смольном. Имея на руках мандат Военно-революционного комитета, я предложил сотрудникам этого отдела работать с нами, на что получил резкий ответ, что «с насильниками у нас нет ничего общего». Саботажники ограничились представлением мне организационной схемы отдела и списка его сотрудников, но отказались передать дела.

Таким образом, Медико-санитарному отделу пришлось рассчитывать только на собственные силы, необходимо было все создавать заново. Только два работника, числившихся по списку в Медико-санитарном отделе ВЦИК, остались работать в Смольном. Это были врач старый большевик А. Н. Винокуров и врач М. Г. Вечеслов. Фактически же в ту историческую ночь, когда я получил назначение, со мной был лишь беспартийный врач Михаил Митрофанович Балонев.

Отказ сотрудников ЦИК первого созыва работать с нами значительно ослаблял позиции Медико-санитарного отдела Военно-революционного комитета в отношении связи с городскими медицинскими организациями. Однако расчет саботажников на полную изоляцию Смольного от внешнего мира не удался. Медико-санитарный отдел Военно-революционного комитета не остался один. К нему пришел на помощь пролетарский Красный Крест.

Вскоре состоялась моя встреча с В. И. Лениным. Мне необходимо было получить указания.

В. И. Ленин постоянно находился в Смольном, и его сравнительно легко можно было встретить в коридорах Смольного, особенно рано утром.

Нас, современников Ленина, работавших с ним, видевших его в процессе творческой деятельности, всегда поражали ленинская простота в обращении, замечательная скромность, умение подойти к человеку, узнать его нужды, заразить ленинским оптимизмом, верой в собственные силы, в возможность осуществления того, что казалось невероятно трудным и даже недостижимым.

И вот однажды, вскоре после 24 октября, мне посчастливилось встретить Ленина, проходившего по коридору Смольного. Я подошел к нему и с волнением спросил, можно ли переговорить по ряду вопросов. Ленин ответил утвердительно. Его замечательные слова, его указания навсегда запечатлелись в моей памяти.

Я рассказал В. И. Ленину о помощи раненым, о героизме работниц-санитарок, которые под пулями юнкеров выполняли свой пролетарский долг. Ленин интересовался малейшими деталями, ибо забота о человеке, о его здоровье была характерной чертой рабочего вождя. Затем наша беседа коснулась того, что же делать дальше, за пределами Петрограда. Я был молод. Мне казалось непонятным, почему на II съезде Советов, когда решался вопрос о создании правительства и в нем Народного комиссариата просвещения, ничего не было сказано о Наркомздраве. Мне казалось так просто немедленно приступить и к организации Народного комиссариата здравоохранения... Ведь стоит лишь вынести соответствующее решение!..

В. И. Ленин внимательно выслушал меня и с замечательным знанием дела обрисовал обстановку и отношение врачебной общест-венности к единому медицинскому центру. Ленин сказал, что и так враги обвиняют большевиков в большой централизации, и поэ-тому немедленное создание Наркомздрава враги используют как желание вытащить на свет всеми отвергнутый бюрократический проект Рейна об учреждении Главного управления по делам здра-воохранения.

Действительно, такой проект был, дискуссии по нему велись в Государственной думе, но после свержения царизма Рейн изъяс-лял проект.

В. И. Ленин указал на то, что требуется провести большую пред-варительную работу, чтобы добиться желаемого успеха. Нужно, говорил он, чтобы сам народ заговорил о необходимости создания такого высшего медицинского центра. Поэтому не следует спешить с образованием Наркомздрава. Признавая целесообразным иметь в Республике Советов высший государственный орган по руковод-ству здравоохранением, В. И. Ленин предлагал сначала организо-вать на местах медико-санитарные отделы Советов рабочих и сол-датских депутатов с широким участием в них рабочих и крестьян, провести среди трудящихся разъяснительную работу о целесооб-разности государственного центра здравоохранения, а уже затем ставить вопрос о Народном комиссариате здравоохранения.

Вместе с тем Владимир Ильич раскрыл передо мной общест-

венный характер и классовую сущность советского здравоохранения. Ленин с особой силой подчеркнул значение новой советской общественности в лице рабочих и крестьян, которая должна прийти на смену старого цензового земства. Только с помощью широкой самодеятельности самих народных масс, по мнению Ленина, можно будет справиться с задачей строительства советской медицины.

В. И. Ленин указал также на необходимость как в самом Медико-санитарном отделе Военно-революционного комитета, так и вокруг него собрать советски настроенных врачей и, в частности, использовать Общество русских врачей памяти Н. И. Пирогова¹. На это я сказал, что вряд ли подобное можно будет сделать, ибо Пироговское общество крайне враждебно к нам относится.

Помню, как сейчас, Владимира Ильича, слегка прищурившего левый глаз и пригрозившего мне пальцем. Неправильно думать, сказал Ленин, что всюду и везде сидят только контрреволюционеры. Это неверно. Ваша задача расколоть Пироговское общество и его революционную часть использовать для строительства здравоохранения. Поверьте мне, сказал далее Ленин, как только Советская власть укрепитя, все они будут работать с нами.

Что можно добавить к этим замечательным по глубине мыслям великого вождя, определившим значение и характер здравоохранения в системе советского общества и Советского государства. С предельной четкостью В. И. Ленин начертал программу, на основе которой и стало строиться здравоохранение уже в первые дни Великой Октябрьской социалистической революции.

С твердой верой в победу рабочего класса, полные горячей любви к Советской Родине приступили медицинские работники Смольного — А. Н. Винокуров, В. М. Бонч-Бруевич (Величина), Т. А. Фортунатова и другие — к созидательной работе, несмотря на бешеный вой саботажников, врагов Советской власти.

Нас было мало, их — много, но, окрыленные ленинским оптимизмом, мы знали, что фактически мы не одни. У нас была вера в рабочий класс, в партию, в ее Центральный Комитет, во главе которого стоял Владимир Ильич Ленин.

Помню, с каким трудом приходилось нам собирать на совещания в Медико-санитарном отделе представителей медицинских организаций Петрограда. Шли только единицы. Большинство саботировало. На этих совещаниях проводились дискуссии о том, как лучше приступить к реорганизации медико-санитарного дела, как сломить саботаж, начавшийся в профессиональных объединениях и лечебных учреждениях. Я пытался связаться с профсоюзом лекарственных помощников, с союзом сестер милосердия, но от них получил категорический отказ от совместной работы. Любопытно, что по какой-то, видимо, контрреволюционной директиве 27 октября все медицинские учреждения Петрограда созывали собрания служащих, на которых выносили однообразные постановления — не

¹ Имеется в виду общество врачей, основанное в 1883 г. как «Московско-Петербургское медицинское общество». В 1886 г. переименовано в «Общество русских врачей в память Н. И. Пирогова». *Ред.*

подчиняться Военно-революционному комитету и противодействовать назначению комиссаров.

Вскоре Медико-санитарному отделу пришлось столкнуться в Петрограде с большой забастовкой служащих аптек, забастовавших еще при Временном правительстве. Меньшевистское руководство стачечного комитета не хотело входить в деловые отношения со Смольным, и только лишь после разъяснительной работы среди самих служащих удалось через голову соглашательского стачечного комитета ликвидировать забастовку и удовлетворить все требования аптечных работников.

Чтобы побороть саботаж в медицинских управлениях бывших министерств, туда были посланы члены врачебных коллегий, которые, ломая сопротивление реакционных служащих, должны были подготовить объединение всего медицинского дела в едином центре.

Когда мы пришли в Управление врачебного инспектора бывшего министерства внутренних дел, мы не только не застали служащих, но даже перья были вынуты из ручек и чернила вылиты из чернилниц.

Одновременно с образованием врачебных коллегий в Медико-санитарном отделе Военно-революционного комитета шла большая работа по направлению комиссаров в медицинские учреждения.

Опираясь на революционно настроенный младший персонал, комиссары Военно-революционного комитета стремились вывести из санитарной разрухи больницы и отдельные амбулатории.

В ноябре 1917 года состоялась моя встреча с Я. М. Свердловым в его служебном кабинете, находившемся также в Смольном. Я. М. Свердлов в товарищеской обстановке за стаканом кофе подробно расспрашивал меня о задачах Медико-санитарного отдела, о его работе, о людях, работавших в нем. Яков Михайлович интересовался также и прошлым составом отдела при ЦИК первого созыва, тем, где они в настоящее время находятся. Я сообщил ему о саботаже, проводимом повсеместно, сказал, что, однако, уже чувствуется среди отдельных работников желание работать с нами, но что имелось нелегальное Главное военно-санитарное управление, где-то на Невском проспекте. Я. М. Свердлов указал мне на необходимость скорейшей организации медико-санитарных отделов при местных Советах. На одном из наших заседаний Бюро Медико-санитарного отдела было принято решение обратиться с докладной запиской в Народный комиссариат по военным делам о проведении необходимых мероприятий по гражданской и военной медицине.

«Комиссар Военно-революционного комитета, приняв в свое ведение врачебно-санитарный отдел 26 октября 1917 г., — говорилось в записке, — образовал Исполнительное Бюро, которое постановило довести до сведения Народного комиссариата по военным делам следующее:

...Врачебно-санитарный отдел Военно-революционного комитета есть высший коллегиальный демократический орган Российской Республики, ставящий своей целью реорганизацию врачебно-сани-

тарного дела в России на общей политической платформе Временного революционного правительства...

Дабы медицинская помощь как населению, так и войскам была бы поставлена на должную высоту и не носила бы случайный, чисто частный характер, необходимо немедленно назначить при Главнокомандующем Петроградским военным округом комиссара, который мог бы осуществить ряд следующих мероприятий:

а) приказать лечебным заведениям военного и морского ведомства оказывать медицинскую помощь как амбулаторно, так и госпитально всем чинам Красной гвардии;

б) приказать выделить кадры врачей, фельдшеров, санитаров и медицинское имущество для обслуживания Красной гвардии;

в) приказать составить летучие отряды врачебной помощи для распределения их в отправляющиеся на фронт войсковые части — военные и Красной гвардии...»

В течение ноября 1917 года Медико-санитарный отдел неоднократно обсуждал вопрос о создании Комитета по охране народного здоровья, который временно, до образования Наркомздрава, мог бы выполнять обязанности организующего медицинского центра.

Во второй половине ноября мы на этот раз уже втроем — А. Н. Винокуров, И. С. Вегер и пишущий эти строки — были у В. И. Ленина. Владимир Ильич внимательно выслушал наш проект о создании Комитета по охране народного здоровья и решил поставить мой доклад на заседании Совета Народных Комиссаров.

20 ноября на заседании Совета Народных Комиссаров, проходившем под председательством В. И. Ленина, на повестке дня стоял мой доклад о создании особого Комитета по охране народного здоровья. В постановлении было записано: «Признать, что в случае невозможности созвать съезд врачей, возможно создать особый Комитет по охране народного здоровья».

Однажды в конце ноября ко мне в Смольный позвонил А. Н. Винокуров и передал мне директиву В. И. Ленина о необходимости немедленно приступить к реорганизации Главного военно-санитарного управления и что это дело будет возложено на меня совместно с другими товарищами. Вскоре после телефонного разговора состоялось решение Совета Народных Комиссаров РСФСР, подписанное В. И. Лениным 4 декабря 1917 года, о назначении коллегии по заведованию Главным военно-санитарным управлением, куда вошли М. И. Барсуков, А. Н. Винокуров, И. С. Вегер и М. В. Головинский.

Можно сказать, что намеченная В. И. Лениным еще в первые дни Великого Октября обширная программа Военно-революционного комитета по здравоохранению была частично выполнена. В Смольном и вокруг него уже стала накапливаться довольно значительная группа медицинской интеллигенции, демократически настроенная, или, как тогда говорили, стоявшая на советской платформе. Во всех народных комиссариатах, имевших ранее медицин-

ские управления, были образованы врачебные коллегии, которые, ломая саботаж, готовили условия для будущего объединения всего медицинского дела в Народном комиссариате здравоохранения.

*Донесения комиссаров
Петроградского военно-революционного
комитета.
М., 1937. С. 246—251*

Н. А. Семашко

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ И НАРКОМЗДРАВ

Надо, чтобы каждый, кто знал ту или другую черту характера Владимира Ильича, поделился своими сведениями и таким образом помог восстановить его многогранный образ. Из таких лоскутков воспоминаний составителю потом целостное представление о великом человеке.

Нам, деятелям здравоохранения, надо вспомнить отношение Владимира Ильича к нашей работе. Это — наша обязанность.

Самое возникновение нашего комиссариата обязано Владимиру Ильичу. Напомним, что при создании Наркомздрава сама эта идея встречала местами холодное, а местами и враждебное отношение. На историческом заседании Совнаркома, когда обсуждался этот вопрос, с самыми резкими выпадами против меня выступали и партийные (д-р Вечеслов и д-р Вегер), и беспартийные (д-р Цветаев) товарищи. Каких страшных и едких слов не было здесь наговорено! И то, что я создаю бюрократическую утопию, что я заболел рейновской отрыжкой¹ и т. д.

Хозяйственники были против: Троцкий сказал, что он «не верит» в начинание. Позиция наша была трудная. И только твердая, ясная поддержка Владимира Ильича спасла положение: огромным большинством Наркомздрав был создан; все поправки, против которых высказывались мы, были по предложению Владимира Ильича отвергнуты.

Так был создан новый наркомат. Надо было «собрать медицины». Уперлись страховики со своими больничными кассами. И здесь Владимир Ильич нас поддержал.

Вопрос был поставлен в ЦК партии, и после пятиминутных речей моих и моих противников Владимир Ильич предложил без дальнейших прений утвердить объединение больничных касс в Наркомздраве; через несколько дней появился за подписью Владимира Ильича соответствующий декрет Совета Народных Комиссаров.

Организация создана; угрожают эпидемии.

Народный комиссариат здравоохранения составляет проект декрета о борьбе с сыпным тифом, и вместе с А. Н. Сысиным мы про-

¹ Рейн — министр царского правительства, внесший в Государственную думу проект организации министерства здравоохранения, конечно, на бюрократических началах. Н. С.

водим его в полчаса в Совнарком при энергичной поддержке Владимира Ильича. Он постоянно беседует со мной и о ходе эпидемии, бросает гениальные идеи о формах привлечения населения к участию в эпидемической борьбе (рабочие комиссии на фабриках и заводах — его идея). Мало того, он ставит вопрос о борьбе с сыпняком как громадной важности политическую проблему и на съезде Советов¹ провозглашает знаменитый лозунг: *«Или вши победят социализм, или социализм победит вшей!»*

Освобождается от белогвардейцев Крым, Владимир Ильич горячо приветствует идею создания в Крыму всероссийской здравницы, и при его поддержке проходит декрет, которым предусматривается широкое развитие курортного дела в Крыму в таких размерах, которых мы до сих пор еще не достигли. Он постоянно интересовался курортным делом, радовался успехам, бранил за неудачи.

Все принципиальные вопросы в нашей деятельности, все основные законопроекты Наркомздрав предварительно докладывал Владимиру Ильичу и согласовывал с ним, и основные принципы советской медицины всегда находили в нем лучшую поддержку. В нашем деле он учил нас, что нужно защищать единство медико-санитарной организации, бороться за план, против хаоса и беспорядка.

*Семашко Н. О В. И. Ленине:
Сборник статей и воспоминаний.
М., 1933. С. 22—23*

А. Н. Винокуров

ЛЕНИН И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

После Октябрьской революции нам пришлось сломать весь старый государственный аппарат, в том числе и старую медицинскую бюрократическую машину. Пришлось распустить Ученый медицинский совет. Главное управление Красного Креста, Врачебно-санитарный совет, которые после Октябрьской революции состояли из контрреволюционных элементов, проводивших под прикрытием этих учреждений подрывную работу. Необходимо было создать новые медицинские советские учреждения. Естественно, встал вопрос об объединении медицинских органов, распыленных тогда по различным наркоматам, в единый Наркомат здравоохранения.

По этому вопросу я, Барсуков и другие в ноябре 1917 года несколько раз были у Владимира Ильича. Он нам говорил:

— Не торопитесь с оформлением Наркомздрава. Сначала подготовьте кадры и низовые организации; добейтесь перелома в Пироговском обществе врачей и других врачебных организациях, изолируйте реакционную их часть, опирайтесь на революционное меньшинство и на местах создайте медико-санитарные отделы с широким привлечением рабочих и крестьян.

Эти указания Владимира Ильича были выполнены. Уже в сере-

¹ Имеется в виду доклад В. И. Ленина на VII съезде Советов 5 декабря 1919 г. (см.: Полн. собр. соч. Т. 39. С. 410). *Ред.*

дине 1918 года лучшая часть врачей перешла на советские позиции. В июне 1918 года собрался съезд здраводелов, а несколько позже утверждено было положение о Наркомате здравоохранения.

Давая указания о направлении работы, Владимир Ильич всегда предостерегал против бюрократического подхода к делу и требовал внимательного отношения к советской общественности. Когда, например, в 1918 году только еще поднимался вопрос о выделении дела социального страхования из ведения Наркомтруда и передаче в Наркомсобес, Владимир Ильич провел в Совнарком постановление вынести этот вопрос на широкое обсуждение профсоюзов, Всероссийского страхового совета и Всероссийского страхового съезда. Точно так же, когда слияние Наркомсобеса с Наркомтрудом в конце 1919 года оказалось неудачным, по инициативе Владимира Ильича предпрешенный вопрос о разделении этих наркоматов был передан на обсуждение профсоюзов. Дело несколько затягивалось, и, когда я по этому поводу был у Владимира Ильича, он мне сказал:

— Нужно терпение. Вы врач и знаете, что иногда нужно переболеть.

В бытность мою наркомом социального обеспечения в 1918—1921 годах мне приходилось часто встречаться с Владимиром Ильичем. Доставшееся нам в наследие так называемое «государственное призрение» построено было на началах паразитизма и лицемерной филантропии. Владимир Ильич дал указание организовать это дело на началах социального обеспечения трудящихся.

Перед Советской властью встал вопрос о распространении социального обеспечения не только на рабочих, но и на часть крестьянства — на семьи красноармейцев, инвалидов войны и т. д.

Владимир Ильич придавал огромное значение этому виду социального страхования, исходя из своего учения о союзе рабочих и крестьян.

В этом отношении интересно остановиться на споре, который возник между Наркомтрудом и Наркомсобесом. Это было в конце 1919 — начале 1920 года. По мотивам сокращения советского аппарата Наркомсобес решено было слить с Наркомтрудом в один комиссариат. Мы это сделали с легким сердцем, не предвидя тех противоречий, которые вскоре возникли в недрах вновь образованного наркомата.

Владимир Ильич не раз бывал на комиссии, работавшей по упрощению советского аппарата, и всегда встречал меня добродушно-ироническими замечаниями:

— Закладываете брак? Уживетесь ли? Не придется ли разводиться?

Очевидно, несмотря на явную целесообразность слияния двух наркоматов в целях экономии, у Владимира Ильича оставалось сомнение в долговечности этого «брака».

Дело в том, что слитый Наркомтрудсобес недостаточно обращал внимание на социальное обеспечение крестьян. Все мои протесты в коллегии Наркомтрудсобеса оставались неудовлетворенными,

так как наша точка зрения оставалась в меньшинстве. Тогда не оставалось ничего другого, как апеллировать в ЦК партии.

Владимир Ильич сразу безоговорочно стал на нашу точку зрения и радикально разрешил вопрос, предложив «развести», снова разделить слитые комиссариаты.

Владимир Ильич вообще придавал большое значение Наркомату социального обеспечения. Во время его болезни поставлен был и положительно разрешен вопрос о ликвидации Наркомсобеса с передачей его функций соответствующим наркоматам. Возвратившийся после болезни Владимир Ильич решительно высказался за сохранение Наркомсобеса, последний был сохранен.

*Воспоминания
о Владимире Ильиче Ленине.
М., 1957. Ч. 2. С. 344—346*

Н. П. Горбунов

КАК СОЗДАВАЛСЯ В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ РАБОЧИЙ АППАРАТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Когда пишешь воспоминания, связанные с Владимиром Ильичем, невольно приходится упоминать о себе. Это самое трудное, и это останавливает, так как хочется стушевать свою личность перед огромной фигурой Ленина, самое упоминание о себе кажется нескромностью и профанацией. Я это особенно сильно чувствую, так как поставлен был Владимиром Ильичем на работу не за какие-либо революционные заслуги, а просто потому, что был из тех, кто пришел в момент восстания в Смольный и хотел работать.

Владимир Ильич меня не знал, член партии я был совсем молодой, вступил в партию в июльские дни 1917 года.

В то время когда на улицах Петрограда и Москвы происходили еще революционные бои, Владимир Ильич уже со всей энергией организовывал правительство. Был создан Совет Народных Комиссаров и назначены народные комиссары. Организовывались правительственный аппарат и народные комиссариаты. В порядок дня стал вопрос и о создании аппарата Совета Народных Комиссаров. Дело это было поручено В. Д. Бонч-Бруевичу, который был назначен управляющим делами Совета Народных Комиссаров.

Я в это время вместе с несколькими другими товарищами работал в Смольном, стараясь установить какой-нибудь порядок и наладить справочную службу, чтобы рабочие, тысячами приходившие в Смольный, могли в первозданном революционном хаосе, в котором уже выкристаллизовывались органы Советской власти, найти то, что им было нужно.

Неожиданно получаю записку от В. Д. Бонч-Бруевича с просьбой немедленно прийти к нему. Владимир Дмитриевич знал меня в связи с работой по распространению большевистской литературы в питерских рабочих районах, по организации митингов и хранению у меня небольшого запаса оружия в период между Февральской и

Октябрьской революциями. Иду к нему, и он, ничего не объясняя, тащит меня наверх, на третий этаж, в ту маленькую угловую комнату, где в первые дни работал Владимир Ильич (впоследствии там расположился Народный комиссариат иностранных дел). Я вижу Владимира Ильича, который здоровается со мной и, к моему изумлению, говорит: «Вы будете секретарем Совета Народных Комиссаров». Никаких указаний я тогда от него не получил. Понятия о своей работе, да и вообще о секретарских обязанностях, не имел никакого. Где-то конфисковал пишущую машинку, на которой мне довольно долго самому приходилось двумя пальцами выстукивать бумаги, так как машинистку найти было невозможно, где-то отвоевал комнату и начал «формировать аппарат», который первые дни состоял из меня одного, а потом возрос до трех-четырех человек. Одной из первых пришла ко мне Анна Петровна Кизас. Я ее не знал, но, раз пришла, значит, своя. Начали мы с установления наличия учреждений, возникавших стихийно внутри Смольного. Совет Народных Комиссаров тогда еще не заседал, что дало нам возможность немного подготовиться к работе. В. Д. Бонч-Бруевич прислал ко мне даже начальника канцелярии, якобы знатока американской постановки этого дела по новейшей системе. Этот начальник начал организовывать канцелярию на стульях, так как на весь аппарат Совета Народных Комиссаров приходился всего один стол, но скоро он так запутал даже то небольшое количество дел, какое у нас тогда было, что пришлось отказаться от «американской рационализации».

Первое заседание Совета Народных Комиссаров состоялось 3 ноября (ст. стиля) 1917 года ¹ в той же угловой комнате, о которой я упоминал выше. Я был вызван на это заседание Владимиром Ильичем.

Не имея представления, как нужно вести протоколы, я попытался записывать содержание доклада, но, конечно, не поспевал, так как стенографией я не владею. Кто присутствовал на заседании, не зафиксировал; председательствовал Ленин. На заседании слушался доклад приехавшего из Москвы тов. Ногина о московских событиях. Ввиду того что эта протокольная запись имеет в настоящее время несомненный исторический интерес, я привожу ее полностью и с орфографической точностью.

З а с е д а н и е н а р о д н ы х к о м и с с а р о в *Доклад Ногина*

Отсутствие определенных рабочих кварталов.

Смешанность и пестрота Москвы.

Телефонная станция в руках контрреволюционеров.

Отсутствие пушек у юнкеров спасло положение.

В субботу утром взят Кремль, где был 56-й полк. Озверение юнкеров. Сражение в Кремле. Избиение солдат сдавшегося 56-го полка кончилось расстрелом из пулеметов.

¹ 27 октября (9 ноября) 1917 г., а 3 (16) ноября было второе заседание СНК.
Ред.

Центр контрреволюционеров в Городской думе, охраняемой бронированными автомобилями.

(Запоздание сведений. Так, о сдаче Кремля узнали только вечером.)

(Вчера разрушен Николаевский дворец.)

В воскресенье бомбардировка Москвы. Стрельба происходила беспорядочно. (Истрачено около 1500—2000 снарядов 3-дм.)

(Снарядов недостаточно.) Снарядами ничего не сделаешь.

Можно разрушить всю Москву и ничего не достигнуть.

В руках контрреволюционеров.

Дума? Кремль, Манеж и прилегающие улицы. В центре Александровское училище. Весь интеллигентский центр в руках контрреволюционеров.

Контрреволюционеры укрепились и окопались.

Попытки к соглашению не имели результатов. (Юнкера были против.)

Наше настроение было прекрасно. (Ночь на 1 ноября.) Решено было поскорее окончить дело.

Был составлен определенный план. Бывший до сих пор общий грандиозный бой разменялся на ряд мелких. (Бой на Мясницкой, обстрел Кремля из Замоскворечья.)

С нашей стороны была страшная неорганизованность. Так, неприятельский блиндированный автомобиль подошел к самому штабу (нашему) и подвергнул его обстрелу.

Только после того, как наши солдаты повернули пушки, дали залп по автомобилю и прогнали его.

Противники отстаивают сношения с Брянским вокзалом.

Начались пожары. Пожар надвигался на Совет.

Вчера — обстрел из легких орудий Думы. (Дума стратегического значения не имеет.)

Нами была взята Театральная площадь, гостиница «Континенталь». Наши солдаты, оставленные на площади, перепились.

Настроение населения Москвы страшно озлобленное. Солдатские части неустойчивы и несознательны.

Второе предложение перемирия 31 октября было сорвано с нашей стороны.

Нам страшно важно разбить лагерь противников. Поэтому чрезвычайно важно привлечь на свою сторону Викжель¹. Это будет необычайно важно и даст нам и гражданскую и военную победу. В противном случае мы будем уничтожены, после того как мы после продолжительнейшей войны истратили все свои силы. Нас раздавит грядущая действительная корниловщина и калединство.

¹ Викжель — Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профессионального союза; избран на I Всероссийском учредительном съезде железнодорожников в Москве в августе 1917 г. Руководящую роль в нем играли меньшевики и эсеры. Они использовали этот комитет как орудие борьбы за отстранение от власти большевиков. В декабре 1917 г. Чрезвычайный Всероссийский съезд Союза железнодорожных рабочих и мастеровых выразил политическое недоверие данному составу Викжеля, а в январе 1918 г. Чрезвычайный Всероссийский железнодорожный съезд избрал новое руководство своего профсоюза. *Ред.*

Тов. Ногин считает необходимым компромисс с Викже-лем. Товарищ Ленин возражает против всяких соглашений с Викже-лем¹, который завтра будет свергнут революционным путем с низов. Необходимо подкрепление Москвы творческими, организующими революционными силами из Петрограда, именно матросским элементом. Продовольственный вопрос: с севера мы обеспечены. После взятия Москвы и свержения Викже-ля снизу мы будем обеспечены продовольствием с Волги.

Доклад тов. Милютина.

Рассматривает две стороны — военную и политическую.

Предложение Ногина.

Информировать Москву радиотелеграммой о положении дела в Петрограде.

Адрес: Введенский Народный дом, Лефортовский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Ногин сообщает, что в Лихославле, Николаевской железной дороги, между Тверью и Бологим, имеются юнкера, которых ждут в Москве.

Секретарь Горбунов.

3 ноября 1917 г., вечер.

Конец заседания я уже вообще не мог записывать, так как говорили вразброд. Речь шла о пессимизме некоторых работников, на которых московские события произвели впечатление разрушения всех культурных ценностей (например, слухи о разрушении «Василия Блаженного»). Помню фразу Владимира Ильича по адресу этих товарищей: «Что же, революция пойдет мимо них».

Между первым и вторым заседаниями Совета Народных Комиссаров прошло 12 дней. Как известно, в эти дни происходила лихорадочная работа по организации вооруженной борьбы с контрреволюцией и шли ожесточенные бои Красной гвардии с контрреволюционными войсками на подступах к Петрограду. Во главе этой организации стоял Военно-революционный комитет, но фактически руководил делом Владимир Ильич. Эта работа Владимира Ильича превосходно описана в воспоминаниях тов. Н. И. Подвойского.

Владимир Ильич, организуя Красную гвардию и оборону Петрограда, использовал каждую, маленькую даже, возможность, каждого человека. Однажды глубокой ночью он вызвал меня к себе и дал такое поручение: «Пойдите сейчас же вместе с тов. Х (фамилию сейчас не припомню) и организуйте ломовой обоз, который мог бы немедленно начать подвозку снарядов из Петропавловской крепости на линию боя». Через союз транспортников мы достали адреса ломовых извозчиков и их хозяев и ночью, разбившись по одному, стали ломиться по всем домам и дворам, мобилизуя извозчиков где уговором, где угрозой. К рассвету нужный обоз был уже у ворот Петропавловской крепости.

В эти дни наш «аппарат» выполнял самые различные задания Владимира Ильича. Например, как-то Владимир Ильич вручил

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 50.

мне декрет за собственноручной подписью (некоторые декреты подписывались Владимиром Ильичем в тот период по соглашению с одним или двумя народными комиссарами, без заседания Совета Народных Комиссаров, так как его невозможно было в эти дни боев созывать) с приказом Госбанку вне всяких правил и формальностей и в изъятие из этих правил выдать на руки секретарю Совета Народных Комиссаров 10 миллионов рублей в распоряжение правительства¹. Правительственным комиссаром был назначен В. В. Оболенский-Осинский. Передавая этот декрет мне в присутствии тов. Осинского, Владимир Ильич сказал: «Если денег не достанете, не возвращайтесь». Дело в том, что это был период полного саботажа служилой интеллигенции, и впереди всех саботажников были чиновники Государственного банка. Несмотря на декреты правительства и требования отпуска средств, Государственный банк нагло саботировал. Народный комиссар финансов тов. Менжинский никакими мероприятиями, вплоть до ареста директора Государственного банка Шипова, не мог заставить банк отпустить правительству нужные революции средства. Шипова привезли в Смольный и держали там некоторое время под арестом. Ночевал он в одной комнате с тов. Менжинским и мною. Днем эта комната превращалась в канцелярию какого-то учреждения (не Наркомфина ли?). Мне пришлось, к моей досаде, в виде особой вежливости (а вежливый и наивный были большевики вначале до того, что не расстреляли даже Краснова и из «вежливости», поверив его честному офицерскому слову, отпустили его на все четыре стороны) уступить ему свою койку и спать на стульях.

Получив задание от Ленина, мы вдвоем с тов. Осинским на автомобиле поехали в Государственный банк. В Государственном банке нас уже ждал Юрий Пятаков, который был назначен директором Государственного банка. Опираясь на низших служащих и курьеров, которые были на нашей стороне, а также угрожая Красной гвардией, которая якобы окружила уже банк, нам удалось проникнуть в помещение кассы банка, несмотря на всякие кунштюки, которые выделяли высшие чины Государственного банка, вроде ложных тревог и т. п., и заставить кассира выдать требуемую сумму. Мы производили приемку денег на счетном столе под взведенными курками оружия солдат военной охраны банка. Был довольно рискованный момент, но все сошло благополучно. Затруднение вышло с мешками для денег. Мы ничего с собой не взяли. Кто-то из курьеров наконец одолжил пару каких-то старых больших мешков. Мы набили их деньгами доверху, взвалили на спину и потащили в автомобиль.

Ехали в Смольный, радостно улыбаясь. В Смольном также на себе дотащили их в кабинет Владимира Ильича. Владимира Ильича

¹ Может быть, не десять, а пять миллионов рублей. За цифру сейчас не ручаюсь, так как текст этого декрета утерян. Вероятно, оригинал был предъявлен в банке в качестве аккредитива. Н. Г. (Автор имеет в виду, по-видимому, декрет о выдаче аванса в 25 миллионов рублей от 13 (26) ноября 1917 г., опубликованный в «Известиях» 14 (27) ноября 1917 г. *Ред.*)

не было. В ожидании его я сел на мешки с револьвером в руках: «для охраны». Сдал я их Владимиру Ильичу с особой торжественностью. Владимир Ильич принял их с таким видом, как будто иначе и быть не могло, но на самом деле остался очень доволен. В одной из соседних комнат отвели платяной шкаф под хранение первой советской казны, окружив этот шкаф полукругом из стульев и поставив часового. Особым декретом Совета Народных Комиссаров был установлен порядок хранения и пользования этими деньгами. Так было положено начало нашему первому советскому бюджету. Буржуазная печать по этому поводу потом всюду кричала об ограблении большевиками Государственного банка.

Второе заседание Совета Народных Комиссаров произошло только 15 ноября в маленькой комнатухе в другом конце Смольного, в которую Владимир Ильич перебрался уже для постоянной работы, уступив первую комнату для Народного комиссариата иностранных дел. На этом заседании, происходившем в более спокойных условиях, было рассмотрено уже до 20 вопросов. Один из народных комиссаров, кажется тов. Глебов-Авилов, научил меня вести протокол, так что я справлялся с этой работой в этот раз уже без особых затруднений. В числе рассмотренных вопросов были вынесены решения: о роспуске Городской думы в Петрограде; о выпуске декрета с подробной мотивировкой о конфискации саботируемых заводов и фабрик; о поручении Шляпникову, в согласии с тов. Оболенским¹, Бухариным и другими, составить к 16 ноября проект организации Совета народного хозяйства; о предоставлении солдатам права выбора своих депутатов в Учредительное собрание; о предложении эсерам ультиматума — взять завтра министерство земледелия или предоставить его большевикам и не тормозить работу; о распубликовании проекта положения о страховании на случай безработицы, снабдив его пояснительной запиской, с тем чтобы народные комиссары в двухдневный срок с ним ознакомились, для внесения его в Центральный Исполнительный Комитет. Любопытно отметить, что целый ряд довольно серьезных дел был направлен Владимиром Ильичем на разрешение соответствующим ведомствам в порядке разгрузки, о которой и сейчас нам приходится еще думать. На этом же заседании Совета Народных Комиссаров было решено, что народные комиссары, которые до сего времени работали преимущественно в Смольном, должны перенести свою работу в соответствующие министерства и собираться в Смольном только к вечеру «для совещаний и для осуществления контакта с другими демократическими организациями».

Дальнейшие заседания Совета Народных Комиссаров происходили уже регулярно, почти каждый день, а то и по два раза в день. За первый месяц такой систематической работы было рассмотрено на 25 заседаниях Совета Народных Комиссаров свыше 200 вопросов. В следующем месяце на 20 заседаниях было рассмотрено столько же вопросов. На всех заседаниях, за самыми редкими исключениями, председательствовал Владимир Ильич. Разрешение многих

¹ В. В. Оболенский-Осинский. Н. Г.

вопросов осложнялось в связи с участием в составе Совета Народных Комиссаров «левых» эсеров, которые противопоставляли линии большевиков свою «принципиальную установку».

Приходится поражаться совершенно исключительной работоспособности Владимира Ильича, который, кроме работы в Совете Народных Комиссаров, был неимоверно загружен сложнейшими политическими и оперативными делами и руководством партией. Однако он находил время и для душевных бесед с отдельными партийцами и приходившими к нему в очень большом числе беспартийными рабочими и ходоками-крестьянами.

Аппарат Совета Народных Комиссаров за это время несколько вырос. В него вошли тов. Агранов, Мария Скрыпник, Кокшарова, несколько рабочих, которые наряду с секретарскими обязанностями выполняли и функции охраны Владимира Ильича. В общем во всем аппарате было не более 10—12 человек. Нагрузка его была неслыханная, так как, кроме ежедневных заседаний Совнаркома и Малого Совнаркома, который вскоре был создан, в функции аппарата входило: прием всех посетителей, разговоры от имени Владимира Ильича согласно инструкциям, которые он давал, с отдельными делегациями, телеграфная переписка с местами, которые обращались в центр за директивами. Владимир Ильич оказывал большое доверие нашему аппарату, и поэтому было легко и радостно работать. Так, например, когда я спросил Владимира Ильича, как быть с телеграммами, Ильич ответил: «Посылайте от моего имени и через десятую телеграмму показывайте мне». В другом случае такое доверие Владимир Ильич оказал мне, когда правительство собиралось переезжать в Москву и начиналась эвакуация Петрограда, которому угрожала военная опасность со стороны Германии. На меня была сначала возложена специальная задача проследить за правильной эвакуацией Экспедиции государственных бумаг, с тем чтобы были приняты все меры к обеспечению выхода денежной эмиссии, на которой базировался весь государственный бюджет, а затем я был временно оставлен в качестве представителя Совета Народных Комиссаров в комиссии по эвакуации Петрограда. Владимир Ильич, предвидя возможную необходимость отдания каких-либо экстренно-срочных распоряжений, выдал мне 10 незаполненных бланков Совета Народных Комиссаров за собственноручной подписью на каждом бланке. Эти бланки были уничтожены мною по приезду в Москву. Привожу эту деталь как пример доверия, которое Владимир Ильич оказывал в самых разных формах очень многим рядовым членам партии и многим беспартийным. Это доверие, внимание, с которым Владимир Ильич прислушивался к мнениям товарищей, та повышенная оценка, с которой он подходил к отдельным, даже рядовым, работникам, возлагая на них зачастую очень ответственные задания,— все это создавало у всех соприкасающихся с ним особый энтузиазм в работе.

В этой статье я поделился некоторыми отдельными отрывочными воспоминаниями. На тему о том, как Владимир Ильич руководил, воспитывал, школил и использовал свой аппарат, можно напи-

сать целую большую книгу. Но для этого нужно было бы проделать большую систематическую научно-исследовательскую работу, собрать и систематизировать документы, в большей части своей еще не опубликованные, изучить архивы центральных учреждений, находящиеся в Институте Маркса—Энгельса—Ленина, Центральном архиве, в народных комиссариатах и у отдельных лиц, собрать и обработать переписку и отдельные записи по поводу и в связи с различными поручениями Владимира Ильича, сопоставить и проанализировать имеющиеся в литературе воспоминания отдельных товарищей и, наконец, дополнительно опросить ряд живых свидетелей. Этой работой, мне кажется, следует заняться, чтобы восстановить то, что еще не потеряно. Результат может представить выдающийся интерес, и хотя он осветит только небольшой участок многогранной деятельности Владимира Ильича, но довольно важный участок, так как аппарат Совета Народных Комиссаров работал в постоянной и теснейшей близости к Владимиру Ильичу и под непрерывным его руководством.

*Ленин в первые месяцы
Советской власти:
Сборник статей и воспоминаний.
М., 1933. С. 103—113*

В. Д. Бонч-Бруевич ПЕРВЫЕ ДНИ СОВНАРКОМА

Совнарком был учрежден декретом Второго Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, данным в стране 27 октября 1917 г. и опубликованным в газетах Временного рабоче-крестьянского правительства 28 октября 1917 года. Этим декретом повелевалось: «Образовать для управления страной впредь до созыва Учредительного собрания Временное рабоче-крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров».

Из этих слов ясно видно, с какой осторожностью новая власть относилась к своей собственной организации. Опираясь всецело на волю рабочих и крестьянских масс, те, кто стояли в центре управления страной, считали необходимым оговорить своевременно назначение, отсрочивая постоянную, окончательную конструкцию власти до момента полного выяснения всех политических обстоятельств. Но курс нового политического корабля был взят настолько правильно, что его не пришлось менять и перед лицом Учредительного собрания, которое обратилось в пустую говорильню, продолжавшуюся один вечер. Учредительное собрание не нашло никакой поддержки в народных массах и было за ненадобностью распущено.

Как только наступил первый момент после захвата власти, когда пришлось всем подумать об устройстве правительства, то, конечно, сейчас же поднялся вопрос о формах его. Большинство определяло эту структуру в старых формах: кабинет министров. Как сейчас помню, Владимир Ильич, заваленный крайне трудной работой с первых дней революции, услышал этот разговор, переходя от телефона к телефону, и мимоходом бросил: «Зачем эти старые назва-

ния, они всем надоели. Надо устроить комиссии по управлению страной, которые и будут комиссариатами. Председателей этих комиссий назовем народными комиссарами; коллегия председателей будет — Совет Народных Комиссаров, которому и принадлежит полнота власти, съезд Советов и Центральный Исполнительный Комитет контролирует его действия, им же принадлежит право смещения комиссаров».

Этот мимолетный разговор предопределил формы организации новой правительственной власти. Невольно обратило внимание всех, что Владимир Ильич, очевидно, за 2¹/₂ десятка лет непрерывной революционной борьбы имел время обдумать все до мелочей и был готовым к тому судному дню, когда меч пролетарской революции отсечет голову буржуазной гидры, когда переход власти в руки трудящихся будет уже не сладостной мечтой, а суровой боевой действительностью. К этому дню ему, вождю величайшей в мире пролетарской революции, надо было быть всегда готовым, и он, действительно, был готов. Все эти мелочи, которых было достаточно много, особенно ярко подчеркивали, как всесторонне обсуждал он все, прежде чем перейти к кормилу правления в самый трудный момент жизни русского народа, в часы пролетарской диктатуры и ожесточеннейшей гражданской войны. Совет Народных Комиссаров в составе, определенном декретом Второго Всероссийского съезда Советов, тотчас же собрался целиком, кроме И. И. Скворцова (Степанова), который в то время был в Москве и там вступил в должность комиссара финансов, работая всецело в рядах московских товарищей.

Первым декретом Совнаркома был декрет о печати, в котором молодое правительство определяло свою точку зрения на буржуазную печать и на те стеснения по отношению к печати, которые необходимо, нужно было перенести, ввиду того, что это оружие гражданской войны в руках буржуазии наносило огромный вред пролетарской революции.

В первое время Совнарком собирался нерегулярно, по мере надобности, ибо все его члены были крайне завалены практической работой. С каждым днем работа Совнаркома входила в определенные рамки — законодательный аппарат молодой социалистической республики начал работать правильно, без перебоя. Его творчество распространялось все более и более на все стороны жизни, и буржуазные устои старого общества могуче и беспощадно сокрушались непреклонной волей правительства рабочих и революционного крестьянства.

Теперь, когда прошло три года жизни, переполненной страшной борьбой, теперь акты Совнаркома принимаются всеми как нечто само собой подразумевающееся, тогда как в эту эпоху горячей борьбы на улицах Петрограда и Москвы декреты Совнаркома были воистину революционными актами, силы которых нередко подтверждались немедленным действием красноармейцев, как это, например, было при ликвидации частных банков согласно декрету от 14 декабря 1917 г., утвержденному ВЦИК.

Изучение декретов Совнаркома и ВЦИК (декреты ВЦИК по

большей части ранее намечались и обсуждались в Совнарком) дает будущим историкам возможность установить вехи политики центрального Советского правительства, ибо в них отразилось, отлившись в законодательные формы, все творчество нового строительства эпохи диктатуры пролетариата в России.

Красная газета. 1920. 7 ноября

Е. К. Кокшарова

В. И. ЛЕНИН В СОВНАРКОМЕ В 1917 ГОДУ

В ноябрьские дни 1917 года Рождественский районный комитет РСДРП(б) направил меня работать в Смольный, где помещалось правительство первого в мире социалистического государства. Там размещались Центральный и Петербургский комитеты партии большевиков, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, Совет Народных Комиссаров, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, Военно-революционный комитет. Оттуда направлялись по всей стране декреты Советской власти.

Смольный охранялся рабочими-красногвардейцами и кронштадтскими матросами.

У входа в здание, в центре между колоннами, стояли две трехдюймовые пушки, а по бокам пулеметы. Весь Смольный был ярко освещен, днем и ночью в нем не прекращалась работа. По длинным коридорам Смольного почти непрерывным потоком проходили солдаты с фронта, красногвардейцы, рабочие, работницы, матросы.

Первые месяцы работы Совета Народных Комиссаров были периодом становления Советской власти. На улицах Петрограда и Москвы еще продолжались революционные бои, а в Смольном создавались народные комиссариаты, встал вопрос об организации аппарата Совета Народных Комиссаров.

Управляющему делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу и секретарю Совнаркома Н. П. Горбунову было поручено найти подходящее помещение для секретариата Совета Народных Комиссаров и организовать его работу.

Вначале В. И. Ленин работал в угловой комнате на третьем этаже, в правом крыле здания (если стоять лицом к зданию). У двери кабинета (комната № 67 по старой нумерации) стояли дежурные красногвардейцы. 27 октября 1917 года В. И. Ленин написал специальную инструкцию — Обязанности часового при Председателе Совета Народных Комиссаров.

«1. Не пропускать никого кроме *Народных комиссаров* (если вестовой не знает их в лицо, то должен требовать билета, т. е. удостоверения от них).

2. От всех остальных требовать, чтобы они на бумаге записали свое имя и в двух словах цель визита. Эту записку вестовой должен передавать председателю и без его разрешения никого не пускать в комнату.

3. Когда в комнате никого нет, держать дверь приоткрытой, чтобы слышать телефонные звонки и приглашать кого-либо из секретарей к телефону.

4. Когда в комнате председателя кто-либо есть, — держать дверь всегда закрытой»¹.

В этой угловой комнате происходили встречи Ленина с рабочими, солдатами, делегатами II Всероссийского съезда Советов. Здесь Ленин подписывал первые декреты и распоряжения Советского правительства. Отсюда Ленин руководил организацией вооруженной борьбы с контрреволюцией.

Здесь же происходило 3 ноября 1917 года заседание Совета Народных Комиссаров. На нем слушался доклад В. П. Ногина о боях за Советскую власть в Москве.

В первой половине ноября 1917 года для Управления делами Совета Народных Комиссаров было подготовлено другое помещение, расположенное на третьем этаже в левом крыле Смольного, где Совнарком находился до 10 марта 1918 года.

Кабинетом Владимира Ильича стала небольшая угловая комната с тремя окнами. Одно окно было обращено к главному подъезду Смольного, а два других — к Лафонской площади.

В кабинете стоял письменный стол, за которым работал В. И. Ленин, простое жесткое кресло венского типа, этажерка с четырьмя полками и несколько венских стульев.

За дощатой перегородкой, не доходившей до потолка и противоположной стены, был оборудован небольшой коммутатор, возле которого находился дежурный, выполнявший одновременно обязанности личной охраны В. И. Ленина. Дежурили красногвардейцы — рабочие Трубочного и Путиловского заводов.

В этом кабинете 15 ноября происходило заседание Совета Народных Комиссаров, на котором рассматривались важнейшие вопросы — об организации Высшего совета народного хозяйства, о конфискации ряда заводов и фабрик. На этом же заседании было решено, что народные комиссары, которые до того времени работали преимущественно в Смольном, перенесут работу в соответствующие министерства и будут собираться в Смольном только к вечеру для совещаний и для контакта с другими организациями.

Дальнейшие заседания Совета Народных Комиссаров происходили регулярно, почти каждый день, а иногда и два раза в день, вначале в большой комнате — секретариате, а с декабря 1917 года — в специальном зале заседаний, Красном зале, расположенном также в левом крыле Смольного.

Рядом с кабинетом В. И. Ленина большую комнату занимал секретариат. Обстановку составляли несколько канцелярских столов, два шкафа, стулья, два столика с пишущими машинками.

В этой комнате работали: управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич, секретарь Совета Н. П. Горбунов и сотрудники М. Н. Скрыпник, Е. К. Кокшарова, А. П. Кизас, Ю. П. Сергеева, Л. Я. Озеревская, Б. Я. Беленькая, П. А. Шаунова, Н. Н. Горлова, Г. Р. Федюшин. Секретариат готовил материалы к заседаниям Совета Народных Комиссаров; здесь печатались протоколы и другие материалы

¹ Ленинский сб. Т. 35. С. 7.

по заданию Владимира Ильича, регистрировались входящие и исходящие бумаги, телеграммы, отправлялись письма, решения Совета Народных Комиссаров по всей Советской республике.

У окон секретариата в течение многих дней стояли два пулемета. Около них дежурили солдаты-пулеметчики.

У двери кабинета Владимира Ильича было установлено дежурство сперва рабочих-красногвардейцев, а затем латышских стрелков. Время было тревожное: контрреволюционеры не раз готовили нападение на Смольный.

Была ещё одна комната — приемная Совета Народных Комиссаров, куда приходили многочисленные делегации рабочих, крестьян, солдат с фронта. С первых дней установлен был такой порядок, что каждый посетитель, получивший пропуск в Смольный, мог свободно пройти в помещение Совета Народных Комиссаров, чтобы заявить о своей просьбе или жалобе. Это было указание Владимира Ильича.

Приемной Совнаркома была большая проходная комната. Деревянный низкий барьер разделял ее на две неравные части, отделяя большую часть комнаты, куда приходили посетители, от меньшей части, которая и была собственно приемной. Возле барьера, ближе к окну, стоял стол дежурного секретаря по приему. В приемной стояли деревянный диван и несколько стульев. У барьера был установлен красногвардейский пост.

В помещении Управления делами Совнаркома была комната, служившая столовой для сотрудников. В эту столовую заходил и Владимир Ильич, чтобы выпить стакан чаю и съесть бутерброд. (Тогда каждому полагалось не более двух бутербродов, причем бутерброды приготавливались на черном хлебе.) Туда же каждый вечер приходили члены Совнаркома, горячо обсуждали за чаем важнейшие события дня; иногда к ним присоединялся и Владимир Ильич. Первыми сотрудницами в этой столовой были С. И. Симак и А. М. Балтрукевич.

В первые дни после Октябрьской революции Владимир Ильич в беседе с В. Д. Бонч-Бруевичем высказал мысль о том, что необходимо создать сильный аппарат Управления делами Совнаркома, так как в первые дни, да и в дальнейшем, в Управление начнут со всех сторон стекаться разнообразные дела. Но аппарат Управления делами был небольшой: сначала 4—5 человек, а к концу декабря стало 23 сотрудника. Почти никто из сотрудников не имел опыта канцелярской работы.

Секретарь Совета Н. П. Горбунов рассказывал нам, как он в момент восстания пришел в Смольный, чтобы помочь наладить справочную службу в Смольном, и как его вызвал Владимир Ильич и сказал: «Вы будете секретарем Совета Народных Комиссаров». Понятия о своей будущей работе, как говорил Н. П. Горбунов, да и вообще о секретарских обязанностях, он не имел никакого. Где-то конфисковал пишущую машинку, на которой двумя пальцами выстукивал бумаги, так как машинистку тогда найти было невозможно; где-то отвоевал комнату и начал «формировать аппарат».

В. И. Ленин, руководя деятельностью Совета Народных Комис-

саров, налаживал и работу его аппарата. Он учил нас, молодых работников, как вести протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров, составлять повестки заседаний, производить записи в журналах, чтобы быстро навести справку, и как отправлять письма.

Утром, выходя из своего кабинета, Владимир Ильич здоровался с нами, подходил к каждому сотруднику и давал указания по его работе; он требовал, чтобы мы работали четко, быстро и хорошо знали свое дело.

Заседания Совета Народных Комиссаров, ставшие после 15 ноября ежедневными, начинались в точно установленные часы: сперва в 6 часов вечера, а затем, когда была организована подготовительная комиссия, или Малый Совнарком, заседания Большого Совнаркома начинались в 8 часов вечера и кончались обычно поздно ночью, а иногда и утром следующего дня.

На заседания Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич приходил за 10—15 минут до начала, садился в кресло, смотрел на часы и, если в зале к началу заседания не было еще всех членов Совета Народных Комиссаров, был очень недоволен. «Где же Совнарком?» — спрашивал он и делал строгое замечание секретарю за плохую организацию заседания.

Время у Владимира Ильича было точно распределено, поэтому он требовал от членов Совнаркома строжайшей дисциплины. Опоздание на заседания он рассматривал как недопустимую потерю времени. 29 декабря 1917 года решением Совнаркома был установлен штраф за опоздания на заседание Совета Народных Комиссаров: при опоздании на полчаса — 5 рублей, более полчаса — 10 рублей.

В решении указывалось, что от штрафа освобождаются те народные комиссары, которые заранее представляют заявление секретарю Совета с точным указанием причин опоздания или неявки.

На всех заседаниях Совнаркома, за редкими исключениями, председательствовал Владимир Ильич.

В. И. Ленин, внимательно слушая докладчиков и ораторов, обменивался с нарками записками и тут же на заседании разрешал ряд вопросов.

Все выступавшие на заседаниях Совета Народных Комиссаров свободно высказывали свое мнение. Часто возникали горячие споры, особенно много споров было в присутствии левых эсеров, которые с 10 декабря 1917 года входили в состав правительства.

Левые эсеры обязывались в своей деятельности проводить политику Совета Народных Комиссаров. Однако они по многим вопросам заявляли особое мнение на заседаниях, распространяли ложные сведения о работе членов следственно-юридической комиссии при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Владимир Ильич терпеливо их слушал, а в заключительном слове со всей принципиальностью раскрывал подлинное лицо левых эсеров как представителей мелкобуржуазной партии.

Протоколы заседаний Совнаркома велись секретарем Совета Н. П. Горбуновым, а когда его не было — вторыми секретарями М. Н. Скрыпник или мною.

Владимир Ильич сам формулировал решения и диктовал их секретарю.

Стенографисток и юристов тогда в Управлении делами Совнаркома еще не было, а секретари часто не успевали в точности записывать решение, и на следующий день Владимиру Ильичу приходилось самому редактировать протокол.

Как бы поздно ни кончались заседания, протокол представлялся на подпись В. И. Ленину в 10 часов утра.

Много внимания уделял Владимир Ильич проверке исполнения. Об исполнении решений Владимиру Ильичу докладывал секретарь Совета. К протоколу прилагался листок исполнения, в котором указывалось, что сделано по каждому пункту протокола.

Владимир Ильич был требователен к работникам аппарата и часто проверял, как выполнялись его задания или поручения.

В ту пору народные комиссары не имели еще опыта в разрешении государственных вопросов; они часто звонили к Владимиру Ильичу, советовались с ним, приезжали к нему в Смольный и всегда получали исчерпывающий совет.

Несмотря на то что заседания Совета Народных Комиссаров происходили ежедневно, нередко приходилось рассматривать в одно заседание 20—27 вопросов, а в повестку включалось по 40 и более вопросов.

Возникла необходимость образовать подготовительную комиссию — «вермишельную» комиссию (как ее называли члены Совнаркома) для предварительного рассмотрения вопросов.

Эта комиссия в составе народных комиссаров труда, военного и продовольствия уже тогда называлась Малым Совнаркомом. Протоколы Малого Совнаркома утверждались в тот же день на заседании Большого Совнаркома.

18 декабря 1917 года Совет Народных Комиссаров утвердил инструкцию, разработанную Лениным, о порядке внесения вопросов в повестку дня Совнаркома. Инструкция обязывала наркомов, вносящих вопросы на рассмотрение Совета Народных Комиссаров, представлять письменное заявление с указанием:

а) в чем состоит вопрос (краткое содержание),
б) что именно предлагается Совнаркому (дать деньги, принять такую-то резолюцию),

в) затрагивает ли данный вопрос ведомства других комиссариатов? Если затрагивает, то следует представить заключение от них.

В дальнейшем Владимир Ильич ссылался на эту инструкцию и требовал от народных комиссаров и работников секретариата Совнаркома обязательного выполнения ее.

Положение о рабочем контроле, подписанное Лениным 14 ноября 1917 года, вызвало ожесточенное сопротивление буржуазии. Капиталисты проводили открытый и скрытый саботаж, не выплачивали рабочим заработной платы. Рабочие посылали в Совет Народных Комиссаров телеграммы, письма, приезжали в Смольный к Владимиру Ильичу, просили скорее разрешить вопрос о национализации предприятий.

За отказ подчиниться рабочему контролю Совет Народных Комиссаров специальным декретом производил конфискацию фабрик и заводов с передачей их в собственность государства. 17 ноября 1917 года была объявлена собственностью Российской республики фабрика товарищества Ликинской мануфактуры при поселке Ликино Владимирской губернии со всеми находящимися при ней материалами, сырьем и прочим имуществом.

В Управление делами Совнаркома 11 декабря 1917 года поступила телеграмма из Ликино: «Рабочие и служащие Ликинской мануфактуры шлют приветствие СНК и благодарность за конфискацию фабрики»¹.

Поступали многочисленные запросы от местных Советов о мерах борьбы с саботажем предпринимателей. В связи с этими запросами Совет Народных Комиссаров разъяснял, что «конфискации предприятия в каждом отдельном случае должно предшествовать специальное обследование положения дел предприятия, особенно с точки зрения финансовой, снабжения топливом и сырьем, а также технического оборудования»².

На одном из первых заседаний, в ноябре 1917 года, Совет Народных Комиссаров признал принципиально необходимым повысить оклады низшим служащим и понизить оклады высшим служащим советских учреждений.

5 декабря 1917 года были повышены оклады почтово-телеграфным работникам по всей России. Декретом ВЦИК и СНК от 11 декабря 1917 года было значительно улучшено материальное положение служащих и рабочих на железнодорожном транспорте.

18 ноября на Совнаркоме слушался вопрос об окладах народных комиссаров и было принято постановление, написанное В. И. Лениным. В нем говорилось, что народным комиссарам назначается предельное жалованье в 500 рублей в месяц и выплачивается прибавка в 100 рублей на каждого неработоспособного члена семьи.

Владимир Ильич, так же как и все народные комиссары, получал 500 рублей в месяц. Этот оклад не был предельным для Совнаркома. Так, кассир получал 500 рублей в месяц, второй секретарь СНК — 550, секретарь СНК — 700, управляющий делами — 800³. Когда Владимир Ильич узнал, что ему с 1 марта 1918 года повышен оклад, он вызвал к себе секретаря Совета Н. П. Горбунова и управляющего делами СНК В. Д. Бонч-Бруевича и спросил их, на каком основании произведено это повышение. Так как достаточных, на его взгляд, оснований не оказалось, В. И. Ленин объявил строгий выговор Н. П. Горбунову и В. Д. Бонч-Бруевичу за незаконное повышение оклада в нарушение декрета Совета Народных Комиссаров.

В январе 1918 года Народный комиссариат труда внес в Совет Народных Комиссаров запрос: можно ли платить специалистам больше 500 рублей в месяц. В. И. Ленин разъяснил, что установле-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 54, 716, л. 33. Е. К.

² ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 47, л. 149. Е. К.

³ Там же, д. 72. Е. К.

ние предельного месячного жалования наркомам не означает запрещения платить специалистам больше 500 рублей. Однако введение высоких ставок для некоторых буржуазных специалистов Ленин рассматривал как «отступление от принципов Парижской Коммуны и всякой пролетарской власти, требующих сведения жалований к уровню платы среднему рабочему, требующих борьбы делом, а не словами, с карьеризмом».

С разных концов страны к Владимиру Ильичу приезжали ходоки-крестьяне на собранные «миром» деньги, чтобы повидаться с самым «главным большевиком», как они называли В. И. Ленина, поговорить с ним о своих крестьянских делах. В. И. Ленин принимал крестьян-ходоков, рабочие и солдатские делегации или у себя в кабинете, или в секретариате за небольшим круглым столом.

Крестьяне-ходоки или уполномоченные лица имели при себе указы, выработанные на сельских сходах. В этих указах указывались вопросы, которые нужно было разрешить в Петрограде, у самого Ленина. Вопросы были самые разнообразные. Часто встречались такие:

«Как и на каких основаниях распределять лошадей, коров, инвентарь, конфискованные у помещиков?»

«Куда должны поступать деньги за проданные дрова или зерно, конфискованные у помещиков?»

«Может ли конфискация распространяться на домашнюю обстановку помещиков?»

«Как должен поступать волостной земельный комитет, если уездный земельный комитет противится проведению в жизнь закона о земле?»...²

Ленин внимательно слушал крестьян, задавал вопросы, а потом давал ходакам указания о том, чтобы волостные земельные комитеты немедленно брали помещичьи земли в свое распоряжение, охраняли бывшее помещичье имущество, которое стало теперь общественным достоянием.

4 ноября на заседании Петроградского Совета В. И. Ленин заявил, что сейчас наблюдается следующее явление: «...крестьяне отказываются верить, что вся власть принадлежит Советам, они еще чего-то ждут от правительства, забывая, что Совет это не частное учреждение, а государственное»³.

В связи с этим В. И. Лениным был написан «Ответ на запросы крестьян»⁴, который вручался крестьянам-ходакам после их беседы с Лениным. Первый экземпляр «Ответа» был дан делегации Сердобска Саратовской губернии, которую В. И. Ленин принимал 5 ноября 1917 года. Крестьяне уходили довольные, радостные и говорили: «Вот это наша, настоящая крестьянская власть!»

Вспоминается такой случай: к Владимиру Ильичу пришли кре-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 179.

² ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989, по земледелию, л. 4. Е. К.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 62—63.

⁴ См. там же. С. 68—69.

стьяне сообщить о том, как они у себя на селе переизбрали Совдеп, как изгнали из него кулаков. Группа крестьян сидела за круглым небольшим столом в общей комнате и дружески беседовала с Лениным. Один из них вынул из котомки каравай хлеба и торжественно подал Владимиру Ильичу.

— Хлебом-то вы нуждаетесь здесь, — сказал крестьянин.

Владимир Ильич был очень смущен.

— У меня и времени не хватит, чтобы все это съесть, — пошутил он.

Крестьяне, приходившие на прием к Владимиру Ильичу, заботливо спрашивали нас: «А как питается Ленин?»

Рабочие делегации от фабрик и заводов, представители солдат-фронтовиков также приходили к Ленину. Окружив Владимира Ильича, они с большим вниманием слушали его, а потом разносили по всей стране ленинский призыв к массам — брать в свои руки строительство новой жизни.

Но в Смольный приходили не только крестьяне, рабочие и солдатские делегации. Приходили в приемную Совнаркома представители буржуазии, интеллигенции, иностранные дипломаты, которым нельзя было тогда вполне доверять, и во время приема этих делегаций сотрудникам аппарата Совнаркома приходилось порою немало волноваться. Управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич учил нас, неопытных еще работников, внимательно следить за такими посетителями.

В ту пору в совнаркомовскую канцелярию приходили письма с угрозами по адресу Ленина, и эти письма напоминали о том, что буржуазия продолжает ожесточенную борьбу против рабоче-крестьянского правительства.

Как-то в конце декабря 1917 года пришел в секретариат студент и упорно добивался встречи с Владимиром Ильичем. Работники секретариата предложили студенту написать записку Ленину, а сами наблюдали за ним. Поведение его показалось подозрительным, и М. Н. Скрыпник (она была вторым секретарем СНК и секретарем по приему) подала условный знак дежурившему в секретариате матросу. Студента вывели из помещения Смольного. Вскоре мы узнали, что у него был найден револьвер со взведенным курком.

В секретариат Совнаркома поступало много писем и телеграмм из действующей армии от солдат, рабочих и крестьян, от городской и деревенской бедноты. Люди писали о своей тяжелой жизни, о пережитых унижениях, называли Ленина «другом народа», «другом обездоленных», «уважаемым учителем», приветствовали вождя пролетарской революции.

Вот некоторые из этих писем.

Пишет солдат-коммунист из действующей армии 22 ноября 1917 года: «Уважаемый учитель Владимир Ильич! Шлю Вам сердечный привет и от души поздравляю Вас с новыми завоеваниями пролетариата.

Дорогой учитель, глаза революционной армии устремились с надеждой на нашу партию, армия доверяет нам как истинным за-

щитникам интересов трудящегося народа, с чем и поздравляю Вас, уважаемый учитель. Прошу у Вас благосклонного ответа»¹.

А вот письмо Председателю Совета товарищу Ленину от инвалида Ивана Павликова 30 октября 1917 года:

«Шлю Вам сердечный привет от имени инвалидов физиохирургического института за Вашу деятельность, в чем мы будем надеяться в будущем, наша надежда только на Вас»².

26 ноября 1917 года на имя Ленина была получена телеграмма от съезда делегатов армии, флота и рабочих Финляндии:

«...Областной съезд армии, флота и рабочих Финляндии перед началом своих работ приветствует Советскую власть в лице ЦИКа и Правительства Народных Комиссаров. Солдаты, матросы и рабочие в Финляндии обещают Вам всемерную поддержку в борьбе с буржуазной контрреволюцией. Революция рабочих и крестьян встретит в нашем лице верных друзей и соратников в момент величайшего напряжения классовой борьбы. Буржуазия для подрыва революции прибегает к саботажу всех начинаний Советской власти. Высшее чиновничество и служащие общественных учреждений объявили стачку, которая разрушает народное хозяйство и ухудшает положение армии. Стоя на страже интересов революции, мы предлагаем все свои силы Советской власти для борьбы с саботажем»³.

Владимир Ильич очень внимательно относился к письмам трудящихся. Он обязывал работников секретариата докладывать ему о всех телеграммах, письмах и лично проверял исполнение его резолюций по жалобам и письмам.

Владимир Ильич Ленин проявлял величайшую заботу, чуткость, внимание к людям. Когда кто-нибудь из товарищей уставал, плохо себя чувствовал, он посылал его в отпуск и обязывал раньше срока не возвращаться.

Многие сотрудники аппарата Совета Народных Комиссаров обращались к Владимиру Ильичу за помощью по работе и даже по личным вопросам, и он всегда находил возможность и время поговорить с нами и помочь нам в беде или работе.

Многочисленные делегации со всех концов земного шара посещают и теперь Смольный, где работал и жил В. И. Ленин. В книге отзывов посетителей имеются сотни записей на разных языках. Тут можно видеть китайские иероглифы, записи на японском, индонезийском, вьетнамском, арабском и на многих других языках. Все они говорят об одном — о глубоком уважении и любви к Владимиру Ильичу Ленину — основателю первого в мире социалистического государства.

*О Владимире Ильиче Ленине.
Воспоминания. 1900—1922 годы.
М., 1963. С. 307—315*

¹ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 47, л. 161. Е. К.

² ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 47, л. 196. Е. К.

³ Там же, д. 74, л. 45. Е. К.

Вот наконец и Смольный. Широко открытые решетчатые ворота, ведущие в огромный двор, прилегающий к многоглазому дому обычного казенного образца, там и сям несколько торопливо спешащих фигур и десяток-полтора грузовых и легковых автомобилей недалеко от подъезда — такова была в это время внешняя картина Смольного. И только две трехдюймовки, стоявшие у самого входа в вестибюль по обеим сторонам главных дверей, говорили о том, чего ожидали, к чему готовились здесь всего каких-нибудь две недели тому назад.

Теперь эти трехдюймовки, смотрящие в пустынный двор Смольного, вызвали представление не то о брошенном, не то об уснувшем военном лагере. И лишь чехлы, которыми были старательно накрыты трехдюймовки сверху, и колпаки, закрывающие отверстия дул, напоминали о том, что у этих немых свидетелей былых боев есть и теперь чья-то заботливая рука.

Я не помню, потребовали ли у меня удостоверение личности, так как все мое внимание в этот момент было поглощено наблюдением над всей обстановкой, в которой работал и действовал центральный аппарат Советской власти.

Прежде всего бросалась в глаза относительная налаженность работ советского аппарата, налаженность эта свидетельствовала об уверенности победившего пролетариата в завтрашнем дне.

Здесь находятся хозяева, здесь все — у себя дома. Так я мог бы формулировать итог своих первых внешних впечатлений от общей обстановки Смольного.

Проходил ли я мимо красногвардейца-рабочего, стоявшего на посту с винтовкой, встречался ли с кем-нибудь из служащих в коридоре или прислушивался к ответам, которые время от времени давал просителям выходивший в приемную секретарь Совнаркома (кажется, тов. Горбунов), на всем лежала печать сосредоточенности, деловитости и уверенности.

И, наконец, осталась отчетливо в памяти необычайная простота двух примыкающих к кабинету т. Ленина комнат: приемной и общей канцелярии, а также необычайная доступность советского персонала для просителей и посетителей. Что представляла собой, в сущности, эта так называемая «приемная»? Большая, какая-то несуразная, проходная комната, перегороденная двумя деревянными диванами на две неравные части. В промежутке между диванами стоит небольшой простой столик, за которым сидит советская сотрудница, опрашивающая каждого о цели прихода. После опроса проситель переходит за линию диванов и попадает в большую половину комнаты, которая и служила собственно приемной. Простой стол с чернильницами, диван и несколько венских стульев — вот и вся обстановка совнаркомовской приемной в те дни. Какую ядовитую улыбку чванливого пренебрежения должна была вызвать эта прием-

ная у тех, кто привык к лакейским ливреям и прочим принадлежностям правительственных апартаментов царского времени! Но зато сколько радости и удовольствия должна была оставлять эта простота обстановки в душе рабочего, который приходил в Смольный по разным делам к «своему», «рабочему» правительству. Здесь для него было все свое — все близкое и знакомое. В особенности это чувство близости должны были испытывать рабочий и крестьянин, когда они соприкасались с совнаркомовской канцелярией, с той комнатой, которая непосредственно вела в служебный кабинет т. Ленина. Это тоже была большая и наполовину пустая комната. Три простых канцелярских стола, один столик с пишущей машинкой, два шкафа, несколько стульев да простая, наскоро сколоченная вешалка у двери в кабинет т. Ленина, на которую обыкновенно вешали пальто приходящие к нему посетители, — вот и вся обстановка канцелярии.

В эту же комнату был сразу пропущен и я. Через несколько минут я был уже в кабинете у т. Ленина.

— Ну вот, мы вас давно уже ждем, товарищ Шлихтер, — встретил меня т. Ленин с тем обычным товарищеским радушием, которое было так свойственно ему не только в личных, но и в деловых отношениях. — Что вы так долго собирались?

Мне хотелось поскорее рассеять какие бы то ни было сомнения его относительно причин моего запоздания, и я тороплюсь рассказать и о том, как было дело с его письмом и с моим «дезертирством», и вообще кратко передать ему о московских настроениях и работе.

Товарищ Ленин — весь внимание. Правый глаз прищурен, левый сосредоточенно всматривается в меня.

Еще две-три фразы — и вопрос о «дезертирстве» ликвидирован.

— В ближайшем заседании Совнаркома будет оформлено Ваше назначение комиссаром земледелия, — заканчивает наше деловое свидание т. Ленин. — Но было бы хорошо, если бы Вы сейчас же занялись приемом крестьянских делегатов с мест. Нужны конкретные разъяснения и инструктирование мест о практических мероприятиях, связанных с декретом о конфискации земли. С этим нельзя медлить, а делать это некому. Затем немедленно же надо взять министерский аппарат в свои руки и спешно выработать «Положение» о земле. В канцелярии Вам передадут все дела и материалы.

Такова была кратко сформулированная т. Лениным программа работ, намеченных в первую очередь для центрального аппарата Советской власти по земельному и, в связи с этим, по крестьянскому вопросу. С формальной точки зрения, в этой программе не было собственно ничего «программного» в строгом смысле этого слова. Была здесь единая руководящая идея, объединяющая намеченные т. Лениным первоочередные задачи, — идея, о которой на этот раз не упоминал т. Ленин и которой не касался я, но которая для нас, большевиков, не была новинкой уже со времени революции 1905 года. Это — идея о том, что пролетарская революция может победить лишь при условии союза рабочих с крестьянством. Обеспечить поддержку революции крестьянскими массами во что бы то ни стало —

вот для чего нужны были, и спешно нужны, и конкретные разъяснения крестьянским делегатам, и овладение министерским аппаратом, как организационным условием для совершенно новой работы на местах, и, наконец, «Положение» о земле, долженствующее дать крестьянству не терпящие отлагательства организационные ответы *о формах и условиях* пользования той землей, с которой пролетарская революция впервые сорвала вековые оковы частной собственности.

Но естественно, что формулированная т. Лениным программная схема ничего другого, кроме этой идеи, не ставила; она совсем не давала никаких практических указаний о способах и средствах осуществления намеченных общих задач. Найти эти способы, определить революционную целесообразность той или иной практической меры — в этом заключалась ответственная и трудная сторона той работы, которую возлагала на меня схема т. Ленина и выполнение которой тем самым предоставлялось моей революционной самостоятельности.

Потребность в ком-нибудь, специально предназначенном для текущей работы по комиссариату земледелия, была в тот момент так велика, что мне действительно пришлось буквально исполнить предложение т. Ленина: «сейчас же» приступить к исполнению обязанностей. Одна из служащих канцелярии Совнаркома, временно исполнявшая разнообразные поручения справочного характера по делам комиссариата земледелия, уже поджидала меня у выхода и, узнав о моем назначении, просила меня немедленно принять от нее «дела» и «канцелярию». У меня еще не было квартиры, и вообще я не успел еще как следует оглядеться после бессонной ночи в поезде, но ее порывистое стремление поскорее ввести меня, так сказать, во владение моим новым делом так заражало меня, что я без возражений согласился сразу же приступить к исполнению своих обязанностей.

— Вот ваша канцелярия,— сказала она мне, подведя к одному из шкафов, стоявшему тут же, у стены, и раскрывая его,— вот здесь — печатные экземпляры обращения к крестьянам с некоторыми руководящими указаниями; это единственное, что мы имели до сих пор и что мы даем каждому крестьянину, который приходит к нам. А здесь,— продолжала она, показывая на другую полку,— лежат письменные и телеграфные запросы с мест и заявления крестьянских делегатов.

— Это все? — спросил я.

— Все.

— Ну а где же я мог бы работать? Столик бы мне какой-нибудь и один-два стула,— хлопотал я об оборудовании моей канцелярии, не без смущения оглядывая окружающую обстановку.

Мое смущение было не напрасно, ибо просьба оказалась действительно не из легких для Смольного в те дни: всего было в обрез.

— Кабинета для комиссара земледелия здесь нет; придется вам временно работать здесь же, в общей канцелярии. А стол?... — задумалась устроительница моего делового пристанища,— возьмите

себе вот этот столик, который предназначен на случай надобности для посетителей Владимира Ильича, и стулья достанем.

Моя канцелярия была вся при мне и со мной, мой «кабинет» был готов.

Впоследствии, за все годы революции, мне и в Петрограде, и в других местах моего «предметного обучения» советской работе приходилось иметь разнообразные кабинеты. И, право же, я затрудняюсь сказать, работалось ли мне в них когда-нибудь так весело и с таким деловым зудом, как это было в те 7—8 дней, которые я про-кабинетствовал за своим наркомземовским столиком в общей канцелярии Совнаркома. И было это ни почему иному, как только потому, что вся моя работа в эти дни, в течение служебных часов, протекала почти исключительно в деловом и непосредственном общении с представителями крестьянской массы, с теми ходоками, которые в Смольном искали разрешения всех своих вопросов и сомнений.

Целыми фалангами изо дня в день проходили они передо мною, столь разнообразные, каждый по-своему, в своих запросах и нуждах, касающихся «своего» села, и в то же время столь похожие один на другого.

— Что же и как оно будет?..

— Как ее, землю-то, к примеру, взять?..

— ...Потому, видишь, товарищ, надо, чтобы для всех безобидно...

Вот основное содержание тех практических, иногда до очевидности мелких вопросов, из-за которых деревня посылала своих ходоков в Петроград, чтобы получить разъяснение их в Совнарком вообще и, в частности, «непременно у самого Ленина». Декрет пролетарской революции о немедленной передаче всей земли всколыхнул деревню до самых глубин ее. Деревня судорожно рвалась к деловому закреплению земельной реформы, но Декрет о земле устанавливал лишь общую норму революционного права. В эту общую норму деревня пыталась немедленно же влить содержание революционной практики и тянулась к революционному центру за указаниями и ответами.

Я полагаю, что эти дни были моментом наибольшей духовной близости и доверия крестьянских масс к Советской власти вообще, а к Совнаркому — в особенности. Перебирая в своей памяти все, что мне довелось видеть и слышать в это время, я не могу не рассказать об одной оценке, как наиболее показательной и поразившей меня своей непосредственностью. На второй или третий день моего наркомземства в мою приемную явилась делегация, состоявшая из трех хлеборобов Черниговской губернии. Среди них особенно выделялся представительный седобородый старик, настоящий крестьянин, только что, казалось, оторвавшийся от сохи. Он обратился ко мне с расспросами, касающимися индивидуальных и конкретных нужд его деревни в земельном вопросе, получил от меня все разъяснения и указания, но в то время как все другие делегации, получив ответ, обыкновенно сразу же уходили, я замечаю, что мой старик уходит не собирается. Жду, что будет дальше... Немного помяв-

шись и побряхтев, как это обыкновенно делают крестьяне в затруднительных случаях, старик спрашивает меня:

— Товарищ, как бы повидать товарища Ленина?

— А зачем,— говорю,— он вам нужен?

— Не могу,— говорит,— уехать домой, не повидавши товарища Ленина. Я должен его повидать и должен сказать потом своим, что я его видел, и с таким наказом послали меня сюда мои односельчане. Они мне сказали: «Непременно от самого Ленина узнай, что и как надо делать».

Желание старика меня весьма заинтересовало. Подобного рода общение самой «земли», самих масс, творящих революцию в глухих углах далекой провинции, с выразителем интересов этой революции, с ее душой и мозгом, с товарищем Лениным, показалось мне сразу же не лишенным тактического значения. Но, зная столь характерную для Владимира Ильича нелюбовь ко всякого рода «встречам», я чувствовал себя в некотором смущении. Я знал, что когда приду к нему и скажу, что его хочет видеть делегат от Черниговской губернии, то он замашет руками и скажет мне:

— Уж вы, пожалуйста, сами там как-нибудь и что-нибудь сделайте.

Но для меня не было сомнений, что т. Ленина надо было непременно показать крестьянскому делегату, и потому, как т. Ленин ни вертелся, удрать ему от этой «аудиенции» не удалось. Я этих крестьян к нему свел, и надо было видеть через 2—3 минуты это буквально одухотворенное счастьем лицо — говорю без преувеличения — седобородого старика, когда он вышел от т. Ленина.

— Спасибо, товарищ,— благодарил он меня,— теперь я все расскажу дома.

Был ли этот крестьянин коммунистом? Конечно нет. Сделался ли он коммунистом впоследствии? Почти наверно — тоже нет. Не о коммунистическом просветлении и не о каком-нибудь понимании общих величайших задач социалистической революции крестьянством говорило лицо старика, а об искреннем и глубоком доверии в тот момент к Коммунистической партии, впервые и всерьез, понастоящему осуществившей заветные думы крестьянства о земле.

Два-три дня спустя после начала моих работ по комиссариату я в заседании Совнаркома был официально назначен и. о. наркомзема. Теперь можно было бы сразу приступить к выполнению второй из задач, порученных мне т. Лениным, а именно к овладению центральным аппаратом министерства земледелия. Но в этот момент уже началось наше «сватанье» с левыми эсерами. «Невеста» была с запросом. Одним из категорических требований левых эсеров было непременно предоставление в их руки, между прочим, поста народного комиссара земледелия. Только на этом условии (не касаясь других, менее важных требований) вырисовывалась реальная возможность действенного, немедленного и безоговорочного приятия партией левых эсеров, как партией, Советской власти и согласия эсеров разделить с коммунистами ответственность власти. Только при этом условии можно было добиться столь необходимой для рево-

люции смычки организованного пролетариата со Всероссийским крестьянским съездом, отражавшим земельные чаяния широких крестьянских масс и руководимым центральным комитетом левых эсеров во главе с виднейшими его членами: «Марусей» Спиридоновой и Натансоном.

— Только мы являемся истинными выразителями интересов широких *трудящихся* масс крестьянства, ожидающих от революции социализации земли. Поэтому в наших руках должно быть распоряжение комиссариатом земледелия, которому предстоит практическое осуществление задач социализации земли,— таково было в общем принципиальное обоснование левыми эсерами своего ультимативного требования предоставить им фактическое обладание Наркомземом.

— Если мы можем получить в качестве союзника *все* крестьянство на условиях предоставления левым эсерам возможности строить социализацию земли,— то им и перо в руки, пропишем в декрете социализацию, дадим им ее — и пускай строят. Жизнь скоро разоблачит сущность этой «социализации» и подорвет вместе с тем доверие крестьянства к левоэсеровской партии — так, в общем, говорил по этому вопросу т. Ленин в одной из бесед со мной в связи с возникшими среди некоторых из наших товарищей (ответственных работников) растерянностью и даже конфузом перед предстоящим декретом о «социализации».

— Мы знаем, что никакой социализации крестьянского хозяйства сейчас в действительности быть не может; ведь это же нелепость — подписываться под таким декретом,— говорили эти товарищи...

Теперь, когда так блестяще подтвердилось пророчество т. Ленина и когда все мы давно уже понимаем, что без такой тактической линии Владимира Ильича мы не сумели бы заложить фундамент для союза с крестьянством, прочность которого не смогли потом подорвать ни дьявольские попытки левых и правых эсеров, ни тяжелое бремя, возлагавшееся революцией на крестьянское хозяйство,— теперь как-то странно вспоминать об этой растерянности и как-то трудно верится, что это могло быть среди нас.

*Шлихтер А. Ильич и организация аппаратов власти.
Харьков. 1925. С. 3—15*

П. Д. Мальков

ИЗ КНИГИ «ЗАПИСКИ КОМЕНДАНТА КРЕМЛЯ»

...Квартиры у Ленина в Петрограде не было. По возвращении из эмиграции в апреле 1917 года он поселился с Надеждой Константиновной у своей сестры Анны Ильиничны Елизаровой. С июльских дней — подполье: стог сена в Разливе, Гельсингфорс, Выборг. В начале октября Ильич нелегально вернулся в Петроград, жил на Выборгской стороне, в специально подготовленной квартире. Вечером 24 октября он покинул эту квартиру и больше туда не возвра-

шался. Остался в Смольном. Там проходили первые послеоктябрьские дни, нередко и ночи. Если и уходил иногда ночевать, так к знакомым, к Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу.

Недели через две после революции, когда я был уже комендантом Смольного, внизу, в комнате какой-то классной дамы, мы оборудовали жилье для Ленина и Крупской. Это была небольшая комната, разгороженная пополам перегородкой. Вход был через умывальную с множеством кранов, здесь раньше умывались институтки. В комнате — небольшой письменный стол, диванчик да пара стульев — вот и вся обстановка. За перегородкой простые узкие железные кровати Владимира Ильича и Надежды Константиновны, две тумбочки, шкаф. Больше ничего.

Прикомандировал я к «квартире» Ильича солдата Желтышева. Он убирал комнату, топил печку, носил обед из столовой: жидкий суп, кусок хлеба с мякиной и иногда кашу, что полагалось по пайку всем. Бывало, Ильич и сам шел вечером в столовую за супом. Несколько раз я встречал его с солдатским котелком в руке.

Потом, когда организовалась совнаркомовская столовая, стало немного лучше. В это же время за квартирой Ильича начала присматривать мать одного из старейших питерских большевиков — Александра Васильевича Шотмана, специально приходившая в Смольный. Она взяла под свое руководство Желтышева, наводила чистоту, следила за питанием Ильича.

Ильич был необычайно скромен и непритязателен. Очень редко он обращался к кому-либо с личными просьбами, а если и просил что-нибудь для себя, то именно просил, а не требовал, неизменно вежливо, деликатно, явно не желая обременять кого-либо своими личными нуждами.

Сижу я как-то у себя в комендатуре, вдруг открывается дверь — на пороге Владимир Ильич, в шубе, шапке, как видно, едет на собрание или на митинг. В руках изящная деревянная шкатулка.

— Товарищ Мальков, у вас найдется пара минут?

Я вскочил.

— Владимир Ильич, да я...

Он замахал рукой.

— Сидите, сидите. Я ведь по личному делу.

Вид у Ильича какой-то необычный, пожалуй, даже чуть-чуть смущенный. Бережно протягивает мне шкатулку.

— Если вам не трудно, откройте эту шкатулочку, никак у меня не получается. Только, пожалуйста, осторожно, поаккуратнее, не испортите. Я очень дорожу ею, тут письма от моей мамы.

«От мамы» — так и сказал!

— Владимир Ильич, я сейчас же сделаю.

— Зачем же сейчас? Что вы! Когда время найдется, тогда и откроете. Сейчас я все равно уезжаю. Только, пожалуйста, сегодня. Пока поберегите ее, а когда вернусь, тогда и отдадите.

Владимир Ильич ушел, а я принялся за шкатулку. Взял ее бережно, осторожно, не только что поцарапать, старался не дышать на нее. Провозился с полчаса, открыл. С какой радостью вернул я ее Ильичу, когда он приехал!

Взял Ильич шкатулку, любовно погладил ее полированную поверхность, глянул на меня вприщур:

— Спасибо, товарищ Мальков, большое спасибо!

Когда достали мы халву, я роздал ее работникам Совнаркома, ВЦИКа, Ревкома. Несколько фунтов выделил для Ильича и сам отнес к нему в комнату.

Проходит несколько часов, стук в дверь.

— Войдите!

Входит Надежда Константиновна и кладет мне на стол сверток с халвой.

— Желтышев сказал, что это вы принесли, товарищ Мальков. Спасибо большое, только нам не надо, спасибо. Хотя тут и немного, только вы поровну между всеми товарищами разделите.

— Надежда Константиновна, помилуйте, да у нас этой халвы сколько угодно, я не только вам, всем дал.

— Ну, тогда иное дело. Только все равно вы ее возьмите, дайте кому-нибудь другому.

— Другому? Но почему? Быть может, Владимир Ильич не любит халвы?

— Да нет, любить-то еще как любит, только, знаете, она ведь дорогая, а у нас сейчас денег нет. Вы уж извините.

— И не просите, Надежда Константиновна. Не возьму. А о деньгах не думайте. Халва бесхозная, так что раздаем мы ее бесплатно.

Еле-еле уговорил Надежду Константиновну взять халву. Такие они были, Ленин и Крупская...

В 1917 году Ленин ездил и ходил всюду без всякой охраны. Очень меня это беспокоило. Несколько раз пытался я говорить на эту тему с Владимиром Ильичем, он только рукой махал:

— Помилуйте, батенька, только этого недоставало!

Спорить с ним было бесполезно.

Говорили с Владимиром Ильичем об охране и Яков Михайлович, и Феликс Эдмундович, но и они ничего не добились. А ведь Владимир Ильич не только постоянно выезжал из Смольного, частенько под вечер он отправлялся пешком вдвоем с Надеждой Константиновной побродить по улицам, отдохнуть от нечеловеческого напряжения. Пешие прогулки, как я заметил, были излюбленным отдыхом Владимира Ильича.

В 1917 году Ленина, правда, немногие знали в лицо, портретов его еще не публиковалось, но все же мало ли что могло случиться. Когда Владимир Ильич отправлялся на очередную прогулку, на сердце у меня бывало неспокойно. Не говоря ничего Ильичу, я строго-настрого приказывал часовым не спускать глаз с него и Надежды Константиновны, когда они гуляли невдалеке от Смольного, но делать это так, чтобы не попасться Ильичу на глаза. (Знал: заметит — будет сердиться.) А уж если кто чужой к ним приблизится да покажется подозрительным, тут действовать решительно, оберегая Ильича от возможной опасности.

Делать это было сравнительно легко, потому что вокруг Смоль-

ного постоянно выставлялись подвижные посты, которые следили, чтобы не было скопления подозрительной публики...

1 (14) января 1918 года Владимир Ильич выступал на многолюдном митинге в Михайловском манеже ¹. Вместе с ним на митинге были Мария Ильинична, сестра Владимира Ильича, и швейцарский социалист Фридрих Платтен, сопровождавший Ленина еще при его возвращении из Швейцарии в Россию после Февральской революции.

Едва все трое сели после митинга в машину и машина тронулась, как загремели выстрелы. Платтен, мужчина рослый, здоровый, схватил Владимира Ильича за плечи, пригнул к сиденью и закрыл собственным телом. Шофер дал полный газ, и машина умчалась. Никто из пассажиров, кроме Платтена, не пострадал, да и Платтен отделался легким ранением: пуля поцарапала ему руку. Но кузов машины был прострелен в нескольких местах.

Произошло это незадолго до открытия Учредительного собрания. Вот тут уж не посчитались с мнением Ильича и организовали надежную охрану, особенно когда Ильич поехал на заседание Учредительного собрания.

Охрана Смольного все эти дни находилась в полной боевой готовности. Посты были усилены, количество постов увеличено, отпуска в город сотрудникам охраны отменены. В день открытия Учредительного собрания Бонч-Бруевич, управляющий делами Совнаркома, позвонил мне по телефону и передал распоряжение Ленина: поставить всю охрану под ружье, выкатить пулеметы, самому неотлучно находиться в Смольном. Так я и не попал на открытие Учредительного собрания. И охрану Ильича в Таврическом дворце, где заседала Учредилка, поручили не нам, а кому-то другому.

Впрочем, даже после покушения Ленина как следует охраняли недолго, считанные дни. Потом он решительно запротестовал и настоял, чтобы охрану убрали. Опять Владимир Ильич ходил и ездил по Петрограду без охраны.

Мальков П.
Записки коменданта Кремля.
М., 1968. С. 60—64.

М. Н. Скрипник

КРЕСТЬЯНЕ-ХОДОКИ У ИЛЬИЧА В СМОЛЬНОМ

Я была приглашена на работу в Совнарком по приему делегаций к товарищу Ленину. Это было в первых числах ноября 1917 года (ст. стиля).

Я хочу кратко описать расположение комнат, где в ту пору работали Ленин и секретариат Совнаркома. В боковом крыле Смольного находилась большая комната секретариата. У двух окон в течение многих дней стояли два пулемета. Около них посменно дежу-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 216—217.

рили солдаты-пулеметчики. Одна дверь этой комнаты вела в маленький кабинет Ильича. Около его дверей круглые сутки дежурил латышский стрелок. В ту пору время было тревожное, и мы не раз ждали нападения на Смольный. Другая дверь секретариата вела в соседнюю комнату. Здесь, около деревянных перил, дежурили два красногвардейца. У входных дверей этой комнаты также дежурил латышский стрелок. Чтобы попасть в кабинет Ленина, нужно было миновать три караула. Все же нам, работавшим в секретариате, во время пропусков делегаций к Ленину часто приходилось волноваться.

Кабинет Ленина — маленькая комната — вмещал письменный стол, удобное кресло для работы и несколько стульев. Сначала пол был голый, потом его покрыли ковром: в Смольном было холодно, с полу очень дуло. За дощатой перегородкой стоял телефонный аппарат.

Это было время неудержимого паломничества к Ленину. Каждый день с утра до вечера я заставляла десятки людей, которые приезжали с мест повидать Владимира Ильича. Они часами сидели в приемной Совнаркома, терпеливо ожидая приема. Несмотря на все уговоры, делегаты не хотели возвращаться на места, не повидав Ленина хотя бы издали. Некоторые после приема просили дать им на руки «бумагу» от имени секретаря. В этой «бумаге» они требовали написать, что такой-то действительно был принят Лениным. Чаще всего такие бумажки приходилось выдавать крестьянам-ходакам. Эти документы ходоки-крестьяне бережно, как святыню, клали за пазуху, обернув в чистую тряпочку. Крестьяне-ходоки, повидавшие Ленина и услышавшие от него мудрые советы, считались тогда первыми людьми на селе. Рекой текла сермяжная деревня послушать человека, «который был у Ленина и говорил с ним».

Из самых глухих деревушек Рязанской, Курской и даже Киевской губерний приезжали к Ильичу ходоки-крестьяне. Приезжали на собранные «миром» гроши в столицу, охваченную революционным огнем.

— Пришлось бросить хозяйство, малых детей, так «мир» захотел. Порешили послать уполномоченных к товарищу Ленину, — не раз говорили мне степенно и с достоинством ходоки-крестьяне.

Мне выпало на долю быть свидетельницей того, как счастливы были те из них, которым довелось видеть этого чудесного человека.

Радушие и ласковость, с которой Ильич принимал ходоков-крестьян, вызывали в них простую человеческую заботливость о нем. Когда мне приходилось некоторых из них угощать обедом в Смольном, они заботливо спрашивали, как питается Ленин.

Помню, однажды приехала группа крестьян, которые задолго до революции купили через Крестьянский банк часть помещичьей земли, что довело их нищенский надел до десятины на едока. На таких крестьян село смотрело как на собственников и зарилось на их землю. Это было время, когда закон о социализации земли с его уравнительной едовой нормой еще не был принят. По Декрету о земле земли рядовых крестьян не подлежали переделу. Я поколебалась

дать приезжим окончательное разъяснение и повела их к Ленину. Это были середняки-крестьяне, которые потом и кровью окупали годами «отрезки» земли, украденные помещиками в пореформенное время.

После беседы с Лениным они получили на руки отношение к местным губернским властям.

— Теперь знаем, что нам делать! — говорили они, прощаясь со мной.

Через месяц эти крестьяне снова приехали к Ленину. Получилось то, что под влиянием беседы с Лениным они набрались храбрости и по приезду в деревню взялись за перевыборы Совдепа, в котором засели кулаки, прикрывавшие крупных арендаторов.

— Теперь нам только поблагодарить Владимира Ильича, что он научил нас доброму делу, — сказали они с чувством почтения к Ильичу.

Когда я доложила об их приходе Ленину, он сам вышел из кабинета и поздоровался с ними с поразившей меня простотой и дружелюбием. Один из крестьян, прежде чем поздороваться с Лениным, вынул из котомки большой каравай хлеба и торжественно преподнес его изумленному Ильичу.

— Хлебом-то вы нуждаетесь здесь, — сказал крестьянин.

Широко расставив руки, Ильич взял этот хлеб и со смущенной улыбкой сказал:

— У меня и времени не хватит, чтобы все это съесть.

Каравай хлеба очутился на столе, и вскоре вся группа крестьян во главе с Лениным сидела за круглым столом и дружески беседовала.

Хлеб в те времена действительно был самым ценным даром деревни. Этим стародавним обычаем крестьяне почтили вождя рабочих и крестьян.

— Сход был у нас, — говорили они нам в секретариате, — решили хлебом почтить нашего дорогого защитника.

Светлы и радостны были лица у этих крестьян. В сдержанных, простых словах они выразили искреннюю любовь и глубокое почтение, которое возбудил в них Ильич.

Радушно прощаясь со мной, они выразили пожелание, чтобы каждая волость посылала ходока-крестьянина к Ильичу для личной беседы с ним.

Помню, однажды пришли крестьяне-ходоки из разных губерний. Они хотели захватить свекловичные поля и говорили, что «земля из-под свеклы больно хорошая». Я убеждала их в том, что рабоче-крестьянская власть не может допустить разорения свекловичных полей. В ответ они упрямо толковали:

— Никак нам без этой земли не обойтись, будем сеять на ней пшеницу. Проводите нас к Ленину, он нам все разрешит по справедливости.

Я привела их к Владимиру Ильичу. Он сам открыл дверь и, подавая руку ходокам, пригласил их к себе. Прошло минут пятнадцать. Я вошла в кабинет. Как обычно на приеме, Ильич уютно сидел в

кресле в позе отдыхающего человека, опустив руки в карманы брюк. Крестьяне, положив шапки на колени, не торопясь и солидно рассказывали Ильичу о том, что делается у них на селе. По-видимому, разговор был в разгаре. Прищуриив один глаз, Ленин пытливо всматривался в лица крестьян. Я услышала отрывки его слов:

— Как же без сахарных заводов мы обойдемся? Ведь сахар мы повезем за границу, торговать будем...

Наконец ходоки вышли. Они положительно были опьянены беседой, общением с «главным большевиком». Так они при разговоре со мной называли главу рабоче-крестьянской власти. Это были люди сдержанные, привыкшие не доверять городу, осторожно относившиеся ко вся и всему. Но на них неотразимо подействовали сила ума и духовное обаяние Владимира Ильича. Эта сила выражала ясную и четкую пролетарскую линию и его твердое сознание и убеждение в необходимости дружбы рабочих и крестьян. Я видела, как подействовало на крестьян прикосновение к живому источнику мысли гениального человека. Ходоки окружили меня и твердили:

— Поедем на село — расскажем, что видели его. Все он растолковал нам, как есть, справедливо.

Один из ходоков сказал:

— А умный у нас теперь управитель! И в крестьянстве толк понимает.

В ответ на эту оригинальную похвалу я рассказала им, что Ленин наблюдал жизнь крестьян, знает их борьбу за землю и волю, что он всю жизнь учил рабочих и большевистскую партию, как добиться крестьянам земли и воли. На это один из ходоков неожиданно спросил меня:

— Скажите вы нам, что же, он все дела сам решает?

Я ответила, что Владимир Ильич все государственные дела решает с партией, в Центральном Комитете большевиков, что партия так же думает, как и Ленин.

Один из ходоков снова задал вопрос:

— А что же, без него ничего не решают? Он все проверяет и законы сам одобряет?

Видно, они прониклись к нему таким доверием, так полагались на его умелое и мудрое руководство, что им хотелось уехать на село с полной убежденностью, что без Ленина ничего не делается.

Я передала ему эту похвалу. Он, видимо, был удовлетворен и в ответ весело, немного иронически улыбнулся. А улыбка у него была всегда широкая. Думал ли в эту минуту Ильич, что то впечатление, которое он произвел на крестьян, есть маленькое проявление великой связи рабочих и крестьян? Поэтому, может быть, Ильич лишь в крайних случаях отказывался принимать делегации крестьян.

Я подметила, что Ильич был особенно обходителен с крестьянами-ходаками. Как-то особенно гостеприимно с ними здоровался при встрече. Судя по тону его, по простоте его беседы с ними, я заметила, как он мягко, осторожно располагая к себе, незаметно для самих крестьян приближал их крестьянскую мерку понимания вещей к пролетарской.

Иное дело с рабочими. В беседе с делегациями от фабзавкомов Ленин подчеркивал роль рабочего класса как главного ответчика за судьбу молодого пролетарского государства, добиваясь поднятия сознания рабочих до понимания не на словах, а на деле роли диктатуры пролетариата.

*Воспоминания
о Владимире Ильиче Ленине.
М., 1957. Ч. 2. С. 89—92.*

А. А. Иоффе

ЭПОХА БРЕСТСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ

(Воспоминания)

В период наших первых шагов на международной арене никому не было достаточно ясно, какие внешние формы могут принять наши взаимоотношения с буржуазными правительствами. Советская власть отменяла все старые дипломатические формы и категорически отвергла какие бы то ни было тайные переговоры...

Уже в первом международном документе Советской власти, в знаменитом Декрете о мире, имеется указание на готовность Советского правительства вести мирные переговоры хотя бы по телеграфу. И эта возможность казалась не исключенной, когда решено было обратиться прямо, так сказать, через окопы, с предложением мирных переговоров к Германии и ее союзникам.

Владимир Ильич чрезвычайно настойчиво внушал мне перед моим отъездом в Брест-Литовск, как именно необходимо наших империалистических противников «вытаскивать за ушко да на солнышко». «Как только они покажут свои империалистические ушки,— говорил он,— вы их остановите и требуете: а позвольте-ка это записать!»

Когда в брестских переговорах определенно выяснилась совершенная неприемлемость германских условий мира, тов. Ленин настаивал на затягивании переговоров именно в целях более ясного выявления перед трудящимися всего мира антиимпериалистической сущности советской политики и чистейшей воды империализма наших противников. «Чтобы затягивать, нужен затягивальщик»,— говорил Владимир Ильич и настоял на поездке тов. Троцкого в Брест.

С тактикой «ни мира, ни войны» Владимир Ильич с самого начала не был согласен потому, что, по его мнению, переговоры уже дали в агитационно-пропагандистском отношении все, что могли дать; выяснять же этой тактикой, могут ли немцы наступать, было бы уже слишком рискованно и слишком дорого.

Еще более ясно формулировал Владимир Ильич свою точку зрения после перехода германских войск в наступление после занятия Двинска и Пскова и предъявления нам ультиматума. Теперь Ленин категорически отказывался еще раз уступить сторонникам других тактик в нашей партии, утверждая, что уже вполне ясно, что немцы могут наступать, что теперь необходимо спасать революцию,

самый факт существования которой будет максимально революционизирующе действовать на трудящиеся массы всего мира.

Историческим оправданием этой тактики Владимира Ильича является именно то обстоятельство, что через 8 месяцев после подписания Брестского договора вспыхнула германская революция, которая аннулировала его.

Хотя германская революция вскоре и направилась по совершенно иному пути, чем тот, который был желателен и которого все мы ожидали, но по отношению к Брестскому договору она выполнила свой долг, уничтожив его и этим оправдав политику «ставки на революцию».

Необходимо, однако, отметить, что Владимир Ильич, рассчитывая на мировую революцию, считался в то же время с определившимся уже фактом замедления ее темпа и полагал необходимым в период «передышки» использовать внутренние противоречия империалистических стран. С этим, впрочем, вполне соглашалась и группа Троцкого, а возражали только «левые коммунисты», утверждавшие, что попытка Ленина «пролезть в щель» между империализмом обеих еще тогда воевавших группировок обречена на неудачу, так как «щель эта слишком узка».

Факты, однако, доказали обратное: Ленину удалось «пролезть в щель», и до сих пор еще в империалистическом лагере постоянно существуют и постоянно создаются все новые «щели», достаточно широкие, чтобы оправдать ленинскую тактику «лабиринтов».

Как известно, большевиков сначала, и не только в России, но и во всем мире, обвиняли в том, что они — «германские шпионы», «германские агенты», «подкупленные Германией» и т. д.

Гнусный процесс, возбужденный против нашей партии меньшевиками и эсерами на основе этого навета, был ликвидирован победоносным Октябрьским восстанием, но последнее, конечно, не обеляло Советской власти и не освобождало ее от этой грязной клеветы за границами советской территории, и, наоборот, за рубежом победа Советской власти в России еще укрепляла эти инсинуации в качестве сильнейшего аргумента против этой власти.

Трехмесячная борьба в Бресте помимо своей главной цели — революционизирования мира трудящихся — имела еще и побочную: доказать всему миру безусловную ложность возводимых на большевиков обвинений.

По мере развития брестской борьбы достигались обе указанные цели, и приблизительно в период второй стадии переговоров не только рабочие Берлина, Вены и Варшавы своими забастовками и январскими боями на улицах названных городов недвусмысленно поддерживали Советскую власть, но и правительства Антанты захотели попытаться использовать ее в своей борьбе против Четвертого союза.

Это была первая «щель», в которую можно было пролезть.

В январе 1918 года советским полпредом в Лондоне был назначен М. М. Литвинов, тогда там проживавший. Его деятельность в Лондоне в этот период мало кому известна, ибо нигде до сих пор об этом ничего не писалось.

Пользуюсь случаем, чтобы сообщить то, что тов. Литвинов сам мне об этом рассказывал.

Не имея сношения с Советским правительством (назначение его было сообщено по радио), М. М. Литвинов узнал о своем назначении из английских газет и немедленно же обратился в Форийн-оффис (министерство иностранных дел) с официальным письмом, в котором требовал от британского правительства соответственных выводов.

М. М. Литвинову также официально ответил тогдашний товарищ министра иностранных дел (Бальфура) лорд Гардинг, который сообщил ему, что британское правительство, не признавшее еще Советской власти, не может формально признать и ее посла (Литвинова), но министерство иностранных дел готово сноситься с ним через специально к нему приставленного своего чиновника, Липера, оказавшегося личным знакомым тов. Литвинова, так как последний раньше давал ему уроки русского языка.

Фактически тов. Литвинов был признан. Он немедленно взял на себя защиту арестованных в Англии за свою борьбу против войны русских граждан (в том числе и сидевшего тогда Г. В. Чичерина), выдавая паспорта и визы (признаваемые британским правительством).

Подписание Брестского договора вызвало неудовольствие английского правительства и, следовательно, некоторое охлаждение в отношениях. Но только арест в Москве Локкарта, обвиненного в шпионаже, привел к разрыву.

М. М. Литвинов и его сотрудники были тоже арестованы в Лондоне, хотя и без всякого обвинения, но в качестве заложников. После энергичных протестов они, однако, через 10 дней все были освобождены. Начались переговоры об обмене Локкарта на Литвинова, которые, несмотря на явное недоверие английского правительства, окончились принятием последним предложения тов. Литвинова о разрешении ему выехать в Копенгаген с обязательством не ехать дальше в Россию до выезда из России Локкарта (по этому поводу тов. Литвинов получил письмо от Чемберлена).

Теперь известно, что германские милитаристы в угоду Антанте еще во время своей с нею войны готовы были вооруженными силами наступать на советские республики, а после окончания войны предлагали даже свои услуги для совместного с Антантой наступления на нас.

Ни то, ни другое не удалось. И не удалось потому, что брестская тактика Владимира Ильича создала все-таки возможность «пролезть в щель», т. е. сначала использовать противоречия Антанты с Германией, а затем — ненависть Германии к Антанте.

В этом смысле уроки Бреста — незабываемы. И как раз теперь, в новейшую эпоху, когда опять возрождаются попытки окружения Советского Союза, — в это время брестская тактика опять приобретает свою жизненность и актуальность.

К. Б. РАДЕК
Б. Ф. МАЛКИН
С. Д. МСТИСЛАВСКИЙ
И. Т. СМЛГА
М. С. КЕДРОВ
Н. М. ПОТАПОВ
М. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ
Н. И. МУРАЛОВ
И. С. КОЖЕВНИКОВ
К. Х. ДАНИШЕВСКИЙ

И. И. ВАЦЕТИС
А. Д. МЕТЕЛЕВ
П. И. ВОЕВОДИН
В. Л. ПАНЮШКИН
А. В. ИВАНОВ
В. Н. КАЮРОВ
А. Н. ЛАВРУХИН
Е. Б. БОШ
С. Т. КОНЕНКОВ
Н. Д. ВІНОГРАДОВ

Scan: Ershov V. G., 2006

К. Б. Радек

ИЗ СТАТЬИ

«В. И. ЛЕНИН (К 25-ЛЕТИЮ ПАРТИИ)»

...Я не забуду никогда своего разговора с Ильичем перед заключением Брестского мира. Все аргументы, которые мы выдвигали против заключения Брестского мира, отскакивали от него, как горох от стены. Он выдвигал простейший аргумент: войну не в состоянии вести партия хороших революционеров, которые, взяв за горло собственную буржуазию, не способны идти на сделку с германской. Войну должен вести мужик. «Разве вы не видите, что мужик голосовал против войны?», — спросил меня Ленин. «Позвольте, как это голосовал?» — «Ногами голосовал, бежит с фронта». И этим дело для него было решено. Что мы не уживемся с германским империализмом, Ленин не только знал, как все другие, но он, защищая брестскую передышку, не скрывал ни на один момент перед массами, какие бедствия она нам сулит. Но хуже немедленного разгрома русской революции она не была, она давала тень надежды, передышки хотя бы на несколько месяцев, и это решало. Надо было, чтобы мужик дотронулся руками до данной ему революцией земли, надо было, чтобы встала перед ним опасность потери этой земли, и тогда он будет ее защищать.

Возьмем другой пример. Это было в момент нашего поражения в польской войне, когда начинались переговоры в Риге. Я уезжал тогда за границу и зашел к Ильичу поговорить о только что намечающихся разногласиях по вопросу об отношении к профсоюзам. Подобно тому как при решении Брестского мира Ленин видел перед глазами своей души мужичка из Рязанской губернии и, — зная, что он решающая персона в военной драме, — равнялся по нему, так в момент перехода от гражданской войны к хозяйственному восстановлению России он равнялся по рядовому рабочему, без которого нельзя восстановить хозяйство. К чему сводился для него вопрос? На партийных собраниях говорили о роли профсоюзов в хозяйстве, о сращивании профессиональных организаций с хозяйственными организациями, договорились до споров о синдикализме и эклектике, а Ленин видел обтрепанного рабочего, который вынес неслыханное и невиданное и который теперь должен восстанавливать хозяйство. Что хозяйство надо немедленно восстанавливать, что надо подтянуться, что мы для этого имеем право подтянуть рабочую массу — это для него было бесспорно; но можем ли ее немедленно подтянуть, послав на фабрики тысячу самых лучших

наших военных товарищей, привыкших командовать? От этого крика в производстве ничего не произойдет. Надо им дать передышку, они неслыханно устали. Вот это был решающий аргумент для Ленина. Он видел своими глазами действительного русского рабочего, каким он был зимой в 1921 году, и он чувствовал всем своим существом, что возможно и что невозможно...

*Радек К. О Ленине.
М., 1924. С. 22—24*

Б. Ф. Малкин

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ И БРЕСТСКИЙ МИР

(Отрывки из воспоминаний)

Десять лет назад был подписан Брестский мир, вошедший в историю нашей внешней политики как один из гениальнейших образцов ленинской стратегии, как непревзойденный маневр рабочего государства в империалистическом окружении, легший в основу всей нашей дальнейшей политики в это замечательное десятилетие.

В памяти встает ряд фактов и эпизодов, связанных с Владимиром Ильичем и той исключительной ролью, которую он играл в те исторические решающие дни.

О том, что Владимир Ильич является самым решительным сторонником немедленного заключения мира, нам пришлось убедиться еще в ноябре на заседаниях Президиума ВЦИК, где кроме него с такими же решительными заявлениями выступал и Я. М. Свердлов.

Помнится, с каким большим недоверием отнесся Владимир Ильич к полученному из Бреста радио от нашей делегации, в которой заявлялось, что немцы приняли все наши условия демократического мира.

Нашей делегации вскоре пришлось прервать переговоры, а по их возобновлении немцы воспользовались своей хитроумной оговоркой в декларации о том, что условия мира принимаются всеми воюющими державами (в том числе и Антантой), и так как этот пункт оказался невыполненным, то они аннулировали свою декларацию.

Во время III съезда Советов впервые со всей резкостью встал вопрос о мире.

В своих выступлениях Владимир Ильич несколько раз подчеркивал, что армия у нас растаяла, крестьянство воевать не хочет, положение с транспортом и продовольствием у нас катастрофическое и обстановка быстро меняется, поэтому связывать себя никакими формальными решениями съезда мы не можем.

Общий смысл той директивы, которую получил Троцкий от обоих центральных комитетов при возвращении в Брест, заключался в том, что на риск возобновления войны ни в коем случае идти нельзя.

Как известно, этого условия Троцкий не выполнил, и в результате мы имели в Бресте эффектную формулу — «ни мир, ни вой-

на», — приведшую к тягчайшим последствиям и передавшую, по существу, в руки немцев все решение вопроса.

18 февраля началось знаменитое немецкое наступление, быстро начала рассеиваться иллюзия, созданная Троцким и «левыми» о том, что у немцев будто бы фронт развалился.

Почти ежедневно приходилось наблюдать бешеный размах нечеловеческой энергии Владимира Ильича, пока его железная логика, ежедневно подтверждаемая фактами, не победила безжизненных иллюзий одних, абстрактных теоретизирований других и революционный авантюризм третьих.

Немцы быстро продвигались без всякого сопротивления, захватывая по дороге пушки, снаряжение, громадные запасы. Гарнизоны разбегались. Без всякого сопротивления были взяты Двинск и Минск.

Нужно было срочно принять ответственное решение.

На состоявшихся двух заседаниях ЦК 17 и 18 февраля, несмотря на то, что большинства за немедленное подписание мира Владимир Ильич не собрал, за революционную войну уже никто не голосовал, а вопрос о принципиальной допустимости при известных условиях мира с Германией прошел почти единогласно.

Ночью в гостинице «Астория», где мы жили, мы были разбужены заводскими гудками — гулким набатом, который всколыхнул уже заснувшую столицу. Мы бросились в Смольный вместе с большой группой, жившей в «Астории», в которой находились Н. И. Бухарин, Урицкий, Ломов и др.

Оказывается, немцы взяли Псков и идут дальше, ставя под угрозу Петроград. Гарнизон бежал.

Мы прочли телеграмму об этом, адресованную в Совнарком. В Смольном все кипело. К утру уже подходили рабочие отряды Красной гвардии, и весь Смольный быстро превратился в боевой центр, откуда направлялись первые эшелоны пехоты, броневые поезда и красногвардейские отряды.

Обе партийные организации объявили партийную мобилизацию, и через день Смольный напоминал дни Октябрьского переворота.

Владимир Ильич передал ночью в ПТА (РОСТА) написанное им воззвание «Социалистическое отечество в опасности!»¹, которое сразу облетело всю страну.

От нас отторгались Лифляндия и Эстляндия, требовался вывод наших войск из Финляндии и Украины, и впридачу требовалась демобилизация армии. Для принятия условий давался срок 48 часов, а для подписания договора — трое суток.

Мы назначили на 23 вечером заседание ВЦИК.

Начались заседания обоих центральных комитетов — сначала по отдельности, а затем и объединенное.

На этом решающем заседании несколько раз выступал Владимир Ильич и в прениях участвовали: Бухарин, Урицкий, Сталин, Зи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 357—358.

новьев, Стасова (тогдашний секретарь ЦК); большинство левых эсеров, возглавляемое Камковым, Штейнбергом, голосовало против подписания мира, меньшинство солидаризировалось с большевиками.

Предстояло решающее заседание ВЦИК. Оставалось очень мало времени до истечения срока.

Создалась крайне неуверенная и тревожная обстановка, не было уверенности, что во ВЦИК создастся большинство за подписание мира.

Был час ночи. К пяти утра нужно уже дать ответ.

Через полчаса в Таврическом дворце начались фракционные заседания большевиков и левых эсеров.

Владимир Ильич сделал небольшой доклад и в заключительном слове окончательно уничтожил Штейнберга, Камкова и Радека, выступавшего от «левых коммунистов».

Запомнились отдельные мысли Владимира Ильича:

«Если бы вы не погнались за ничего не стоящими эффектными фразами и подписали 16 февраля мир, как было условлено с Троцким, то мы бы не стояли сейчас перед такими неслыханными миллиардными потерями.

То, что Штейнберг и Радек заявляют о том, что ради мировой революции, которая не сегодня завтра вспыхнет, можно пожертвовать Советской властью, — это и есть настоящий авантюризм, как и ваши заявления о том, что будто бы немцы не смогут наступать».

Речи Ильича, произнесенные с исключительным подъемом, производят громадное впечатление. Мы ясно видим, что многие дрогнули. В напряженной обстановке началось историческое заседание ВЦИК.

Свердлов — спокойный и уверенный — на трибуне.

Краткие речи.

Левые эсеры требуют поименного голосования.

«Левые коммунисты» уходят из зала перед голосованием — некоторые из них совсем не пришли.

Определяется исход голосования.

За — 114, против — 85, воздерживается — 35¹.

На другой день с утра состоялось заседание Президиума ВЦИК, на котором мы решили обратиться ко всем Советам и земельным комитетам с телеграфным запросом о том, какую позицию они занимают в вопросе о мире и санкционируют ли они постановление ВЦИК².

Помню, как на другой день часть этих ответов, которые мы получили по прямым проводам, я представил Владимиру Ильичу, который быстро распределил ответы по промышленным и крестьянским центрам и тут же заявил: «Совершенно ясно, что деревня воевать не хочет — нужно специально опросить все волости, и тогда картина станет совершенно ясной».

¹ Результаты голосования были: за — 116, против — 85, воздержались — 26. *Ред.*

² Декреты Советской власти. Т. 1. С. 571—572.

В. И. Ленин в Кремле
на заседании Совета Народных Комиссаров.
17 октября 1918 г.

В. И. Ленин произносит речь перед участниками
I Всероссийского съезда по просвещению
в здании Высших женских курсов.
28 августа 1918 г.

В. И. Ленин за рабочим столом
в своем кабинете в Кремле.
16 октября 1918 г.

В. И. Ленин с В. Д. Бонч-Бруевичем
во дворе Кремля на прогулке
по выздоровлении после ранения.
16 октября 1918 г.

В. И. Ленин в группе работников
секретариата Совнаркома в Кремле.
Не ранее 17 октября 1918 г.

В. И. Ленин, Я. М. Свердлов
во главе колонны делегатов VI Всероссийского
Чрезвычайного съезда Советов
у Большого театра; делегаты направляются
на площадь Революции на открытие временного
памятника К. Марксу и Ф. Энгельсу.
7 ноября 1918 г.

В. И. Ленин, Я. М. Свердлов на площади Революции
перед открытием временного памятника
К. Марксу и Ф. Энгельсу.
7 ноября 1918 г.

В. И. Ленин произносит речь на открытии временного памятника К. Марксу и Ф. Энгельсу на площади Революции. 7 ноября 1918 г.

В. И. Ленин, Я. М. Свердлов
на Красной площади у Кремлевской стены
во время демонстрации трудящихся,
посвященной 1-й годовщине Великой
Октябрьской социалистической революции.
7 ноября 1918 г.

В. И. Ленин, Я. М. Свердлов в президиуме
I Всероссийского съезда земельных отделов,
комитетов бедноты
и сельскохозяйственных коммун
в Колонном зале Дома союзов. 11 декабря 1918 г.

Пролетаріи всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН.

ОЧЕРЕДНЫЯ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

МОСКВА

Издание Всероссийск. Центр. Исп. Ком. Совѣтов Р. С. К. и К. Депутатов
1918 г.

Обложка первого издания книги В. И. Ленина
«Очередные задачи Советской власти». 1918 г.

Россійская Коммунистическая Партія (большеви́ковъ).
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Н. Ленинъ (Вл. Ульяновъ).

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ и РЕНЕГАТЪ КАУТСКІЙ.

Цена 3 руб.

Книгоиздательство „КОММУНИСТЪ“.

МОСКВА:

- 1) Сретенка (уг. Рыбникова пер.), д. 8.
Тел. 4-79-48; 3-15-00.
2) 2-ой домъ Софтовъ, Театр. пл.

ПЕТРОГРАДЪ:

- 1) Поварской пер., д. № 2, кв. 9 и 10.
Тел. 2-27-42
2) Литейный проспектъ, д. 48

1918.

Обложка книги с пометками В. И. Ленина .
«Пролетарская революция и ренегат Каутский».
1918 г.

От имени Совнаркома и ВЦИК были посланы экстренные телеграммы — запросы вплоть до волостей. И в течение двух недель со всей России стали поступать ответы. Тревога с ультиматумом, однако, не улеглась.

Создалось очень тревожное положение. К утру получили сообщение, что немцы оттянули в пользу Турции еще несколько областей и что 3 марта наша делегация подписала ультимативный договор. Когда тов. Карахан возвратился в Петроград, он в присутствии Владимира Ильича и Свердлова передавал подробности подписания договора и заявил нам, что делегация демонстративно не обсуждала договор, чтобы подчеркнуть его грабительский и насильственный характер, и сразу подписала. Владимир Ильич при этом одобчительно заметил:

«Хорошо сделали, а если бы стали обсуждать, то это нам бы стоило еще губернии, и так нам революционная фраза очень дорого обошлась...»

*Комсомольская правда. 1928.
№ 56. 6 марта*

С. Д. Мстиславский

ЗАПИСИ О ЛЕНИНЕ

На втором крестьянском съезде¹. Большевистская фракция была маленькая — всего несколько человек. Остальные по преимуществу эсеры: большинство — левых, но очень много еще было и правых (на съезде этом, как известно, добивали Чернова и Авксентьева).

Большевистская фракция внесла предложение — пригласить Председателя Совнаркома для доклада.

Президиум (он был весь левозеровский, кроме одного, помнится, большевика) поморщился. И отказать неудобно, и приглашать нежелательно. Съезд был крепко народнический, козыри все на руках. Было с чем поторговаться — интенсивно шедших эти дни переговорах с ЦК большевиков о числе мест в будущем (после решенного уже слияния крестьян и рабочих) ВЦИКе и прочем. До слияния старались делать вид, что правительство «пока», так сказать, «полупризнано», поскольку под него «не подведена еще крестьянская база»; поддерживается условно. Дать Ленину говорить на съезде — значит рисковать подставить съезд под большевистский захват, дать большевикам лишний шанс в переговорах.

Президиум поэтому решил политично: сыграть на самолюбии и правительственном, и личном. Большевистскую формулу отклонить, а средактировать переход к очередным делам в таком смысле, что *Председатель Совнаркома* съезд не приглашает, а если *товарищ*

¹ Второй Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов происходил 26 ноября — 10 декабря (9—23 декабря) 1917 г. в Петрограде. В. И. Ленин выступил а съезде с речью 2 (15) декабря (см.: Полн. собр. соч. Т. 35. С. 139—142). *Ред.*

Ленин пожелает выступить с докладом — съезд будет рад его выслушать.

Расчет, конечно, оказался мыльным пузырем: *Ленин* приехал наиспокойнейшим образом. Встретили его сдержанно: большинство приехавших с мест крестьян не видели и не слышали его раньше; не потеряла, видимо, еще действия своего и «предохранительная» времен *Керенского* «прививка»...

И *Ленин* явственно чувствовал настроение съезда. Он начал речь не так свободно и просто, как всегда, а сухо и настороженно, словно нащупывая перед собой дорогу. И руки, не как всегда — в карманы, локти наотлет: он двигал ими непривычно усиленно, в такт словам, напряженно, словно сдвигал тяжесть. Но уже через несколько минут, приглядевшись к рядам, вдруг потеплел, залучились у глаз всегдашние лукавые тонкие морщинки, ударил оном — и с зала сошло сразу же напряжение: словно туман сполз... И дальше — уже уверенно, быстро, со смешком, крепче, крепче... По рядам гул, движение. Кончил овацией.

В тот период — 1917—1918 гг. часто, почти каждодневно, приходилось слышать *Ленина* — то в пленарных заседаниях ВЦИКа, то на собраниях и митингах, то на совместных совещаниях центральных комитетов — большевистского и левозсеровского. И одна черта, характерная, определяющая, была в тогдашних выступлениях *Ленина*: в моменты «эмоциональные», когда в массах через край било, огнем и кровью застила глаза, чувство, *Ленин* не выступал. Он был тут, смотрел, улыбался, но сам обычно не говорил: он «пускал» других ораторов на ждавший их, уже готовый успех. Сам он на такое «готовое» не ходил. И не случайно, думается мне, даже на Октябрьском съезде его не видно было на трибуне в первой, до перерыва, половине заседания, когда настроение было поднято до предела и далекими победными, гулкими ударами пушек «Авроры», и ярким ощущением переходимой великой черты... Он появился только к деловой части заседания. Так и должно было быть: съезд логически, с точностью строго выверенного механизма подвел итог предшествовавшей, подготовительной, внутренней работе *Ленина*.

Эту черту — перенесение *Лениным* всей тяжести именно на внутреннюю работу и уклонение от внешнего демонстрирования достигнутых ею шагов и тем более от «проявления чувств» — необходимо, на мой личный взгляд, особо учитывать при анализе революционных событий прошлого. Ибо на практике уже теперь приходится наблюдать, как в иных описаниях и оценках именно эти внешние, зачастую, правда, очень эффектные выступления перекрывают действительный корень событий: эффект заслоняет замысел и подготовительную работу, обеспечивши успех этому эффекту. И немало лавров достается тем, кто срывал, по существу, уже готовые и не их руками и не их мыслью возвращенные плоды.

Но в моменты решений, когда их приходилось проводить — и зачастую проводить с боя,— он не уступал никогда первого места:

он сам выступал докладчиком. И опять, в подтверждение сказанного выше, он часто передавал кому-нибудь заключительное слово, если уверен был в том, что принятие предложенной им резолюции обеспечено.

Из таких переламывавших настроение выступлений Ленина особенно отчетливо помнится мне одно из заседаний 2-й сессии ВЦИКа, разгар чиновничьего саботажа. На повестке стоял, между прочим, вопрос о Государственном банке, тоже охваченном саботажем: положение его вызывало особое беспокойство. У многих попросту опускались руки: невозможным казалось сломить это пассивное сопротивление, пустить в ход застопоренную чиновничью государственную машину. Сторонники отказа от крутой классовой политики, всякого типа и звания «викжelistы» всемерно старались использовать момент и повернуть руль по-своему. Фракционеры сменялись на трибуне, в голос пророка недоброе; и подлинно зловеще звучали над притихшим залом «факты и цифры, цифры и факты».

Ильич дал выговориться оппозиции: он выступил поздно. Поднял на лету последний, самый зловещий из брошенных предшествующим оратором «саботажных фактов». Подтвердил: «Да, так! Но это еще не все. Есть факты похуже. Вот, например...» Рассказал, прибавил еще и еще, все сильнее и резче сгущая краски. Зал темнел, мрачнели лица даже у самых надежных.

Перешел к Госбанку. И здесь — по утверждению его — в слишком розовых тонах изобразила дело оппозиция: на деле еще хуже. Вот в таком-то отделении, — говорили оппозиционеры, — явилось на службу двадцать человек, а на деле их было всего шесть; в другом — не пятнадцать, а два. Они говорят: «плохо». Неверно: надо сказать — «отвратительно».

И вдруг, оборвав черным пятном речь, пошел мелким, неторопливым шагом, глубоко засунув в карманы руки, боком как-то, к самому краю трибуны, повел взглядом по рядам, глаза засмеялись всегдашней лукавой и твердой усмешкой. И почти шепотом, далеко прозвучавшим в гробовой тишине зала:

— А банк все-таки работает.

И от этого простого, твердого, *верного* слова сразу поистине взорвался весь, до последнего человека зал — бешеными аплодисментами и радостным, светло, по-детски верящим в грядущее смехом. Дальше Ильичу было уже легко: он без сопротивления увел все эти сотни разномыслящих, но равно усомнившихся людей — от хмарного сегодня к победному завтра, которое будет, которого *не может не быть*. Все это мы договаривали за Ильича: сам он таких слов не говорил. «Сегодня работает десять, завтра станет двадцать, а там — не будет отбоя: хоть печи топи счетоводами и бывшими титулярными советниками».

Эпизод этот очень типичен. Ибо Ленин всегда неизменно бил противников на трибуне именно тем, что никогда не опровергал дурных сообщений, тяжелых фактов. Никогда не старался доказывать, что на Шипке все спокойно. Напротив, его безотказно побед-

ный прием в том и состоял, что, когда оппозиция говорила: «дело скверно», он поправлял ее: «не скверно, но прямо-таки чудовищно». И от этого «чудовищного» он перекидывал тотчас же уверенно и просто, без эмоции, деловито, через разум мост к твердому, надежному упору: мост видимый, осязаемый, совершенно конкретный. В этом была огромная сила, создававшая в рядах необоримо-победное ощущение спокойного, но до предела напряженного подъема.

«Упоры» эти далеко не всегда лежали на прямой линии: иной раз в сторону, совсем, казалось, в тупик забрасывает мост Ленин. Сколько из-за этих «боковых мостов» бывало фракционных споров, на них вырастала оппозиция «непримиримых», тех, кого Ленин звал — когда в шутку, ласково, а когда и всерьез — «левыми ребятами». Как-то в перерыве заседания, целиком ушедшего на такой фракционный спор, Ленин сказал мне: «Тупоглазие у них — им бы все по шоссе-дороге; а ведь идти-то приходится иной раз по болоту. А по болоту, если прямо, угодишь в трясину по самые уши. А то еще хуже. Надо по кочкам. А она иной раз во-он где, в стороне. А им уж кажется, что с нее и дороги дальше не найти: придется назад идти. Вздор какой. Без компаса в себе, потому и кажется».

Одно время на заседаниях ВЦИКа место мое на трибуне было наискось от места Ильича; сидел он обычно во втором ряду, за местами президиума (этот ряд отведен был членам правительства). По соседству этому видел: во время прений он — как охотник на лазу по крупному зверю. Пропускает мелкую дичь, сидит непоседой, томится. Пока не подозреет добычи, что-нибудь в речах не зацепит. Тогда сразу меняется лицо. Глаза веселеют, становятся острыми; пригнетса чуть-чуть, взгорбит плечи — следит за оратором. И при каждом гиблом его слове вздрагивает неслышным внутренним смехом, бегут от глаза к вискам насмешливой сеткой морщинки и правая рука быстро-быстро почесывает за ухом, по редким волосам. Смотришь и думаешь: «Ну, горячо будет».

О лидерах левоэсеровских Ленин как-то сказал мне так:

«У вас, на верхах, или разговорщики, или подпольщики: ни те, ни другие — не ко времени. С подпольщиками еще можно, впрочем, разговаривать, ну а разговорщиков надо...»

— Под пол?

Не ответил: засмеялся и пошел.

Перед отъездом в первую брестскую делегацию Свердлов заговорил со мною о предполагавшемся назначении меня народным комиссаром по военным и морским делам. Я стал объяснять мотивы, по которым не мог принять поста (я был категорически против вос-

становления регулярной армии). Уже под конец разговора к нам подошел Ленин. Свердлов, смеясь, кивнул на меня: «Вот — не хочет власть брать». Ленин сразу резко потемнел и сказал отрывисто: «Это не власть, а работа. Отказываться от комиссарства сейчас хуже, чем отказаться машинисткой стучать: худшая форма саботажа». И только когда мы осведомили его о причине отказа, о программных наших расхождениях, он снова улыбнулся обычной своей улыбкой. Но доводов моих все-таки не принял. Покачал головой: «Раскошествуете. Взгляды — взглядами: надо в общую лямку».

В одном из блокнотов моих 1918 года сохранилась запись ленинских речей на закрытом совещании о Брестском мире и революционной войне. День совещания не помечен, но по предшествующим и последующим записям можно установить, что состоялось оно в средних числах февраля. Из подсчета голосов при голосовании принятой резолюции видно, что участвовало в совещании 11 человек, в том числе Ленин, Радек, Свердлов, Зиновьев, Штейнберг, Камков, Карелин. Надо думать, что дело идет об одном из довольно частых в тот период совместных заседаний центральных комитетов — большевистского и левозсеровского.

О Ленине в блокноте записано так (развертывая конспективную запись, заключая в кавычки подлинные слова, стоящие в кавычках в самой первоначальной записи).

«Во время речи Штейнберга Ленин встал, непривычно нетерпеливо ходит по комнате, засунув руки за жилет. Штейнберг говорил о том, что договор заставит нас отступить от Украины, Эстонии, Литвы и пр., вызовет моральную изоляцию России: «Россия станет азиатской Аркадией среди левиафанов» (хотя и бессмысленно, но совершенно точно записанные слова тогда же еще в блокноте поставлены мною в кавычки). Ленин отвечал тотчас же очень резким тоном: «Штейнберговская постановка — излишнее упрощение задачи: повторение того же, что в 1907 году было с бойкотом Думы: пустопорожняя революционная фраза». — «История сделала определенный зигзаг, завела в вонючий хлев. Пусть. Как тогда шли в вонючую Думу, так пройдем и теперь. Худа не будет. Объективно мы никогда не ставили карты на западную революцию. Обнажение германской политики брестскими переговорами — неслыханное: оно плоды даст. Революционную войну вести нельзя, так как армия ее не хочет: бежит с фронта, увлекая за собой красные полки. Кто идет сейчас на войну, идет против народа. Вести революционную войну — значит помогать буржуазии, контрреволюции. Надо уметь преодолеть «психологию». Относительно Украины — вопрос темный: не с Винниченкой же (sic!). Отклонить мир — значит сдать Москву и Питер в несколько недель. Чем глубже революция уйдет в массы, тем сильнее разгорится: это самое важное. Поэтому сначала сделаем организационную работу, потом будем говорить о войне. Немыслимо идти в неслыханную авантюру без армии».

Сторонники революционной войны, однако, не сдавались, как видно из дальнейшей записи. Выступали после Ленина Камков, Карелин, Радек. Отвечали Зиновьев и Свердлов. Опять Радек говорил. Потом вторично Ленин, главным образом о Радеке.

«Радек хочет обмануть историю, надев шапку-невидимку»... «Он сейчас страдает припадком революционной чесотки»... «Он осмелел от последнего раза (?), когда проповедовал свою ересь, взобравшись на неприступный забор заключительного слова»... «Отчего с января ничего не сделали люди, говорящие о революционной войне, для подготовки кадров? Почему никто не протестовал против демобилизации? Почему не бросились на фронт удержать армию?» «Возврат солдат в деревню — укрепление революции: каждый солдат, идя в деревню, несет с собою идеи Советской власти. Конечно, если бы немецкие рабочие не запоздали, можно было бы говорить иначе. Но они опоздали: мы должны помнить, что ведем за собою десятки миллионов и перехитрить историю нельзя»...

Резолюция прошла ленинская, как видно из записи, шестью голосами против пяти.

Перед разгоном Учредительного собрания был разговор с Лениным группы членов ЦК левых эсеров. Спиридонова говорила очень возбужденно: сказала что-то про «хулиганство» и упомянула о морали. Ленин сейчас же поднял брови: «Морали в политике нет, а есть только целесообразность».

В один из последних февральских дней 1918 года (а может быть, и в начале марта), ночью, часа в четыре, меня разбудил присланный из Смольного с запиской от Спиридоновой автомобиль. В записке было сказано: «Приезжайте сейчас же». Куда? Зачем? Шофер тоже ничего не знал. Приехал в Смольный. Всюду темно: и в зале заседаний, и в помещении фракции. Поднялся в верхний этаж, где помещался Совнарком, предполагая, что там происходит какое-нибудь экстренное заседание. Но и там, в пустых полутемных переходах, никого, кроме редких часовых. Я подходил уже к комнате заседаний Совнаркома, когда меня окликнули сзади. Обернулся: Ленин.

Он стоял в дверях, кажется, сталинского кабинета, зябко подняв воротник пиджака, подтянув кисти рук в рукава.

— Вот что, должно быть, — сказал он раздумчиво, выслушав мое недоуменное заявление. — Мы только что получили сообщение, что по Финляндской дороге идет к Питеру какой-то эшелон с артиллерией. Откуда он взялся, какой такой? На всякий случай мы дали знать по районам: насчет войск у нас, как вы знаете, незначенито. Вас вызвали, вероятно, по этому именно делу. Поезжайте в сухолиновский дом — знаете? Там собрались все наши, — он улыбнулся одними глазами, не без яда, — «полководцы».

Попрощались. Пошел обратно. Ленин окликнул снова.

— Машина-то у вас есть?

— Есть.

— Ну то-то. А то записку вам надо. Заведующий гаражом у нас та-а-кой строгий...

«Полководцев» я действительно застал в указанном месте, на совещании. А пока мы совещались, в соседнем зале внезапно зазвенело оружие, застучали шаги. Эшелон, о котором шли рассуждения, прибыл. Он оказался отрядом матроса Попова, партизанившим до того времени на Карельском перешейке; соскучился в лесах и явился в наше распоряжение.

Еще о методе председательской работы Владимира Ильича. На заседаниях Совнаркома (тогда, в 1917—1918 гг., в Смольном еще, в строгой, простой, без всякого убранства комнате верхнего этажа, только половики красные положены) он был беспощадно скуп на время. Даже по большим докладам: «Десять минут, товарищ Луначарский».

Но скупость эта — до известной минуты. С известной минуты Ильич переставал слушать оратора и начинал писать, быстро вставляя слова и перечеркивая. Оратор давно уже исчерпал предоставленное ему время: торопится использовать ильичевский недо-смотр — развивает свою мысль вовсю...

Ленин пишет. Кончит. Иногда покажет соседу — Каменеву, Сталину. Иногда прямо остановит оратора на полуслове и читает написанное: резолюцию, декрет, поправку к заслушанному только что законопроекту, иногда в корне меняющую всю его постановку. У меня обычно бывало такое впечатление, что все эти в резолюциях и декретах закрепленные решения складывались у него тут же, без предварительной подготовки... Вспоминался 1906 год: это же лицо, улыбающееся глазами из-за перевязанных шпагатом книжных кип; как и тогда — броском вперед от данного материала — к своему решению.

В конце 1917 года ВЦИКом выделена была из своего состава особая следственная комиссия по расследованию злоупотреблений, имевших, по заявлению наркома юстиции, место в Петроградской ЧК. Я был докладчиком этой комиссии в Совнарком. При окончательном докладе (всех докладов было три) мнения членов комиссии по поводу одного из руководителей ЧК разделились. Трое признавали совершенную непричастность его к злоупотреблениям доказанной. Двое, указывая на непроверенность некоторых обвинений, полагали целесообразным следствие о нем продолжить. Совнарком принял мнение большинства, и дело было ликвидировано. Но один из товарищей указанного выше члена ЧК предложил предать суду меньшинство следственной комиссии, поскольку их «мнение» косвенно опорочивает оправданного.

Ленин слушал его, недоуменно подняв брови.

— К суду? Судить можно и должно за скверную работу, а никак не за мнение. Работа выполнена хорошо. А если они пришли к осо-

бому мнению, так обязаны были сказать. Наше дело принять его или не принять. Мы его отвергаем. И кончено. При чем тут суд?

Он снял внесенное предложение, даже не поставив его на голосование.

О Ленине. Воспоминания. Кн. 4.

Под ред. и с предисл.

Н. Л. Мещерякова.

М.; Л., 1925. С. 101—109

И. Т. Смилга

В. И. ЛЕНИН И КРАСНАЯ АРМИЯ

Было время, когда гражданская война стояла в центре внимания Советской власти и нашей партии. Само собой разумеется, что В. И. Ленин посвящал делу защиты Советской Республики массу внимания. Его кабинет походил на штаб. По стенам развешаны были карты с нанесением на них боевой обстановки. Входя в кабинет, я частенько заставал Владимира Ильича пристально разглядывающим обстановку на том или другом фронте.

Тов. Ленин интересовался не только организационными вопросами Красной Армии, но и вопросами оперативными. По обоим группам вопросов он имеет бессмертные заслуги перед революцией. Зимой 1918 года он первый поставил вопрос о необходимости создания регулярной армии с использованием для этой цели кадров бывшего офицерства. Для него было ясно, на основании опыта строительства Красной гвардии, что для длительной и упорной борьбы импровизации мало, что надо строить Вооруженные Силы Республики по всем правилам военной науки и техники. К этому времени относится начало моей военной работы. По указаниям Владимира Ильича и под непосредственным руководством Л. Д. Троцкого по всей территории Республики началась энергичная работа по созданию первых кадров регулярной Красной Армии. Работа была очень трудная. Привычки, навыки и идеология первого периода после Октябрьской революции очень сильно давили на сознание ряда работников. Теперь можно сказать с полной уверенностью, что единство взглядов Ленина и Троцкого по вопросам военного строительства сыграло колоссальнейшую роль в деле строительства Красной Армии и победоносных судьбах гражданской войны.

Гражданская война разгоралась. Перу Владимира Ильича принадлежит знаменитая статья о том, что Советской России нужна 3-миллионная армия. Вначале это казалось невероятным. В разоренной империалистической войною стране, при наличии колоссальной усталости в народных массах эта задача казалась неосуществимой. Однако тов. Ленин с гениальной проницательностью учел военные возможности совершающей величайшую революцию страны. Как известно, в дальнейшем мы цифру в 3 миллиона обогнали в два раза и кончили гражданскую войну с армией примерно в 6 мил-

лионов человек. Только теперь, когда этот период уже целиком принадлежит истории, можно оценить всю грандиозность происходившей тогда борьбы. Русская революция, возглавляемая титанической фигурой Ленина, одержала победу над огромным большинством капиталистического мира. Именно эта победа обеспечила Советской России, а в дальнейшем и Союзу ССР возможность хозяйственного развития и дальнейших политических успехов.

Не меньшую роль играл Владимир Ильич и в вопросах оперативных. По обстановке важнейшим становился то один, то другой фронт. Надо было видеть, с какой энергией распоряжался тов. Ленин, собирая силы на тот или другой участок. Вопросы пополнений, снабжения, усиления фронта политработниками, перемены командного и политического состава — все это отнимало у Владимира Ильича массу времени. Он к этим вопросам относился не только как глава правительства, по обязанности, но с величайшим интересом и желанием постичь действия внутренних пружин. Он часто выводил разговор за пределы непосредственной конкретности, интересуясь, знает ли история военного дела аналогичные случаи и как в том или другом деле способные военачальники поступали. Я утверждаю без колебаний, что к концу гражданской войны Советское правительство имело главу, превосходно разбирающегося в военных вопросах. Чувствуя биение пульса во всех отраслях работы, Владимир Ильич сплошь и рядом неожиданно ярким светом освещал тот или другой конкретный военный вопрос. Особенность гражданской войны в том и заключается, что здесь наряду с чисто военными познаниями требуются огромный политический нюх и превосходные знания хозяйства и социальной обстановки тех областей, на территории которых ведется война. Надо ли говорить о том, что оба последние момента в Ленине были представлены гениально.

В настоящей заметке не место останавливаться подробно на том или ином конкретном вопросе. Однако не могу обойти молчанием одного факта. В 1919 году летом в военных кругах шел стратегический спор о том, нужно ли добивать разбитого на Волге Колчака или бросить главные силы на Южный фронт? Вопрос стоял о жизни и смерти Республики. Владимир Ильич всей силой своего авторитета поддержал первую точку зрения. Дальнейшие события целиком оправдали именно это решение. Я не могу останавливаться более подробно на отдельных моментах участия Владимира Ильича в военной работе. Считаю, что для этого еще не наступило время. Могу сказать только одно — биографы Ленина и в этой области найдут ценнейший материал для характеристики нашего великого вождя.

*Политработник. 1924.
№ 2—3. С. 5—6*

ИЗ КРАСНОЙ ТЕТРАДИ ОБ ИЛЬИЧЕ ¹

ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ

Я не буду описывать всех случаев, когда приходилось видеть и слышать Владимира Ильича в послеоктябрьский период, так как многие из этих случаев не оставили цельного впечатления и большинство из них подробно описаны другими участниками Октябрьской революции.

Не буду останавливаться также на заседаниях Совнаркома, где всегда председательствовал Владимир Ильич, так как, голодая тогда в самом прямом смысле этого слова, я нередко терял способность что-либо видеть и слышать и думал только о том блаженном моменте, когда подадут наконец стакан сладкого чаю и ломтик хлеба с прозрачным кусочком колбасы.

Расскажу один из не совсем приятных для меня эпизодов, имевший место в декабре 1917 года.

Для меня, комиссара по демобилизации старой армии, одна из важнейших задач заключалась в том, чтобы возможно безболезненно эвакуировать солдат демобилизуемых возрастов с фронта на родину и предупредить возможное скопление демобилизованных, потерявших связь с деревней, в больших городах, где они в качестве безработной, деклассированной силы представляли бы большую опасность.

Для организации общественных работ в Техническом управлении Демоба были доработаны имевшиеся старые планы электрификации Волхова, подобрана группа инженеров-строителей, составлены примерная схема и смета работ, которые были опубликованы в «Вестнике Армии и Флота» в конце 1917 года.

Разумеется, и калькуляция, и сметы были весьма примитивны и очень мало походили на тот замечательный план, который два года спустя был положен в основание электрификации страны.

Оставалось получить санкцию Владимира Ильича. Созвонившись и условившись по телефону, я прихватил на подмогу из нашего финансового управления тов. Косушкина, очень настойчивого и немного надоедливового человека, которого Ильич вовсе не знал. В назначенное время мы вошли в Смольный, в кабинет Ильича, на дверях которого висела записка:

«Только для тов. Сталина и тов. Троцкого вход без доклада».

Не ограничиваясь существом дела, мы пытались изложить и самую технику электрификации...

На самом интересном месте, как мне казалось, Ильич внезапно отрубил...

— Идите в Высший совет народного хозяйства!

— Владимир Ильич!

¹ Начало воспоминаний см. настоящее издание. Т. 3. С. 286—294. *Ред.*

— Меня это не касается...

— Владимир Ильич! — пробовал я продолжить разговор, — ведь ВСНХ недавно только организовался...

— К товарищу Рыкову!..

— Товарищ Ленин! — вмешался Косушкин. — Куда вы нас посылаете? ВСНХ — ведь это пустое место.

— Вот ка-ак! — иронически произнес Ильич, прищурив глаз. — Пустое место?! В самом деле?!

— Да, пустое место. А между тем электрификация — дело исключительной важности. — И Косушкин пустился расписывать всю необходимость и прелесть электрификации...

Я заметил, что Ильич начинает терять терпение.

— Да что вы ко мне привязались — инженер я, что ли?

Косушкин пробовал было продолжать в том же роде.

Но я понял, что сделал глупость, взяв с собой Косушкина, который начинал уже пересаливать, и поторопился подобру-поздорову ретироваться...

В тот же вечер Ильич говорил одному из наркомов:

— Передайте Кедрову, чтобы он мне больше не морочил головы такими делами... Мало того, привел с собой какого-то Косушкина. Если он будет так впредь поступать, я не буду его больше пускать к себе.

Тогда мне казалось обидным, что Ильич выругал меня, отнесся так недружелюбно к проекту об электрификации... А сколько неоплаченного времени отнималось у Ильича всякими пустяками, мелочными раздорами, ведомственными дрызгами — это я понял только значительно позже...

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

День Учредительного собрания...

Невский проспект... Сугробы снега... Костры... Пикеты...

Жалкая, почти похоронная, демократическая процессия в несколько сот человек — оплот и защита открывающегося собрания... Маленькая кучка и большие плакаты с поблекшим уже лозунгом: «Вся власть Всенародному Учредительному Собранию!»

Прыгает автомобиль по сугробам. Вот и Шпалерная. Заставы, костры, колючая изгородь, матросы с винтовками наперевес, краткое, внушительное «стой!».

В Таврическом дворце большое оживление. Члены Учредительного собрания спешат на открытие. Кабинет комиссара по созыву Учредительного собрания переполнен до отказа. Тут и Владимир Ильич, и Яков Михайлович Свердлов, Сталин и остальные народные комиссары. Тов. Урицкий своей своеобразной ковыляющей походкой появляется то тут, то там, отдавая последние распоряжения.

Владимир Ильич обращается к некоторым из товарищей: «Пора начинать...» — и к другим, находящимся тут же: «Вы не член ЦК, вы тоже нет?! Так выходите!»

Все быстро выходят. Одного из замешкавшихся наркомов Ильич слегка подталкивает к двери: «Милости просим».

Назначенное время открытия Учредительного собрания давно уже прошло.

Давно уже все депутаты заняли места в большом думском зале и, не имея кворума, в виде протеста шумят и галдят, требуя появления большевистских депутатов и членов Совнаркома. А фракционное собрание большевиков никак не может кончиться. Вечно кипящий тов. Рязанов разошелся вовсю и с пеной у рта доказывает колоссальную опасность, связанную с роспуском «хозяина земли русской». Излишне — вопрос бесповоротно решен:

«Советы, а не Учредилка: диктатура пролетариата, а не диктатура буржуазии».

Наконец поздно вечером все депутатские места и «министерские» ложи заняты.

Происходит словесная перепалка между невозмутимо спокойным Свердловым и правой частью собрания, истерически требующей, чтобы собрание открыл старейший из депутатов, а не Свердлов, председатель ВЦИКа.

Яков Михайлович остается на трибуне и проводит выборы председателя собрания.

Ильич тотчас по приходе примостился на покатых, покрытых ковром ступеньках, недалеко от трибуны, и в таком положении остается до конца собрания. Депутатам он не виден, так как от них отделяет его дощатая перегородка между рядами. В наиболее интересные моменты, особенно во время речи выбранного председателя собрания Чернова, прерываемой почти на каждом слове шутивными хохотом репликами с большевистских скамей, Ильич неудержимо хохочет. Ильич был враг всякого лицемерия, всяких этикетов и показной чинности.

БРЕСТСКИЙ МИР

Здесь я расскажу о малоизвестных обстоятельствах, которые предшествовали заключению Брестского мира.

В конце декабря в Петербурге происходил съезд по демобилизации армии.

Неоднократно мы просили Владимира Ильича выступить с докладом на съезде, но он отказывался, ссылаясь на перегруженность работой.

В день закрытия съезда, когда мы снова обратились к Ильичу с той же самой просьбой, он заявил, что никаких докладов делать не будет, но побеседовать с группой делегатов не прочь. Пусть выберут по одному представителю от каждого фронта, армии, флота и т. д., и он согласен поговорить с ними.

Такое собрание состоялось в Комиссариате по военным делам, на Мойке, в доме военного министерства.

Присутствовало 30—40 человек. Каждый делегат по очереди информировал о положении в соответствующей армии.

Ильич сидел у стола и, слушая делегатов, одновременно живо писал что-то на четвертушках бумаги и задавал вопросы. Особенно многочисленны и непрерывны были вопросы воинственно настроенным делегатам.

Способность Ильича одновременно производить несколько работ — слушать, писать, отвечать в то же время на задаваемые ему вопросы — всегда меня поражала. Такого объема внимания я никогда не встречал.

Выслушав часть делегатов, Ильич заметил, что будет, пожалуй, проще, если каждый из присутствующих заполнит небольшую анкету, которую он сейчас прочтет и которую только что написал.

Анкета состояла из нескольких десятков вопросов. Здесь были сконцентрированы все существенные признаки, определяющие боеспособность армии: численность, оружие, связь, техника, боевые запасы, обмундирование, продовольствие, дисциплина. Помню, был также особый вопрос о состоянии конского состава. Само собой разумеется, и субъективные моменты — настроение солдат, интересы, размеры братания и т. д. — не были упущены.

Когда были заполнены анкеты, получились поразительные выводы. Только единичные анкеты с известными натяжками позволяли говорить о боеспособности некоторой части армии. Подавляющее большинство анкет кричало о полном развале фронтов, о массовом уходе солдат с фронта, не ожидая приказа о демобилизации. Когда, например, подавались составы поездов для увоза в тыл имущества, солдаты форменным образом штурмовали вагоны для себя, облепляли буфера, крыши, приводя часто в негодность весь подвижной состав. Артиллерийские лошади дошли до такого состояния, что не только не могли везти груз, но с трудом стояли на ногах. Соответствующее применение находилось в использовании их только на колбасу, что особенно наблюдалось в районе Северного фронта.

Вопрос становился яснее ясного. Реальной боевой силы у нас нет, фронт открыт, воевать мы не можем, мир необходим во что бы то ни стало, любой, даже самый «похабный».

Через несколько дней часть делегатов, присутствовавших на заседании в Наркомвоене, делала, по указанию Ильича, доклад в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, подготавливая почву для заключения мира.

А еще через несколько дней (приблизительно 20 января ст. стиля ¹ 1918 года) в Смольном на заседании ЦК, в котором принимала участие значительная группа видных большевиков, был подвергнут подробной дискуссии вопрос о мире.

Три точки зрения отстаивались тогда:

- 1) Заключить мир хотя бы с аннексиями и контрибуциями.
- 2) Продолжать войну.
- 3) Ни мира не заключать, ни войны не вести.

¹ Совещание членов ЦК с партийными работниками состоялось 8 (21) января 1918 г. (см.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967. Т. 3. Кн. 1. С. 520—522). *Ред.*

Тщетно Ильич пытался отстоять свою точку зрения, приводя неопровержимые доводы необходимости немедленного заключения мира, тщетно предупреждал о грозящей опасности самому существованию Советской власти, большинство собрания не разделяло позиции Ильича.

Начались бесконечные и безответственные речи сторонников других точек зрения.

Долго слушал Владимир Ильич все эти разглагольствования, в конце концов не выдержал и демонстративно ушел с собрания. Вернулся только к концу заседания, чтобы сказать свое заключительное слово.

Как известно, большинство собрания высказалось тогда за предложение Троцкого: «Ни мира, ни войны».

Недели две-три спустя я был свидетелем, как Владимир Ильич в частной беседе в Смольном отчитывал группу вояк, настаивавших на продолжении революционной войны.

— Ну что, разве по-вашему вышло? Ничего подобного!.. Воевать сейчас все равно не можем и не будем. Только пришлось заменить прямо и ясно поставленный вопрос о необходимости заключения мира туманной и расплывчатой формулой, являвшейся бессмыслицей... И за эту бессмыслицу уже дорого заплачено, и мирный договор все же подписан, но уже на более тяжких условиях... Эх, вояки! — закончил Ильич. — Если можно было бы воевать при помощи красивых слов и резолюций, то давно весь мир был бы уже вами завоеван.

ВОЖДЬ КРАСНОЙ АРМИИ

Июль 1918 года. Гроза интервенции нависла над Архангельским краем. Мурман уже удушен союзниками, очередь за Архангельском и Вологдой, где с наглой откровенностью готовится при деятельном участии иностранных миссий переворот. В тылу подняла голову контрреволюция, и вспыхивают белокулацкие восстания в Ярославле, Муроме, Владимире. Не сегодня завтра будет нанесен последний удар на Севере и замкнется железное кольцо вокруг рабочей республики. А у нас нет реальной силы, которую мы можем противопоставить наглому врагу.

Еду с докладом в Москву. На Северном вокзале встречает меня специально посланный Ильичем товарищ с сообщением, что тов. Ленин ждет меня. Десяток минут спустя нахожусь в Кремле, в кабинете Ильича. Владимир Ильич в очень хорошем настроении.

Когда я докладываю, он то и дело вставляет какое-нибудь лукавое словцо и слегка подшучивает надо мной. Но не только подшучивает.

Он уже все обнял, взвесил, решил... В его шуточках нетрудно прочесть и указание на то, что не все сделано как надо, и совет, и наставление для будущего.

Вошел Троцкий. Он был сверх обычного сосредоточен и серьезен; разговор сразу принял официально-деловой характер.

Задав несколько вопросов, сказал:

— Только что получено сообщение из Архангельска, что на Белом море крейсирует английская эскадра и что со дня на день нужно ожидать интервенции.— Он настаивал на немедленном моем выезде обратно в Архангельск.

Я запротестовал. Если интервенция близка, то необходимо располагать немного большей боевой силой, нежели 30 имеющихся в моем распоряжении латышских стрелков.

— Да и хотелось бы также день-два отдохнуть,— добавил я.

При последних словах Владимир Ильич громко рассмеялся.

— А, передышку запросил! — заметил Ильич, и я видел, что он на такую согласен.

Было решено предоставить мне некоторую воинскую часть, также несколько орудий и пулеметов, с которыми я через два-три дня выехал на Архангельск.

И, находясь в пути на Архангельск и участвуя в первых стычках со вторгшимися в край англо-французами, я держал связь с Кремлем и чувствовал невидимую руку, которая направляла и руководила всеми военными операциями. На одной из станций Владимир Ильич через Бонч-Бруевича по прямому проводу запрашивает о перевороте в Архангельске и дает совет.

«Закрыто ли устье Двины,— говорится в телеграмме,— не является ли необходимым произвести заграждение последней где-нибудь далее, выполнены ли задания взорвать два ледокола в устье Двины при наступлении, возможность наступления по Двине, а также не знаете ли, выведены ли пароходы из Северной Двины, и, вообще, осветите положение настоящих минут»¹.

Когда затем мы вошли в белогвардейскую зону и на двое-трое суток связь с Москвой была порвана, Ильич в течение целой ночи сам вызывает к прямому проводу вологодских товарищей — Ветошкина, Элиаву, Саммера и информируется у них о положении дел и выясняет судьбу нашего поезда.

Не удовлетворившись уверениями о спокойствии в Вологде и предвидя возможность переворота, в тот же день командует туда на случай белогвардейского переворота в качестве информатора европейски одетого молодого человека в бархатном костюме и лично его инструктирует. Его я застал в Вологде неделю спустя: для советской Вологды он являлся белым вороном, привлекавшим к себе общее внимание.

В первую же неделю продвижение англо-французов в глубь страны было приостановлено и непосредственная угроза занятия Вологды устранена. Но вновь открывшемуся фронту грозила другая опасность: развалиться от отсутствия продовольствия и боевого снаряжения.

Телеграммы не имели действия. Довольствующие управления саботировали снабжение.

¹ Текст телеграммы не разыскан. *Ред.*

Я снова выехал за помощью к Ильичу, захватив с собой управлениями Эйдука ¹.

Рано утром следующего за выездом дня мы были уже в Москве. Немедленно с вокзала явились в Кремль.

Ильич встретил нас, сверх всякого ожидания, очень гневно. Но в его гневе чувствовалось доброе, товарищеское отношение.

— Как можно было оставлять в такое время фронт?.. Теперь все дело развалится.

— Позвольте, Владимир Ильич! Ничего не может случиться. Распекая нас, не хотел выслушивать никаких оправданий.

— Мало того что сами уехали, да еще его с собой прихватили, — указывая на Эйдука, немного смягчаясь, говорил Ильич.

— Оставили на фронте одних мальчишек! Хороших дел натворят они там...

Я улучил момент и, захлебываясь, одним залпом передал, что в Обозерской организован штаб, что на фронте нам лично сейчас делать нечего, что предполагаем перенести штаб фронта в Вологду и что всего двое суток решили потерять, чтобы при содействии Ильича сломить наблюдающийся саботаж и волокиту.

— Как это двое суток? — перебил Ильич. — Когда вы выехали? Когда будете на месте?

Ответил.

— Все-таки не нужно было ехать, могли бы написать обо всем... Что же вам нужно? — уже спокойно спросил Ильич.

Я прочитал по записке длинный список предметов, в которых ощущалась острая нужда.

Разговор происходил стоя в зале Совнаркома, у небольшого стола, находившегося в нескольких шагах от двери кабинета Ильича. Владимир Ильич нагнулся к столу и написал записку приблизительно такого содержания:

Начальнику штаба Высшего военного совета М. Д. Бонч-Бруевичу. Предписываю назначить трех ответственных сотрудников, которых обязать в течение сегодняшнего дня отправить все требуемое Северо-Восточному фронту снаряжение и указать трех бывших генералов, которые будут расстреляны, если указанное задание не будет выполнено ².

— Непременно сегодня выезжайте, — передавая записку, заметил Ильич и затем, прощаясь, сказал: — Если что нужно будет, пишите!

В тот же день на заседании Высшего военного совета, когда состоялось назначение меня командующим фронтом и я собирался уходить, тов. Склянский дружески задержал меня:

— Владимир Ильич поручил мне взять с вас подписку, что вы больше не будете приезжать в Москву без его разрешения.

¹ Встреча М. С. Кедрова с В. И. Лениным состоялась 9 августа 1918 г. (см.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1975. Т. 6. Июль 1918 — март 1919. С. 39—40). *Ред.*

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 141.

На лице его играла свойственная ему усмешечка.

— Выдумываете! — категорически объявил я.

— Нисколько, дословно передаю распоряжение, — еще раз подтвердил он.

Мне стало обидно. Я считал безусловно необходимым выезд в Москву.

— Не приехал бы, — сказал я раздраженно, — больше вреда причинил бы фронту.

Указание Ильича принял к руководству, но подписки о невыезде не дал.

Весь остаток дня меня грызла мысль, что в интересах фронта должен был так поступить и что, видимо, не сумел достаточно убедительно обосновать мотивы выезда.

С дороги отправил Владимиру Ильичу письмо, в котором сообщал, что, несмотря на мощную его поддержку и исключительное впечатление, произведенное в военных управлениях его запиской, удалось получить только небольшую часть.

— Если бы не выехал, — упорствовал я, — фронт не получил бы и этого. Польза приезда налицо, и напрасно Владимир Ильич встретил меня так немилостиво.

Два дня спустя (12/VIII 1918 года) Владимир Ильич ответил телеграммой. В ней он не упоминает больше об этом случае, предоставив мне считать себя правым, и возвращается к первому моему приезду в Москву, описанному выше. Телеграмма, помеченная «секретно», гласит:

Вологда, Губисполком, Кедрову

Вред Вашего отъезда доказан отсутствием руководителя в начале движения англичан по Двине.

Теперь Вы должны усиленно наверстывать упущенное, связаться с Котласом, послать туда летчиков немедленно и организовать защиту Котласа во что бы то ни стало. 677. Предсовнаркома *Ленин*¹.

Защита Котласа во что бы то ни стало, но и тут Владимир Ильич, как всегда, предвидит и худший конец и, зная, что в Котласе сосредоточены громадные запасы взрывчатых веществ, не ограничивается одним приказом, а командует ко мне двух товарищей, Уралова и Ногтева, с собственноручным письмом.

В письме Ильич рекомендует товарищей как преданных и стойких, хотя и не знакомых с подрывным делом, и указывает цель командирования: произвести подготовительные меры к взрыву котласских огнеприпасов и взорвать их в критическую минуту.

Одновременно тов. Ленин отдает приказ тов. Муралову, бывшему тогда командующим войсками Московского округа, «разыскать отправленную из Москвы на Урал батарею тяжелой артиллерии и срочно переотправить ее в распоряжение тов. Кедрова». «Вы отвечаете за это своей головой», — предупреждает Ильич Муралова.

¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 147.

Батарея направлена в Котлас и, возможно, спасла Котлас с его неисчерпаемыми запасами от уничтожения и предрешила в известной мере судьбу всей гражданской войны.

И помощь, которая оказывалась нашему фронту, который тов. Ленин считал «особенно опасным, потому что неприятель находился там в наиболее выгодных условиях, имея морскую дорогу»¹... вне сомнения оказывалась и остальным фронтам.

В критическую минуту все спешили к нему, как к якорю спасения.

Военачальников и партийных бюрократов раздражали подобные обращения не по команде. Вот телеграмма одного из таких лиц: «Указываю вам на недопустимость обращения к тов. Ленину помимо Главкома и Военного совета». Но Владимир Ильич, как мы видели, сам разрешал обращаться к нему за помощью и не оставлял без внимания ни одного вопроса, даже специально военного.

Я приведу здесь еще одно письмо Ильича, датированное 29 августа — днем кануна ранения. Последний абзац письма является ответом на жалобу вологодских товарищей, которые указывали, что благодаря кедровщине в Вологде вспыхнет восстание, которое им удавалось до сих пор предупреждать. Ильич, как видно из письма, держался другой точки зрения, чем вологжане.

Вот это письмо:

«т. Кедров! Вы мало сообщаете фактического. Присылайте с каждой okazji отчеты.

Сколько сделано фортификационных работ?

По какой линии?

Какие пункты ж.-д. *обеспечены* подрывниками, чтобы в случае движения англо-французов большими силами мы взорвали и разрушили *серьезно* такое-то (какое именно, надо дать отчет, и где именно) мостов, верст железных дорог, проходов среди болот и т. д. и т. п.

Достаточно ли обезопасили Вологду от белогвардейской опасности? Непростительно будет, если в этом деле проявите слабость или нерадение.

Привет!

Ленин»².

Заканчивая очерк, считаю необходимым подчеркнуть, что если удалось на первых же шагах парализовать наступление превосходного по численности и по технике противника и расстроить его планы, то в этом прежде всего заслуга ЦК нашей партии в лице тов. Ленина. Задача была выполнена потому, что среди общей расхлябанности и растерянности твердая рука великого кормчего вела советский корабль к намеченной цели.

Был момент, когда предательская рука готова была дать торжество белогвардейцам...

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 240.

² Там же. Т. 50. С. 172.

Помню день — день получения на фронте потрясающего известия о ранении Ильича.

Дрогнул фронт...

Но то был миг... И вспыхнул огонь, ленинский огонь в каждом бойце, и огненной волной прокатилась по необъятному фронту непоколебимая клятва...

Отомстим! Победим!

Ошиблись враги. Ленин будет жить — такова воля пролетариата. Он и раненный оставался тем незримым вождем Красной Армии, который и в донских степях, и в кавказских горах, и в сибирской тайге, и в архангельской тундре вел красные полки вперед, к конечной победе.

И смерть в бессилии отступила перед гением Ильича.

Лежа в гробу, он продолжает учить, руководить и собирать вокруг себя все новых и новых бойцов.

И наступит день, когда великий вождь поведет миллионную рать пролетариата и всех угнетенных на последний штурм мирового капитализма.

НИ ШАГА БЕЗ ИЛЬИЧА

Кажется, ни одно начинание в центре и даже на местах не обходилось без того, чтобы Владимир Ильич не был посвящен в мельчайшие детали его или не был так или иначе в него втянут. В каждом комиссариате руками Ильича закладывался фундамент, на котором в дальнейшем комиссариат строился и развивался.

Возьмите даже такой комиссариат, как Наркомздрав. К вопросам здравоохранения, как известно, наши вожди проявляют не больше внимания, чем к своему собственному здоровью, заменяя все правила гигиены для сохранения его одним универсальным словом: наплевать.

И тем более удивительно, что Владимир Ильич не обошел вниманием и этот комиссариат и здесь оставил после себя бессмертный памятник.

Наверное, не всем известно, что идея передать все дворцы, роскошные дачи, санатории и пр. комиссариату здравоохранения принадлежала Владимиру Ильичу и лозунг «курорты для трудящихся» впервые был брошен им. Миллионы лет жизни сбережены пролетариатом с тех пор, и в этом великая заслуга Ильича.

А вот другой случай.

Осень 1919 года. Гражданская война близится к концу. Деникин отогнан от Москвы, Колчак откатился к Уралу. Победа сменяет победу.

Но проявился новый враг, готовый свести на нет результаты всех побед и задавить вздохнувшую было страну.

Плюгавая вошь, пожирающая больше жертв, чем все фронты вкупе... «Товарищи, все внимание этому вопросу, — говорил Ильич

на заседании ВЦИКа.— Вши победят социализм, или социализм должен победить вшей»¹...

Канун Октября. Торжественное заседание Моссовета. Я только что вернулся из Тамбова, куда был командирован после налета Мамонтова.

Увидевший меня на заседании в Большом театре Феликс Эдмундович Дзержинский остановил меня:

— Вот хорошо, что приехали...— радостно сказал он; речь его, торопливая, нервная, увлекающая, всегда волновала и захватывала собеседника.

— Образована специальная комиссия по выработке положения об улучшении санитарного состояния республики... На днях должен выйти соответствующий декрет... Вот познакомьтесь с материалами...— Феликс Эдмундович достал из портфеля несколько листов и передал их мне,— и скажите ваше мнение, а также согласны ли от ВЧК возглавить образуемую комиссию. Необходимо устроить день топлива, чтобы бани работали непрерывно, также день санитарии, провести кампанию пошивки белья и пр. Полагаю, что эта работа по вашему духу.

Я поблагодарил Феликса Эдмундовича, взял материалы для ознакомления, но я был уже согласен. Из переданных мне Феликсом Эдмундовичем материалов наибольший интерес представляло постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны от 5/XI 1919 года. Хотя о Владимире Ильиче в этом постановлении сказано всего несколько слов, но эти слова воскрешают целую эпоху, когда всякое дело начиналось и венчалось Ильичем.

Вот это постановление:

«Совет Рабоче-Крестьянской Обороны в заседании от 5/XI с. г. постановил: поручить тов. Дзержинскому делегировать вместо тов. Аванесова, если последний не выздоровеет в самые ближайшие дни, заместителя его в комиссию по выработке проекта декрета по наблюдению и контролю по проведению в жизнь санитарных мероприятий.

Пополнить комиссию тов. Лениным и поручить ей утвердить декрет от имени Совета Обороны.

Заседание комиссии назначить в пятницу. Созыв поручить тт. Склянскому и Бричкиной.

Секретарь Р.-К. Обороны *Бричкина*».

Как эти слова «пополнить комиссию тов. Лениным» в то время просто и естественно звучали. Сплошь и рядом вводились дополнительно в разные комиссии представители от заинтересованных ведомств, почему не ввести и Владимира Ильича. Ведь без него все равно ни одно дело не обойдется.

И каким диссонансом эти слова звучат теперь!

Образованная несколько дней спустя комиссия первоначально

¹ В. И. Ленин выступал с докладом не на заседании ВЦИК, а на VII Всероссийском съезде Советов (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 410). *Ред.*

находилась при НКЗдраве, а с января 1920 года при Совете Рабоче-Крестьянской Обороны.

Борьба с охватившей всю страну тифозной эпидемией велась в ударном порядке, и нередко приходилось, как и раньше, обращаться к Владимиру Ильичу и в тех случаях, когда комиссия была вынуждена превышать свои полномочия или когда требовалась поддержка Ильича.

Помню, в Челябинске на эвакуационном пункте вместимостью в 3000 человек оказалось приблизительно 15 тысяч тифозных. Точное число не могло быть установлено, так как все проходы, коридоры, вся площадь полов были завалены больными; чтобы попасть внутрь, нужно было через приставные лестницы влезать в окна. Почти все больные лежали в кишасей паразитами одежде и белье за полным отсутствием смены белья и халатов. Многие срывали с себя одежду, предпочитая оставаться совсем голыми. Выздоровливающие возвращались в части или в свои деревни, унося с собой и заразу. Немногим лучше обстояло дело и в лазаретах и больницах.

В целях изготовления достаточных комплектов белья комиссия решилась на крайнюю меру — забрать из Губпродкома несколько сот тысяч аршин мануфактуры из забронированных СНК для товарообменных операций. Об этой мере мы поставили в известность Владимира Ильича, но, насколько помню, ответа на наше сообщение не получили. Как впоследствии мне говорили, Владимир Ильич не хотел санкционировать таких наших действий, с другой стороны, не считал возможным их и осудить, если они были приняты действительно ввиду крайней необходимости.

Вспоминаю еще один случай обращения к Ильичу.

Прекратив решительными мерами эвакуацию тифозных из города в город и в глубь страны и установив принцип лечения больных в месте их заболевания, комиссия натолкнулась во всех городах на отсутствие оборудованных госпиталей и вообще свободных помещений.

Приходилось забирать помещения государственных учреждений и приспособлять их под бараки, лазареты, распределители.

В Омске было решено использовать громадное здание Омской железной дороги под центральный коллектор-распределитель. Но выселение встретило отчаянное сопротивление не только со стороны руководящего персонала железной дороги, но и со стороны НКПС в лице замнаркомпути В. М. Свердлов, который находился на пути в Омск.

Несмотря даже на постановление Сибревкома (тов. Косарев, Смирнов И. Н., Фрумкин) очистить помещение, управление со дня на день оттягивало передачу.

Тогда снова пришлось обратиться за поддержкой к Владимиру Ильичу. Очень скоро был получен телеграфный ответ от тов. Ленина.

«Раз имеется постановление Сибревкома, — говорилось в телеграмме, — здание ж. д. должно быть освобождено для устройства распределителя».

Попробовало было управление и после того сослаться на физическую невозможность очищения помещения, но появившийся на площади отряд мадьяр ЧК, одетый за неимением иного обмундирования в теплые цветные больничные халаты, произвело должное действие, и началась беспорядочная эвакуация.

Бессчетными грудами выносилось и вывозилось на мороз архивное богатство, состоящее из всевозможных проектов, представлений, входящих и исходящих, и многие из них, подхваченные ветром, неслись по площади в разные стороны, точно стремились стряхнуть с себя всю пыль и плесень, накопленные за десятки лет архивного хранения.

Еще один маленький эпизод из того же времени.

В начале 1919 года Главное санитарное управление оказалось в беспомощном положении. Несмотря на издание и переиздание приказа по мобилизации медперсонала, таковой — преимущественно врачи — или вовсе не являлся в призывную комиссию, а признававшийся годным игнорировал предписание об отправлении на фронт. Тогда же выяснилась и причина этого явления: высшая призывная комиссия, состоявшая сплошь из матерых белогвардейцев, освобождала за скромную мзду от службы в армии весь врачебный персонал. Наглость дошла до того, что на Сухаревском рынке почти открыто продавались чистые бланки этой высшей комиссии за печатями и подлинными подписями всего состава комиссии, удостоверявшие, что врач или лекарский помощник... такой-то признан вовсе негодным для военной службы. Фамилию вписать могло любое лицо, уплатившее всего сто рублей за эту своеобразную отпускную грамоту (индугльгенцию).

Разрешение этого дела, разумеется, не обошлось без Владимира Ильича. По его предложению переосвидетельствование всего медперсонала было возложено Советом Рабоче-Крестьянской Обороны на недавно образованный Особый отдел ВЧК. Владимир Ильич этим не удовлетворился. Он дал подробную инструкцию Особому отделу, как провести операцию с начала и до конца. Не ограничиваться одним переосвидетельствованием, но проверить и своевременное назначение Главсанупром признанных здоровыми, а также проследить отбытие и прибытие их на фронт. Беспощадно расправляться с дезертирами. О ходе работ регулярно представлять ему отчет.

Первые группы медперсонала доставлялись на вокзалы под специальным контролем, на который возлагалась обязанность посадки отправляемых в вагоны и окарауливания их вплоть до отхода поезда.

Сейчас кажется почти невероятным, что такими драконовскими мерами приходилось первое время обеспечивать Красную Армию необходимым ей медперсоналом.

Подчеркиваю, лишь первое время, так как очень скоро дело наладилось и все пошло нормально, как по маслу.

ПОВСЮДУ ИЛЬИЧ

В конце октября 1918 года Московский железнодорожный узел оказался совершенно забитым составами груженных вагонов, которые ввиду тяжелого состояния гужевого транспорта почти не разгружались, а в целях продления срока для разгрузки многократно переадресовывались грузополучателями с одной товарной станции узла на другую. О степени загрузки можно судить по тому, что вместо нормальных 20—25 тысяч вагонов количество их в узле достигало полусотни тысяч, а подвоз новых грузов грозил прекратиться. Для современной Москвы разгрузить 20 тысяч вагонов, разумеется, не представляет никаких трудностей, но каким большим делом представлялась эта операция в то время, когда лошадей хотя и имелось достаточно, но не было фуража, когда имелись мощные грузовики, но отсутствовало горючее для их использования.

Время жестокого голода... Отдельная картофелина была способна порождать весьма прискорбные ошибки... Помню объявление одного из наркомов, висевшее на видном месте в 1-м Доме Советов, где, как известно, жили исключительно ответственные работники.

«Прошу товарища, по ошибке взявшего с плиты сковородку с моей картошкой, вернуть ее мне в номер такой-то».

И в это время десятки вагонов, десятки тысяч пудов картошки лежали и гнили в вагонах в окрестностях да и в самой Москве.

Моссоветом была образована Чрезвычайная комиссия по разгрузке железнодорожного узла с диктаторскими полномочиями и я назначен председателем ее, или, как в шутку меня называли, диктатором по картошке.

Владимир Ильич придавал большое значение этой работе, и еженедельно я бывал с докладом у Ильича и сообщал о ходе разгрузки и принятых мерах. Ввиду катастрофического положения с продовольствием тов. Ленин предписал не приостанавливать работ в воскресные дни и даже в день первой годовщины Октябрьской революции. Помню этот день: продрузы выгружались, возились, складывались, распределялись, как в буднее время. Бесперывно трещали телефонные звонки... Дорожные комиссии сообщали о числе выгруженных вагонов и вновь прибывших. И среди окружающей сутолоки, беготни, криков то и дело врывались извне ликующие звуки хоров и оркестров проходящих мимо Моссовета рабочих колонн.

Несмотря на колоссальную энергию, проявленную рабочими и служащими органов транспорта, работа первое время подвигалась вперед очень туго, так как многие ведомства игнорировали приказы комиссии о срочной разгрузке вагонов, прибывших в их адрес. Тогда с санкции Владимира Ильича был установлен срок (от 1—3 суток), в течение которого груз подлежал выгрузке. В случае просрочки комиссия имела право распорядиться грузом по ее усмотрению. Первым пострадавшим получателем продрузов оказался Продовольственный совет. Пока он собирался и удосужился наконец послать на вокзалы своих агентов для приема грузов, несколько его

вагонов с загнивавшей картошкой были розданы через районные Советы на некоторые предприятия рабочим. Сотни рабочих, их жен, детей являлись с мешками по указанным адресам и вмиг разбирали драгоценный овощ.

Разумеется, подобное «распределение» приходилось не по вкусу Продсовету и другим потерпевшим адресатам. Высказывалось возмущение действиями комиссии, произволом и срывом ею всего плана распределения. Жаловались на нее в президиум Московского Совета и Владимиру Ильичу, не предполагая, что описанные меры приняты с его ведома.

Жалобы жалобами, а десяток внепланово розданных вагонов явился переломным моментом в работе дальнейшей разгрузки. Все ведомства зашевелились, засуетились. Скоро число ежедневно выгружавшихся вагонов начало резко превышать число прибывавших.

В 20-х числах ноября, то есть приблизительно через месяц после образования комиссии, я доложил Владимиру Ильичу, что работа выполнена, подкрепив доклад соответствующими ведомостями и другими документами. Высказал также свое мнение, что в дальнейшем надобности в чрезвычайных полномочиях не требуется.

Чрезвычайная комиссия была реорганизована в Мосразгруз, первоначально носившая другое название; меня сменил в качестве заведующего мой помощник тов. Ш.

Не повезло ему на первых порах. Очень скоро узел снова начал забиваться. Тогда Ильич приказал арестовать тов. Ш. Чтобы не вносить расстройств в работу, напротив того, чтобы упорядочить ее, арест должен был отбываться в Кремле, в особой комнате, снабженной телефоном, и во внеслужбное время. Срок ареста — восстановление нормальной загрузки узла, что при данных обстоятельствах было скоро достигнуто.

ДВА УДОСТОВЕРЕНИЯ

Два сохранившихся листа бумаги. Два официальных удостоверения почти тождественного содержания.

Документ первый:

«Предъявитель сего тов. Михаил Сергеевич Кедров утвержден Советом Народных Комиссаров 27 марта с. г. [1919 г.] членом Коллегии Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности. Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин)*».

Множество раз я держал перед глазами этот документ. Вглядывался в драгоценную подпись, каждую букву ее, каждую черточку... Изучал всякую мелочь удостоверения. И бумага, и чернила, шрифт, печать, подпись начинали говорить и лучше всяких слов повествовали о давно минувшей эпохе, когда голод и холод гуляли по городам и селам, фабрикам и жильям, когда Советская Россия была отрезана и от богатых хлебных районов, и от источников топлива, когда достать лист бумаги и перо представляло величайшие

трудности не только для рядового гражданина, но и для Председателя Совнаркома, когда чернила замерзали в чернильнице и перья беспомощно скрипели по бумаге, когда жизнь бежала вперед гигантскими шагами и некогда было задумываться над такими пустяками.

В самом деле, всмотритесь в этот документ. Тонкая, почти прозрачная бумага. Несмотря на бережное хранение, обтрепанная, расползающаяся. В левом углу штамп Совнаркома, в котором соблюдены правила дооктябрьского правописания: буквы «ять», «и» с точкой. Слабо печатающая пишущая машинка, лента домашнего изготовления. Приложенная к удостоверению печать Совнаркома напоминает больше печать ротной канцелярии или волсовета. В тексте удостоверения ошибочно напечатано «преступлением» вместо «преступлениями».

Но особенно характерна подпись тов. Ленина. Чернила растеклись, перо не писало. Дважды пришлось Владимиру Ильичу писать свою подпись, одну поверх другой.

А вот другой, тождественный документ, но более позднего происхождения, датированный 29 июля 1920 года.

Прошло один год три месяца, и в документе получили отражение все успехи Советской власти за этот небольшой по времени период.

Железное кольцо прорвано. Гражданская война бьется в последней агонии... Сибирский хлеб, азербайджанская нефть щедро текут к сердцу и мозгу победоносной пролетарской республики... Язык пушек сменяет уже утонченный язык дипломатов: «Примите уверения в неизменном к вам уважении»... Красное знамя Страны Советов гордо развевается в самом центре Берлина, являясь путеводной звездой для миллионов германских пролетариев.

Красные купцы с тов. Красиным во главе едут в Англию завязывать первые торговые сношения.

Об изменившемся положении РСФСР говорят и штамп, и шрифт, и бумага, и печать совнаркомовского удостоверения.

А подпись Ильича...

Такой яркий образец автографа Ильича мне редко приходилось встречать.

Столько в нем красоты, непоколебимой твердости, спокойной уверенности.

Так мог подписать только вождь, выведший страну через все тяжкие испытания на широкий и верный путь к социализму.

*Пролетарская революция. 1927.
№ 1. С. 49—69*

Н. М. Потапов **НАЧАЛО**

Первая попытка наметить контуры Красной Армии была сделана уже через две с половиной недели после Октябрьской революции. 8 декабря в бывшем доме военного министра состоялось первое совещание коллегии с представителями Генерального штаба о кон-

струкции будущей армии, причем была оглашена и подвергалась обстоятельному обсуждению специально заготовленная по этому вопросу записка Главного управления Генерального штаба. Особенно интенсивному обсуждению было подвергнуто предложение о сохранении на службе под знаменами некоторого количества команд, через которые намечалось пропускать все население. При этом во время дебатов предложению этому противопоставилась необходимость для указанной цели не сохранять старые войсковые части, а образовать новые организационные ячейки на местах из местного же элемента, прошедшего необходимую военную подготовку и крепко связанного с населением общностью интересов.

Прошло шесть дней, и 14 декабря на совещании при участии прибывших с фронта делегатов этот проект был отвергнут, а был выдвинут вопрос об образовании совершенно особого вида армии, как бы «социалистической гвардии» из одних лишь рабочих промышленных районов без всякого участия крестьян. Однако через три дня и этот проект был отвергнут. 17 декабря состоялось третье совещание коллегии с представителями Генерального штаба и с делегатами демобилизационной комиссии. Выяснилось, что при всеобщем утомлении военные формирования отрядов, которые должны будут нести службу по окончании демобилизации, могут быть произведены только при условии добровольного поступления людей на военную службу и лишь в случае недостатка добровольцев следует прибегать к мобилизации лиц преимущественно младших возрастов.

Едва это предложение было намечено, как неожиданно наступили события, заставившие внести в него существенные коррективы. 22 декабря, то есть через пять дней после третьего совещания, из Ставки главковерха Н. В. Крыленко сообщили по прямому проводу, что крайнее расстройство транспорта, большой недостаток продовольствия на фронтах и массовый уход солдат в тыл, а также угроза нашим войскам со стороны румын заставляют отвести войска румынского фронта на несколько переходов в тыл, чтобы их как следует устроить и снабдить продовольствием, таким образом прекратив дальнейший самовольный уход солдат, приблизить войска к источникам их снабжения и облегчить этим работу железнодорожного транспорта.

Телеграмма была доложена Владимиру Ильичу. Вопрос был очень серьезный, и Владимир Ильич пожелал выслушать мнение военных специалистов. В 7 часов вечера того же 22 декабря (по ст. стилю) в бывшем доме военного министра в Петрограде (Мойка, 17) ¹, где находились служебные помещения коллегии по управлению военными ведомствами, было назначено совещание, на которое был приглашен и я, как управляющий делами Военного министерства и начальник Главного управления Генерального штаба, исполнявший при коллегии обязанности главного консультанта.

Я со своими помощниками прибыл задолго до назначенного часа, но Владимир Ильич все же опередил нас. Мы застали его в нижнем

¹ Мойка, 67. *Ред.*

этаже жилой части дома военного министра, в небольшой просто убранной комнатухе с потрепанным мягким диваном, дешевой мягкой мебелью и овальным столом. Вероятно, в прежнее время это было помещение дежурного адъютанта военного министра.

Владимир Ильич стоял посреди комнаты под подвешенной к потолку лампой и читал какую-то бумагу. При нашем приходе он перестал читать, приветливо пожал каждому руку, внимательно глядя в глаза. Сейчас же после этого он сел на диван, предложил занять места кругом стола, и совещание началось.

После оглашения тов. Подвойским полученной от Крыленко телеграммы Владимир Ильич предложил прежде всего высказаться военным специалистам. Я, а затем и мои помощники изложили ряд соображений, которые если не препятствовали, то все же значительно затрудняли выполнение намеченных тов. Крыленко мер. Соображения эти были: во-первых, затруднительность при описываемых в телеграмме обстоятельствах остановить хлынувшую назад лавину войск, тем более что соответствующей заранее укрепленной линии в тылу подготовлено не было, а во-вторых, невозможность быстро поднять и вывести при отходе в тыл те многомиллионные запасы военных материалов, которые были сосредоточены на фронте и которые в ином случае даром перешли бы в руки противника.

В результате последовавшего затем обмена мнений Владимир Ильич предложил не трогать с места занятого войсками фронта. Но вслед за этим, естественно, возник вопрос, каким же образом придать фронту ту устойчивость, на ослабление которой указывал тов. Крыленко. По этому вопросу решение предложил сам Владимир Ильич: безотлагательно принять меры по упорядочению транспорта, а чтобы поднять дух войск, влить в находившиеся на фронте части свежий элемент. Для этого в самом срочном порядке, по возможности в 8—10 дней, двинуть на фронт имеющиеся в Петроградском и Московском округах красногвардейские отряды и немедленно приступить в тех же округах, но главным образом в Московском, к организации новых частей Красной гвардии, всего до 10 корпусов, или 300 тысяч человек. При этом в качестве инструкторов вновь формируемых частей должны быть вызваны с фронта специальные делегаты по выбору солдатских комитетов, всего 400 пехотных и 100 артиллерийских инструкторов.

Уже на следующий день соответствующие распоряжения были разосланы на места. Но принятые меры все же явились только временными. Уже на Украине и на Дону разгорелась гражданская война, а царская армия неуклонно шла к распаду. Возникла настоятельная необходимость в создании новой вооруженной силы, поэтому в ходе совещания о дальнейшей судьбе фронта явилось совершенно естественным предложенное Владимиром Ильичем решение немедленно приступить к созданию Красной Армии. Было постановлено образовать с этой целью «Всероссийскую коллегию по формированию Красной Армии». Что же касается той основы, на которой должна была создаваться Красная Армия, то Владимир Ильич предложил этот вопрос тщательно обсудить и подготовить

проект соответствующего декрета. На этом совещание было закрыто.

Как только оставшиеся еще в России иностранные военные представители услышали о формировании новой армии, они поспешили воспользоваться этим моментом, явились к главковерху Н. В. Крыленко и от имени своих правительств предложили предоставить ему нужные для формирования новой армии денежные средства, лишь бы только эта армия была двинута против германцев. Эти предложения были тов. Крыленко отклонены.

Я мог бы закончить свои воспоминания о моменте фактического зарождения Красной Армии, но мне хочется еще поделиться тем впечатлением, которое произвело на меня описанное мною совещание. И сейчас, почти через 20 лет¹, я представляю себе его картину так ярко, как будто это было все еще вчера. Прежде всего неотразимое впечатление произвела обаятельная личность Владимира Ильича, его приветливое, дружеское отношение к окружающим, его быстрое схватывание сущности вопросов, его краткие и меткие замечания. Мне чрезвычайно импонировали именно скромность, простота и в то же время исключительная деловитость всей обстановки. Мне невольно вспомнилась обстановка подобных же узкоминистерских совещаний старого времени. По своей должности инструктора и организатора черногорской армии, на которой я был 12 лет, с 1903 по 1915 год, я много раз вызывался из Цетинье в Петербург для дачи заключений по разного рода военным ходатайствам князя, а затем короля Николая Черногорского. Мне вспоминается никчемная торжественность этих совещаний, когда 4—5 министров располагались в большом, ярко освещенном люстрами помещении, за огромным, покрытым красным столом. В моем воспоминании всплывают участники подобных совещаний — и заливавшийся соловьем Коковцев, и ломавший из себя аристократа Извольский, и самодовольный Сухомлинов, ждавший подсказа, чтобы высказать свои предложения. Каким убогим показалось все это после заседания, проведенного Ильичем!

Как известно, декрет от 15 (28) января был лично отредактирован Владимиром Ильичем, и после издания его началось постепенное создание Красной Армии.

Неделя. 1968. 7 января. № 2. С. 8—9

М. Д. Бонч-Бруевич

ЛЕНИН НА ВОЕННОЙ РАБОТЕ

Вскоре после ликвидации контрреволюционной Ставки генерала Духонина Совет Народных Комиссаров назначил меня начальником штаба Верховного главнокомандующего.

После моего назначения на эту должность Ставка расформировалась, и 22 февраля 1918 г. я вместе со своими сотрудниками (Сулейманом, Лукирским, Раттелем и др.) прибыл в Петроград.

С этого времени начинается моя военная работа под непосред-

¹ Воспоминания написаны в 1936 г. *Ред.*

ственным руководством и в дальнейшем при непосредственном участии В. И. Ленина.

Заслушав мой доклад о ликвидации Ставки, Владимир Ильич предложил мне и моим сотрудникам приступить к работе по организации обороны Петрограда. Дело в том, что в это время мелкие немецкие части появились недалеко от Петрограда. Выяснились намерения немцев занять Нарву.

Немедленно по распоряжению Ленина нам была отведена в Смольном институте комната, где и начал работу будущий Военный совет, в состав которого входили я, как военный руководитель, и тов. Троцкий и Подвойский, как комиссары.

В. И. Ленин в это время с неослабным интересом два раза в день интересовался нашей работой. Все детали, все мелочи хода борьбы, организации отрядов были ему известны. В то время в распоряжении Совнаркома не было ни одного вооруженного, дисциплинированного солдата старой армии.

В первый же день по нашем приезде в Петроград по распоряжению Ленина по тревожным гудкам во дворе Смольного института были созваны рабочие фабрик и заводов. Ленин предложил мне приступить к необходимым для нас формированиям. Было решено, ввиду неясности расположения частей противника, ввиду неясности намерений немецкого командования в его операциях под Нарвой, сформировать небольшие разведывательные отряды из рабочих и направить их по линиям железных дорог от Петрограда в целях нащупывания расположения противника.

Формирование было поручено бывшему генерал-квартирмейстеру в Ставке генералу Сулейману. Он инструктировал старших отрядов, давал им оперативное направление. В этот же день отряды, снабженные всем необходимым, были двинуты к назначенным местам.

Тов. Ленин был подробно осведомлен о расположении наших частей. 23 февраля уже имелись первые донесения наших разведывательных отрядов из-под Нарвы. 24 февраля вечером в Петроград прибыл отряд матросов. Он был выдвинут на Балтийской железной дороге в направлении к Нарве с предложением занять Нарву и удерживать переправу. Немцы к этому времени успели занять Нарву, оставив переправу и Ивангород на этой стороне реки в наших руках.

Для сосредоточения руководства нашими разведывательными отрядами был приглашен генерал Парский, бывший командующий одной из армий под Ригой.

Получив руководящие указания и соответствующие инструкции лично от тов. Ленина, он выехал в Нарву. Вскоре выяснилась несерьезность немецкого командования в смысле дальнейшего продвижения на Петроград. Тем не менее я, как военный руководитель того времени, в личной беседе с тов. Лениным не скрыл от него того положения, что при дальнейшем пребывании Советского правительства в Петрограде город будет служить притягательной силой для всевозможного рода авантюр со стороны немецкого командования и тут же, по предложению тов. Ленина, подал соответствующий по этому поводу рапорт.

Правительство в марте решило переехать из Петрограда в Москву.

Я должен сказать, что тов. Ленин, как глава правительства, в то время все свое внимание до мельчайших подробностей, до мельчайших деталей сосредоточил на наших операциях под Петроградом. Он отлично понимал, какое имеет значение наступление немцев на Петроград в тот момент, когда у революции не было вооруженной силы, правильно, по-военному организованной.

Как известно, от царской армии к этому времени не осталось и следа. Она стихийно к этому времени сама себя демобилизовала. Сам собою назревал вопрос о необходимости формирования новой армии. Вот эти маленькие разведывательные отряды, сформированные нами в Петрограде, и были теми первыми кадрами армии, из которых впоследствии развернулись целые дивизии.

По приезде в Москву Военный совет расположился в поезде. По дороге в Москву я, встретившись со своими начальниками разведывательных отрядов, ознакомился вполне с действительным положением немецкого фронта и об этом по приезде в Москву доложил Ленину. Та разведывательная завеса, которая была организована нами вокруг Петрограда, к этому времени дотянулась до Витебска, очертив определенный фронт.

В состав Военного совета в Москве, кроме Троцкого и Подвойского были введены левый эсер Прошьян и большевик Шутко. Троцкий был комиссаром по оперативной части, а Подвойский — по хозяйственной.

Московский период моей работы должен быть охарактеризован как период подготовки будущей Красной Армии. Первый декрет, изданный 8 апреля, об окружных управлениях, уже говорил о формировании будущей армии. Я неоднократно по всевозможным вопросам военной практики беседовал с тов. Лениным. Этот период наших бесед подготовил почву для формирования будущей армии на началах принудительности и отказа от выборности командного состава.

В мае 1918 г. наш штаб был переведен в Муром. Это было сделано для того, чтобы дать ему возможность в спокойных условиях производить свою работу. Наш фронт к этому времени уже вполне определился. Мы имели группы: северную, западную и юго-западную, руководимые определенными командующими. Сзади этих групп, в так называемой базе между Уралом и Волгой, началось формирование дивизий. Этот год был годом борьбы с так называемым добровольческим формированием частей на местах. Нам много помог своим авторитетом и своей решительностью Владимир Ильич Ленин в тех случаях, когда места не исполняли наших распоряжений или арестовывали посылаемые на места кадры для формирования тех или иных частей. Достаточно было доклада Владимиру Ильичу — и его телеграфные распоряжения ликвидировали сразу недоразумения на местах.

В это время тов. Ленин уже не принимал непосредственного участия в военных делах, предоставляя это дело главным образом

тов. Троцкому и Подвойскому. Но зато когда на юге началось алексеевское и корниловское движение, тов. Ленин снова возвращается к непосредственному руководству нашими операциями по борьбе с южными армиями. Он живо интересуется нашими планами, делает весьма энергичные распоряжения НКПС о необходимости быстрых перебросок тех или иных наших частей и формирований и т. д.

Словом, за все время моей работы в качестве военного руководителя мне приходилось очень часто сталкиваться по долгу службы с Владимиром Ильичем. И я должен сказать, что Ленин, не будучи военным, но живо интересуясь всем происходящим, очень быстро схватывал создавшуюся военную обстановку и очень быстро делал соответствующие выводы. Понятно, что глава Советского правительства, руководитель борьбы рабочего класса в самый тяжкий период полосы этой борьбы, в момент ликвидации мировой войны и организации первых побегов рабоче-крестьянской армии, иначе и не мог относиться к той работе, которая стояла перед ним.

Мы, военные специалисты, приехавшие в Петроград из Ставки и работавшие затем в течение нескольких месяцев в Высшем военном совете, должны признать, что в нем мы потеряли чуткого руководителя даже в таком серьезном деле, как организация вооруженной борьбы.

*У великой могилы.
М., 1924. С. 223—224*

Н. И. Муралов

ВСТРЕЧИ С ИЛЬИЧЕМ НА ВОЕННОЙ РАБОТЕ ¹

Моя следующая встреча с тов. Лениным произошла уже в 1918 году, когда я ездил в Петроград уже как командующий войсками Московского военного округа.

Московская организация по вопросу о войне стояла на той точке зрения, что мир с немцами заключать не следует ввиду тяжелых условий, предъявляемых немцами, что следует с немцами сражаться во что бы то ни стало и не заключать мира.

Я поехал в Петроград вместе с тов. Одиссеем-Мандельштамом просить у наркомвоен тов. Подвойского денег для выплаты жалования солдатам Московского военного округа и повышения оклада солдатского жалования с 5 руб. в месяц до 50 — таково было постановление Исполкома Московского Совета.

Мы заручились согласием тов. Подвойского, поставившего этот вопрос, с согласия тов. Ленина, на обсуждение Совета Народных Комиссаров.

Заседание Совнаркома назначено было вечером, а днем, часов в 12, мы отправились с Одиссеем в Смольный повидаться с тов. Лениным, предварительно переговорить с ним по этому вопросу и информировать о положении дел и настроениях как в Москве, так и в округе.

¹ Начало воспоминаний см. настоящее издание. Т. 4. С. 218—221. *Ред.*

В Смольном мы встретили в коридоре тов. Ленина, шедшего из столовой, с большой чашкой чая в руках. Тов. Ленин был очень весел, радушно встретил нас с возгласами:

— А, московские вояки, приветствую, приветствую!

Настроение его было, по-видимому, превосходное, глаза хитро и весело смеялись, весь он был, как показалось мне, перерожденный, энергичный. Веселый, жизнерадостный, остроумный Ильич, большая полная чашка с чаем в руках, все как-то действовало на меня ободряюще, и самому становилось весело...

Он позвал нас в свой кабинет, предлагая зайти в столовую и взять чаю.

В кабинете Ильич вдруг рассвирепел и набросился на нас за московское воинственное настроение.

— Москвичи хотят воевать, слепцы, разве вы не знаете, что крестьянство устало, оно не хочет воевать, их миллионы; вы хотите погубить революцию, погубить лучшую часть рабочего класса. Хотите, я вас назначу Верховным главнокомандующим, но сначала прочтите вот эти кипы телеграмм с фронта от М. Д. Бонч-Бруевича. Вы читайте, а я пока займусь своим делом.

Ильич тут же занялся своим делом, чтением каких-то документов, а я с любопытством прикоснулся к телеграммам с фронта на имя Ильича; их были сотни. Я перебрал их и прочел десятка три.

Бонч-Бруевич доносил:

«Такого-то числа на фронте N корпуса солдаты самовольно оставили позицию, силою завладели эшелонами и отправились в тыл; на фронте такой-то армии N дивизия самовольно оставила позиции и ушла в глубокий тыл; на участке такого-то корпуса, такой-то армии артиллеристы оставили тяжелую артиллерию и ушли самовольно в глубокий тыл; в такой-то армии, в таком-то полку солдаты распродают немцам лошадей, пулеметы, патроны и пр. и т. п.»

Я копался в телеграммах — картина самая мрачная. Фронт совершенно развалился. Нужен действительно отдых.

Меня прервал Ильич.

— Ну что, насладились, хотите воевать, можем воевать?

— Понятно, при таких условиях воевать нельзя, — ответил я.

— Нет, не воевать с немцами надо, а прекратить войну. Быстро и энергично вооружить, обучить рабочих, организовать их. Пусть это будет мир похабный, но крестьянская масса отдохнет, массы организуются. Надо уберечь военное добро, учесть его, охранить от расхищения, привести в порядок. Набраться сил, средств. Укрепить власть на местах, изгнать помещиков.

В дальнейшем был короткий разговор на тему о конфискованных помещичьих имениях. Тов. Ленин (замечательно памятливым человеком) опять вспомнил, что я агроном, и повел речь о том, как было бы целесообразно сохранить и не распылять хорошие имения для производства в них опытов и организации крупного сельскохозяйственного производства. Побеседовав на эту тему минут 20, мы расстались до вечернего заседания. Но вскоре после этого тов. Ленин срочно вызвал меня для обсуждения, как он сказал, одного боевого военного вопроса.

Я увидел Ильича озабоченным, задумчивым. Мы отправились в угловую комнатку, там были тов. Подвойский и еще кто-то из военно-политических работников, которых сейчас не вспомню, а в приемной стояло несколько человек военных спецов, в числе их Д. Н. Надежный.

Оставив спецов в приемной и заперев дверь комнаты, приступили к обсуждению вопроса. Дело заключалось в том, что нашим войскам, расположенным в Финляндии и настроенным большевистски, грозила опасность окружения, изоляции и разоружения. Их могли выручить финляндские рабочие-красногвардейцы, которых нужно было быстро снабдить вооружением и снаряжением — патронами, винтовками, пулеметами. Соединившись с нашими войсками, они представляли бы вооруженную мощь, способную не только защитить войска, но и совершить переворот.

Этот сложный вопрос надо было разрешить немедленно.

Наконец выработали маршруты (карта была разложена на полу всей комнаты; тов. Ленин, стоя на коленях, тыкал пальцем в пункты и направления); возник вопрос, кому поручить отвезти оружие. Ильич обернулся и ткнул в меня пальцем:

— А вот, поручим Муралову.

Я не возражал, но против этого горячо протестовал тов. Подвойский, доказывая необходимость моего немедленного возвращения в Москву ввиду тяжелого положения и в округе и на западной границе.

Ильич снял свое предложение; не помню, кого назначили на это дело.

Вечером было заседание Совнаркома, и в числе прочих стоял мой вопрос — о повышении жалованья солдатам до 50 руб. в месяц.

Ильич дал мне слово для доклада, кажется, на 15 минут. Поддержал тов. Подвойский. Открылись прения, возражал тов. Боголепов, тогдашний наркомфин, сославшись на недостаток средств.

В результате большинством голосов мое и тов. Подвойского предложение было отвергнуто; в тот же день ночью мы с Одиссеем, захвативши с собой отпущенный нам из Государственного банка миллион рублей (тогда это были большие деньги), выехали в Москву.

Вскоре после этого я получил из Петрограда телеграмму от Владимира Ильича с приказанием во что бы то ни стало отправить в Донбасс максимальное количество обученных красногвардейцев и солдат для охраны рудников и шахт от захвата их Красновым и вытеснить последнего из захваченных шахт. В телеграмме указывалось на важность и серьезность операций, неудача которых поставила бы нашу промышленность в исключительно тяжелое положение и создала бы громадное затруднение для укрепления молодой Советской Республики¹.

Получив такое приказание, мы энергично принялись за выполнение задачи, но об этом придется написать специальную статью.

Затем я встретился с Ильичем уже здесь, в Москве, когда все

¹ Телеграмма не разыскана. *Ред.*

правительство из Петрограда переехало к нам. Ильич остановился в 1-м Доме Советов. Надо было приготовить Кремль, неотапливаемый, необорудованный, с разбитыми стеклами, для размещения правительственных учреждений, для заседаний и для квартир. Это дело поручено было архитектору тов. Малиновскому, но вызвали меня, как начальника гарнизона.

Мы начали обходить здания. Ильич потребовал конкретного доклада Малиновского, что, как и когда будет сделано. В этот раз Ильич был очень раздражителен: бесхозяйственность, расхлябанность, отсутствие реального плана ремонта, неуверенность в сроке ремонта возмущали Ильича.

Он раздраженно требовал от меня приведения в порядок двора между арсеналом и зданием ВЦИКа, заваленного в беспорядке тысячами ящиков с винтовками, пулеметами и пр.

Затем однажды, когда выступили чехословаки, срочно вызвал меня в 1-й Дом Советов тов. Сталин по поручению тов. Ленина для личного доклада тов. Ленину о мерах, принятых против чехословаков. По этому вопросу тов. Ленин, ввиду внушительной вооруженной силы чехословаков и отсутствия возможности противопоставления нашей организованной силы, указал действовать хитро и тактично.

Вскоре у нас поднялась дискуссия по вопросам приглашения в армию на командные должности военных специалистов и принципов организации Красной Армии. Съехавшиеся с фронтов боевые товарищи Н. В. Крыленко, Дыбенко, Мясников решили просить тов. Ленина принять и выслушать нас по этим важным и наболевшим вопросам.

Тов. Ленин изъявил согласие и вызвал нас в Кремль¹. Я сейчас не помню, в какой комнате происходило заседание, помню только, что в комнате было холодно, тов. Ленин сидел в шапке и теплом пальто, мы в шинелях, да и сидеть было всем негде: кто на подоконнике, кто на столе.

Нас собралось человек 15—18; по уполномочию товарищей с докладом выступил я, а затем начались речи остальных. Тов. Ленин после речей наших задал нам несколько вопросов, а в конце сказал:

— Я выслушал все ваши рассуждения, но, к сожалению, не уловил ни одного яркого, конкретного предложения, поэтому предлагаю заседание закончить, а вам всем — вопрос проработать, выработать конкретное предложение и тогда уже прислать мне.

Тем дело и закончилось. Я даже не помню, кто из нас выработывал что-нибудь конкретно и что посылал.

После этого наша дискуссия среди военных коммунистов об организации Красной Армии не закончилась.

Уже летом 1918 года, по моей и тов. Аросева просьбе, тов. Ленин устроил заседание, на которое вызвал тов. Троцкого, Я. М. Свердлова, Аросева, меня, кажется, тов. Крыленко и еще кого-то. Докладчиками выступали тов. Аросев и я.

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5. Октябрь 1917 — июль 1918. С. 315.

Сущность докладов заключалась в том, что ввиду частых случаев измены бывших офицеров и генералов, перехода их на сторону противника или работы из-под палки и недоверия к ним широкой красноармейской массы необходимо во главе частей и учреждений (дивизий, армий, округов, штабов) ставить исключительно партийных людей, независимо от их военной подготовки, используя военных специалистов в качестве консультантов, помощников по специальной части и пр.

Выслушав наши доклады и речи других, тов. Ленин задал вопрос тов. Троцкому с предложением изложить свою точку зрения. Лев Давыдович начал с того, что охарактеризовал меня «как одного из лучших окружных военных комиссаров», что он совсем не против того, чтобы во главе частей стояли партийные, но что необходимо, чтобы эти коммунисты были хорошие организаторы и понимающие военное дело, в противном случае возможен целый ряд катастроф и дискредитирование коммунистов, что можно, по его мнению, ставить во главе частей и беспартийных офицеров, умелых, знающих, взяв их под строгий надзор, контроль и возложив на них ответственность.

Затем Лев Давыдович перешел на тему о тяжелом состоянии дивизий, расположенных у западной границы, тяжелое в продовольственном отношении, почти безвыходное, и необходимость в кратчайший срок переброски их из голодных районов (Витебская, Могилевская, Смоленская губернии) в южный, юго-восточный районы Республики.

В дальнейших прениях вопрос сосредоточился именно в этой плоскости, предложения тов. Троцкого были санкционированы Ильичем, а первый вопрос так и остался нерешенным и был отложен до следующего раза, но этого следующего раза уже не было. Ильич, очевидно, решил, что вопрос достаточно ясен.

В течение всего лета я еженедельно встречался с Владимиром Ильичем то в Совнарком, то на митингах в районах, то на смотрах войск, то на съездах.

В те времена Ильич аккуратно, как обыкновенный агитатор, получал путевки и наряды из МК. На митингах, чаще всего по пятницам, мы встречались в лагере — в «Кукушке»¹.

Ильич строго соблюдал очередь выступлений и ни за что не соглашался, когда ему предлагали выступить вне очереди, а терпеливо вместе с другими агитаторами и артистами ожидал где-нибудь на балкончике или в душевой комнатке. Во время этих ожиданий он расспрашивал о состоянии войск, политработе, успешности обучения, настроении, качестве комсостава и пр.

Дважды Владимир Ильич выражал недовольство неаккуратностью войск и начальников, в том числе и мной, — 1 мая 1918 г. и в конце того же года.

1 мая войска должны были прийти для парада на Ходынку в определенный час. Аккуратно прибыл один латышский полк, другой

¹ Имеется в виду общегарнизонный клуб «Кукушка» на Ходынском поле. *Ред.*

запаздывал, еще более запаздывали части из районов. Погода была пасмурная, холодная, ветреная. Я разослал во все районы ординарцев для скорейшего продвижения частей.

В ожидании прихода войск мы вместе с Л. Д. Троцким расположились в здании бывшего Петровского дворца. Парадом командовал начдив латышской тов. Вацетис. У меня «скребло» на сердце, нервничал и Лев Давыдович. Вдруг прибегает связист и сообщает, что на Ходынку приехал Владимир Ильич.

Ну, совсем дело плохо. Лев Давыдович и я поспешили на поле, стали обходить войска; видим, действительно тихим ходом на автомобиле объезжает группы рабочих тов. Ленин.

Сгорая от стыда, я подошел к Ильичу.

Поздоровавшись, Ильич сказал:

— Ну что, товарищ Муралов, кажется, наши войска не совсем аккуратны?

Он сделал ударение на «наши». Я готов был провалиться сквозь землю.

В другой раз по предложению Л. Д. Троцкого решено было устроить днем в Москве в трех пунктах — в манеже 2-й пехотной школы, в цирке на Цветном бульваре и в театре «Зон» красноармейские митинги. В это время только что призвали под ружье в первый раз рабочих Москвы, и губернские войска стояли в лагерях. Часть из них должна была походным порядком отправиться в «Зон» и цирк, другая, большая часть, — должна была сесть в эшелоны и по окружной дороге прибыть в манеж названной 2-й пехотной школы.

Распорядителем и организатором этого большого митинга я назначил тов. Одиссея. Последний был не совсем здоров, хромотал, поэтому на ногах у него была разная обувь: на одной кожаный сапог, на другой — большой валяный сапог.

Мы с Одиссеем приехали в школу за 30 минут до начала митинга, чтобы к приезду тов. Ленина и Троцкого лично навести и установить порядок.

Ко времени нашего приезда в манеж не прибыл еще ни один красноармеец. Встревожились. Заработали телефоны. О, ужас! Оказывается, войска только приступили к посадке в вагоны. Спрашиваем цирк и «Зон» — ни одного солдата! Звоним в Кремль, чтобы предупредить, но уже поздно — тов. Ленин выехал к нам на митинг.

Вот беда! Опять «наши» войска!

Входит Ильич. Смущенно докладываю:

— Неисправен паровоз, но сейчас эшелон двинется.

Прищурил глаз:

— А в цирке и «Зоне»?

— Подходят.

— Гм, подходят... хорошо, немножко подождем!

Садимся, разговариваем. Хоть убей — ни одной мысли в голове, кроме — они опаздывают, опаздывают, опаздывают... Ах, проклятье!

Влетает Лев Давыдович, свирепо набрасывается: «Как, почему, какая расхлябанность, когда же это кончится?» и т. п. Узнав, что устроителем и организатором митинга является Одиссей, с новой

энергией набрасывается на последнего. Бедный Одиссей! Ни жив ни мертв! Сапог валяный, сапог кожаный, шнур от пенсне с узелком, шинель обшарпанная. Смелый и находчивый всегда, а тут сдрейфил, не знает, что говорить.

Выручает Ильич:

— Ведь он больной, с него нельзя взыскать, больше виноват товарищ Муралов.

Я выслушал это уже равнодушно — ведь я знаю с самого начала, что виноват именно я. Молчу и злюсь.

Ильич смотрит на часы:

— Какая потеря времени.

Со злостью отвечаю:

— У всех потеря времени!

Это говорю от злости на «наши» войска. Сказал и спохватился — какую я чушь и грубость сказал: мы потеряли время, это одно, Владимир Ильич потерял — другое.

Вскоре послышался звук оркестра. Подходят колонны. Митинг начался позднее назначенного срока на 1¹/₂ часа... Но зато полон-полнешенек манеж.

Ильича встретили аплодисментами. Он начал свою часовую речь, она была проста и превосходна.

Тяжелые условия «похабного» (выражение Ильича) Брестского мира дали передышку усталой крестьянской массе, ушедшей с фронта домой и внесшей в деревенскую анархичную обстановку свежую революционную струю и некоторую планомерность в ожесточенную борьбу с помещиками.

Конечно, Ильич скептически относился к прочности мира, а на Брестский договор смотрел как на вынужденную необходимость подписать похабный договор, который при первой возможности будет нами изорван, просто как ненужный «клочок бумаги». Ильич знал и верил в то, что если не дни, то месяцы владычества кайзера над немецким народом сочтены, революция в Германии неизбежна, — а раз так, то для спасения нашей революции факт подписания похабного договора является мерой временного характера.

Смелость в действиях не противоречит осторожности. И потому на всякий случай Ильич признавал необходимым часть государственных ценностей увезти не только из Петрограда, но даже и из Москвы подальше в глубь России. Эта операция поручена была управляющему Государственным банком Тихону Ивановичу Попову, на меня же была возложена обязанность дать транспорт, верных людей для погрузки и лучший конвой для сопровождения грузов по железной дороге. Ценности грузили по ночам отборные сотрудники штаба округа, а сопровождал и охранял эти грузы доблестный тов. Яшвили со своим Стальным отрядом в 120 человек бойцов.

Владимир Ильич дал мне подробные инструкции и возложил ответственность за операцию. Он считал это делом большой важности и потому вмешивался во все мелочи организации и беспре-

рывно «трепал» меня по телефону. Как вникал в это дело Ильич, видно хотя бы из такого документа, посланного мне в дополнение к разговору по телефону:

Весьма спешно. Совершенно секретно.

КОМАНДУЮЩЕМУ
войсками МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
Н. И. МУРАЛОВУ

Ввиду производящейся из Москвы эвакуации ценностей Республики, предлагаю вам предоставить в самом спешном порядке в распоряжение комиссара по Московской конторе Народного банка Т. И. Попова от 75 до 100 пуд. бензина по нормировочной цене, независимо от обычного количества бензина, отпускаемого для автомобилей Московской конторы Народного банка.

Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов*
(Ленин).¹

Посылка такой бумажки не означала простую формальность. Во-первых, это был приказ главы правительства, во-вторых, это подкрепляло и подчеркивало важность и ответственность задачи. Разговор, дескать, разговором, а вот тебе еще и документ.

Вагоны с ценностями были аккуратно, в порядке доставлены, но дело не обошлось без осложнений и инцидентов, чуть было не погубивших всю операцию.

В одном из городов, через который проходил груз, ко времени прихода поезда с ценностями вспыхнуло восстание. Белогвардейцы арестовали власть, губвоенкома, захватили вокзал, почту и телеграф. Храбрый и находчивый тов. Яшвили, подкрепив свой отряд небольшим отрядом красногвардейцев, оставив часть отряда для охраны поезда, с другой частью перешел в наступление против белогвардейцев, разбил последних, зачинщиков и главарей расстрелял, освободил арестованных и поехал дальше. Но эта двухсуточная задержка причинила много тревог нам, так как отсутствие обязательных суточных телеграфных донесений от тов. Яшвили (согласно инструкции) указывало на неблагополучие с поездом.

Эти двое суток Владимир Ильич не меньше десяти раз запрашивал по телефону о судьбе поезда и Яшвили.

За эти подвиги тов. Яшвили по предложению Владимира Ильича был награжден мной золотыми часами.

К лету 1918 г. события развивались быстро.

Контрреволюционеры не дремали. Во внутренних губерниях на почве хлебной разверстки, отсутствия прочного советского и партийного аппарата, недостаточного количества и неудовлетворительного качества работников, бешеной агитации попов, монахов, эсеров, помещиков, офицеров, лавочников, бывших жандармов,

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 6064.

полицейских и т. п. то в одном, то в другом месте возникали серьезные крестьянские волнения и даже вооруженные восстания. Во многих местах крестьяне шли с лозунгами: «Да здравствует Советская власть, долой большевиков!» Несомненно, что эти лозунги давались вожаками восстания — эсерами и кадетами (вспомним Кронштадтское восстание в 1921 г.). Вооружались повстанцы довольно пестро — от кос, вил, топоров до пулеметов Максима. Не было губернии, входящей в Московский военный округ, где бы не было восстания. Повстанцы прежде всего арестовывали местных коммунистов, расстреливали их, захватывали почту, телеграф.

Поддержание порядка не только в городах и на железных дорогах, но и по всей территории округа, в том числе и деревнях, — лежало тогда на обязанности командующего округом и местных военных аппаратов.

Вначале я ограничивался посылкой из Москвы в местности, охваченные восстанием, в помощь местной власти мелких отрядов, вооруженных винтовками и ручными гранатами. В дальнейшем пришлось добавлять не только легкие (Льюиса), но и тяжелые пулеметы (Максима). С развитием волнений, принявших массовое явление, пришлось добавлять и легкую артиллерию (Рязанская, Калужская, Смоленская и Тульская губернии). Положение становилось серьезным. Приходилось в ущерб интересам уже ясно образовавшихся фронтов — Восточного. Южного, Северного и Западного — отрывать от учебы не только отряды, но целые части, в которые уже призваны были в порядке обязательной службы рабочие промышленных губерний.

Из личных докладов командиров и политработников, возвращавшихся после операций в Москву, я убедился, что иногда местные работники ведут себя так бестактно, грубо и безобразно, что сами толкают крестьян на выступление. Устранение этих причин лежало вне сферы моих влияний и возможностей. Запасшись материалами, я отправился к Ильичу с докладом.

Ильич внимательно выслушал меня, прочел все сводки и рапорта начальников и приказал мне посылать ему ежедневно сводки, а сам обещал принять меры по партийной линии. Когда я упомянул ему Рязанскую губернию, он спохватился, заметив, что какие-то сведения о неблагополучии в Рязанской губернии имеются и у него. Мы условились, что об исключительных фактах я буду ему звонить по телефону.

Результаты сказались вскоре же. Именно в Рязанскую губернию была послана комиссия во главе с Петром Гермогеновичем Смидовичем. Тов. Смидович в числе прочих фактов обнаружил один возмутительнейшего свойства: некто (фамилии не помню) из местных советских работников, занимавший ответственный пост, коммунист, при объезде сел и деревень своей территории окружал себя специальным конвоем пьяниц, вооруженных пулеметами, насилующих женщин и девушек, а сам (начальник) при остановках на ночлег требовал себе питья, яств и... красивых девушек. Этот тип был разоблачен полностью не только как примазавшийся к партии, но и как

бывший служащий охраны. С того случая мы практиковали уже посылку отряда не только с соответствующими маленькими ячейками политотдела, но обязательно с представителем центральной гражданской власти. Впоследствии за этим контактом зорко следил покойный Яков Михайлович Свердлов.

Для подавления контрреволюционных восстаний я часто посылал находящийся в моем оперативном подчинении отряд левых эсеров, числившийся при ЦК партии левых эсеров.

Отряд этот был прекрасно обмундирован, вооружен, дисциплинирован, отличался абсолютной трезвостью, но недостаточно обучен. Мария Спиридонова, передавая его в мое оперативное подчинение, просила, чтобы ей и ЦК было предоставлено право без нарушения общего распорядка вести в нем политическую работу. Я согласился.

Лично осмотрел этот отряд, поднял по тревоге, закончив тактическими занятиями, провел беседу. Отряд произвел на меня во всех отношениях благожелательное впечатление. Давал ему несколько поручений оперативного характера (над бандитами) на территории г. Москвы, а затем и в провинции.

Как-то спрашивает меня по телефону Владимир Ильич:

— Что это у вас, какой-то отряд левых эсеров — вы ему доверяете?

— Да, этот отряд хорош, — отвечаю.

— Гм, гм... на всякий случай следите за ним зорко...

Почему, подумал я, Ильич взял под подозрение левых эсеров? Я знал, что Мария начинает «бузить», но неужели дело может дойти до вооруженного столкновения. На всякий случай решил часто лично проверять его, присматриваться и постепенно заменять состав.

Во главе отряда стоял левый эсер Иванов, рабочий, кажется, Люберецкого завода, парень хоть куда, превосходный. Я поручил большевику Яшвили, начальнику настоящего большевистского отряда, грозе и ужасу всех московских бандитов и белогвардейцев, иметь самую тесную связь с Ивановым, изучить его отряд и наблюдать за ним.

Левые эсеры, как известно, перед Октябрьскими днями откололись от остальных эсеров, пошли с нами по вопросам немедленного захвата власти Советами и конфискации земли. Альянс (союз) с самого начала был половинчатый, ибо состав партии левых эсеров был почти исключительно интеллигентский, традиции народничества были еще сильны, и мелкобуржуазная точка зрения проявлялась во всех их выступлениях и действиях.

Так, левые эсеры сразу же стали в оппозицию по поводу твердых мер по отношению к другим классам. Они были противниками хлебной монополии; они — за окончание империалистической войны; но они и против настоящей гражданской войны; наконец, они против похабного Брестского мира, а за войну с немцами и т. п.

А гражданская война все больше и больше разгоралась. Чехословаки действовали своим корпусом. Юг бушевал. Украина кипела,

на западе надвигались тучи. Разногласия с левыми эсерами дошли до своего предела. Видно было, что эта компания попутчиков шла с нами лишь до поры до времени. Вот почему Ильич задал свой ядовитый вопрос. Он предвидел неизбежный разрыв с левыми эсерами.

Между тем открылись настоящие фронты. От МВО требовалось величайшее напряжение сил. Мы посылали отряд за отрядом во все стороны. Мы обязаны были формировать около десяти новых регулярных дивизий, каждую численностью около 45 тысяч человек. Кроме того, формировать разные технические части вне дивизии (артиллерию, кавалерию, инженерные войска, броневые части, воздухофлот). Такое формирование частей мы частично передавали в районы Москвы, губернии и даже уезды и просто пролетарские пункты.

В Сибири плохо, трещит Урал, обесчестилась «честная река Волга». Отдельно действующие отряды необходимо объединить в одних руках и организовать регулярную армию. Ильич бросил лозунг:

— Нам нужна трехмиллионная Красная Армия. (Конечно, армия дисциплинированная, сознательная.)

Потребовались сотни тысяч квалифицированных строевых, штабных и политических работников. Но труднее всего найти в такие моменты высококвалифицированных работников на высшие командные должности. Царские генералы большею частью — против нас: те из них, кто остался с нами, в большинстве своем колеблются. Доверия к ним маловато.

При таких условиях возник вопрос — кого послать на Восточный фронт в качестве командующего?

К этому времени проявился бывший полковник царской службы М. А. Муравьев. Он обладал изумительной храбростью, организаторскими способностями и знал хорошо военное дело. Характера воинственного, тщеславного. С противниками не церемонился и проявлял величайшую жестокость. Его демократическое происхождение (он происходил из деревенских сирот-пастушков), его знание солдатского быта и умение обращаться с подчиненными создало ему в подведомственных частях громадный авторитет. А авантюристические наклонности его характера постоянно толкали на какие-либо сногшибательные предприятия. Муравьев выплыл из-под Гатчины, во время наступления Керенского на Петроград. Своими толковыми распоряжениями, находчивостью и храбростью он много способствовал успеху красных войск, чем и обратил на себя внимание Л. Д. Троцкого, Я. М. Свердлова, а затем и Ильича.

Во время своего командования на Украине против немцев и Петлюры Муравьев приезжал с докладом в Москву. Доклад он делал лично Владимиру Ильичу в Кремле в моем присутствии.

После изложения сущности дела и общеполитической и военной обстановки (на карте Владимир Ильич любил точность) Муравьев начал рассказ об украинской обстановке, чем привел Владимира Ильича в веселое настроение. Особенно долго, заразительно (с закатом) хохотал Владимир Ильич по поводу рассказа Муравьева о том, как тов. N подписала один оперативный приказ войскам с ти-

тулом «Главногокомандующая такая-то»... В перерывах припадка хохота Ильич все спрашивал: так и подписала — «главнокомандующая»... и — новый взрыв хохота.

В описываемое выше мною время М. А. Муравьев был уже далеко не героем, даже не просто развенчанным героем, а советским узником, томящимся в Таганской тюрьме... Он обвинялся в том, что при взятии Киева допустил множество бесцельных жестокостей, злоупотребил своею властью, так как перед взятием Киева обещал красным войскам по взятии последнего предоставить его на 3 дня в их полное распоряжение и допустил мародерство, расстрелы невинных — как его подчиненными, так и собственноручные и т. п. Когда ломали головы — кого назначить командующим Восточным фронтом, — выплыла опять кандидатура Муравьева.

Владимир Ильич поставил этот вопрос в СНК, последний постановил использовать Муравьева на командных должностях. Ильич задавал нам вопрос — не изменит ли Муравьев нам, так как, кроме своих авантюристических качеств, он принадлежал к левозеро-вской партии.

Подозрения Ильича оправдались, но тут больше всего виноват не Муравьев, а его партия, которая неправильно и демагогически его информировала и толкнула его на изменнический шаг.

Раскол наш с левыми эсерами назревал. Испробовав все способы срыва нашей как внутренней, так и внешней политики, трактуемой эсерами как губительной, эсеры пустились на авантюру, потрясшую на время весь наш государственный молодой советский организм. Во время съезда Советов левые эсеры решили устроить восстание, сорвать мир с Германией, обнажить Восточный фронт, свергнуть большевиков и Советскую власть.

Одним из агентов эсеров была брошена бомба в германского посла Мирбаха. Отряд ВЧК во главе со своим начальником Д. И. Поповым арестовал председателя ВЧК тов. Дзержинского, восстал с оружием в руках против Советской власти, обезоружил некоторые наши части, захватил телеграф, несколько кварталов в Москве, а ЦК эсеров пытался разослать телеграмму по всему свету о введении новой политики, нарушении Брестского договора и т. д. Эсеры послали своих агентов в армию с требованием прекращения военных действий против чехословаков и учредилонцев и переброски войск к западу против немцев.

С момента восстания до конца подавления его Владимир Ильич находился вместе с Л. Д. Троцким в Кремле (у телефона все время), следил за ходом операций и торопил окончить их поскорее. Тов. Подвойскому, Вацетису и мне пришлось руководить подавлением восстания эсеров и непрерывно отвечать на все телефонные запросы из Кремля Владимира Ильича и Льва Давыдовича.

Казалось, что операции идут вяло, недостаточно энергично. При этом не забыт был пресловутый отряд левых эсеров, который не принимал участия в восстании, но который я считал за благо немедленно разоружить и запереть в помещении, что тов. Яшвили и выполнил безукоризненно и без пролития единой капли крови.

Для подавления восстания были двинуты латышская дивизия, которой командовал тов. Вацетис, сводная бригада под командой тов. Рачицкого, районные части, красногвардейские части, отряд тов. Яшвили и др. Правда, были некоторые затруднения в сборе частей, во-первых, вследствие отдаленности их расположения (Ходынка), во-вторых, вследствие праздничных дней, когда 50% войск было отпущено по домам. Положение осложнилось тем, что часть комсостава принадлежала к партии левых эсеров. Пришлось их подвергнуть аресту или довериться, в чем был, конечно, риск.

После убийства Мирбаха германское правительство предъявило нам ультимативное требование о вводе немецких войск в Москву. Положение становилось почти критическим. Ввод германских кайзеровских войск в красную столицу в условиях бушевавших и клоковавших вокруг событий, в разгар гражданской войны, при неокрепшей еще советской организации, при бешеном натиске контрреволюционных сил грозил опасностью военного переворота, а следовательно, задержки революции.

По предложению Ильича этот ультиматум был отвергнут.

Белые наседали со всех сторон. Вспыхнуло восстание в Муроме, в Ярославле. Последнее приняло грандиозные размеры. Ярославские бои были более жестокие, чем октябрьские в Москве. Владимир Ильич был все время начеку и проверял почти все сводки по телефону, когда не мог сам лично — через секретариат. Ярославский белый мятеж нанес нам ущерб не только гибелью людей, но гибелью почти половины города, фабрик.

Владимир Ильич предлагал нам тщательно изучить и учесть этот опыт, чтобы предупредить подобное выступление белых в других городах. Узнав о недостатках управления войсками нашими во время операции, недостатке связи, нарушениях дисциплины, вообще плохой организованности, при первом же докладе потребовал обратить особое внимание на организацию войск.

Ярославский мятеж научил нас подобрать достаточное количество квалифицированного комсостава и тщательно отобрать его в смысле пригодности политической.

В Москве объявлен был приказ о явке всех бывших офицеров на учет. Место — манеж бывшего Алексеевского военного училища (ныне 2-й пехотной им. М. Ю. Ашенбренера школы).

Мы организовали это дело плохо, во-первых, потому, что не имели достаточного количества опытных и преданных людей; во-вторых — не ожидали того количества офицерства, которое явилось на учет. Офицеров (от прапорщиков до полного генерала) явилось свыше 17 000 человек. При таком наплыве людей трудно было произвести отбор и тщательный учет, притом достаточно быстро. Работы поневоле затянулись. От скученности и неприспособленности помещений появились сначала обычные болезни, а потом и эпидемии. Мы не знали, что делать дальше, и пошли к... Ильичу...

Тов. Арсеева и меня он очень внимательно выслушал. Указал на дефекты в нашей работе и неподготовленность к ней. Ввиду необходимости спешить на какие-то заседания просил переговорить

с Я. М. Свердловым и на другой день позвонить ему по телефону. Уходя, мы уже знали, как нам ускорить работу.

На другой день, не дожидаясь донесений, Ильич сам запросил, как идет разгрузка. Дело наше пошло быстрее. Владимир Ильич быстро и верно разбирался в практических «малых», но важных для государства делах.

Восстание так называемых левых эсеров (не всегда «левый» обозначает действительно революционный) имело и положительную сторону. Во-первых, оно рассеяло всякие иллюзии, еще распространенные в некоторых слоях нашей партии, о революционности левоэсеровской партии, вскрыло настоящую мелкобуржуазную подоплеку, оттолкнуло от них и перебросило в наши ряды все действительно революционное, пролетарское; во-вторых, заставило нас пересмотреть Московскую военную организацию и сделать ее более гибкой и вообще подтянуться.

В первые же дни восстания эсеров посыпались в газеты и учреждения многочисленные заявления отдельных лиц и групп о выходе из левоэсеровской партии и вступлении в ряды нашей партии. Таким образом, у левых эсеров остались лишь самые мелочные элементы, никуда не годный балласт.

Подавление восстания эсеров, несомненно, породило еще большее озлобление всех контрреволюционных групп против нас, особенно против наших вождей, и в первую очередь против тов. Ленина.

А он, как назло, развивал все большую и большую энергию. Не было ни одной области деятельности, куда не проник бы его взор, будь то сложнейшие вопросы науки, транспорт, топливо, производство, вопросы путей революции, обороны и военной техники.

Высший военный совет, штаб Красной Армии, проводил, надо сказать, гигантскую работу по созданию и формированию Красной Армии и вопросам обороны Советской Республики. Я не берусь осветить в целом участие в этой работе Владимира Ильича. Я могу указать здесь лишь на отдельные факты деятельности Ильича только в той мере, какая определялась моею скромною ролью командующего одного, хотя бы столичного округа, и только в пределах моего личного соприкосновения, а не того, что я вообще знаю об этого рода деятельности Владимира Ильича.

Сделав эту существенную оговорку, продолжая описывать события так, как они остались в моей памяти, или на основании тех документов, которые еще сохранились у меня из той эпохи. Итак, Владимир Ильич зорко следил за всем, и особенно за делом обороны. Кроме тех общих планов войны и обороны, которые проводил ВВС и штаб, несомненно, с одобрения и согласия Ильича последний имел свои дополнительные планы и действия, хотя и согласованные с общим планом и действиями, но ставящие определенные свои задачи, способствующие и помогающие главным. Бывало, Владимир Ильич то и дело спрашивал о количестве и качестве посылаемых отрядов и пополнений.

Топливо и продовольствие — важные вещи, без которых невозможны ни оборона, ни производство, а следовательно, невозможно существование Республики. Извольте добыть то и другое. Но Донецкий бассейн в руках белых, Баку — тоже. Значит, надо посылать отряды отбивать уголь и нефть. И посылали.

Владимир Ильич звонит по телефону:

«Надо срочно организовать экспедицию, которую послать по Волге в Баку за нефтью; необходимо немедленно дать хороший конвой, полностью вооружить, с гранатами; когда будет готов?»

Пока идет эта организация и формирование, ежедневный запрос — как идет дело.

Наконец экспедиция готова и отправляется.

Надо помочь Кавказу.

Ильич требует незамедлительно, без всяких проволочек снабдить экспедицию тов. Иванова-Кавказского оружием, боевыми припасами, обмундированием и всем необходимым, что требуется для отряда.

Ильич требует срочно лично осмотреть продовольственную армию, формируемую из петроградских рабочих в Москве тов. Зусмановичем, снабдить ее всем, что требуется для настоящего войска, посмотреть, чтобы они были обучены стрельбе и отправлены в хлебные районы без задержки — для выкачки хлеба и сопровождения вагонов с зерном.

Трудная задача. Особенно в части обучения стрельбе. В эту армию (она называлась продовольственной не потому, что должна была продовольствоваться, а должна была, кроме сопровождения грузов, участвовать в операциях против бандитов и служить армией прикрытия для агентов Наркомпрода, извлекающих хлеб в районах) принимались красногвардейцы, старые солдаты и безработные рабочие. При таком составе трудно было быстро обучить стрельбе, еще труднее сколотить части.

Доступность Ильича общеизвестна. Несмотря на массу дел, Ильич ухитрялся принимать личные доклады от товарищей, приехавших с мест в центр для ориентировки, получения директив, денег, имущества и т. д. Не ограничиваясь удовлетворением или обещанием соответственного наркома или наркомата, товарищ считал своей обязанностью заручиться еще записочкой самого Ильича.

Инициатива в те времена выпирала из всех углов и по части строительства вообще, Красной Армии в особенности. Не было, кажется, ни одного ответственного окраинного работника, который не требовал себе права формирования отдельного отряда всех родов войск. И дело, конечно, было не в юридическом праве, а в вытекающих отсюда обязанностях официальных лиц и учреждений, обязанностях, конечно, снабженческого характера для формируемых отрядов, да еще с личного разрешения Ильича. Попробуй не дать такому отряду обмундирования, оружия, обоза, лошадей и т. п. Хоть тресни, а дай всего, иначе сейчас позвонит Ильич, прикажет Ильич, заставит Ильич...

Впрочем, Ильич сам проявлял много инициативы, больше, чем кто-нибудь другой, и давал самые ответственные и рискованные поручения, особенно тем, кого он знал еще по подпольной работе и кому верил. Однажды приходит ко мне С. В. Малышев и дает мне архисекретную записку от Ильича.

«Тов. Муралов!

Окажите, пожалуйста, содействие подателю, т. Малышеву, который организует снабжение подрывным материалом для группы, едущей в Котлас. *Дело архи-спешное.*

Надо, чтобы *без потери времени* получилось подрывное имущество из Вязьмы (*с е г о д н я* же, с нарядом от Вас, Малышев поедет в Вязьму).

Надо еще дать телеграмму в Курск для вызова товарища *Соболева*, инструктора по подрывному делу.

Группе подрывников нужен один вагон (скорый) до Котласа.

Пред. СНК Ленин»¹.

Как характерна эта записка. В ней нет ни одного лишнего слова, ее нельзя перетолковать, нет места догадкам, предположениям, в ней все определено, конкретно, выпукло; то, что очень важно, подчеркнуто одной чертой, что особенно важно — подчеркнуто двойной чертой. В полсотне слов изложена вся сложная задача, операция и организация.

И четыре слова огнем врезаются в мозг («Дело архи-спешное», «Котлас», «скорый»), и, уже несмотря на тысячу дел, которыми и я и С. И. Асланов заняты в бурной и кипучей обстановке, эти слова не вытравляются из мозгов и не дают душевного спокойствия до тех пор, пока не будет уверенности, что все и скоро сделано, и подрывное имущество, и люди, и Соболев прибыли в Котлас...

Украина порабощена немцами. Национальный герой — театральный гетман Скоропадский — только ширма. Идет грабеж украинского народа, расхищается его добро. На Украине кормится и отдыхает усталое немецкое войско, вывозится в Германию хлеб, сахар, сало. Ширма не помогает, восстания по всей Украине, но это только вспышки, еще не дошло до пределов.

«Зверь обожрется и лопнет, — говорит Ильич, — мы должны заниматься агитацией, раз не можем оказать реальной помощи (штыки)».

Но нужна с нашей стороны помощь и моральная. Но этого всего мало.

Назревает на Украине забастовка железнодорожников. Это зарез для кайзера и гетмана. Нужна от нас реальная помощь украинским железнодорожникам. Их успех — наш успех.

Ильич сообщает (словесно):

«Надо вам взять на себя ответственность в принятии от СНК денег официально для нужд округа, но вы передайте их другому лицу для украинских железнодорожников».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 175.

Так и делаем. Штабной казначей привозит деньги, я передаю их в присутствии Л. Д. Троцкого тов. Томскому. Таким образом, не нарушен ни один из параграфов Брестского договора...

*Спутник политработника 1926.
№ 7. С. 19—32; № 15. С. 19—22*

УЧИТЬСЯ У НЕГО

1918 год. В Архангельске произошел белогвардейский переворот. Советская власть свергнута. В 3 часа ночи один из многочисленных телефонных звонков ко мне:

— Слушаю, кто у телефона?

— Это товарищ Муралов?

— Да, Муралов.

— Это я, Ленин. Есть у вас сейчас готовая к действию тяжелая артиллерия?

— Тяжелая артиллерия есть, формирование не закончено, ибо только трое суток назад по приказу РВСР три батареи в полном составе отправлены на Урал, в распоряжение товарища Берзина.

— По какой дороге отправлена артиллерия?

— По Северной — Москва, Ярославль, Буй, Вятка, Пермь, Екатеринбург.

— Где, по вашему мнению, сейчас находится отправленная вами артиллерия?

— Полагаю, что подходит к Вятке.

Продолжительная пауза, а затем:

— Предлагаю вам немедленно эти три батареи тяжелой артиллерии разыскать в пути, вернуть их с Урала и срочно направить под Архангельск в распоряжение товарища Кедрова. Вы отвечаете за это своей головой. В семь часов утра жду от вас личного доклада о выполнении моего приказа. Приедете ко мне в Кремль или, если заняты, сообщите мне по телефону. Все. Есть вопросы?

— Вопросов нет, ваше приказание будет исполнено. Доложу в 7 часов утра. О вашем распоряжении уведомя РВСР. Все.

— Об уведомлении РВСР *дело ваше*. Повторяю, вы отвечаете головой за исполнение.

— Слушаю.

Заработали телефоны, телеграф. Мобилизован для этой цели весь штаб. Лично отправился на телеграф, на Ярославский вокзал (и голову свою жалко, и дело надо спасать!).

К 6^{1/2} часам уже все сделано. Артиллерия уловлена (забыл станцию), эшелоны повернуты на Архангельск. Голова моя спасена (будет ли спасен Архангельск?).

Тысяча распоряжений. Терзают меня все. Попробую не ехать в Кремль, а позвоню по телефону.

Знакомое:

— Allo! (И когда это он спит?) Товарищ Муралов?

— Да, это я, Муралов. Владимир Ильич, артиллерию уловил. Повернута на Архангельск в распоряжение товарища Кедрова. Точность проверил лично, отвечаю головой.

Радостное и веселое:

— Хе, хе... Спасибо! Голова ваша еще понадобится. Только вот что: проверьте еще раз, уведоьте Кедрова и по получении от него ответа сообщите мне.

— Слушаю, Кедрову я послал уже телеграмму.

Этот случай врезался в мою память навсегда. Записанный мною разговор точен, даже построение фраз, может быть, упущены (забыты) некоторые слова.

Так работал Ильич, строго, точно, не щадя никого и ничего ради дела революции. Терпеть не мог волокиты, излишней переписки, формальности. Не доверял словесам, не любил пустых фраз. Был строг. И добродушен, когда нужно. Работал по-революционному.

Будем изучать его, учиться у него. И работать, работать.

Политработник. 1924. № 2—3. С. 9—10

И. С. Кожевников

ТРИ ВСТРЕЧИ С т. ЛЕНИНЫМ

ПЕРВАЯ

1918 год. Питер. Заседает III съезд Советов.

Доклад т. Троцкого о Брестских переговорах. Таврический дворец наполнен до отказа: яблоку негде упасть. Каким-то чудом около меня справа, за президиумом, в первом ряду, свободное место — одно-единственное во всем дворце. К нему быстрыми шагами идет скромный товарищ, на которого, казалось, никто не обращает внимания: не аплодируют, даже не кланяются. Он идет сквозь строй стульев и плотных рядов стоящих на ногах товарищей, но как-то так, что никого из них не задевает, как бы скользит.

Скромный товарищ садится на единственное свободное место рядом со мной.

Мой слух и внимание поглощены Троцким. И тем не менее мое внимание сосредоточивается на скромном товарище, который сел около меня справа.

Какая-то непреодолимая сила заставила меня спросить моего соседа слева:

— Кто этот товарищ? — показываю я на моего соседа справа глазами.

— Товарищ Ленин.— И в тоне голоса моего соседа слева и во всем его движении я уловил такое его состояние, которое должно быть у человека, которого остановят на улице среди бела дня и спросят: — Скажите, пожалуйста, вы не знаете, сейчас день или ночь?

Но мне тогда было не до того, доволен или нет, а также что думает обо мне мой сосед слева.

Я был с Лениным...

— Товарищ Ленин,— говорю я ему, воспользовавшись громом аплодисментов, раздавшихся на речь т. Троцкого,— где и когда я вас могу видеть? Я имею к вам лично поручение товарища Антонова,— добавляю я.

— Завтра в Смольном в 3 часа дня. Ко мне попасть трудно. Вы сделайте так: когда дойдете до барьера, за которым молодой товарищ выдает пропуска, выдайте ему записку и попросите ее мне передать. А в этой записке напишите, что вы тот самый товарищ, который вот здесь со мной разговаривал,— ответил мне т. Ленин и сейчас же исчез.

Это была моя первая встреча с т. Лениным.

ВТОРАЯ

Я — в Смольном, у барьера, наскоро сделанного и еще не окрашенного. Нашел и молодого товарища.

Через одну-две минуты я был уже в кабинете т. Ленина. Маленькая-маленькая комнатка, но очень чистенькая.

Я коротко изложил поручение т. Антонова.

Товарищ Ленин взял блокнот и написал две записки: одну т. Пятакову о выдаче мне для доставки т. Антонову пятидесяти миллионов рублей и вторую — о выдаче мне патронов столько, сколько мне нужно.

Все это сделал т. Ленин, не спрашивая меня ни о том, к какой я партии принадлежу, ни о моем стаже. Он не спросил у меня никаких документов, удостоверяющих мою личность.

Когда мои нужды были удовлетворены, т. Ленин спросил меня, как-то весь приблизившись ко мне, точно в душу ко мне поместился:

— Ну, что говорят про нас на Украине?

Я ответил:

— В общем считают, что вы все делаете правильно, только недовольны, что вы слишком мягко относитесь к нашим врагам. Опасаются, как бы из этого беды не вышло.

Мы расстались.

Я пошел в Государственный банк к т. Пятакову. Потерял два часа, так и не мог попасть в банк. Какой-то товарищ посоветовал разыскать телефон и созвониться с Пятаковым. И тогда стража пропустит.

Мы потратили с т. Прошьяном еще два часа и не могли дозвониться к Пятакову.

Прошьяну пришла счастливая мысль. Он сказал мне:

— Позвоните к Ленину, он, наверное, знает телефон Пятакова...

— Одну минуту, товарищ, сейчас посмотрю,— говорил мне т. Ленин, когда я позвонил к нему по телефону и спросил у него, не знает ли он телефона товарища Пятакова.

В 1918 г. Председатель Совнаркома, вождь мирового пролетариата и глава русской революции вынужден был исполнять в числе всех других своих мировых обязанностей справочной конторы Петроградской телефонной станции!

Как же т. Ленин был нагружен?!

И не тому надо удивляться, что он в 1924 г. умер, а тому, как он, при такой перегрузке, мог прожить столько, сколько он прожил.

На следующий день в Таврическом докладывал т. Ленин. И когда он, полемизируя с Мартовым, по поводу нападок на нас за наши «жестокости», говорил: «Если в чем нас могут упрекнуть, так это в том, что мы недостаточно твердо расправляемся с нашими врагами», — я понял причину опроса Лениным товарищей, приезжающих с мест, о том, как к линии поведения ЦК РКП относятся там.

В Смольном была вторая моя встреча с т. Лениным.

ТРЕТЬЯ

Весна 1919 г. Москва. Я больной, в отпуске, как командарм XIII. Послал записку к т. Ленину с просьбой меня принять. Сажу на всякий случай дома. Вдруг звонок. Подхожу к телефону.

— Вам позволит время приехать ко мне минут через 15? — слышу я голос т. Ленина. И в тоне его я слышу ясно, что спрашивает не по дипломатическим соображениям, а искренне, — готов избрать другое время для приема меня, если мне не позволяет время приехать к нему через 15 минут.

Конечно, я сказал, что буду у него точно через 15 минут.

Но какая скромность, какое уважение другой личности, какое бережное отношение ко времени другого!

Вот я у него в кабинете. Комната была немного больше, чем в Смольном, но тоже мала. В ней было чисто. Все просто.

— Товарищ Кожевников, — встретил меня приветливо т. Ленин. Пошли с ним к карте...

— Как завод Гартмана?

— Как патронный завод? — забрасывал меня вопросами т. Ленин.

Я отвечал на все вопросы т. Ленина, а сам думал: «Какую же голову надо иметь, как добросовестно и много надо работать, чтобы знать в каждом уездном городке необъятной России, какой там завод имеется и в каком он состоянии находится после занятия города красными войсками.

Узнав от меня об обмороках, которые бывают со мною на почве невроза сердца, о моем намерении сейчас же взяться вновь за работу, т. Ленин от товарищеского тона перешел к отцовскому.

Он говорил:

«Если появились обмороки, дело серьезное. Сейчас у нас ничто не горит. Вы дайте мне слово, что поедете в Крым и подлечитесь».

И когда я прощался с ним, он еще раз сказал мне:

— Так смотрите же, отдохните и подлечитесь.

Это была моя третья и последняя встреча с т. Лениным.

**ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(1918—1921 годы)**

В конце 1917 и первой половине 1918 года я находился в оккупированной немецкой армией Латвии на подпольной работе. Группа «Спартак» вела революционную работу среди рабочих и крестьян, а также среди немецких солдат. Издавались газеты, листовки, прокламации на латышском, немецком и русском языках. «Спартак» имел непосредственные связи с отдельными немецкими солдатами, и влияние его среди немецких частей, расположенных в Риге, Курляндии и Лифляндии, было достаточно заметно. Немецкие части разлагались. Особенно это было заметно в начале и весной 1918 года. Из-за этого неоднократно немецкое командование перемещало «зараженные» части, отводило их в далекий тыл (Кенигсберг и т. п.).

Немецкая контрразведка и охранка свирепствовали против спартаковцев. Сотни революционных рабочих были арестованы, особенно после массовой рижской демонстрации рабочих, когда имело место также и братание рабочих с немецкими солдатами. Концентрационные лагеря были переполнены арестованными большевиками. Многие погибли, но революционная работа продолжалась, расширилась и усиливались связи с войсковыми частями.

Латвийские меньшевики открыто и цинично стали на сторону кайзера Вильгельма, они послали его сыну, вместе с представителями буржуазии, верноподданнейшее ходатайство о включении Латвии в сферу влияния Германской империи под видом создания автономной Латвии. Латвийские меньшевики стали «кайзер-социалистами» — они были изгнаны из рядов революционной социал-демократии Латвии.

О работе спартаковцев и о политической обстановке в тылу немецкой армии сообщалось (хотя и нерегулярно, через фронт) Центральному Комитету РСДРП(б) в Петроград. В курсе этой работы безусловно был Ленин.

Это было время борьбы большевиков за мир с Германией, против «революционной» фразы Троцкого и «левых коммунистов», стоявших за «объявление революционной войны», а по существу — за авантюру, которая сорвала бы укрепление Советской власти и диктатуры пролетариата.

Группа с.-д. «Спартак» безоговорочно отстаивала в своих выступлениях точку зрения Ленина. Безусловно, Владимир Ильич знал об этом. Поэтому, когда по постановлению организации я в двадцатых числах июня 1918 года вернулся в Советскую страну нелегально, вместе с пленными и беженцами, Владимир Ильич телеграммой предложил мне немедленно выехать в Москву и зайти к нему.

Десять лет я не видел Владимира Ильича — с «финляндского периода» работы ЦК РСДРП (1907 год). Владимир Ильич внешне мало изменился. Те же острые, пронизывающие и вопрошающие

глаза; в их блеске чувствуется вопрос и настороженное и предупреждающее прислушивание. Его глаза как будто говорят: говори правду, только правду и только то, что хорошо тебе лично известно и тобою проверено.

Бодро улыбаясь, Владимир Ильич поднялся мне навстречу, крепко пожал руку.

«Герман, как вы помолодели за эти десять лет».

Значит, Владимир Ильич вспомнил меня. Было хорошо, приятно. Ведь прошло десять лет подпольной работы, арестов, этапов, ссылки. Нарым, бегство, февральские дни, работа на фронте в XII армии, борьба с керенщиной, снова подпольная работа...

Каково положение на фронте, у немцев? Настроение солдат? Что делают большевики? — вот основные вопросы, которые интересовали Владимира Ильича.

Я кратко обрисовал положение: немцы лихорадят, командование не доверяет солдатам, плохо со снабжением; солдаты чрезвычайно недовольны, но дисциплина еще достаточно крепка, командование все еще имеет власть над армией, может двинуть ее и против нас; не исключена возможность для немцев дойти до Москвы. Немецкие с.-д. ведут агитацию под лозунгом: сперва победа, потом революция; так говорят еще и солдаты. Латышские большевики работают много, организация небольшая, но крепкая, хорошо сколоченная...

Информация, видимо, удовлетворила Владимира Ильича.

«Вам надо выступить на съезде Советов,— тут же заявил Владимир Ильич,— левые эсеры, да и некоторые «левые коммунисты» настроены на авантюру. Вы в курсе этих настроений?» И Владимир Ильич дал мне ряд указаний к выступлению на съезде. Я изложил свою речь в кратком конспекте. Она была сказана 4 июля...¹

Обстановка на съезде с каждым выступлением становилась все более и более напряженной. Случайный взрыв (вечером 5 июля) ручной гранаты на одном из ярусов Большого театра вызвал некоторую панику. Абсолютное спокойствие Я. М. Свердлова, председательствовавшего в тот момент, и выдержка остальных большевиков быстро успокоили съезд. Заседание продолжалось без малейшего перерыва.

Во время моего выступления Владимира Ильича на съезде не было, но на другой день, при встрече в Кремле, он отозвался о нем одобрительно, что показывало, что он ознакомился со стенограммой моей речи и отзывами. Особенно второй отзыв о моем слове, помещенный в «Правде» (6 июля 1918 года), совпадает с тем, что сказал о моем выступлении Ильич...

А события на съезде Советов и в Москве развивались. Левые эсеры решились на авантюру, чтобы провокацией вызвать военные столкновения Советской страны с Германией, что, безусловно, поставило бы под удар саму Советскую власть и завоевания русских рабочих...

При голосовании большевистской резолюции против авантю-

¹ См.: Отчет о V Всероссийском съезде Советов. Правда. 1918. 5 июля.

ристов и провокации войны левые эсеры демонстративно оставили заседание. Остались большевики и небольшая группа примыкающих к ним (контрреволюционные правые эсеры и меньшевики к этому времени уже были удалены из Советов).

5 июля выступил Владимир Ильич с докладом о деятельности и политике Совета Народных Комиссаров. Доклад резко и заостренно был направлен против левых эсеров, поведение которых становилось явно антисоветским, то есть контрреволюционным.

Владимир Ильич заявил:

«Когда нам здесь говорят о бое против большевиков, как предыдущий оратор говорил о ссоре с большевиками, я отвечу: нет, товарищи, это не ссора, это действительный бесповоротный разрыв, разрыв между теми, которые тяжесть положения переносят, говоря народу правду, но не позволяя опьянять себя выкриками, и теми, кто себя этими выкриками опьяняет и невольно выполняет чужую работу, работу провокаторов»¹.

И провокаторы — левые эсеры, предатели и изменники — уже на другой день выполнили эту «чужую работу», совершенно сознательно порываясь вовлечь молодую трудовую республику в войну с германским империализмом.

6 июля, около 14 часов, по поручению Центрального комитета левых эсеров его представитель Блюмкин бросил бомбу в германское посольство и убил посла графа Мирбаха.

Это было сделано также по прямому поручению левого эсера Александровича, товарища председателя комиссии по борьбе с контрреволюцией. В то же время левый эсер Попов, начальник отряда комиссии по борьбе с контрреволюцией, приводил в боевую готовность отряд, натравливая его против Советского правительства. Более подлого предательства и провокации нельзя было и представить. Левые эсеры не останавливались ни перед чем, чтобы только вызвать новую войну и подставить под прямой удар империалистических войск неокрепшую республику труда и всю пролетарскую революцию.

Сейчас же после убийства Мирбаха мятежной батареей был дан выстрел по Кремлю. Удар пришелся по Благовещенскому собору. Но левые эсеры, очевидно, боялись продолжать обстрел рабочекрестьянского правительства. У авантюристов, оторванных от масс, не хватило решительности перейти немедленно в наступление.

Выстрел по Кремлю сигнализировал начало восстания левых эсеров (6 июля около 15 часов).

Уже до этого было дано секретное указание делегатам съезда, членам РКП(б), оставить помещение съезда (Большой театр) и направиться в рабочие районы, на предприятия и пр. для организации рабочих масс против контрреволюционного мятежа левых эсеров...

Партия большевиков быстро организовала подавление восстания. И непосредственно во главе организации и руководства рабочих

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 497.

дружин и красноармейских частей стал Владимир Ильич. Он подсчитывал силы, следил за мятежниками, давал оперативные указания штабу и руководителям пролетарских сил.

К вечеру 6 июля Владимир Ильич вызвал меня к себе. Вопросов было немного, разговор длился несколько минут.

«Каково настроение латышских стрелков? Они вас знают. Вы работали в латышских частях. Надо ввести в город латышские части, находящиеся за городом (на Ходынском поле)».

Я ответил, что начиная с августа 1917 года почти не виделся с латышскими стрелками, но полагаю, что они по первому призыву Совнаркома поднимутся против мятежников. При этом я высказал мысль, что было бы полезно, если бы Владимир Ильич хоть на несколько минут принял и сказал несколько слов командному составу Латышского полка, расположенного в Кремле...

После секундного колебания (видимо, не до разговоров было, время было дорого, шли также недобрые слухи о части командиров латышских стрелков) Владимир Ильич согласился. Поздно ночью несколько человек из командного состава латышских стрелков вместе со мной явились в приемную Председателя Совнаркома. Недолго пришлось ждать. Вышел Владимир Ильич. Лицо усталое, серое от утомления. Но он быстро подошел к группе военных. Поздоровался. Сказал немного: о провокаторах войны, о восставших контрреволюционерах, предателях, которых следует быстро и беспощадно уничтожить, чтобы спасти страну от новых военных потрясений. Командиры ответили согласием. Беседа кончилась. Владимир Ильич быстро повернулся и ушел в другую комнату: предстояла еще большая и нервная ночная работа...

Мятежный отряд Попова к 9 часам вечера 6 июля был сосредоточен в районе Трехсвятительского переулка. В его распоряжении было около 2 тысяч пехотинцев, 4—8 орудий, 60 пулеметов, бомбометы и ручные гранаты.

В ночь на 7 июля советские части железным кольцом охватили этот район (храм Христа Спасителя, Арбатская пл., Кремль, Страстная пл., Советская пл., затем Лубянская пл.). Латышские стрелковые части перешли в распоряжение Московского городского военкомата (военные комиссары тов. Берзин, Пече); временно по ВЧК тов. Дзержинского заменял тов. Петерс. Штабом руководил Муралов, всеми операциями — Подвойский (начальник войск гарнизона) и начальник Латышской стрелковой дивизии Вацетис.

Электрическую станцию отстояла рота 9-го Латышского стрелкового полка.

Рано на рассвете, в 5—6 часов, 7 июля начался артиллерийский обстрел штаба левых эсеров. Судьба безумного мятежа была решена. К 11 часам эсеры были отовсюду загнаны в Трехсвятительский переулок. В 12 часов начинается паника в штабе мятежников. Они отступают на Курский вокзал по Дегтярному переулку, а также на Сокольники.

В 13 часов 7 июля Владимир Ильич дает телефонограмму районным Совдепам Москвы: «...выслать как можно больше вооруженных

отрядов, хотя бы частично рабочих, чтобы ловить разбегающихся мятежников.

Обратить особое внимание на район Курского вокзала, а затем на все прочие вокзалы. Настоятельная просьба организовать как можно больше отрядов, чтобы не пропустить ни одного из бегущих.

Арестованных не выпускать без тройной проверки и полного удостоверения непричастности к мятежу»¹.

В 13 часов 30 минут 7 июля уже выяснилось, что левые эсеры бегут. И в тот же день Председатель Совнаркома тов. Ленин дает телефонограмму всем волостным, деревенским и уездным Совдепам Московской губернии:

«Разбитые банды восставших против Советской власти левых эсеров разбегаются по окрестностям. Убегают вожди всей этой авантюры. Принять все меры к поимке и задержанию дерзнувших восстать против Советской власти. Задерживать все автомобили. Везде опустить шлагбаумы на шоссе. Возле них сосредоточить вооруженные отряды местных рабочих и крестьян. Есть сведения, что один броневик, который был у восставших, бежал за город. Принять все меры к задержанию этого броневика»².

И уже в 16 часов 7 июля дается последнее (третье) правительственное сообщение об окончательной ликвидации мятежа, о разгроме левых эсеров³.

Уже после подавления мятежа, на собрании фракции большевиков V съезда (М. Дмитровка, 6) в 18 часов 7 июля я докладывал о поведении латышских стрелков.

«Не как представитель пролетариата Латвии я выступаю теперь, а как представитель латышских стрелков...

Вчера у латышей был Иванов день, праздник. Мы думали, что латыши будут заняты празднеством и будут неохотно выступать по приказу Совнаркома. Но вышло наоборот: всякий хотел быть в Москве, поднялся спор, никто не хотел остаться, а все хотели защищать революцию».

Фракция большевиков выразила свое одобрение революционной бдительности латышских стрелков нескончаемыми аплодисментами и криками: «Да здравствует революционная Латвия»⁴.

Латышские стрелки вместе с другими войсковыми частями рвались в бой, никто не хотел ждать, инициатива всецело была на стороне наших войск. Левые эсеры были быстро смяты.

8 июля продолжается ловля рассеявшихся банд. В этот же день расстрелян один из предателей — левый эсер Александрович.

Все эти ночи и дни, пока шла борьба, вместе с московским пролетариатом бодрствовал и Владимир Ильич. Из штаба Муралова, из штаба Латышской дивизии на его частные запросы все время давались пояснения о продвижении наших частей и подготовке

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 114—115.

² Там же. С. 115.

³ См.: Правда. 1918. 8 июля.

⁴ Известия ВЦИК. 1918. 8 июля.

решительного удара по мятежной банде. Голос Владимира Ильича по телефону звучал решительным приказом ускорить операции. Он был недоволен слишком «военспецовской» стратегией и тактикой и требовал быстроты, решительности и беспощадности. Ленин требовал артиллерийского огня по предателям и провокаторам (особенно после того, как узнал об аресте Дзержинского).

Мы не знали тогда, что Владимир Ильич с группой ближайших друзей ночью сам обходил военные посты по Кремлевской стене и всматривался и прислушивался к тому, что делается в городе.

Владимир Ильич руководил подавлением мятежа и определял тактику наступления и уничтожения врага пролетарского государства. Он подсчитывал наши силы и силы противника. Учитывал его беззубую и пугливую тактику (неактивность левых эсеров). Давал лично распоряжения, телефонограммы горсоветам, сельсоветам, штабу. Владимир Ильич в конечном итоге санкционировал метод ликвидации мятежников (короткий беспощадный артиллерийский огонь по штабу противника).

Это и было осуществлено.

Ленин давал также самые конкретные указания относительно ликвидации бегущих в панике левых эсеров.

В июльские дни 1918 года я впервые видел Ленина непосредственным руководителем вооруженной борьбы пролетариата. И это руководство соединяло в себе все элементы, необходимые для успеха: удивительную быстроту ориентации в обстановке, точность указаний, как действовать, учет сил, средств и характера действий противника. И вместе с этим им не упускалась ни одна деталь, которая могла бы оказать влияние на исход операций (направление удара, характер боя, подбор людей, подбадривание беседой, подготовка к предотвращению возможности бегства противника, мобилизация масс рабочих и крестьян и пр.).

Безусловно, Владимир Ильич весьма остро воспринял гнусное предательство левых эсеров, их удар в спину рабочему государству. Но внешне Ленин был спокоен. Только по крайней бледности лица, особому грозному блеску глаз, угловатым быстрым движениям, когда он задавал вопросы и особенно когда получал не удовлетворяющие его ответы, можно было судить о том внутреннем горении, которое переживал Владимир Ильич. Он знал, что провокаторы поставили под ужаснейший удар военного наступления молодое пролетарское государство и миллионные массы рабочих. И он был до крайности разгневан. Он был беспощаден. Ибо интересы пролетарской революции ставились на карту группкой зарвавшихся авантюристов, притом из партии, допущенной к власти. Это было предательство самого подлого пошиба. Уничтожить предателей и мятежников — такова была сущность всех письменных и устных указаний Владимира Ильича в июльские дни 1918 года.

После июльских дней 1918 года мне было совершенно ясно, что Ленин является центром руководства всеми нашими операциями на фронтах; он мобилизовал рабочие массы, расставлял людей по фронтам, давал исчерпывающие указания командованию относи-

тельно ближайших и более отдаленных задач того или другого фронта.

Вскоре после левозэсеровского мятежа Владимир Ильич вызвал меня к себе и задал вопрос о моей дальнейшей работе. При этом, в форме вопроса, было выдвинуто предложение перейти на работу в редакцию «Правды». Это совершенно не соответствовало моим тогдашним настроениям. Я считал, что всеми средствами в первую очередь надо покончить с фронтами, создать крепкую, боеспособную рабочую Красную Армию, так как было ясно, что белогвардейский и империалистский поход на нас в ближайшее же время расширится и усилится. Об этом говорили контрреволюционные группировки генералов на юге, десанты англичан на севере (Архангельск, Мурманск), предательство Муравьева и т. д.

Июльский мятеж левых эсеров в Москве не являлся единичным, изолированным контрреволюционным событием того времени. Левые эсеры стремились поднять восстание повсюду. Их контрреволюционные выступления совпадали по времени с активизацией интервенционистских намерений Антанты, что превращало левых эсеров в буквальном смысле слова в прямых агентов империалистов в борьбе против рабоче-крестьянской республики, против пролетарской революции.

В ночь на 10 июля началось восстание в Ярославле. В то же время англичане заняли Кемь, Сороку и двинулись на Мурманск.

Была сделана также попытка поднять мятеж в Нижегородской губернии — в Арзамасе, Муроме.

12 июля Ленин по радио сообщает ¹ «всем, всем, всем», что «бывший главнокомандующий войск, действующих против чехословаков, левый эсер Муравьев подкуплен англо-французскими империалистами. Муравьев сбежал из штаба Революционного военного совета в Симбирск», что Муравьев распорядился повернуть войска «против немцев» (а в действительности — на Вятку, Саратов, Пензу, Москву).

Ленин приказывает: «...всякие призывы к наступлению на немецком фронте являются провокацией и должны караться расстрелом на месте. Муравьев объявлен вне закона, расстрелять на месте...» ²

В тот же день Муравьев был обнаружен и расстрелян.

Германские империалисты также хотели воспользоваться мятежом левых эсеров, и 14 июля, в 11 часов утра, они чуть ли не ультимативно «просили» допустить для охраны своего посольства в Москве батальон германских солдат. Ленин самым решительным образом отказал зарвавшимся империалистам. Было дано ясно понять, что скорее Советы пойдут на вооруженную борьбу, чем допустят в Москву военные части империалистов. Война чувствовалась в воздухе. 15 июля на первом заседании нового ЦИК был принят ответ Владимира Ильича Германии ³. Только революционная решительность ответа предотвратила войну.

¹ Радиogramму В. И. Ленин подписал 11 июля 1918 г.

² См.: Известия ВЦИК. 1918. 12 июля.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 523—526.

Уже при возвращении в РСФСР я для себя решил перейти на военную работу и об этом моем желании сказал Владимиру Ильичу. Он немедленно согласился, отметив мимоходом мои связи с Латышской стрелковой дивизией. У меня создалось впечатление, что предложение перейти на работу в «Правду» было лишь поводом заставить меня самого высказаться о своей дальнейшей работе. Вскоре (10 июля) я был назначен одним из комиссаров Латышской стрелковой дивизии. Уже 11 июля за нашими подписями (начальника Латышской стрелковой советской дивизии — Вацетиса, комиссаров — Петерсона, Данишевского, Дозит, председателя Искола-стрела¹ Зариня) выпускается воззвание к латышским стрелкам с призывом быть начеку в борьбе против контрреволюции и интервенции.

Вначале я поехал на боевой участок Инза — Рузаевка (Пенза). Там нехорошо вел себя один из латышских стрелковых полков, кажется четвертый. Устроился он в вагонах, жил по-туристски, в теплушках, расположившись на пружинных матрацах, и при первых выстрелах противника (чехословаков), отстреливаясь, откатывался на 40—100 километров. Владимиром Ильичем и тов. Свердловым было дано мне задание высадить полк из поезда. Немедленно я направился на свой первый фронт гражданской войны. От Воронежа я ехал в своем «экстренном правительственном поезде», состоявшем из маленького паровоза и товарного вагона. На остановках вагон набивался местными крестьянами.

Задание Владимира Ильича мне удалось выполнить: на собрании полка было предложено поезду отойти в тыл. Вначале стрелки были чрезвычайно обозлены, но ненадолго. Это все же были боевые ребята, бойцы революции. Инцидент был исчерпан. Полк занял свой боевой участок.

12 июля Вацетис был назначен главнокомандующим Восточным (чехословацким) фронтом, а я членом Реввоенсовета фронта. Назначение исходило непосредственно и лично от Владимира Ильича. Лично Владимир Ильич вел по этому вопросу переговоры с Петерсоном (комиссаром Латышской дивизии, старым партийным товарищем, работником дивизии в предоктябрьские и октябрьские дни). Владимир Ильич считал полезным для дела, если рядом с начальником Латышской дивизии Вацетисом во главе самого серьезного тогда фронта будет военный комиссар — ответственный работник Латышской дивизии, так как в силу создавшегося положения особо ответственные задачи возлагались на латышские стрелковые полки. Почти все они перебрасывались к Волге, к Казани. Мое назначение в основном именно этим и было обосновано Владимиром Ильичем.

Было условлено, что по решающим вопросам мы будем обращаться лично к нему. И уже 1 августа 1918 года Владимир Ильич пишет нам, членам Реввоенсовета Восточного фронта (Кобозеву, Данишевскому, Мехоношину и Раскольникову):

¹ Исполнительный комитет объединенного Совета латышских стрелковых полков. *Ред.*

² 11 июля. *Ред.*

«Товарищи!

Пользуюсь оказией, чтобы черкнуть несколько слов.

Достаточно ли энергично работают военные руководители и Вацетис? Хорош ли контроль комиссаров за ними?

Какие отзывы о Блохине? Правда ли, что он превосходит? Если да, достаточно ли ему дают ходу?

Я, конечно, сужу со стороны и легко могу ошибаться. Но боюсь, не душат ли «штабы» живую работу внизу, массовую? Достаточно ли связи в военном деле с массами бедноты?

Делается ли все для *ее* подъема и привлечения?

Сейчас вся судьба революции стоит на *о д н о й* карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань — Урал — Самара.

Все зависит от этого.

Достаточно ли энергично командование? Достаточно ли энергично наступление?

Прошу мне ответить хоть несколькими словами и по телеграфу и оказиями.

Привет! *Ленин*»¹

Реввоенсовет Восточного фронта непосредственно обращался к Владимиру Ильичу с сообщениями о положении на фронте, с указанием на необходимость ускорения посылки подкрепления, с просьбами назначить расследование, почему так медленно идет помощь. Владимир Ильич зорко следил за положением на Восточном фронте. Без замедления мы получали точные ответы на все наши запросы относительно пополнений, снабжения, снаряжения, политработы. Об этом свидетельствуют и краткие, к сожалению чрезвычайно скупые, протоколы Совета Обороны.

Владимир Ильич в личных письмах к нам, политработникам фронта, требует почаще его информировать о положении фронта, об отдельных командирах и пр. и дает указания, как надо действовать.

Всякая медлительность и нерешительность его возмущают, он требует действий решительных и быстрых для ликвидации чехословацких банд, которые становятся организатором контрреволюции на востоке, мобилизующим против молодой Советской республики, против пролетарской революции силы враждебных классов.

Однако мы не сумели осуществить указаний Владимира Ильича, не сумели быстро организовать крепкий, боеспособный красный фронт, не сумели поднять против чехословаков пролетариат Поволжья, и в первую очередь Казани. Дезорганизацию, внесенную в ряды Красной Армии предательством левого эсера Муравьева, нам не удалось своевременно ликвидировать, несмотря на ряд жестких репрессивных мероприятий против дезертиров, трусов, анархистов и против сомнительной революционности некоторых партизанских отрядов.

Владимир Ильич лично занимался укреплением Восточного фронта. 29 июля 1918 года социалистическое Отечество объявлено

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 133.

в опасности¹. Все время Владимир Ильич торопит Высший военный революционный совет оказать помощь Восточному фронту. Еще 10 августа он дает прямое распоряжение о переброске на Восточный фронт с Западного наибольшего числа частей. Железным дорогам дается предписание немедленно пропускать уже идущие на фронт части.

Но было уже поздно. Казань пала 6 августа, о чем сообщается особой телеграммой Ленину.

6 августа, поздно вечером (около 9 часов), я с тов. Раскольниковым и с присоединившимся к нам за городом отрядом ВЧК направился в Царевококшайск, где мы организовали первую (недостаточно устойчивую) оборону. Сами мы направились через Кухаркино, Котельничи в Вятку, а оттуда поездом в Москву (Раскольников направился в Ярославль и Нижний Новгород, чтобы собрать боевую волжскую флотилию, организовать оборону Нижнего Новгорода).

В Москве я явился к Владимиру Ильичу для доклада о положении на Восточном фронте. Он был недоволен. К людям, потерпевшим поражение, Владимир Ильич относился настороженно и сдержанно. Он выяснял, какова доля вины в поражении самого потерпевшего поражение, какие допущены ошибки, сделано ли все для предотвращения поражения. Он хотел знать все мельчайшие подробности падения Казани и обстановки падения; что было сделано нами, чтобы предотвратить падение; каково настроение татарских деревень, рабочих Казани и т. д. и пр. Были заданы вопросы о новых рабочих пополнениях, о том, чем объяснить опоздание их прибытия к Казани, достаточно ли помогал фронту Комиссариат по военным делам, лично Троцкий и т. д.

Я рассказал, что партийная работа по заводам Казани не была налажена, что связь фронта с местными партийными организациями недостаточно крепка, что поэтому рабочих не удалось поднять на защиту Казани. Рассказал о белогвардейском восстании в Казани, которое, несмотря на всю энергичную работу тов. Лациса, мы не могли предотвратить; говорил и о том, что при нашем отступлении через татарские деревни кулачество активно выступало против красных частей; арестовывало одиночек-красноармейцев и небольшие группки их; указал, что татарская деревня под влиянием кулачества держится в лучшем случае нейтрально, но что марийские деревни — с нами и помогают нашим частям; что некоторые части (конный отряд Трофимова, так называемый интернациональный отряд — сербы и др.) вели себя предательски и даже повернули оружие против нас; в штабе было предательство, на фронте — трусость, дезертирство. Крепко держались лишь некоторые красноармейские части, рабочие отряды и латышские стрелки. Заявил, что жестокими мерами приходится бороться с трусами и дезертирами, приходится выставлять против них даже пулеметы...

¹ 29 июля 1918 года Объединенным заседанием ВЦИК, Московского Совета и фабрично-заводских комитетов и профсоюзов Москвы принята резолюция о признании социалистического Отечества в опасности и об усилении революционной бдительности (Правда. 1918. 30 июля). *Ред.*

Владимир Ильич слушал внимательно, изредка прерывал вопросом, выясняющим какую-нибудь подробность или какой-нибудь его интересующий, но им открыто не задаваемый вопрос. Он прислушивался к рассказу, направляя его своими вопросами в сторону ему желательную, его интересующую, для выяснения тех вопросов, которые ему необходимы для установления его дальнейших планов и действий.

При рассказе о трусах и дезертирах Владимир Ильич вплотную приблизился ко мне и, смотря на меня в упор с жестким, не допускающим возражений блеском глаз, немного прищурившись, сдавленным голосом сказал:

«Правильно... если необходимо, то расстрелять, чтобы видели трусы и дезертиры!»

Этим Владимир Ильич давал указания, что военную дисциплину надо создать во что бы то ни стало; что только при этих условиях мы победим; что нам нужна крепкая, железной дисциплиной спаянная Красная Армия; что керенщина, «комитетчина» должна быть изгнана из нашей армии, что деморализация, частично переданная нашей Красной Армии в первый ее период демобилизационной кутерьмой прежней армии, должна быть жесткими мерами изгнана из красных частей...

Из Москвы я немедленно выехал в Арзамас, куда после падения Казани переехал штаб Восточного фронта.

Не помню, в какой из моих приездов в Москву из Арзамаса и свиданий с Владимиром Ильичем зашел разговор о Троцком и о его роли на фронте. Я передавал общее недовольство фронтовых политработников партизанскими наскоками поездов Троцкого на тот или другой боевой участок. Недовольно было и командование, ибо часто при проездах и во время пребывания поездов Троцкого на фронте создавалось двоевластие, путались действия, планы, потому что Троцкий часто о своих распоряжениях и действиях не ставил в известность ни командование, ни Реввоенсовет. Особенно это было отмечено под Свияжском. Пребывание Троцкого на этом фронтовом участке буквально внесло дезорганизацию в руководстве операциями. Иногда приходилось выделять специальные части, чтобы защитить Троцкого или выручить его (как это имело место, когда белогвардейцы прорвались к Казанской железной дороге и заперли поезд Троцкого). При этом Троцкий пытался и непосредственно командовать. Все это вносило путаницу на фронте, нервировало и политработников, и командование. Я передал об этом Владимиру Ильичу и высказался за отзыв Троцкого с этого участка.

И вот Владимир Ильич, выслушав меня, сказал:

— Троцкий — крупный человек, энергичный, им очень много сделано для привлечения старого офицерства в Красную Армию, Троцким много сделано для организации Красной Армии. Но он не наш, ему нельзя вполне доверять: что он может сделать завтра — не скажешь. Надо внимательно за ним смотреть. Не будем его пока отзывать. Приедете, узнаете, посмотрите и подробно сообщите.

Тогда решим. Может быть, для подобной переписки установить специальный шифр. Пишите мне лично...

На меня эти слова Владимира Ильича действовали чрезвычайно сильно. Я был смущен этой оценкой Троцкого, так как знал, что официально Владимир Ильич часто лично подкреплял авторитет Троцкого, говорил о его заслугах и т. д.

Сущность, даже общий тон выражений Владимира Ильича я передаю точно.

И началась своеобразная переписка с Владимиром Ильичем о положении на фронте, о недостатках, болячках фронта. Я писал Петерсону (комиссару Латышской дивизии, старому большевику, теперь уже покойному) часто по-латышски; он передавал письма (прямо или в переводе) Владимиру Ильичу.

Владимир Ильич внимательно следил за всем тем, что происходило на фронте. На каждое более или менее заслуживающее внимания явление или деловую просьбу он быстро реагировал своим личным распоряжением или ставил вопрос на обсуждение в Совете Обороны.

Петерсон по этому поводу писал мне (к сожалению, не все письма сохранились):

«31 августа 1918 г. В своем последнем письме ты говоришь, что нелегко там, у вас. Нелегко также и здесь. У вас там — предательство, трусость, однако *все же какой-то фронт*. У нас здесь — преследование из-за угла, низость, гадость. Третьего дня — попытка покончить с Зиновьевым; вчера утром убийство Урицкого, вечером — нападение на Владимира Ильича. Подробности прочтешь в газетах. О ранении узнал поздно вечером. Дал распоряжение здесь оставшимся стрелкам быть готовыми на случай, если негодия попытаются организовать восстание. Конечно, ничего подобного не случилось; наши противники слишком слабы, чтобы начать здесь открытую борьбу. Мы утопили бы их в крови.

Сегодня в час дня Ильич лежа читал газеты, и пока все еще есть надежда, что он выздоровеет...

Твое последнее письмо не успел передать Ильичу. Я должен был встретиться с ним сегодня, но... Предыдущее письмо он просил меня перевести и перевод передать ему. Так и сделал. Он очень внимательно несколько раз прочел, также вместе со Свердловым: кое-что в связи с твоим письмом уже сделано. Сегодня вечером содержание твоего последнего письма передам Свердлову.

На террор ответим подобающе. Чтобы только Ильич выздоровел! Не могу даже в мыслях допустить, что это не случится».

9 сентября. «...Сообщи о положении на фронте, информируй о всех недостатках, которые можно было бы устранить отсюда. Что смогу, сделаю... Мне кажется, что Троцкого вам следует удержать в Арзамасе и убедить его, что его самостоятельные действия могут только вредить. Свердлов вполне согласен, что Троцкого следовало бы оттуда отозвать, но в данный момент положение таково, что этого делать нельзя, ибо этим было бы задето его великое самолюбие, и все это могло бы кончиться скандалом.

Ильич чувствует себя совсем хорошо и хочет через неделю уже встать, хотя врачи хотят его еще удержать в постели несколько недель».

18 сентября 1918 г. «Ильич уже встал, и скоро начну его снова регулярно посещать. Тогда все пойдет лучше. Попытаюсь убедить, чтобы Троцкого с фронта отозвали».

А на Казанском фронте становилось все напряженнее. Нервничал и делал глупости Троцкий. Владимир Ильич несколько раз обращается к Троцкому с резкими телеграммами-распоряжениями.

30 августа Владимир Ильич телеграфирует Троцкому о том, что надо принять особые меры против высшего командного состава, возможно, отдать под суд и даже расстрелять. Владимир Ильич удивлен и встревожен замедлением операций против Казани и указывает, что нельзя жалеть город.

7 сентября Владимир Ильич телеграфирует: «Уверен, что подавление казанских чехов и белогвардейцев, а равно поддерживавших их кулаков-кровопийцев будет образцово-беспощадное»¹.

Пребывание Троцкого на свияжском участке подчас становилось буквально нетерпимым: он и «командовал» и делал «вылазки», был в окружении и притягивал к себе удары белогвардейцев, которым, конечно, было бы чрезвычайно лестно захватить в плен народного комиссара по военным делам. Как было условлено с Владимиром Ильичем, я дал ему телеграмму с описанием положения на свияжском участке и просил вызвать Троцкого в Москву. Копию этой телеграммы я направил Троцкому. Не знаю, под каким предлогом Троцкому было предложено выехать в Москву. Но факт тот, что через несколько дней Троцкий ночью подъехал к Арзамасу. Мне было предложено немедленно явиться в его вагон. Приехал. Троцкий был буквально взбешен. Говорил в повышенном тоне:

«Вы подчинены мне и не имели права через мою голову направлять телеграммы правительству» и т. д. и т. п. в этом духе. Я ответил, что назначен членом Реввоенсовета тем же органом, что и он, что считаю своим партийным долгом информировать правительство и ЦК партии о всем том, о чем партия и правительство, по моему мнению, должны знать, чтобы успешно руководить военными операциями. Разговор все время велся в резких тонах. Это была моя первая стычка с Троцким на деловой почве. Троцкий не терпел никакой критики (теперь сказали бы — самокритики), его болезненно обостренное самолюбие не допускало никаких замечаний и требовало слепого согласия со всем, что он говорил, и со всем, что он делал. А может быть, Троцкий сам чувствовал, что за внешней поддержкой его авторитета скрывается настороженное внимание, не прошедшее политическое недоверие к нему со стороны Владимира Ильича, которое так отчетливо выявилося в словах Владимира Ильича о Троцком перед второй поездкой моей на Восточный фронт. Троцкий прекрасно знал о великолепном искусстве Владимира Ильича расставлять людей, использовать их именно там, где они мо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 178.

гут принести наибольшую пользу, использовать до конца в интересах партии и революции каждого по его способностям и характеру, и даже тех, кому он не на сто процентов политически доверял. Он только к ним особенно пристально присматривался. Был всегда настороже. Таково было отношение Владимира Ильича и к Троцкому.

Но Троцкий знал, что Владимир Ильич не остановится перед жесточайшим ударом по партийцу, если окажется, что доверие, которое ему оказано, он не оправдывает и злоупотребляет им. Отсюда настороженность Троцкого, мнительность, раздражительность в случаях малейшей критики его действий, предложений, высказываний. Троцкий знал и то, что хотя Владимир Ильич и не забывает ошибок товарищей, но их прошлые ошибки не ухудшают его отношения к тем, кто осознал свои ошибки и работу в настоящем ведет правильно, с большевистской выдержкой и настойчивостью, по-партийному.

Об этом мне Троцкий лично говорил в 1921 году после дискуссии по вопросу о задачах и организации профессиональных союзов. В этом вопросе я, как и вся компартия Латвии, начиная с 1919 года, стоял на неправильной точке зрения «огосударствления» профсоюзов. Я задал вопрос Троцкому о возможном изменении личных отношений ко мне Владимира Ильича. Но Троцкий, не задумываясь, немедленно ответил: «Этого не будет. Никогда Владимир Ильич не перенесет на личные отношения и оценку того или другого члена партии раздражение, возникшее в связи с дискуссией, если после дискуссии член партии действительно осознает ошибку, подчинится решениям партии и продолжит работу по-большевистски». Это было верно. Мы это видели неоднократно. Но у Троцкого было столько приходов и отходов от партии, столько больших и малых разногласий с большевизмом, в связи с чем к нему не могло не быть недоверия со стороны старых большевиков, что внешне хорошее отношение к нему Владимира Ильича, внешняя, официальная поддержка его авторитета правительством, ЦК партии и лично Владимиром Ильичем не могла его успокоить. В партии большевиков он чувствовал себя *не* в своей партии, *не* среди своих. Поэтому моя телеграмма Владимиру Ильичу Троцкого чрезвычайно раздражила, как и все прочие такого же характера устные заявления, телеграммы и письма старых большевиков Владимиру Ильичу о Троцком на фронте.

В конце 1918 года (октябрь — ноябрь) штаб из Арзамаса переехал в Серпухов. Было создано главное командование всеми вооруженными силами РСФСР. Штаб стал ближе к Совету Обороны. Я часто, иногда буквально ежедневно получал те или другие указания по телефону непосредственно (или через секретаря) от Владимира Ильича или тов. Свердлова. Основные стратегические задания фронтам разрабатывались ЦК партии при непосредственном участии Владимира Ильича. Помощь фронту организовал Совет Рабоче-Крестьянской Обороны также при самом активном и буквально непосредственном участии Владимира Ильича.

Характерно отношение Владимира Ильича к нашей (Вацетиса, Данишевского и Аралова) телеграмме от 7 декабря 1918 года о

сформировании десяти дивизий, о продовольствии, вооружении, одежде, квартирах, политическом воспитании и пр.

Уже 8 декабря эта телеграмма рассматривается в Совете Рабоче-Крестьянской Обороны. А потом Владимир Ильич возвращается к этим же вопросам на заседании Совета Обороны 11 и 15 декабря. Он проверяет, что сделано, все ли необходимое для формирования дивизий дано, на слово не верит, проверяет перекрестно и разными путями.

* * *

В конце 1918 года, после революции в Германии, началось энергичное революционное движение в Латвии. Было создано Советское правительство, и мне было предложено занять место заместителя председателя Совета Народных Комиссаров Советской Социалистической Латвии.

В конце декабря группа работников во главе с тов. Стучкой направилась в Латвию.

Владимир Ильич с чрезвычайным вниманием следил за событиями на этом новом, Западном фронте. Лично я в непосредственные сношения с Владимиром Ильичем по вопросам Советской Латвии не вступал. Связь поддерживал Стучка. На VIII съезде РКП(б) он был выбран членом ЦК РКП(б). Я должен был его заменять и был избран кандидатом в члены ЦК РКП(б). Во время всей трагической борьбы пролетариата Латвии против мировой и своей национальной контрреволюции я почти не выезжал за пределы фронта.

Только в июле 1919 года я выступил перед ЦК РКП(б) с докладом о положении на фронте и резкой критикой главного командования. Это совпало с критикой его и со стороны большевиков других фронтов, причем эта критика круто и заостренно была направлена также против Троцкого (относительно которого на Западном фронте циркулировал слух о сказанной им будто бы фразе: «Латвийский фронт теперь и выведенного яйца не стоит, поэтому помощь ему не оказывать»). В это же время я получил извещение о назначении меня на Восточный фронт членом Реввоенсовета II армии. Приехал в Москву, но здесь по предложению ЦК партии задержался. В ЦК РКП(б) в это время был резко поставлен вопрос о смене главного командования.

Для ознакомления с положением в штабе Реввоенсовета Республики была направлена в Серпухов 5 и 6 июля 1919 года особая комиссия ЦК РКП(б). В своей записке (7 июля) на имя ЦК РКП(б) я категорически настаиваю на срочной смене главного командования и отстранении от работы ряда ответственных штабных работников. Я считал, что штаб в данном его составе не заслуживал больше политического доверия и что ему нельзя было доверить ведение крупнейших операций при колоссально развернувшихся фронтах. Надо было поставить во главе вооруженных сил молодой пролетарской республики командующего и начальника штаба, уже непосредственно, на опыте фронтового командования доказавших умение ориентироваться в гражданской войне и на деле изучивших стра-

тегию и тактику противника и успешно противопоставивших этой стратегии и тактике советские, революционные стратегия и тактику с учетом всех особенностей классовой войны.

Таких людей выдвигали большевики Восточного фронта (Гусев, Смилга и др.) в лице С. С. Каменева и П. П. Лебедева, которые успешно развернули наступление на Восточном фронте и вплотную подошли к ликвидации нашего противника на этом фронте. На заседании ЦК партии особенно резко и убедительно выступал Гусев. Указывалось, что объем операций перерос способности существующего главного командования; что с его стороны продолжается мелочное вмешательство в операции, неизбежное в начале войны (1918 год), но ставшее вредным в 1919 году; что фронты уже выдвинули новых стратегов и тактиков, которым надо дать возможность свой опыт перенести в штаб главного командования, где в основном сконцентрировались люди старого уклада, не бывавшие непосредственно на фронтах гражданской войны.

Троцкий яростно и упорно высказывался против смены главного командования. На первом заседании ЦК по этому вопросу определенного решения еще не приняли. Владимир Ильич ограничился главным образом отдельными замечаниями, выясняющими положение вопросами и т. п., но видно было, что он недоволен главным командованием. На следующий день было назначено дальнейшее обсуждение этого чрезвычайно важного вопроса. Троцкий на заседание не явился. На запрос, в чем дело, им было сообщено, что он чувствует себя больным и прийти не может. Об этом было передано Владимиру Ильичу. Он выслушал это сообщение, чуть-чуть улыбнулся и подошел к телефону. Он сказал Троцкому, что ЦК его ждет, что вопрос должен быть решен сегодня.

«Если вы серьезно больны, то ЦК может собраться у вас», — заявил Владимир Ильич Троцкому.

Ответ Троцкого, очевидно, был короток. Владимир Ильич только минутку задержался у телефона, потом отошел и спокойно продолжал беседы с отдельными товарищами. Минут через 15—20 явился Троцкий, и заседание было продолжено. Троцкий снова резко настаивал на необходимости оставить прежнее главное командование, указывал, что нет основания для смены его, заявлял о своем уходе в случае, если смена будет осуществлена.

Все реплики Владимира Ильича указывали на то, что он уже твердо стоит за смену главного командования и за то, что именно командование Восточного фронта необходимо назначить на этот ответственный пост, потому что оно уже научилось бить противника и вполне показало свою преданность делу революции.

Так и было решено. Троцкий заявил, что он уезжает на юг. Это было принято к сведению. Никто особенно по этому вопросу, по крайней мере на данном заседании, не высказывался.

После заседания я поехал к себе в вагон, на Виндавский¹ вокзал. Там я собирался проводить свой первый десятидневный отпуск.

¹ Ныне Рижский вокзал, ст. Москва. *Ред.*

Но на другой день, к вечеру, мне сообщили из Транспортной ЧК, чтобы я подошел к телефону. Я взял трубку. Говорит Ленин, просит немедленно приехать к нему по очень срочному и важному делу. Я сейчас же направился в Кремль. Владимир Ильич уже ждал, он сейчас же принял меня. И опять: близко-близко, почти вплотную, подходит, смотрит в глаза зорким взглядом, чуть прищурившись. Большие пальцы засунуты под жилетку.

«Герман, вам надо немедленно поехать в Серпухов по вопросу о подготовке смены командования». Мне был дан Владимиром Ильичем ряд самых точных указаний, как действовать в Серпухове. Перед уходом Владимир Ильич сообщил мне, что Троцкий уехал на юг, что он против этих мероприятий.

В ту же ночь вместе с несколькими товарищами я на автомобиле направился в Серпухов. Все произошло так, как намечалось.

8 июля 1919 года был объявлен новый состав Реввоенсовета Республики со включением в него нового главнокомандующего С. С. Каменева и членов — Смильги, Гусева, Рыкова. Начальником штаба назначен П. П. Лебедев.

* *
*

Владимир Ильич лично вникал во все общие и частные вопросы гражданской войны, в каких бы формах она ни проявлялась в то или другое время.

Помню период 1920 года, когда чрезвычайно остро стоял вопрос о борьбе с бандитизмом, дезертизмом и охране военных складов.

19 февраля Владимиром Ильичем было подписано постановление СНК, которое «в целях решительной борьбы с усилившимся бандитизмом» устанавливает, что «лиц, обвиняемых в вооруженных грабежах, в разбойных нападениях, в налетах, предавать суду военно-революционного трибунала... Приговоры реввоен трибуналов беспелляционны, окончательны и никакому обжалованию не подлежат»¹.

В начале мая была создана под моим председательством, в составе тов. Крыленко (ЦК РКП(б)), Ягоды (ВЧК), Коросташевского (Чусоснабарм) и Волынского (РКИ), особая комиссия СТО по охране складов и пересмотру личного состава военных складов. Мне, председателю Реввоен трибунала Республики, были даны специальные указания по линии карательной политики.

Имеется ряд телеграмм-распоряжений Владимира Ильича по этому вопросу. Владимир Ильич не раз давал мне указания, и всегда эти указания носили характер, направляющий работу.

«Бандитов карать беспощадно!»

«Дезертирам не давать пощады!»

И в то же время: «Следите внимательно за социальным составом дезертиров, рядом с карательной политикой ведите работу разъяснительную, политико-воспитательную и пр.».

¹ Декреты Советской власти. Т. 7. С. 253, 254.

1920 год является наиболее напряженным годом гражданской войны. Но этот год является также началом выхода Страны Советов из полосы войн, навязанных ей белогвардейцами, интервентами и панской Польшей.

Красные войска отбросили войска Пилсудского и стояли уже под Варшавой и частично даже на левом берегу Вислы. Однако и при этих условиях страна пролетарской диктатуры немедленно приняла предложение о мирных переговорах. Уже в последних числах июля намечалась первая встреча с поляками. Но последние все время оттягивали эту встречу. Они чего-то ждали: инструкций ли из Парижа, контрудара своих армий или дальнейшего вмешательства Англии и Франции, но так или иначе они старались встречу делегаций оттянуть.

2 августа Советское правительство предложило представителям Польши назначить встречу с нами, получив мандат по радио, но поляки уехали. Только 5 августа польское правительство по радио сообщило, что оно согласно встретиться для личных переговоров. Эту радиотелеграмму в Москве получили лишь 7 августа. Наш ответ был дан немедленно. 10 августа часть польской делегации и парламентариев была обнаружена в Седлеце после занятия города красными войсками, и тотчас же начались предварительные переговоры о времени и месте мирной конференции.

Польская делегация приехала в Минск только в ночь на 17 августа. 16 и 17 августа польская армия начала жесточайшее контрнаступление. В подготовке этого удара — причина проволок и оттяжки начала мирных переговоров со стороны Польши.

Я был назначен 28 июля председателем мирной делегации РСФСР и УССР, а в дальнейшем также и БССР, в составе Скрыпника и Смидовича. В оформлении моих полномочий лично участвовал Владимир Ильич. Между прочим, помню, что при составлении мандата Владимир Ильич предложил включить в мандат все мои «чины» (член ВЦИК, комиссар Полевого штаба Реввоенсовета и пр.), и, когда на его вопрос о моих военных должностях я заявил, что являюсь председателем Реввоентрибунала Республики, он, смеясь, блестя глазами, указывая пальцем на бумагу, предложил включить и эту должность: «Именно так и надо, пусть знают, что мирные переговоры ведет председатель Революционного военного трибунала Республики». Так это и было написано, но не помню, осталось ли это указание в последней, официальной редакции мандата.

Перед моим отъездом в Минск (в ночь на 10 августа) Владимир Ильич подробно информировал меня о положении в Англии и Германии, о нашей мирной политике, о нашем решении жестоко покарать тех, кто идет войной против нашей страны. Представленный мною проект вступительной речи Владимир Ильич заслушал, делал исправления, дополнял. (Кроме того, мне давал указания и тов. Чичерин.) А во время переговоров в Минске почти ежедневно по пря-

мому проводу Владимир Ильич давал мне дополнительные указания, предлагал твердо держаться занятой линии, давал формулировки предложений для следующих заседаний, разрешал споры между мной и членами делегации, а также Реввоенсоветом Западного фронта. Одним словом, из Москвы Владимир Ильич непосредственно руководил политикой и тактикой делегации. И мне приятно здесь отметить, что все более или менее серьезные споры были Владимиром Ильичем разрешены в мою пользу. Мне было даже сообщено, что выступления других членов делегации допустимы исключительно при моем разрешении и контроле (это было сделано после моего сообщения о постоянных мелких придириках Скрыпника).

Уже на другой день (11 августа 1920 года) после моего отъезда из Москвы Владимир Ильич дает мне телеграмму:

«От Чичерина Вы узнаете о нашем большом дипломатическом успехе в Англии насчет Польши. Надеюсь, Вы вполне сумеете учесть это... как мы говорили с Вами...»¹

О ходе переговоров, разных привходящих обстоятельствах, о моих сомнениях и пр. я вел почти ежедневные записи в дневнике.

12 августа 1920 года я записал:

«...Получил целый ряд телеграмм от Чичерина и от Ленина, где рисуется изменение международного положения в пользу России».

16 августа началось усиленное наступление белополяков. 18 августа мною записано:

«2 часа ночи... Обстановка пока им (полякам) благоприятна. Трудно нам твердо держаться намеченной линии. Психологически чувствуешь себя ослабленным. А наше отступление все продолжается и может продолжаться недели 3—4. Перегруппировку продолжать не так легко.

Ленин в только что полученной телеграмме говорит, чтобы был я архитверд, чтобы не волновался и был хладнокровен². Таким буду, но трудно таковым быть при данной обстановке».

События на фронте повернулись против нас. Поляки также и в переговорах в Минске начали путь на разрыв. 28 августа председатель польской делегации уехал для свидания со своим правительством в Брест. В тот же день и я выехал в Москву.

31 августа, после ряда совещаний с тов. Чичериным, Караханом и Крестинским, я имел свидание с Владимиром Ильичем.

Большая комната. Владимир Ильич сидел за письменным столом и что-то рассматривал на карте. Видимо, он отмечал расположение наших частей на Западном фронте. Я подошел, поздоровался. Он взял свой карманный атлас. Показал мне страничку польской и германской границ, предложил указать, где находятся наши части и части противника. Я был в большом затруднении: масштабы этой «военной карты» были чрезвычайно мизерны. Трудно было ориентироваться. Мы пользовались «трехверсткой». Я волновался,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 255.

² См. там же. С. 261.

трудно было по этой карте отмечать требуемые Владимиром Ильичем пункты.

Я снова повторил свои прежние высказывания, что наши части оторвались от тылов, устали, что фронтом был допущен ряд ошибок в смысле организации войск при таком серьезном походе, что не были учтены особенности польского фронта. Владимир Ильич слушал, задавал вопросы относительно расположения наших тылов и боевых частей, настроения красноармейцев. Большими шагами он ходил по диагонали комнаты.

Наконец он поставил вопрос о дальнейшей судьбе мирных переговоров. С тем, что при новой обстановке необходима смена председателя нашей делегации, он соглашался, но для него еще не был решен вопрос о времени, когда целесообразнее эту смену произвести, чтобы ее не истолковали как результат давления Польши. Владимир Ильич еще не отказывался от мысли возобновить движение на запад, от контрудара по белополякам.

31 августа Владимир Ильич хотя и высказывался, ввиду изменившейся обстановки, против того, чтобы я оставался в составе нашей делегации при новом председателе (Иоффе), но допускал, что в крайнем случае можно мне остаться заместителем председателя, но дать мне отпуск. При этом Владимир Ильич, улыбаясь, заметил: «Это будет как бы напоминанием полякам: не сговоритесь с Иоффе, вернется Данишевский». Он имел в виду различные задачи, продиктованные различной обстановкой, которые были поставлены мне и ставились Иоффе.

1 сентября, поздно ночью, Центральный Комитет решил освободить меня и председателем назначить Иоффе.

Этим и закончилась моя дипломатическая деятельность. Только один месяц... Но как невыразимо многому я научился, будучи в этой работе буквально еженощно непосредственно связан с Владимиром Ильичем. Его советы, его товарищеская поддержка, его твердые указания и предупреждения против колебаний, против нервничанья, его указания быть твердым, спокойным при всякой обстановке, быстрая реакция на изменения международной ситуации и на все явления международной жизни и конкретные советы, как все это использовать при сложнейших и труднейших условиях мирных переговоров, — это хорошая политическая школа. Быть большевистски реальным политиком, отбросить в сторону личное настроение, симпатии, личные желания и прочие субъективные моменты; решать вопросы, исходя из учета реального соотношения классовых сил, и вместе с этим со всей энергией снова и снова пытаться изменить соотношение сил в пользу своего класса — класса пролетариев — вот сущность учебы, пройденной в августе 1920 года...

* * *

*

В начале ноября 1920 года по предложению Владимира Ильича я направился в Нижний Новгород во главе чрезвычайной комиссии Реввоенсовета Республики по расследованию волнений в нижего-

родском гарнизоне (члены комиссии — тов. Катаньян, Иллят, секретарь Пузицкий). Все эти «события» происходили между 31 октября и 7 ноября. Началось с беспартийной красноармейской конференции, руководство которой попало в руки враждебных нам людей. Местные военные, советские и партийные органы не сумели удержать за собой руководство конференцией. Началось брожение в казармах; некоторые (наиболее бестактные) командиры и комиссары были удалены из казарм. Был поставлен вопрос о направлении к Нижнему особой бригады и бронепоезда.

Перед моим отъездом в Нижний Владимир Ильич вызвал меня к себе и дал целый ряд самых точных указаний, как действовать: узнать, чем недовольны красноармейцы, удовлетворить справедливые их требования, касающиеся казарменной жизни — бань, белья, отопления и пр., быть строгим по отношению к явно враждебным смутьянам и зарвавшимся комиссарам.

В Нижнем мы так и действовали. Направились в казармы (гарнизон состоял примерно из 46 тысяч человек, из которых 27 тысяч — строевых). Настроение красноармейцев было неважное, отношение к нам вначале недружелюбное; доходило до того, что, когда в казармах я присел на нары, на меня стали бросать сверху вшей. Я спокойно сказал, что у меня, наверное, имеются и свои, и продолжал беседу. Красноармейцы постепенно успокоились, начали в более спокойных тонах излагать свои нужды. Настроение явно менялось к лучшему. Разошлись мы друзьями.

Местная партийная организация быстро провела мобилизацию белья, всех бань, топлива и т. д. Гарнизон был пропущен через бани, получил чистое белье. Начали также отапливаться казармы (вначале при нашем обходе костры были разложены прямо на полу). Часть красноармейцев (около 20 тысяч) распустили по домам, часть отправили в Казань. Губвоенкома Ительсона отстранили (вначале арестовали), сменили также часть командного состава.

Совет Владимира Ильича был чрезвычайно полезен.

* *
*

В начале января 1921 года ЦК РКП(б) назначил меня членом, а впоследствии секретарем Сибирского бюро РКП(б). Я направился в Омск (в то время краевой центр был в Омске, переезд в Новосибирск только подготовлялся). Это была тяжелая, жуткая полоса для Западной Сибири. При разгроме Колчака много колчаковцев, в том числе и офицеров, осело по городам и особенно станицам Сибири. Велась осторожная, но достаточно активная контрреволюционная подпольная работа. Организовалось кулацкое крестьянское общество, многие из членов которого были связаны с членами РКП(б) и влияли на них. Появилась в сибирской организации рядом с «рабочей оппозицией» и «крестьянская оппозиция». Объективно выступления этих оппозиций активизировали работу колчаковцев среди казачества и кулачества. В этом направлении дейст-

вовали также безобразия и преступления отдельных продовольственных работников.

Началось восстание, которое охватило всю полосу от Урала до Омска (повстанческие отряды подходили к Омской железнодорожной станции). В течение примерно полутора месяцев не было регулярных сообщений с Москвой, связь была только по радио. На X партийный съезд сибирская делегация поехала вся вооруженная, готовая пробиваться с боем. Но никаких инцидентов уже не было. Повстанцы были разбиты красными войсками, захваченные колчаковцы приговорены к расстрелу, и жестоко были наказаны отдельные разложившиеся проработники.

Сибирская делегация привезла и передала Владимиру Ильичу богатый материал по вопросу о безобразиях продразверстки, выставляла предложение о продналоге. Нескольким раз во время съезда Владимир Ильич обращался к делегации за дополнительными справками, материалами, касающимися положения в Сибири, и за характеристикой отдельных явлений из крестьянской жизни. И эти материалы Владимиром Ильичем были использованы в его докладе о новой экономической политике.

* *

*

Восстания в Западной Сибири и Кронштадте послужили основанием для ускорения перехода к новой экономической политике; особенно эти события обусловили необходимость резко и жестко повернуть государственный руль в сторону допущения частного товарооборота в целях накопления пролетариатом опыта, средств и сил для перехода в дальнейшее наступление по всему фронту, на более развернутой индустриальной базе, против кулачества, за социалистическое строительство.

Но в начале 1921 года положение было тяжелое. X съезд под руководством тов. Ленина был превращен в ударный кулак против кронштадтских контрреволюционеров. Владимир Ильич был повсюду: он быстро, неожиданно появлялся в президиуме съезда, брал вне очереди слово, когда замечал, что съезд может принять неправильное решение; не засиживался в президиуме, куда-то уходил, накинув пальто (старенькое, изношенное) на плечи; выступал в комиссиях по резолюциям, по оргвыводам, относящимся к «рабочей оппозиции»; совещался с руководителями отдельных делегаций, с отдельными товарищами, ближайшими друзьями. Владимир Ильич был весь в движении, быстр, иногда даже нервен, зол, резок. Эти настроения сменялись в течение короткого времени в зависимости от темы разговора, от собеседника, получаемых сведений. И в то же время — внимательное, сосредоточенное наблюдение за работой съезда, за отдельными выступлениями...

И вот продолговатая комната. В ней собрались старые подпольщики для товарищеской беседы о положении в партии и в стране, об опасности для пролетарской революции. Большинство товарищей уже собрались, расселись. Чувствуется напряженность. Говорят

полушепотом, как когда-то на подпольном собрании. Старая гвардия ждет своего вождя.

Владимир Ильич быстро, пальто внакидку, прошел зал до места президиума, на мгновение, мельком, вскинул глаза на кафедру и сел на ступеньки лестницы, ведущей на эстраду для президиума. Так просто это было, так сближающе. Все сразу почувствовали себя в общей старой боевой подпольной среде.

Владимир Ильич говорил о партии, об оппозиции, о сути Кронштадта, о необходимости поворота в экономической политике. О необходимости крепко держать диктатуру пролетариата. О большевистском единстве партии... Вождь, великий стратег и тактик пролетарской революции, гений восставшего и победившего труда, строящего социализм, давал боевые указания своим ближайшим соратникам-ученикам...

...После съезда я остался в Москве. По решению ЦК ВКП(б) демобилизовался. Владимир Ильич вызвал меня к себе и заявил, что решено ряд военных работников перебросить на хозяйственную работу.

«Топливный фронт,— говорил Владимир Ильич,— теперь один из наиболее серьезных. Нужна энергия, военная дисциплина, решительность, точность. Есть решение ЦК,— продолжал Владимир Ильич,— о вашем назначении начальником Главного лесного комитета (впоследствии ЦУЛП). Сейчас главное — дрова, топливо.— И, приблизившись ко мне, спросил: — Вы когда-нибудь имели отношение к лесной промышленности, к лесу? Справитесь?»

Я, смеясь, ответил, что до сих пор работал в лесу только на нелегальных массовках и собраниях, но думаю, что справлюсь.

Владимир Ильич ободряюще засмеялся и сказал: «Тогда прекрасно. Справитесь. Примитесь за работу».

И я перешел на работу по организации и восстановлению лесной промышленности СССР...

*Данишевский К., Каменев С.
Воспоминания о Ленине.
Ленин и гражданская война:
Сборник первый. М., 1934. С. 7—41*

И. И. Вацетис

ДВЕ ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

Во время восстания левых эсеров в Москве, 6 июля 1918 года, ночью, Данишевский сообщил, что Ленин вызывает меня в Кремль доложить ему о положении в городе. Проезжая в сопровождении Данишевского в закрытом автомобиле мимо здания военного комиссариата по Лесному переулку, 1, я велел остановиться, так как по дороге узнал, что по приказу Подвойского курсанты переводятся в другое место. Действительно, курсантов там уже не было, но куда их перевели — узнать не удалось. В это же время к храму Спасителя стали подходить некоторые части 1-го Латышского стрелкового полка. Как видно, в Кремле нас ждали, потому что всюду были

готовы пропуска, нигде нас не задержали, и автомобиль подъехал прямо к зданию Совета Народных Комиссаров. В Кремле было темно и пусто. Нас провели в зал заседаний Совета Народных Комиссаров и попросили обождать. Данишевский пошел к Ленину, который был у себя на квартире.

Довольно большое помещение, в котором я оказался впервые, освещала из какого-то угла единственная электрическая лампочка, окна были завешены. Обстановка напоминала прифронтовую.

Войдя в первую дверь, я шагов через пять остановился. Несколько минут спустя противоположная дверь открылась, и из нее вышел Ленин. Быстрым шагом он подошел ко мне и вполголоса спросил: «Выдержим ли мы до утра, товарищ?»

Задавая этот вопрос, Ленин смотрел мне прямо в глаза.

Я понял, что от меня ждут категорического ответа и что другого разговора здесь быть не может. Но к ответу на такой вопрос Ленина я не был готов. Почему необходимо было выдержать до утра? Разве наше положение и впрямь так опасно? Может быть, комиссары, которые находились у меня, многое от меня скрыли? Под настойчивым взглядом Ильича я сформулировал свой ответ, заключавшийся в следующем.

Положение еще не выяснено, условия, в которых мы находимся, осложнились, наступление в 4 часа утра 7 июля начать нельзя, так как нет возможности подтянуть войска. Поэтому я просил дать мне часа два времени, в течение которых я мог бы объехать город, собрать нужные сведения и к двум часам дать определенный ответ на его вопрос. Это удовлетворило Ленина, и, сказав: «Я буду вас ждать», он вышел так же быстро, как вошел.

В моей памяти глубоко запечатлелась внешность Ленина, быть может, потому, что в таких условиях мы встретились в первый раз. Ленин был в своем обычном костюме, который состоял из темно-коричневого пиджака, такого же жилета и брюк; ботинки и накрахмаленная манишка подчеркивали его европейский вид.

К двум часам ночи 7 июля наше положение уже заметно упрочилось. Возле храма Спасителя уже находился 1-й Латышский стрелковый полк с артиллерией и Образцовый полк. На Страстную площадь прибыли 2-й Латышский стрелковый полк и курсанты артиллерийского училища с четырьмя орудиями. Во всяком случае в нашем распоряжении были четыре группировки войск: у храма Спасителя, в Кремле, на Страстной площади и на Арбатской площади.

Мы уже вышли из того положения, в котором находились 6 июля после начала восстания левых эсеров. Сведения о действиях последних были очень скудны и противоречивы, никто не мог дать мало-мальски исчерпывающих сведений о распределении их сил. Были определенные сведения о том, что их штаб и «правительство» находятся в доме Морозова. Все же одна примечательная вещь произошла — вожаки левых эсеров упустили момент для решительных действий и уже не могли рассчитывать на победу над большевиками без больших жертв, так как мы были готовы к контрудару.

Вообще, к двум часам у меня создалось впечатление, что мы победим, если с утра перейдем в решительное наступление всеми силами, которые удастся собрать за ночь.

Вторая встреча с Лениным состоялась, как было условлено, 7 июля в два часа ночи. Со мною был Подвойский. Встреча произошла там же, где и предыдущая. Я ждал, стоя у того же кресла, возле которого стоял в первый раз. Ленин вышел из той же двери и так же быстро подошел ко мне. Я сделал несколько шагов ему навстречу и отрапортовал: «Не позднее двенадцати часов дня 7 июля мы будем в Москве полными победителями».

Ленин обеими руками схватил мою руку, очень крепко пожал и произнес: «Благодарю, товарищ, вы меня очень обрадовали». Он пригласил меня сесть, сам сел рядом и попросил рассказать, что происходит в городе и каково состояние вражеских и наших войск. Я передал все, что мне было известно о левых эсерах и о настроении московского гарнизона, рассказал и о наших войсках. Ленин задал несколько вопросов, касавшихся настроения латышских стрелков, особенно интересовался, не ведется ли среди стрелков эсеровская агитация. На все вопросы я давал определенные ответы, которыми, по-видимому, Ленин остался вполне доволен. Я рассказал ему также и о намеченном плане действий.

Наша беседа длилась минут двадцать. Окончив свой доклад и видя, что у Ленина вопросов больше нет, я встал и попросил разрешения уехать. Владимир Ильич еще раз выразил свою сердечную благодарность и вышел вместе со мною в комнату секретариата, где мы простились. В секретариате еще продолжалась работа.

*О Ленине. Воспоминания
революционеров Латвии.
Рига, 1959. С. 144—147*

А. Д. Метелев

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

«ПАДЕНИЕ АРХАНГЕЛЬСКА (1918—1919 гг.)»

У ЛЕНИНА

Мы прибыли в Москву, чтобы поделиться с нашим правительством о положении дел на севере и одновременно получить от него указания по ряду вопросов.

Положение Архангельска и вообще Беломорского побережья было настолько сложным и трудным, что мы никак не могли рассчитывать справиться со всеми местными трудностями только своими средствами.

Трудность нашего положения усугублялась еще тем, что ярославское восстание вдруг приняло затяжной и упорный для того времени характер.

По прибытии в Москву мы тотчас же отправились к председателю ВЦИК Я. М. Свердлову. Последний товарищески нас принял

в одной из комнат 2-го дома ВЦИК и выслушал с особым вниманием.

Свой доклад тов. Свердлову мы начали с характеристики положения севера и особенно с характеристики его военного положения. Многие из того, что мы говорили Свердлову, для него было абсолютной новостью; он не возражал, что положение было значительно сложнее, чем это казалось ему. Дав ряд общих советов, тов. Свердлов предложил нам сегодня же обо всем сказанном ему доложить и Владимиру Ильичу Ленину. Организацию самого свидания с Владимиром Ильичем он взял на себя. Здесь же он взял телефонную трубку и, договорившись в одну минуту, сообщил, что Владимир Ильич примет нас тотчас же, как только мы явимся к нему в Кремль.

Довольные предстоящей встречей с Владимиром Ильичем, мы распростились с Я. М. Свердловым и быстро направились в Кремль.

Владимир Ильич нас принял в своем рабочем кабинете, в котором он работал до последних своих дней. Усадив нас в кресла против себя, он прежде всего начал интересоваться, кто мы и как попали в Архангельск. Мы кратко объяснили ему, кто такие были мы и почему ЦК послал нас в Архангельск.

— Каково же положение у вас там, в Архангельске? — спросил Владимир Ильич. — Яков Михайлович просил меня выслушать вас.

Мы по очереди рассказывали Владимиру Ильичу о нашем положении на севере и причинах нашего приезда в Москву. Свою информацию мы начали с военного положения, фактически с самого острого вопроса, который нас больше всего беспокоил. Докладывал по этому вопросу тов. Васильев.

Владимир Ильич очень заинтересовался военной обстановкой Северного края, предложив нам рассказывать ему о военном положении как можно подробнее. Тогдашнему военному положению на севере мы дали следующую характеристику¹.

Союзники не объявили официально нам войны, фактически таковую с нами уже начали и ведут. Город Кемь, Сорокская бухта и посад Сумы уже заняты союзными войсками. В Кеми произведены расстрелы ответственных советских работников. По нашему мнению, противник имеет намерение распространиться по побережью Белого моря, занять Онегу, потом по реке Онеге подняться к Онежскому тракту и станции Плисецкой Северных железных дорог, что сразу же дает ему возможность оборвать живую связь Архангельска с Вологдой и поставить таким образом первый в безвыходное положение. Обрывая эту связь, противник, с помощью своей военной флотилии, без особых трудностей занимает Архангельск и оттуда постепенно может продвигаться по Северной Двине в направлении к Котласу и Вятке, держа курс на соединение с чехословаками. Одновременно мы имеем сведения о высадке десанта и в устье Печоры. Мурман уже давно занят англичанами.

¹ Восстанавливаю устный доклад по копии письменного доклада, сохранившейся у нас. А. М.

Обеспечив себе таким образом со стороны моря тыл, противник будет стремиться образовать линию от Мурманской железной дороги в направлении Вологды и Вятки, в результате чего перед нами может развернуться целый фронт, правда, с большими прорывами, тем не менее единый военный фронт.

Наши же военные меры, судя по оперативным сведениям, носят чрезвычайно разрозненный и случайный характер и требуют немедленной проработки и осуществления продуманного плана обороны страны со стороны севера, для чего, по нашему мнению, следует: во-первых, создать полевой штаб с постоянной базой в Вологде; во-вторых, освободить Вологду от дипломатического корпуса, являющегося фактически союзническим штабом и его контрразведкой на нашем фронте; в-третьих, произвести частично мобилизацию двух-трех лет в Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Вятской губерниях и, в-четвертых, приступить к немедленной эвакуации Архангельска, минуя Вологду.

Таков вкратце был наш военный доклад.

Не проронив ни слова, со склоненной влево головой и слегка прищуренным глазом, слушал нас Владимир Ильич. Когда мы кончили информацию по военной части, он вдруг выпрямился, взял лист бумаги и начал что-то на ней писать. Это была записка к тов. Троцкому, в которой Владимир Ильич просил его принять нас по важным архангельским делам. Записка была следующего содержания: «Т. Троцкий! Податели — товарищи из Архангельска с *очень* важными сообщениями. Необходимо их принять тотчас — дело спешное и важное. Ваш Ленин»¹.

По военной части нашего доклада Владимир Ильич не дал нам исчерпывающих ответов, считая, что таковые мы получим от тов. Троцкого, и попросил нас перейти к другим вопросам.

Я докладывал Владимиру Ильичу о политическом настроении масс, об активности меньшевистской и эсеровской партий, о причинах ареста верхушек этих партий и об общем положении советской работы в Архангельске.

Говоря о громадных продовольственных затруднениях, я сообщил Владимиру Ильичу, что в то время как мы буквально голодаем, не имея даже возможности давать населению овсяного хлеба, у нас в Архангельске, на рейде Северной Двины стоит океанское торговое судно с хлебом, который мы никак не можем заполучить, вследствие упорного отказа английской администрации сдать нам этот хлеб, а также и все другие предметы широкого потребления, имеющиеся на судне.

Этот хлеб, говорили мы, превратился теперь уже в политический фактор, направленный против нас. Белогвардейцы пользуются случаем и ведут агитацию, указывая, что стоит только прогнать большевиков, как этот хлеб немедленно же будет передан населению.

Владимир Ильич, слушавший нас до этого молча, перебил нас и указал, что здесь он видит нашу ошибку.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 6562.

— Вы должны были во что бы то ни стало,— говорил он,— за-получить этот хлеб, тем более если рабочие Архангельска голодают.

— Его можно заполучить только принудительным порядком,— отвечал я,— но мы боялись этим самым создать какой-либо пре-цедент для нежелательных столкновений Москвы с иностранными послами и тем самым дать в их руки против нас козырь.

В коротких словах Владимир Ильич доказал нам неправиль-ность нашего взгляда в этом вопросе, заметив, что интересы мест-ного населения и особенно рабочих в эпоху гражданской войны должны быть выше всего и на первом плане. Раз иностранцы при-чиняют нам этим хлебом вред, тогда и к ним должен быть другой подход. В крайнем случае, мы могли бы формально привлечь вас к ответственности, отозвать или еще что, только хлеб должен был быть снятым с судна и передан для местного населения. Наоборот, отказ англичан передать голодающему городу хлеб должны были использовать вы против них, указав рабочим, что англичане умыш-ленно не передают хлеб, заставляя голодать рабочих.

Дальше мы перешли к информации о работах только что за-кончившегося 2 губернского съезда Советов.

— Что на съезде говорили мужички? — спросил Владимир Ильич.

— Прежде всего и почти в один голос крестьяне требовали про-довольствия, потом требовали ассигнований на содержание местных аппаратов власти, постройку дорог, на школы и т. п. Политическую физиономию съезд имел двойственную: половина, включая город, была настроений советских, вторая половина, руководимая правы-ми эсерами и меньшевиками, была явно англо-эсеровских на-строений.

Дальше мы рассказали Владимиру Ильичу о важнейших реше-ниях съезда, ходе его работы и тех настроениях, которые господ-ствовали на съезде, в связи с происшедшей оккупацией некоторых мест по Беломорскому побережью.

Когда мы окончили свой доклад, Владимир Ильич на все пункты нашего доклада, за исключением военных, дал нам соответствующ-ие исчерпывающие разъяснения.

Собираясь покинуть его кабинет, мы спросили Владимира Ильи-ча: «А что, если союзники попытаются, тем не менее, вышибить нас из Архангельска, каково может оказаться положение наших орга-низаций в момент напора?»

Отвечая нам, Владимир Ильич допускал возможность, что союз-ники попытаются выбить нас огнем из Архангельска.

— Тогда вам,— говорил он,— придется отойти к следующим населенным пунктам,— и, подойдя к географической карте, он начал указывать по ней, какие у нас окажутся пути на случай от-ступления. Он обращал наше внимание на Северную Двину и Кот-лас, путь, который нам неизбежно придется использовать.

Нас удивляла его свободная ориентировка по карте. Он, зная великолепно северную часть России, называл города и лежащие к ним пути, не смотря даже на самую карту, причем он придавал

каждому названному им пункту и свое стратегическое значение. Это так сильно запечатлелось в памяти.

В тоне голоса Владимира Ильича чувствовалось крепкое убеждение, что иностранцы на этом фронте нас все равно не победят. Пространство, условия, климат и т. п.— все здесь было в нашу пользу.

Весь наш разговор длился около часа.

Мы расставались с Ильичем с полной уверенностью, что временное падение Архангельска не может явиться решающим фактором в деле пролетарской революции. Решающим моментом будет наше внутреннее состояние и наша внутренняя политика, от которой целиком будет зависеть судьба Советской власти. Такой вывод у нас получился от разговоров с Владимиром Ильичем.

Прощаясь, Ильич предложил нам как можно скорей возвращаться в Архангельск. Мы исполнили его поручения, хлеб мы сняли с судна и передали рабочим; приступили к мобилизации нескольких младших возрастов с целью пополнить наши боевые ряды; приступили к осуществлению плана работы в массах и т. п.

Но события опережали нас, и не было уже сил повернуть их по другому руслу, а в ночь на 1 августа разразилась тяжелая гроза — под напором союзников Архангельск дрогнул.

*Пролетарская революция. 1926.
№ 2. С. 79—84*

П. И. Воеводин ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ «20 ЛЕТ РАБОТЫ В БОЛЬШЕВИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ И ВСТРЕЧА С ТОВ. ЛЕНИНЫМ»

Революция освободила меня из ссылки, а Октябрьская революция поставила во главе самого ответственного в тот период органа Советской власти — председателем краевого Совета Западной Сибири и Урала, главных районов, откуда в тот момент получала продовольствие вся голодная Россия во главе с Питером и Москвой.

Будучи председателем краевого Совета, мне каждый день приходилось сноситься по прямому проводу с Питером по поводу постановки продовольственного дела в Советской Республике.

То была горячая пора и страшное время: армия хлынула по домам, и, видя у себя дома голодных, вооруженные солдаты целыми толпами бросились искать хлеба. Мешочничество, впервые появившееся на фоне хозяйственной жизни России, с примесью бандитизма, запруживало все железные дороги, и хлеб развозился не только пудами, но и целыми поездами, чаще всего попадая не голодным, а спекулянтам и всяким жуликам.

Нужно было спасать положение, надо было быть самым решительным в мероприятиях и тактичным в отношении к солдатской массе, ни с чем не желавшей считаться и грозившей пойти против самих большевиков, которым-де армия помогла добиться власти.

Сибирь буквально отдана была на растерзание, и центр оставил нас, местных работников, без денег, без реальной силы и без руководства. Только благодаря тому что всюду в Сибири во главе Советов сразу встали старые испытанные большевики, удалось с первых же дней наладить все органы государственной власти, несмотря на самый ожесточенный саботаж интеллигенции и малочисленность работников из рабочих.

В ту пору, не получая никаких конкретных руководящих указаний из центра, часто подолгу не видя центральных органов печати, нам в Сибири пришлось руководствоваться собственным политическим чутьем, воспитавшимся целиком в ленинских традициях.

Мы сознавали всю тяжесть, какая была взвалена на плечи нашей партии историей, и твердо решили умереть на своем историческом посту или победить во что бы то ни стало. Будущее показало, что большевики поступили правильно, и в этом самая важная заслуга нашего всеми любимого Ильича.

Каждый день под угрозой самосуда, еще не зная подробностей петербургских событий, в водовороте ужасающих сцен, я лично жил и работал, только поддерживаемый одной мыслью, что товарищ Ленин с его тридцатилетним опытом не может ошибаться в выявлении пролетарской революции, а если и ошибается, то это ошибки истории, приведшие Россию ранее других стран к диктатуре пролетариата.

Еще не слагая с себя обязанностей председателя краевого Совета, я должен был взяться за работу в качестве председателя Совета народного хозяйства Западной Сибири, сменив товарища Яковлева, избранного председателем Центрального Исполнительного Комитета Советов всей Сибири. Взявшись за организацию народного хозяйства в Западной Сибири, этой самой богатейшей в промышленном и сельскохозяйственном отношении и населенной трети всей сибирской территории, я столкнулся с целым рядом таких вопросов, от разрешения которых зависело существование самой Советской власти в Сибири.

Вопросы эти побудили меня ехать в центр для установления живой связи с руководящими органами и обеспечения кредитами всей сибирской народнохозяйственной жизни.

По результатам поездок многих товарищей в центр я убедился в том, что все вопросы, стоявшие в то время передо мною, может разрешить только один товарищ Ленин, и к нему я решил в первую очередь направиться.

До того момента я отклонял всякую мысль о поездке в Питер, отказываясь даже от личного удовольствия принимать участие на происходивших тогда съездах и совещаниях.

Но как только на мое место председателя краевого Совета избрали тов. Шлихтера (бывшего до этого народным комиссаром продовольствия), я пришел к заключению, что начать свою новую работу по организации финансов, промышленности, транспорта и сельскохозяйственной жизни Западной Сибири я могу только после получения личных указаний и советов тов. Ленина.

По дороге из Омска я узнал, что Совет Народных Комиссаров и все ведомства переехали из Питера в Москву. Я свернул в Москву и скоро был уже у тов. Ларина, с которым часто сносился в последнее время по делам, связанным с работой Высшего совета народного хозяйства. Тов. Ларин взялся помочь мне в решении сибирских нужд и после некоторой предварительной работы заготовил проект декрета об утверждении плана хозяйственной деятельности для Сибири — национализации целого ряда предприятий, уже до этого взятых нами в собственность республики, и финансирования Сибири через наши областные центры.

Я просил тов. Ларина обеспечить мне разрешение присутствовать в Совнаркоме при проведении декретов для Сибири, чтобы иметь возможность лично отстаивать те или иные мероприятия.

Однажды тов. Ларин пригласил меня с собою в Кремль, и я, можно сказать, с трепетом сердечным впервые поднимался в помещение Совета Народных Комиссаров.

Просидев несколько минут в канцелярии Управления делами Совнаркома, я узнал, что наши сибирские декреты отложены ввиду заслушания доклада приехавшего одновременно со мной из Сибири чрезвычайного уполномоченного от Совнаркома по продовольствию тов. Шлихтера.

Меня это чрезвычайно заинтересовало, тем более что тов. Шлихтер уже имел столкновение с нашими сибирскими товарищами на почве своих чрезвычайных полномочий, и я имел поручение осветить перед нашими руководящими кругами роль тов. Шлихтера и ту борьбу, какая велась у нас против чрезвычайных уполномоченных, назначенных непосредственно из центра.

Я просил тов. Ларина передать записку тов. Ленину с просьбой разрешить мне присутствовать на докладе тов. Шлихтера, так как область продовольствия в Сибири, о которой тот должен был докладывать, была больше всего знакома мне, и за нее я был наиболее ответственным, как только что ушедший с поста председателя краевого Совета.

И вот я в зале заседаний Совета Народных Комиссаров, в этом святая святых власти рабочих и крестьян, где витает и царит дух диктатуры пролетариата!

Тесно заставленная тремя длинными простыми столами, покрытыми сукном, со множеством стульев, комната. Слишком просто, слишком тесно — совсем не похоже на то, что обычно связывается с представлением о зале законодательных собраний.

Как небо от земли отличалась эта слишком даже скромная комната от Таврического или Мариинского дворца, где заседали Государственная дума и Совет...

Окна комнаты, находившейся на третьем этаже, выходили на одну из площадей Кремля, как раз против Арсенала, а вдали видна была Кутафья башня Троицких ворот, через которые был единственный доступ в Кремль.

Я уселся скромненько в углу около двери и стал присматриваться к толпившимся у столов народным комиссарам и членам их коллегий.

Здесь я встретил много знакомых товарищей, с которыми приходилось сталкиваться в разные времена работы в подполье и в ссылке.

Вот тов. Рыков, с которым я встречался еще в работе по подготовке саратовской демонстрации в 1902 году и с которым затем в момент Февральской революции был в числе пяти других товарищей избран нарымской колонией ссыльных в первый революционный комитет, взявший власть в Нарымском крае в марте 1917 года; вот тов. Свидерский, сидевший со мной в самарской тюрьме в 1903 году; тов. Брюханов и Цюрупа, живший в Уфе в то время, когда я сидел в уфимской тюрьме в 1906—1908 году; Гуковский, в квартире которого в Баку я скрывался некоторое время, будучи нелегальным по приезду из Америки; Ландер, с которым я работал, живя в Самаре в период возрождения нелегальной организации нашей партии в 1910 и 1911 годах, и еще кое-кто.

Большинство все же было мне незнакомо. Встретил я и таких, которых никак не мог себе представить сидящими в большевистской законодательной палате, и этим я был крайне огорчен, зная таковых в их антипролетарской сущности.

Толпившиеся и сдержанно шумевшие группы наркомов вдруг мгновенно затихли и разместились за столами.

Из двери, расположенной против той, в которую я вошел, показался тов. Ленин и сразу же, быстро перебирая бумаги на столе и обращаясь к секретарю Совнаркома, тов. Горбунову, заговорил о повестке заседания, этим самым начиная работу Совнаркома.

Впервые в жизни я видел близко рядом с собой того, за которым шел, невидя ни на что, в течение 20 лет моей жизни, я видел его живые, насквозь пронизывающие маленькие, хитрые, но с оттенком добродушия и смешливости глазки, его лысину на своеобразной мужицкой голове и слышал голос, не то картавящий, не то шепелявящий, но ясный и постепенно захватывающий все внимание слушателя. Одет он был очень скромно.

Скоро деловитая и шутливая речь тов. Ленина, информировавшего о положении республики на границе с Украиной, где в то время нажимали на нас немцы, привлекла все мое внимание. Я вслушивался с восхищением в слова тов. Ленина, в смешливом тоне которого по адресу немцев сквозило то превосходное знание международного положения и уверенный анализ развертывавшихся событий, в которых тов. Ленин чувствовал себя точно рыба в воде.

Когда тов. Ленин закончил свое сообщение и осведомил товарищей о принятых мероприятиях, по комнате прошел шумок и начался сдержанный говор, но тов. Ленин сразу, не теряя ни одной минуты, перешел к другому вопросу, тем самым привлекая внимание товарищей к очередной работе. Тов. Ленин, руководя заседанием, все почти время или ходил взад и вперед вдоль своего стола на расстоянии четырех-пяти шагов, или, стоя у своего кресла, точно дирижер, подавал реплики, делал замечания, то и дело концентрируя внимание присутствующих на выступлениях говоривших.

Чаще всего тов. Ленин с добродушной иронией, своеобразно

сдерживая особенно разглагольствовавших товарищей, отрывисто бросал: «Факты! Фактов, фактов побольше! Конкретнее!»

Видно было по всему, что все товарищи поддаются такому деловитому и экономному ведению работы, и каждый старался короче излагать свои сообщения, замечания или дополнения.

Когда открылись прения по докладу тов. Цюрупы о продовольственном положении Советской Республики с дополнениями тов. Шлихтера о необходимости введения института чрезвычайных уполномоченных, тов. Ленин вспомнил о моей просьбе допустить меня присутствовать на докладе по продовольствию и спросил тов. Ларина: «А где же Воеводин?» Я поднялся и что-то пробормотал, попросив тов. Ленина дать и мне слово по докладу.

Тов. Ленин пристально взглянул на меня, точно измеряя мою фигуру, и, кивнув головою, бросил: «Записал, записал!»

По докладу выступали все продовольственники, и все они, конечно, сгущали краски о плохой работоспособности местных органов, делая определенный вывод, что продовольственное дело смогут поправить только комиссары с чрезвычайными полномочиями.

Мне странно показалось такое упрощенное и бюрократическое разрешение чрезвычайно сложного и, несомненно, нового для всех говоривших здесь вопроса об усилении продовольственных заготовок.

Сознаюсь, что я весьма скептически смотрел на всех товарищей, с такой смелостью говоривших об улучшении продовольственного аппарата при помощи комиссаров с генерал-губернаторскими функциями.

Я работал в области продовольствия до этого уже целый год, начиная с обязанности секретаря губернского продовольственного комитета и кончая работой в должности председателя краевого Совета, охватывавшего девять губерний, и, конечно, знал цену всем чрезвычайным уполномоченным, вносившим только разлад в местную работу, целиком направленную опять-таки на нужды того же центра и всей республики.

Все комиссары слушали со скукой доклады о продовольствии (в те времена надо всем доминировали вопросы международной политики — более интересные, чем заготовка хлеба и масла) и, по-видимому, отнеслись все же одобрительно к проекту насаждения чрезвычайных уполномоченных.

Но более всего меня поразило и даже повергло в уныние то, что и сам тов. Ленин, по-видимому, был склонен видеть в предложении продовольственников ввести единоличную диктатуру для производящих губерний единственный способ разрешения продовольственной разрухи.

Тов. Ленин в своем слове весьма одобрительно отнесся к проекту внесенного на утверждение Совнаркома декрета наркомпродом, и я чувствовал, что мое выступление по докладу будет здесь лишнее. Я, как практик, определенно увидел, что наш центр еще не дорос до понимания всей сложности и запутанности для пролетар-

ской диктатуры продовольственной политики и дальше бюрократического подхода к разрешению задачи не шел.

Более или менее практически подходил к делу тов. Ларин, но его выступление с критикой проекта как-то было сорвано язвительными репликами продовольственников.

В момент моего раздумья о том, стоит ли мне выступать, раз здесь большинство сторонников предложения наркомпродовцев, тов. Ленин сказал, что мне принадлежит слово.

Вначале путаясь от волнения (я еще не мог освоиться с тем, что нахожусь в столь высоком учреждении и в присутствии бесконечно уважаемого мною моего учителя тов. Ленина), я осведомил присутствующих об отношении, какое вызвал к себе тов. Шлихтер со своими чрезвычайными полномочиями со стороны всех сибирских товарищей, во главе с такими испытанными большевиками, как тов. Яковлев (председатель ЦИК сибирских Советов), Косарев (председатель областного исполкома Западной Сибири) и др.

Постепенно овладев собою, я подверг самой резкой критике план наркомпродовцев и внесенный ими проект декрета, подчеркнув, что нужна продовольственная диктатура Советов, всех органов, которые еще слабо организованы и которые нужно поддержать, обеспечив авторитет власти на местах путем разумных и своевременных указаний и мероприятий, исходящих из центра, а отнюдь не генерал-губернаторское поведение, хотя бы и представителей даже самого Совнаркома.

Во все время моей очень горячей и очень резкой по адресу центральных ведомств речи я то и дело слышал реплики вроде следующих: «Ого, вот они сибиряки, сепаратисты!», «Так, так — самые настоящие самостийники!», «Вот именно авторитет власти на местах, знаем мы эту власть на местах!» и пр. и пр.

Я подхватывал эти реплики и, видя, что товарищи из центра, обжегшиеся на молоке (запутавшись на Украине), дуют теперь на воду, решительно заявлял, что в продовольственном деле нужны больше, чем где бы то ни было, свои, но знающие люди, умеющие подойти к деревне, путем не обещаний, а действительной разверсткой всего имеющегося у нас запаса изделий заставить крестьян отдать республике хлеб, и крестьяне тогда повезут хлеб без всяких генерал-губернаторских, строгих, но бумажных распоряжений.

Всю мою речь я всецело основывал на полугодовом опыте в роли руководителя продовольственного отдела Западной Сибири и подкреплял целым рядом материалов, привезенных мною для доклада в центре.

Я решительно подчеркивал, что все товарищи в центре, далекие от провинциальной гущи, находятся под ведомственным гипнозом продовольственников.

К моему великому удивлению и восхищению, тов. Ленин, в своем первом выступлении соглашавшийся с положениями, выдвинутыми продовольственниками, в своем резюме отметил целый ряд моих замечаний и в заключение прений предложил создать особую комиссию, которой Совнарком должен вменить в обязанность в трехднев-

ный срок переработать декрет до представления на окончательное утверждение ВЦИК и тут же сам наметил кандидатов в эту комиссию, назвав тов. Цюрупу и Шлихтера от Наркомпрода, Стучку или Козловского от Наркомюстиции, Троцкого и Воеводина (меня как практика-продовольственника).

Тов. Троцкий отказался за перегруженностью работы, я также просил снять мою кандидатуру, мотивируя тем, что я приехал в Москву на самое короткое время по целому ряду неотложных сибирских дел и должен немедленно выехать обратно.

Тов. Ленин согласился с моими доводами, предложив, однако, представить в письменном виде те замечания практического характера к проекту декрета, которые я считал необходимыми.

Меня чрезвычайно ободрило такое отношение ко мне со стороны тов. Ленина; со стороны других товарищей в Совнаркоме я отклика не встретил.

Здесь сказался тов. Ленин весь целиком, во весь рост великого в своей скромности человека.

В роли общепризнанного вождя пролетариата всего мира, руководителя власти рабочих и крестьян в России тов. Ленин брал от жизни все, что было необходимым в его повседневной работе направления строительства пролетарского государства.

После я видел, как тов. Ленин, вначале, казалось, слабо ориентировавшийся в мелочах повседневной практики, постепенно всасывал в себя все, каждую отдельную мелочь и затем, синтезируя детали, создавал стройную систему мероприятий советской политики.

Больше всего меня пленяла в товарище Ленине та скромность, с которой он прислушивался ко всякому деловому замечанию и к новому практическому предложению; его смелость сознать свои промахи, желание учиться у жизни — все те достоинства, которыми небогаты весьма многие почтенные руководители наших ответственных учреждений.

Тов. Ленин никогда не боялся и не стыдился приводить в своих речах примеры и сведения, которые он позаимствовал из бесед с рабочими и крестьянами, ходившими к нему за разрешением своих нужд.

Меня однажды поразило такое обстоятельство. Будучи у тов. Ленина с каким-то докладом, я, торопливо излагая ему суть дела, приводил целый ряд примеров канцелярской волокиты наших центральных ведомств и несовершенства нашего советского аппарата.

Тов. Ленин слушал меня, то и дело отвлекаемый по телефону или теми или иными вопросами дежурного секретаря. Лицо тов. Ленина было настолько утомлено и тускло, что он не мог сдерживать зевоты и глядел как-то апатично по обыкновению прищуренным одним глазом. Заметив это, я сказал тов. Ленину, что, может быть, удобнее назначить другое время для моего доклада, но тов. Ленин так же вяло ответил:

— Нет, нет, продолжайте сейчас!

Я, однако, постарался кончить свой доклад скорей и ушел от тов. Ленина весьма неудовлетворенным.

Каково же было мое изумление, когда однажды, выступая на заседании ВЦИК или V съезда Советов, тов. Ленин в своей речи вдруг стал приводить те примеры и сведения, которые я передавал ему в моем докладе и которые он слушал, как мне казалось тогда, весьма невнимательно. Я был прямо поражен и в восторге, после чего еще строже стал относиться к своим разговорам при встречах с тов. Лениным, который, не гнушаясь мнением даже самого рядового работника, брал все, что только было ценно и пригодно из него для повседневной работы в борьбе пролетариата.

*Пролетарская революция. 1922.
№ 6. С. 186—193*

В. Л. Панюшкин

НУЖЕН ХЛЕБ

В раннее апрельское утро 1918 года я вышел из квартиры, чтобы немного пройтись перед работой. Но сразу же на кремлевском дворе встретился с Я. М. Свердловым.

— Есть важное поручение, — сказал он. — Ночью правительство обсудило продовольственный вопрос. Назревает катастрофа. Не так страшна оцетинившаяся контрреволюция, как голод. Владимир Ильич предложил разослать во все губернии чрезвычайных уполномоченных. Надежда на Юг слабая, хоть и оттуда ждем хлеб. Нужна помощь скорая — из окрестных губерний. На твою долю выпала Тула. Ты там знаешь народ, мужика тульского знаешь. А в Туле неспокойно. Враги революции поднимают в деревнях восстания, убивают наших людей — лишь бы не дать хлеб. Тактика у врага ясная — уморить революционную Россию голодом.

— Когда выезжать?

— Через день, ну два — не позже. Сегодня будет совещание у Ильича. Готовься в дорогу. Возьмешь с собой отряды ВЦИК; с ними и решишь задачу. Помни — Москве и Питеру нужен хлеб.

Вскоре меня вызвал к себе нарком продовольствия А. Д. Цюрупа, чтобы заранее уладить все вопросы и не отнимать у Владимира Ильича лишнего времени на обсуждение организационных дел.

И вот я у Цюрупы. Нас трое — А. Д. Цюрупа, О. Ю. Шмидт и я. Цюрупа разворачивает карту Тульской губернии, указывает, в какое село выделить продотряд, намечает маршруты вывоза хлеба. Шмидт передает мне записку с приблизительными подсчетами запасов хлеба по селам, помещичьим имениям.

Днем состоялось короткое совещание у В. И. Ленина. Докладывал Цюрупа:

— В Москве хлеба на полтора дня. Больше запасов нет. То, что идет к нам, не спасет. Нужен хлеб.

— Кажется все ясно? — спросил Ильич. — Ну, торопитесь. Хорошо, если бы сегодня вы выехали. И сразу же ждем хлеба. Советую брать хлеб не только руками продотрядов. Организуйте мест-

ную бедноту: бедняк пойдет за вами. Берите хлеб у кулака, а середняка просите, чтобы продавал. Едут ли с вами агитаторы?

— Едут, Владимир Ильич.

— Как вооружены отряды?

— Хорошо.

— Люди надежные?

— Проверенные революцией.

— Это важно. И все же смотрите, чтобы не обижали крестьян. За каждый случай мародерства — суд и расстрел! Представители рабочего класса обязаны показать крестьянину свою силу и дисциплинированность. Даже продрозверстка должна вызвать симпатию к Советской власти. Мужик душою тянется к нам, ведь он получил землю, знает цену словам партии. И постоянно помните — деревня неоднородна.

На следующее утро наши эшелоны двинулись в Тулу. В штабном вагоне командир соединенных отрядов Константин Аргир развернул карту и объяснил дислокацию отрядов. Каждый командир знал, в каком селе будет его отряд. Задача ясна: с вокзала сразу по деревням — Москва и Питер ждут хлеба!

Руководитель тульских большевиков Григорий Каминский подробно рассказал мне о положении в губернии, расспросил, где и как расквартированы наши отряды. Я доложил, что большая часть отряда уже на юге губернии, что наша цель — не только взять хлеб, но и быть всегда готовыми принять бой и с кулачем, и с белыми...

Во всех уездах напряженно работали отряды ВЦИК. День и ночь по проселкам разъезжали патрули, сопровождали обозы. Из-за хлеба часто завязывались бои с бандами. В селе Спасском, как рассказывали крестьяне, появились отец и сын Александровы — помещики. Они уговаривали крестьян не вывозить хлеб. По ночам младший Александров, офицер, вместе со своими друзьями нападал на обозы.

* *

*

Дела с хлебом были плохи, особенно в Новосильском уезде. Вместе с тульским большевиком Александром Иосифовичем Каулем я поехал в родные свои места. По дороге рассказал Каулю об Иване Петровиче Петрове, который возглавлял продовольственный отряд в Новосиле.

Вскоре встретились и с самим Петровым. Но что с ним случилось? Здоровый, крепкий моряк был бледен, на лбу прорезались морщины, под глазами появились синяки.

— Что с тобой?

— Худо мне, товарищи. Очень худо. Не дают хлеба. Понимаете, не дают. Я вот подготовил приказ.

Приказ гласил: «Я, чрезвычайный комиссар Новосильского уезда балтийский матрос Иван Петров, сим объявляю: кто не выполнит продрозверстку, у того будет конфискована вся худоба, недвижимое имущество, отобрана выданная революцией земля, а главы семьи... мною будут преданы трибуналу на предмет расстрела».

Кауль прочел, передал мне:

— Выдающееся литературное произведение матроса — не политика. Обязательно перепишу этот приказ себе в блокнот.

Но всегда спокойный, уравновешенный, Петров вдруг стал ругаться, кричать, угрожать мне и Каулю, обвинять нас, что мы заодно с кулаками, а, по его понятиям, тут — все кулаки.

— Не политик? А кто революцию делал?..

— Вот что, Ваня,— пытались мы успокоить его,— ты бы нас покормил с дороги. Проголодались...

— А чем? Я три дня куска хлеба не видел. Весь отряд голодает. Ясно? В первый день нас покормили, напоили, а потом говорят: «Живите, весь отряд берем на иждивение, пейте, ешьте. Ну, а для вывоза — хлеба нет».

— Что же, все так настроены?

— Почему все? Те, у кого хлеб есть. Я прямо говорю — сильно пустили здесь корни эсеры.

Поговорив, мы решили вызвать крестьянина, который предлагал Ивану Петрову взять отряд на содержание. Он пришел, высокий, с окладистой бородой, длинноволосый.

— Это по какому такому случаю зовете?

— Посоветоваться,— спокойно ответил Кауль.— Вы человек местный, вас в селе уважают.

— Кто его уважает? — вырвалось у Петрова.— Первая сволочь, мерзость в мировом масштабе, можно сказать, ну, словом, кулак. Я с него хотел начать. Первого расстрелял бы...

— Наш чрезвычайный комиссар уезда товарищ Петров предлагает вас расстрелять. Как вы к этому относитесь? Время военное. Говорят, что у вас много хлеба и вы отказываетесь выполнять продразверстку. У вас хлеб есть?

— Сами голодаем...

— Сколько сеяли?

— Да что сеяли... Все продано. Ныне на хлеб спрос.

— А чем вы собирались кормить отряд в сто человек?

— За одним столом: что мы — то и они.

— Ясно. Сколько же вы сеяли?

— Тридцать десятин. Но хлеба нет, был, да продан.

— Кому продавали?

— Да нашему купцу.

— Фамилия его, адрес?

Я послал шофера Березкина за купцом.

Купчик словоохотлив:

— Это же смех. Мои амбары пусты. Проверьте — вот ключи. Я хотел купить, но никто и зерна не продал.

— А скажите, пожалуйста, много в селе хлеба?

— Полно. Вот мои подсчеты, кто сколько может продать хлеба.

— Значит, можно безболезненно продать больше тысячи пудов?

А разверстка всего сто пудов? — удивился Александр Иосифович.— Ну, что же, хлеб нужно забрать. А старика судить.

— Вывезу хлеб, только малость сбавьте,— сказал старик.

Вечером созвали бедноту на собрание, начали беседу.

Первым поднялся человек с огромной плешинной на голове. Продырявленный зипун подпоясан веревкой, на ногах лапти.

— Что же это вы в такую пору в зипуне? — спросил его Кауль.

— Я летом-то тепло сохраняю, а зимой, глядишь, оно меня согревает. Я на Тепелева — помещика — работал всю жизнь и, кроме зипуна, ничего не заработал.

— А как теперь будешь жить?

— Пойду по миру. Всю Расею обойду...

— А если землю тебе дать?

— Мне? А чем ее пахать буду? Блоху в плуг не впрячь.

— И лошадей дадим.

Уговорили бедняка ехать в тепелевскую усадьбу. Выделили ему лошадь, дали зерна, одели по-человечески... Многие бедняки поняли в тот день, что такое Советская власть.

И вот уже начали двигаться к станции повозки, груженные зерном. Петров ожил, преобразился, не понадобился его грозный приказ. На следующий день в наши отряды было подано шестьдесят пять заявлений. Пошел хлеб в Москву...

Через некоторое время я снова приехал в Москву и побывал у Владимира Ильича.

Ленин больше всего любил слушать, что делается на местах. Во время беседы то и дело задавал вопросы, направлял разговор, отбирая самое важное, существенное. И как радовался Ильич, когда узнавал о фактах активности рядовых тружеников, об их героизме и смелости. Долго расспрашивал он о настроении крестьян — хотел знать все подробности.

Рассказывая, я, между прочим, упомянул, что новосильские рабочие паровой мельницы предлагали молоть зерно и муку отправлять в Москву. Ленин одобрил это предложение, которому мы почему-то не придали значения. Я попытался объяснить: дескать, торопились с отправкой, а паровых мельниц и в Москве много, да пустуют.

— Не оправдывайтесь, — прервал меня Владимир Ильич, — ко всякому делу мы должны подходить как политики, как партийцы. А вы здесь допустили ошибку.

— Исправим, Владимир Ильич. Будем молоть.

— Вот видите: «Будем молоть!» И только? Да в этом ли только дело? А невдомек вам, батенька, что вы обрезали крылья этим рабочим, не увидели в их предложении политической активности? Ведь они-то хотели проявить заботу о москвичах и питерцах. А вы что? Видите только в этом одно — «будем молоть!» Нет, уж вы, пожалуйста, объясните новосильцам, что виноваты, что обидели их, унизили инициативу людей. Вот тогда они поймут, что вы настоящий партиец.

Далее он подчеркнул, что мы политические деятели и никогда не должны забывать об этом. Хлеб, безусловно, решает сейчас судьбу революции. И все-таки агент по заготовке хлеба, что бы он ни делал, должен стараться вызвать политическую активность на-

рода, приобщать его к политической культуре, к управлению делами государственными. Когда строится новое, социалистическое государство, мелочей не может быть.

Вот так всегда с Владимиром Ильичем. Он видел каждый факт по-новому, удивительно остро и тонко и всегда советовал, как сделать.

Вошел А. Д. Цюрупа. Ильич поднялся, пошел к нему навстречу.

— А вы знаете, я начинаю сомневаться, Александр Дмитриевич, что вы говорите правду. Я не верю, что вы здоровы. Вид у вас очень плохой. Как, по-вашему, товарищ Панюшкин?

Действительно, Цюрупа выглядел очень плохо: бледное лицо, усталые глаза, вялая походка.

— А нет ли у вас температуры?

— Здоров я, Владимир Ильич.

— Ну, давайте поговорим, а потом и натравлю на вас врачей. Они уже жаловались, что вы не лечитесь.

Начали разбираться в продовольственных делах. Цифры Цюрупы и мои сходятся. Но Цюрупа недоволен: мало хлеба. Он волнуется — требует удвоить вывоз хлеба. Вдруг он резко побледнел. Лицо покрылось потом, пошатнулся. Я еле успел поддержать, до дивана почти донес.

— Недоедает нарком продовольствия... — попытался улыбнуться Цюрупа.

Владимир Ильич подал ему стакан воды, присел на край дивана, взял руку.

— Лежите, лежите, голубчик... Если не трудно, можете принимать участие в нашей беседе. А лучше отдохните.

Как известно, вскоре последовало строгое решение В. И. Ленина: «За неосторожное отношение к казенному имуществу (2 припадка) объявляется А. Д. Цюрупе

1-ое предостережение и предписывается немедленно ехать домой...

Ленин»¹.

С хлебного фронта меня снова перебросили на военный. С отрядом ВЦИК мы прошли боевой путь от Свияжска до Уфы. После освобождения Уфы наши отряды были вновь переброшены в Тулу на переформирование. Зимой 1919 года меня свалил тиф и я оказался в Москве на больничной койке. Еле поправился, вновь выехал в Тулу, где пополнялись наши отряды.

Не успели мы полностью укомплектоваться, как получили приказ — срочно перебазироваться в Питер. В Питере мы несли охрану города и продолжали формирование. Трудно было с одеждой, с артиллерией. Подготовка к отправке на фронт затягивалась. По поручению Ленина нам несколько раз звонили, чтобы мы торопились, но Троцкий мешал.

Владимир Ильич Ленин был недоволен. Мы не успели к сроку выступить на фронт под Вятку. Он прислал телеграмму:

¹ Ленинский сб. Т. 21. С. 280—281.

«12.IV.1919 г.

Петроград
Позерну, для Панюшкина

Ваше промедление с погрузкой и отправкой становится непонятным. Поймите, что малейшее промедление преступно. Никакое недоснабжение не оправдывает. Выезжайте и вывозите вашу воинскую часть во что бы то ни стало немедленно.

Предсовнаркома Ленин»¹.

В тот же день началась погрузка. Вскоре мы вступили в тяжелые бои. Наши отряды влились в действующие части Красной Армии...

В. И. Ленин был внимательным, чутким, отзывчивым, добрым, но очень требовательным.

Ленин всегда учил, что интересы революции превыше всего и невозможного для коммунистов не существует. Мы знали ленинскую требовательность и напрягали все силы, чтобы как можно лучше выполнить любое его задание. А при встречах Ленин неизменно интересовался личным, советовал, обязательно спрашивал, в чем нужда. Как-то, подписывая мне удостоверение на длительную поездку в Самару, Владимир Ильич вызвал к себе мою жену, работавшую у него в секретариате, и сказал:

— Что же вы на работе? Муж выезжает, кто его будет провожать в дорогу?

Он был великим и в мелочах.

Однажды мне довелось наблюдать (в ту пору я уже был на хозяйственной работе), как Владимир Ильич присутствовал при испытании автопуга. Надо было видеть тогда Ленина! Заводской рабочий вел плуг, а Ленин ходил возле плуга по борозде, наклонив голову, наблюдал работу, расспрашивал, советовал. Он был в торжественно-праздничном настроении. И это передавалось всем.

С тех пор прошло много времени. Мы вновь и вновь вспоминаем Ленина. Мы полны гордости за наше государство, им основанное. Если бы мог посмотреть Ильич сегодня на нашу страну! Какую радость он испытал бы! Многое сделано, о чем мечтал наш Ленин. Многое нам еще предстоит сделать. И все это сбудется. Тому порукой наш народ — народ, который первым завоевал на земле свободу под руководством великой партии Ленина, народ, которому принадлежит будущее.

Советский моряк. 1960. № 5
С. 3—5

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 279.

ПУТИЛОВСКИЙ РАБОЧИЙ НА ПРИЕМЕ У ИЛЬИЧА

Шел 1918 год. Голод в Петрограде давал себя чувствовать.

В те дни я работал на Путиловском заводе разметчиком в котельном цехе. С согласия заводского комитета мы выбрали на цеховом собрании комиссию по закупке продуктов и, получив наряды, поехали в Ростов-Ярославский за овощами.

Одновременно другие цехи посылали за продовольствием своих собственных представителей. Эти разрозненные поездки были малоэффективными, и в результате в апреле 1918 года была образована единая общезаводская закупочная комиссия, председателем которой избрали меня. Нам были выделены губернии для заготовки овощей, даны наряды.

Поездка по местам открыла мне настоящие причины голода. Хлеб в стране был, но сопротивление кулачества, саботаж со стороны эсеров, засевших в некоторых губпродкомах, срывали нормальное снабжение им промышленных центров. Нужно было нашей борьбе с голодом придать более организованный характер. С этой целью в начале мая 1918 года путиловцы послали меня в Москву для доклада В. И. Ленину о продовольственном положении.

По прибытии в столицу я сразу же был принят Владимиром Ильичем в его служебном кабинете и информировал его о голоде в Питере, о состоянии завода, о настроении рабочих. Ильич останавливал меня, прося пошире осветить то или иное событие. Я рассказал о причинах, которые, на мой взгляд, порождают хлебные затруднения в стране.

В ходе беседы Владимир Ильич вынул из письменного стола только что принятый Советом Народных Комиссаров декрет о предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией. Прочитав этот документ, Ленин подписал его и вручил мне, чтобы я ознакомил с ним путиловцев.

Владимир Ильич просил передать трудящимся Петрограда, что рабоче-крестьянское правительство предпринимает решительные меры по налаживанию продовольственного дела в стране.

Ленин при мне написал письмо народному комиссару продовольствия с просьбой создать продовольственные отряды из петроградских рабочих. Ильич указывал далее, что податель этого письма Андрей Васильевич Иванов, рабочий Путиловского завода, был у него по продовольственным делам и что он, Ленин, сообщил ему о мероприятиях правительства по борьбе с голодом. «...Если лучшие питерские рабочие,— писал Владимир Ильич,— не создадут по отбору надежной рабочей армии в 20 000 человек для дисциплинированного и беспощадного военного похода на деревенскую бур-

жуазию и на взяточников, то голод и гибель революции неизбежны»¹.

Ленин просил наркома дать мне, подателю его письма, документ о предоставлении продовольственным отрядам широких полномочий, с тем чтобы я мог прочитать его петроградским рабочим.

Наша беседа подходила к концу. Мне необходимо было попасть на следующий день на завод, поэтому я попросил Владимира Ильича оказать содействие в отъезде в Петроград. Позвонив при мне коменданту Николаевского вокзала, Ленин сказал ему:

— У меня здесь находится товарищ с Путиловского завода. Ему нужно завтра быть на заводе. Прошу вас устроить ему одно место в скором поезде.

Сев в поезд, я долго думал о встрече с Лениным, старался воспроизвести в памяти его советы и указания, светлый и обаятельный образ вождя. Меня удивила простота Ильича и то огромное внимание, которое он мне уделил как представителю питерского рабочего класса. Разговаривая с Владимиром Ильичем, я не испытывал никакого смущения или стеснения.

На заводских собраниях я подробно информировал рабочих о беседе с Лениным и тех задачах, которые он поставил перед петроградским пролетариатом. На заводе началось формирование продовольственных отрядов, которые уже в начале июня 1918 года выехали на места заготовки продуктов.

Вскоре после моего возвращения из Москвы в «Правде» было опубликовано письмо В. И. Ленина к питерским рабочим «О голоде». Оно начиналось так:

«Товарищи! У меня был на днях ваш делегат, партийный товарищ, рабочий с Путиловского завода. Этот товарищ описал мне подробно чрезвычайно тяжелую картину голода в Питере»².

Эта часть ленинского письма была подвергнута сомнению буржуазными интеллигентами и даже отдельными органами эсеровской печати. Проходя как-то по Садовой, я увидел в эсеровской газете статью, в которой слова «рабочий у Ленина» были взяты в кавычки, а в тексте прямо указывалось, что факт посещения Ленина рабочим Путиловского завода «выдуман самим Лениным», так как он, мол, не привел фамилии рабочего.

Клевета грязного буржуазного листка меня очень возмутила. Придя домой, я написал обстоятельное письмо в редакцию этой газеты, сообщил, что именно я был у Ленина, имел с ним продолжительную беседу. Но, как и следовало ожидать, ответа из редакции не последовало.

*Ленинградская правда. 1956.
21 апреля*

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 72.

² Там же. Т. 36. С. 357.

МОИ ВСТРЕЧИ И РАБОТА С В. И. ЛЕНИНЫМ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ ¹

II. РАБОЧИЕ ОТРЯДЫ

Началось трудное время борьбы за строительство новой России, окруженной со всех сторон врагами. В марте 1918 года правительство принуждено было эвакуироваться в Москву, так как немцы подступали к Петрограду. Нам, питерцам, казалось, что Питер, эту колыбель революции, мы должны отстаивать всеми силами. В голову не приходила мысль, чтобы там, где-то в России, думали по-иному; допустить падение Петрограда — это все равно что допустить гибель революции. Так думали мы, питерцы, в тот момент, когда голод, достигнув высшего напряжения, принудил массы рабочих покидать свой любимый город.

По моим наблюдениям, в мае 1918 года в Питере редко было можно видеть лошадей, часть их была съедена, часть подохла, часть уведена в деревню, а часть была нами реквизирована для нужд нашей гражданской войны. К этому времени я не помню, чтобы где-нибудь встречал кошку или собаку: предприимчивые люди и их использовали. Нередко мне приходилось заходить к знакомым рабочим в их жилища; угощением был чай и лепешка из картофеля с льняными выжимками. Полагаю, что и это не постоянно, так как, будучи членом исполкома и секретарем Выборгского районного Совета, я знал моменты, когда по целым неделям рабочим не выдавали ни фунта хлеба или картофеля, а только семечки и орехи. Тяжелое было время... Но и вера в победу была большая. Одна беспокоила думушка — знает ли Россия о страданиях питерских рабочих? Прошло со времени Октябрьского переворота полгода; питерцы голодают, не получая ниоткуда хлеба. Между тем приезжавшие из провинции передавали, что там о голоде и не знают, всего вдоволь, все есть. В чем дело? Почему же голодаем?..

Думаю поехать в провинцию, чтобы убедиться в ее настроении. Получаю из Совета отпуск, еду в Симбирскую губернию, на свою родину. Первая деревня от железной дороги — Коки. Останавливаюсь в ней. Прошу крестьянку поставить самовар. Безоговорочно ставит. Робко прошу дать кусочек хлеба, дают белого, горячего. Еще пытаюсь просить яиц — отказа не получаю. Глазам не верится, и ум отказывается понимать. Начиная рассказывать о бедственном положении питерских рабочих. Не верят. Как, мол, можно жить и работать при осьмушке фунта хлеба в день? Я рассказал, что очень часто рабочие, выходя на работу, изможденные, голодные, работали до тех пор, пока не падали у своих станков от голода, что

¹ Начало воспоминаний см. настоящее издание. Т. 4. С. 208—212. *Ред.*

десятками их уносили в приемный покой, но они не бросали своих постов, своей работы, ожидая от крестьян подкрепления. На это мне ответили, что помогать они не собираются, так как боятся Ленина, который продан немцам. Еду дальше, в свое родное село Тереньга. Село большое, торговое, с достаточно развитым кустарным ремеслом, главным образом по выделке мебели. Все тот же недостаток, но озлобленность к большевикам проявляется в больших размерах. Главным образом за недопущение свободной торговли, за установление твердых цен на хлеб. До сих пор я пользовался среди крестьян всей волости популярностью по революционной работе 1906—1907 годов и, следовательно, ожидал к себе большого внимания, но оказалось, что я почти не нахожу его.

Встретил товарищей по совместной работе 1906—1907 годов, оказавшихся меньшевиками и эсерами. Эти-то бывшие революционеры вступили со мной в спор, поддерживаемые крестьянами. Крестьяне с пеной у рта клялись, что не дадут ни одного фунта хлеба по установленным Советской властью твердым ценам. Я доказывал, что твердые цены есть самый правильный путь во взаимоотношениях города с деревней. И если крестьяне будут упорствовать, то рабочие, во-первых, не пожалеют керенок, ибо они сами их делают, а во-вторых, также будут вздувать цены на изделия, выпускаемые с фабрик и заводов. После такой аргументации крестьяне ответили:

— Ну, так ни за какие деньги хлеба не получите.

— За что же такая немилость к большевикам? — спрашиваю я, — ведь большевики в первую очередь узаконили за крестьянами помещичью землю, а сами чем были, тем и остались, работая исключительно на государство, получая для себя только самое необходимое.

Вскоре я сознал, что переубедить крестьянина одиночкам не под силу, нужны чрезвычайные меры. В этот момент мне стало понятно, что рабочие слишком увлеклись борьбой в городах, оставив деревню в полное распоряжение эсерствующих кулаков, которые при содействии эсеров и меньшевиков без помехи управляли деревней с присущей им энергией и жадностью. Чтобы узнать, прав ли я, так ли думают в других деревнях, я посылаю своего сына, приехавшего со мной из Питера, в другие села и деревни для агитации против кулаков, засевших в волисполкомах и сельсоветах. Кулаки, обеспокоенные агитацией питерцев, донесли о «злостных» агитаторах в губернию и уезд. По прошествии нескольких дней сына, по предписанию губвоенкома (эсера Иванова), арестовывают якобы за контрреволюционную агитацию против Советов и препровождают в Симбирск. Мои хлопоты перед Ивановым об освобождении не увенчались успехом, наоборот, он заявил мне, что он его расстреляет. Расстрелять сына не удалось, так как он без ведома Иванова был освобожден одним из членов губкома.

Происшедшее в это время чехословацкое восстание окрылило все кулацкое население провинции. Открыто стали поговаривать о ближайшем свержении большевиков. Меры, принятые Советской

властью к подавлению чехословаков, были неосуществимы. Когда была объявлена мобилизация, то в нашей волости, например, велась против нее агитация. Приехавшие из уездного города Сенгилея по мобилизации лошадей и двух годов молодежи красногвардейцы были обезоружены и избиты. Не удовлетворившись этим, крестьяне ударили в набат и бросились обезоруживать стоявший в селе симпатизировавший нам отряд, состоявший из пленных австрийцев, немцев, чехословаков; последним пришлось разогнать их пулеметным огнем. Те же, которых удалось мобилизовать, разбежались при первом удобном случае. Были и добровольцы, но их немало шло из-за обмундирования, а в более или менее постоянных частях наблюдалось полное отсутствие дисциплины. При таком соотношении сил — голодной массы городов, с одной стороны, и стомиллионной массы враждебно настроенного крестьянства — с другой, положение Советской власти казалось безвыходным.

Чехословаки успели захватить Сызрань и Самару и повели наступление вверх по Волге, забирая почти без боя села и города, в том числе и мое родное село Тереньгу. Я и товарищ Спирин успели скрыться (тов. Никифор Спирин, односельчанин, большевик с 1905 года, после Февральской революции был в Тереньге председателем Совета; ненавидимый кулаками, за несколько дней до взятия Тереньги был ими избит). При взятии сел и городов эсеровские и чехословацкие банды неистовствовали. Кулаки не уступали им в жестокости. Так, в Тереньге убили двух крестьян по подозрению в сочувствии Советской власти. Моего отца, 65-летнего старика, и крестьянина Василия Колупаева били нагайками. Оба пострадали из-за меня. Первый за то, что я его сын, а второй за то, что имел со мной сношения. Мое семейство было взято под залог.

Я и тов. Спирин, избежав опасности, пробрались к Симбирску, изучая по дороге настроение крестьян. И в Корсунском и в Симбирском уездах настроение крестьян было ничуть не лучше, чем это наблюдалось в Сенгилеевском. Встречали нас везде подозрительно. Дело не обошлось без курьезов. Верстах в 25 от Симбирска крестьяне, узнав, что я из Питера, обступили с вопросами о житье в Питере и о том, как живет «землячок» Ленин и видел ли я его. Удовлетворив их любопытство, я был поставлен в тупик их просьбой хлопотать перед Лениным о том, чтобы им прибавили земли, так как землицы у них очень мало. Удивленно спрашиваю:

— Какой земли? Ведь существует закон, по которому земля переходит к тем, кто ее обрабатывает.

Мне возражают:

— Земли мало.

Еще больше удивившись, я указал им на окружающий лес, поля и помещичью усадьбу и спросил:

— А это что такое, чьи они?

— Теперь наши. Но все-таки мало.

— Так как же, братцы крестьяне, откуда Ленин возьмет земли, разве Луну подтянет — землячкам черноземцу уделить, если на ней есть, или, может быть, надумает построить второй этаж?

Все же я пообещал передать их просьбу Ильичу.

Подъезжая к селу Большие Ключи (в 15 верстах от Симбирска), возница крестьянин таинственно и не без гордости сообщил нам, что настоящая фамилия Ленина — Ульянов, и, указывая вдаль, добавил, что за холмами есть деревня Ульяновка. Это, мол, деревня его отца¹. К завершению всего добавил:

— Хорош бы мужик, да горячо берет, сразу.

Побыв почти во всех уездах Симбирской губернии и убедившись по настроению крестьян и красногвардейцев, что Советской власти угрожает серьезная опасность, я с сыном выехал в Москву. Явившись к Владимиру Ильичу, я обрисовал ему в самых мрачных красках настроение крестьян, их отношение к большевикам, а также бесформенность, расхлябанность и неустойчивость красногвардейцев, сдающих белогвардейцам громадные территории, с крупными губернскими и уездными городами, часто без всякого сопротивления. И стал делать предложения: 1) дабы спасти революционные завоевания, необходимо бросить все советские пролетарские элементы в деревню для организации и агитации среди беднейшего крестьянского населения, так как эсеры и меньшевики, потерпев поражение в городах, ушли в деревню и ведут отчаянную беззастенчивую кампанию против Советской армии, против большевиков; под влиянием эсеровской кулацкой агитации нетерпимость к большевикам чувствовалась не только со стороны середняка, но и бедняка; 2) чтобы спасти революцию, если потребуется, поступиться даже Петербургом или всей областью; 3) послать две-три канонерки на Волгу; 4) увеличить цены на хлеб, не жалея керенок; 5) бросить пролетариат в деревню, тем самым спасая живую революционную силу от голода; рабочие с успехом дадут отпор контрреволюционным бандам, укрепив деревенскую бедноту.

Во время моего доклада Владимир Ильич был в самом веселом расположении духа, как будто я сообщал ему какой-нибудь юмористический рассказ, а не говорил о серьезной опасности, грозившей Советской власти. Эта беспричинная, на мой взгляд, веселость приводила меня в немалое смущение... Мне стало еще более обидно, когда Владимир Ильич на все мои уверения, что крестьяне нас поколотят, смеясь, ответил: «Конечно-конечно, товарищ, они вам покажут, это им не впервой, если не сломаете хребет кулакам, прежде чем они вам успеют сломать».

Почему «вам», я в первую минуту не понял, уже хотел сделать возражение: «чему, мол, смеешься, ведь и самому попадет» — но удержался. Чему человек так радуется? Сначала мне показалось — тому, что я горячо доказываю, а Владимир Ильич сомневается в правдоподобности доклада, но нет...

По окончании нашего разговора Владимир Ильич предложил написать воззвание к питерским рабочим, что тут же сам и исполнил. Вот это воззвание:

¹ Это сообщение неправильно. Имена в Симбирской губернии у И. Н. Ульянова не было. *Ред.*

С О В Е Т

Народных Комиссаров

Москва. Кремль.
12—VII—1918 г.

К ПИТЕРСКИМ РАБОЧИМ

Дорогие товарищи! Пользуюсь поездкой в Питер т. Каюрова, моего старого знакомого, хорошо известного питерским рабочим, чтобы написать вам несколько слов.

Тов. Каюров побывал в Симбирской губернии, видел сам отношение кулаков к бедноте и к нашей власти. Он понял превосходно то, в чем не может быть сомнения ни для одного марксиста, ни для одного сознательного рабочего: именно — что кулаки ненавидят Советскую власть, власть рабочих и *свергнут ее неминуемо*, если рабочие не напрягут *тотчас же* все силы, чтобы предупредить поход кулаков против Советов, чтобы *разбить наголову* кулаков прежде, чем они успели объединиться.

Сознательные рабочие *могут* в данный момент осуществить эту задачу, могут объединить вокруг себя деревенскую бедноту, могут победить кулаков и разбить их наголову, *если передовые отряды рабочих* поймут свой долг, напрягут все силы, организуют *массовый поход в деревню*.

Сделать это *некому*, кроме питерских рабочих, ибо столь сознательных, как питерские рабочие, других в России нет. Сидеть в Питере, голодать, торчать около пустых фабрик, забавляться нелепой мечтой восстановить питерскую промышленность или отстоять Питер, это — *глупо и преступно*. Это — гибель всей нашей революции. Питерские рабочие должны порвать с этой глупостью, прогнать в шею дураков, защищающих ее, и *десятками тысяч* двинуться на Урал, на Волгу, на Юг, где много хлеба, где можно прокормить себя и семьи, где *должно* помочь организации бедноты, где *необходим* питерский рабочий, как организатор, руководитель, вождь.

Каюров расскажет свои личные наблюдения и убедит, я уверен, всех колеблющихся. Революция в опасности. Спасти ее может только *массовый* поход питерских рабочих. Оружия и денег мы им дадим сколько угодно.

С коммунистическим приветом *Ленин*¹.

По 3 пункту моих предложений Владимир Ильич писал записку тов. Троцкому, копию которой печатаю здесь:

«11/VII—1918 г.

Тов. Троцкий!

Податель — тов. Каюров, великолепный питерский рабочий, старый партийный товарищ. Примите его, пожалуйста, и выслушайте обстоятельно.

Ваш *Ленин*»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 521—522.

² ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 6545.

На прощание тов. Ленин сказал:

— Собирайтесь, тов. Каюров, организованно и поезжайте. Все вам отдадим, что имеется на складах России. Уже теперь имеется у Советской власти колоссальное количество конфискованных товаров. Масса оружия, тысячи пулеметов лежат без движения, в особенности много в Вологде. Мы пробовали давать наши запасы, но все раскрадывается, растаскивается, а вы, я уверен, все это используете в интересах революции, в интересах привлечения на свою сторону бедноты деревни.

Ушел я от него все-таки в недоумении, пока, уже едучи в Питер, не прочитал его письмо, небрежно сунутое мной в карман.

И только прочитав в письме фразу: «Товарищ Каюров понял» и т. д. — мне стал понятен смех и веселое настроение Ильича. Мне стало тоже смешно и... немного обидно за свою несообразительность: оказывается, мои горячие доводы для него были не новостью, а лишь подтверждением его собственного взгляда. До сих пор рабочие Питера и его верхушки смотрели на Октябрьский переворот и свои революционные силы со своей питерской колокольни и ни за что не хотели оставлять революционного города.

По приезду в Петербург я познакомил с письмом в нескольких районах партийных товарищей, затем явился к тов. Лашевичу и Зиновьеву. Последний, прочитав письмо, недружелюбно махнул рукой и на мой вопрос: «Даєте ли свое согласие на вербовку отрядов?» — ответил мне: «Как хотите, так и делайте». Недружелюбно отнеслись и другие власти. При обсуждении письма в районных комитетах партии петербургской организации некоторые товарищи выявляли свое недовольство, по-видимому, на «недисциплинированность» Владимира Ильича, пославшего письмо через меня, а не обычным порядком.

Видя такое отрицательное отношение «верхушек», я бросился в «низы», где письмо Ильича нашло благодарную почву; рядовые члены партии, по крайней мере в Выборгском районе, по прочтении письма даже не допустили прений, и большинство тотчас же записалось в первую группу; их было 38 человек. Впоследствии я уже в армии встречался с другими отрядами и группами рабочих Питера и других городов, следовавших за нами. Подробности работ этих групп, полагаю, будут описаны другими товарищами.

Перед отъездом из Петрограда я пошел проститься с А. М. Горьким. Он был болен и лежал в постели. Я объяснил ему цель своего прихода и спросил: «Ну, Алексей Максимович, мы уезжаем, может быть, на смерть и, уезжая, нам не хочется верить, что Вы не с нами, а против». В ответ получил следующее: «Кончено, будет! больше нападать не будем, время критики прошло, надо работать. Как только встану с постели — еду к Ильичу на примиренье».

Насколько большое значение придавал Владимир Ильич походу питерских рабочих в деревню, можно видеть из того, что по приезду нашего отряда в Москву он вместе с тов. Троцким и Я. М. Свердловым приехал к нам во 2-ой Дом Советов, где мы остановились. К этому времени фронт гражданской войны уже в сильной степени ослож-

нился. Товарищ Троцкий предлагал направлять все отряды в его распоряжение, но так как наш отряд был сформирован не только для завоевания деревни, но и для продовольственной работы, то он поступил в ведение и распоряжение Наркомпрода.

Владимир Ильич отнюдь не считал, что его содействие делу организации рабочих отрядов окончено. В беседе мы указали, что питерские партверхушки с большой неохотой давали людей и делу организации этого первого отряда помогло только собственноручное письмо тов. Ленина. Владимир Ильич, выслушав это, решил подтвердить свое требование еще телеграммой, и в тот же день за подписями Владимира Ильича, Троцкого и Я. М. Свердлова в Питер была отправлена телеграмма с предложением об организации новых отрядов и оказывании им всяческого содействия¹.

По окончании переговоров с тов. Лениным наш отряд был назначен тов. Цюрупой в Казань. Началась обычная в наших условиях канцелярская волокита. В Наркомпроде нам нужно было получить мандаты и авансы. Ходим день, ходим два, толку пока что нет. Спас нас опять тот же Ильич. В разговоре с тов. Свердловым он узнает, что мы еще здесь. Тов. Ленин немедленно вызывает меня и тов. Чугурина к телефону (мы находились в это время в Наркомпроде) и спрашивает:

— Почему вы не уехали?

— Да вот, Владимир Ильич, уже два дня ходим в Наркомпрод за документами... получаем только обещания.

— В каком отделе находится ваше дело?

— В общей канцелярии.

— Позовите начальника канцелярии.

Вызываем, он подходит к телефону.

— Слушает начальник канцелярии.

Наблюдая за переговорами, слышим голос Ильича.

— Говорит Ленин...

— С-слушаю вас, товарищ Ленин...— голосом, понизившимся сразу на два тона, отвечал злополучный начканц.

— Сколько времени надо вашему отделу на регистрацию и выдачу мандатов отряду?

— Столько-то...

— В каком отделе следующая операция с их документами?

— В таком-то...

В следующих отделах этот разговор повторяется. Взяв со всех начальников слово в скорейшем исполнении канцелярских формальностей, Владимир Ильич просил нас доложить ему, если какой-нибудь отдел затормозит дело. Надо отметить, что слова Ильича оказали магическое действие. Вся «сложная» работа по выдаче мандатов и авансов была исполнена в назначенный тов. Лениным срок. Дело оставалось за вагоном. Как его доставка, так и прицепка тоже не обошлись без личного вмешательства Владимира Ильича. В этот день мы выехали на место.

¹ См.: Ленинский сб. Т. 34. С. 27—28.

Нам стало особенно ясно, как трудно было создавать новый аппарат власти из старых людей, и сколько Владимиру Ильичу приходилось тратить энергии на мелкие, но срочного характера вопросы.

Не ограничиваясь напутствием нашему отряду, он просил нас сообщать о настроении крестьян *непосредственно* ему или Я. М. Свердлову. Скоро мы были в Казани.

Но не суждено было нашему отряду поработать по снабжению городов продовольствием, так как на третий же день нашего приезда туда, пока губпродком раскачивался с назначением, Казань была сдана белогвардейцам, а наш отряд перешел в распоряжение V армии.

Казань пала, как многие другие села и города, благодаря измене, провокации и нашей неорганизованности. Наши отряды питерских и московских рабочих вынуждены отступать. Разрозненные, голодные, ограбленные и избитые крестьянами (были и убитые: Мильда Иван), пешком пробирались на авось сотни верст северными уездами Казанской губернии, пребывая в неизвестности о положении Советской власти, но с надеждой, что наши промышленные пролетарские центры не так легко отдадут свою свободу. Добрались до Нижнего. Командировали тов. Чугурина с докладом в Москву к Ильичу. Одновременно с приездом Чугурина в Москву явилась другая часть нашего отряда, отделившаяся от нас во время ухода из Казани. Явились к Я. М. Свердлову полураздетые, едва прикрытые кое-каким тряпьем, полученным ими от сердобольных беженцев западных губерний, с синяками, с пробитыми черепами тов. И. Гордиенко, И. Румянцев, И. Попов, Прохоров и Кривоносов, для засвидетельствования своим видом отношения крестьян к большевикам и Советской власти. Яков Михайлович при виде своих «элегантных» приятелей разразился хохотом и тут же сообщил об этом Владимиру Ильичу, который не преминул посмеяться над их сентиментальностью, над их попыткой и уверенностью пропагандой, добрым словом перетянуть на сторону Советской власти расчетливых, положительных крестьян. И на вопрос Ильича, что думают товарищи делать дальше, Гордиенко ответил, что, умудренные крестьянским «опытом», они вернутся к ним более практичными. На вторичный поход в деревню Владимир Ильич выдал тов. Чугурину, Гордиенко, Румянцеву и мне следующего рода документы:

РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

СОВЕТ
Народных Комиссаров

Москва, Кремль.
22-го августа 1918 г.
№ 2444

Печать Управления делами
Крест. и Раб. правительства
Республики России.

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Податель сего тов. ... уполномочен Советом Народных Комиссаров действовать при фронтовой полосе для организации продовольственных отрядов, выступать как политический комиссар при военачальниках. Поручается принимать от него телеграммы в Москву, Совнарком, ЦИК.

Всем советским и военным властям оказывать подателю всякое содействие без замедления.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)
Секретарь Совета Народных Комиссаров Л. Фотиева¹.

Но и после перехода отряда в армию мы не переставали информировать Владимира Ильича о настроении армии и крестьян и не раз прибегали к его личной помощи. Лично я был вскоре назначен заместителем начальника политотдела V армии. Все же члены отряда вместо продработы были заняты политработой в армии.

III. В БОРЬБЕ С КОЛЧАКОМ (1919 год)

В первых числах марта 1919 года под Уфой победоносная V армия, прошедшая с боем от Казани до Уфы, получила чувствительный удар от Колчака; целая дивизия была разбита и деморализована. Оставшаяся (служившая грозой колчаковцам) 26 дивизия упорно отражала колчаковские офицерские банды, изнемогая в неравной борьбе. Необходимо было срочно сильное, серьезное подкрепление. Подкрепления же не присылали, если не считать несколько небольших эшелонов солдат, в большинстве случаев необученных и недисциплинированных, которые по дороге наполовину или на три четверти разбежались.

Измученной огромными переходами армии нужен был или длительный отдых, или, как упомянуто выше, серьезное, сознательное подкрепление. Не знаю, по каким причинам, но его не присылали. А грозные, в то же время нервные приказы штаба фронта сыпались как из рога изобилия. Над всеми ими доминировал один: не сдавать Уфы, но сил для удержания ее не было. Надо было что-то предпринять. В поисках подкрепления у политотдела армии и у эвакуированных с ним из Уфы губкома и военкомата возникло решение: обратиться к крестьянам с воззванием о добровольном вступлении в ряды Красной Армии.

Измученные империалистической войной и раскрепощенные Октябрьской революцией от помещиков, кулаков и прочих эксплуататоров, крестьяне больше ничего не хотели, кроме мира, недооценивая идущую черную опасность — «верховного правителя» Колчака. Ни личные убеждения агитаторов, ни воззвание (которое, надо сказать, составлено было на редкость удачно по содержанию) совершенно не имели успеха. Добровольцев явилось всего несколько десятков человек. Но, не имея успеха среди крестьянства, мы в то же время видели, что крестьянство, если его мобилизует Колчак, тоже мало принесет ему пользы. Подкрепление, нужное армии, мы могли получить только из России, из ее заводских центров. Мы решили телеграфировать чутко прислушивавшемуся к голосурядо-

¹ См.: Ленинский сб. Т. 18. С. 174 — 175.

вых работников Владимиру Ильичу о присылке сознательного подкрепления. Вот текст телеграммы, посланной тогда нами Владимиру Ильичу (воспроизвожу по черновику):

Москва. Кремль. Ленину

Уфа сдана. Причина: усталость красноармейцев, прошедших с боем от Казани до Уфы. Не имея подкрепления, армия разжижилась. Несмотря на это, приказы Востфронта — всю зиму армию без передышки, без обуви, по колено в снегу бросали на уральские горы в наступление, результатом чего — поражение. По нашему мнению, не следует посылать какие-либо комиссии для виновности в поражении. Комиссии могут только помешать делу, лучше пришлите сознательное, обученное подкрепление, и враг будет разбит.

Каюров и Путна

В ответ на нашу телеграмму Владимир Ильич ответил следующее:

Телеграмма.

Секретно.

Красная Армия. Пятая армия. Каюрову.

Весьма экстренно. Красная Армия.

Из Москвы 32229737 А 51 сл. 277322, 57

Принята 28/III—1919 г.

Получил Вашу непостижимо оптимистическую телеграмму; очень опасаюсь, что подобный оптимизм, уже много повредивший на Востоке, нам повредит и теперь. Сообщите, передали ли Вы Ваше мнение Троцкому и какие меры приняты Вами для улучшения политической работы, для внесения бодрости и сознательности в подкрепления.

Предсовнаркома Ленин¹.

Наш ответ был таков:

Телеграмма.

Срочно. Военная.

Москва. Только Ленину.

Товарищ, опасаемся, что не так поняли. На вас одна надежда поставить лозунгом: «Урал должен быть наш». Непостижимо оптимизма нет, раз говорим о крупном подкреплении. Наше мнение сообщать не намерены никому, потому что на нас смотрят сверху вниз. Люди интеллигентского труда не верят, что есть предел для людей физического труда, каковыми являются наши красноармейцы, перенесшие столько лишений. Без передышки или сильного подкрепления никакая агитация больших результатов не даст. Все, что можно, все, что было, политотдел отдал армии, хотя в Вашей телеграмме сквозит сомнение. Примеры результатов работ: 5 армии: самосознанием выше других, проследите путь продвижения армии

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 271.

от Свияжска до Уфы, увидите, что кулацких восстаний нет. Бод-
рость внести в подкрепления стараемся, но эту работу затрудняет
то, что они идут прямо в бой. Главная работа на фронте может быть
только через коммунистические ячейки.

Завполитотделом 5 — Каюров
Завделполитотдела — Михельсон

Марта 1919 г.
г. Бугуруслан.

Хотя Ильич и журил нас в этой телеграмме за излишний опти-
мизм, все-таки предложенный нами лозунг: «Урал должен быть наш»
на третий же день красовался в наших центральных газетах, а
впоследствии и на плакатах. Скоро было получено необходимое
подкрепление, в результате чего под Самарой колчаковия получила
смертельный удар.

Основанием нашего оптимизма послужило не бахвальство, а
глубокий анализ настроения крестьянской массы, переживавшей
кризис, т. е. начавшей переоценку своих отношений к большевист-
ской власти. Дело в том, что за время царствования Учредилки, а
затем колчаковщины велась самая беззастенчивая травля больше-
виков и руководимой ими армии, вследствие чего в крестьянских
головах сложилось о нас определенное мнение, конечно, не в нашу
пользу.

С приходом же V Красной Армии крестьяне убедились в лжи-
вости эсеровской и прочей агитации, направленной против нас.
Так как V армия, в силу сложившихся под Казанью обстоятельств,
получила в свое распоряжение лучший пролетарский элемент, глав-
ным образом из Питера, то естественно, что пролетарский дух по-
чувствовался как в армии, так и в деревне.

Первой сформировавшись в регулярную, V армия стала нано-
сить учредилковским войскам удар за ударом. Первой пала Казань,
за ней Симбирск; под ударом же V армии 1 января 1919 года пала
и Уфа, один из самых грозных оборонительных пунктов кол-
чаковии.

Вслед за боевыми колоннами Красной Армии политотдел рас-
сылал по деревням и городам сотни пролетариев, искушенных в
классовой борьбе еще в дни царизма. Эти сотни «культуртрегеров»¹,
можно сказать, целиком оправдали надежды Владимира Ильича (см.
письмо к питерским рабочим).

Еще до постановления о «комитетах бедноты» под Казанью
агитаторы и организаторы политотдела своим пролетарским чутьем
предупредили означенное постановление, сумев внушить к Совет-
ской власти доверие деревенской бедноты, и тем самым лишили
всякой почвы крестьянское кулачество. Беднота указывала нашим
снабженцам скрываемый кулаками хлеб и другие продукты и охотно
слушала наших агитаторов.

¹ Носитель культуры (нем.). Ред.

Будучи в то время заместителем начальника политотдела и заведующим крестьянской секцией, мне приходилось принимать крестьянских ходоков с просьбами о посылке в их деревни людей для организации комбедов и вообще хозяйственной жизни. Кроме того, политработниками не меньшее внимание уделялось и культурно-просветительной работе в деревне и Красной Армии.

В местностях, освобожденных от белогвардейцев, агитаторы и организаторы армии применяли метод «смычки» с крестьянством, на первый взгляд казавшийся как бы слишком примитивным, но в то же время являвшийся самым рациональным и имевший колоссальный успех: появившиеся в деревнях работники нашего политотдела первым делом организовывали крестьян для восстановления брошенных кулаками при бегстве мельниц, кожевенных заводов, мастерских валяных сапог, кузниц и открывали школы. Такой практический метод «смычки» резко изменил настроение крестьян в нашу пользу.

IV. 1920 год

Главные силы белогвардейских армий разбиты. Колчака не существует. Но разрушение, произведенное гражданской войной, дает себя чувствовать. В городах грязь, скученность, свирепствует тиф, в Самаре в особенности. Началось санитарное оздоровление города: очистка грязи на улицах и в жилых помещениях. Повелась широкая кампания за воскресники. Рабочие, главным образом партийные и красноармейцы, каждое утро в воскресенье и в праздник приступали к чистке улиц, дворов и т. п., а десятки тысяч мещан и всякого рода другой «чистой публики» не только не хотели помогать, но и насмехались над работавшими.

Работали те люди, которые работали и работают круглый год, для которых праздник является единственным днем отдыха. Они беспрекословно отдают день своего отдыха на общее дело — борьбу с антисанитарными условиями. Скоро, однако, при виде массы бездельных начался ропот среди работавших. Я решил сделать предложение об изменении отношения работавших к неработавшим. Как это сделать? С кем вести разговор? Если этот проект предложить местным гражданским и военным властям, то можно заранее считать затею проигранной. Поэтому я решил действовать через Владимира Ильича. Посылаю ему телеграмму следующего содержания (по черновику):

«Самаре грязь по колено. Свирепствует тиф, меры принимаемые недостаточны, на воскресниках работают одни и те же лица — коммунисты и красноармейцы, поэтому естественный ропот. Необходимо заставить работать всех: гражданских — во главе с предгубисполкома, военных с главнокомандующим.

Каюров».

Через два дня (7/IV 1920 г.) получена телеграмма от Владимира Ильича:

«Вашу телеграмму получил. Меры принимаю. НР 199. Ленин».

Какие приняты меры по отношению самарских воскресников, мне неизвестно. Но 1 мая 1920 года я видел, что председатель Совнаркома РСФСР Владимир Ильич Ульянов работал в Кремле на воскреснике вместе с курсантами, разбирая какой-то склад лесу, таская доски и бревна.

Еще совсем недавно, в самом конце XIX столетия, все граждане города кланялись своему губернатору при встречах, а крестьяне, за сотню сажен увидев ехавшего деревней земского начальника, вставали и, поравнявшись с ним, кланялись в пояс.

Прошло 20—25 лет. Теперь пролетарский диктатор, вождь мировой революции, вышел 1 мая вместе со всеми участвовать во всеобщем труде не по прихоти, а согласно установленной в пролетарском государстве дисциплине. Хороша эта дисциплина, и ее надо сохранить, конечно, на более высокой хозяйственной основе.

Мне хотелось бы отметить одну весьма характерную для Владимира Ильича черточку, на которую, думаю, не мешало бы обратить внимание не одному из наших ответственных работников. Для рабочих эта его черта так ясна и понятна.

В апреле 1920 года являюсь с тов. Серебровым (бывшим сормовским рабочим) на прием к Владимиру Ильичу. Ожидавших было человек 5—6. Полагая, что это «важные» особы, я записался в очередь последним. Минут через двадцать, в течение которых было принято два человека, в приемную входит секретарь, оглашает мою фамилию и немедленно приглашает к Владимиру Ильичу. Являюсь. Первым долгом Владимир Ильич спрашивает: «Сколько времени ждали приема?» Отвечаю: «Минут 20—30». Сделав укоризненный жест, он сказал: «Я научу вас способу, как в следующий раз попасть ко мне вне очереди, не дожидаясь, пока я окончу часто пустые разговоры с разного рода прожектерами и прочей такого же рода публикой. Подавайте мне всегда личную записку». И он тут же сделал секретарю, видимо, повторное предупреждение: «*Я же вам говорил, что представителей от рабочих пускать ко мне вне очереди.*»

Главной целью нашего приезда из Самары к Владимиру Ильичу было выяснение вопроса о продовольственном положении РСФСР. Как известно, за два года гражданской войны главной продовольственной базой РСФСР были несколько центральных и поволжских губерний. За эти два года Советская власть была вынуждена принимать жесткие, а иногда весьма суровые меры по отношению изъятия у крестьян хлеба. Это изъятие было произведено очень основательно, что сильно подорвало как крестьянское хозяйство, так и авторитет Советской власти. Нужно было ослабить режим и искать какой-нибудь другой выход.

На наше счастье, 1918—1919 годы были благополучны по урожаю, а между тем можно было ждать и обратное (весьма обычное для России) — неурожай, в лучшем случае — недород. Мы

задали Ильичу вопрос: «Какие меры приняты правительством на случай неурожая в России? Ведь нельзя же больше, чем можно, сидеть на шее 6—7 губерний!» Владимир Ильич ответил: «У нас этот вопрос в порядке дня не стоял, и пока ничего не предпринимается; кроме метеорологической справки от тов. Брюханова, нет ничего».

На вопрос Владимира Ильича, какие меры мы предлагаем, мы предложили единственный, по нашему мнению, приемлемый план: во-первых, продовольственной базой республики в данной обстановке может быть только Сибирь, и во-вторых, изменение метода «выкачивания» продовольствия, весьма повредившего «смычке» с крестьянством. Наше предложение было то же, что и в 1918 году, когда, при содействии Ильича, были двинуты десятки тысяч пролетариев для организации бедноты. *Мы предложили использовать наши практические знания в деле помощи сельскому хозяйству;* но изменившееся военное положение не позволяло применить эти знания полностью, так как, кроме имевшегося Южного фронта, Владимир Ильич в нашем присутствии подписывал манифест о войне с поляками. Конкретно наше предложение заключалось в следующем: группой рабочих захватывается одна из сибирских губерний с целью поддержания и восстановления сельскохозяйственных заводиков, мастерских, и этим самым предполагалось подойти в самое близкое соприкосновение с крестьянской массой, помочь ей «натурой» в возмещение за взятый хлеб. Владимир Ильич с нашими доводами согласился и просил ВСНХ оказать необходимое содействие¹.

Между прочим Владимир Ильич радостно сообщил: «Сейчас был Горький, и если хотите видеть своего приятеля, то вот вам адрес». От Ильича мы направились к Горькому. Поздоровавшись с нами, Алексей Максимович возбужденно-радостно сообщил: «Был сейчас у Ильича и говорил с ним о практической работе советского строительства, теперь начну организовывать для этой цели интеллигенцию». Пожимая нам руки, он все время стыдливо-радостно твердил: «Ах, хорош мужик, хорош! Ведь хорош, товарищи?! Как мы мало его знали!» Мы засмеялись.

На другой день являюсь для назначения в ВСНХ. Через час получаю назначение с резолюцией о выдаче мандата. Жду день, два, три. Хочу получить его без протекции высшего начальства. Дело не движется. Начинаю понемногу переругиваться с техническим секретарем и машинистками. Получаю за это выговор и просьбу выйти из канцелярии. И только на четвертый день получаю мандат, на бланке, с готовым типографским текстом и... с припиской не более двух строк: фамилия, имя, отчество и куда направлен.

¹ И этот способ нам не пришлось применить, так как, по приезде в Сибирь к предсибревкому И. Н. Смирнову, нас направили на другую работу. В. К.

V. ИЗМЕНЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Кончились военные фронты. Начались хозяйственные. Работники армии рассыпались по всей Сибири, часть боевой армии превращена в трудовую; оставшаяся повела борьбу с остатками бандитизма. Неурожай 1920 года в Европейской России наложил на сибирских крестьян тяжелое бремя — снабжение хлебом голодающих губерний. Потребовалось большое напряжение от продовольственных работников по сбору хлеба и других продуктов.

Во время сбора продрозверстки собственнический инстинкт крестьянина Сибири выявился вовсю. Недовольство часто переходило в восстания. Нетактичные действия со стороны продовольственников способствовали усилению озлобления крестьян, давая контрреволюционерам хороший повод к компрометированию Советской власти. Репрессивные меры против восставших и изъятие всего наличия излишков хлеба заставили мужика перейти к пассивному сопротивлению. Он начал сокращать размер посева, доводя его только до нормы, необходимой для удовлетворения своих нужд.

Работая в 1920 г. в Семипалатинской области, пользуясь весьма скудными, отрывочными сведениями из центра, я не мог ориентироваться в сложнейшей в то время политической и экономической обстановке РСФСР. Видел все это и не понимал. Все свои сомнения, мысли и недоразумения я изложил в письме к Владимиру Ильичу. Помещаю содержание:

«Глубокоуважаемый дорогой учитель и товарищ

Владимир Ильич.

Причина, вынуждающая меня отнимать у вас драгоценное время, заключается в том, что вот уже целых три года я волею судьбы лишен возможности непосредственно слышать и говорить о нашей политике, наших перспективах в будущем с славнейшими и старейшими ветеранами нашей партии.

Для того чтобы более или менее основательно и верно ориентироваться в новых условиях, в довольно своеобразной стране, усвоить наиболее отвечающую задачам революции линию поведения, мне приходилось в течение этих трех лет пользоваться весьма недостаточным и слабым материалом в виде осколков настоящей мысли, настоящей кипучей жизни.

Но, тем не менее, сохранив способность критически мыслить, исповедуя прежние идеалы и догматы, имея под руками массу сырого материала для наблюдений и введения коррективов в практические методы достижения этих идеалов, я должен сознаться, что бывают случаи, когда становишься в недоумении и даже попадаешь в ложное положение в отдельных вопросах тактики и политики нашей партии.

Переживаемый коммунистической революцией момент несомненно тяжел. Авангард этой революции — Советская Россия, бла-

годаря международной изолированности, переживает величайший кризис. На Западе революция затягивается. Для спасения революции нужны чрезвычайные, героические меры, но в то же время и разумные. Проведение этих мер в жизнь должно быть тоже разумным, чтобы по возможности *выиграть время*. Быть может, страна дойдет до состояния времен Адама после его грехопадения, но это еще полбеды, если только спасем от грозной опасности революцию: прикроем листьями грешные тела свои или опояшемся козлиными шкурами.

Если все это так, то мне вполне понятна ваша политика от Брестского мира до концессий включительно, и в особенности великолепен этот последний ход.

Но никак не могу понять до сих пор политики продовольственной.

Нужно признать ее, по-моему, для 1920 года невероятно грубой, мало продуманной и даже неразумной, особенно по отношению к окраинам, в данном случае к Сибири, и в тех формах, как она проводится на местах. В такой стране, где очень мало рабочего пролетариата, где почти нет земельного пролетариата, где земледельцы все собственники до мозга костей, благополучие коих зиждется главным образом на хлебе, — нельзя принимать таких мер, как изъятие всего хлеба: это для них равносильно смерти. Ведь неразумно же игнорировать веками сложившуюся психологию такой огромной массы, да еще малокультурной и особенно теперь, когда нам так необходимо, как я говорил выше, *выиграть время*.

Очень и очень бы хотелось слышать по этому вопросу мнение своего учителя.

Почему нельзя применить тот метод (хотя бы временно), к которому с колыбели привыкло крестьянство и который психологически воспринимается им как наиболее законный и справедливый, а именно: установление определенного налога с десятины, обязательно заранее декретированное, ибо резолюция Ленина «принимается», производит огромное впечатление даже на наших врагов.

На мой взгляд, этот метод мог бы дать самые положительные результаты и почти безболезненно.

Он даст возможность без всяких искусственных принудительных и громоздких мероприятий избежать опасного сокращения посевной площади; ведь крестьянину, с его психологией, нужно знать одно: сколько должен он отдать из своего урожая, сколько ему нужно засеять, чтобы получить в свое полное распоряжение достаточное, по его мнению, количество хлеба, для его «коммерческих» оборотов по самостоятельному снабжению хозяйства всем необходимым.

Используя же умно эту его природную «коммерческую» жилку, тем же самым «*коммерческим*» способом легко выкачать все излишки сверх установленного налога.

В этом методе гораздо меньше элемента принуждения, гораздо меньше нужно будет держать штыков для выполнения разверстки, гораздо меньше будет восстаний. При умелом же практическом

применении этого метода полагаю, что крестьяне более чем на 50% вывезут налога добровольно и вывозка будет равномернее.

К сожалению, нет у меня цифр о количестве людей в продотрядах, но думаю, что оно велико и содержание их обходится весьма и весьма дорого, а если принять во внимание, что по крайней мере 90% из их руководителей — нетактичный, плохо понимающий свои задачи элемент, неумелыми действиями возбуждающий и озлобляющий крестьян, то ясно, что, кроме материального ущерба, продотряды приносят еще и огромный моральный вред делу Республики.

Вот, дорогой товарищ, где наше слабое и опасное место во внутренней политике.

Я очень извиняюсь, что отнял у вас время, но этот вопрос и наглядные последствия практического его разрешения страшно мучают меня. Никак не могу я понять скрытого смысла и целесообразности такой системы разверстки и практикуемых методов получения ее.

Во всех вопросах я был, как Вы однажды выразились, «непостижимым оптимистом» — и вот в этом вопросе я — буквально «пессимист».

Ваш Каюров».

1/III—1921.

Ответ был получен мною в начале апреля того же года:

«Дорогой товарищ Каюров!

Получил Ваше письмо от 1/III.21 насчет налога.

Как раз за это время (пока Ваше письмо шло) и на X съезде партии и во ВсеЦИКе налог уже прошел. По газетам, конечно, знаете.

Пишите мне иногда наблюдения с мест. Как сибирские крестьяне встречают налог? Каковы иные требования их и настроения? Как у рабочих?

Всего лучшего! Ваш Ленин»¹.

24.III. 1921 г.

VI. ЧИСТКА ПАРТИИ

Колчаковщина в Сибири дала себя почувствовать. Массовые порки, расстрелы рабочих и крестьян, копирование самодержавных традиций с каждым днем отрезвляли население от тех заманчивых обещаний Колчака, которые, мол, осуществляются с уничтожением большевизма. Победы Красной Армии и сочувственное отношение к ним местного населения поднимали бодрость и вселяли в крестьянской и рабочей массе веру в правоту борьбы против царских генералов.

С приходом в Сибирь Красной Армии советская и партийная жизнь закипела. Массы крестьян и рабочих во всех отдаленных

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 106.

уголках Сибири начали вступать в РКП(б). В 1921 году, по данным статистического отдела Сиббюро ЦК РКП в Сибири, кроме ДВР и Киргизской Республики, членов и кандидатов партии насчитывалось свыше 70 тысяч человек.

Центральная комиссия по чистке партии утвердила меня председателем Сибирской комиссии. Устная и печатная кампания по чистке началась, но ни то, ни другое меня не удовлетворяло. Мне казалось непонятным, почему понадобился такой ударный метод чистки.

Что заставило принять центр такой решительный шаг? Как чистить членов партии, пришедших в партию по ее же зову в тяжелые дни, переносивших одинаковые лишения с преданнейшими и старейшими коммунистами? Как и кого надо «чистить» в Сибирской организации, состоящей из 90% крестьян и рабочих, пришедших в партию только в 1920 году? Какой голове пришла эта нездоровая мысль?

На все волнующие вопросы был один ответ: кто-то и где-то фантазирует, оторвавшись от массы, от повседневной практической работы в этой массе, и не понимает, как практически подступить к выравниванию 700-тысячного общепартийного фронта. Но как бы там ни было — решение партии выше индивидуальных рассуждений, надо приниматься за дело. Предварительно думаю высказать свои сомнения ему же — Ильичу. Из Новониколаевска вызываю по прямому проводу Ильича и передаю:

«Меня назначили председателем комиссии по чистке партии в Сибири. Принимаю этот высокий пост с благоговением, но не ожидаю большой пользы от своей работы, так как чистка, по-моему, должна производиться ежедневно 24 часа и круглый год. Во-вторых: как можно судить о коммунистах Якутска, Иркутска или Семипалатинска по бумажкам, сидя в Новониколаевске. Принимая во внимание ваши слова о том, что «мы» не научились распознавать работников по их способностям, то поэтому мы не избавимся от чуждого нам элемента и не сможем правильно использовать силы коммунистов. Считаю, что единственный выход из положения это — распознавание коммунистов по фактической будничной работе в партии и в Советском строительстве. Глубоко убежден, что 25% выкину тех, кого следует, и столько же сделаю ошибок, а завтра начнем снова вербовать и т. д. Таким образом, приступаю к исполнению новых обязанностей с надеждой, что мои сомнения не оправдаются, и не боясь количественного состава РКП(б). Но не мешает ЦК еще раз продумать дальнейшие перспективы и выработать способ повседневной чистки партии до кристаллизации.

Каюров».

Ответ Ильича:

«Относительно очистки партии я передам Ваши соображения в Центральную комиссию по очистке партии. Мое мнение, что первый серьезный опыт очистки партии даст нам ряд практических указаний, которые мы используем в дальнейшем для выработки условий

приема. Когда соберете достаточно материалов, пришлите Ваши соображения письмом.

Ленин»¹.

Ясный ответ Владимира Ильича был удовлетворителен в том отношении, что фраза: «мы используем в дальнейшем для выработки условий приема» — давала конкретное указание, которое в будущем такой сложной работы, как чистка партии, не даст возможности повторить этот эксперимент.

Владимир Ильич сразу уловил то, о чем я умолчал в разговоре: о сомнениях в полезности такого метода чистки и боязни *повторения*, и дал вполне исчерпывающий ответ.

Просимые Ильичем соображения комиссией были представлены. Материал был собран солидный, но вследствие болезненного состояния Ильича представлен ему не был и, не читанный никем, тотчас же попал в архив Центральной комиссии по чистке РКП.

Где искать причины успеха вождя, повергшего весь антипролетарский мир в ужас, посягнувшего на вековые буржуазно-демократические устои, объявившего в малокультурной, на $\frac{5}{6}$ земледельческой стране решительную и беспощадную борьбу за немедленное введение социалистического строя, объявившего борьбу с религией, отнявшего у помещиков земли, у банкиров банки, у фабрикантов и заводчиков — фабрики и заводы, разогнав в 24 часа Учредительное собрание, заключившего немедленно Брестский мир с немцами, отказавшегося платить царские долги, уничтожившего мелкобуржуазную эсеровскую партию, буржуазную партию кадетов, заставившего капитулировать партию меньшевиков и объявившего войну всему миру?

Откуда черпал Владимир Ильич уверенность в победе, имея на пути столько препятствий? Почему не другие вожди и не в другой стране? Почему в более культурной, организованной стране — Германии, где отношение пролетариата к другим классам в несколько раз выгоднее, чем это было в России, и где за последнее время пролетариат не менее, чем у нас, проявлял революционность и решимость к борьбе, и революция с 1919 года все же топчется на месте?

Чем объяснить, что при руководстве Ильича многие ошибки были избегнуты?

Объяснений по выдвинутому вопросу будет столько, сколько существует «точек зрения». Несколько раз я проверял свою революционную, пролетарскую точку зрения относительно преимущества того или иного вождя и всегда делал один и тот же вывод, что успех Ильича заключается в том, что он, прежде чем начать проводить в жизнь какое-нибудь серьезное дело, обращался к низам. Он искал *через рабочих, в рабочей массе* подтверждения и проверки

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 144.

своей мысли. И только проверив свои планы *пролетарским* мнением, он приступал к их исполнению решительно, несмотря иногда на протесты и несогласия партийных теоретиков. Это значит, что он не вполне доверял «казенной» официальной информации, страдавшей во все времена неточностью, тенденциозностью, вводившей людей у руля в заблуждение, и что он во всех *практического* характера мероприятиях любого масштаба не был ортодоксом, а с присущей ему решительностью поворачивал руль круто, если этого требовали обстоятельства.

Он на редкость был откровенен в совершенных ошибках, он предпочитал «корявые» речи рабочих и не морщился и не досадовал на них, если их произносили не нытики. Почему в самом деле Ильич, до 1917 года мало известный большинству рабочих и крестьян России, в самый короткий срок завоевал себе их симпатии? Ведь Ильич не отличался ни мягкостью, ни ласковостью, ни прочими подобными качествами в обращении с рабочими, и не раз мы уходили от него оскандаленные и осмеянные? Потому что его прямота и исчерпывающие ответы на труднейшие вопросы удесятняли веру в вождя даже после «бани» Ильича.

Вот отличительная черта Ильича от других, и мне кажется, что описанные мною факты в достаточной степени подтверждают мою мысль.

Бывший рабочий завода «Эриксон» В. Каюров.

*Пролетарская революция. 1924.
№ 3. С. 37—61*

А. Н. Лаврухин

КООПЕРАТОРЫ У ЛЕНИНА ¹

Накануне из Управления делами СНК по телефону в Центросоюз было сообщено, что В. И. Ленин желает заслушать информационный доклад об организационном состоянии потребительской кооперации, о ее торгово-заготовительной деятельности и обсудить вопрос о максимальном привлечении кооперации к делу хлебозаготовок.

Правление Центросоюза командировало председателя правления Д. С. Коробова и меня, заведывавшего в составе правления торгово-заготовительной работой.

Мы были приняты Владимиром Ильичем в Кремле, в его кабинете. Беседа заняла около часа времени ².

Д. С. Коробов в короткой информации сообщил, что на территории Советской России имеется теперь 25—27 тысяч потребительских кооперативов. В ряде мест они совершенно вытеснили част-

¹ Заголовок редакции.

² Беседа В. И. Ленина с председателем правления Центросоюза Д. С. Коробовым и членом правления А. Н. Лаврухиным состоялась 26 июля 1918 года. Заметки сделаны В. И. Лениным во время беседы. (См.: Ленинский сб. Т. 18. С. 272—273.) *Ред.*

ных торговцев. Кооперация обслуживает 70—75% населения. Лучше всего обслужены 15 губерний Центрального района — на 80% населения, затем 14 губерний Северного района — 75% населения. Слабее кооперативное строительство в 2 западных губерниях — менее 70% населения, и еще слабее в 6 губерниях заготовительного Восточного района, где обслуживается около 50% населения.

Вся потребительская кооперация Советской России объединяется в союзы, числом более двухсот.

Д. С. Коровов обратил внимание Владимира Ильича на то, что в ряде районов отношение местных Советов к кооперации не соответствует директивам из центра. Несмотря на посланную в апреле всем Советам телеграмму Президиума ВСНХ о состоявшемся соглашении с коопцентрами о совместной работе и с предписанием от имени СНК прекратить преследования кооперативов, в ряде районов эти преследования продолжаются. Некоторую помощь, но недостаточную, оказывают образованные для разбора конфликтов специальные кооперативные отделы при СНХ и ВСНХ.

Центросоюз на 1 июля с. г. имел в составе своих членов около 3000 организаций — все союзы и часть наиболее крупных обществ.

В числе обстоятельств, сильно тормозивших развитие кооперации, в беседе была отмечена высота налогового обложения, достигавшая 90% всего торгового накопления, что не позволяет кооперации накапливать неделимые капиталы, образуемые из прибылей. В частности, по особому 5 %-ному обложению оборота кооперация платит полностью, а частная торговля, не имеющая отчетности и благодаря слабости налогового аппарата, как правило, недооблагается.

Владимир Ильич предложил дать более подробную информацию о заготовительной работе Центросоюза.

Сообщив о предпринятых мероприятиях в области заготовок, мы перешли к вопросу о перспективах товарообмена с Украиной.

Владимир Ильич заметил, что по товарообмену с Украиной он имеет достаточно подробную информацию. Владимир Ильич предложил обратить внимание на заготовку сахара и других продуктов, проникающих мелкими партиями, но в большом количестве на советскую территорию, где их закупают мешочники и перевозят в центры.

В дальнейшем беседа перешла на вопрос о хлебозаготовках кооперации. Этому вопросу Владимир Ильич уделил наибольшее внимание и время.

Мы информировали Владимира Ильича, что хлебозаготовительный аппарат Центросоюза и системы — слаб. Губпродкомы и начавшаяся практика реквизиционных отрядов в этой области оставили кооперации небольшое поле. Но из опыта отдельных районов (Тамбовской, частью Воронежской и Саратовской губерний) можно установить, что кооперативные хлебозаготовки при известных условиях можно быстро форсировать. Продовольственные отряды за последние полтора месяца добыли для Москвы и Петрограда 2 мил-

лиона пудов хлеба. Но, по прикидкам Центросоюза, расходы при этом способе заготовок раз в десять превышают твердую заготовительную цену хлеба.

Владимир Ильич сообщил, что в правительстве рассматривается вопрос о привлечении к хлебозаготовкам кооперации вплотную и предполагается поставить эту задачу самой главной задачей кооперативного аппарата, используя для хлебозаготовок наибольшую часть товарного фонда.

— При каких условиях, по мнению кооператоров, реализация урожая будет наиболее успешной?

По этому вопросу мы высказались в том смысле, что для хлебозаготовок целесообразно создать объединенный аппарат из органов Компрода и кооперации.

Необходимо повысить твердые цены на хлеб. Они сильно отстают от цен на другие товары. Твердые цены должны остаться для распределения хлеба. При заготовках целесообразно применить систему предельных, не оглашаемых цен, с возможностью варьировать цены по отдельным районам. Товарообменный эквивалент идет сдатчикам хлеба.

Владимир Ильич заметил, что на повышении твердых цен на хлеб и на значительное повышение можно пойти. Но твердая цена должна быть твердой и при распределении и при заготовках. Принцип вольной скользящей цены по районам, хотя бы и в границах предельной, не оглашенной цены, неприемлем.

Обсуждением вопроса о хлебозаготовках беседа была закончена.

Ленинский сб. Т. 18. С. 274—275

Е. Б. Бош

ВСТРЕЧИ И БЕСЕДЫ С ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧЕМ ¹

Снова встретились только уже летом 1918 года, после оккупации Украины, когда я вернулась из Липецка (Тамбовской губернии), где пролежала больная два месяца.

Владимир Ильич позвонил по телефону и, заботливо осведомившись о состоянии здоровья и где и как я сейчас устроилась, предложил:

— Если вас не затруднит, то приезжайте сейчас в Кремль. У меня полчаса свободного времени. Потолкуем...— При этом осведомился, имеется ли у меня пропуск в Кремль и средства передвижения.

Пропустили без секунды задержки — Владимир Ильич позаботился и об этом.

Придвинув мне стакан чаю и осведомившись, не будет ли тяжело говорить, Владимир Ильич начал расспрашивать о всем пере-

¹ Начало воспоминаний см. настоящее издание. Т. 4. С. 78—85. *Ред.*

житом за год на Украине, об отдельных товарищах, об отношении крестьянства к Советской власти, о создавшемся положении в связи с немецкой оккупацией и отдельными короткими замечаниями и отдельными репликами высказывал свое отношение и давал оценку тому или иному явлению или действию. Постепенно разговор перешел к обсуждению нашей дальнейшей работы на Украине, и Владимир Ильич подробно остановился на расспросах о планах и перспективах, намечаемых и обсуждаемых в партийных рядах.

По вопросам Владимира Ильича и полному отсутствию реплик с его стороны я видела, что самый большой вопрос для нас, украинских партработников, — вопрос о нашей тактике — и для него еще не ясен. Это заставило меня с наибольшей полнотой и объективностью давать сведения и с сугубой осторожностью высказывать свои соображения.

Владимир Ильич слушал внимательно. И, не переставая спрашивать, так ставил вопросы, что значительно облегчал мне мою задачу, нередко переспрашивая и не спуская испытывающего взгляда, добивался более полного и точного ответа.

В результате информации на заданный мной вопрос: «Что думаете вы, Владимир Ильич?» — он развел руками, провел несколько раз своим характерным жестом рукой по голове, коротко ответил:

— Нужно подумать... Мне трудно здесь решать... Подумаем. Потолкуем... А вы сейчас свои соображения сформулируйте и пришлите...

Покончив с украинскими делами, Владимир Ильич заметно оживился, вспоминая пройденный год в России, Октябрьские дни в Петрограде, поведение некоторых товарищей, меткими замечаниями оценивал работу каждого. В нескольких коротких словах охарактеризовав наше внутреннее и внешнее положение, подробно остановился на деятельности Совета Народных Комиссаров и тех трудностях, что мешают скорейшей организации планомерной работы.

Слушая и разговаривая с тов. Лениным, забывала, что перед тобой великий вождь, к слову которого прислушивается не только многомиллионное население России, но и народы всего земного шара, и видела только близкого товарища, безгранично большого человека, который сам не сознает своей великой силы...

На мои сообщения о положении на местах и работе Советов и парторганизаций, что мне удалось наблюдать, возвращаясь с Украины и живя в Тамбовской губернии, Владимир Ильич с болью бросил:

— Головоотяпствуют. Людей нет... Что можно предпринять, по-вашему?..

Говорю, что думала об этом и пришла к выводу, что необходимо перебросить из Петрограда и Москвы часть советских работников — рабочих, которые уже проработали несколько месяцев под руководством сильных товарищей и имеют хоть какое-нибудь представление о советском строительстве.

— Вы думаете, они согласятся поехать?

Отвечаю утвердительно, прибавив: «Если вы предпишете». Последние слова вызвали досадливое движение: видно было, что это говорю не я первая. И, точно отмахиваясь от надоедливой жужжания, Владимир Ильич не то спросил, не то ответил со сдержанной досадой:

— Как это я могу предписать?..

И, моментально оживляясь, обратился ко мне уже без тени досады:

— Поезжайте-ка сейчас в Питер, расскажите рабочим, что делается на местах, и убедите их поехать на работу в провинцию.

В первое мгновение я даже опешила. Но, взглянув повнимательнее в его лицо, увидела, что говорил Владимир Ильич совершенно искренне и как бы даже радуясь найденному выходу. Тут уж я не могла сдержать своей досады: «Неужели Вы не знаете, Владимир Ильич, что Ваше слово для членов партии — закон?.. В Питер я не поеду, это будет бесполезная болтовня. Вы должны, раз это нужно, приказать, и все безоговорочно подчинятся...»

Владимир Ильич задумался... Потом перевел разговор на другую тему. Но при прощании осторожно напомнил: «Вы все же подумайте насчет поездки в Петроград».

Скорее Владимир Ильич убедился, что он может и должен приказывать и что его слово для партии — закон...

До Всероссийского съезда Советов я осталась в Москве — с Украины ушла. После левозеро-восстания уехала на работу в провинцию. На этой работе мне пришлось не только чаще встречаться и беседовать с Владимиром Ильичем, но и обращаться к нему за поддержкой и содействием. И тут наряду с безграничным чувством глубочайшего уважения и доверия к Владимиру Ильичу росла и крепла вера: пока Ильич есть, все трудности преодолеем и мы выйдем победителями...

В скором времени после эсеровского восстания в Москве меня вызвал Я. М. Свердлов, чтобы поговорить насчет поездки в Пензу. Во время нашего разговора в кабинет вошел Владимир Ильич. Таким я его еще не видала... Крайне утомленный, подавленный вид Владимира Ильича производил удручающее впечатление. Поздоровавшись как-то механически и узнав, о чем идет речь, обратился ко мне:

— Если возможно, поезжайте, там необходима твердая рука. Но дело трудное: в пятнадцати верстах фронт, губерния охвачена кулацкими восстаниями...

И, извинившись, что должен помешать нам, так как спешит, заговорил со Свердловым о другом.

Но, закончив разговор, снова обратился ко мне и заговорил о том, какое тяжелое положение создается сейчас в стране, как трудна будет борьба с эсерами... Высказывал опасения, что Петроград и Москва могут остаться без хлеба, если эсерам удастся поднять кулачество. Говорил Владимир Ильич отрывочными фразами, без обычного огонька, точно делился тяжелыми, мучительными думами...

При прощании на слова Я. М. Свердлова: «Убедите Евгению Богдановну ехать в Пензу» — устало ответил:

— Что убеждать?.. Если не может, нужно подыскать твердого человека...

Вид Владимира Ильича и предыдущие беседы с ним смели всякие колебания, и я поспешила заявить, что хоть сейчас готова ехать, тем более что на этой работе я уже имею украинский опыт.

Владимир Ильич снова присел и, информируя о положении в губернии, указывал, на что он считает необходимым обратить особое внимание... просил сообщить, чем можно помочь из Москвы, и чтоб со всеми нуждами обращались в Совнарком, «и требуйте от нас, *настаивайте* на срочном выполнении», и, кончая, несколько раз повторил:

— Обязательно сейчас же телеграфируйте мне, в каком положении найдете губернию...

Прощаясь, Владимир Ильич еще раз напомнил, чтобы я не забыла прислать телеграмму и требования, и прибавил:

— Обещаю быть аккуратным в исполнении и сделать даже невозможное, если этого потребует успех работы.

И Владимир Ильич сдержал свое обещание. Пензенская губерния в тот период являлась одной из важнейших губерний по снабжению хлебом и продовольствием Москвы и Петрограда. В Пензе находилась наша экспедиция заготовления государственных бумаг, в пятнадцать верстах от города — чехословацкий фронт, и эсеры, начавшие вооруженную борьбу против Совета Народных Комиссаров, перебросили сюда свои значительные силы, которые разбросали в полосе фронта и по волостям с целью поднять крестьянство. В этой работе эсерам усиленно помогали попы и офицеры старой армии; последние сумели, скрывая свое прошлое, устроиться на службу в земельном и продовольственном отделах местного Совета в качестве разъездных инструкторов по реализации урожая. Партийных (коммунистов) и советских работников в губернии было очень немного, парторганизации на местах только оформлялись, все наши вооруженные силы из губернии перебросили на фронт, и условия для контрреволюционной работы были весьма благоприятные.

Эсеры прежде всего забросали села и деревни своими воззваниями, в которых сообщали гнуснейшие провокационные сведения вроде следующего: «Совнарком работает в угоду Вильгельму. Тов. Осендовский на митинге в Томске сказал, что в настоящее время имеются на руках у союзников триста документов (будут ими опубликованы в самом коротком времени), из которых видно, что Ленин, Троцкий, Зиновьев, Володарский и Крыленко состояли в сношениях с германским генеральным штабом». И это не только писалось в воззваниях «К товарищам рабочим и крестьянам» и жирным шрифтом в их органе, легально издававшемся в Пензе, но и говорилось с трибуны на открытых митингах и сходках, где присутствовали и наши руководящие пензенские работники...

На мое сообщение о положении в губернии Владимир Ильич срочно ответил телеграммой от 9 августа 1918 года.

«Пенза
Губисполком
Копия Евгении Богдановне Бош

Получил Вашу телеграмму. Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Экспедицию пустите в ход. Телеграфируйте об исполнении.

Предсовнаркома *Ленин*¹.

10 августа сообщаю Владимиру Ильичу о начавшемся кулацком восстании, охватившем пять богатейших волостей. В ночь на 11 августа по аппарату получаем следующие директивы:

«При подавлении восстания пяти волостей, приложить все усилия и принять все меры, в целях изъятия из рук держателей всех до чиста излишков хлеба, осуществляя это одновременно с подавлением восстания. Для этого по каждой волости назначайте (не берите, а назначайте) поименно заложников из кулаков, богатеев и мироедов, на коих возлагайте обязанность собрать и свезти на указанные станции или сыпные пункты, и сдать властям все до чиста излишки хлеба в волости.

Заложники отвечают жизнью за точное, в кратчайший срок, исполнение наложенной контрибуции. Общее количество излишков по волости определяется предгубисполкомом и губпродкомиссаром на основании данных об урожае 1918 и об остатках хлебов от урожаев прошлых лет. Мера эта должна быть проведена решительно, стремительно и беспощадно за Вашей, губпродкомиссара и военкомиссара ответственностью, для чего указанным лицам сим даются соответствующие полномочия.

Осуществление меры сопроводить обращением к населению листком, в котором разъяснить значение ее и указать, что ответственность заложников налагается на кулаков, мироедов, богатеев, исконных врагов бедноты. О получении сего телеграфируйте и регулярно сообщайте о ходе операции не реже чем через день.

Предсовнаркома *В. Ульянов (Ленин)*

Наркомпрод *А. Цюрупа*
Наркомвоен *Э. Скланский*².

Так как руководящие пензенские товарищи были против решительных мер в борьбе с кулачеством, но не возражали по существу полученных директив, а создавали всяческие препятствия и затруднения в проведении их, то мне пришлось ответить Владимиру Ильичу коротко: «Будет исполнено». И в ответ получила следующую телеграмму от 12 августа:

«Получил Вашу телеграмму. Крайне удивлен отсутствием сообщений о ходе и исходе подавления кулацкого восстания пяти во-

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 143—144.

² *Ленинский сб.* Т. 18. С. 203.

лостей. Не хочу думать, чтобы Вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба у восставших кулаков.

Предсовнаркома *Ленин*¹.

Тут уж мне пришлось сообщить Владимиру Ильичу, в чем встречаются затруднения.

И через несколько дней нарочный привез мне письмо от тов. Ленина, в котором Владимир Ильич, обращаясь ко всем пензенским коммунистам, доказывал необходимость «беспощадного подавления» кулацкого восстания пяти волостей, указывал, что это необходимо в интересах «всей революции», «ибо теперь ведь «последний решительный бой» с кулачеством», советовал найти людей «потверже» и просил телеграфировать «о получении и исполнении». Письмо носило характер товарищеского совета и было подписано только «Ваш Ленин».

А еще через несколько дней прибыли из Петрограда пятьдесят коммунистов, рабочих, с первого дня Октябрьского переворота работавших в различных советских учреждениях, вслед за ними тридцать пять партработников, часть — московских районных работников, часть — прибывших из провинции в распоряжение ЦК партии.

После этого легко удалось не только ликвидировать восстание в пяти волостях, совершенно не применяя вооруженной силы, но и предупредить возможность новых восстаний.

После двух недель пребывания в Пензе, пользуясь спокойствием в губернии, я приехала в Москву с рядом неотложных дел в отдельные комиссариаты, которые не только плохо обслуживали губернию, но не считали даже нужным отвечать на срочные запросы. И, бесполезно промыкавшись два дня и не получив ни единого положительного ответа, решила идти к В. И. Ленину за поддержкой.

Владимир Ильич сейчас же принял, не заставив ожидать и трех минут (в комиссариате же мне приходилось тратить от одного часа до двух на ожидания приема у наркома), и встретил укоризненным покачиванием головы — зачем приехала. Почему не прислала ему копии телеграмм, отправленных в комиссариаты?

Объясняя, что не считала возможным затруднять его мелочами. Владимир Ильич всплыл:

— Не считаете возможным!.. Хотите новых восстаний и без хлеба оставить рабочих... В вашем распоряжении прямой провод, телеграф, живые люди, которых вы можете в любое время прислать ко мне со всеми требованиями... Сейчас же, немедленно поезжайте обратно и копии всех требований направляйте мне... — И, сразу смягчившись, убеждающим тоном и с нескрываемым беспокойством добавил: — Лучше не приезжайте. Теперь не следует и на час оставлять губернию.

Все имевшиеся у меня дела были решены в течение каких-нибудь

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 148.

десяти—пятнадцати минут. Владимир Ильич слушал, задавал вопросы, высказывал свое мнение, спрашивал мое и тут же немедленно, по каждому решенному вопросу, давал распоряжения секретарю, звонил по телефону, писал записки и давал мне указания, как действовать в комиссариатах... Все это делалось без малейшей суеты, с предвидением всех возможных случайностей, с учетом имевшихся возможностей и громадным желанием облегчить работу на местах.

В тех вопросах, где требовалось основное изменение принятых ранее постановлений, Владимир Ильич находил выход путем применения временных мер, обеспечивающих возможность работы до решения вопроса...

Ушла я от Владимира Ильича вполне удовлетворенная, с немалым количеством записок: «Принять срочно», «Изыскать возможности, а пока выдать требуемую сумму» и пр. и пр., с приливом новой энергии и бодрости. Все затруднения в работе теперь казались пустяками, легко преодолимыми...

С Владимиром Ильичем, как ни с кем, было легко и просто работать. В 1918 году приходилось со всякими мелочами, вплоть до высылки грузовика для перевозки хлеба на вокзал, обращаться к Владимиру Ильичу, и не было случая в моей практике, чтобы он оставил без внимания запросы с мест и не ответил бы. Формализм, бюрократические приемы в работе не только чужды были Владимиру Ильичу, но и глубоко возмущали его.

Требую безусловного проведения в жизнь директив и постановлений, он не только не протестовал против обхода «буквы закона», если этого требовали условия, но глубоко возмущался, если из-за формальных соображений отказывались делать то, что очевидно было необходимо.

Помню наш разговор по поводу отказа комиссара Западного военного округа выдать без разрешения своего начальства имевшиеся у него на складе винтовки для вооружения мобилизованных профсоюзами рабочих, ссылаясь на букву закона. Владимир Ильич даже усомнился в верности этого сообщения. Но когда я ему подробно изложила все переговоры с комиссаром, вплоть до предложения вызвать немедленно к аппарату его начальника, Владимир Ильич с горечью бросил: «Исполнительный чиновник» — и тут же написал записку начальнику штаба республики, что он просит, «если возможно», дать срочное распоряжение о выдаче винтовок.

Но Владимир Ильич требовал обращаться к нему не только в случаях нужды, но и для точной информации о ходе работы и подробных сообщений обо всем, что делалось на местах. И если кто этого не делал, то от Владимира Ильича получал такую взбучку, что чувствовал себя высеченным школьником.

Не забыть мне выговора, полученного от Владимира Ильича за то, что сейчас же не сообщила о ряде недоразумений, вызываемых приказами и предписаниями руководящего работника Реввоенсовета фронта, направленными парткомитету и губисполкому,

и произведенным им арестом председателя губисполкома, предгубчека и военкома за то, что по его требованию в двадцать четыре часа не было освобождено помещение губчека для Реввоенсовета фронта.

Мои возражения, что в своем докладе я указывала на трения, существующие между военными организациями и местными партийными и советскими органами, но не касалась действий отдельных работников, так как в конце концов все возникающие недоразумения улаживались на месте, Владимира Ильича не смягчили.

— «Недоразумения»!.. «Улаживали»! Вместо того чтобы раз навсегда пресечь... А подумали ли вы о том, что о нас будут говорить массы?!

Считая выговор незаслуженным, я указала Владимиру Ильичу, что товарищ — ответственный работник, назначенный ЦК партии, и что, собственно, нужно было осторожней давать назначения.

Владимир Ильич не сдавался:

— «Назначенный ЦК партии»... «Назначенный ЦК партии»!.. Откуда ЦК партии может знать, как проводятся его директивы, если вы, находясь на местах, не считаете нужным сообщать... Если не считали удобным писать, то почему не приехали раньше?!

Отвечая Владимиру Ильичу, я указала, что, на мой взгляд, дело не столько в лицах, сколько в нарождающемся новом методе работы, который проводится пока ощупью (эта беседа происходила в январе 1919 года), что я с этим сталкивалась уже и в других местах, где партработники-военные разговаривают с местными партийными и советскими организациями не путем убеждения, а военными приказами, и что, по-моему, это неизбежно вытекает из существа военной работы. И для меня весь вопрос заключался в том, необходим ли этот метод работы, и если да, то я бы считала, что центр должен дать соответствующие указания военным и партийным работникам. А пока острота конфликта зависит от большего или меньшего такта и политической зрелости военного партработника. Сильный товарищ проведет любой приказ так, что парткомитет и исполком примут его как свое решение, а послабей и с меньшим тактом, да еще не умеющий выступать, вынужден действовать сухими, короткими приказами и предписаниями.

Владимир Ильич внимательно слушал и, перейдя на обычный дружеский тон, требовал примеров, подтверждающих мои соображения, и подробно остановился на расспросах, как реагируют массы на приказы наших военных органов.

Я заметила, что намечающийся новый метод работы, особенно если будет проводиться нетактично, грозит отрывом от масс и что на этой почве может развиваться не только недовольство масс своими руководящими организациями, но и серьезные трения между членами партии, что, по-моему, образует прорыв между верхами и низами. Владимир Ильич ответил после некоторого раздумья:

— Да, тут нужно подумать...

По тону Владимира Ильича и по последовавшему предложению: «Не взяли бы вы на себя организацию контроля и инструк-

тирование организаций на местах?» — видно было, что последнее замечание затронуло тревожившие Владимира Ильича опасения и что он ищет выхода.

Владимир Ильич, относясь с живейшим интересом ко всему, что делалось на местах, всегда чутко прислушивался к соображениям, высказываемым товарищами, и ни одно из сделанных замечаний не проходило мимо его внимания.

Беседуя с Владимиром Ильичем, говорила до конца о всех назревших вопросах и недочетах в нашей партийной и советской жизни и твердо знала, что он не только выслушает, но поймет, подумает и найдет необходимое решение.

Еще не раз мне пришлось встретиться с Владимиром Ильичем, и, беседуя с ним, я всегда видела с его стороны необычайно чуткое понимание и живейший отклик на все наболевшие вопросы.

Мучительно больно говорить о встречах и беседах с Владимиром Ильичем, как о прошлом, которое уже никогда не вернется... А оно не вернется...

*Пролетарская революция. 1924.
№ 3. С. 164—173*

С. Т. Коненков

ЛЕНИН:

**«Я НАЗВАЛ БЫ ЭТО
МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДОЙ»¹**

11 апреля 1918 года большую группу художников, архитекторов, скульпторов пригласили в Моссовет. Было выдвинуто предложение о создании Московской коллегии по делам изобразительного искусства. Такого рода совещательный орган успешно действовал в Петрограде. Функция коллегии — координация работы художественных учреждений, оказание им помощи. В состав коллегии избрали В. А. Веснина, И. В. Жолтовского, А. В. Щусева, К. А. Коровина, П. В. Кузнецова, А. Н. Златовратского и меня. На первом рабочем заседании 14 апреля коллегия наметила практические меры по осуществлению принятого за два дня до этого декрета Совета Народных Комиссаров «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции».

Этот декрет, а также последующие постановления Совнаркома о памятниках вошли в историю как ленинский план монументальной пропаганды. Бессмертно значение этих документов. Они говорят о первостепенном значении искусства в социалистическом обществе. План монументальной пропаганды сблизил художников с идеями партии большевиков. Реализацией ленинской идеи искусство молодой Советской республики показало всему миру путь возрождения

¹ Печатается отрывок из книги «Мой век». Ред.

монументального художественного творчества, убитого задолго до Октября 1917 года пошлостью, продажностью буржуазного общества.

Владимир Ильич рассматривал наши творческие способности как активную силу в созидании нового человека, новой жизни. «Вы помните,— говорил он А. В. Луначарскому,— что Кампанелла в своем «Солнечном государстве» говорит о том, что на стенах его фантастического социалистического города нарисованы фрески, которые служат для молодежи наглядным уроком по естествознанию, истории, возбуждают гражданское чувство — словом, участвуют в деле образования, воспитания новых поколений. Мне кажется, что это далеко не наивно и с известным изменением могло бы быть нами усвоено и осуществлено теперь же... Я назвал бы то, о чем я думаю, монументальной пропагандой... В разных видных местах, на подходящих стенах или на каких-нибудь специальных сооружениях для этого можно было бы разбросать краткие, но выразительные надписи, содержащие наиболее длительные коренные принципы и лозунги марксизма, также, может быть, крепко сколоченные формулой, дающие оценку тому или другому великому историческому событию... Пусть это будут какие-нибудь бетонные плиты, а на них надписи возможно более четкие. О вечности или хотя бы длительности я пока не думаю... Еще важнее надписей я считаю памятники: бюсты или целые фигуры, может быть барельефы, группы. Надо составить список тех предшественников социализма или его теоретиков и борцов, а также тех светочей философской мысли, науки, искусства и т. п., которые хотя и не имели прямого отношения к социализму, но являлись подлинными героями культуры... Особое внимание надо обратить и на открытие таких памятников...

Пусть каждое такое открытие будет актом пропаганды и маленьким праздником, а потом по случаю юбилейных дат можно повторять напоминание о данном великом человеке, всегда, конечно, отчетливо связывая его с нашей революцией и ее задачами¹.

На мою долю выпало счастье принимать участие в осуществлении ленинского плана монументальной пропаганды. Я горд этим. В первой части декрета Совета Народных Комиссаров от 12 апреля 1918 года говорилось, что «памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц»². Был дан срок — 1 мая. Но из-за ведомственной неразберихи — за исполнение декрета отвечали Народный комиссариат художественно-исторических имуществ, Наркомпрос и Моссовет — за разборку памятников царям взялись только в летние месяцы. Я помню, как рабочие приставляли лестницы, приступая к разрушению массивного истукана — памятника Александру II в Кремле. Затем таким же образом развалили и увезли памятник Александру III у храма Христа Спасителя.

¹ Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 198—199.

² Декреты Советской власти. Т. 2. С. 95.

Будучи председателем профессионального союза московских скульпторов, я состоял в Художественной коллегии Отдела изобразительных искусств Наркомпроса. Мне с товарищами-скульпторами поручено было подготовить доклад, с которым предстояло выступить на заседании Совнаркома. В результате горячего обсуждения мы выработали целый ряд принципиальных положений, которые составили содержание записки Отдела изобразительных искусств Наркомпроса в Совет Народных Комиссаров. Вот что было в записке о проекте организации конкурсов на памятники выдающимся людям:

«По инициативе Председателя Совнаркома товарища Ленина комиссар народного просвещения сделал в заседании 27 мая предложение Художественной коллегии поставить памятники лицам, выдающимся в области революции и общественной деятельности, в области философии, литературы, науки и искусства.

Памятники должны быть поставлены на бульварах, скверах и т. д., во всех районах г. Москвы с высеченными выписками или изречениями на постаментах или актуражах, чтобы памятники эти явились как бы уличными кафедрами, с которых в массу людей летели бы свежие слова, будирующие умы и создание мысли.

Вся трудность осуществления этой идеи заключалась в том, чтобы скорость воплощения ее не могла пойти за счет художественной стороны, ибо государство, каковым оно сейчас является, не может и не должно являться инициатором дурного вкуса.

Вот почему коллегия положила в основу организации дела совершенно новые начала, доселе у нас, да и во всем мире, может быть, еще ни разу не испробованные, не испытанные.

В основу плана коллегии положено, с одной стороны, привлечение наивозможно более широких и молодых сил скульпторов-художников, с другой стороны, вовлечение широких народных масс в участие в художественном творчестве.

Раньше, при бюрократическом режиме, объявляли такие условия конкурса, что работали на конкурс или по поручению заведомые генерал-художники или те из художников, которые были обеспечены материально и могли, не считаясь с потерей времени, принимать участие в конкурсе.

Результаты таких конкурсов общеизвестны. Сооружения их теперь убираются с площадей. Все молодые художники ютились по чердакам и темным комнатам, загнанные и забытые, не имея никаких гражданских прав. В искусстве все новое, свежее гналось и преследовалось всевозможными путями.

Примеров сколько угодно.

Таково было у нас положение художников, и особенно художников-новаторов.

Выход из этого один: привлечь молодые и свежие силы художников означенной профессии, те именно элементы, которым был всячески прегражден доступ к общественной работе, и дать возможность высказаться свободно ныне в свободной республике.

Отвергая поэтому всякие премии, Художественная коллегия

находит целесообразным дать возможность свободно высказаться скульптору-художнику, лишь обеспечив его материально на время работы. Коллегия также считает необходимым при использовании данного конкурса уничтожить обычное жюри и остановиться на всенародном обозрении и суждении о проектах-эскизах уже на предназначенных местах.

Со дня передачи конкурса-заказа на исполнение должно пройти не более трех месяцев, в течение которых скульпторы должны сработать эскизы-проекты в виде ли бюста, фигуры и барельефа, из легкого материала, гипса, цемента и дерева и поставить на соответственные места, после чего всенародное суждение решит, какие проекты-эскизы должны быть приведены в законченное исполнение из твердого материала, бронзы, мрамора и гранита, и поручит тогда скульптору-автору. Работа должна быть закончена приблизительно к концу сентября текущего года.

Московская художественная коллегия полагает, что только при такой организации всего дела возможно наискорейшее и наихудожественное выполнение идей тов. Ленина. Полагая вместе с тем, что это бы внесло большое оживление как в нашу мертвую художественную деятельность, так и бросило бы искру в художественное сознание народа, Московская художественная коллегия уверена, что в Совете Народных Комиссаров оно также встретит живое сочувствие и не будет отложено на неопределенное время».

Этот текст, а также предложения Художественной коллегии Наркомпроса составили содержание моего выступления на заседании Совнаркома 17 июля 1918 года. Там я впервые увидел Ленина.

Когда я пришел в Кремль, заседание уже началось. Меня пригласили занять место за длинным столом, накрытым зеленым сукном. С докладом о сооружении в Москве памятников великим людям выступал заместитель наркома просвещения историк М. Н. Покровский, затем председательствующий — Владимир Ильич Ленин — предоставил слово мне. Я поднялся и начал говорить. Владимир Ильич подался вперед, и я сразу же почувствовал, что он слушает меня с большим вниманием. Это помогло мне тогда как-то сразу войти в русло деловой обстановки заседания. Говорил я недолго, а в заключение зачитал список революционных и общественных деятелей, которым предполагалось воздвигнуть памятники.

Началось обсуждение. Народные комиссары дополняли список. Были названы имена Спартака, Робеспьера, Жореса, Гарибальди... Эти имена тут же были внесены в список.

Владимир Ильич спросил меня, какие меры необходимо принять, чтобы незамедлительно приступить к делу.

Я ответил, что, учитывая короткие сроки, намеченные Совнаркомом, надо установить постаменты и фигуры до наступления морозов. Скульпторы должны представить проекты памятников в гипсе, в натуральную величину. Я подчеркнул, что особенно важны первые проекты, которые будут приняты как показательные.

Владимир Ильич тут же спросил меня о примерной стоимости каждого монумента.

— Примерно восемь тысяч рублей, как в Петроградской коммуне. Там стоимость каждого памятника определена в 7 тысяч 910 рублей,— ответил я.

Владимир Ильич, внимательно выслушав мой ответ, подчеркнул, что именно такая сумма должна быть выделена каждому скульптору вне зависимости от его имени, а потом спросил меня, устроит ли нас, если все суммы будут выделены в трехдневный срок.

Я ответил:

— Вполне.

«Запишите в протокол: в трехдневный срок»,— сказал Владимир Ильич и обычную фразу «вопрос исчерпан» произнес как-то особенно приветливо, сопроводив ее одобрительной улыбкой.

Мне показалось, что мое участие в заседании длилось одно мгновение. Я раскланялся и вышел. В приемной остановился и перебрал в памяти только что происшедшее в моем присутствии.

Ленин. С этого часа он для меня дорогой и близкий человек. Как строго и деятельно вел он заседание! Насколько естествен и впечатляющ каждый его жест, каждое движение! Весь он озарен глубоким внутренним сиянием. Огромный, поистине сократовский лоб окаймлен слегка выющимися волосами. И волосы, и блеск глаз — золотистые.

Трудно передать сейчас, как понравился мне Ильич. Какой заряд сил влила в меня его бодрость!

Помню, как прямо с заседания Совнаркома я поехал к ожидавшим меня в одной из комнат ИЗО Наркомпроса московским скульпторам. С волнением говорил я о том, какая ответственная и небывалая по своим масштабам задача возложена на нас теперь. Все присутствовавшие были чрезвычайно обрадованы, вдохновлены. Хотелось, не мешкая, приступить к работе.

15 августа, когда окончательно вывели и согласовали список предполагаемых памятников, состоялось общее собрание скульпторов, и весь небывало грандиозный заказ на основе принципа свободного внутреннего распределения был разобран немногочисленным, но, как оказалось, дружным коллективом московских скульпторов. Тогдашний руководитель Отдела изобразительных искусств Д. П. Штеренберг, живописец-формалист, незадолго перед революцией переехавший из Парижа в Москву, человек безусловно далекий от действительного понимания русского искусства, открыто выражал свое неверие в начатое дело: «Скульптурное мастерство стоит в России чрезвычайно низко: мастеров, которые могли поставить хорошие скульптурные памятники, у нас оказались единицы». О точности такого рода суждения в народе говорят: «Попал пальцем в небо». Скульпторы в России в ту пору поднимались превосходные, и ближайшие годы показали, на что они способны. Шервуд, Голубкина, Синайский, Мухина, Андреев, Меркуров, Шадр, Домогацкий — эти имена говорят сами за себя...

Документы того далекого, справедливым будет сказать, исторического времени сохранили память об энтузиазме молодых скульпторов. Вот итог распределения: Бланки — Якулов; Бебель — Па-

циорковский; Лассаль — Иткинд; Жорес — Страж; Спартак — Страховская; Тиберий Гракх — Пожилыцов; Брут — Сергеев; Бабеф — Богословская; Дантон — Андреев; Марат — Имханицкий; Робеспьер — Сandomирская; Гарибальди — Пиляtti; Степан Разин — Коненков; Бакунин — Королев; Пестель — Хаджи-Дубан; Рылеев — Мануйлова; Герцен — Ястребцов; Болотников — Кольцов; Халтурин — Алешин; Желябов — Синицына; Перовская — Рахманов; Каракозов — Близниченко; Каляев — Лавров; Свеаборжцы — Захаров; Плеханов — Голиневич-Шишкина; Роберт Оуэн — Юрьевич; Шевченко — Волнухин; Кольцов — Сырейщиков; Радищев — Оленин; Некрасов — Соколов; Салтыков-Щедрин — Златовратский; Михайловский — Басенко; Глеб Успенский — Курбатов; Тютчев — Попенцев; Новиков — Мухина; Сковорода — Крандиевская; Байрон — Домогацкий; Гейне — Мотовилов; Руссо — Мануйлов; Гюго — Менделевич; Вольтер — Кудинов; Золя — Габович; Ибсен — Бабичев; Рублев — Ватагин; Александр Иванов — Шепанович; Суриков — Бромирский; Кипренский — Руссецкая; Врубель — Гюрджян; Верхарн — Меркуров; Козловский — Фомин; Казаков — Попова; Сезанн — Ленский; Мусоргский — Рындзюнская; Римский-Корсаков — Радугина; Скрябин — Терновец; Бетховен — Смирнов; Шопен — Брейер; Мочалов — Жураковский; Комиссаржевская — Орановский.

В Москве развернулась небывалая в истории скульптуры деятельность по сооружению памятников. В годы «военного коммунизма», когда на молодую Страну Советов со всех сторон наседали враги, в Москве удалось открыть двадцать пять памятников, сорок семь памятников были подготовлены к постановке, и только чрезвычайные обстоятельства военного времени не позволили довести дело до конца.

Как можно видеть из приведенного выше списка, все признанные мастера, а также и молодые скульпторы включились в работу по реализации плана монументальной пропаганды. В этой подвижнической деятельности — сроки были крайне жесткие, условия работы тяжелейшие — мы росли и мужали, всем сердцем, сознанием своим впитывая в себя музыку революции.

1 марта 1918 года Александр Блок записывает в дневнике: «Революция — это: я — не один, а мы».

* *
*

Сооружение памятников приобретало большой размах только благодаря стремлению всех членов Московского профессионального союза скульпторов. В трудной и увлекательной работе нам сопутствовала атмосфера товарищества. Мы, скульпторы, в своем кругу пылко обсуждали творческие и организационные вопросы. В работе выездного жюри и на общих собраниях неизменно присутствовал Николай Дмитриевич Виноградов, которому В. И. Ленин поручил практическое руководство программой монументальной пропаганды. На каждом шагу благодаря посредничеству Н. Д. Ви-

ноградова мы опирались на помощь Ленина. Владимир Ильич вникал во все наши беды и затруднения, предлагал места для постановки памятника. Владимир Ильич не давал покоя Луначарскому, не раз упрекал Московский Совет в медлительности, требовал привлечь к ответственности всех тех, кто саботировал нашу работу.

Глубоко знаменательно, что Владимир Ильич Ленин задачи пропаганды возложил и на монументальную скульптуру. Этот вид искусства по своей природе обращен и к прошлому, и к настоящему, и к будущему. Ничто не имеет такой неисчерпаемой, массовой аудитории, как памятник на площади города.

Владимиру Ильичу принадлежит инициатива создания мемориала в память павших героев Октябрьской революции. В постановлении Совнаркома от 17 июля 1918 года записано: «Обратить особое внимание Народного комиссариата по просвещению на желательность постановки памятников павшим героям Октябрьской революции и, в частности в Москве, сооружения, кроме памятников, барельефа на Кремлевской стене, в месте их погребения»¹.

В августе Моссовет предложил шести скульпторам и архитекторам принять участие в конкурсе. Среди этих шести был и я. В середине сентября жюри рассмотрело проекты. Четыре из них — скульпторов Бабичева, Гюрджяна, Мезенцева и художника Нивинского — были отвергнуты. Мой проект и проект архитектора Дубиневского при голосовании получили равное число голосов. После открытого обсуждения комиссия избрала мой проект, дав такую мотивировку своего решения: «Преимущество произведения Коненкоза, по мнению экспертов, выражается в том, что, как цветное, оно побеждает тот серый полумрак, который царит в этом месте. Помимо этого, по своему внешнему виду доска будет вполне гармонировать со всей площадью, где находится многоцветный собор Василия Блаженного, золото куполов и крашенная черепица башен.

По своему художественному построению произведение это вполне гармонично: все части уравновешены, линии просты и легко воспринимаемы глазом, отношение глубины рельефа к широким плоскостям его правильное, не развлекающее глаз и обеспечивающее ясность восприятия темы «Павшим в борьбе за мир и братство народов».

Темой взяты не временные моменты борьбы, а конечные идеалы, изображая победу мира над войной, причем мощь фигуры указывает на силу того, кто несет этот мир».

Этот отзыв о моем проекте 21 сентября 1918 года напечатала «Правда».

Помню, «Правду» принес в мастерскую дядя Григорий. А в мастерской — пыль и гром. Я вместе со своими помощниками, старыми друзьями Иваном Ивановичем Бедняковым, форматорами Савинским и Королевым, расчищал место для будущего монументального барельефа размером 7 × 8 аршин. Приходилось забывать

¹ Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 48.

о сне и отдыхе: работу, на которую в обычных условиях было бы мало года, надо было совершить за месяц. Предстояло разрешить и многие технические трудности. Чтобы этакая махина не развалилась при монтаже, решили «разрезать» ее на 49 кусков и каждый кусок прикрепить специальным болтом к соответствующей металлической плахе, вделанной в Кремлевскую стену.

Тут же, в тесной мастерской, отливались и окрашивались цементные куски мемориальной доски. Приходилось разрешать и довольно сложные скульптурно-живописные задачи: я все время помнил, что доска должна смотреться «живописным пятном на затемненном фоне Кремлевской стены». Вся мастерская заставлена чанами с глиной и мешками цемента; теснота, спешка. И все же самое трудное позади.

«Мир и братство народов» — вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать» — как это проникновенно сказано Блоком. Но как средствами пластики достойно продолжить взволнованный монолог гениального поэта?

Я стремился подняться над частностями, обыденностью. Задача требовала образа мирового звучания.

Ключ к решению найден был, конечно же, не в заоблачных высях, а на земле. Я вспомнил виденный мною в барском доме моей тетки Марии Федоровны Шупинской гобелен «Америка».

Женщина из племени Орла. Гордая дочь племени североамериканских индейцев с венцом из орлиных перьев на голове дала толчок фантазии. Тонкие шелка гобелена, вышитого крепостными девушками, подсажали — барельеф на Кремлевской стене будет цветным. (Впоследствии, живя в Америке, я узнал, что орел у североамериканских индейцев — символ Солнца. Сам того не зная, я воспользовался мировой символикой.)

Никогда я не работал с таким увлечением. Один набросок следовал за другим. Зрелище освобожденного Кремля, заря над Москвой, гобелен, вышитый еще во времена крепостного права, — эти видения возбуждали фантазию, в бесчисленных карандашных рисунках слагались в патетический образ. Во время работы над реальной доской он уточнялся, вбирая в себя все новые краски жизни, возбуждая в нас революционное чувство.

В октябрьские дни 1918 года, когда Советская республика готовилась отметить первую годовщину своей жизни, на улицах звучали революционные песни, и мне так хотелось, чтобы на древней Кремлевской стене зазвучал гимн в честь грядущей победы и вечного мира.

Во время установки мы дневали и ночевали у Кремлевской стены. Во время работы ночью стояла охрана и горел костер. Проходившие спрашивали: «Что тут происходит?» А одна старушка поинтересовалась:

- Кому это, батюшка, икону ставят?
- Революции, — ответил я ей.
- Таковую святую я слышу в первый раз.

— Ну что ж, запомни!

Наконец все готово.

Торжественный красный занавес скрыл широкими складками доску, которую должен был открыть Владимир Ильич. Возле доски возвышался помост, а чуть в стороне — высокая, со многими ступенями трибуна.

С утра 7 ноября 1918 года Красная площадь начала заполняться делегациями заводов и фабрик, красноармейских частей. День ясный, холодный.

Было известно, что Владимир Ильич прибудет на Красную площадь вместе с колонной делегатов VI съезда Советов. Выглядывая долгожданную колонну, я несколько растерялся, когда увидел Ленина, идущего к Сенатской башне. На нем было пальто с черным каракулевым воротником и черная каракулевая шапка-ушанка. Он поздоровался со всеми присутствующими, со мной, как со старым знакомым, сказав: «Помню, помню нашу беседу в Совнарком».

Началась короткая церемония открытия.

К стене была приставлена небольшая лесенка-подставка, на которую должен был взойти Владимир Ильич, чтобы разрезать ленточку, соединявшую полотнища занавеса. Ленточка была запечатана.

Я держал в руке специально сделанную мной ко дню открытия живописную шкатулку, в которой лежали ножницы и выполненная мною деревянная печатка. На ней значилось: «МСРКД» (Московский Совет рабоче-крестьянских депутатов).

Владимир Ильич обратил внимание на шкатулку и на печатку:

— А ведь это надо сохранить. Ведь будут же у нас свои музеи, — взял и стал внимательно рассматривать печатку, а потом передал шкатулку с печаткой одному из товарищей, стоявшему рядом.

— Передайте в Моссовет. Это надо сохранить, — сказал Владимир Ильич.

Я передал ножницы Владимиру Ильичу. Он разрезал красную ленту. Когда раскрылся занавес, заиграл военный духовой оркестр и хор Пролеткульта исполнил кантату, написанную специально ко дню открытия. Автором музыки был композитор Иван Шведов, слова написали поэты Есенин, Клычков и Герасимов.

Спите, любимые братья.
Снова родная земля
Неколюбимые рати
Движет под стены Кремля.
Новые в мире зачатъя,
Зарево красных зарниц...
Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц.
Солнце златою печатью
Стражем стоит у ворот...
Спите, любимые братья,
Мимо вас движется ратью
К зорям вселенским народ.

Под звуки кантаты все собравшиеся у Кремлевской стены в молчании внимательно рассматривали мемориальную доску.

Крылатая фантастическая фигура Гения олицетворяет собой Победу. В одной ее руке — темно-красное знамя на древке с Советским гербом; в другой — зеленая пальмовая ветвь. У ног фигуры — поломанные сабли и ружья, воткнутые в землю. Они перевиты траурной лентой. А за плечами надмогильного стража восходит солнце, в золотых лучах которого написано:

ОКТАБРЬСКАЯ 1917 РЕВОЛЮЦИЯ

На мемориальной доске, внизу, начертаны слова:

ПАВШИМ В БОРЬБЕ ЗА МИР И БРАТСТВО НАРОДОВ

Эти слова были девизом моей работы, и мне радостно сознавать, что они были одобрены и утверждены В. И. Лениным.

Только замолкли оркестр и хор, как Владимир Ильич поднялся на трибуну и произнес свою теперь широко известную речь, посвященную борцам Октябрьской революции.

«На долю павших в Октябрьские дни прошлого года товарищей досталось великое счастье победы. Величайшая почесть, о которой мечтали революционные вожди человечества, оказалась их достоянием: эта почесть состояла в том, что по телам доблестно павших в бою товарищей прошли тысячи и миллионы новых борцов, столь же бесстрашных, обеспечивших этим героизмом массы победу...

Товарищи! Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим, лозунгом восставших рабочих всех стран. Этот лозунг — «победа или смерть».

И с этим лозунгом борцы международной социалистической революции пролетариата будут непобедимы», — говорил Владимир Ильич¹, и его с величайшим вниманием слушали все собравшиеся на Красной площади.

Десять лет спустя Владимир Маяковский в октябрьской поэме «Хорошо!» отдал дань святому для каждого советского человека месту — братской могиле красногвардейцев, погибших при штурме Кремля:

И лунным
 пламенем
 озарена мне
площадь
 в сияньи,
 в яви
 в денной...
Стена —
 и женщина
 со знаменем
склонилась
 над теми,
 кто лег под стеной².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 171, 172.

² Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 8. С. 317.

Мемориальная доска принадлежит истории. Она напоминает о личном участии В. И. Ленина в становлении советского монументального искусства и революционных традиций.

Мемориальная доска «Павшим в борьбе за мир и братство народов» находилась на Сенатской башне Кремля до 1948 года, когда из-за повреждения была снята. В 1963 году в канун своего девяностолетия я отреставрировал памятную доску, и она после этого экспонировалась на юбилейных выставках в Москве и Ленинграде. Сейчас мемориальная доска включена в экспозицию Русского музея, а для Кремлевской стены изготавливается из вечных материалов дубликат.

* *
*

В дни празднования первой годовщины Октября в Москве один за другим открывались памятники. И за мной «числился» памятник Степану Разину. Может быть, кто-то со стороны мог так сказать: «числится за Коненковым», а для меня это был не подряд, пусть и почетнейшего свойства, а настоятельная необходимость представить на суд людской своего Разина.

Степан Разин реял в моем сознании несколько лет. Мужественный «Бурлак» — сильный, строгий мужик с трубкой во рту, вырубленный в пятнадцатом году, поманил меня на вольный волжский простор, и я услышал скрип уключин разинских челнов и не день, не два, а долгие месяцы вынашивал в себе образ грозного атамана, силился представить себе лик его, сдвинутые брови на высоком челе, веселую отчаянность в орлином взгляде, презрительную усмешку на губах.

Я пошел в Совет казачьих депутатов. Председателем там был Макаров — дельный парень, уважаемый среди казаков человек. Объяснил ему, в чем моя просьба: так, мол, и так, нужны мне твои донцы-молодцы, чтобы было с кого снимать обличье Разина и его ближайших друзей.

— А кто его ближайшие-то друзья? — хитровато сощурившись, спросил Макаров.

— Про то тебе и казакам лучше знать... — пошел я ему навстречу.

— Верно. То память наша — донских казаков. А были в его челе, как про то деды сказывали, рулевой Ефимыч, Митрич Борода, есаул Васька Ус, Петруха Губанов, татарин Ахмет Иванович...

— Товарищ председатель Макаров, а как же ты княжну-царевну не вспомнил? — подал голос бородатый рослый воин. — Тут-то Степан Тимофеевич и показал свой характер. Ради святого товарищества навек расстался с красавицей.

Макаров откомандировал в мое распоряжение полное отделение — десять казаков: и молодых, и почти безусых, и бородатых ветеранов. Между нами шел долгий упрямый спор. Молодые говорили:

— Зачем Разина — революционного героя — в компании с бабой изображать?

На это им бородатые витязи Октябрьской революции повторяли свой тезис:

— Степан Тимофеевич сказал: «Ничего не пожалею ради дружбы казацкой, ради товарищества», так и поступил, а раздор-то был из-за бабы, этой самой персидской княжны.

Так в композиции «Степан Разин с ватагой» волею красных казаков-ветеранов оказалась персидская княжна.

И Степан Тимофеевич, и его ближайшие сподвижники были вырублены из сосновых кряжей, а княжна отлита из цемента. Что ни говори, как не опевай ее, горемычной, судьбу, пусть временно, пусть случайно, но она была в челне.

Казаки — народ могучий, вольный, а тут, в Москве, силу девать некуда. Бывало, топчутся, гогочут. Тесновата для их широких натур моя мастерская. Ищут они какой-никакой забавы. Был среди них ладный здоровяк, Мишухой его звали. Тот подогреется чаркой и пристаёт все с одним вопросом к строгому и норовистому дяде Григорию.

— Григорий, а Григорий, позволь мне с Сергеем Тимофеевичем подраться.

— Попробуй, попробуй,— угрожающе гудел Карасев. И было в этом его «уговоре» нескрываемое ехидство. Дескать, коль свяжешься, так многих ребер недосчитаешься. Дядя Григорий не раз был свидетелем богатырских турниров среди моих друзей. В ту пору я мог согнуть подкову, в пальцах смять массивный царский пятак.

Мишка, вняв предупреждению, брал в руки венский стул и ловко бил его об пол, да так, что стул подпрыгивал выше его кудлатой головы.

— Артист... артист...— скептически произносил Карасев.— Только шел бы ты свои фокусы показывать в цирк, а еще лучше — в свою казарму.

Лютую, голодную зиму 1918/19 года я прожил так, что не заметил, как нагрянула дружная весна. «Разин с ватагой» готов был двинуться навстречу людям.

Намечали на некоторое время установить скульптурную композицию на Красной площади для всенародного осмотра, а потом поместить в музей. Разин со своим окружением настолько увлек меня, что я шаг за шагом уходил от монументальности к психологической многоплановости. В результате вышло то, что должно было выйти,— скульптурная композиция, рассчитанная на круговой обзор в музейном зале. И масштаб, и материал (дерево), и характер моделировки — все для восприятия в интерьере. Но впервые москвичи увидели «Разина с ватагой» на лобном месте Красной площади в ясный теплый день 1 мая 1919 года. Я предполагал в будущем вновь вернуться к этой замечательной теме народного эпоса. Выполненную же в 1919 году группу можно было рассматривать как эскиз будущего памятника. Тогда же важно было напомнить массам о выдающихся народных борцах. Как и ожидали, открытие памятника Степану Разину вылилось в большое событие.

Красная площадь была переполнена. Море голов и знамен. Чудесный весенний Первомайский день.

На открытие памятника прибыли представители революционного казачьего комитета. В этом была своеобразная переключка веков. Красные кавалеристы с пиками красовались на чистокровных кончаках, как былинные герои — наследники славы Разина. И все это происходило там, где два с половиной века назад на черной плахе, установленной против лобного места, стрельцы четвертовали народного героя.

Никогда не забыть мне, как шел Владимир Ильич к лобному месту. Он был без пальто, в своем обычном костюме. Ликующая толпа, словно по мановению волшебной палочки, расступилась перед ним, образуя широкий коридор через всю площадь.

Владимир Ильич шел быстрой, деловой походкой. Вот приблизился к нам. Народ, собравшийся на митинг, аплодисментами и восторженными криками приветствовал вождя революции. Владимир Ильич дослушал оратора (выступал представитель оренбургского казачества) и взошел на лобное место. Он оперся рукой на деревянный барьер трибуны, а потом, приковав внимание многотысячного митинга характерным энергичным жестом — выброшенной вперед, вверх рукой, начал речь о Степане Разине.

Речь была короткой, но произнес ее Владимир Ильич с огромным подъемом¹.

Когда спустя много лет я решился взяться за скульптурный образ Ленина, он как живой стоял передо мной именно таким, каким я его видел на лобном месте во время произнесения речи о Степане Разине. Я изобразил Ленина говорящим.

Митинг по тогдашней прекрасной традиции закончился пением «Интернационала»...

* *
*

В начале 1920 года был объявлен конкурс на памятник «Освобожденному труду». 1 мая того же года у храма Христа Спасителя в Москве на месте снесенного памятника царю Александру III состоялась закладка памятника.

Набережная Москвы-реки была заполнена народом. Речь на митинге, посвященном закладке памятника «Освобожденному труду», произнес В. И. Ленин. В этой речи Владимир Ильич поставил перед искусством большую творческую задачу — прославить свободный труд.

По окончании митинга А. В. Луначарский предложил Владимиру Ильичу отправиться в Музей изящных искусств (ныне Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина), где были выставлены проекты монумента «Освобожденный труд».

Мне посчастливилось идти рядом с Лениным. Запомнилось, что кепку он нес в руке. По дороге говорили о субботнике, который состоялся в тот праздничный день утром.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 326.

В музее Владимир Ильич обошел выставку проектов. Ни один из них полностью не удовлетворил его. Некоторые из проектов футуристического плана вызвали в Ленине протест, другие он рассматривал сочувственно. Архитектор Вячеслав Константинович Олторжевский рассказывал впоследствии, что мой рисунок (макет я не успел приготовить) понравился Владимиру Ильичу. Это была устремленная ввысь, как бы летящая, фигура женщины. Руки ее были распростерты, как крылья. Символизируя освобождение, с плеч спадали декоративные драпировки.

На выставке в Музее изящных искусств, очевидно вследствие влияния руководящей роли Штеренберга, ощущалось засилье формалистов. Это удручало Ленина. И он не без иронии в адрес Луначарского, терпимо относившегося к формалистическим «искажениям», закончил разговор широко известной теперь фразой:

«Пусть в этом разбирается Анатолий Васильевич!»

Почему-то эту ленинскую фразу чаще всего трактуют так, что, дескать, Владимир Ильич отстранился от спора, считая себя некомпетентным в вопросах искусства. На самом деле это тогда прозвучало как сделанное в иронической форме замечание в адрес Наркомата просвещения, отвечавшего за подготовку конкурса.

Коненков С. Т. *Мой век. М., 1972.*
С. 213—228, 234—235

Н. Д. Виноградов

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ О МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЕ В МОСКВЕ»

Когда в августе работа по разборке цоколя скобелевского памятника подходила к концу, В. И. Ленин поднял вопрос, нельзя ли на этом месте поставить памятник *к первой годовщине Октябрьской революции*. Я предложил поставить что-нибудь временное и архитектурное, для чего использовать силы архитектурной молодежи. С этой целью пяти архитекторам: Н. А. Васильеву, Н. В. Докучаеву, А. И. Ефимову, Н. А. Всеволожскому и Д. П. Осипову было предложено составить проект памятника, на котором обязательно должен был быть помещен текст первой Советской Конституции. Перечисленные архитекторы в месячный срок составили проекты, которые были рассмотрены президиумом Моссовета. Голоса членов президиума разделились между двумя проектами, Докучаева и Осипова, остальные были отвергнуты: проект Всеволожского — как близкий к романовскому обелиску, что был в Александровском саду, Ефимова — как напоминающий надгробные памятники, а Васильева — как неподходящий по масштабам (он имел вид рустованной колонны и по высоте был вдвое выше существующего ныне обелиска). Тогда все проекты были перевезены в Кремль на окончательное решение В. И. Ленина, который подошел к оценке проектов прежде всего с точки зрения их реального осуществления. Владимир Ильич сначала спросил меня, на каких проектах остано-

вился президиум. Потом задал второй вопрос: «А какой из отмеченных проектов *наверняка* можно построить к годовщине Октября?» Я сказал, что вернее всего осиповский, но без фигуры, которую можно будет заменить каким-либо картушем с лозунгом. На это Владимир Ильич сказал: «Вот этот и стройте».

Первоначально имелось в виду построить временный обелиск из дерева со штукатуркой. Но в процессе постройки, когда обнаружился явный саботаж строительного отдела Моссовета, обязавшего дать плотников, решено было сделать обелиск из кирпичей, силами работавших у нас по разборке каменщиков. Бригада их взяла обязательство сделать памятник к празднику, что и было выполнено. (Памятник в своем первоначальном виде, без фигуры, был открыт 7 ноября 1918 года.) Поскольку памятник превращался в постоянный, было решено все временные украшения и текст конституции, сделанные из фанеры, перевести в твердые материалы. Статуя была заказана скульптору Н. А. Андрееву. Он сделал ее из бетона с крошкой. Памятник был открыт в своем нынешнем виде 27 июля 1919 года. Ко дню открытия памятника все здания на Советской площади были перекрашены по проектам строителей обелиска в желтый цвет с белыми деталями, а Моссовет впервые был окрашен в красный цвет с белыми деталями. Получилась очень цельная и яркая площадь.

В отношении использования старых памятников была проделана работа с обелиском в Александровском саду. По мысли товарища Ленина, были срублены имена царей и герб Москвы, и на их местах, по проекту архитектора Н. А. Всеволожского, были вырублены имена деятелей международной революции. Бывший сверху обелиска орел был снят латышскими стрелками.

Герб Москвы на здании городской Думы (ныне Музей Ленина) был заменен барельефом работы скульптора Г. Д. Алексеева. На эту работу был проведен конкурс, участники которого все были оплачены (до 16 человек). Одновременно Алексеев на месте удаленной иконы, висевшей на торце того же здания, вылепил доску с текстом «Религия — опиум для народа», а над входом в здание сделал таблицу с текстом «Революция — вихрь, сметающий всех, ему сопротивляющихся».

Работа по второй части декрета от 14 апреля 1918 года, т. е. по постановке памятников, началась при следующих обстоятельствах. 3 августа 1918 года, сообщая Владимиру Ильичу о ходе разборки царских памятников, я был прерван его замечанием: «Ломаете вы очень хорошо, а что вами делается по сооружению новых памятников?» Я ответил Владимиру Ильичу, что мне ничего не известно о том, что это входит в мои обязанности. В. И. Ленин немедленно попросил принести мне постановление Совнаркома от 8 июля 1918 года, сам заверил выписку из постановления, касающуюся моей работы, и потребовал от меня сведений о проведении заказа на новые памятники. Для организации этого дела Владимир Ильич выдал мне следующий мандат: «Согласно постановлению Совнаркома от 8 июля с. г. за № 153 поручается тов. Н. Д. Вино-

градову вести надзор за проведением в жизнь названного постановления.

Тов. Виноградов является ответственным лицом, а потому все, кто может быть полезен в его работах и в состоянии их выполнить, обязаны исполнять его просьбы, связанные со снятием памятников царей и их слуг, а также и по вопросам, связанным с постановкой памятников революционному народу и его героям.

Председатель

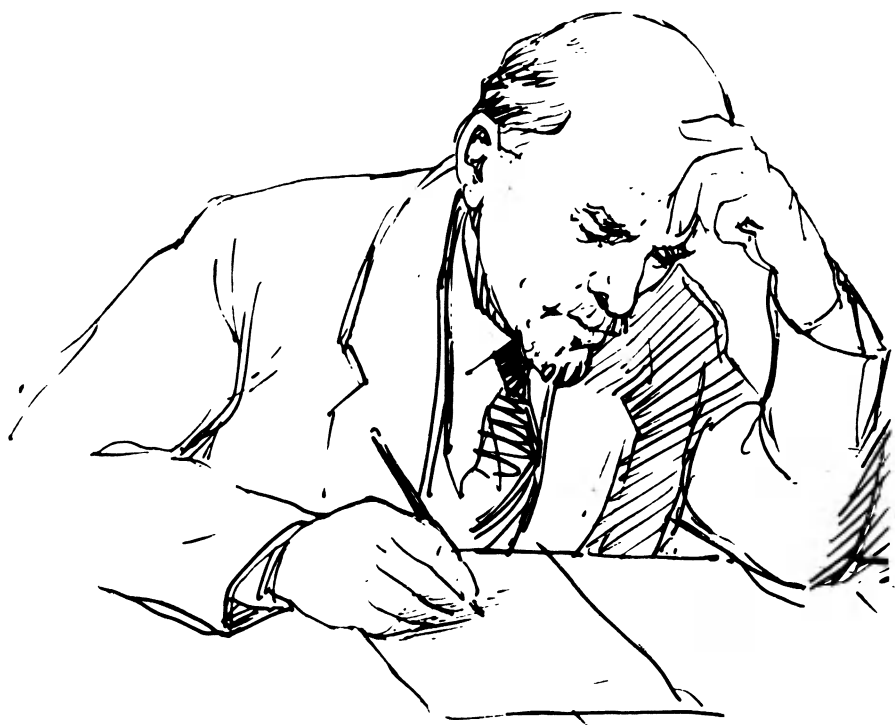
Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (*Ленин*)

3/VIII 1918 г. № 2259. Совнарком

Кремль»

С этим мандатом в кармане я прямо от Владимира Ильича направился в Наркомпрос, в отдел ИЗО, к зав. отделом тов. Д. П. Штеренбергу, но его там не было, так как он кочевал вместе с тов. А. В. Луначарским, который в это время жил в Петрограде, наезжая в Москву от случая к случаю. Д. П. Штеренберга замещал художник В. Е. Татлин, который встретил меня, как говорится, в штывы. Отказавшись дать хоть какие-либо сведения о ходе заказа на памятники, он стал уверять, что их отдел аккуратно информирует товарища Ленина. Фактически, как выяснилось после, просто Татлину нечего было сказать. Вечером того же дня я пришел на собрание Союза скульпторов. Здесь я также ничего толкового не узнал. Председатель Союза, скульптор С. Т. Конёнков, обещал дать мне через несколько дней список исполнителей заказа с их адресами. Судя по напечатанному в «Утренних известиях» № 183 от 25 августа 1918 года сообщению об окончательной передаче отделом ИЗО Наркомпроса Союзу скульпторов заказа на памятники, вопрос этот развивался очень медленно. К этому времени определились и исполнители...

И. А. ВАЙМАН
В. Н. ШУЛЬГИН
Г. Е. ЗИНОВЬЕВ
А. Н. ВИНОКУРОВ
В. Н. РОЗАНОВ
Т. В. САПРОНОВ
М. И. САНАЕВ
Б. Т. БУНКИН
А. И. ТОДОРСКИЙ
А. В. ИВАНОВ

С. И. КАНАТЧИКОВ
С. И. ГОПНЕР
Г. О. ГРАФТИО
А. В. ВИНТЕР
Р. С. ЛИХАЧЕВА
А. В. ОБУХ
А. Д. ЦЮРУПА
П. И. ПОПОВ
П. Н. ЛЕПЕШИНСКИЙ
Г. В. ЧИЧЕРИН

Scan: Ershov V. G., 2006

И. А. Вайман

С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

На ревальском ледоколе «Волынец» уходил из Эстонии последний отряд революционных моряков и красногвардейцев. Держим путь в Гельсингфорс. Здесь в феврале 1918 года я получил распоряжение немедленно выезжать в Петроград. Короткие сборы, прощание с товарищами и — в путь. Но на следующий день маршрут уточняется: Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет направляет меня в Москву. Я буду работать в Чрезвычайной комиссии по организации переезда Советского правительства из Петрограда в Москву. Председателем этой комиссии назначен старый большевик — архитектор Павел Петрович Малиновский. Владимир Ильич Ленин лично следил за нашей работой, часто давал советы комиссии.

О гениальном вожде рабочего класса я много слышал в 1912—1913 годах, будучи в эмиграции в Англии: после Ленских событий мне пришлось покинуть Россию. Позднее, в период первой империалистической войны, я узнал на фронте, как Владимир Ильич боролся с «оборонцами». Но впервые видеть Ленина, слушать его неповторимое выступление мне пришлось на Чрезвычайном IV съезде Советов в марте 1918 года, когда обсуждался вопрос о ратификации Брестского мирного договора.

Помню, как сейчас, провокационные вопросы меньшевиков, их злобные реплики. Они мешали деловому обсуждению. Вначале Владимир Ильич терпеливо отвечал на их вопросы и реплики, но те не хотели уgomониться. Тогда Ленин под бурное одобрение большевиков процитировал меньшевикам известное изречение о том, что один дурак в состоянии задать столько вопросов, что десять умных людей на них не ответят.

Затаив дыхание, слушали мы Владимира Ильича, старались не проронить ни единого слова. Как просто, доходчиво говорил он о самых сложных вопросах! И каждый делегат съезда, каждый сидящий в зале большевик всем сердцем воспринял выступление Владимира Ильича, готов был отдать свою жизнь, все силы за дело трудящихся.

В первые недели работы в Кремле я боялся, что по своей неопытности не справлюсь с многочисленными заданиями. Больше всего пугало, что тов. Ленин сделает мне замечание, упрекнет в том, что я не знаю дела. Но я ошибался. Ильич был беспощаден только к тем, кто предавал рабочий класс, мешал пролетариату в его исторической борьбе с эксплуататорами. К рабочим, даже в случае

ошибки, он относился как терпеливый учитель и отец. Это я испытал на себе, когда оказался впервые на большой административно-хозяйственной работе в Кремле.

В своих воспоминаниях хочется коснуться заданий В. И. Ленина по охране памятников старины, искусства, художественно-исторических и прочих ценностей России, реставрации Московского Кремля, ленинской заботы о людях труда. Воспоминания охватывают период с апреля 1918 по июнь 1919 года и относятся к фактам, известным мне по работе в Кремле в качестве комиссара управления народными дворцами, члена коллегии Наркомата художественно-исторических имуществ и председателя комиссии по реставрации Московского Кремля.

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ, ИСКУССТВА

С первых дней Советской власти Владимир Ильич уделял исключительное внимание сохранности исторических и культурных ценностей. Учитывая близость военной зоны, Ленин уже в ноябре 1917 года распорядился приступить к проверке и эвакуации этих ценностей из Петрограда и пригородных дворцов в Москву. Там они хранились в кремлевских зданиях, Оружейной палате. Надо ли говорить, что все это было сохранено для будущих поколений благодаря заботам Владимира Ильича!

По указанию Ленина был организован самостоятельный Народный комиссариат художественно-исторических имуществ. Ему подчинили бывшие дворцовые и удельные ведомства, музеи, государственные театры, отдел охраны памятников старины и т. д. Создание такого комиссариата в то тяжелое время было проявлением большой заботы о сохранении исторических ценностей. Партия большевиков располагала для этого замечательными кадрами. Наркомат возглавил тов. Малиновский, а в комиссиях работали тов. Смидович, профессор Фриче, художник Орановский, архитектор Виноградов и другие.

Владимир Ильич интересовался, правильно ли организована охрана, надежна ли она, как отапливаются помещения, где хранятся исторические ценности. Ленин не согласился с мнением некоторых ответственных работников, пытавшихся доказать, что весь персонал младших служащих бывшего дворцового ведомства нужно распустить и оставить лишь одну военную охрану. Владимир Ильич настоял на том, что прежняя гражданская охрана из проверенных младших служащих должна быть сохранена наряду с надежной военной охраной.

На всех наиболее ответственных пунктах были организованы посты военной и гражданской охраны. В Оружейную палату, где хранились исторические ценности и реликвии искусства (известная шапка Мономаха, шапка и скипетр царя Михаила Романова, коллекция оружия разных веков и просто ценности из золота

и драгоценных камней), доступ был еще сложнее. В это помещение, где ученым хранителем был оставлен профессор Трутовский, вход разрешался только в присутствии ответственных дежурных, назначаемых комендантом Кремля тов. Мальковым, комиссаром управления народными дворцами и профессором Трутовским. Исключений не делали ни для кого.

Нельзя при этом не вспомнить и об исключительной роли тов. Ольминского. Его знают как верного соратника Ильича, литератора и преданнейшего большевика, но как организатор охраны исторических и художественных ценностей он мало кому известен. Между тем его роль администратора и прекрасного организатора в этом важном деле была немалая.

Изо дня в день тов. Ольминский следил за тем, чтобы правильно охраняли ценности, он даже ночью проверял, чтобы в помещениях была нужная температура, иначе дорогие картины и фрески могли испортиться.

Назначение М. С. Ольминского комиссаром кремлевских дворцов было сделано по указанию Владимира Ильича, причем это связано с обстоятельствами, не совсем приятными для меня.

Как-то в холодное время при обходе кремлевских дворцов и других сооружений Кремля я высказал Владимиру Ильичу мысль о том, что, на мой взгляд, можно снизить на несколько градусов температуру воздуха в тех помещениях, где хранятся картины, ибо с топливом трудно. Выслушав меня, тов. Ленин с беспокойством спросил:

— Неужели вы это уже практиковали?

Не догадываясь, в чем дело, я ответил, что пока продолжаем топить по-прежнему, но, если топлива не хватит, придется снизить температуру в помещениях, где не живут люди. Я полагал, что картинам вреда не будет от небольшого снижения температуры в помещениях.

Владимир Ильич объяснил мне несуразность такого предложения и категорически запретил снижать температуру воздуха в помещениях, где хранились ценные картины и фрески. Он знал, что такое «хозяйственное» предложение могло возникнуть у меня только из-за неопытности. В отношении дров Ильич велел обратиться к Якову Михайловичу Свердлову. По мандату ВЦИК дрова в Кремль были доставлены. Чтобы предотвратить «рациональные предложения» такого порядка, был рекомендован тов. Ольминский как опытный в этих делах человек.

Расширяя коммунистическое ядро в Кремле, способное организовать охрану исторических ценностей, народный комиссар Малиновский со своими помощниками продолжал работу по выявлению и учету новых художественных ценностей на территории РСФСР, не захваченной оккупантами и белогвардейцами. Во дворцах Московской области — Архангельском, в Кускове, Покровско-Стрешневе и других — была организована охрана памятников искусства и старины. Для этого привлекались в отдельных случаях даже бывшие управляющие, которые, видимо ожидая возвращения

своих хозяев, проявляли заботу о ценностях. Их работа ставилась под особый контроль местных Советов.

Для выездов вне пределов Москвы тов. Ленин давал нам свою автомашину. Таким образом нам удалось объехать и организовать охрану Архангельского дворца, замечательного памятника культуры XVIII—XIX веков, панорамы Бородинского боя 1812 года и т. д.

*Курортная газета. Ялта. 1960.
26 марта*

В. Н. Шульгин

НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

На трибуне Владимира Ильича я видел в первый раз на Всероссийском съезде по просвещению. Съезд происходил в Москве с 26 августа по 4 сентября 1918 года, в здании бывших женских курсов на Девичьем поле¹.

Круглый зал освещен сверху. За колоннами коридоры; двери из них ведут в канцелярию, в служебные помещения, а широкая лестница — наверх, на второй и третий этажи, в аудитории. Только из одной, самой большой аудитории двери выходят непосредственно в круглый зал. Они двойные. И поэтому шум из зала не доносится туда.

Сегодня в аудитории народу особенно много. Хоры переполнены. Люди толпятся в проходах. Еще вчера разнесся слух, что сегодня будет выступать Ленин. Но его все нет. Идут прения. Каждый слушает и ждет. Как только открывается дверь, в зале шорох. Все оборачиваются: не он ли? Но его нет. Прения закончились. Делегаты внесли предложения сделать перерыв на обед. Один из членов президиума возражает:

— Владимир Ильич уже выехал из Кремля. Через несколько минут будет здесь.

Работа съезда продолжалась. Только еще больше возросло напряжение ожидания.

Ленин вошел тихо и незаметно. И не сразу увидели его делегаты съезда, не сразу узнали об этом в президиуме. Только когда расступились люди, стоявшие около правой двери, и Владимир Ильич подошел к столу, раздались неуверенные аплодисменты: не все знали его в лицо. «Ленин?» — «Да, Ленин». Он поздоровался с сидящими за столом. И теперь из зала рвались рукоплескания.

— Вот он какой, — сказала сидевшая рядом со мной сельская учительница, — совсем, совсем простой. — Она говорила вслух, и никого это не удивило, никто не остановил ее. Каждый понимал: она в первый раз видела Ленина.

¹ Теперь здесь помещается Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. В. Ш.

Ленин сел, что-то, улыбаясь, сказал Луначарскому и, пока тот выступал, внимательно рассматривал аудиторию. Затем встал и, приветственно кивая головой, подошел к столу.

— А кто это с ним? — спросила меня учительница.

— Мария Ильинична.

— Сестра?

— Да.

Зал стих не сразу. Слышался взволнованный шепот: не все могли быстро овладеть собой. Ленин говорил:

— Мы говорим: наше дело в области школьной есть та же борьба за свержение буржуазии; мы открыто заявляем, что школа вне жизни, вне политики — это ложь и лицемерие. Что такое был саботаж, объявленный наиболее образованными представителями старой буржуазной культуры? Саботаж показал нагляднее, чем любой агитатор, чем все наши речи и тысячи брошюр, что эти люди считают знание своей монополией, превращая его в орудие своего господства над так называемыми «низшими». Они воспользовались своим образованием для того, чтобы сорвать дело социалистического строительства, открыто выступили против трудящихся масс¹.

Это были простые слова, но они вносили ясность, поражали своей правдой, пригвождали саботажников к позорному столбу.

— Трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы. Девять десятых трудящихся масс поняли, что знание является орудием в их борьбе за освобождение, что их неудачи объясняются недостатком образования и что теперь от них самих зависит сделать просвещение действительно доступным всем.

Владимир Ильич кончил речь так, как кончают разговор дома, в узком кругу товарищей: без пафоса, без ораторских призывов, без восклицаний:

— Все, что сочувствует народу не на словах, а на деле, лучшая часть учительства, придет на помощь, — и в этом для нас верный залог того, что дело социализма победит².

— Просто и верно, — сказала моя соседка учительница.

— Просто и верно, — говорили многие приехавшие с мест народные учителя. И им казалось, что они всегда думали именно так, как сейчас говорил Ленин. Овацией ответили они ему.

*Шульгин В. Памятные встречи.
М., 1958. С. 9—11*

Г. Е. Зиновьев

ПОКУШЕНИЕ НА т. ЛЕНИНА

(Страничка воспоминаний)

30-го августа 1918 года я ехал с собрания на Васильевском острове. У Дворцового моста смятение и тревога.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 77.

² См. там же. С. 78.

В чем дело?

Сию минуту убит Урицкий.

Всего несколько недель тому назад, еду с Государственного завода № 3, я таким же образом подъехал к месту убийства Володарского, где застал его бездыханное, но еще теплое тело.

Из Смольного позвонил Владимиру Ильичу. С волнением он выслушал сообщение о гибели Урицкого. «Я попрошу сегодня же тов. Дзержинского выехать к вам в Петроград». Через несколько минут Владимир Ильич позвонил сам и настоятельно потребовал, чтобы были приняты особые меры охраны других наиболее заметных питерских работников.

А вечером того же дня Я. М. Свердлов позвонил мне из Москвы и сообщил о тяжелом ранении самого Владимира Ильича. Мы условились с ним о том, что через каждые полчаса он будет звонить о состоянии здоровья — выехать в Москву для меня было совершенно невозможно. Положение раненого с каждым часом становилось все хуже и хуже. При каждом новом звонке волнение Якова Михайловича увеличивалось, и его покидала обычная невозмутимость. А в моем кабинете сидела, как приговоренная к смерти, группа ближайших товарищей и с трепетом ждала этих тревожных звонков.

6 сентября. Заседание Петроградского Совета. Внимание напряжено до последней степени. «Товарищи, в моих руках телеграмма, писанная уже самим товарищем Лениным», — говорю я. Совет разражается ураганом восторженных аплодисментов. Телеграмма эта подана сегодня в 1 час 10 мин. дня из Кремля. Это, по-видимому, первая телеграмма товарища Ленина после начала его выздоровления. Товарищ Ленин дает нам некоторые деловые указания и заканчивает телеграмму следующими словами: «Дела на фронте идут хорошо, не сомневаюсь, что пойдут еще лучше...»¹ Таким образом, товарищи, ясно одно, что товарищ Ленин *будет* жить на страх врагам коммунизма и на радость пролетариям-коммунистам.

Буре восторгов, казалось, не будет конца. Такая же радость за выздоравливающего вождя, за лучшего учителя и друга пронеслась по всей стране. В каждой рабочей казарме, в каждой хижине крестьянина, куда донеслась эта весть, она вызвала радость.

Прошло еще несколько дней. Тревоги в Петрограде улеглись. Я в Москве. С Я. М. Свердловым мы едем к Владимиру Ильичу, который живет и поправляется от раны за городом. Похудел, осунулся, но как бы помолодел. Рука повязана. По поводу покушения

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 6. С. 120.

и состояния своего здоровья не хочет распространяться, только пару шуточных слов. Через минуту переходим к деловым разговорам, связанным, увы, с Брестским миром.

Как мать еще более горячо полюбит сына после постигшей его большой опасности, так страна наша — да и рабочие всего мира — еще больше, еще беззаветнее полюбила Владимира Ильича после той опасности, которая угрожала ему в первые дни сентября 1918 года.

Прожектор. 1923. № 14. С. 7

А. Н. Винокуров

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Это было в то время, когда контрреволюция высоко подняла голову в своем наступлении на Советскую власть и ее вождей.

Чехословаки наступали на Волгу. За Волгой открылась эсеровская учредилка, англичане и другие империалисты заняли Архангельск, белогвардейцы подняли восстание в Ярославле, эсеры убили Урицкого и Володарского и подготавливали покушения на других наших вождей.

Советская власть и Коммунистическая партия переживали великое напряжение сил. Ее величайший вождь Владимир Ильич лично участвовал в митингах на фабриках и заводах, разъясняя рабочим все предательство эсеров, меньшевиков и других врагов рабочего класса и крестьянства.

На одном из таких митингов, на заводе бывшем Михельсона¹, теперь имени Владимира Ильича, и совершено было покушение на жизнь вождя мирового пролетариата эсеркой Каплан².

Владимир Ильич был ранен несколькими пулями, из них двумя очень опасно. Я в это время был в Совете Народных Комиссаров в Кремле, ожидая открытия заседания. Владимир Ильич обычно аккуратно, без опоздания, являлся на заседания Совнаркома, и мы были удивлены, почему его так долго нет.

Вдруг меня вызывают из зала заседания в квартиру Владимира Ильича (квартира находилась рядом с залом заседания Совнаркома) для оказания ему медицинской помощи (я врач).

Когда я пришел в спальню Владимира Ильича, я нашел его раздевающимся у кровати. Он имел столько сил и выдержки, что сам поднялся на третий этаж, дошел до кровати и стал сам раздеваться.

¹ Митинг происходил 30 августа 1918 года. *Ред.*

² Ф. Е. Каплан за покушение 30 августа 1918 года на жизнь В. И. Ленина постановлением ВЧК приговорена к высшей мере наказания — расстрелу. Сообщение об исполнении приговора опубликовано в газете «Известия ВЦИК» (1918. 4 сент.). *Ред.*

Он был бледен как полотно. Я немедленно уложил его в постель, снял с него сюртук, жилет и рубашку и, оказав ему первую помощь (наложил асептическую повязку, дал возбуждающих капель и др.), немедленно велел вызвать наркомздрава тов. Семашко и заведующего Мосздравотделом Обуха.

В то время подошла, насколько помню, ныне покойная Вера Михайловна Бонч-Бруевич (тоже врач). Ввиду того что положение Владимира Ильича было очень тяжелое, пульса у него почти не было, были сильные боли, мы немедленно, не ожидая консилиума, сделали подкожное впрыскивание морфия и затем для поднятия пульса подкожное впрыскивание камфары. Все это подняло силы Владимира Ильича.

Вскоре явились Семашко и Обух, а за ними и специалисты (хирург Минц и терапевт Туманов), которые осмотрели ранение и установили диагноз.

Одна пуля раздробила Владимиру Ильичу плечевую кость, произведя перелом кости. Другая пуля вошла сзади со стороны лопатки, пробила легкое, вызвав сильное кровотечение в плевру, и засела посреди шеи под кожей.

Особенно опасно было второе ранение. Пуля прошла мимо самых жизненных центров: шейной артерии, шейной вены, нервов, поддерживающих деятельность сердца. Ранение одного из этих органов грозило неминуемой смертью, и каким-то чудом-случаем пуля не задела их. Здесь же проходит пищевод, и было опасение, не ранен ли он, что также грозило большой опасностью для жизни нашего вождя...

Несколько дней Владимир Ильич был между жизнью и смертью. Но вскоре он стал быстро поправляться и уже через несколько недель опять приступил к своим делам, несмотря на все протесты друзей, товарищей и врачей.

В течение этих нескольких недель я мог наблюдать, какой силой воли, какой выдержкой, каким самообладанием и скромностью обладал Владимир Ильич. За все время он не издал ни стога, ни жалобы.

Как только ему стало немножко лучше, он уже шутил с докторами, и лишь только силы немного позволили ему, он уже сам стал обслуживать себя... Как трудно было удержать его лишний день в кровати, а затем от занятий в кабинете и Совнаркоме. Никакие уговоры на него не действовали. Он рвался к работе. Нам приходилось прибегать к различным хитростям, чтобы освободить его от занятий в Совнаркоме. Так, мы либо снимали вопросы за неподготовленностью с повестки, либо потихоньку уходили с заседания друг за другом, пока не срывали кворума, и Владимир Ильич должен был закрывать заседание, грозя оставшимся пальцем.

Вождь пролетариата был спасен и еще более пяти лет работал на своем посту. Гениальной стратегией и тактикой он провел корабль пролетарской революции через все подводные камни. Эсеровщина и меньшевизм были сокрушены, интервенция империалистов

и белогвардейцев отражена, и Советская власть стала маяком для трудящихся других стран и угнетенных народов.

*Красная газета, 1924.
30 августа. С. 2*

В. Н. Розанов
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ

Раннее утро. Меня подняли с постели, сказав, что нужно ехать в Кремль на консультацию к Председателю Совета Народных Комиссаров Владимиру Ильичу Ленину, которого ранили вечером и которому стало теперь хуже. Ехал с каким-то напряженным чувством той громадной ответственности, которую на тебя возлагают этим участием в консультации у Ленина, того Ленина, который возглавляет всю нашу революцию, направляет и углубляет ее. Сложное это было чувство; за давностью времени¹ кое-что уже стерлось, но, кроме этой напряженности, очевидно, здесь была и доля любопытства — поглядеть поближе на вождя народа, может быть, некоторое чувство робости...

Небольшая комната, еще полумрак. Обычная картина, которую видишь всегда, когда беда с больным случилась внезапно, вдруг: растерянные, обеспокоенные лица родных и близких — около самого больного, подальше стоят и тихо шепчутся тоже взволнованные люди, но, очевидно, уж не столь близкие к больному. Группой с одной стороны около постели раненого врачи: В. М. Минц, Б. С. Вейсброд, В. А. Обух, Н. А. Семашко — все знакомые. Минц и Обух идут ко мне навстречу, немного отводят в сторону и шепотом коротко начинают рассказывать о происшествии и о положении раненого; сообщают, что перебито левое плечо одной пулей, что другая пуля пробила верхушку левого легкого, пробила шею слева направо и засела около правого грудино-ключичного сочленения. Рассказывали, что Владимир Ильич, после ранения привезенный домой на автомобиле, сам поднялся на третий этаж и здесь уже в передней упал на стул. За эти несколько часов после ранения произошло ухудшение как в смысле пульса, так и дыхания, слабость нарастающая. Рассказав это, предложили осмотреть больного.

Сильный, крепкий, плотного сложения мужчина; бросалась в глаза резкая бледность, цианотичность губ, очень поверхностное дыхание. Беру Владимира Ильича за правую руку, хочу пощупать пульс, Владимир Ильич слабо жмет мою руку, очевидно здороваясь, и говорит довольно отчетливым голосом: «Да, ничего, они зря беспокоятся». Я ему на это: «Молчите, молчите, не надо говорить». Ищу пульс и, к своему ужасу, не нахожу его, порой он попадает, как нитевидный. А Владимир Ильич опять что-то говорит, я настоятельно прошу его молчать, на что он улыбается и как-то неопреде-

¹ Воспоминания написаны в 1924 году. *Ред.*

ленно машет рукой. Слушаю сердце, которое сдвинуто резко вправо, — тоны отчетливые, но слабоватые. Делаю скоро легкое выстукивание груди — вся левая половина груди дает тупой звук. Очевидно, громадное кровоизлияние в левую плевральную полость, которое и сместило так далеко сердце вправо. Легко отмечается перелом левой плечевой кости, приблизительно на границе верхней трети ее с серединой. Это исследование, хотя и самое осторожное, безусловно очень болезненное, вызывает у Владимира Ильича только легкое поморщивание, ни малейшего крика или намека на стоны.

О результатах своего осмотра быстро сообщаю В. А. Обуху, который стоит здесь рядом со мной, нагнувшись над раненым. В. А. Обух, соглашаясь со всеми находимыми мною данными объективного исследования, все время шепотом говорил: «Да, да», и мы оба настойчиво просим Владимира Ильича не шевелиться и не разговаривать. Владимир Ильич в ответ на наши слова молчит, но улыбается. Идем в другую комнату на консультацию, по дороге в коридорчике меня останавливает Надежда Константиновна и двое из незнакомых мне — кто, не помню — и тихо спрашивают: «Ну, что?» Я мог ответить только: «Тяжелое ранение, очень тяжелое, но он сильный».

На консультации мне, как вновь прибывшему врачу, пришлось говорить первому. Я отметил, что здесь шок пульса от быстрого смещения сердца вправо кровоизлиянием в плевру из пробитой верхушки левого легкого и центр нашего внимания, конечно, не сломанная рука, а этот так называемый гемоторакс. Приходилось учитывать и своеобразный, счастливый ход пули, которая, пройдя шею слева направо, сейчас же непосредственно впереди позвоночника, между ним и глоткой, не поранила больших сосудов шеи. Уклонись эта пуля на один миллиметр в ту или другую сторону, Владимира Ильича, конечно, уже не было бы в живых. Военный опыт после годов войны у нас, хирургов, был очень большой, и было ясно, что если только больной справится с шоком, то непосредственная опасность миновала, но оставалась другая опасность, это опасность инфекции, которая всегда могла быть внесена в организм пульей. Эту опасность предотвратить мы уже не могли, мы могли ее только предполагать и бояться ее, так как она была бы грозной: страшно было и за плевральную полость, и за пулевой канал на шее, который пронизал, очевидно, в нескольких местах шейную клетчатку, да еще такую клетчатку, как заглоточную.

Все эти тревоги и опасения были высказаны мною, равно как и другими врачами. Соответственные мероприятия были выработаны очень легко: абсолютный покой, все внимание на сердечную деятельность, руку временно приходилось забыть, для нее только легкая контентивная повязка, чтобы трущиеся при невольном движении отломки костей не доставляли раненому ненужных страданий. Я с удовольствием согласился и поддерживал предложение В. А. Обуха пригласить вечером на новую консультацию доктора Николая Николаевича Мамонова, большого терапевта, та-

лантливого и удивительного мастера в подходе к больному. Такой врач нам, хирургам, был нужен, чтобы детальнее следить за изменениями в плевре и в легком. Вопрос о том, нужно или нет вынимать засевшие пули, без малейших колебаний был сразу решен отрицательно.

После консультации длинное и долгое обсуждение официального бюллетеня о состоянии здоровья Владимира Ильича. Приходилось тщательно и очень внимательно обдумывать каждое слово, каждую запятую: ведь нужно было опубликовать перед народом и миром горькую правду, исход был неизвестен, но это нужно было сказать так, чтобы надежда осталась.

После этого опять пошли к Владимиру Ильичу. Около него сидела Надежда Константиновна. Владимир Ильич лежал спокойно, снова наша настойчивая просьба не шевелиться, не разговаривать. На это — улыбка и слова: «Ничего, ничего, хорошо, со всяким революционером это может случиться». А пульса все нет и нет. Вечером снова консультация, и так каждый день, утром и вечером, пока дело не наладилось, то есть 4—5 недель.

Пульс восстановился только через двое суток, то есть стал таковым, что его можно было назвать удовлетворительным. Через четыре дня общее состояние настолько улучшилось, что позволительно было подумать о том, чтобы приняться за правильное лечение перебитой руки.

Опасность инфекции как будто миновала, и могучая натура Владимира Ильича стала быстро справляться с громадным кровоизлиянием в плевру. Выпот быстро всасывался, сердце возвращалось к нормальному положению, дышать больному становилось все легче и легче, а нам, врачам, становилось все труднее и труднее: дело в том, что, как только Владимир Ильич стал чувствовать себя лучше, как только у него поокреп голос, заставить его быть спокойным, заставить его не шевелиться, не разговаривать, заставить его поверить нам, что опасность еще не миновала, представлялось совершенно невозможным: он хотел и работать, и быть в курсе всех дел. На наши приставания — всегда улыбка, всегда очень милая, но совершенно откровенная, то есть «я вам верю, верю, что вы говорите по совести, но...». Вот это-то «но» и заставляло нас быть благодарными переломанной руке. Рука была повешена на вытяжение и тем самым волей-неволей приковывала Владимира Ильича к постели. Сращение руки шло прекрасно, и недели через три появилась уже настолько хорошая спайка, что удерживать Владимира Ильича в постели не представлялось нужным, так как вытягивающий груз можно было хорошо приспособить и при вертикальном положении больного.

Владимир Ильич нас, врачей, меня в частности, всегда встречал очень радушно и приветливо, хотя неоднократно высказывал свое неудовольствие, очень искренне и горячо, что нас заставляют навещать его 2 раза в день, отрывая от других больных. Я ему на это всегда отвечал: «Владимир Ильич, ведь вы тоже больной, и больной серьезный со всех сторон». Раз он мне на это «со всех сторон»

и ответил довольно сердито: «А разве от «этих сторон» болезнь течет иначе? Все ведь это товарищи пристают». Я ему на это: «Обязательно, Владимир Ильич, иначе все равно как у врачей: до седьмого колена болезни текут всегда как-то шиворот-навыворот». Владимир Ильич рассмеялся и, сказав: «Вас не переспоришь», со смехом стал снимать сорочку, чтобы проделать скучную процедуру выстукивания и выслушивания легкого.

Выражаясь нашим врачебным языком, можно сказать, что случай протек изумительно гладко: выпот в плевру рассосался бесследно, легкое расправилось совершенно. Я не помню, чтобы тогда мы отмечали что-либо особенное в смысле склероза, склероз был соответственный возрасту. Спайка руки шла прекрасно, были только небольшие боли по тракту лучевого нерва, небольшие, очевидно зависящие от ушиба этого нерва одним из отломков сломанной кости. На руку был сделан протезным заводом легкий, съемный кожаный протез с шинками, съемный, чтобы можно было сделать массаж, и Владимир Ильич по настоянию всех врачей уехал на несколько недель в деревню. Уехать было необходимо, так как здесь, в Кремле, Владимир Ильич все-таки занимался, а отдохнуть и набраться сил после тяжелейшего ранения было нужно. В конце сентября Владимир Ильич приехал показаться нам, лечащим врачам, то есть В. М. Минцу, Н. Н. Мамонову и мне. Владимир Ильич выглядел прекрасно: бодрый, свежий, со стороны легких и сердца — полная норма, рука срослась прекрасно, так что протез свободно можно было бросить; жалоба только одна: неприятные, порой болевые ощущения в большом и указательном пальцах больной руки — результат указанного выше ушиба лучевого нерва. На этой консультации было решено, что доктору Мамонову делать больше нечего, а мы, хирурги, увидимся еще раз недели через полторы-две. Владимир Ильич во время этой консультации долго беседовал с нами, расспрашивал меня про нашу больницу, обеспокоился тем, что у нас уже затруднения с отоплением корпусов, что-то записал себе на бумажке, при этом долго смеялся тому, что нигде у себя в комнате не мог найти какой-либо бумажки, говоря: «Вот что значит быть председателем». На мой вопрос: беспокоят ли его пули, из которых одна на шее прощупывалась очень легко и отчетливо, — он ответил отрицательно и при этом, смеясь, сказал: «А вынимать мы с вами их будем в 1920 году, когда с Вильсоном справимся».

На последней консультации, когда мы распрощались с Владимиром Ильичем, произошел один маленький эпизод, который хорошо выявляет удивительную деликатность и чуткость Владимира Ильича. От ЦК ко мне несколько раз обращались с вопросом о гонораре за лечение Владимира Ильича. Говорил об этом и В. А. Обух, которого я очень просил, чтобы этот вопрос о деньгах не поднимался.

Я эти разговоры передал, конечно, коллегам Минцу и Мамонову; нам казалось совершенно невозможным представлять какой-то счет Владимиру Ильичу, выздоровление которого мы буквально сами переболели.

Владимир Ильич решил этот вопрос сам деликатно и велико-
лепно. На последней консультации были только я и В. М. Минц.
Осмотрели, побеседовали немного, попросили его некоторое время
массировать руку, указывали ему на необходимость беречься и
позаботиться о том, чтобы в квартире было потеплее. Здесь Вла-
димир Ильич нас насмешил и сам посмеялся: «Вы говорите —
потеплее, велел себе электрическую печку поставить — поставили,
а оказывается, это против декрета; вот как быть? — придется
все-таки оставить... по предписанию врачей». Хотим проститься
(я не помню, кто с нами здесь еще был, кажется, Мария Ильи-
нича), Владимир Ильич встает как-то немного смущенный и го-
ворит: «на минутку», зовет в спальню. Протягивает одной рукой
конверт В. М. Минцу, а другой — мне. И, буквально конфузясь,
говорит: «Это — за лечение, я глубоко вам благодарен, вы так
много на меня тратили времени». Мы с Минцем оба смешались на
несколько секунд и держались за конверты, которые оставались
в руках у Владимира Ильича. Выйдя из этого замешательства,
я наконец сказал: «Владимир Ильич, может быть, можно без этого,
поверьте, мы рады, что вы выздоровели, искренне рады и благо-
дарны за то, что вы выздоровели». Минц, тоже волнуясь, сказал
что-то в этом роде. Владимир Ильич немного прищурился, на меня
поглядел как-то пристально, бросил конверты, кажется на постель,
подошел почти вплотную, крепко-крепко пожал руку, взял меня
рукой за плечо и, волнуясь очень заметно, произнес: «Бросим это...
спасибо, еще раз благодарю». Сказал он это так хорошо и искренне,
что мне тоже хорошо стало. Он проводил нас до двери, еще раз
пожал мне не руку, а плечо и сказал: «Если что-либо нужно бу-
дет — скажите». Приехав домой, я сейчас же позвонил В. А. Обуху
о том, что у меня гора с плеч свалилась, рассказал ему всю сценку
и сказал, что теперь вопрос о гонораре, мне кажется, ликвидирован
окончательно. Больше никакого разговора ни с кем о гонораре
не было.

Нам, работникам Солдатенковской больницы ¹, которая стоит
за две версты от заставы ², зима 1918/19 года была очень трудна —
и холодно, и голодно. Рядом с больницей расположен был так
называемый Петровский огород. Получить этот огород для нужд
коллектива служащих было крайне желательно, так как он был бы
большим подспорьем, особенно в смысле снабжения картофелем.
Начались хлопоты, то есть бесконечное хождение наших представ-
вителей по различным учреждениям, но все без толку.

Наконец я совместно с представителями нашей больницы
и соседней Октябрьской написал прошение Владимиру Ильичу,
которое и передал ему через Надежду Константиновну доктор
Ф. А. Гетье (лечивший в это время Надежду Константиновну
и часто бывавший у Лениных). Владимир Ильич не только быстро
помог нам получить этот огород в наше общее пользование, но

¹ Теперь больница им. Боткина. *Ред.*

² Застава находилась у нынешнего Белорусского вокзала. *Ред.*

и потом не забывал про него все годы, звонил ко мне по телефону, спрашивал, как идут дела, не нужно ли чего еще, и много раз присылал самокатчиков с коротенькими записочками, вроде такой: «Тов. Розанов, как дела на огороде, что нужно?» — или так: «Тов. Розанов: будет ли урожай, сколько придется на каждого? Привет». Мы все, солдатенковские, были ему бесконечно благодарны за эту заботу. Приходилось только удивляться, как он среди груды работы умудрялся не забывать такой песчинки, как наш огород.

Когда я оперировал тов. Сталина, который лежал у меня в больнице, Владимир Ильич ежедневно два раза, утром и вечером, звонил ко мне по телефону и не только справлялся об его здоровье, но требовал самого тщательного и обстоятельного доклада. Операция тов. Сталина была очень тяжелой: помимо удаления аппендикса пришлось сделать широкую резекцию слепой кишки, и за исход ручаться было трудно. Владимир Ильич, видно, очень беспокоился и сказал мне: «Если что, звоните мне во всякое время дня и ночи». Когда на 4-й или 5-й день после операции всякая опасность миновала и я сказал ему об этом, у него, видно, от души вырвалось: «Вот спасибо-то, но я все-таки каждый день буду звонить к Вам». Навещая тов. Сталина у него, уже на квартире, я как-то встретил там Владимира Ильича. Встретил он меня самым приветливым образом, отозвал в сторону, опять расспросил, что было со Сталиным; я сказал, что его необходимо отправить куда-нибудь отдохнуть и поправиться после тяжелой операции, на это он: «Вот и я говорю то же самое, а он упирается, ну, да я устрою, только не в санаторий, сейчас только говорят, что они хороши, а еще ничего хорошего нет». Я говорю: «Да пусть едет прямо в родные горы». Владимир Ильич: «Вот и правильно, да подальше, чтобы никто к нему не приставал, надо об этом позаботиться». А сам бледный, желтый, усталый. «Владимир Ильич, вам бы самим-то отдохнуть не мешало». — «Нет, нет, я совсем здоров, — засмеялся, пожал руку и почти убежал, а на пороге обернулся и сказал: — Правда здоров, скоро по тетеревам».

Помню хорошо еще одну встречу с Владимиром Ильичем. Лежал у меня в больнице Григорий Яковлевич Сокольников. Доставили его ко мне в довольно тяжелом состоянии, боли в правой почке и правой ноге, повышенная температура. Приходилось делать довольно сложные исследования. Тов. Сокольников налаживался медленно, был слаб; через несколько дней он обращается ко мне с просьбой разрешить ему принять комиссию, которая придет к нему сегодня, чтобы переговорить о каких-то важных государственных делах. Я запротестовал, но он настаивал, говоря, что это необходимо, что придет Владимир Ильич. Пришлось уступить. Владимир Ильич скоро приехал, с ним еще несколько человек. Я встретил Владимира Ильича и сказал ему, что боюсь за Сокольникова, что эта комиссия принесет ему вред. Владимир Ильич на это: «Да уж очень нужно срочно, а он хорошо знает Туркестан», при этом он приложил палец к губам. «Давайте, Владимир Ильич, по часам — 30 минут, а потом я к вам приду». Устроил я их для

беседы в лаборатории. Ровно через $1\frac{1}{2}$ часа вошел я к ним, смотрю — Г. Я. Сокольников сидит совершенно бледный. Владимир Ильич вынул часы, положил их перед собой и сказал: «Точно через 5 минут». И действительно, ровно через 5 минут беседа была закончена. Владимир Ильич отвел меня в сторону, подробно расспросил про болезнь Сокольникова, потом спросил, как у нас идет работа в больнице, и на прощанье сказал: «Ну, а огород-то как?» — «Кряхтит», — ответил я. «Почему так?» — «Да хозяев уж очень много, все совещаемся». Владимир Ильич улыбнулся и сказал: «У нас все еще так, много совещаемся; ну, если нужно, позвоните. А у вас здесь очень чисто и хорошо, как-то и на больницу не похоже. Ну, простите, я, небось, оторвал вас от работы, ведь опять резать пойдете? Идите, идите, не провожайте, до свидания». Пошел, потом сейчас же вернулся и спросил: «А Сокольникова-то скоро выпустите?» Я ответил, что и сам не знаю.

После этого я и Владимир Ильич увидались 21 апреля 1922 года. Накануне вечером мне позвонил Н. А. Семашко и сказал, что он просит меня завтра поехать к Владимиру Ильичу: приезжает профессор Борхардт из Берлина для консультации, так как нужно удалить пули у Владимира Ильича. Я ужасно удивился этому и спросил: «Почему?» Николай Александрович рассказал мне, что Владимир Ильич в последнее время стал страдать головными болями, была консультация с профессором Клемперером (крупный германский профессор, терапевт). Клемперер высказал предположение, и, очевидно, довольно определенно, что эти боли зависят от оставшихся в организме Владимира Ильича пуль, якобы вызывающих своим свинцом отравление. Мысль эта мне, как хирургу, перевидавшему тысячи раненых, показалась прямо странной, что я и сказал Николаю Александровичу. Николай Александрович со мной согласился, но все-таки на консультацию нужно было ехать.

Консультация была интересная. Я заехал за Борхардтом, и мы вместе с ним поехали в Кремль. С нами поехала еще женщина-врач, фамилии не помню, на которую была возложена обязанность быть переводчицей. Нас провели прямо в кабинет Владимира Ильича, который сейчас же вышел к нам, поздоровался, переводчице сказал, что она нам не нужна: «сами сговоримся», и пригласил нас к себе на квартиру. Здесь кратко, но очень обстоятельно он рассказал нам о своих головных болях и о консультации с Клемперером. Когда Владимир Ильич сказал, что Клемперер посоветовал удалить пули, так как они своим свинцом вызывают отравление, вызывают головные боли, Борхардт сначала сделал удивленные глаза и у него вырвалось *unmöglich* (невозможно), но потом, как бы спохватившись, вероятно, для того, чтобы не уронить авторитета своего берлинского коллеги, стал говорить о каких-то новых исследованиях в этом направлении.

Я определенно сказал, что эти пули абсолютно не повинны в головных болях, что это невозможно, так как пули обросли плотной соединительной тканью, через которую в организм ничего не проникает. Пуля, лежавшая на шее, над правым грудино-клю-

чичным сочленением, прощупывалась легко, удаление ее представлялось делом не трудным, и против удаления ее я не возражал, но категорически восстал против удаления пули из области левого плеча: пуля эта лежала глубоко, поиски ее были бы затруднительны; она, так же как и первая, совершенно не беспокоила Владимира Ильича, и эта операция доставила бы совершенно ненужную боль. Владимир Ильич согласился с этим и сказал: «Ну, одну-то давайте удалим, чтобы ко мне не приставали и чтобы никому не думалось».

Сговорились на другой день проверить положение пуль по Рентгену в институте академика Лазарева. При рентгеноскопии пули были видны прекрасно, они немного сместились сравнительно с тем, что мы видели на рентгенограммах после ранения. Сделали рентгеновские снимки в различных направлениях. После этого Владимир Ильич пошел с П. П. Лазаревым осматривать Физический институт, но осмотр этот не удался, так как Владимир Ильич, дойдя до комнаты, где у П. П. Лазарева были собраны материалы по Курской аномалии, заставил П. П. Лазарева познакомить его с этими материалами самым подробным образом. Владимир Ильич слушал очень внимательно, о многом переспрашивал, видно, что он углубился в вопрос. Уезжая, Владимир Ильич сказал, чтобы П. П. Лазарев продолжал держать его в курсе дела. Об операции было условлено делать ее у меня завтра, 23 апреля, и что Владимир Ильич придет в 12 часов. Я предложил Борхардту приехать ко мне в больницу к 11 часам, думая показать ему до операции хирургические отделения, но профессор Борхардт просил разрешения приехать в 10 с половиной часов. Я, конечно, не возражал, думая, что он хочет поподробнее посмотреть нашу больницу.

Борхардт приехал и притащил с собой громаднейший, тяжелый чемодан со всякими инструментами, чем премного удивил и меня, и всех моих ассистентов. Инструментов для операции требовалось самый пустяк: несколько кровоостанавливающих зажимов, пинцет, зонд, ножницы да скальпель — вот и все, а он притащил их целую гору. Я успокоил его, что у нас есть все, все приготовлено, готов и раствор новокаина, есть и перчатки, и, так как до приезда Владимира Ильича оставалось еще полтора часа, предложил ему познакомиться с хирургическим корпусом. Он, видно, волновался и сказал, что хочет начать готовиться к операции. После этого Борхардт стал говорить, чтобы оперировал я, а он будет ассистировать, я ему на это ответил, что оперировать должен он, а я с удовольствием ему поассистирую. Борхардт еще несколько раз повторял это свое предложение, что он будет помогать при операции. Так я и до сих пор не знаю, зачем он это говорил, — думаю, из галантности. О самой операции Владимир Ильич потом как-то на перевязке сказал мне и доктору Очкину: «Я думал, что вся эта процедура будет гораздо скорее; я бы сдавил так — да и разрезал, пуля и выскочила бы; а то это все для парада было». Пришлось невольно рассмеяться и почти согласиться с ним.

Владимир Ильич приехал точно в 12 часов, с ним тов. Беленький и еще кто-то из охраны. Приехал и Н. А. Семашко. В опера-

ционную вошел, конечно, только Николай Александрович, который спросил меня: «Кто же будет оперировать?» Я ему ответил: «Немец, конечно, для чего же он приехал?» Николай Александрович согласился с этим. Операция прошла вполне благополучно. Владимир Ильич, видно, совершенно не волновался, во время самой операции только чуть-чуть морщился. Я был уверен, что операция будет амбулаторная и Владимир Ильич через полчаса после операции поедет домой. Борхардт категорически запротестовал против этого и потребовал, чтобы больной остался в больнице хотя бы на сутки. Я не возражал против этого, конечно, так как стационарное наблюдение всегда гораздо покойнее. Но куда мне было положить такого пациента, как Владимир Ильич? Отделение было переполнено, но — кем? Я знал, чем каждый из них болен, но совершенно не представлял себе, что может быть на уме у моих больных. Посоветовавшись с главным доктором В. И. Соколовым, мы решили положить Владимира Ильича в 44-ю палату, на женское отделение; палата была отдельная, изолятор; лежавшую там больную легко можно было перевести в общую палату. Владимир Ильич сначала очень запротестовал и не хотел оставаться в больнице «из-за пустяков». Пришлось уговаривать, указывать, что после кокаина может появиться и тошнота, и рвота, может быть головная боль и нам удобнее будет его наблюдать. Владимир Ильич долго не соглашался на наши уговоры, последней каплей, кажется, были мои слова: «Я даже для вас, Владимир Ильич, палату на женском отделении приготовил». Владимир Ильич рассмеялся, сказал: «Ну вас» — и остался.

Это неожиданное помещение в больницу, конечно, наделало много хлопот не нам, больничным, а главным образом охране и обеспокоило Надежду Константиновну и Марию Ильиничну, которые и звонили ко мне, и потом приехали. Мария Ильинична беспокоилась, накормят ли Владимира Ильича. Я успокоил ее, сказал, что позаботимся со всех сторон, и покормим, и напоим.

Владимир Ильич, как всякий больной, поступающий в больницу, был проведен по всем бумагам, была написана история болезни, которую заполнил В. И. Соколов, главный доктор. Владимир Ильич беспрекословно подчинился больничным порядкам, очень любезно принял доктора Соколова, отвечал на все его вопросы, дал себя выслушать и выстучать. Из этой истории болезни позволю отметить только последние строчки: «Со стороны нервной системы — общая нервозность, иногда плохой сон, головные боли. Специалистами констатирована неврастения на почве переутомления».

Часов в семь вечера мой сынишка сильно порезал себе ногу, пришлось пойти с ним в корпус и наложить на рану швы и повязку. Я зашел к Владимиру Ильичу, рассказал ему об этом случае, и потом он каждый день спрашивал у меня, как нога моего сына, пока у него не зажило. Эта внимательность к другим — одна из черточек характера Владимира Ильича. Владимир Ильич чувствовал себя прекрасно, на вопрос мой, не нужно ли чего, ответил, показывая на тов. Беленького, который стоял в дверях: «Скажите ему, чтобы они не очень волновались и больных бы не стесняли». Часов

в одиннадцать вечера, когда я зашел вновь в корпус, Владимир Ильич уже спал.

На другой день утром приехал Борхардт, сделали перевязку, и в первом часу Владимир Ильич уехал домой. С Борхардтом вместе сделали еще одну перевязку, он уехал, и рану повели уже я с моим помощником доктором А. Д. Очкиным, с нами всегда ездила операционная фельдшерица К. М. Грешнева. Заживление ранки, которое велось на тампоне, длилось недели две с половиной, ранка заживала совершенно гладко; несколько дней из-за этой ранки Владимир Ильич пробыл в Кремле и потом приезжал на перевязки из Горок. Каждый раз Владимир Ильич пенял на то, что нам приходится из-за этих перевязок много терять времени, и все хотел ездить на перевязки в больницу. Приходилось уверять, что мы это делаем с полной готовностью и что для нас будет гораздо спокойнее перевязывать его здесь, а не в больнице. Несколько раз Владимир Ильич оставлял нас пить чай, радушно угощал, беседуя на самые различные темы. Рана уже зажила, была под корочкой; чтобы снять совсем повязку, нужно было посмотреть через день, через два, — так и договорились.

Через два дня меня вызывают часа в три с конференции в больнице к телефону. У телефона Владимир Ильич. «Вы что делаете?» — спрашивает он. «Сижу на заседании, потом пойду домой». — «А скоро ли?» — «Минут через пятнадцать — двадцать». — «Хорошо, минут через двадцать я к вам приеду». Я хотел было запротестовать, но он положил трубку.

Действительно, минут через двадцать Владимир Ильич приехал и прошел прямо ко мне в кабинет. Я стал было ему говорить, зачем он беспокоился, ведь я бы к нему приехал. «Я, Владимир Николаевич, сейчас ровно ничего не делал, а вы работали; нечего об этом толковать». Снял я коллодийную повязку и сказал, что можно оставаться без повязки. «Ну вот и хорошо, а то вся эта ерунда мне очень надоела». Потом Владимир Ильич стал спрашивать меня, как бы ему поблагодарить мою фельдшерицу и не нужно ли чего доктору Очкину. Я сказал, что фельдшерица моя очень издергалась нервами, у нее есть девочка-воспитанница, которая перенесла только что какую-то детскую инфекцию, и было бы очень хорошо им поехать в Крым, в санаторий. Владимир Ильич записал себе это в книжку и сказал, что он об этом скажет Семашко. Про доктора Очкина я ничего не мог сказать, сказал только, что у него жена хворает. Я стал спрашивать Владимира Ильича, как он вообще себя чувствует. Владимир Ильич ответил, что в общем ничего, только вот головные боли по временам, иногда сон неважный, настроение плохое. Я стал убеждать Владимира Ильича, что ему необходимо хорошенько поотдохнуть, бросить на время всякие дела, пожить просто растительной жизнью. А он на это мне в ответ: «Вам, товарищ Розанов, самому-то надо отдохнуть, вид у вас тоже скверный, поезжайте за границу, я вам это устрою». Я поблагодарил его, но сказал, что в Германию ехать — не отдохнешь, так как невольно побежишь по клиникам да по больницам, если ехать отдыхать, то

разве только на Рижское взморье. «Ну и поезжайте» (Владимир Ильич, действительно, дал возможность мне отдохнуть в Риге, а моя фельдшерица съездила в Крым). Я сказал спасибо Владимиру Ильичу и опять к нему с уговорами. Владимир Ильич тепло поблагодарил меня за лечение и сказал, что он о себе «все-таки думает и старается отдыхать, что за этим особенно смотрит Мария Ильинична; сказал, что его беспокоит больше не свое здоровье, а здоровье Надежды Константиновны, которая, кажется, стала мало слушаться Федора Александровича (доктора Гетье), и просил сказать Гетье, чтобы он с ней был понастойчивее, а то она всегда говорит, что «ей хорошо». А я в ответ: «Так же, как вы». Он засмеялся и, пожимаая руку, проговорил: «Работать, работать нужно».

Расстался Владимир Ильич со мной в полном благополучии и поехал в Горки, а недели через три, 25 мая 1922 года, утром, часов в десять, звонит ко мне по телефону Мария Ильинична и с тревогой в голосе просит поскорее к ним приехать, говоря, что «Володе что-то плохо, какие-то боли в животе, рвота». Скоро подали автомобиль, заехали в Кремль, а оттуда уже на двух машинах отправились в Горки, забрав из аптеки все необходимое: и для инъекций, и различные медикаменты. Поехали Н. А. Семашко, брат Владимира Ильича Дмитрий Ильич, доктор Л. Г. Левин, тов. Бельенский и еще кто-то.

Владимир Ильич в это время жил в маленьком домике наверху; большой дом еще отделялся. Раньше нас из Химок приехал уже Ф. А. Гетье и осмотрел Владимира Ильича; сначала, по словам окружающих, можно было подумать, что заболевание просто гастрическое, хотели связать его с рыбой, якобы не совсем свежей, которую Владимир Ильич съел накануне, хотя все другие ели, но ни с кем ничего не случилось. Ночью Владимир Ильич спал плохо, долго сидел в саду, гулял. Ф. А. Гетье передал, что у Владимира Ильича рвота уже кончилась, болит голова, но скверно то, что у него имеются явления пареза правых конечностей и некоторые неполадки со стороны органа речи. Было назначено соответствующее лечение, главным образом покой. Решено было вызвать на консультацию невропатолога, насколько помню, профессора В. В. Крамера. И так в этот день грозный призрак тяжелой болезни впервые выявился, впервые смерть определенно погрозила своим пальцем. Все это, конечно, поняли; близкие почувствовали, а мы, врачи, осознали. Одно дело — разобраться в точной диагностике, поставить топическую диагностику, определить природу, причину страдания, другое дело — сразу схватить, что дело грозное и вряд ли одолимое, — это всегда тяжело врачу. Я не невропатолог, но опыт в мозговой хирургии большой; невольно мысль заработала в определенном, хирургическом направлении, все-таки порой наиболее верном при терапии некоторых мозговых страданий. Но какие диагностики я ни прикидывал, хирургии не было места для вмешательства, а это было грустно, не потому, конечно, что я хирург, а оттого, что я знал: борьба у невропатологов будет успешна *только в том случае*, если имеется специфическое заболевание. Рассчиты-

вать же на это не было никаких оснований. У меня давнишняя привычка спрашивать каждого больного про то, были ли у него какие-либо специфические заболевания или нет. Леча Владимира Ильича, я, конечно, тоже об этом спрашивал. Владимир Ильич всегда относился ко мне с полным доверием, тем более что у него не могло быть мысли, что я нарушу это доверие. Болезнь могла длиться недели, дни, годы, но грядущее рисовалось далеко не радостное. Конечно, могло быть что-либо наследственное или перенесенное незаметно, но это было маловероятно.

10 марта 1923 года, вечером, ко мне позвонил В. А. Обух и сказал, что меня просят принять участие в постоянных дежурствах у Владимира Ильича, которому плохо; на другой день мне о том же позвонил тов. Сталин и сказал, что он и его товарищи, зная, что Владимир Ильич ко мне относится очень хорошо, просят, чтобы я уделял этому дежурству возможно больше времени.

Я увидел Владимира Ильича 11-го числа и нашел его в очень тяжелом состоянии: высокая температура, полный паралич правых конечностей, афазия. Несмотря на затемненное сознание, Владимир Ильич узнал меня, он не только несколько раз пожал мне руку своей здоровой рукой, но, видно довольный моим приходом, стал гладить мою руку. Начался длительный, трудный уход за тяжелым больным.

Тяжесть ухода усиливалась тем, что Владимир Ильич не говорил. Весь лексикон его был только несколько слов. Иногда совершенно неожиданно высказывали слова: «Ллойд Джордж», «конференция», «невозможность» — и некоторые другие. Этим своим обиходным словам Владимир Ильич старался дать тот или другой смысл, помогая жестами, интонацией. Жестикаляция порой бывала очень энергичная, настойчивая, но понимали Владимира Ильича далеко не всегда, и это доставляло ему не только большие огорчения, но и вызывало порой, особенно в первые 3—4 месяца, припадки возбуждения. Владимир Ильич гнал от себя тогда всех врачей, сестер и санитаров. В такие периоды психика Владимира Ильича была, конечно, резко затемнена, и эти периоды были бесконечно тяжелыми и для Надежды Константиновны, и для Марии Ильиничны, и для всех нас. Вся забота о внешнем уходе лежала на Марии Ильиничне, и, когда она спала, никому не известно. Кроме Надежды Константиновны, Марии Ильиничны, дежурящих врачей и ухаживающего персонала, к которому должен быть причислен и Петр Петрович Покалн, к Владимиру Ильичу никого не допускали. Владимир Ильич, видимо, постоянно тяготился консультациями и всегда после них был далеко не в духе, особенно когда консультанты были иностранцы. Из иностранцев Владимир Ильич хорошо принимал профессора Ферстера, который, надо отдать справедливость, сам относился всегда к Владимиру Ильичу с большой сердечностью. Но с осени Владимир Ильич и Ферстера перестал принимать, сильно раздражаясь, если даже случайно увидит его, так что профессору Ферстеру в конце концов пришлось принимать участие в лечении, руководствуясь только сведениями от окружающих Владимира Ильича лиц.

Свежий воздух, уход, хорошее питание делали свое дело, и Владимир Ильич постепенно поправлялся, полнел. Явилась возможность учиться речи. Гуляли, пользовались каждым днем, когда можно было поехать в сад, в парк. Сознание полное. Владимир Ильич усмехался на шутки. Искали грибы, что Владимир Ильич делал с большим удовольствием, много смеялся над моим неумением искать грибы, подтрунивал надо мной, когда я проходил мимо грибов, которые он сам видел далеко издали.

Дело шло хорошо, уроки речи давали определенные результаты, нога крепла, и настолько, что можно было надеть легкий, фиксирующий стопу аппарат. Владимир Ильич, чувствуя себя окрепшим, все больше стеснялся услуг ухаживающих, сводя их до минимума. Он настоятельно захотел обедать и ужинать со всеми, иногда протестовал против диетного стола и всегда протестовал против всяких лекарств, охотно принимая только хинин, причем всегда смеялся, когда мы говорили ему, как это он так спокойно проглатывает такую горечь, даже не морщась.

Дело, повторяю, шло настолько хорошо, что я со спокойной совестью уехал на август месяц в отпуск. В середине августа от Марии Ильиничны получил письмо, тоже совершенно успокоительное, где она писала, что дежурства врачей уже не нужны, что идут усиленные занятия по упражнению в речи, от которых Владимира Ильича приходилось даже удерживать. В сентябре пришлось прекратить и дежурство сестер милосердия, которых Владимир Ильич, видимо, просто стал стесняться.

Упражнения в речи, а потом и в письме легли всецело на Надежду Константиновну, которая с громадным терпением и любовью вся отдалась этому делу, и это учение происходило всегда в полном уединении. Врачи, специально приглашенные для этого, не пользовались вниманием Владимира Ильича; он потом просто не допускал их до себя, приходя в сильное раздражение, так что они руководили этими занятиями, давая специальные указания Надежде Константиновне. Все как будто шло хорошо, так что против всякой врачебной логики у меня невольно закрадывалась обывательская мысль: а вдруг все наладится и Владимир Ильич хоть и не в полном объеме, а станет все-таки работником.

Вернувшись из отпуска, я несколько раз навещал Владимира Ильича, приезжал с доктором Н. Н. Приоровым и сапожником-ортопедистом, чтобы наладить ему ортопедическую обувь, сначала обычную, а потом и для зимы. Владимир Ильич всегда приветливо встречал нас, охотно давал примерять обувь, учился со мной ходить, ходил даже почти без помощи, с палкой. Ужиная с нами, угощал нас и сидел подолгу, участвуя в разговоре своим немногословным запасом слов, который в конце концов мы в значительной степени научились понимать. Во все эти посещения при мне он всегда был весел.

И вдруг смерть, всегда неожиданная, как ни жди ее. Тяжелое, даже для врачей, вскрытие. Колоссальный склероз мозговых сосу-

дов, и только склероз. Приходилось удивляться не тому, что мысль у него работала в таком измененном склерозом мозгу, а тому, что он так долго мог жить с таким мозгом.

О Ленине. Воспоминания. Кн. 3.

С предисл. и под ред.

Н. Л. Межерякова.

М.: Л., 1925. С. 121—136

Т. В. Сапронов

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ «ЛЕНИН В ГОРКАХ»

Тревожные дни для Советской власти летом 1918 года: левозерское восстание, мелкие и крупные заговоры контрреволюционеров, а тут еще убийство посла кайзера — Мирбаха — создали такую обстановку, что опасались наступления немецкой армии на Петроград и даже на Москву. Положение было настолько тревожно, что партия готовилась к переходу на нелегальную работу. Помню, как пишущему эти строки пришлось по заданиям тов. Свердлова организовать при Московском губисполкоме целую мастерскую по фабрикации паспортов. Тогда мы из старых архивов губернатора, мещанской управы и волостных правлений набрали большое количество старых паспортных бланков. Смывали эти бланки и снова их заполняли, главным образом на имя лиц уже умерших. (С такими паспортами жизнь безопаснее, так как собственник их уже не найдется.) Подделывали подписи, начиная от волостных старшин и кончая подписью губернатора Джунковского. Это делалось на тот случай, чтобы, если победит контрреволюция, подпольную (тайную) революционную работу вести, проживая под чужими паспортами.

Неожиданно рабочий класс поразило известие, что предательским выстрелом эсерки Каплан тяжело ранен В. И. Ленин. Ни тени растерянности, колебаний среди рабочих. Ответом с их стороны было сплочение, самоорганизация и требование беспощадной борьбы с контрреволюцией, откуда бы она ни исходила. «Смерть заговорщикам против Советской власти!» — таков был боевой клич рабочего класса. В свою очередь, контрреволюция не унималась и, как будто бы перед последним издыханием, проявляла свою деятельность. Борьба велась не на жизнь, а на смерть.

И вот в такой-то момент получаю приглашение от тов. Ногина зайти к нему по какому-то делу.

Прихожу. Товарищ Ногин попросил своего секретаря оставить нас вдвоем и таинственно начал.

— Вы знаете, какое тревожное положение. Не исключена возможность какого-нибудь контрреволюционного переворота. — И тут же спохватывается, успокоительно добавляет: — Конечно, для этого никаких данных налицо нет, и теперь мы сильнее, чем несколько недель назад, но ведь мы, большевики, всегда должны готовиться к худшему и не дать себя застать врасплох.

И на эту тему тов. Ногин говорил несколько минут вкрадчиво

и осторожно. Я никак не мог понять, о чем, собственно, идет речь. О том, что нужно ко всему быть готовым, я уже много времени назад говорил с тов. Свердловым и получил от него соответствующие распоряжения и указания, да и положение товарища Ногина было не таким, чтобы он мог давать какие-либо распоряжения от имени Центрального Комитета партии или от верховных органов Советской власти, так как он в этих органах не состоял. Он был народным комиссаром труда Московской области. Наконец он говорит: «Необходимо во что бы то ни стало принять меры к сохранению Владимира Ильича». Я подумал, что в здоровье тов. Ленина наступило сильное ухудшение, и сильно заволновался. Виктор Павлович Ногин, не дождавшись моего вопроса, поспешил успокоить: «Не пугайтесь, не пугайтесь, с раной у него не так уж плохо, врачи уверены, что Владимир Ильич поправится. Я говорю о другом. Владимира Ильича нужно вывезти из Москвы в какое-либо укромное местечко. Это необходимо по двум причинам: во-первых, ему нужен для лечения свежий деревенский воздух и там он будет от дел подальше, его не будут беспокоить, а во-вторых, и это самое главное, необходимо Владимира Ильича спрятать в такое место, чтобы в случае каких-либо событий в Москве мы были бы уверены, что его не смогут найти контрреволюционеры. Конечно, если бы тов. Ленин был здоров, он сам бы принял всякие меры и не заставил бы о себе заботиться, а сам позаботился бы о других».

— Так как вы, товарищ Сапронов, хорошо знакомы с местами Московской губернии, то мы вот и полагаем бы, чтобы вы занялись подысканием соответствующего места. Да как можно скорее. Имейте в виду, что это нужно сделать так тайно, чтобы никто об этом не узнал. Это делается узкою группой личных друзей Владимира Ильича, в частности Мария Ильинична (сестра товарища Ленина) этим вопросом очень озабочена.

Тут же тов. Ногин мне посоветовал поселить Владимира Ильича в избе какого-нибудь крестьянина под видом какого-либо больного приезжего родственника, на что я ему возразил, что если искать надежное и безопасное место, так это не деревенскую избу, а рабочую каморку. У нас в Московской губернии есть такие заводы, которые из себя представляют целую вооруженную крепость, и уж там-то Владимир Ильич будет в безопасности.

— Это-то — да, — возразил Виктор Павлович, — но там ведь стоит кому-либо увидеть товарища Ленина, сейчас же его узнают, а нам нужно найти такое место, чтобы никто и не подозревал, что там живет Владимир Ильич, чтобы его никто не мог узнать и разгласить это.

Для меня было ясно, что в Московской губернии нельзя было найти такой деревни, чтобы не узнали Владимира Ильича, так как почти в каждой деревне имелись его портреты. Да если еще принять во внимание, что крестьяне родственников друг друга знают наперечет, появление же нового человека вызовет интерес всей деревни, и тов. Ленин неизбежно будет узнан.

Эту мысль я тут же высказал тов. Ногину, но дальше мы этот

вопрос обсуждать не стали. Получив от меня заверения, что соответствующее помещение будет найдено, тов. Ногин, прощаясь, сказал:

— Меня интересует безопасность Владимира Ильича, а где и какое это будет помещение, меня мало интересует, и поэтому в дальнейшем, когда помещение будет найдено, вы будете иметь дело с Марией Ильиничной.

Читатель легко может понять, в каком состоянии я вышел из кабинета тов. Ногина. Главное, меня волновало — где же найти, соответствующее помещение.

Квартиру нужно было устроить в таком месте, чтобы никто не подозревал, что в ней живет Владимир Ильич.

При всем прочем условия квартиры должны быть таковы, чтобы способствовали лечению тяжело больного тов. Ленина, т. е. воздух, питание, проезд врачей и прочее.

Было над чем призадуматься. Первое, что мне бросилось в голову, — поместить тов. Ленина на заводе «Проводник» в Тушине. Там была система маленьких деревянных домиков для администрации. На этом заводе я работал до Октябрьской революции и поэтому хорошо знал всю обстановку завода. Думаю, займу для себя один из таких домиков и поселю там больного «отца». А в случае чего-либо, я знал прекрасно, что рабочие тушинцы все, как один, лягут костями. Но тут же эта мысль отпала, когда я подумал, что многие рабочие захотят познакомиться с отцом тов. Александра (моя кличка, под которой я работал до революции в тайной партийной организации), и, конечно, сейчас же узнают в нем тов. Ленина.

Много я мысленно объехал знакомых мне фабрик, заводов и деревень Московской губернии, находил очень подходящие места, но трудно было найти такое место, которое отвечало бы всем правилам сохранения тайны.

После довольно долгого раздумья мне пришла в голову и очень понравилась мысль: найти хорошее бывшее помещичье имение, наскоро организовать там из надежных товарищей коммуны и там-то поселить тов. Ленина.

Долго такое имение искать не пришлось. После объезда нескольких, мне очень понравилось бывшее имение Морозова. Совершенно сохранившийся старинного типа дворянский дом, хорошо оборудован, паровое отопление, электрическое освещение, водопровод и другие удобства. Стоит на возвышенном красивом месте, у подножья большой пруд, недалеко речка Пахра, кругом очень большой красивый парк, продолжением которого является почти со всех сторон лес. К Горкам с двух сторон идут прекраснейшие шоссе. Место во всех отношениях прекрасное. На нем и остановился. Но для организации коммуны времени не было, товарища Ленина немедленно нужно было вывезти из Москвы.

Мне понравился такой план: приезжают несколько человек под видом «заграничных гостей» и селятся в этом доме для отдыха, ходят на охоту и прочее. Эти гости будут охраной товарища Ленина. Больного же тов. Ленина из рабочих совхоза никто не должен

видеть, а что это за гости рабочим совхоза как-нибудь придется объяснить.

В качестве гостей я предполагал взять латышей, рабочих-коммунистов с завода «Проводник» в Тушине.

Когда я пришел к Марии Ильиничне, у нее тогда сидел тов. Беленький из ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, которая теперь называется: Государственное политическое управление) и товарищ Мальков, бывший тогда комендантом Кремля. После краткого разговора мы сейчас же с упомянутыми двумя товарищами отправились в Горки.

Оба товарища были в восхищении от местности и, чем больше приближались к дому, тем больше она им нравилась, главным образом с точки зрения охраны. Когда же осмотрели дом и местность, то все единогласно пришли к заключению, что лучше и желать нечего.

Признаться, я очень огорчился, когда тов. Беленький заявил, что охрану тов. Ленина возьмет на себя ВЧК. Мне казалось, что лучше тушинских рабочих никто тов. Ленина охранять не сможет, но в конце концов пришлось согласиться.

В тот же день после осмотра Горок я отправился на завод «Проводник» взять пять человек рабочих, которые наспех произвели ремонт водопровода, отопления, и через несколько дней дом был готов. Но тут встали новые затруднения: тов. Ленин не хотел выезжать из Москвы, и его, как мне тогда рассказывали, больших трудов стоило переубедить. Вскоре он вместе с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной поселился в Горках.

Охрана ВЧК меня не удовлетворяла.

Чувство величайшей ответственности за целостность единственного вождя величайшей из великих революций не давало мне покоя. Это чувство со мной разделяли товарищи Минков и Полидоров, которым я вынужден был сказать о моем предприятии в Горках. Да и скрыть я от них этого не мог, так как они не могли не заметить моих таинственных исчезновений. Минков и Полидоров работали вместе со мной в Московском губернском комитете партии. Кроме того, в смысле полной надежности у меня по отношению к ним не было никаких сомнений. Тогда мы решили организовать добавочную охрану. В одной из дач, под видом отдыха в санатории, поселились несколько человек и негласно принимали участие в охране.

Из прилегающих к дому дач пришлось выселить живущих в них. В освободившихся помещениях устроили детский дом, рабочий клуб, библиотеку и больницу.

Полного ремонта в доме на скорую руку сделать не удалось, в особенности хромало дело с отоплением. Из-за того, что на зиму не была спущена из труб вода, они все полопались. Первый раз починили, пустили отопление, вдруг обнаруживается течь. Остановили отопление, починили, пустили, и снова течь в новом месте и так без конца. Печей в доме не было, было только два камина. Каминны затопили, полагая, хотя бы при помощи их, временно поддержать тепло.

С этой мыслью, полууспокоенный, уезжаю в Москву. Но увы! В два часа ночи просыпаюсь от продолжительного телефонного звонка: товарищ Беленький сообщает, что в Горках пожар, горел дом, где поселился Владимир Ильич. «Что же, весь сгорел?» — «Нет, отвечают, только в верхнем этаже провалился потолок». — «Ну, думаю, погребло дело, провалился потолок, это значит, пострадала и крыша, да и, вообще, годится ли теперь дом для жилья».

Не дослушав как следует тов. Беленького, я рано утром выехал на место происшествия. Подъезжаю к дому — не только крыша, но и все стекла целы, нигде ни малейшего следа пожара не видно. Бегу внутрь дома, и здесь в нижнем этаже никаких следов. Встречается тов. Беленький и довольно спокойным тоном говорит: «У нас тут маленькое несчастье, дом загорелся». — «Где? Как? Ведь ты мне сообщил, что потолок обвалился». — «Да, в одной комнате обвалился», — тем же спокойным голосом отвечает тов. Беленький. Бегу в указанную им комнату и облегченно вздыхаю. Дело в следующем: на языке строительного рабочего «обвалился потолок» — это значит весь потолок рухнул, перегорели балки, а, как известно, балки кладутся не через одну комнату, а через все здание. Я и вообразил, что потолок по-настоящему обвалился, значит — в доме жить нельзя. На самом деле он пострадал лишь тем, что около камина сверху обвалилась штукатурка и образовалась небольшая дыра от перегоревших двух-трех накатин потолка.

Часов в 10—11 вечера рабочие тушинцы, работавшие по ремонту, и кто-то из охраняющих отправились зачем-то на чердак, который оказался полон дымом. Не поймут — в чем дело. Полагали, что на чердаке загорелся разного рода хлам. Все засуетились, забегали, обнаружили, что дым идет из-под засыпки наката, около дымохода камина. Значит, горит накат. Началось под командой тов. Беленького тушение пожара. Решили это сделать тайком от тов. Ленина. Ковыряли дымоход, очищали от засыпки накат, таскали ведрами воду и поливали те места, откуда шел дым. Пожар небольшой, а потушить его оказалось не так то легко. Каким-то путем деревянная балка оказалась в середине дымохода камина, и она-то и загорелась. Огонь по балке из дымохода пробирался постепенно дальше и дальше, но снизу штукатурка, а сверху насыпанная земля не давали воспламениться дереву, которое тлело, и от него-то и шел дым.

Ковыряют, льют без конца воду, а дым все идет и идет. Никак не додумаются, в чем дело. Беготни и шума, которые, несмотря на предосторожности, поднялись в доме, тов. Ленин не мог не услышать. Он начал с пристрастием допрашивать, в чем дело. Беленький его успокаивал, говорил, что пустяки. А тов. Ленин не унимался и все допрашивал, наконец не вытерпел, вскочил с кресла и начал ходить по комнатам и искать причину суеты. «А это что?» — спросил тов. Ленин, указывая на промокший от сверху вылитой воды потолок. Не дождавшись ответа, несмотря на болезнь и уговоры не ходить, пошел на чердак, добрался до места происшествия, с упреком покачал головой: «Плохие хозяева, что недосмотрели» — и ушел обратно.

«Пожар» хлопот наделал много. Дыра в потолке небольшая, но потолок промок, закоптился, две комнаты вышли из строя, нужен ремонт. А как будешь производить ремонт? От стука и грохота плотника здоровый сбежит, а когда в доме находится тяжело больной, о ремонте и думать, конечно, нечего.

Мне пришлось в ход пустить свое искусство маляра. Отверстие заложили кое-чем, сверху засыпали листвой и сухой землей так, чтобы не проходил холод, а снизу отвалившуюся штукатурку и копоть затащили белым полотном. «Ремонт» был закончен в несколько часов.

Пребывание тов. Ленина в Горках старались хранить в глубокой тайне, но эта тайна тайной была недолго. Рабочие совхоза с большим любопытством смотрели на приезжих гостей и моими объяснениями на общем собрании как-то остались не удовлетворены. Погода в это время стояла прекрасная, тов. Ленин довольно быстро стал поправляться, начал выходить часто из комнаты на солнечную террасу, и, конечно, стоило только издалека увидеть его, рабочие сейчас же его узнавали и стали таинственно друг другу передавать новость.

Больших усилий стоило для больного тов. Ленина создать соответствующую тишину, в особенности в праздничные дни, когда крестьянская молодежь окружающих деревень большими партиями с гармоникой и песнями направлялась гулять в парк Горок. Уговоры не ходить и не шуметь в парке потому, что в доме имеются тяжело больные, часто не помогали. Запрещать гулять по парку не хотелось, поэтому приходилось действовать уговорами. «Санаторные» товарищи рассыпались по парку, встречали партии молодежи, останавливали их и с трудом уговаривали вернуться и не ходить к дому. А иногда прибегали к таким методам: где-нибудь подальше от дома устраивали митинг, а то проще — какие-нибудь игры — и невольно туда, как к центру, тянулись гуляющие.

Мы были уверены, что пребывание тов. Ленина в Горках останется тайной. Но эта уверенность оказалась ложной.

В тот момент, когда тов. Ленин вышел садиться в автомобиль ехать в Москву, появилась делегация рабочих совхоза с поздравлением по случаю выздоровления и просьбой, чтобы им разрешили этот совхоз преобразовать в сельскохозяйственную коммуну имени Ленина.

В это время тов. Ленин начал уже увлекаться сельскохозяйственными коммунами. Письменное заявление рабочих совхоза Горок он передал мне с пожеланием или даже предложением просьбу рабочих удовлетворить.

Признаться, это предложение тов. Ленина я решил не проводить в жизнь (думал, авось он забудет, ему не до того) по двум причинам: во-первых, я еще не оставил мысли о том, чтобы там организовать коммуны из рабочих фабричных коммунистов, так как я полагал, что этот дом пригодится для отдыха тов. Ленина и других товарищей и в будущем, следовательно, там необходимо создать соответствующую обстановку. А во-вторых, совхоз был сохранив-

шимся, хорошо оборудованным, находившимся там рабочим ни губземотдел, ни я лично не доверяли и боялись, что они его разрушат. Посоветовавшись с тов. Зайцевым, заведующим губземотделом, решили временно оставить совхоз, не делать никаких изменений, а там будет видно.

Но рабочие совхоза оказались более настойчивы, чем мы предполагали: видя, что мы задерживаем организацию коммуны, они пробрались в Кремль к тов. Ленину с жалобой на нас, после чего я получил настойчивое предложение все-таки организовать коммуну из находившихся там рабочих, тем более что, говорил мне тов. Ленин, рабочие-латыши знают прибалтийские методы ведения сельского хозяйства. Они сумеют коммуну поставить на должную высоту.

Коммуна организовалась, и зимой 1918/19 года, благодаря многочисленным фронтам, беспрестанным мобилизациям, бесконечному множеству продовольственных и всякого рода других ударных кампаний, мы про нее забыли. Случайно туда попал инструктор губземотдела, обследовал и сообщил: белье, находившееся в доме, где лечился тов. Ленин, коммуна между собой распределила. Часть мебели из дому забрали и руководители коммуны обставили свои квартиры. Ковры, занавески, посуду, серебро, ножи, вилки и прочие вещи тоже распределили и несколько возов совсем из совхоза увезли в Прибалтику.

Таким образом, из-за недосмотра Московского губисполкома и плохому подбору членов коммуны, опыт организации в Горках коммуны кончился неудачей. Коммуна перестала существовать. После нее был организован снова совхоз, который существует и в настоящее время. Кроме того, там теперь имеется дом отдыха. Дом же, где жил тов. Ленин, предполагается сохранить для музея.

*Сапронов Т.
Ленин в Горках (Воспоминания).
М., 1926. С. 5—17*

М. И. Санаев

ПОСЕЩЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА

В 1918 году я работал в Сергачском уезде Нижегородской губернии.

Уезд чисто крестьянский, один из хлебобороднейших в Нижегородской губернии. Сильна была власть кулачества, крепкую организацию имела партия с.-р. (эсеров). Нам пришлось преодолевать невероятнейшие трудности по уничтожению засилья кулачества, по созданию организаций бедноты и партийной коммунистической организации. К тому же Сергач являлся центром не только своего уезда, но и прилегающих местностей других уездов: Арзамасского, Кузнецкого, Васильсурского (Нижегородской губернии), Курмышского и Ардатовского (Симбирской губернии). Кулаки нашего уезда связывались с кулаками соседних уездов, и это увеличивало

наши трудности, так как зачастую эсеровский центр действовал из соседних уездов или, разбитый у нас, скрывался в ближайшие селения соседнего уезда. Вот почему нам часто приходилось подавлять кулацкие восстания не только в своем уезде, но и переходить границы соседних уездов, подавляя кулацкие и белогвардейские восстания там (Васильсурский уезд — воскресенское и андреевское восстание в Курмыше и Басурманах; в Ардатовском уезде — восстание Невского).

В конце концов к сентябрю 1918 года мы в основном уничтожили кулацкие гнезда, создали комитеты бедноты, крепкие при них боевые дружины, наладили партийную организацию и провели даже уездную конференцию нашей партии (первые из всех уездов нашей губернии).

Но, конечно, борьба с кулачеством продолжалась. Усугублялась она еще тем, что чехословацкие войска подходили к Алатырю (100 верст от нас); с другой стороны, Сергач лежит на железной дороге Арзамас — Шихраны — Казань, то есть на той железной дороге, которая была у нас тогда единственной для связи с фронтом под Казанью. Штаб Восточного фронта помещался в Арзамасе. К перерыву сообщений по этой железной дороге были направлены усилия белогвардейцев. Особенно нужно было охранять железнодорожные мосты через Суру (группа ВЧК Лациса находилась одно время в Пильне, на границе нашего уезда с Курмышским, который тогда входил в Симбирскую губернию). Нам же нужно было разорять кулацкие и белогвардейские гнезда вокруг этой железной дороги.

15 сентября 1918 года созывалась партийная конференция Московской центрально-промышленной области (это была последняя областная конференция, после нее Московского областного комитета не стало, а на конференции было избрано лишь бюро).

Уездной конференцией нашей организации делегатом на эту областную партконференцию был избран я.

И вот в связи с моей поездкой в Москву мне было поручено сделать доклад о положении в уезде председателю ВЦИК Я. М. Свердлову.

На областной партконференции Яков Михайлович делал доклад по организационному вопросу. Голос его гулко разносился по залу:

— Когда ЦК находился в Петрограде, там был ликвидирован областной комитет. Теперь ЦК находится в Москве, существование Московского областного комитета излишне.

— Нам нужно создать опорные пункты в каждой деревне.

В конце заседания я подошел к Якову Михайловичу:

— Я командирован из уезда, чтобы сделать вам доклад. Когда можно прийти к вам?

— Да когда угодно, — ответил Яков Михайлович, — я сижу с 10 часов утра до часу ночи, приходите лучше от 10 до 12 утра, я буду ждать.

Яков Михайлович смотрел приветливо сквозь стекла пенсне и улыбался.

Делегаты партконференции окружили нас, слышали ответ Якова Михайловича о времени его занятий, начали шутить, смеяться: «Что, достается, Яков Михайлович?»

Свердлов отшучивался:

— Приходится, ничего не поделаешь.

На другой день я отправился в Президиум ВЦИК, в комнату 37 здания б. Судебных установлений.

Приемная была забита посетителями. Медленно проходил по комнате высокий Аванесов, в пенсне, с блокнотом в руках. По пути выслушивал заявления посетителей, останавливался, что-то записывал и медленно шел дальше.

Меня почти немедленно провели в кабинет Якова Михайловича.

Яков Михайлович сидел за небольшим письменным столом, по углам комнаты сидели машинистки. Яков Михайлович им что-то диктовал и передавал для размножения бумаги. Прошла через кабинет тов. Новгородцева, также с пачкой бумаг в руке.

Мой доклад длился около часа. Яков Михайлович очень им интересовался, что-то все записывал в небольшую книжечку. Сказал:

— Сейчас мы вырабатываем инструкцию о превращении комитетов бедноты в Советы. Комитеты бедноты свое дело сделали, а основная форма у нас — Советы. Вот вам теперь на местах придется проводить эту работу.

Мы начали обсуждать, как построить Советы через комитеты бедноты. Комитеты бедноты своей деятельностью вытеснили Советы, которые потеряли тогда свое значение. Надо было Советы укрепить, но через использование комитетов бедноты (впоследствии такой закон был издан).

Коснулись во время разговора снабжения беднейшего крестьянства хлебом и товарами. Я передал Якову Михайловичу докладную записку председателя нашего уездного Совета тов. Родионова, который излагал, как это устроить.

— Хорошо, я эту записку прочту,— сказал Яков Михайлович.

(Он ее прочитал, она ему понравилась. Когда потом, в начале 1919 года или в конце 1918 года, Яков Михайлович был в Нижнем, в губкоме, он говорил обо мне и Родионове, дав хорошую характеристику. Об этом мне передавал тов. Сергушев, бывший тогда секретарем Нижегородского губкома. Но это — между прочим.)

Доклад мой кончился, Яков Михайлович задумался. Я решил:

— Яков Михайлович, а нельзя мне увидеть товарища Ленина?

— Вот об этом я как раз и думал. Владимир Ильич очень любит такие доклады, непосредственный голос с мест. Вот все мы что-нибудь можем упустить, а Владимир Ильич использует все как нужно. Особый дар у него на это. Нам что-нибудь покажется мелочью, а Владимир Ильич и ухватится как раз за эту мелочь. Да вот только может ли он принять, лишь вчера приступил к работе. Мы его сейчас спросим.

Яков Михайлович позвонил по телефону.

— Владимир Ильич? Приехал товарищ из самой гущи деревенской работы. Рассказывает очень много важного. Можете принять?

Потом мне:

— Пойдемте, зовет.

Мы пошли по внутренним переходам. Яков Михайлович отпирал ключом попадавшие двери.

Перед кабинетом Владимира Ильича сидел красноармеец. Мы вошли в кабинет. Я не видел до того Владимира Ильича. Представлял его по портретам того времени: монгольский тип, с остро напряженными глазами. А тут ходит по кабинету среднего роста человек, крепкий, пропорциональный. Лицо симпатичное, благодушное. Глаза смотрят спокойно, и никакого напряжения во взгляде, как изображалось на портретах. Одет в костюм синевато-черного цвета, не первой свежести. Право, простой человек.

Все это мелькнуло у меня мгновенно. И все-таки я волновался.

Рукопожатие Владимира Ильича — крепкое, спокойное, рука — мягко-упругая, теплая. Левая рука забинтована, согнута в повязке.

Владимир Ильич пригласил нас сесть. Я сел. Яков Михайлович ушел, пригласив меня потом зайти к нему.

Владимир Ильич продолжал ходить по кабинету.

Письменный стол стоял направо от входа. Владимир Ильич, когда занимался за ним, сидел спиной к двери. Стены кабинета были увешаны большими географическими картами. На одном углу (левом) стола стоял телефон, на другом (правом) лежала кипа бумаг.

— Как вы себя чувствуете, Владимир Ильич? — начал я.

— Теперь ничего. Скоро повязку с руки снимут. Только вот пуля внутри сидит, но врачи говорят, что со временем вынут.

Дальше я хотел сказать, какое впечатление на нас произвело покушение на Владимира Ильича, какие чувства мы к нему испытываем, но он осторожно отвел меня от этой темы, начав прямо расспрашивать, что делается в деревне.

Я понял, что Владимир Ильич не хочет выслушивать излияния чувств к нему. Приступил к деловому докладу. Владимир Ильич, ходя по кабинету, задавал мне вопросы: «Как организуется деревенская беднота? Как борется с кулачеством? Не проникают ли кулаки в комбеды? На основании чего мы устанавливаем разделение крестьян на кулаков, середняков и бедняков?»

Я изложил подробно всю нашу борьбу с кулачеством, привел факты, как задолго еще до издания декрета (11 июня 1918 года) об организации комитетов бедноты стихийно возникали бедняцкие организации и давали себе название «комитеты бедноты», как кулаки убивали участников этих комитетов «всем сходом», «обществом». Привел такой случай: после убийства в селе Большом Андросове «обществом» организатора комитета бедноты тов. Краснова уездная следственная комиссия повела следствие и дело об убийстве тов. Краснова прекратила, организаторов же комитета бедноты постановила привлечь к ответственности за образование «незакон-

ной организации погромного разбойничьего характера». Мы, конечно, разогнали эту следственную комиссию, а все дело передали уездной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

Владимиру Ильичу очень понравилось, что комитеты бедноты создавались самими бедняками еще до издания декрета от 11 июня 1918 года.

Проникают кулаки в комбеды? Да. Мы издали в уезде положение, что товары будут отпускаться только через комитеты бедноты. Это положение, кроме толчка к организации комбедов, породило ту ненормальность, что комитеты бедноты начали организовываться только для отвода глаз, формально, избирались на сходах, и в них входили те же кулаки, прикинувшиеся «бедной». Но мы были готовы на борьбу с таким явлением, мы его предвидели. При помощи существующих действительных комитетов бедноты мы наводили справки о каждом члене вновь возникшего комитета бедноты. Если комитет бедноты оказывался неправильным, мы его распускали и организовывали другой таким путем, что начинали с единиц, группы сознательных бедняков и распространяли вербовку далее. Мы производили раскол в селении, группы противопоставляли одна другой и утверждали комитет, возникший из группы бедняков. При таком способе организации получались крепкие комбеды, которые, выковавшись в борьбе с кулачеством и выступив открыто против него, уже не сходили с этого пути. Ведь сколько решимости надо было иметь бедняку, чтобы открыто стать на борьбу с кулачеством. В тогдашних условиях, под угрозой расправы кулачества, это было действительно революционное действие. И в комитеты бедноты шли крепкие, стойкие, революционные бедняки.

Как мы определяем кулаков? Мы, уездные работники, сами крестьян того или другого селения не знаем, конечно, подробно. И тут мы пользуемся работниками партийных ячеек и комитетов бедноты. В деревне каждый знает друг друга до тонкости. А работники ячеек и комбедов — все местные люди. Вот через них мы и выявляем кулаков, тех крестьян, которые создавали свое хозяйство через закабаление других крестьян. Торговцев, ростовщиков, мироедов, нанимателей работников все знают в деревне. Вот через местных комбедовцев и партийцев мы этих лиц и выявляем.

— Не попадает ли от вас середнякам? — спросил Владимир Ильич.

Я признался, что иногда попадает, когда они замешиваются в восстание. Я начал рассказывать, где и какие были восстания.

Владимир Ильич подошел к карте, висевшей на передней стене, и начал отмечать пункты восстаний, расспрашивая подробно причины каждого восстания и способы его подавления.

Выслушав ответы, Владимир Ильич сказал:

— Тяжела борьба с кулаками, а надо довести ее до конца. К весне обязательно закончить. Зимой нас беспокоить особенно не будут, а с весны капиталисты и белогвардейцы двинутся со всех сторон. Они нас в кольцо возьмут, вот так.

И Владимир Ильич на карте начал показывать линии предполагаемого окружения Советской России. И знаменательно, что эти линии почти совпали с теми путями, по которым белогвардейские полчища действительно двинулись весной 1919 года.

— Белое море откроется,— продолжал Владимир Ильич.— Белогвардейцы наплывут. Если кулаков к весне не уничтожим, у нас в тылу они такую бучу поднимут! Кончайте к весне с кулаками.

— Мы придавим их окончательно, Владимир Ильич,— ответил я.

Владимир Ильич отошел от карты и снова зашагал по кабинету. Я уже давно оправился от первоначального волнения. Любовно смотрел на двигавшуюся передо мной фигуру вождя. Так хорошо быть в комнате с Лениным, смотреть на него, говорить с ним, да так просто, как с близким, дорогим человеком. За все время в комнату никто не входил, не раздавалось и телефонного звонка. Видимо, оберегали Ильича, только что второй день вышедшего на занятия. Сколько времени я был у Ленина? Долго. Не меньше двух часов.

— Надо, чтобы ваш доклад был напечатан. Идите в «Правду» и там расскажите все, я сейчас дам вам записку.

Владимир Ильич сел к столу, пододвинул к себе бланк «Российская Федеративная Советская Республика — Председатель Совета Народных Комиссаров», положил забинтованную руку на стол, взял другой ручку и приготовился писать. В этот момент взгляд его изменился; спокойный до этого, взор его получил ту напряженность, что изображалась на портретах того времени.

Перо быстро забегало по бумаге.

— Как ваше имя и отчество?

Я сказал. Владимир Ильич не расслышал отчества, я увидел, что он писал «Николаевич» вместо «Иванович», но разве это имеет значение? Потому я ничего и не сказал Владимиру Ильичу по этому вопросу.

— Вот,— подал мне Владимир Ильич исписанный лист бумаги размером в пол-листа писчей.

Разгонистым почерком с сокращениями слов, с подчеркиванием отдельных слов, с вбиранием в скобки, по старой орфографии, на одной странице было написано:

18.IX.1918 г. «В редакцию «Правды»

Податель тов. Михаил Николаевич *Санаев*, председатель Сергачского уездного комитета партии (и член исполкома), рассказывает очень интересный материал о классовой борьбе в деревне и комитетах бедноты.

Крайне важно, чтобы именно такой *фактический* материал с мест появился в газете (а то чересчур много «общих» рассуждений). Очень прошу записать со слов товарища и напечатать.

С товарищеским приветом *Ленин*¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 181.

Я попрощался с Владимиром Ильичем, пожелав ему скорейшего выздоровления.

С запиской я отправился в редакцию «Правды». Там кончились занятия, сотрудники уходили. Из редакции в это время не было никого, мне предложили зайти вечером. Но вышло так, что вечером я не смог, на другой день был у Я. М. Свердлова и Н. К. Крупской, когда же опять зашел в редакцию, снова никого не застал. Ждать больше не мог, так как не было хлеба. Кормили меня рязанцы, а они уже уехали. Поэтому я поспешил на поезд домой. А записка Ильича так и осталась у меня.

23 марта 1929 г., г. Симферополь.

*Вопросы истории КПСС. 1967.
№ 10. С. 131—134*

Б. Т. Бункин

ХЛЕБ РАБОЧИМ МОСКВЫ И ПИТЕРА В 1918 ГОДУ

Это было в 1918 году. Рабочее население городов, особенно крупных городов, испытывало крайнюю нужду в хлебе. В связи с этим постановлением Московского Совета в августе была разрешена рабочим организациям заготовка хлеба в плодородных губерниях (из расчета по $1\frac{1}{2}$ пуда продовольствия на едока) и беспрепятственный провоз этого хлеба по железным дорогам в течение месячного срока. Для того чтобы массы мешочников не расстроили окончательно транспорт, на предприятиях столицы проводились общие собрания рабочих, на которых рекомендовалось воздерживаться от единоличных поездок за хлебом, а выделять представителей от коллективов для закупки хлеба организованным путем через местные продовольственные органы.

Через месяц, когда срок беспрепятственного провоза хлеба истек, оказалось: многие рабочие организации потратили большие средства, собранные с рабочих, на бесцельные поездки из района в район в поисках хлеба и вернулись в Москву с пустыми руками. Одни не смогли заготовить хлеб, другие не успели вывезти к сроку.

Нетрудно себе представить настроение рабочих, оказавшихся без хлеба. На предприятиях слышался ропот, подстрекаемый агентами контрреволюции. Враги нашептывали, что вот ведь мешочники и спекулянты в полной мере использовали право свободного провоза хлеба, а организованные рабочие, год тому назад совершившие революцию и продолжающие на фронтах ожесточенную борьбу за Советскую власть, остались без хлеба.

В октябре на заводе бывшем Крамер было организовано общегородское собрание делегатов рабочих организаций Москвы, не успевших заготовить и обеспечить хлебом свои коллективы. Мне был тогда 21 год. Я работал на Савеловской линии Северной

железной дороги, коллектив которой тоже оказался в числе обездоленных. Военно-революционный комитет Савеловской линии направил меня на это собрание делегатов, предупредив, однако, чтобы я помнил недопустимость повторения губительного для транспорта мешочничества.

Среди делегатов общегородского собрания были представители рабочих: заводов бывших Крамер, Бромлей, «Проводник», фабрики «Дукат», Московского почтамта, Монетного двора, паровозных мастерских Николаевской (теперь Октябрьской) железной дороги, рабочих и служащих Московско-Курской, Северной и Казанской железных дорог, управления Московского арсенала, бывшего ситценабивного товарищества Коншина, Народного комиссариата по военным делам, ВСНХ, типографии газеты «Известия», Московского Совдепа, всех московских больниц, Главного артиллерийского управления и многих других организаций и учреждений. Были и представители немногочисленных коллективов, например: служащих Тургеневской читальни, сторожей храма Христа Спасителя, союза дворников и сторожей, бывшего пароходного акционерного общества Любимова (представители этой последней организации зарегистрировались под названием: «Флот Советской республики»). Всего собрались делегаты 467 организаций, почти от полумиллиона рабочих и членов их семей.

Все выступавшие требовали продления срока действия постановления о свободном провозе хлеба еще на 1 месяц. Зная о положении на транспорте, я пытался объяснить товарищам, что продление срока беспрепятственного провоза хлеба в поездах совсем разрушит железнодорожный транспорт, и без того страдавший от войны и мешочничества. Мое выступление было встречено криками неодобрения.

Собрание постановило: выбрать комиссию из трех человек и послать ее к В. И. Ленину для переговоров и разрешения вопроса о хлебе. В комиссию оказался выбранным и я.

Откровенно говоря, мне было страшно участвовать в комиссии, которая пойдет к Владимиру Ильичу Ленину. Я сказал, что я беспартийный рядовой железнодорожник, уполномоченный только на участие в общегородском собрании, и попросил оставить одно место в комиссии за железнодорожниками, с тем чтобы в нее вошел товарищ, которого уполномочит ревком.

Военно-революционный комитет, которому я доложил о решении общегородского собрания, предложил мне участвовать в этой комиссии и выдал соответствующий мандат.

Комиссия составила из трех человек: Е. Тюрина (фельдшер), П. Бемеля (механика) и меня. Я стал секретарем комиссии и получил задание подготовить письмо-доклад на имя В. И. Ленина. Поэтому члены комиссии раза два-три (точно не помню) приходили ко мне домой редактировать письмо.

Слухи о нас, «ходоках» к Владимиру Ильичу Ленину, быстро распространились по Москве. 25 октября поздно вечером ко мне домой из НКПС приехал какой-то товарищ и увез меня к наркому

путей сообщения тов. Невскому. Нарком рассказал мне о положении с перевозками хлеба, с трудностями, которые встречают при этом железнодорожники, и просил, чтобы я все это хорошо запомнил на случай, если спросит Владимир Ильич.

26 октября мы отправились в Кремль, предварительно заготовив себе «мандаты». Документы наши были без каких-либо штампов и печатей. Подписались — Тюрин как председатель комиссии, я как секретарь.

Дежурный в проходной будке у Троицких ворот Кремля позвонил по телефону в Совнарком Л. А. Фотиевой, и с ее разрешения нам выдали пропуск в здание правительства. В пальто, с портфелями в руках мы поднялись на третий этаж, в приемную. Ознакомившись с нашими самодельными «мандатами» и выяснив цель нашего прихода, Л. А. Фотиева пошла доложить о нас товарищу Ленину.

Станным, дерзким, диким казалось нам потом наше решение пойти к Ленину, занятому выше головы большими государственными и партийными делами. И вместе с тем абсолютно понятно становится решение рабочих пойти именно к Ленину, к любимому вождю и другу всех трудящихся, в которого рабочий класс беспредельно верил.

Через несколько минут нас пригласили в другую комнату, в которую мы попали через небольшой коридор. Мы чувствовали, что встреча с Лениным приближается, и нас охватило волнение. Мы не знали, что делать, что говорить, куда девать руки, головные уборы, и вообще было очень неловко.

Вдруг отворилась небольшая дверь, против которой мы стояли, и в комнату вошел самый обыкновенный человек, невысокого роста, в простом, далеко не новом костюме и в таких же ботинках.

— Здравствуйте, товарищи! — сказал он мягким и теплым голосом, протягивая нам руку.

Это был Владимир Ильич Ленин.

Вероятно, благодаря простоте обстановки и приему волнение, охватившее нас вначале, прошло, и мы почувствовали себя как обычно, будто пришли к хорошему товарищу побеседовать о своих делах.

Я изложил нашу просьбу и передал Владимиру Ильичу письменный доклад, который вызубрил наизусть. Он бегло просмотрел письмо и сказал: «Во всем виноваты железнодорожники!», и еще кое-что неслетное в адрес железнодорожников.

Я, напичканный накануне в НКПС цифрами и фактами, заявил: — Владимир Ильич! Перед вами стоит железнодорожник.

Помню, как у меня тогда пробежали мурашки по спине. Мои товарищи с ужасом смотрели на меня, думая, что я все дело им испортил, но останавливаться было уже поздно, и я стал оправдывать железнодорожников и обвинять во всем продовольственные органы.

— С какой дороги? — спросил Владимир Ильич.

Я ответил:

— С Северной.

— А, та самая, которая саботирует?

Эта фраза до того меня огорошила, что я позабыл все, что заучил, и не знал, что же говорить дальше. Товарищи мои тоже растерялись и молчали.

Владимир Ильич, дочитав наш доклад, сказал:

— Мы сделаем это иначе. Подождите меня здесь.— И ушел к себе в кабинет.

Через раскрывшуюся дверь я увидел письменный стол Ильича, плетеное кресло и сзади — книжный шкаф.

Прошло несколько минут, Владимир Ильич снова вышел к нам, подал записку и сказал:

— Вот эту записку отнесите в Наркомпрод к товарищу Брюханову, а рабочим скажите, что удовлетворить их хлебом мы теперь сможем здесь, в Москве.

Прощаясь с нами, Владимир Ильич попросил Л. А. Фотиеву, чтобы она угостила нас обедом, а затем, обращаясь ко мне, вдруг спросил:

— Вы член партии?

Я еще больше смутился и ответил:

— Нет, Владимир Ильич, извините, но я беспартийный.

Владимир Ильич похлопал меня по плечу и сказал:

— Чего ж тут извиняться? Честный беспартийный дороже иного партийца.

На этом наша беседа закончилась, и нас проводили в столовую. Там нас накормили вкусными щами, а что было на второе — не помню.

В столовой мы прочитали записку В. И. Ленина. Вот ее содержание:

«Тов. Брюханов! Податели хотят разрешения купить по 1¹/₂ пуда после срока, ввиду того, что не успели закупить. Я думаю, надо помочь им иначе, ибо восстанавливать полторапудников невозможно, а теперь мы в состоянии помочь им иначе. Надо придумать, как это сделать. Сегодня напомните мне в СНК.

Председатель СНК В. Ульянов (Ленин)»¹.

Прямо из Кремля мы поторопились в Наркомпрод, помещавшийся в Верхних торговых рядах (теперь здесь ГУМ), и немедленно были приняты заместителем наркома продовольствия Н. П. Брюхановым (нарком тов. Цюрупа в то время был болен).

После короткой беседы о количестве зарегистрированных организаций и числе едоков тов. Брюханов сказал, чтобы мы пришли к нему завтра, а сегодня он переговорит с товарищем Лениным.

Счастливый и радостный, я вернулся домой. Все и всё, окружавшее меня, выглядело тогда как-то по-другому, светло и радостно. Захлебываясь, я рассказывал матери, отцу, братьям и сестренке

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 6. С. 185.

о том, как мы пришли в Кремль, и о том, как я разговаривал — с кем, вы думаете? — с самим Лениным, и что Ленин меня похлопал по плечу и как бы похвалил, ободрил. Прибегали соседи послушать меня, счастливец, и я по нескольку раз рассказывал все, со всеми подробностями.

На другой день Н. П. Брюханов сказал нам, что по предложению В. И. Ленина рабочие организации, не успевшие привезти хлеба для своих коллективов до 25 сентября, будут удовлетворяться хлебом в Москве из запасов государства. Вопрос о том, какие организации и в каком размере удовлетворять хлебом, будет решать Наркомпрод совместно с нами, членами комиссии, для чего нам отведут в наркомате комнату для работы и приема посетителей.

Тут же был разработан порядок рассмотрения и удовлетворения ходатайств учреждений и рабочих организаций Москвы. Решено было исходить из следующего: 1) Полностью удовлетворить заявки тех организаций, которые заготовили хлеб на местах, но не вывезли его. 2) Неполностью удовлетворять заявки организаций, которые не заготовили хлеб по причинам, от них не зависящим, причем внимательно разбираться в каждом отдельном случае. 3) Заявки организаций, не имеющих документов о поездке за хлебом, должны быть отклонены.

Наша комиссия принимала от организаций и учреждений заявления и все необходимые документы, рассматривала их и подготавливала решения. Были заготовлены специальные бланки, мы их заполняли, затем давали на подпись заместителю наркома тов. Брюханову, председателю нашей комиссии и представителю Военно-продовольственного бюро. После этого представители организаций могли идти в Московский продсовет и получать там хлеб или муку по твердой цене.

Коллектив рабочих и служащих Савеловской железнодорожной линии, выделивший меня в комиссию, имел 9 тысяч едоков и был удовлетворен Наркомпродом из расчета по 30 фунтов на едока. Таким образом, семья рабочего или служащего, состоявшая из 4—5 человек, получила одновременно от 120 до 150 фунтов (или 3—4 пуда) муки. Если учесть, что хлеб по карточкам выдавался тогда из расчета $1\frac{1}{2}$ фунта на человека на день, то вполне понятен будет восторг и одобрение рабочих, получивших сразу такой запас хлеба. На митинге рабочих и служащих Савеловской линии, где я докладывал о том, что мы были у Ленина и что по указанию Владимира Ильича каждый рабочий и служащий может получить сегодня же со склада по 30 фунтов муки на едока, шум восторгов, гром аплодисментов долго не давали мне закончить речь. В резолюции митинг приветствовал и благодарил «вождя пролетариата товарища Ленина, так горячо отозвавшегося на нужды рабочих». В резолюции говорилось: «Рабочие были уверены в том, что у них есть вождь, который не забудет тружеников...»

Вскоре к нам в комиссию стали прибывать представители от организаций и учреждений уездов Московской губернии, также не

успевших воспользоваться постановлением Моссовета о заготовках и провозе по 1¹/₂ пуда хлеба. Однако по указанию Наркомпрода мы не могли принимать заявления от иногородних организаций. В ноябре приехала большая делегация рабочих Петрограда, которая крепко поругала нас, комиссию, за «сепаратное выступление», как заявили петроградские товарищи, и потребовала немедленно включить в списки получающих хлеб организации Петрограда и уездов Московской губернии.

Решено было собрать второе общее собрание представителей рабочих московских организаций совместно с представителями из Питера. Это собрание было назначено на час дня 16 ноября в Сокольниках, на Ермаковской улице, в помещении большого концертного зала Работного дома. Комиссия пригласила на собрание Н. П. Брюханова. Он ответил так: «Прибыть едва ли найду время. Вопросы на общих собраниях не могут *решаться*. Решать вопросы надо с документами в руках».

Собрание, как надо было предполагать, было многолюдным (около 2 тысяч человек от 525 организаций) и очень бурным. Открыл собрание председатель нашей комиссии тов. Тюрин. Никого из нас, членов комиссии, в президиум не избрали. Инициативой завладели петроградцы. Слово для внеочередного заявления было предоставлено тов. Алексееву от Петроградского арсенала. Он предложил считать собрание съездом и пригласить на него замнаркомпрода Брюханова или кого-либо из членов коллегии наркомата. Мне предложили огласить письмо, которым комиссия приглашала Брюханова на собрание, и резолюцию Брюханова с отказом приехать. Собрание делегировало трех человек для разговора с Брюхановым по телефону, но и на этот раз он отказался приехать или послать кого-либо из Наркомпрода.

Атмосфера на собрании накалялась. Вносились предложения — обсудить вопрос на общих собраниях фабрик и заводов и вынести резолюции с требованием продлить срок действия постановления Московского Совета.

Только благодаря удачному выступлению Тюрина, рассказавшего о внимательном приеме нас В. И. Лениным, о его чутком отношении к нуждам рабочих, собрание успокоилось. Затем была принята следующая резолюция (привожу ее по протоколу):

«Съезд делегатов от организаций, не закупивших 1,5 пуда продовольственного пайка, постановил:

I. Ходатайствовать перед ЦИК и Московским С.Р.К.Д. и тов. Лениным об удовлетворении полностью все организации, получившие разрешения на закупку хлеба, согласно постановления Московского Совета, истратившие массу товарищеских денег и не закупивших хлеба по причинам, от них независящим. Одновременно послать эту резолюцию во ВЦИК и Московский Совет Р.К.Д., а к товарищу Ленину вновь делегировать тов. Бункина, Бемеля и Тюрина, уже посещавших его.

II. Возложить все ходатайства на комиссию, работавшую до сих пор, пополнив ее двумя представителями: одного от Петрограда

тов. Алексеева делегата от Арсенала и тов. Корелова от Орехово-Зуевского района».

На другой день представители Петрограда пришли к нам в Верхние торговые ряды и вновь в очень резкой форме выражали недовольство тем, что мы действовали сепаратно, только от имени московских организаций, и потребовали, чтобы я пошел с ними к Брюханову. Возбужденные рабочие резко разговаривали с ним, требуя разрешить свободный провоз хлеба или отпустить хлеб из запасов государства. Брюханов ответил, что прежде всего надо поднять производительность труда и провозоспособность железных дорог.

На этом разговор и прекратился. Но петроградские товарищи не успокоились, а потребовали от меня: «Веди нас к Ленину». Мне не дали даже возможности зайти в комнату нашей комиссии. Кто-то принес мне пальто и фуражку, и мы пошли, вернее меня повели, в Кремль. Я был против этого и очень волновался. Из будки Троицких ворот через дежурного позвонил Л. А. Фотиевой и просил принять по срочному делу группу петроградских рабочих. Нас пропустили в Кремль, и мы поднялись в приемную Совнаркома. Пока петроградцы разговаривали с девушкой, сидевшей за столом в приемной, я рассказал обо всем Л. А. Фотиевой, просил ее не пропускать нас к Владимиру Ильичу, чтобы не обременять его, но иметь в виду, что требования товарищей справедливы и могут быть разрешены без вмешательства В. И. Ленина. Тов. Фотиева переговорила с рабочими и направила нас к председателю ВЦИК тов. Я. М. Свердлову, который незамедлительно нас принял в своем кабинете.

Делегаты из Петрограда уселись за столом для заседаний, а я у письменного стола Я. М. Свердлова. Я откровенно рассказал обо всем и о том, как мы, москвичи, были у Ленина, и о работе нашей комиссии при Наркомпроде, и о проходившем на днях общем собрании, и о разговорах Брюханова с петроградскими рабочими.

Яков Михайлович спокойно и тепло поговорил с делегатами, рассказал нам о положении в стране с хлебом и топливом, спросил о положении и настроениях в Петрограде, затем обещал поговорить с Владимиром Ильичем и дать указание Наркомпроду, чтобы претензии петроградских рабочих были удовлетворены так же, как и московских. По окончании беседы Яков Михайлович попрощался со всеми за руку и предложил нам пообедать в совнаркомовской столовой.

Успокоенные и ободренные, мы выходили из Кремля.

На другой день делегаты питерских рабочих уехали к себе домой, а вскоре вслед за ними были отправлены в Петроград вагоны с хлебом.

*Воспоминания
о Владимире Ильиче Ленине.
М., 1957, Ч. 2. С. 426—433*

**«МАЛЕНЬКАЯ КАРТИНКА
ДЛЯ ВЫЯСНЕНИЯ БОЛЬШИХ ВОПРОСОВ»¹**

Ленин был живым руководителем живого революционного дела. Он постоянно находился в гуще народной жизни, пристально следил за особенностями классовой борьбы и советского строительства, примечал характерные моменты в творческой активности и инициативе масс, освещал полезный опыт мест для привлечения к нему внимания всей страны. Он искал и находил живые ростки нового, что рождает творческий гений освобожденного народа, и даже в обычном, казалось бы, будничном деле умел находить значительное и даже великое. Наглядным примером этих замечательных качеств является отношение Владимира Ильича и к уездной жизни в глухом уголке бывшей Тверской губернии.

Октябрьская революция пришла в Весьегонск только в январе 1918 года. Неимоверно трудны были первые шаги рабоче-крестьянской власти при вопиющей нужде народа, жестоком кризисе в насущном хлебе, без гроша в советской казне. Однако недаром борьбой за новую жизнь руководила героическая партия Ленина. Душой ее здесь был бывший рабочий и солдат Григорий Терентьевич Степанов — человек большого ума, непреклонной воли и подлинной большевистской смелости. Весьегонская партийная организация уверенно вела основную крестьянскую массу по новому пути.

Яростно старались враги революции, кулаки, скрывая и разбазаривая запасы хлеба, задушить голодом деревенскую бедноту — опору Советской власти в крестьянском уезде. Они подняли вооруженное восстание, стараясь потопить в крови первые завоевания революции и восстановить буржуазный строй. Злостной клеветой на партию и рабочий класс они старались подорвать союз рабочих и крестьян и опорочить большевистское руководство. Они ставили ставку и на неопытность первых комиссаров на местах, предрекая провал всех революционных начинаний. В сложных условиях ожесточенной классовой борьбы, в обстановке, когда рушились вековые устои стародавней жизни, молодым партийно-советским руководителям приходилось с боем отбивать кулацкое наступление и под огнем врага начинать социалистическое строительство. В один из таких напряженных дней лета 1918 года неожиданно пришло требование Тверского губернского комитета партии представить к празднику Октября отчет о работе за первый год Советской власти.

Уездный комитет партии поручил составление отчета мне, тогда редактору газеты «Известия Весьегонского Совета», а Г. Т. Степанов разъяснил, что именно в редакции можно точно и правдиво воспроизвести местную историю, поскольку газета является пропагандистом нового опыта и крепко связана с народом. Эта работа скоро

¹ Так озаглавил В. И. Ленин свою статью по поводу книжки А. И. Тодорского «Год — с винтовкой и плугом», выпущенной в 1918 г. (См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* Т. 37. С. 407—411). *Ред.*

захватила нас. Четко вырисовывалась картина героической борьбы и первых побед социализма. За первые месяцы новой исторической эры в «медвежьем углу» свершились разительные перемены. Рабочие и крестьяне разгромили векового классового врага. Деревенская беднота была вызволена из кабалы и впервые воспрянула духом. Развертывалось и хозяйственное строительство. Были оборудованы: электростанция, лесопильный и хромовый заводы, типография, телефонная станция, сельскохозяйственные мастерские. Строилась железная дорога, до которой от уездного города было 75 верст. По всему уезду велась культурно-просветительная работа, введено было обязательное обучение, открыто семь новых училищ, организованы десятки школ для неграмотных.

Отчет губкому строился не как голая цифровая информация, а как живой доклад самому народу — хозяину новой жизни. Раскрывались два основных направления местной работы: с винтовкой и плугом. Так возникло название «Год — с винтовкой и плугом»; к 7 ноября 1918 года появилась на свет наша книжка. Она рассказывала о борьбе и работе Советской власти, происходивших на глазах всего народа. Книжку отпечатали в своей новой типографии в количестве тысячи экземпляров и разослали во все селения уезда.

Одна книжка попала в Москву в крестьянскую газету «Беднота», а оттуда — на письменный стол Владимира Ильича Ленина.

Ленин прочитал ее в конце 1918 года, нашел время и возможность прокомментировать эту скромную книжку, извлек крупницы местного опыта и показал ростки нового всей стране. Под свежим впечатлением В. И. Ленин тогда же написал известную статью «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов». Внимание его особенно привлекла главка «Лесопильный и хромовый заводы». В ней рассказывалось, как весьегонские большевики сумели «заставить подняться купеческие руки и взяться за работу, но уже не ради личных их выгод, а ради пользы рабоче-крестьянской России». В исполком были призваны молодые, энергичные и особенно дельные промышленники и под угрозой лишения свободы и конфискации всего имущества привлечены к созданию лесопильного и хромового (кожевенного) заводов. «Оборудование двух советских заводов, — писали мы, — «несоветскими» руками служит хорошим примером в том, как надо бороться с классом, нам враждебным». Завершалась эта главка словами, которые Ленин на своем экземпляре книжки выделит, подчеркнет на полях три черты и отметит крупно — «NB»:

«Это — еще полдела, если мы ударим эксплуататоров по рукам, обезвредим их или «доконаем». Дело успешно будет выполнено тогда, когда мы заставим их работать, и делом, выполненным их руками, поможем улучшить новую жизнь и укрепить Советскую власть». Ленин назвал это рассуждение превосходным и глубоко правильным. В своей статье в связи с весьегонским примером он сформулировал знаменитый тезис о построении коммунизма из человеческого материала, созданного капитализмом.

«Мы не можем построить коммунизма иначе, как из материалов,

созданных капитализмом, иначе, как из того культурного аппарата, который взращен буржуазной обстановкой и поэтому неизбежно бывает пропитан — раз речь заходит о человеческом материале, как части культурного аппарата — буржуазной психологией. В этом трудность построения коммунистического общества, но в этом же гарантия возможности и успешности его построения. Тем и отличается марксизм от старого утопического социализма, что последний хотел строить новое общество не из тех массовых представителей человеческого материала, которые создаются кровавым, грязным, грабительским, лавочническим капитализмом, а из разведенных в особых парниках и теплицах особо добродетельных людей»¹.

Прошло три года после написания этой статьи, и в январе 1922 года Владимир Ильич, работая над планом статьи «Заметки публициста», выделяет отдельным пунктом: «Весьегонский образец» — и записывает в план следующий вопрос: «...*чьи руки мы создавать коммунизм?*» А строкою ниже: «Цитата из Тодорского...»²

В марте 1922 года Ленин работает над планом очередной речи и снова вспоминает Весьегонск: «Тодорский, стр. 62, подчеркнуть. Уже в X. 1918!»

27 марта 1922 года В. И. Ленин выступил на XI партийном съезде с политическим отчетом ЦК РКП(б). Развертывая перед коммунистическим авангардом вопросы политики партии на ответственном этапе социалистического строительства, Ленин обратился к проявлению революционного творчества масс, к использованию практического опыта рядовых работников, к росткам нового, социалистического строя. Он назвал весьегонское рассуждение о том, что мало буржуазию победить, а надо ее заставить на нас работать, замечательным.

«Замечательные слова, показывающие, что даже в городе Весьегонске, даже в 1918 году, было правильное понимание отношений между победившим пролетариатом и побежденной буржуазией... Даже в 1918 году, когда это было сказано весьегонским товарищем, это было полдела, а теперь — это даже меньше, чем четверть дела. Мы должны заставить и сделать так, чтобы их руками работать на нас, а не так, чтобы ответственные коммунисты стояли во главе, имели чины, аплы по течению с буржуазией. Вот в этом — вся суть.

Построить коммунистическое общество руками коммунистов, это — ребячья, совершенно ребячья идея. Коммунисты — это капля в море, капля в народном море»³.

Почему Ленин так благожелательно отнесся к нашей книге? Он ответил на этот вопрос следующим пожеланием:

«Надо пошире распространить эту книгу и выразить пожелание, чтобы как можно большее число работников, действовавших в массе

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 409.

² Там же. Т. 44. С. 504.

³ Там же. Т. 45. С. 97—98.

и с массой, в настоящей гуще живой жизни, занялись описанием своего опыта. Издание нескольких сотен или хотя бы нескольких десятков лучших, наиболее правдивых, наиболее бесхитростных, наиболее богатых ценным фактическим содержанием из таких описаний было бы бесконечно более полезно для дела социализма, чем многие из газетных, журнальных и книжных работ записных литераторов, сплошь да рядом за бумагой не видящих жизни»¹. Ленин считал, что из весьегонской книжки «надо извлечь серьезнейшие уроки по самым важным вопросам социалистического строительства, превосходно поясненные живыми примерами»².

Проявив живой интерес к весьегонской жизни, Владимир Ильич выразил сердечное внимание и заботливое отношение и к самим весьегонцам. Он дважды радушно принял наших ходоков, удовлетворил их просьбы, а через них передал привет местным работникам.

Первым ходоком был весьегонский крестьянин-коммунист Филипп Федорович Образцов, которого В. И. Ленин принял 3 января 1919 года. Сельских коммунистов беспокоили тогда вопросы о порядке взимания чрезвычайного налога, задевавшего в отдельных случаях хозяйственные интересы и малосостоятельной части крестьянства, факты злоупотреблений своей властью некоторых должностных лиц, непорядки с провозом багажа по железной дороге. Была и конкретная просьба к центру о восстановлении недавно сгоревшего общественного здания — Народного дома в селении Васютине. Владимир Ильич внимательно выслушал Ф. Ф. Образцова, дал разъяснения на все высказанные им сомнения, а также написал письмо в Весьегонский уисполком и в Тверской губисполком о том, чтобы они помогли лесом, финансовой ссудой и библиотекой Васютинскому комитету РКП(б) в восстановлении Народного дома. Подробности посещения Ф. Ф. Образцовым В. И. Ленина были напечатаны тогда же в «Известиях Весьегонского Совета» в обширной статье «В гостях у товарища Ленина». Статья заканчивалась следующим обращением нашего ходока к крестьянству:

«Радушный прием, деловая обстановка, товарищеский разговор и дружеское рукопожатие Владимира Ильича всегда останутся в моей памяти.

Товарищи крестьяне Весьегонского уезда! Верьте мне, собственными глазами видевшему, что там, наверху, управляют общим нашим делом не чиновники и бюрократы, а простые наши товарищи, которые по праву именуются Рабоче-Крестьянским Правительством. Будем слушать их голос. Они работают для нас и наших детей. Поможем им в трудной работе всем, чем можем. Тогда скорее увидим золотое время для нас.

Товарищи! Я надеюсь, что вместе со всеми вами я громко говорю: Да здравствует вождь пролетариата и защитник бедноты, наш друг и брат, Владимир Ильич Ленин!!!»³

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 407—408.

² Там же. С. 407.

³ Известия Весьегонского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. 18 янв.

Сбылись слова Филиппа Федоровича о ленинской работе «для нас и наших детей» в его же собственной семье. Дочь его, Александра Филипповна, простая крестьянская девушка, окончила педагогический техникум и сейчас работает заведующей библиотекой в своем родном Васютине. Сын ее, внук Ф. Ф. Образцова, окончил десятилетку. Муж ее, Иван Иванович Рыбаков, был первым секретарем Кудеверского райкома КПСС. В Великую Отечественную войну, будучи в партизанском отряде в тылу оккупантов, он героически погиб, сражаясь за счастье всего человечества.

Вторым ходоком от нашего уезда был весьегонский беспартийный учитель, ныне здравствующий активный общественник Александр Александрович Виноградов. В. И. Ленин принял его 27 февраля 1920 года. Он был послан в Москву уездным учительским съездом по вопросам материально-бытового положения работников культуры. После беседы А. А. Виноградова с В. И. Лениным в Весьегонск из Москвы пришла партия мануфактуры для нашей интеллигенции, а за счет местных ресурсов учителям был повышен продовольственный паек и увеличена норма керосина, недостаток которого особенно отражался в педагогической работе учителя и в школе и дома.

Таков был Владимир Ильич Ленин — вождь, учитель, человек.

*О Владимире Ильиче Ленине.
Воспоминания. 1900—1922 годы.
М., 1963. С. 438—443*

А. В. Иванов

РУКОЮ ИЛЬИЧА

Более сорока лет хранил я эту коротенькую, бесконечно дорогую мне записку, написанную рукою Ленина. Куда бы я ни переезжал, эта записка, помещенная в застекленную рамку, всегда висела в моей комнате рядом с портретом Владимира Ильича. Недавно я передал этот документ в Государственный музей Татарской АССР, как ни тяжело мне было расставаться с запиской, хотя я все время сознавал, что ее надо передать в хранилище ленинских рукописей.

...Никогда не изгладится в моей памяти встреча с Ильичем. После победы Великого Октября меня назначили помощником заведующего кадрами только что созданного Наркомата продовольствия. Летом 1918 года на работу в Казань был направлен член коллегии Наркомпрода Д. П. Малютин. В Казанской губернии тогда были допущены большие нарушения в продовольственной политике. Малютин приехал в Казань вместе с группой сотрудников Наркомпрода. Мне он также предложил ехать туда, потому что я был родом из Казани.

Трудное было время. В хлебной Казанской губернии голодали рабочие. Старый член партии Дмитрий Петрович Малютин и другие товарищи прилагали все усилия, чтобы навести порядок в продовольственном деле.

Девятого ноября вызывает меня Малютин и говорит:

— Завтра поедешь в Москву. Отвезешь Владимиру Ильичу Ленину доклад о продовольственном положении в губернии. Будь готов ответить на все вопросы Ленина, которые он задаст о продовольственном положении. Отвечай кратко, по существу.

Всю ночь я работал, выписывал и старался запомнить различные данные, цифры...

Наконец я в Москве, на Казанском вокзале. Два месяца назад сдал здесь в багаж свои вещи, но в Казань они так и не пришли. Пытаюсь получить их обратно, обошел все вокзальное начальство — не выдали. Видимо, засунули куда-нибудь, а теперь никто не хочет поискать. Так я ничего не добился. Ладно, думаю, сейчас некогда. Перед отъездом еще раз попытаюсь.

Пришел в Наркомпрод, оттуда в Кремль.

В приемной за столом — молодая женщина, как узнал потом, Л. А. Фотиева. Объяснил ей, что приехал из Казани с пакетом к Ленину.

— Присядьте, пожалуйста. Сейчас скажу Владимиру Ильичу.

Ушла. А я жду, в голове все перепуталось. Вдруг дверь распахнулась. Стремительно вышел Ленин¹.

— Вы из Казани? Здравствуйте, товарищ!

Ильич крепко пожал мне руку.

— Проходите, пожалуйста.

Пропустил меня вперед, попросил сесть к столу.

Вдруг исчезли и моя робость, и волнение. Может быть, их разогнала ленинская улыбка или так подействовало товарищеское пожатие руки!

Ленин вскрыл пакет, вынул бумаги. Вначале бегло просмотрел их. Затем стал читать обстоятельно, делая пометки на полях. То и дело отрываясь от чтения, задавал вопросы:

— Как относятся к Советской власти рабочие в губернии?

— Каково настроение крестьян?

— Какая помощь оказана бедноте?

— Сколько продуктов получают по карточкам рабочие?

Если я начинал издали, Ленин новым вопросом направлял меня на ясный ответ.

Не меньше получаса длится беседа. И вдруг еще один вопрос:

— А вы где родились?

— В Казани, Владимир Ильич.

— Я так и подумал. Мы с вами почти земляки.

И Ильич стал расспрашивать, как я живу, какие у меня трудности. Рассказывая о себе, я как-то невзначай обмолвился, что, уезжая с женой в Казань, вещи сдал в багаж, а он застрял на Казанском вокзале.

Ильич улыбнулся:

— Мы это сейчас поправим.

¹ Беседа В. И. Ленина с представителем Казанского губпродкома А. В. Ивановым состоялась 14 ноября 1918 года (см.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 6. С. 224). *Ред.*

И тут же на бланке написал:

«Ст. Москва. Станция Московско - Казанской ж. д.

Прошу принять к перевозке вещи, принадлежащие подателю, служащему Казанского губпродкома, Александру Васильевичу Иванову.

Предс. СНК В. Ульянов (Ленин)».

На другой день прихожу на Казанский вокзал, показываю записку. Меня просят пройти в комнату дежурного чекиста. Задают вопросы. Понял: заподозрили — не подделана ли записка. Ведь только три дня назад я спорил на вокзале, разыскивая вещи. А тут вдруг являюсь с запиской Ленина.

Но вскоре чекист извинился. Он связался с приемной Ленина и убедился, что документ действительно написан Владимиром Ильичем. Вот эту записку я и сберег как драгоценную реликвию.

*Ленинские страницы. Документы.
Воспоминания. Очерки.
М., 1960. С. 44—47*

С. И. Канатчиков

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ¹

Следующая моя встреча с Владимиром Ильичем была в конце 1918 года в самое тяжелое для нашей революции время. Пробыв долгие годы в тюрьме и ссылке на поселении, первый период революции я провел в Сибири, так как местная партийная организация долгое время меня не хотела отпускать. И только когда Яков Михайлович Свердлов срочной телеграммой вызвал меня в Москву, я смог выехать.

В Москве я стал работать в Комиссариате внутренних дел, и по положению члена коллегии мне почти каждую неделю приходилось бывать на заседаниях Совета Народных Комиссаров, где Владимир Ильич председательствовал. С 1906 года, с момента последней моей встречи, я нашел Владимира Ильича значительно постаревшим, но он работал по-прежнему с невероятной энергией. После усиленной дневной работы он бодрый, веселый приходил часов в 8—9 вечера на заседание Совнаркома и с неослабной энергией руководил заседанием, на котором сплошь и рядом поднимались горячие прения. Это был самый тяжелый период Советской власти, когда население городов сидело на голодном пайке, а с юга и из Сибири на нас наступали белогвардейские армии. Заседания Совнаркома затягивались почти всегда до 2-х часов ночи, а бывали случаи, что и до 3-х.

Владимир Ильич очень энергично и умело все время руководил заседаниями, живо интересовался и вникал в каждый вопрос, всегда внимательно прислушивался к тому, что говорили работники-практики и в особенности приезжавшие с мест.

¹ Начало воспоминаний см. настоящее издание. Т. 3. С. 193—197. *Ред.*

В то время когда заседал Совнарком, в кулуарах почти всегда ожидали Владимира Ильича несколько приехавших с мест из провинции товарищей, ожидавших окончания заседания, дабы поделиться с Владимиром Ильичем всем тем, что делается на местах, и получить, в свою очередь, у него совета. Я всегда удивлялся, как еще Владимир Ильич после такой нервно-напряженной работы и после 2—3-х часов ночи мог еще вести какие-либо разговоры.

Когда после беседы с Владимиром Ильичем я встречал приехавших издалека товарищей, они всегда, вдохновленные разговором с ним, с восторгом рассказывали о Владимире Ильиче и бодрые, уверенные уезжали к себе на места и беззаветно бросались, не щадя своей жизни, в волны бушующей революции.

Вскоре после моего приезда в Москву Владимир Ильич, узнав, что я работал в Перми, вызвал меня к себе. Не зная, в чем дело, являюсь в Кремль, прохожу к нему в кабинет. Ожидать пришлось недолго.

— Вы работали в Перми? — начал он с места в карьер, после того как мы обменялись приветствиями.

— Работал.

— Почему вы допустили там разгромить кооперацию?

Я подробно рассказал ему, как в Перми обстояло дело с местной кооперацией. Выслушав меня внимательно, Владимир Ильич уже совсем добродушно сказал:

— Ну да, конечно, если в кооперации сидели в правлении эсеры и белогвардейцы, которые хотели использовать ее в контрреволюционных целях, их, конечно, нужно посадить в ЧК, но зачем же вам нужно было национализировать кооперативное имущество — дома и т. д.?

Я объяснил, что в пермской кооперации сплошь сидели контрреволюционеры, опереться нам было не на кого, а своих работников-кооператоров у нас не было. Поэтому для нас не было иного выхода.

— Нет, Пермский исполком и губком были не правы, — решительно заявил Владимир Ильич. — Кооперацию нельзя разрушать, ее нужно во что бы то ни стало сохранять. Без кооперации мы ведь никакого социализма не построим... А как вы думаете, можно еще это дело поправить? — обратился Владимир Ильич ко мне.

Я выразил сомнение.

— А я все-таки пошлю телеграмму в Пермь¹, — решительно заявил Владимир Ильич. На этом наш разговор и закончился.

Восстановить пермскую кооперацию, конечно, не удалось, ибо вскоре Пермь была взята колчаковскими войсками и этот вопрос отпал сам собой.

Но с этого времени для меня стало понятным, почему Владимир Ильич так бережно относился к кооперации.

И в особенности когда он, уже будучи болен, написал две статьи

¹ См.: Ленинский сб. Т. 18. С. 283—284.

по кооперации, для меня было очевидным, какое огромное значение придавал Владимир Ильич кооперации в системе нашего хозяйственного строительства.

*Великий вождь.
Художественно-литературный сборник.
М., 1924. С. 48—49*

С. И. Гопнер

ВСТРЕЧИ В 1918 ГОДУ

Восемнадцатый год, как известно, богат исключительно драматическими страницами в истории социалистической революции. Этот год воскрешает в памяти прекрасный образ Ленина как великого борца за мир и гениального мастера научного предвидения.

Из нескольких встреч с Лениным в 1918 году две особенно глубоко взволновали меня и навсегда врезались в память. Первая — беседа за кулисами президиума IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов в Доме союзов (в середине марта 1918 года) и вторая — встреча в день приема Лениным делегации ЦК КП(б)У в Кремле 16 октября того же года (накануне открытия II съезда КП(б) Украины).

На IV съезде Советов, созванном, как известно, в порядке внеочередности и чрезвычайности специально для ратификации Брестского мира, царило напряженное настроение. По выражению лиц, глубоко запавшим глазам и сжатым губам делегатов чувствовалось их тяжелые переживания и сознание громадной исторической ответственности.

Вместе с тем IV съезд Советов демонстрировал несокрушимую силу народа и революции. Многочисленность съезда, участие в нем представителей всех народов России, самые разнообразные одеяния, отражавшие национальные и климатические отличия разных районов необъятной страны, производили яркое, внушительное впечатление.

14 марта бурная дискуссия, в которой участвовал пестрый лагерь противников заключения мирного договора, достигла высшей точки, когда на трибуну поднялся Ленин. Его исторический доклад о ратификации мирного договора¹, а также заключительное слово прерывались то бурными аплодисментами, то резкими враждебными репликами. Ленин быстро и меткими словами давал отпор противникам.

После прений и заключительного слова Ленина я послала ему записочку с просьбой уделить для беседы по важному вопросу хотя бы несколько минут. На следующий день во время перерыва Ленин с трибуны знаком руки позвал меня, и я очутилась с ним позади президиума, за кулисами.

Я сообщила Ленину, что наша четверка делегатов Екатеринославского Совета голосовала за ратификацию мирного договора,

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 92—111.

разделяет полностью позицию Ленина по этому вопросу и резко осуждает противников подписания договора. В связи с тем что Украина наполовину или больше уже оккупирована германской армией и ей угрожает полная оккупация, мы нуждаемся в его совете. Мы готовим переход партии на подпольное положение, но нуждаемся в большей ясности ближайшей перспективы именно в условиях оккупации. Ведь по возвращении со съезда мы должны пойти на заводы и сказать рабочим, которые только что вооруженной рукой взяли власть в свои руки и понесли тяжелые жертвы, что на Украине Советская власть вынуждена отступить и временно уйти со сцены. А что же впереди? Что ждет Украину?

Несмотря на полумрак, я увидела, как лицо Ленина помрачнело. Он ответил не сразу. Я уже начинала раскисаться в том, что разбредила его раны, лишний раз напомнив ему о том, о чем он и без того ни на минуту не забывал. После паузы Ленин сказал мне как-то особенно проникновенно, тихим голосом:

— Скажите рабочим Екатеринослава, что Брестский мир будет недолговечен. В Германии неизбежна и близка революция, и она сметет Брестский мир.

Помолчав снова несколько секунд, Ленин добавил:

— А в союзе с германским пролетариатом мы будем непобедимы...¹

По возвращении в Екатеринослав я отчитывалась о IV съезде Советов на крупнейших заводах и на первых же собраниях рабочих убедилась в громадной силе ленинского предсказания. Особенно большое действие оказывали дословно переданные слова Ленина; рабочих волновал именно тот факт, что Ленин был совершенно уверен в приближающейся германской революции. Уже в тот период рабочие знали силу ленинского предвидения и полагались на него как на каменную стену.

Связь между судьбой революции в России, близким освобождением Украины и надвигавшейся германской революцией становилась все более очевидной для самых широких масс. Нараставшие в Германии революционные события, за которыми пристально следил Ленин, стали для всех предметом еще большего, чем раньше, жгучего интереса.

Между нашей беседой с Лениным в Колонном зале Дома союзов и встречей на приеме членов ЦК КП(б) Украины прошло 7 месяцев. Эти месяцы 1918 года вошли в историю как время напряженной борьбы Ленина за сохранение и продление мирной передышки.

На глазах изумленного человечества Советская страна, окруженная со всех сторон вооруженными врагами, начала созидание социалистического хозяйства, направление которому дал известный доклад Ленина «Очередные задачи Советской власти»². Ленин при-

¹ О нарастании революции в Германии Ленин говорил в своем выступлении на съезде, но, как глава Советского правительства, подписавшего Брестский мир, он не мог говорить на съезде о близком разрыве этого договора. С. Г.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 241—267.

лагал нечеловеческие усилия, чтобы продлить передышку, не допустить срыва Брестского мира, который он сам называл «брестской петлей».

Брестский мир срывался германскими захватчиками: к маю — июню 1918 года была оккупирована не только Украина, но был захвачен Ростов и районы Кубани. Немецкая армия продолжала продвигаться на восток.

Положение обострилось преступной авантюристической борьбой и провокациями противников Брестского мира внутри страны — от контрреволюционной кадетской партии до «левых коммунистов» включительно.

В дни левоэсеровского восстания я слышала выступление Ленина на V Всероссийском съезде Советов, с трибуны которого он развивал план дальнейшего социалистического строительства, еще и еще раз страстно призывал к сохранению мира.

15 июля 1918 года нас, членов ВЦИК, известили об экстренном заседании ВЦИК. Заседания ВЦИК чаще всего устраивались тогда в большом зале гостиницы «Метрополь». Перед открытием заседания нам сказали, что Ленин сделает важное сообщение. Нам бросилось в глаза, что Ленин вопреки своей обычной стремительности поднимался на трибуну очень медленно. Казалось, он сильно устал.

С затаенным дыханием члены ВЦИК выслушали его известное заявление по поводу предложения германского правительства ввести в Москву вооруженный батальон под предлогом охраны германского посольства. Это требование было одним из результатов левоэсеровского восстания и провокационного убийства германского посла Мирбаха в Москве. Преступная авантюра эсеров, как известно, явилась одной из самых серьезных провокационных попыток сорвать Брестский мир.

Ленин, сохраняя полное самообладание, медленно прочитал заявление Советского правительства об отклонении предложения немцев. Громадное впечатление произвели на нас последние слова заявления о том, что, если германское правительство все-таки попытается осуществить свое намерение ввести вооруженный батальон в Москву, Советское правительство не остановится перед необходимостью вооруженной рукой защищать Страну Советов.

Нам сразу стало ясно, что международное положение изменилось несколько в нашу пользу. Это было связано с двумя моментами: с успешным строительством Красной Армии и с неудачами германской армии на Западном фронте, ускорившими нарастание революционного кризиса в Германии.

Летом усилилась партизанская борьба на Украине, а II съезд КП(б)У в октябре 1918 года подготовлялся под знаком близкого всеукраинского вооруженного восстания и освобождения Украины. В связи с ранением Ленина 30 августа, о котором мы с ужасом узнали в Орле¹, непосредственные сношения ЦК КП(б)У с Лениным

¹ В связи с тем, что территория Украины была оккупирована австро-германскими войсками, пленум ЦК КП(б)У состоялся в Орле. *Ред.*

были прерваны на все время его болезни. Когда перед открытием II съезда в Москву съехались члены ЦК КП(б) У, вопрос о свидании с Лениным волновал всех: получить советы Ленина по некоторым спорным вопросам тактики на Украине было совершенно необходимо.

Днем 16 октября членам ЦК КП(б) Украины, к нашей величайшей радости, было сообщено, что Ленин может принять 10—12 человек в тот же вечер. Одному из членов ЦК было поручено пригласить Ленина выступить на II съезде КП(б) У.

Через 2 часа мы отправились в Кремль. Встречавший нас у лифта сотрудник сообщил, что в связи с ремонтом помещения заседание состоится не в кабинете Ленина, а в одной из проходных комнат. Нас ввели в комнату со свежоштукатуренными голыми стенами, без мебели. При нас уже внесли стулья.

Ленин вышел к нам с перекинутой через плечо черной повязкой, на которой лежала больная рука. Мы устремились к нему навстречу. После того как мы поздоровались и Владимир Ильич ответил на наш вопрос о его самочувствии, мы спросили, сколько времени он может уделить беседе с нами. Мы очень хотели, чтобы беседа была обстоятельной, но боялись его утомить.

Прежде чем ответить нам на этот вопрос, Владимир Ильич указал здоровой рукой на стену, где криво висел на гвозде белый плакат с известным американским изречением: «Если вы пришли к занятому человеку, то скорее кончайте свое дело и уходите», и сказал:

— Вот наши враги — американцы написали умную вещь.

После этого Ленин спросил, хватит ли нам для беседы двух часов. Мы были радостно удивлены, так как не ожидали, что при его состоянии он сможет провести с нами такую длительную беседу. Мы знали, что прием 16 октября был первым приемом Ленина после болезни, и еще раз убедились в том, какое громадное значение Ленин придавал событиям и задачам коммунистов на Украине.

Запомнилась такая деталь: при входе Ленина в комнату дежурный комендант приказал часовому выйти и встать с другой стороны двери. Перед тем как начать беседу с нами, Владимир Ильич приоткрыл дверь, и мы услышали, как он сказал часовому:

— Возьмите стул и садитесь. Сюда в течение двух часов никто не войдет, вам незачем стоять на ногах два часа.

Беседа началась. Мы попросили Владимира Ильича осветить общее положение и высказаться по поводу ближайших задач на Украине.

Теперь, спустя 40 с лишним лет, я, конечно, не могу полностью надеяться на свою память и не могу ручаться за точность передачи слов Ленина. Но за смысл их я беру на себя полную ответственность¹.

¹ Если не ошибаюсь, кроме меня, нет в живых никого из участников этой встречи. Во время беседы никакой записи не велось, и о ней не сообщалось в печати. С. Г.

Ленин уделил большое внимание последним событиям на Украине, партизанской борьбе, подчеркнул особую важность тщательной и всесторонней подготовки общего, всеукраинского вооруженного восстания. Он говорил об успешном строительстве Красной Армии и той помощи, которую она окажет восстанию. Он сделал особое ударение на необходимости правильного проведения национальной политики. На вопрос одного товарища, нет ли опасений, что после освобождения съезд Советов Украины может проголосовать за полное отделение Украины от России, Ленин ответил, что при последовательном проведении национальной политики партии ближайший съезд Советов Украины, отражая волю украинского народа, проголосует за теснейший и вечный союз Украины с Россией и никогда не пойдет за петлюровцами, которые в угоду империалистам требуют полного отделения Украины от Советской России.

Ленин уделил значительное внимание развитию германской революции, выразив уверенность в том, что эта революция теперь надвигается не по дням, а по часам, что она неминуема и близка, настоятельно рекомендовал усилить работу в германских оккупационных войсках. Ленин предвидел, что при первом известии о германской революции начнется быстрое разложение германских войск и их революционизирование. Поэтому он выдвигал как одну из важнейших задач подготовки всеукраинского восстания — усиленную работу в оккупационных войсках.

Что касается главного вопроса, который стоял перед Коммунистической партией Украины, — вопроса о всеукраинском вооруженном восстании, — Ленин еще раз подчеркнул необходимость самой тщательной и широкой его подготовки, исходя из того, что призывы к этому восстанию должен быть нами дан очень скоро, «может быть, завтра или послезавтра, но еще не сегодня». Предостерегая против революционного нетерпения и выразив полное понимание того, что украинские рабочие и крестьяне рвутся в бой, Ленин призывал к выдержке и воздержанию от преждевременного выступления. Когда разложение оккупационных войск пойдет быстрыми темпами, тогда для нас создастся такой перевес сил, который значительно ускорит победу и уменьшит неизбежные жертвы. Тем более что каждый лишний день повышает боеспособность Красной Армии. В заключение Ленин поблагодарил за приглашение на съезд и выразил сожаление, что не сможет участвовать в его работе.

Сказанное Лениным оказало громадное воздействие на решения II съезда КП(б)У и на дальнейшую работу коммунистов Украины в этот ответственный исторический момент.

Делегаты съезда, среди которых было немало таких, которые, работая подпольно в условиях оккупации, уже много месяцев были оторваны от Москвы, не могли примириться с тем, что они не увидят и не услышат Ленина. Они настаивали на том, чтобы им дали возможность встретиться с ним. Поэтому 22 октября 1918 года на собрание московского актива, где выступал Ленин, были приглашены все участники II съезда КП(б)У. Выступление Ленина на этом

собрании¹ было его первым большим публичным выступлением после ранения.

В своей речи Ленин остановился специально на положении Украины и в сжатой, ясной форме выразил свое отношение к ближайшим задачам КП(б)У.

Разразившаяся через три недели революция в Германии и разрыв нами «похабного» Брестского мира были не единственными подтверждениями гениальных прогнозов Ленина. Ноябрьские революции в Германии и Австро-Венгрии, рост революционного кризиса в странах Западной Европы с поразительной точностью подтверждали ленинское предвидение.

В первые дни революции в Германии, когда во всех оккупационных войсках были избраны солдатские Советы, Ленин направил украинским партийным работникам указание о немедленном вступлении в контакт с Советами немецких солдат² и настаивал на использовании революционных немецких военных частей для борьбы с казачьей контрреволюцией.

Один из эпизодов гражданской войны на Украине в этот момент был особенно показателен. В конце декабря 1918 года к Временному рабоче-крестьянскому правительству Украины явилась делегация от Совета солдатских депутатов немецких частей в Харькове для переговоров о взаимных услугах. Результатом этого явилось соглашение: австро-германские военные части, стоявшие в Харькове, покинут Украину мирно, не преследуемые Красной Армией, и окажут ей содействие в борьбе против петлюровских и гетманских войск. Это было вскоре осуществлено, причем было выполнено и одно из условий соглашения: ни один германский солдат не взял оружия, оно осталось в руках партизан.

Почти через 40 лет, а именно в день 7 ноября 1957 года, в центральном органе Социалистической единой партии Германии «*Neues Deutschland*» («Новая Германия») об этом эпизоде были опубликованы воспоминания одного из руководителей немецкого харьковского Совета солдатских депутатов³.

1918 год, особенно богатый событиями, не только ярко иллюстрирует последовательную и упорную борьбу Ленина за мирную передышку, но и гениальность ленинского научного предвидения.

*О Владимире Ильиче Ленине.
Воспоминания. 1900—1922 годы.
М., 1963. С. 353—358*

¹ См.: Ленин В. И. Доклад на Объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов // Полн. собр. соч. Т. 37. С. 111—125. *Ред.*

² См. там же. Т. 50. С. 205—206.

³ История этого соглашения подтверждена рядом участников гражданской войны на Украине. С. Г.

ВСТРЕЧИ

Стоял январь 1918 года. Холодный зимний Петроград был накануне грозных событий. Интервенты стягивали свои силы к колыбели пролетарской революции.

В эти трудные дни глава Советского правительства, руководитель партии Владимир Ильич Ленин строил уже свои первые планы восстановления разрушенного хозяйства страны. Однажды покойный ныне тов. Смидович сообщил мне по поручению Владимира Ильича, что надо срочно заняться сметой волховской гидроустановки.

Я был поражен. И действительно, на первый взгляд казалось рискованным начинать в такое трудное время строительство огромной гидростанции, от которого в мирных условиях отказалась царская Россия.

Я вспомнил в эти минуты прежнюю безрезультатную борьбу за Волхов. Первые проекты этой гидростанции были разработаны мною в 1911 году. Три года я потратил на эту работу. Потом проект был предложен правительству. Но царское правительство оказалось бессильным построить на территории гигантского государства одну гидростанцию...

Произошло то, что всегда бывает в странах капитала. Дешевая гидроэнергия, которая была выгодна стране, грозила принести огромные убытки электрическим компаниям. Они сделали все, чтобы похоронить проект волховской станции. «Общество 1886 года» скупилло земли на берегу Волхова. Строительство оказалось невозможным.

Волховстрое суждено было возникнуть лишь после революции по инициативе В. И. Ленина.

Январь 1918 года. П. Г. Смидович сказал мне:

— Владимир Ильич хочет обязательно построить волховскую станцию. Он просит разработать смету в течение нескольких дней...

Я с радостью сел за работу. Были извлечены давно забытые чертежи. Надо было торопиться. Через неделю Владимир Ильич хотел поставить вопрос о Волховстрое на заседании Совнаркома.

Так проблема Волхова была внесена в повестку дня заседания правительства. Ленин сам хотел говорить о первой советской гидростанции.

Но трудные революционные будни были неумолимы. Намеченное заседание Совнаркома не состоялось. Правительство переехало в Москву.

Немного времени прошло, и Ленин снова вспомнил о Волховстрое. Собственно, он никогда и не забывал о нем, и лишь обстоятельства временно заставили Ильича отложить осуществление его замечательной идеи.

В июле 1918 года я был у Владимира Ильича. Разговор, продолжавшийся несколько минут, решил дело. Будем строить волховскую станцию! Это были замечательные минуты. Я впервые увидел тогда

гениального пролетарского вождя, видящего далеко впереди себя, бесстрашного и хладнокровного.

Нужно было изумительное ленинское революционное чутье, чтобы в то трудное время начать громадное хозяйственное строительство. Ленин был непреклонен. Он провел решение о постройке волховской станции через Совнарком.

Правительство отпустило первые средства. И стройка началась.

Трудно приходилось первым строителям волховской станции. Не хватало людей, оборудования, денег. Но мы бодро смотрели на будущее, так как знали, что в самую тяжелую минуту всегда найдем помощь и защиту у Владимира Ильича.

Даже в самые тяжелые месяцы для молодой Советской республики, когда гремели орудия белых генералов, когда все лучшее отправлялось на фронты, Ленин не забывал о Волхове.

Когда снабжение Волховстроя ухудшилось настолько, что над нами нависла угроза срыва строительства, я решил обратиться к Владимиру Ильичу. Написал ему письмо и с нетерпением стал ждать ответа. Ленин, как всегда, ответил делом. Не прошло и нескольких дней, как нам было предоставлено все необходимое, а отдельные товарищи, недооценившие в то время значения волховской станции, получили выговор.

Так постепенно при непосредственной помощи Владимира Ильича разворачивалось огромное по тем временам строительство.

Я вспоминаю очередное заседание Совета Труда и Оборона в 1921 году. Председательствует Ленин. Он усаживает меня рядом с собой и пытливо расспрашивает о последних новостях. Как радостно бывало слушать каждое слово, каждое указание Владимира Ильича, с какой жадностью принимался каждый его совет.

На заседании СТО стоял важный вопрос. Волхов требовал первых валютных ассигнований на покупку заграничного оборудования. Нам нужны были турбины. Первые турбины для первой советской гидроэлектростанции. Ленин, не задумываясь, внес предложение. Волхов получил шесть с половиной миллионов рублей золотом.

После обсуждения предложений фирм ряда стран мы заказали турбины в Швеции. Мне пришлось выехать в Стокгольм. Когда заказ был оформлен, я неожиданно получил из Москвы сообщение, что надо прервать переговоры и запросить другие фирмы. Мысль о том, что станция останется без оборудования, не давала покоя. Я телеграфировал Ленину. Кажется, первые слова телеграммы начались так: «Сказка про белого бычка. Теперь, когда все готово, придется начинать сначала...» Я просил Ленина разрешить мне закончить начатое дело и получил это разрешение. Турбины для Волхова были заказаны.

Позже, когда здоровье не позволяло Владимиру Ильичу систематически заниматься делами, он требовал все же, чтобы я периодически писал ему доклады о Волховстрое. Десятки таких докладов передавались Ленину тов. Горбуновым. И если находились чиновники, которые мешали волховскому строительству, Ленин беспощадно одергивал их.

Владимир Ильич не увидел волховскую станцию в эксплуатации. Но она оправдала его надежды...

Вечерняя Москва. 1937. 21 января

А. В. Винтер

ОН ОКРЫЛЯЛ НАС

С Владимиром Ильичем Лениным у меня было несколько встреч и бесед по вопросам моей тогдашней служебной деятельности. Одна из них состоялась сразу же после переезда правительства из Петрограда в Москву и касалась облегчения топливного кризиса в Москве. Было это в марте 1918 года, когда я посетил В. И. Ленина в его рабочем кабинете в Кремле.

Он сидел в обычной своей позе за письменным столом и чрезвычайно внимательно и вдумчиво выслушал мое сообщение.

Речь шла об организации крупнейшего по тогдашнему замыслу торфяного хозяйства на Шатурских массивах, о постройке в будущем на базе использования этого местного топлива крупной районной электрической станции. До осуществления этих сооружений я предлагал для самых жизненных и необходимых столичных учреждений возить торф с Шатурских разработок в Москву по железной дороге.

Сердце страны, столица государства — Москва не снабжалась в достаточном количестве ни донецким топливом, ни нефтью, а вскоре каменноугольные и нефтяные районы и вовсе были отрезаны.

Ленин сразу оценил реальность задачи, сущность которой я ему изложил, и здесь же, в кабинете, он принял твердое решение.

В области нового, советского промышленного строительства решение о строительстве опытной Шатурской электростанции может считаться одним из первых, принятых Советской властью.

По этому же делу, но уже по вопросам его развития, я бывал у Владимира Ильича еще несколько раз.

Однажды мне пришлось обратиться за его содействием по вопросу демонтажа двух бездействовавших котлов с трамвайной станции, которые предполагалось установить на опытной Шатурской станции для радикального разрешения вопроса правильного сжигания торфа.

И этот — опять-таки совершенно специфический и весьма технический — вопрос Владимиром Ильичем был сразу оценен, и, быть может, этой поддержке и этой вере, которую Ильич умел вселять в своих собеседников, мы обязаны были тем огромным успехом в сжигании торфа, подобного которому до того не встречали в этой специальной области техники.

Усилившиеся топливные затруднения, отразившиеся даже на снабжении Москвы дровами, привели к тому, что работы по организации Шатурских торфоразработок чрезвычайно форсировались и мы были в состоянии хотя бы изредка доставлять по железной

дороге торфяные составы для обеспечения топливом больниц, хлебопекарен и т. п.

В конце того же 1918 года я возглавлял вновь созданный орган по электростроительству и развитию электроснабжения в стране. Я имел тогда несколько бесед с Лениным, как личных, так и во время дебатов на заседаниях Совнаркома и Совета Рабочей и Крестьянской Обороны.

Вскоре возникли два новых и чрезвычайно активных учреждения. Для разработки государственного плана электрификации России была создана специальная комиссия (ГОЭЛРО). Почти одновременно инженеру Р. Э. Классону, которого лично знал В. И. Ленин еще с 90-х годов по Петербургу, была предоставлена широкая возможность осуществить новые методы добычи торфа, так называемый гидроторф. В. И. Ленин уговорился с Классоном, чтобы тот ему сообщал, что нужно для успеха этой работы. Путем распоряжений, часто при помощи телефонных звонков Ленин всячески помогал Классону.

В последний раз я встретился с В. И. Лениным во время его последнего председательствования в Совнаркоме. Встреча вышла совершенно случайная в коридоре Совнаркома, куда он вышел во время перерыва.

Мы были совершенно одни, и он сказал мне всего несколько фраз. Но и эти последние фразы свидетельствовали все о той же заботе Ильича о хозяйственном возрождении страны. Он говорил со мной о шатурских работах, которые были в самом разгаре и были закончены через несколько месяцев после его смерти.

Шатурской электростанции при ее открытии было присвоено имя Владимира Ильича Ленина. В это дело — одно из первых крупных советских строителей — Ленин вложил много забот. Он окрылял нас, строителей и работников станции, духом творчества и любви к труду.

Известия. 1955. 19 апреля

Р. С. Лихачева, А. В. Обух

В ГОСТЯХ У ДРУЗЕЙ

В семье старого большевика Владимира Александровича Обуха долго хранилась как драгоценная реликвия подаренная Лениным книга «Государство и революция»¹.

Подарок сделан при таких обстоятельствах. Вскоре после переезда из Петрограда в Москву Ленин навестил своих старых московских друзей. Побывал Владимир Ильич и у доктора Обуха, который лечил его и семью Ульяновых.

В один из погожих майских дней — это было воскресенье — у дома, где жил доктор Обух и его друзья Лихачевы, Василий Мат-

¹ В настоящее время книга хранится в ЦПА ИМЛ. *Ред.*

веевич и Раиса Савельевна, остановился автомобиль. Выглянув случайно в окно, Лихачев увидел выходящего из машины В. И. Ленина. Приезд Владимира Ильича был радостной неожиданностью. Все бросились к дверям.

По лестнице поднимались В. И. Ленин и Мария Ильинична.

Смущение хозяев сразу же рассеяли необычайная простота и приветливость Владимира Ильича.

Кабинет доктора Обуха, в котором принимали дорогих гостей, был до революции явочной квартирой для большевиков¹.

Мария Ильинична вспомнила, что в этой квартире проводились нелегальные собрания большевистского центра. Владимир Александрович уточнил:

— Не только в этой квартире, но именно в этой комнате. Здесь произошла встреча подпольщиков 27 февраля 1917 года, здесь же состоялось совещание партийного актива в связи с подготовкой к вооруженному восстанию.

В. А. Обух рассказывал о Февральских событиях семнадцатого года, о старых московских большевиках, о молодежи, примкнувшей к борьбе.

Потом стали вспоминать о годах пребывания Лихачевых в США в эмиграции.

— Ну что ж, рассказывайте,— обратился Владимир Ильич к Василию Матвеевичу,— как там жилось нашим товарищам?

— Жилось нелегко, Владимир Ильич. Приходилось заниматься тяжелым физическим трудом. Но это еще не самое худшее. Терпели дискриминацию как иностранцы, безработицу... Часто и я оставался без работы, становился «тремпом».

— А что такое «тремп»? — спросила Мария Ильинична.

Владимир Ильич объяснил, что это слово означает «бродяга». Многие безработные в Америке часто бывают вынуждены в поисках работы вести бродячий образ жизни.

— В еще более тяжелом положении находятся эмигранты-крестьяне, выходцы с Украины, Белоруссии и других мест,— продолжал Лихачев.— Их радужные надежды на американский «рай» жестоко разбиваются жизнью. Разобщенные, неорганизованные, они совершенно беспомощны. Мы, большевики, вели среди них большую агитационно-пропагандистскую работу.

— Вот видите,— резюмировал Владимир Ильич,— люди поехали в Америку искать лучшей жизни, а что они получили? В лучшем случае — стали дешевой рабочей силой для американских капиталистов.

Василий Матвеевич рассказал много забавных эпизодов из своей бродячей жизни. Ленин тоже сыпал шутками, и все от души смеялись.

Владимир Ильич стал расспрашивать В. А. Обуха, как обстоит дело с больницами, как ведут себя врачи. Он знал, что Обух и Ли-

¹ В. А. Обух жил в доме № 11/1 на углу Мертвого переулка (ныне пер. Николая Островского) и Б. Левшинского (ныне ул. Щукина), в квартире № 10. Р. Л., А. О.

хачев, как члены бюро районных дум, вынесли тяжесть борьбы с саботажем противников Советской власти. Обух вынужден был констатировать, что саботаж врачей хотя и сломлен, однако среди них есть еще и враждебно к нам настроенные люди.

Владимир Ильич слушал Обуха с большим вниманием, задавал ему вопросы. Говоря о перспективах развития лечебного дела в нашей стране, подчеркнул, что охрана здоровья населения — одна из первоочередных задач Советской власти и что в этом деле необходимо участие широких масс рабочих.

Перед отъездом В. И. Ленин оставил на память Владимиру Александровичу Обуху и его сыновьям Андрею и Николаю свою книгу «Государство и революция», каждому по экземпляру. Когда молодые Обухи вернулись домой с прогулки, отец вручил им подарки от Владимира Ильича Ленина.

Радостные и потрясенные, они сличили текст автографов на обеих книгах¹ — текст был одинаковый:

*«Молодому другу тов. Обуху
от автора 19.V.1918».*

Братья не расставались с подарками — да и как было оторваться от этих коротеньких, но таких теплых, душевных надписей?

Посещение Владимира Ильича было для всех нас огромным, радостным событием и воспоминанием, оставшимся на всю жизнь.

И не раз еще об этой встрече напоминала машина Ленина, которая время от времени — но уже без пассажиров — подходила и останавливалась против нашего дома. Это происходило всякий раз, когда в семье Ленина кто-нибудь заболел. На второй этаж поднимался за доктором Обухом Степан Казимирович Гиль, шофер Ленина. Появлению Гиля всегда предшествовал телефонный звонок, и мы узнавали голос Марии Ильиничны: в таких случаях обычно звонила она.

*О Владимире Ильиче Ленине.
Воспоминания. 1900—1922 годы.
М., 1963. С. 399—401*

А. Д. Цюрупа

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

С первых же дней после Октябрьской революции Владимир Ильич пристально наблюдал за состоянием продовольственного положения страны, в особенности в столицах и других пролетарских центрах. Уже в ноябре 1917 года при встрече со мной, еще до моего назначения народным комиссаром, он ставил вопрос о том, чтобы рабочим отпускаясь полный продовольственный паек, а прочим

¹ До настоящего времени сохранился один экземпляр книги. Р. Л., А. О.

классам населения, особенно не трудящимся, паек уменьшался и доходился в случае необходимости до нуля. Первая мысль — о классовом пайке.

Второй раз я имел длительную беседу с Владимиром Ильичем о продовольственных делах уже после назначения меня народным комиссаром в январе ¹ 1918 года. Владимир Ильич в это время, видимо, не имел еще твердого и определенного взгляда на характер будущей продовольственной политики. Но и тогда уже его мысль упорно работала над вопросом о хлебной монополии как единственно возможном и правильном разрешении продовольственного вопроса в сложившихся условиях.

В январе 1918 года на заседании чрезвычайной комиссии по продовольствию и транспорту тов. Троцкий передал мне проект декрета «О заготовках хлеба», написанный рукой Владимира Ильича. В этом проекте Владимир Ильич решительно стал на точку зрения строжайшей хлебной монополии. К сожалению, я не сохранил копии названного проекта, характернейшего для той эпохи документа. Возможно, что он хранится либо в архиве тов. Ленина, либо в архиве тов. Троцкого.

С этого момента Владимир Ильич твердо, решительно и неуклонно проводил хлебную монополию и ту продовольственную политику, которая осуществлялась в течение 1918, 1919 и 1920 годов. Можно категорически утверждать, что именно он, Владимир Ильич, установил продовольственную политику, проводившуюся в течение первых трех лет существования Советской власти, что благодаря именно его безоговорочной решительности, его политическому и нередко организационному руководству было сделано то, что было сделано, и что в труднейшую эпоху, переживавшуюся Советской властью, продовольственный вопрос разрешался так, как он разрешался. Без его активного и непосредственного участия в разрешении стоявших в порядке дня острейших и сложнейших продовольственных задач проблема снабжения страны не получила бы разрешения и, может быть, трудящиеся не вынесли бы обрушившихся на них продовольственных испытаний. Мы, продовольственники, были лишь исполнителями, облекавшими указания Ленина в форму практических мероприятий.

В особенно трудные моменты Владимир Ильич со свойственными ему гибкостью, тонкостью и пониманием допускал иногда некоторые временные частичные отступления от общепринятой линии; но делал он это только в случаях последней крайности, когда изнывающие от голода рабочие приходили в отчаяние, и не потому, что думал, что эти отступления могут облегчить продовольственное положение страны, а для того, чтобы на примерах и на фактах показать сомневающимся рабочим и сомневающимся партийным работникам, что всякая иная продовольственная политика может привести рабоче-крестьянское государство к гибельным последствиям.

Случай, очень характерный в этом отношении:

¹ А. Д. Цюрупа назначен наркомом продовольствия в феврале. *Ред.*

В 1919 году однажды при моем свидании с В. И. Лениным он горячо говорил о том, что из-за ошибок, допущенных продовольственниками, противники продовольственной политики и колеблющиеся группы сделали прорыв на продовольственном фронте и что теперь, к сожалению, прорыв этот можно ликвидировать только путем уступок, однако таких, которые в общем и целом не изменили бы взятого курса в продовольственном деле. Всем памятно бурно-пламенное выступление Владимира Ильича тогда во фракции ВЦИК по вопросу о продовольственной политике¹. В этот именно момент он удержал партию от такого поворота в продовольственной политике, после которого, как это впоследствии стало ясно для всех, неминуема была бы катастрофа.

Но если Владимир Ильич со свойственной ему способностью предвидения настойчиво проводил в эпоху «военного коммунизма» продовольственную политику того времени, то с такой же дальновидностью он предусмотрел в 1921 году необходимость отказа от последней в связи с изменившимися экономическими и политическими условиями. Я говорю о так называемой новой экономической политике.

Так же решительно и последовательно, как и раньше, Владимир Ильич проводил новую экономическую политику в области продовольствия, строжайше следя за тем, чтобы старые тенденции в области продовольственной политики ни в коей мере не проявлялись, чтобы инерция, свойственная каждому аппарату и каждому работнику, и в том числе, конечно, и работникам Наркомпрода, была исключена из продовольственной практики. Он высоко ценил работу продовольственников, но боялся, чтобы беспредельно преданные интересам своего дела, с величайшей трудностью налаживавшегося в течение долгих лет, они, принеся в жертву революции много тысяч жизней (о чем, может быть, не все хорошо и доподлинно знают), не сбивались на старую дорогу, с которой страна сошла.

Владимир Ильич внимательно следил за работой продовольственного аппарата в новых условиях, постоянно контролировал ее и строжайше преследовал всякие отклонения в сторону прежней продовольственной политики.

Так относился Владимир Ильич к продовольственному делу до того периода, когда страна получила наконец облегчение в продовольственном отношении и когда продовольственный вопрос стал второстепенным.

Все продовольственные работники, ныне² разбросанные по всему лицу Союза Социалистических Республик, работающие во всех ведомствах и на всех поприщах, работающие в области хозяйственной жизни страны и в области партийной жизни, все они должны знать, что именно Владимир Ильич был творцом и создателем продовольственной политики. Все они должны знать и помнить, что

¹ Ленин выступал от фракции коммунистов ВЦИК 17 января 1919 года на Объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и Всероссийского съезда профессиональных союзов (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 412—427, 615). *Ред.*

² Воспоминания написаны в январе 1924 года. *Ред.*

именно он на своих могучих плечах вынес эту колоссальную работу. Только благодаря ему усилия продовольственников, усилия многих тысяч партийных работников и многих десятков тысяч беспартийных рабочих увенчались успехом.

Пусть помнят это все. Пусть помнят также все, что искусству управлять, умению строить необходимые государственные учреждения и быть точными в своей работе Владимир Ильич учил нас на продовольственной работе. Наиболее ценный организационный и практический опыт, который мы имеем сейчас, мы имеем благодаря деятельности на двух фронтах — военном и продовольственном, находившихся под непосредственным руководством великого вождя трудящихся.

*Экономическая жизнь. 1924.
25 января*

П. И. Попов

ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТАТИСТИКА И ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Нет ни одной отрасли народного или государственного хозяйства и управления, где бы в той или другой степени не был выявлен огромной мощности организаторский талант Владимира Ильича. И государственная статистика обязана своим существованием этому великому строителю Советского государства.

Статистика для Владимира Ильича была не только необходимым органом управления и хозяйствования, но она для него в его научно-теоретических и научно-публицистических работах являлась главным и основным орудием исследования. Его «классическая работа «Развитие капитализма в России» основана на статистическом материале земских и неземских статистических изданий. В этой блестящей по языку, глубокой по теоретическому анализу и богатству фактического (статистического) материала работе дан образец того, как надо уметь читать толстые тома статистических изданий и как извлекать из колонок мало говорящих для неспециалистов цифр блестящие аргументы для доказательства глубоких идей. Для нас, статистиков, эта книга останется образцом научного использования статистических материалов, а также памятником того, как бесстрастные цифры приобретают способность ярко, пламенно говорить о великих идеях и великой классовой борьбе.

Вторая его работа, посвященная кустарной промышленности Пермской губернии, является мастерским образцом анализа статистического материала.

Мне не раз приходилось беседовать с Владимиром Ильичем по статистическим делам, и всегда я чувствовал, что в лице великого вождя революции, организатора огромного пролетарского государства передо мной находится глубокий знаток и выдающийся анали-

тик статистических материалов, и таково изумительное богатство природы, что, будучи практиком в статистике, он понимал до тонкости, именно до тонкости, даже мелочи и особенности организации статистических работ.

Для разработки программы обследования промышленности и программы разработки переписи сельского хозяйства 1917 года ВСНХ созвал весной 1918 года съезд статистиков, на котором мною был представлен проект организации государственной статистики. Рассмотренный и обсужденный съездом, этот проект был затем представлен в Совет Народных Комиссаров.

По поводу организации государственной статистики (о рассмотрении представленного в Совет Народных Комиссаров проекта) я имел продолжительный разговор с Владимиром Ильичем. Я шел к нему с глубокой уверенностью, что горячее желание всех статистиков — организовать государственную статистику — найдет самое живейшее сочувствие в его лице. Государственная статистика создавалась в условиях жесточайшего саботажа со стороны чиновничьей интеллигенции. Этот саботаж среди наших земских статистиков не имел места. Мы в прежнее время всегда были на положении гонимого элемента, причем земские статистики пользовались особым «вниманием» царского правительства. К чиновничеству земских статистиков трудно было причислить. Вполне естественно, что земские статистики первые как корпорация поставили вопрос о такой системе государственной статистики, которая давала бы Советской республике основные данные для планового строительства, и свои проекты организации статистики в республике принесли с глубокой верой на рассмотрение Владимира Ильича.

Проект государственной статистики был детально разработан: он предусмотрел схему органов как центральных, так и местных. Но необходимо было получить со стороны Владимира Ильича принципиальные указания по ряду вопросов.

Когда я явился к Владимиру Ильичу, он был уже в курсе вопроса. Внимательно выслушал Владимир Ильич мой доклад, задал мне ряд вопросов, касающихся организации государственной статистики, о работах земско-статистических бюро и подтвердил правильность системы, по которой земские и городские статистические бюро, а в Сибири и Туркестане переселенческие статистические бюро, построенные по типу земских, являются основанием государственной статистики, ее местными органами. При этом он указал, что уже по его работам хорошо известно, что земские статистические бюро являются лучшими из тех, что есть в прошлом статистики. Тут же он вспомнил о некоторых земских статистиках — Каблукове, Кислякове и других, которых лично знал или работы которых ценил. Интересовался он также вопросом о том, в какой мере правительственная статистика принимала участие в статистике советских республик. Но мое замечание, что работники правительственной статистики принимают минимальное участие в работах, вызвало с его стороны замечание, что того и надо было ожидать.

Затем Владимир Ильич с определенной ясностью, которая так ему была свойственна, подтвердил правильность, рациональность и своевременность организации единой центральной статистики и необходимость ликвидации центрального статистического комитета как общего статистического органа и передачи им материалов и инструментов будущему аппарату государственной статистики. Он также нашел правильным и то положение, при котором при комиссариатах должна быть только такая статистика, которая обслуживала бы их технические нужды, статистика служебно-прикладная, и что задача изучения отдельных отраслей народного хозяйства — дело государственной статистики, которой и должно принадлежать право общего руководства всеми статистическими работами в республике, согласование и утверждение статистических программ текущих работ отдельных ведомств. Владимир Ильич настойчиво указывал, что государственная статистика должна идти в направлении методического изучения народного хозяйства в целом.

Вопрос о том, где должна состоять государственная статистика, то есть какое место она должна занимать в государственном управлении, разрешил Владимир Ильич в том смысле, что по целям, которые должны быть поставлены государственной статистике, она должна иметь место не при каком-либо комиссариате, а при Совете Народных Комиссаров как высшем государственном органе.

Затем Владимир Ильич указал, что из его работ он убедился, что статистика, так же как и другие научные дисциплины, ставит проблемы и разрешает их в интересах определенных классов и что он надеется видеть в лице государственной статистики учреждение, работающее в интересах пролетариата и революции.

Таким образом, Владимир Ильич одобрил общий принципиальный вопрос организации государственной статистики, дал точные указания, в каком направлении должен разрешаться вопрос о конституции государственной статистики, и одобрил программу работ, намеченных планом.

Благодаря же Владимиру Ильичу этот проект и был утвержден СНК 25 июля 1918 года. Тогда же и последовало постановление о моем назначении на должность управляющего Центральным статистическим управлением. С этого момента началась моя работа с Владимиром Ильичем. За время своей работы я получал очень часто от него задания по экстренному использованию тех статистических материалов, которые поступали в Центральное статистическое управление, а также задания, связанные с производством новых статистических операций.

В тяжелом материальном положении находилась республика, и много она не могла уделять государственной статистике. И только с помощью Владимира Ильича мы получили помещение. Только с его помощью нам удалось защитить это помещение от тех, кто хотел использовать его для клуба или даже для постановки отдельных спектаклей.

Но всегда Владимир Ильич приходил ЦСУ на помощь. Распоряжения Владимира Ильича по телефону, иногда его записка произво-

дили магическое действие, и государственная статистика могла продолжать работать спокойно.

А перепись 1920 года? Разве возможно было ее произвести без личного воздействия и помощи Владимира Ильича?

Не было бумаги — Владимир Ильич делал распоряжение, и фабрики, работающие для газет, занимались производством бумаги для переписи, а для газет бумага закупалась в Финляндии. Но фабрики, на которые было возложено производство бумаги для переписи, не могли производить работу за отсутствием продовольствия для рабочих, дров для отопления, сукна для машин и... кирпичей. И вот по предложению Владимира Ильича Совнарком создает комиссию под моим председательством, которой дается право требовать от всех учреждений всего того, что необходимо для работ фабрик, а учреждения обязаны были без замедлений выполнять требования комиссии. Только с помощью Владимира Ильича я мог отвоевать у А. В. Луначарского учителей для производства переписи. Не было денег — Владимир Ильич давал их. Да, перепись 1920 года всецело ему обязана своим осуществлением. А другие работы? Разве в то время, при отсутствии ресурсов у государства, они могли бы производиться без помощи Владимира Ильича?

Бросая взгляд назад и восстанавливая те взаимоотношения, которые установились между Владимиром Ильичем и государственной статистикой, для меня отчетливо выявляется то положение, что в лице Владимира Ильича государственная статистика потеряла вдохновителя, учителя, да, учителя, ибо Владимир Ильич обладал методом, методом максимального использования статистических цифр, методом, позволяющим ему делать обобщения над таким статистическим материалом, который в руках других ничего, или почти ничего, не говорил.

Да, это был учитель и творец метода. И совершенно правильно поступило ЦСУ, когда решило почтить память Владимира Ильича созданием при ЦСУ Статистического института имени Владимира Ильича для изучения народного и государственного хозяйства, где будут производиться исследования под углом и с помощью того метода, который завещал нам этот величайший экономист и глубокий аналитик статистических материалов.

*Ленинградская правда. 1924.
2 февраля*

П. Н. Лепешинский

МОИ ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ С ИЛЬИЧЕМ

Нас было много, а он один. У каждого из нас было свое маленькое дело, а у него — необъятно огромное. Претендовать на то, чтобы часто попадать в поле его зрения и быть предметом его внимания вне сферы партийных или служебных отношений, было бы нелепо и смешно. Поэтому очень немногие из нас, даже из числа его старых, более или менее близких товарищей, могут похвалиться неисчерпа-

емым богатством своих воспоминаний о частых встречах с Ильичем, в особенности за последние годы его жизни; у немногих счастливых есть что порассказать об этих встречах, о тех беседах, которые они вели с Ильичем, и о том поучительном, что они вынесли из общения с ним.

Пишущему эти строки часто приходилось быть, так сказать, вблизи Ильича в далекие годы ссылки и эмиграции. Но за последнее время, после приезда Ильича из-за границы в 1917 году, мне редко выпадало на долю счастье видеть Ильича и беседовать с ним. Тем дороже для меня те минуты, когда это случалось, и да не посетует читатель на мою претензию привлечь его внимание к тому немногому, что я мог бы ему порассказать о моих последних встречах с Ильичем. Меня только подбодряет в этом моем намерении та мысль, что каждая маленькая подробность, каждый маленький штрих, характеризующий индивидуальность нашего Ильича с той или иной стороны, представляет собой интерес для всякого, в ком его имя вызывает чувство огромной симпатии и уважения.

Из последних моих встреч с Ильичем особенно яркое впечатление на меня произвели следующие эпизоды...

Попал я в Петербург в конце ноября с величайшим трудом, чуть ли, кажется, не с последним поездом перед вторжением в Могилевскую губернию польских легионов. Ближайшая моя цель по приезде — повидаться с Ильичем. Иду в Смольный. Сейчас же соображаю, что делаю глупость. Все мне говорят, да это и без того было понятно, что Ильич безумно занят, что без надобности отнимать у него дорогие минуты его времени прямо-таки грешно. Ну что ж, я и сам знаю, как это нехорошо, но Ильич пообещал мне подарить 10—15 минут свидания, и я ни за что не откажусь от этого подарка судьбы.

Когда мы встретились, что-то бесконечно теплое волною хлынуло к моему сердцу. Расцеловались и стали быстро перекидываться репликами. Нужно было что-то многое-многое сказать ему, поведать о своих надуманных в тиши мыслях в связи с тем грандиозным, что совершалось вокруг, получить от него ряд прямых ответов на проклятые вопросы — одним словом, выложить перед ним все свое нутро и взять от него максимум того интересного, значительного, поучительного и интимно-откровенного, в чем так нуждалась душа. Но выходило совсем не то. В мозгу копошилась беспокойная мысль о том, что 10—15 минут быстро протекут, как один миг, и ничего-то ты в течение этих минут не скажешь, ни одной веской, интересной мысли не развернешь в кратком, торопливом, бессистемном разговоре, никакой существенной пользы для ума и сердца из этого свидания не извлечешь. И вот язык выкраивает какие-то незначительные фразы со справками о здоровье, о самочувствии и т. п., и только глаза не теряют даром времени и стараются прочесть на дорогом лице таинственную повесть о пережитых волнениях, о бессонных ночах, о чувстве великой ответственности перед историей за «дерзкий вызов небу» и об испытанных революционных восторгах.

И действительно, это бледно-желтое лицо, чрезвычайно поху-
дшее, но отсвечивающее яркими отблесками внутренних пере-
живаний Ильича за все эти чудно-прекрасные, сумасшедшие дни,
необычайно интересно. Оно, это лицо, целая поэма. Глаза, обычно
смеющиеся, лукавые ильичевские глаза, на этот раз горят, как у
лихорадочного больного. Они смотрят куда-то вдаль. Чувствуется,
что предмет их внимания не здесь, не в этой комнате, а где-то там,
далеко за пределами данного места и времени. Быть может, они,
эти пытливые глаза, уже различают контуры завтрашнего дня?
Быть может, перед умственным взором обладателя этих глаз сквозь
дымку настоящего, через голову случайного собеседника, с которым
он непринужденно перекидывается фразками, но которого, вероят-
но, почти не видит, встают картины грядущих столкновений двух
миров на земле, кровавые бои двух смертельных врагов в расколов-
шемся надвое человечестве? Кто знает?

— А что, Ильич,— спрашиваю шутливо,— не сыграть ли нам
как-нибудь в шахматишки, а? Помните старые-то времена?

Боже мой, какой веселый, раскатистый хохот удалось мне ис-
торгнуть своей фразой из груди Ильича! Его глаза перестали смот-
реть вдаль и привычно залукавились, оглядывая того чудака, кото-
рый так «вовремя» вспомнил о шахматах.

— Нет,— сказал наконец серьезно Ильич, немного успокоив-
шись от охватившего его смеха.— Теперь уже не до шахмат. Иг-
рать больше, вероятно, не придется.

Ильич предвидел уже, что отныне каждый атом его времени,
каждый кусочек его сил, каждая частичка его «я» должны целиком,
без остатка, пойти на продолжение того великого дела, начало ко-
торому положено Красным Октябрем.

А то вот другой момент.

Лето 1918 года. Я по уши погрузился в наркомпросовскую рабо-
ту. Успел уже выписать семью из Могилевщины, и мы, как и все
добрые советские граждане, храбро воюем с несвоевременными
претензиями наших избалованных желудков, очень неохотно при-
емлющих постные котлеты из картофельной шелухи и крикливо
требующих чего-нибудь посытнее и повкуснее.

Но вот однажды мы ждем к себе Надежду Константиновну в
гости. Она пришла вместе с Верой Михайловной Величкиной, а
вскоре, вслед за ними, неожиданно появился и сам Ильич, которого
потянуло посмотреть на какие-то новые произведения моего «юмо-
ристического» карандаша.

По случаю посещения дорогих гостей я дал задание нашему
домашнему хозяйственному ведомству во что бы то ни стало раздо-
бить белой муки и нужное количество конины (единственный сорт
доступного в те времена мяса), чтобы на обед поставить миску с
аппетитно дымящимися пельменями.

Но увы, ни Ильич, ни Надежда Константиновна и не притро-
нулись к нашему «роскошному» угощению. Наличность белой му-
ки свидетельствовала о том, что здесь дело, по-видимому, не обош-
лось без сделки с каким-нибудь мешочником — а это по тому вре-

мени было очень предосудительной вещью, — и, по всей вероятности, оба моих главных гостя решили не изменять своим скромным привычкам, приноровленным к эпохе жестокой борьбы с мешочничеством. Помнится, эти злосчастные пельмени после ильичевской «демонстрации» стали застревать и в моем горле, но вовсе не потому, что мой желудок раздружился с этим яством и перестал обнаруживать к нему свое великое благоволение.

Но зато Ильич с удовольствием «угостил» себя моими карикатурами. На одной из них фигурировал он сам в качестве Юпитера-громовержца; учиняющего суд над «преступником» — главой нашего ведомства (по поводу какого-то очередного упущения в наркомпросовской политике). Вину ему угрожает экзекуция. Его держат за руки исполнители приговора, но он («современный Лаокоон») увертывается, как угорь. Тут, однако, подвертывается под руки экзекутора любопытствующая фигура замнаркома, на которого накидывают мешок и учиняют над ним то самое, чему должен был подвергнуться его принципал, ехидно улыбающийся уже из-за двери. По обнаружении судебной ошибки Юпитер удивленно констатирует: «Гм... Федот, да не тот»...

Карикатура имела целью отобразить действительный факт нередкого ускользания от ответственности перед Совнаркомом ловкого и увертливого Анатолия Васильевича¹, причем отдуваться за грехи Наркомпроса в таких случаях приходилось менее подвижному Михаилу Николаевичу².

Вообще замнаркома имел причины быть недовольным своим «промежуточным» положением: не то он хозяин Наркомпроса (во время очень частых отлучек наркома в Питер), не то «меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он», когда нарком снова восседал на своем министерском стуле. Об этом именно и свидетельствовала вторая карикатура под заглавием «Современные Илья и Елисей». Нарком — Илья — с радостно устремленной вперед бородкой возносится в своей колеснице к скрывающемуся в облаках городу, который нетрудно узнать по Петропавловскому шпицу, а замнаркома — Елисей — провожает его со сжатыми кулаками и с проклятьями на устах, жалуясь небу на то, что библейский Елисей имел по крайней мере то утешение, что вознесенный на небо Илья уж больше никогда не вернется на землю, а он, современный Елисей, должен с большой гримасой неудовольствия всегда поджидать возвращения своего Ильи восвояси.

Ильич с удовольствием хохотал над этими и прочими карикатурами. В особенности он покатывался со смеху над сценой, изображавшей заседание нашей наркомпросовской коллегии, где В. М. Познер, с сознанием собственного достоинства и с полным пониманием своей «регентской» роли в Наркомпросе, ораторствует, Лепешинский с благоговением смотрит ему в рот, Михаил Николаевич сидит сычом и злится, а старик Штернберг (теперь уже покойный, был когда-то профессором астрономии) развалился в удобном кресле и сладко похрапывает.

¹ А. В. Луначарский. *Ред.*

² М. Н. Покровский. *Ред.*

Все карикатуры благополучно переходили из рук Ильича в руки Веры Михайловны, которая тоже не без удовольствия пробегала их своими глазами. Вдруг одна из карикатур после просмотра Ильичем была отложена им в сторону и не пошла в очередном порядке из рук в руки. Вера Михайловна всполошилась и с некоторой истеричностью стала требовать, чтобы карикатура была непременно показана ей. Но Ильич совершенно категорически заявил:

— Нельзя!

— Почему нельзя? — раскипятилась Вера Михайловна. — Если мне нельзя видеть, то, значит, Пантелеймон Николаевич нарисовал что-нибудь неприличное, чего нельзя показать.

Ильич вступился за меня.

— Что вы! Пантелеймон Николаевич не может нарисовать неприличного...

— В таком случае я решительно не понимаю, почему же мне...

— Нельзя, — еще раз отчеканил Ильич и конспиративно сунул карикатуру в руки моей дочери.

Милый, дорогой Ильич! Сколько в нем было такта и деликатности! Он хорошо знал болезненную обидчивость Веры Михайловны и решил поэтому лучше навлечь на себя все ее женское негодование своим отказом на ее требование, чем передать в ее руки глупенькую карикатуру, где ее отдел (школьно-санитарный) был изображен в виде тучной фараоновой коровы (с головой самой Веры Михайловны), поедаемой с хвоста тощей коровой, очень похожей на В. М. Познера. Карикатура отзывалась на злободневную тогда в Наркомпросе войну отдела единой школы со школьно-санитарным отделом, причем Вера Михайловна всем жаловалась на то, что негодный Познер хочет слопать ее отдел.

Осенью 1918 года, почуяв накопление «диалектических противоречий» у нас в наркомпросовской коллегии и почувствовав себя «лишним» человеком в этой семье (об этом я судил на основании некоторых симптомов начинавшегося недружелюбного отношения ко мне со стороны Михаила Николаевича Покровского), я не стал ожидать естественного разрешения этих противоречий и с благословения Ильича уехал в провинцию производить «опыт культурной работы в деревне» с несколькими товарищами, решившими тоже попионерствовать вместе со мною в данном направлении.

Не буду здесь повествовать о наших достижениях и неудачах в производстве этого опыта (я имел уже случай подробно рассказать об всем этом на страницах московского ежемесячника «Социалистическое строительство» № 3 за 1919 г., в статье «Что делать?»), скажу только, что, приехав в январе 1919 года в Москву, я поспешил закатиться к Ильичу, чтобы первым долгом поделиться с ним результатами своих наблюдений над деревней. Ильич не обнаруживал нетерпения крайне занятого человека, с тоской ожидающего конца нанесенного ему визита, и я с величайшим удовольствием воспользовался этим обстоятельством, чтобы «лепортом отлепортовать» ему, чему я был свидетелем в деревне, что успел

узнать о деревенских настроениях и что представляет собою современный (в 1919 году) мужик...

Вот о чем мне пришлось рассказать Ильичу еще в начале 1919 года:

«В нашем селе пользуется большой популярностью, и не только среди кулацких элементов, но и в группах подлинной бедноты, лозунг образовывать «поселковые хозяйства»... Сущность этой «поселковой системы» заключается в следующем. Все хозяйства данной деревни делятся на естественно сложившиеся, по принципу свободного содружества, хозяйственные группы — богатые хозяйства вперемежку с бедняками — и расселяются в пределах данной земельной сельской территории применительно к ее конфигурации и ее особенностям (с точки зрения наилучшего использования ее отрезков, островков, выступов и т. д.). В каждом поселке происходит безобидный раздел земли пропорционально количеству душ в семье, но с неперменным условием уничтожения чересполосицы. Беднейшая часть поселка имеет право рассчитывать на помощь богатых дворов, так что лошадь богатого домохозяина Петра будет к услугам малолощадного или безлошадного Ивана, когда этому последнему понадобится вспахать свое поле. И все это не на началах отработок или кабалы, а просто «по-соседски», по-хорошему, безвозмездно. А чтобы не оставалось никаких сомнений в высокой доброкачественности этого «поселкового» проекта, защитники его спешат успокоить вас: «А что касается налога, насчет то ись того, сколько с нас будет полагаться в пользу большевиков, то об этом у нас спору не будет: потребуют десятую часть — дадим, попросят пятую — и за этим не постоим». А беднота, внимая этим сладким и преисполненным государственной мудрости речам, одобряя в этом настроении все — и справедливые начала раздела земли, и уничтожение чересполосицы, и целесообразное решение вопроса об отрезках, и необычайное великодушие Петра по отношению к Ивану, сладострастно пришептывает: «Вот это так, вот это нам в самый раз»¹.

Итак, с уверенностью можно сказать, что от внимательного взора Владимира Ильича не ускользнули намечавшиеся тенденции в деревне к поглощению бедноты кулацкими элементами применительно к новой, послеоктябрьской обстановке еще в первые же годы нашего советского бытия. Вероятно, десятки и сотни таких маленьких и случайных «вестников» о том новом, что появляется на поверхности взбаламученного мужицкого моря (в некотором роде ильичевских голубей, выпущенных из московского ковчега), были внимательно выслушаны Ильичем, тщательно выпрошены и с успехом выполнили свою «голубиную» роль. По крайней мере, я очень хорошо помню, как Ильич заинтересовался моим рассказом о настроениях в деревне, причем его усталое лицо ожило, и он рядом направляющих вопросов заставил меня выложить перед ним все то, что ему хотелось узнать.

¹ Цитирую из упомянутой статьи «Что делать?» в «Социалистическом строительстве». Как раз это самое я и рассказывал Ильичу. П. Л.

Когда же я перешел к «выводам» и стал философствовать на тему о том, какой политики нам следовало бы придерживаться в крестьянском вопросе и как плановым образом направить крестьянское хозяйство по социалистическому руслу, Ильич снова замкнулся в себе, и получилась очень односторонняя беседа: я говорил, а он только слушал и молчал. Помню, что я стал чувствовать по этому поводу большую неловкость и, наконец не вытерпев, воскликнул:

— Что же вы, Ильич, ничего не скажете? Ведь есть же у вас свое мнение на этот счет?

— Нет,— коротко и смиренно ответил Ильич. Причем я не настолько был лишен чувства смешного, чтобы не оценить юмористического смысла и значения этого маленького, но убийственного «нет».

Я поспешил «свернуться» и скоро распрощался с Ильичем.

Хочется рассказать еще об одной маленькой подробности при этом свидании. Когда я стал рассказывать о своих деревенских впечатлениях, Ильич, между прочим, поинтересовался узнать, какое у меня в провинции общественное и должностное амплуа.

Я смутился. Еще не так давно я был членом коллегии Наркомпроса, а потом стал «ником». Сказать, что там, в деревне, заведуя, мол, организованной мной трудовой школой и состою председателем деревенской и волостной комячейки? Стыдно было об этом и упоминать. И вот я стал лепетать (вероятно, не без краски смущения на лице), что в деревне я — никто, но (я очень быстро поторопился перейти в своем лепете к этому смягчающему мою вину «но») ... но тем не менее я пользуюсь в губернии некоторым влиянием и уважением, и когда наезжаю в свой уездный городишко или в губернский центр (Гомель), то все товарищи-коммунисты очень охотно прислушиваются к моему голосу и принимают к сведению и руководству мои товарищеские советы.

Ильич в тот раз ничем не реагировал на мой оправдательный лепет. Когда же дня через два я по приглашению Надежды Константиновны затесался на какое-то собрание внешкольных работников, причем по настойчивой ее просьбе туда явился и Ильич, чтобы подбодрить ее человечков своим вниманием к ним и своей речью, хотя бы и самой коротенькой, я, к своему удивлению, вдруг уловил в одном месте речи Ильича знакомую-презнакомую мне нотку. Смысл сказанного Ильичем сводился к тому, что в Советской России не должно быть чванного чиновничества. Можно совершенно не быть крупным должностным лицом и все-таки энергично выявлять свою творческую инициативу и свою энергию на живом общественном деле, завоевывая себе симпатии и уважение со стороны окружающих работников, которые, быть может, тем охотнее воспримут все поучительное, что может дать им неглупый и честный советский или партийный работник, чем менее он будет стремиться производить на них во что бы то ни стало впечатление «высокопоставленностью» своего положения.

Мое сердце радостно забилося. Я не мог отделаться от впечатления, что эта мораль Ильича находится в тесной связи с моим

недавним рассказом ему о «нулевом» удельном весе моего общественного положения: Мне даже хотелось думать (каждый ведь имеет право на некоторую долю приятных для него иллюзий!), что Ильичу захотелось вдруг, мимоходом, подбодрить меня на этот счет, ибо вряд ли мимо его пронизательных глаз могли укрыться мое давешнее смущение и моя растерянность. Ведь он всегда был олицетворением доброты и деликатности, которые хорошо известны всем, кто сколько-нибудь знал его.

И мне хотелось рассказать много-много случаев проявления этой деликатности лично по отношению ко мне или к членам моей семьи, но я очень боюсь, что это означало бы отвлечь внимание читателя в сторону ознакомления с личными обстоятельствами жизни пишущего эти строки и вообще таких случайных персонажей, которые сами по себе никому абсолютно не интересны. Единственное исключение, которое я позволил бы себе сейчас сделать в нарушение этого совершенно правильного соображения, должно быть оправдано тем обстоятельством, что в том примере доброты Ильича, который я собираюсь здесь привести, фигурирует одно письмо его, очень характерное для иллюстрации доброты и мягкости его натуры.

Как-то был один период в нашей семейной жизни (1921 год), когда здоровье моей дочери, которую Ильич и Надежда Константиновна знали с давнего времени (когда она была еще ребенком), сильно пошатнулось. Можно было предполагать острую форму туберкулеза. На сердце было тяжело. Одолевали горькие думы. Была цель пробраться всем нам на Кавказ и пожить там летние месяцы в условиях благодатного теплого климата, но пугала мысль о трудности этого дела, о нехватке средств и т. п.

Знавший наше положение Михаил Степанович Ольминский решился конспиративно от нас поговорить о наших затруднительных обстоятельствах с Ильичем. Затем из его рассказа мы узнали, что, как только он заикнулся Ильичу о наших трудностях, Ильич тотчас же схватил листочек бумаги, набросал на нем несколько строк и попросил Михаила Степановича передать эту записку нам. Вот подлинный текст записки Ильича.

На бланке (Российская Федеративная Советская Республика. Председатель Совета Народных Комиссаров. Москва, Кремль. С отметкою Ильичем даты: 5.V.1921 г.) написано:

«Тов. Фрумкину,
Ростов Н/Д
и тов. Орджоникидзе,
Тифлис или Баку
или их заместителям

Очень прошу вас помочь устроить на лечение Ольгу Пантелеймоновну Лепешинскую, больную туберкулезом. А равно позаботиться о лучшем устройстве ее родителей, Пантелеймона Николаевича и Ольги Борисовны Лепешинских, старых большевиков, ко-

торые сами постесняются обратиться за помощью. А поддержать их и помочь им следует.

Прошу черкнуть мне, что удалось сделать для помощи им.

С ком. пр. *Ленин*¹.

Хороший, славный Ильич! Как он бесконечно внимателен и деликатен к своим «старым большевикам». Он принимает в расчет, что Фрумкин может оказаться в нетях, и поэтому он вспоминает о тов. Орджоникидзе, а на всякий случай адресуется и к их заместителям. Он предусматривает и то обстоятельство, что его протеже постесняются обратиться за помощью, поэтому он предлагает своим адресатам самим проявить инициативу в деле оказания помощи старым товарищам. Наконец, чтобы меньше было шансов на то, что это дело ускользнет как-нибудь из поля зрения бесконечно занятых Фрумкина и Орджоникидзе, он требует «черкнуть» ему, что сделано по части исполнения его задания, и таким образом исключает возможность недостаточно внимательного отношения с их стороны к его просьбе.

Тут, в этих немногих строках, сказался весь Ильич с его отеческой заботливостью о старых товарищах, с его ясной конкретизацией того, что нужно делать, с его практицизмом и его предусмотрительностью всех крошечных обстоятельств интересующего его дела. Мне не пришлось на этот раз воспользоваться всеми возможностями, которые могли бы быть результатом вышеприведенного письма, но самый факт заботливости со стороны Ильича обо мне и о членах моей семьи останется одним из самых дорогих наших семейных воспоминаний.

Вспоминается мне еще ряд встреч моих с Ильичем, но я чувствую надобность сокращать свой рассказ. Скажу только, что если, бывало, возникала потребность получить от него «благословение» на какое-нибудь дело, совет или директиву, он никогда не отговаривался в таких случаях неимением времени для беседы с нуждающимся в его нравственной поддержке товарищем. Помню, например, как перед отъездом в Ташкент, где собирался «понаркомпросовствовать», я попросил у Ильича свидания. И как я был бесконечно благодарен ему за все его указания и советы! Главным лейтмотивом его напутственного слова мне был лозунг: «Ни тени шовинизма! Ни одного атома русификаторских замашек!» И я, как мне кажется, не погрешил против этого завета, ибо предостерегающий голос Ильича держал мою политическую совесть в состоянии постоянной настороженности за время моей культурно-просветительной работы в одной из самых угнетенных окраин бывшей Российской империи.

Последняя моя встреча с Ильичем имела место в Горках, когда он лежал на смертном одре — величавый и спокойный. Но об этом мне не хочется много говорить. Тяжело.

*Лепешинский П. Вокруг Ильича.
Харьков, 1926. С. 198—214*

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 26278.

ЛЕНИН И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Еще не настало время ¹ изложить в виде стройной системы внешнюю политику Владимира Ильича. Уже давно всеми признано, что у Советской республики имеется стройная выработанная система внешней политики. Она является еще большей новизной, чем советская система внутренней политики. Никогда до Октябрьской революции не делалось попытки установить программу внешней политики социалистического государства среди капиталистических. Но и сам Владимир Ильич никогда не излагал в виде систематически разработанного плана всю внешнюю политику Советской республики. Ее стройность и цельность была в его голове. Свои взгляды в этой области он излагал в бесчисленных конкретных случаях. Лишь несколько общих принципов, лишь некоторые основные концепции его внешней политики излагались им в общей форме. Только впоследствии, когда все материалы по нашей внешней политике за период, когда В. И. Ленин руководил делами, будут собраны и систематизированы и когда целый ряд острых вопросов наших дней отойдет в историю, можно будет восстановить стройную систему внешней политики Советской республики, как ее понимал Владимир Ильич.

В тот период, когда Владимир Ильич принимал активнейшее участие во всех деталях государственной жизни, я в области своей работы находился с ним в почти непрерывном контакте. В первые годы существования нашей республики я по несколько раз в день разговаривал с ним по телефону, имея с ним иногда весьма продолжительные телефонные разговоры, кроме частых непосредственных бесед, и нередко обсуждая с ним все детали сколько-нибудь важных текущих дипломатических дел. Сразу схватывая существо каждого вопроса и сразу давая ему самое широкое политическое освещение, Владимир Ильич всегда в своих разговорах делал самый блестящий анализ дипломатического положения, и его советы (нередко он предлагал сразу самый текст ответа другому правительству) могли служить образцами дипломатического искусства и гибкости.

Впервые я вошел с В. И. Лениным в контакт по внешней политике в период споров после германского ультиматума ². Для всех нас перелом от прежних взглядов подпольной революционной партии к политическому реализму стоящего у власти правительства был чрезвычайно труден, и в момент моего первого разговора с Владимиром Ильичем я еще не успел подчиниться необходимости подписания «похабного» мира. Однако перелом во мне совершился, и я поехал в Брест-Литовск. Когда мы доехали до одной из последних

¹ Воспоминания написаны в 1924 году. *Ред.*

² 27 января (9 февраля) 1918 года в Бресте во время переговоров о заключении мира германские империалисты предъявили Советской республике ультиматум: либо аннексионистский мир, либо дальнейшая война. *Ред.*

станций перед Псковом, нам пришлось стоять почти сутки вследствие невозможности ехать дальше в обстановке бегущей царской армии. Тут мы получили от Владимира Ильича телеграмму приблизительно такого содержания: «Если вы колеблетесь, это недопустимо». Мы ответили ему, что задержаны против нашей воли и при первой возможности двинемся дальше. Мы вернулись из Бреста в момент эвакуации правительства из Петрограда (ныне Ленинград) в Москву. На новом месте я сразу вошел в самый близкий контакт с Владимиром Ильичем, и до самого момента покушения на него я работал, собственно говоря, вместе с ним.

Его неподражаемый политический реализм нередко спасал нас от ошибок, на которые были способны другие товарищи, более склонные поддаваться впечатлениям.

После Брестского мира германские войска, не считаясь ни с какими демаркационными линиями, постепенно продвигались вперед, в особенности со стороны Украины, так как границ губерний немецкие войска не признавали.

Благодаря личному вмешательству Владимира Ильича были предотвращены некоторые выступления, носившие характер паники или отчаяния. Вместо этого наше правительство по рекомендации Владимира Ильича обратилось к германскому правительству с указанием на создавшееся невыносимое положение и с предложением новых переговоров. Так было положено начало тем переговорам, которые завершились в августе дополнительными соглашениями с Германией и началом эвакуации оккупированных областей немцами. За всеми перипетиями этих переговоров Владимир Ильич тщательно следил, сочетая своевременные уступки с твердостью в тех случаях, когда надо было положить предел чрезмерной требовательности противной стороны.

Пребывание в Москве, этой революционной столице, графа Мирбаха, представителя германской военной монархии, естественно, вело к постоянным трудностям и иногда к почти безвыходным ситуациям. Владимир Ильич обнаруживал при разрешении этих постоянных трудностей тот же неподражаемый политический реализм, который внушил ему необходимость подписания Брестского договора. Но, считаясь постоянно с фактом нашего тяжелого положения и с необходимостью уступок, Владимир Ильич всегда следил за тем, чтобы достоинство нашего государства было соблюдено, и умел находить тот предел, за которым надо было проявлять твердость. «Это требование нелепо, его нечего выполнять», — иногда заявлял он. Между прочим, происходили частые недоразумения при переговорах об обмене военнопленными. Владимир Ильич, лично вмешиваясь в детали этих переговоров, устанавливал пределы, за которыми уступки являлись излишними.

Самым тяжелым моментом было убийство графа Мирбаха, когда можно было опасаться со стороны германской военной партии немедленного перехода к наступлению. В этот момент у меня было несколько продолжительных разговоров с Владимиром Ильичем. Он совершенно правильно оценил трудности, какие представило

бы для Германии наступление на Москву. И, считая необходимым отклонить требование германского правительства о вводе в Москву германского вооруженного отряда, Владимир Ильич с полнейшим спокойствием ожидал результатов нашего ответа. Чутье не обмануло Ленина, и достигнутый компромиссный результат соответствовал тому, как он в разговорах со мной оценивал положение.

Когда в августе Антанта уже фактически вела против нас войну, заняв Архангельск и продвигаясь от него к югу, действуя на востоке при помощи чехословаков и на юге толкая вперед «добровольческую армию» Алексеева, Владимир Ильич сделал попытку использования антагонизма двух воюющих империалистических коалиций для ослабления натиска шедшей вперед Антанты.

После долгого совещания с Владимиром Ильичем я лично поехал к новому германскому послу Гельфериху, чтобы предложить ему условиться о совместных действиях против Алексеева на юге и о возможности отправки германского отряда, по соглашению с нами, для нападения на антантовские войска у Белого моря. Дальнейшее развитие этого плана было прервано внезапным отъездом Гельфериха.

Главным средством нашего дипломатического действия в Берлине в этот первый труднейший период было заинтересовывание германских деловых кругов в экономическом сотрудничестве с Советской республикой. Тов. Иоффе, блестяще проводивший эту политику, указывал германским деловым кругам, что, превратив Россию во вторую Украину, они тем самым превратят ее в пустыню и лишат себя же всех тех выгод, которые им могло бы дать экономическое сотрудничество с возрождающейся Советской Россией. В связи с этим Владимир Ильич впервые оформил конкретно свои планы привлечения иностранного капитала и предоставления ему крупных концессий. Я имел на эту тему ряд чрезвычайно интересных разговоров с Владимиром Ильичем. Наконец план предоставления иностранному капиталу концессий, разработанный, кажется, тов. Бронским, был одновременно вручен и германскому правительству, и нашему американскому приятелю полковнику Реймонду Робинсу, который его повез с собой в Америку.

Беспримерная трудность нашего положения в этот первый период зависела от того, что, с одной стороны, на нас оказывал давление победоносный германский империализм, а с другой стороны, давила на нас все более требовательная Антанта. Я помню посещение антантовских представителей по поводу занятия Владивостока японцами. Владимир Ильич тогда детальнейшим образом рекомендовал мне полудипломатический, полуязвительный ответ на лицемерное заявление начинавшей свою интервенцию Антанты.

Нашей главной заботой в то время было по мере возможности продлить передышку и отсрочить ожидавшиеся дальнейшие шаги Антанты против нас. При моих постоянных попытках соглашения с Антантой, которые, даже в случае неудачи, могли по крайней мере

отсрочить угрожавший нам разрыв, Владимир Ильич в ежедневных телефонных разговорах давал мне точнейшие советы, проявляя изумительную гибкость и умение уклоняться от ударов противника. Опять-таки благодаря его личному вмешательству удавалось округлять возникавшие острые углы. Когда после газетного интервью французского посла Нуланса о грядущей интервенции мы потребовали его отозвания и заявили, что рассматриваем его как частное лицо, мы сначала предприняли против него целый ряд репрессалий вроде лишения корреспонденции и т. д., но сразу же выяснилось, что мы этим можем сорвать ту передышку, которую мы всячески старались продлить. Владимир Ильич сейчас же вмешался, чтобы прекратить те излишние репрессалии, от которых можно было ожидать нежелательных результатов. Опять-таки после интереснейших разговоров с ним я имел продолжительное свидание с начальником французской военной миссии генералом Лавернем, с которым мы тщетно старались столковаться. Франция, напрягавшая последние силы в отчаянной схватке, хотела во что бы то ни стало немедленно восстановить восточный фронт Германии, и все мои указания как в разговоре с Лавернем, так и в других случаях на невозможность для нас возобновления борьбы имели результатом лишь новые проявления стремления Антанты к созданию восточного фронта для Германии, хотя бы вопреки нам. Владимир Ильич в этих разговорах открывал мне глаза на громадное значение Франции для континентальной военной политики. Мне особенно памятен тот интерес, с которым Владимир Ильич отнесся к посещению маркиза Люберсака¹ (родственник которого в 1922 году заключил известное соглашение со Сталиным). Этот молодой французский офицер выражал восторг по поводу виденных им первых зачатков новой, народной русской армии, то есть Красной Армии.

Одновременно, оценивая мировую роль Англии, Владимир Ильич внимательнейшим образом следил за нашими попытками договориться с ней через специально посланного к нам Локкарта. Одно время это соглашение казалось возможным, пока бунт чехословаков не направил политику Англии по линии активной интервенции. В беседе со мной Владимир Ильич предсказал, что Англия будет стараться по очереди договариваться со всеми против нас. Я ответил, что при своей гибкости Англия будет стараться договариваться и с нами. «С нами — последними, после других», — ответил Владимир Ильич.

Как только Антанта начала на нас открытое нападение, усиливая его конспиративной работой и попытками вызывать восстания внутри нашей собственной страны, Владимир Ильич считал нужным отвечать на это рядом сильных ударов. В такие моменты должна была применяться не гибкость, но мгновенное применение силы. Однако и в эти моменты массовых арестов и т. п. Владимир Ильич всегда, где нужно, применял гибкость, предотвращая возможность лишнего осложнения. Сидевших в Вологде антантовских по-

¹ В. И. Ленин беседовал с Жаном Люберсаком 27 февраля 1918 года. *Ред.*

слов мы убедили в необходимости выехать, сначала предложив им переезд в Москву, от которого они отказались. В результате этого их выезд из России совершился корректным образом, что облегчило нам дальнейшие сношения с их государствами. Как раз в это время величайшего обострения отношений с Антантой Владимир Ильич впервые настоял на том, чтобы мы обратились к Антанте с мирными предложениями. В первый раз через американского консула Пуля мы запросили Англию, чего она, собственно, хочет. Затем формальное мирное предложение мы переслали через дружественного нам секретаря норвежской миссии Христиансена.

В момент крушения Германской империи первым решением Владимира Ильича было предложение помощи германскому народу для ведения им народной войны против вторжения иностранного империализма. Но Германская республика пошла по другому пути. Как только я прочитал Владимиру Ильичу ленту моих разговоров по прямому проводу с Гаазе, он сказал: «Ничего не выйдет, это надо прекратить».

Антанта в то время требовала, чтобы германские войска остались на своих местах до прихода антантовских или союзных с ними войск, с тем чтобы последним была передана власть. Выполняя решения Антанты, Германская республика активно участвовала в подготовке интервенции против нас. Такова была политика Гаазе и Каутского. Но немецкие войска сами пошли домой, не считаясь с распоряжениями своего начальства.

Параллельно с уходом немецких войск создавались национальные советские республики. Тут впервые была осуществлена национальная программа Владимира Ильича. Она оказала серьезнейшее влияние и на наших противников, которые в это время стали путаться между поддержкой «единой неделимой» белогвардейской России и развитием контрреволюционных движений у малых национальностей. Это внутреннее противоречие антантовской политики, в особенности французской, сыграло для наших врагов роковую роль.

В течение всего периода интервенции Владимир Ильич настаивал на наших обращениях к противникам с мирными предложениями. Он нисколько не опасался вызвать этим впечатление слабости. Он считал это, наоборот, одним из сильнейших средств для оказания давления на воинствующий интервенционизм в странах Антанты.

Когда получились первые известия о предстоящем приглашении нас на конференцию на Принцевых островах¹, Владимир Ильич сейчас же признал необходимым, не дожидаясь получения этого приглашения, обратиться к Антанте с нашим собственным предложением. Тут впервые в развитой форме была проведена его мысль об апелляции к экономической выгоде самой Антанты. Эта мысль стала одной из главных во внешней политике Владимира Ильича

¹ Конференция не состоялась (см. об этом: Дипломатический словарь. М., 1985. Т. 2. С. 423). *Ред.*

и постепенно получала все большее развитие. В ноте 4 февраля 1919 года, явившейся результатом подробного обсуждения вопроса самим Владимиром Ильичем, мы впервые согласились на признание наших долгов, оставляя открытым способ проведения этого признания в жизнь, и тут же предложили Антанте систему концессий на наши натуральные богатства. Дальнейшее развитие эта программа получила в наших предложениях, врученных американскому эмиссару Буллиту. Каждое слово наших предложений Буллиту было тщательно взвешено Владимиром Ильичем; тут же был назначен срок, после которого эти предложения теряли силу. Владимир Ильич тогда же говорил: «Если они сейчас не примут наших предложений, то другой раз они от нас таких выгодных условий уже не получат».

Прошло несколько месяцев, и при активнейшем участии Владимира Ильича нами были сделаны мирные предложения нашим соседям — вновь образовавшимся буржуазным балтийским государствам и Финляндии. Тем самым был положен конец признанию нами советских правительств этих национальностей. Это был снова поворотный пункт нашей внешней политики, при котором обнаружились вся бесподобная гибкость и политический реализм Владимира Ильича. Нам надо было считаться с фактом окончательного образования рядом с нами буржуазных национальных республик. И Владимир Ильич твердо и ясно положил начало политике мира и дружеских отношений с нашими соседями. Первая подписала с нами перемирие, а потом договор Эстония¹. Я помню опять-таки, с какой внимательностью Владимир Ильич входил во все детали переговоров, устраняя ненужное сопротивление и идя на значительные уступки ради мира, но в то же время отвергая всякие преувеличенные домогательства противной стороны.

Также настоял он в 1920 году, ввиду колебаний других товарищей, на уступке нами Финляндии области Печенги.

С конца 1919 года начинается полоса возобновления нами сношений с большими государствами Антанты. Тов. Литвинов в ноябре едет в Копенгаген, а в начале 1920 года тов. Красин едет в Лондон. Внимательнейшим образом следя, чтобы противная сторона не поставила нам какой-нибудь ловушки, и тщательно разбирая каждое предложение, Владимир Ильич в общем твердо держал курс на торговое соглашение с Англией. Когда в середине 1920 года тов. Красин приехал из Лондона с четырьмя условиями Ллойд Джорджа, Владимир Ильич настоял на их принятии в общих чертах в качестве основы для переговоров. В момент продвижения наших войск к Варшаве Владимир Ильич с чрезвычайной холодностью отнесся к ультиматуму Ллойд Джорджа, считая, что он не может причинить нам слишком большого вреда.

Как раз в этот период я имел с Владимиром Ильичем ряд интереснейших разговоров в связи с английским предложением конференции, которое в известный момент сделалось англо-французским

¹ Мирный договор РСФСР с Эстонией подписан 2 февраля 1920 года. *Ред.*

предложением. Франция в этот момент держалась некоторое время (до внезапного признания Врангеля) довольно умеренного курса по отношению к нам и соглашалась на мирную конференцию вместе с Англией. Владимир Ильич вполне оценивал громадные выгоды для нас такого предложения; однако тут было большое «но»: эта конференция должна была обсуждать отношения между нами и балтийскими государствами. Другими словами, Антанта делалась верховным арбитром в наших отношениях с нашими соседями. Из-за этого мы вполне правильно отказались от англо-французской конференции. Тогда же Владимир Ильич с глубочайшим интересом отнесся к первым попыткам налаживания экономического сотрудничества с германским капиталом.

При начале переговоров с Польшей лично Владимиру Ильичу принадлежала замечательная мысль: предложить Польше больше территории, чем предлагали ей Клемансо и Керзон. И во время рижских переговоров Владимир Ильич по телефону обсуждал детали делавшихся предложений и, в конце концов, настаивал на подписании договора в его нынешнем виде.

Нечего говорить о том огромном интересе, с которым Владимир Ильич относился к каждому шагу нашей восточной политики. Я вспоминаю о его продолжительном свидании с первой афганской чрезвычайной миссией. Я вспоминаю дальше, как внимательно во время Московской конференции с Турцией Владимир Ильич каждый вечер расспрашивал меня по телефону о том, что было сделано за день, и с каким живым интересом он относился к судьбе этих переговоров. Он настойчиво проводил и политику вступления в дружественные отношения с персидским правительством.

В 1921 году подписанию нами предварительного соглашения с Англией предшествовало у нас долгое обсуждение этого вопроса. Владимир Ильич категорически настоял на подписании. Однако в 1921 году его личное участие в делах внешней политики становится значительно меньшим. Оно окончательно вытесняется коллективным обсуждением, причем Владимир Ильич гораздо меньше прежнего входит в детали всех дел. Очень горячее участие он принимал, впрочем, в переговорах с «АРА»¹ и с Нансеном о помощи голодающим.

Хотя зимой 1921/22 года Владимир Ильич долгое время жил за городом, но вопросами, связанными с созывом Генуэзской конференции, он близко и горячо интересовался. По этому поводу им был написан ряд записок, и общее содержание наших выступлений в Генуе было установлено на основании его личных записок. Его инициативе принадлежала мысль связать разрешение вопроса о долгах с предоставлением нам кредитов. Когда перед нашим отъездом в Геную мы обсуждали текст нашего выступления при открытии конференции и когда при этом предлагались обличительные фразы

¹ Американская администрация помощи (АРА) существовала в 1919—1923 годах. Возглавлял ее Г. Гувер. *Ред.*

в духе наших прежних выступлений, Владимир Ильич написал приблизительно так: «Не надо страшных слов».

После моего возвращения осенью 1922 года из-за границы я пробыл в Москве шесть недель. Главным вопросом был турецкий, готовилась Лозаннская конференция. При живейшем участии Владимира Ильича была обсуждена и принята та программа, которую мы защищали в Лозанне. Это было его последним крупным вкладом в нашу международную политику. Обсуждение вопроса о проливах с Владимиром Ильичем было последним, которое я с ним имел. Это было также моим последним свиданием с ним.

Известия. 1924. 30 января

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВОСПОМИНАНИЙ

АНДРЕЕВ МИХАИЛ АНАНЬЕВИЧ (1892—1945) — член партии с апреля 1917 г. В 1905—1918 гг. — рабочий Надеждинского механического завода. С 1914 г. вел революционную работу, за распространение нелегальной литературы находился под надзором полиции. С 1918 по 1920 г. — председатель Надеждинского заводского союза металлистов, с 1920 по 1924 г. — председатель райкома союза горнорабочих в Екатеринбурге. В 1924—1926 гг. был членом правления треста «Урал-платина», зав. секцией Областной контрольной комиссии и РКИ (Свердловск). В 1926—1941 гг. — на руководящей хозяйственной работе. С сентября 1941 г. в Красной Армии.

АНТОНОВ-ОВСЕНКО ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1883—1938) — государственный и военный деятель, дипломат. В революционном движении с 1901 г. Член партии с июня 1917 г. В Октябрьские дни 1917 г. — секретарь Петроградского военно-революционного комитета, один из руководителей штурма Зимнего дворца. На II Всероссийском съезде Советов вошел в состав Совета Народных Комиссаров в качестве члена Комитета по военным и морским делам. В ноябре—декабре 1917 г. командующий войсками Петроградского военного округа. В годы гражданской войны на высших командных должностях в Красной Армии. В сентябре 1918 — мае 1919 г. — член Реввоенсовета Республики, в 1922—1924 гг. — начальник Политуправления Реввоенсовета Республики. В последующие годы находился на советской, военной и дипломатической работе. Необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

БАРСУКОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ (1890—1974) — профессор, доктор медицинских наук, один из организаторов советского здравоохранения. Член партии с 1917 г. В дни Октябрьской революции руководил медико-санитарным отделом Петроградского военно-революционного комитета, в 1918—1920 гг. — санитарной частью ряда фронтов. В 1920—1930 гг. — нарком здравоохранения БССР, в 1930—1939 гг. — руководитель сектора здравоохранения Госплана СССР. В годы Великой Отечественной войны — начальник фронтовых эвакогоспиталей.

БОГДАНОВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ (1896—1982) — член партии с 1914 г. В Октябрьские дни 1917 г. — секретарь профсоюза строителей Петрограда, депутат Петроградского Совета и член Исполнительной комиссии Петроградского совета профсоюзов. Делегат VIII Всероссийского съезда Советов. С 1918 по 1928 г. — секретарь и председатель ЦК профсоюза строителей. В последующие годы находился на хозяйственной работе.

БОГОЛЕПОВ ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ (1885—1941) — государственный деятель, экономист. Член партии с 1907 г. В 1914—1915 гг. работал в социал-демократической фракции IV Государственной думы. Делегат VI съезда партии. После Октябрьской социалистической революции — член коллегии Наркомфина, замнаркома финансов (1918 г.). В 1919—1920 гг. — комиссар финансов Северной Коммуны, член коллегии Наркомфина Украинской и Туркестанской республик. В 1920—1921 гг. — ректор 1-го МГУ. В 1921—1922 гг. — член финансовой секции Госплана РСФСР. В дальнейшем на финансовой и преподавательской работе.

БОНЧ-БРУЕВИЧ ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ (1873—1955) — член партии с 1895 г. Сотрудничал в «Искре», принимал активное участие в организации большевистских газет, журналов и партийных издательств. В 1917 г. — член исполкома Петроградского Совета, в Октябрьские дни 1917 г. — комендант района Смольный-Таврический дворец. После Октябрьской социалистической революции — управделами Совнаркома (до 10 ноября 1920 г.), главный редактор издательства «Жизнь и знание». С 1933 г. возглавлял организованный им Литературный музей в Москве, с 1946 г. — директор Музея истории религии и атеизма АН СССР в Ленинграде.

БОНЧ-БРУЕВИЧ МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ (1870—1956) — генерал-лейтенант, один из первых военных специалистов, ставших на сторону Советской власти. С 1917 по 1919 г. был начальником штаба Верховного главнокомандующего, военным руководителем Высшего военного совета, начальником Полевого штаба Реввоенсовета Республики. С 1919 по 1923 г. — начальник Высшего геодезического управления ВСНХ. Позднее на научной и педагогической работе.

БОШ ЕВГЕНИЯ БОГДАНОВНА (1879—1925) — партийный и государственный деятель. Член партии с 1901 г. После Февральской революции 1917 г. — председатель Киевского областного комитета партии, член Киевского ВРК. После Октябрьской социалистической революции входила в первое Советское правительство Украины. С июля 1918 г. работала в Пензе по организации борьбы с кулацкой контрреволюцией. Позднее на партийной, военной и советской работе. Делегат VII (Апрельской) конференции, VI и VIII съездов партии.

БУНКИН БОРИС ТИМОФЕЕВИЧ (род. 1897) — работал на железнодорожном транспорте более сорока лет. Награжден знаком «Почетный железнодорожник» и медалями.

ВАЙМАН ИВАН АНДРЕЕВИЧ (1893—1962) — член партии с 1917 г. Заместитель народного комиссара художественно-исторических имуществ и комиссар Управления народными дворцами.

ВАЦЕТИС (ВАЦИЕТИС) ИОАКИМ ИОАКИМОВИЧ (1873—1938) — советский военачальник. Участник 1-й мировой войны, полковник. Командуя 5-м латышским Земгалским стрелковым полком, вместе с ним перешел на сторону Советской

власти. После Октябрьской социалистической революции был начальником оперативного отдела Революционного полевого штаба при Ставке, командиром Латышской стрелковой дивизии. Участвовал в подавлении левозэсеровского мятежа в Москве (июль 1918 г.). Позднее — командующий Восточным фронтом, главнокомандующий Вооруженными Силами Республики, в январе—марте 1919 г. одновременно командовал Армией Советской Латвии. С 1921 г. — на преподавательской работе в Военной академии РККА, командарм 2-го ранга. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

ВИНОГРАДОВ НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ (1885—1980) — архитектор. С мая 1918 г. — помощник народного комиссара имуществ республики. Был ответственным за проведение в жизнь декрета «О памятниках республики», принятого Совнаркомом 12 апреля 1918 г. С августа этого же года работал в Московском совете по охране памятников искусства и старины, затем — в Музее русской архитектуры в Москве. Заслуженный деятель искусств РСФСР.

ВИНОКУРОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ (1869—1944) — член партии с 1893 г., по профессии врач. Один из руководителей страхового рабочего движения. После Октябрьской социалистической революции — первый председатель Петроградской городской думы, председатель совета врачебных коллегий, член коллегии Наркомтруда, затем нарком социального обеспечения. С 1921 г. — член Президиума ЦК помощи голодающим, с 1924 г. — председатель Верховного суда СССР. В последующие годы работал в Наркомздраве СССР. Был членом ВЦИК и ЦИК СССР.

ВИНТЕР АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (1878—1958) — советский инженер, ученый, специалист по строительству и эксплуатации электростанций. После Октябрьской социалистической революции — начальник строительства районной электростанции на Шатурских торфяных массивах. С 1927 по 1932 г. — начальник Днепростроя. В 1932 г. избран действительным членом АН СССР. Член ЦИК СССР.

ВОЕВОДИН ПЕТР ИВАНОВИЧ (1884—1964) — активный участник революционного движения, член партии с 1899 г. Член комитетов РСДРП в Самаре, Чите, Омске и Златоусте. В октябре 1905 г. руководил в Самаре боевой дружиной. Неоднократно подвергался арестам и отбывал тюремное заключение. В 1912 г. эмигрировал в США. В 1913 г. вернулся в Россию, работал в Баку, был арестован и сослан в Нарымский край. Во время Октябрьской революции — председатель краевого Совета Западной Сибири и Урала. В 1919—1923 гг. — на хозяйственной и литературно-издательской работе, с 1923 г. — редактор научно-популярного журнала «Электрификация» и научного журнала «Электричество». Член ВЦИК.

ГАНЕЦКИЙ (ФЮРСТЕНБЕРГ)* ЯКОВ СТАНИСЛАВОВИЧ (1879—1937) — деятель польского и российского революционного движения. Член партии с 1896 г. Входил в Главное правление Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (1903—1909). На V съезде РСДРП был избран членом ЦК партии. После Октября

* В скобках указываются подлинные фамилии. *Ред.*

ской социалистической революции — член коллегии Наркомфина, работал в Центросоюзе, член коллегии Наркомвнешторга, комиссар и управляющий Народным банком. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

ГОПНЕР СЕРАФИМА ИЛЬИНИЧНА (1880—1966) — член партии с 1903 г. Активная участница трех революций. В 1917 г. член Екатеринославского комитета РСДРП(б), депутат Совета, делегат VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). С мая 1918 г. в Наркомпросе РСФСР. В сентябре 1918 г.— январе 1919 г. секретарь ЦК КП(б)У, работала в Заграничном бюро ЦК. В 1927—1938 гг.— член ЦК КП(б)У, в 1929—1938 гг.— на работе в Секретариате Коминтерна. Делегат всех конгрессов Коминтерна, кандидат в члены Исполкома Коминтерна. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

ГОРБУНОВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ (1892—1938) — государственный деятель, академик АН СССР. Член партии с 1917 г. После Октябрьской социалистической революции — секретарь Совнаркома и личный секретарь В. И. Ленина, с 1918 г.— заведующий научно-техническим отделом ВСНХ РСФСР. В 1919—1920 гг.— на политработе в Красной Армии, член Реввоенсовета XIII и XIV армий, затем — управделами СНК РСФСР, управделами СНК и СТО СССР. Позднее — член Госплана СССР, зам. директора Химического института им. Л. Я. Карпова. С 1935 г.— действительный член и непреременный секретарь АН СССР. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно — восстановлен в партии.

ГРАЗКИН ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ (1891—1972) — член партии с 1909 г. В 1916—1917 гг. вел работу среди солдат. После Февральской революции участвовал в образовании Ревкома XII армии, был членом бюро Военной организации большевиков, редактором «Окопной правды». Участник I, II и III съездов Советов крестьянских депутатов. Член ВЦИК шести созывов. В 1918 г. работал в ВЧК, в 1919—1920 гг.— на ответственных постах в Красной Армии, в 1922—1925 гг.— в аппарате ЦК РКП(б). В последующие годы — на руководящей советской, хозяйственной и партийной работе.

ГРАФТИО ГЕНРИХ ОСИПОВИЧ (1869—1949) — советский ученый-энергетик, инженер, один из пионеров отечественного гидроэнергостроительства, академик. В 1918—1920 гг.— помощник главного инженера, а в 1921—1927 гг.— главный инженер строительства Волховской гидростанции. Участвовал в работе Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО). Впоследствии руководил строительством ряда крупных гидроэлектростанций. Член ЦИК СССР.

ДАНИШЕВСКИЙ КАРЛ ЮЛИЙ ХРИСТИАНОВИЧ (1884—1938) — государственный и партийный деятель. Член партии с 1900 г. Участник борьбы за Советскую власть в Латвии. С конца 1906 г. входил в ЦК РСДРП от социал-демократии Латышского края, на V (Лондонском) съезде был избран в ЦК РСДРП. После

Февральской революции — член Московского комитета РСДРП(б) и Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. С мая 1917 г. — один из редакторов Центрального органа латышской социал-демократии — газеты «Zihņa» («Борьба») и большевистской газеты «Окопная правда». После Октябрьской социалистической революции, в начале 1918 г., находился на нелегальной партийной работе в Риге. Делегат V Всероссийского съезда Советов (июль 1918), участвовал в подавлении левозеро-вского мятежа в Москве, член Реввоенсовета Республики и член Реввоенсовета Восточного фронта, председатель Реввоентрибунала Республики. После установления Советской власти в Латвии — зам. председателя Временного Советского правительства Латвии, с середины января 1919 г. — член правительства, председатель Совета революционной борьбы Латвийской ССР, с марта — член ЦК Компартии Латвии. На VIII съезде РКП(б) избран кандидатом в члены ЦК. Делегат VIII и X съездов партии. С 1921 г. — секретарь Сибирского бюро ЦК РКП(б), член ВЦИК. В 1932—1936 гг. — заместитель наркома лесной промышленности СССР. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

ДЫБЕНКО ПАВЕЛ ЕФИМОВИЧ (1889—1938) — военный и государственный деятель. Член партии с 1912 г. В 1917—1918 гг. избирался в Гельсингфорсский Совет, был председателем Центробалта, членом Петроградского ВРК. На II Всероссийском съезде Советов вошел в состав Совнаркома в качестве члена Комитета по военным и морским делам, нарком по морским делам. 29 октября (11 ноября) руководил боями под Пулковом, в районе Красного Села и Гатчины против контрреволюционных войск Керенского — Краснова. В годы гражданской войны командовал частями и соединениями Красной Армии на Украинском, Южном, Кавказском и других фронтах. С 1921 г. на командных должностях в Красной Армии, на партийной и государственной работе. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

ЖИВОТОВ МАТВЕЙ НАЗАРОВИЧ (1884—1964) — член партии с 1904 г. Участник революции 1905—1907 гг. В 1908—1911 гг. вел революционную пропаганду среди солдат. После Октябрьской социалистической революции был председателем совета фабзавкомов Петрограда. Участник гражданской войны. После окончания войны — на хозяйственной работе.

ЗИНОВЬЕВ (РАДОМЫСЛЬСКИЙ) ГРИГОРИЙ ЕВСЕЕВИЧ (1883—1936) — партийный и государственный деятель. В партию вступил в 1901 г. В 1906—1907 гг. — член Петербургского комитета РСДРП. Участвовал в работе IV и V съездов РСДРП. С 1908 по апрель 1917 г. находился в эмиграции; входил в редакции большевистских газет «Пролетарий» и «Социал-демократ», печатался в «Правде». Участник Копенгагенского конгресса II Интернационала (1910), Циммервальдской (1915) и Кинтальской (1916) международных социалистических конференций; член бюро Циммервальдской левой, Заграничного бюро ЦК. После Февральской революции входил в Петроградский Совет. На VII (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезде РСДРП(б) избирался членом ЦК партии. Выходил из ЦК из-за несогласия по вопросу о составе правительства. С декабря 1917 г. — председатель Петроградского Совета. До 1926 г. возглавлял Петроградскую (Ленинградскую) партийную орга-

низацию. В 1907—1927 гг. — член ЦК партии, в 1919—1921 гг. — кандидат в члены Политбюро, в 1921—1926 гг. — член Политбюро, член ВЦИК и ЦИК СССР. В 1919—1926 гг. — председатель Исполкома Коминтерна. В 1927 и 1932 гг. исключался из партии, а затем восстанавливался в ее рядах. В 1934 г. — вновь исключен из партии. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

ИВАНОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (род. 1893) — солдат в Петрограде в Октябрьские дни 1917 г. С декабря 1917 г. — делопроизводитель в Наркомпроде, затем в Казанском губпродкоме. Позднее на военной и советской работе в Казани, Уфе, Тюмени. С 1933 г. — инженер-строитель.

ИВАНОВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1888—1963) — рабочий Путиловского завода (ныне завод им. С. М. Кирова) в Петрограде с 1907 г. В апреле 1918 г. избран председателем общезаводской комиссии по закупке продуктов для рабочих, в начале мая был в Москве на приеме у В. И. Ленина. С 1924 г. — на строительстве электростанций, работал инженером.

ИОФФЕ АДОЛЬФ АБРАМОВИЧ (1883—1927) — в социал-демократическом движении с конца 90-х годов XIX в. После II съезда партии — меньшевик, был членом Заграничного бюро ЦК партии. После Февральской революции вошел в состав Петроградского Совета, на VI съезде РСДРП(б) вместе с группой межрайонцев был принят в партию большевиков. В Октябрьские дни 1917 г. — член Петроградского Военно-революционного комитета, в ноябре 1917 г. — январе 1918 г. — председатель, в январе—феврале 1918 г. — консультант советской делегации на переговорах с Германией в Брест-Литовске, затем — полпред РСФСР в Берлине. Видный дипломат. Работал в наркомате РКИ, Главном концессионном комитете, Госплане. На VI и VII съездах РКП(б) избирался кандидатом в члены ЦК.

КАКТЫНЬ АРТУР МАРТЫНОВИЧ (1893—1937) — член партии с 1916 г. После Октябрьской революции — на руководящей хозяйственной, военной и партийной работе, вошел в состав Центрального совета фабзавкомов Петрограда. В 1920—1922 гг. — член Президиума и зам. председателя Совнархоза Украины. С 1922 г. — зам. ответственного редактора газеты «Экономическая жизнь». С 1926 по 1929 г. — зам. управделами СНК СССР и СТО. В 1931—1934 гг. — член коллегии НК РКИ СССР, руководитель хлопкоирригационной группы. С 1934 г. — зам. председателя СНК Таджикской ССР. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

КАМЕНЕВ (РОЗЕНФЕЛЬД) ЛЕВ БОРИСОВИЧ (1883—1936) — партийный и государственный деятель. В партию вступил в 1901 г. С 1908 г. находился в эмиграции, входил в редакцию большевистской газеты «Пролетарий». В 1914 г. направлен ЦК РСДРП в Россию для руководства социал-демократической фракцией Государственной думы и редакцией «Правда», был арестован. На VII (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезде РСДРП(б) избирался членом

ЦК партии, на II Всероссийском съезде Советов — председателем ВЦИК. Выходил из ЦК из-за несогласия по вопросу о составе правительства. С 1918 г. — председатель Моссовета, с 1922 г. — зам. председателя СНК и СТО, а после смерти Ленина — председатель СТО (до января 1926 г.). В 1923—1926 гг. — директор Института Ленина. Член ЦК в 1917, 1919—1927 гг. Член Политбюро ЦК с 1919 по 1926 г., в 1926 г. — кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б), член ВЦИК и ЦИК СССР. В 1927 и 1932 гг. исключался из партии, а затем восстанавливался в ее рядах. В 1934 г. — вновь исключен из партии. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

КАНАТЧИКОВ СЕМЕН ИВАНОВИЧ (1879—1940) — член партии с 1898 г. Участвовал в работе Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1900—1902 гг. — член Саратовского, в 1905 г. — Московского, а затем Петербургского комитетов партии. В 1906 г. работал в Екатеринбурге и Н. Тагиле. Делегат IV съезда РСДРП. В 1907 г. вошел в состав МК партии. В 1908—1910 гг. — на профсоюзной работе в Петербурге. Неоднократно арестовывался и ссылся. В 1917 г. — член Новониколаевского и Томского комитетов РСДРП(б), член Новониколаевского Совета. После Октябрьской социалистической революции был губкомиссаром и зам. председателя Томского губисполкома, председателем Томского военно-революционного штаба, зам. председателя губисполкома, членом Пермского губисполкома и зав. губотделом народного образования. В 1919 г. — член коллегии Наркомата внутренних дел, член Малого Совнаркома. Один из организаторов Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова. В 1920 г. заведовал Сибирским отделом народного образования, был членом Сибревкома, председателем обкома РКП(б) Татарской АССР. С 1921 г. — ректор Коммунистического университета в Петрограде. В 1924—1926 гг. — зав. отделом печати ЦК РКП(б), зав. отделом Истпарта ЦК ВКП(б). В 1926—1928 гг. — корреспондент ТАСС в Чехословакии. С 1928 г. — на литературной работе, редактор журнала «Красная новь», «Литературной газеты». Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

КАЮРОВ ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ (1876—1936) — государственный и партийный деятель. Член партии с 1900 г., рабочий-революционер. Активный участник революции 1905—1907 гг. После Февральской революции 1917 г. — член Выборгского комитета РСДРП(б) и исполкома Выборгского районного Совета, секретарь Выборгского районного Совета. Летом 1918 г. возглавлял продовольственный отряд в Казанской губернии, с августа 1918 г. — заместитель начальника политотдела V армии Восточного фронта. В 1920 г. — особоуполномоченный Сибревкома. С 1921 г. находился на хозяйственной и партийной работе. В 1921—1922 гг. — председатель Сибирской краевой комиссии ЦКК РКП(б) по чистке партии, председатель Ураласбеста. В 1924—1925 гг. возглавлял ревизионную комиссию «Грознефти». С 1926 г. работал в Институте В. И. Ленина, Истпарте, Центральном партийном архиве. Был необоснованно репрессирован. Умер в ссылке. Реабилитирован посмертно.

КЕДРОВ МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ (1878—1941) — партийный и государственный деятель. Член партии с 1901 г. Участник революции 1905—1907 гг. С мая 1917 г.— член Военной организации при ЦК РСДРП(б) и Всероссийского бюро большевистских организаций, один из редакторов «Солдатской правды». После Октябрьской социалистической революции — зам. наркома по военным делам, комиссар по демобилизации старой армии. В августе—сентябре 1918 г. командующий войсками Северо-Восточного участка отрядов завесы. В сентябре 1918 г.— январе 1919 г. возглавил Военный отдел ВЧК, с января 1919 г.— Особый отдел ВЧК, одновременно с марта член коллегии ВЧК, с мая особоуполномоченный ВЧК в Вологде, затем на Южном и Западном фронтах. С марта 1920 г. член специальной правительственной комиссии по расследованию злодеяний интервентов и белогвардейцев на Севере. С 1924 г. на руководящей работе в ВСНХ, Наркомздраве, Верховном суде СССР и Госплане СССР. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

КИСЕЛЕВ АЛЕКСЕЙ СЕМЕНОВИЧ (1879—1937) — партийный и государственный деятель. Член партии с 1898 г. Партийную работу вел в Иваново-Вознесенске, Москве, Харькове, Баку, Одессе. В 1914 г. кооптирован в члены ЦК РСДРП. После Февральской революции — председатель Иваново-Вознесенского комитета РСДРП(б). На VI съезде партии избран кандидатом в члены ЦК, на I Всероссийском съезде Советов — членом ВЦИК. После Октябрьской социалистической революции — председатель Центротекстиля, член Президиума ВСНХ, член комиссии СНК по делам Туркестана. В 1920 г.— председатель союза горнорабочих, член Президиума ВЦИК. В 1921—1923 гг.— председатель Малого СНК. На X, XI, XIV, XV, XVI съездах партии избирался кандидатом в члены ЦК РКП(б), с 1923 г.— членом ЦК партии, на XII съезде РКП(б) — членом ЦКК РКП(б). Позднее — нарком РКИ РСФСР и зам. наркома РКИ СССР. С 1924 по 1938 г.— секретарь ВЦИК. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

КОЖЕВНИКОВ ИННОКЕНТИЙ СЕРАФИМОВИЧ (1879—1931) — военный и государственный деятель. Член партии с 1917 г. Один из организаторов Красной гвардии в Харькове. После Октябрьской социалистической революции комиссар Харьковского почтово-телеграфного округа, нарком почт и телеграфа Донецко-Криворожской советской республики. В годы гражданской войны — чрезвычайный комиссар по связи всех фронтов, командующий Группой войск курского направления, затем Группой войск донецкого направления, командующий XIII армией, комиссар отряда кораблей Волжско-Каспийской флотилии. В 1921 г.— товарищ министра иностранных дел ДВР. С мая 1921 г. организовывал партизанское движение в Приморье. Затем на советской работе.

КОКШАРОВА ЕЛИЗАВЕТА КОНСТАНТИНОВНА (1892—1973) — член партии с марта 1917 г. Принимала участие в Октябрьской социалистической революции. С декабря 1917 г. по август 1918 г. работала в аппарате СНК вторым секретарем. С сентября 1918 г. по 1922 г. была на партийной работе в Тамбовской губернии. С 1923 по 1930 г.— референт Малого Совнаркома РСФСР. В дальнейшем работала в центральных советских учреждениях.

КОЛЛОНТАЙ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА (1872—1952) — партийный и государственный деятель, дипломат, публицист. В социал-демократическом движении с 90-х гг. XIX в. Участвовала в революции 1905—1907 гг. Член партии с 1915 г. После Февральской революции 1917 г. вошла в состав Петроградского Совета, вела работу среди солдат и матросов, подвергалась преследованиям Временного правительства. На VI съезде РСДРП(б) избрана членом ЦК партии. Активный участник Октябрьской социалистической революции. Делегат I и II Всероссийского съездов Советов. После Октябрьской социалистической революции — народный комиссар государственного призрения, в 1920 г. — зав. женотделом ЦК РКП(б), в 1921—1922 гг. — секретарь Международного женского секретариата при Коминтерне. С 1923 г. — на ответственной дипломатической работе.

КОНЕНКОВ СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ (1874—1971) — советский скульптор, действительный член Академии художеств, народный художник СССР, лауреат Государственной и Ленинской премий. Участник революционных событий 1905 г. в Москве. После победы Октябрьской социалистической революции — председатель профсоюза московских скульпторов, член коллегии Отдела изобразительных искусств Наркомпроса. Активно участвовал в осуществлении ленинского плана монументальной пропаганды. Им созданы: мемориальная доска «Павшим в борьбе за мир и братство народов» (1918), группа «Степан Разин со своей ватагой» (1919). В 1964 г. присвоено звание Героя Социалистического Труда.

ЛАВРУХИН АЛЕКСАНДР НИКИТИЧ (род. 1881) — кооператор. В 1900—1905 гг. — секретарь ряда редакций газет. В 1905—1907 гг. — статистик Екатеринбургского земства, в 1912—1914 гг. — член Совета Центросоюза, в 1914—1920 гг. — член правления Цетросоюза. В 1923—1926 гг. — консультант Наркомата Рабкринна СССР, специалист-экономист и научный сотрудник Госплана РСФСР. Автор печатных трудов по статистике, экономике, кооперации.

ЛЕПЕШИНСКИЙ ПАНТЕЛЕЙМОН НИКОЛАЕВИЧ (1868—1944) — член партии с 1898 г. Руководитель группы содействия «Искре». В 1902 г. — член Организационного комитета по созыву II съезда РСДРП, участвовал в подготовке III съезда партии. Активный участник трех революций. После Октябрьской социалистической революции — член коллегии Наркомпроса РСФСР, заместитель наркома просвещения Туркестана, один из организаторов Истпарта и Международной организации помощи борцам революции (МОПР), затем директор Исторического музея и Музея революции СССР.

ЛИХАЧЕВА РАИСА САВЕЛЬЕВНА (1890—1964) — член партии с 1917 г. С 1912 по 1917 г. находилась в эмиграции в Америке. По возвращении из эмиграции работала в Московском комитете РСДРП(б). Участник Октябрьской социалистической революции. После победы Октября — на партийной работе (МКК, КПК и др.). С 1946 по 1959 г. работала в Музее революции СССР.

ЛОЗОВСКИЙ А. (ДРИДЗО СОЛОМОН АБРАМОВИЧ) (1878—1952) — государственный и партийный деятель. Член РСДРП с 1901 г. С 1909 по 1917 г. жил в эмиграции. В июне 1917 г. возвратился в Россию, на III Всероссийской конференции профсоюзов (июль 1917) был избран секретарем ВЦСПС. В декабре 1917 г. был исключен из рядов РСДРП(б). Позднее возглавлял партию РСДРП (интернационалистов), в составе которой в декабре 1919 г. был вновь принят в РКП(б). В 1920 г. — председатель Московского губернского совета профессиональных союзов. С 1921 по 1937 г. — генеральный секретарь Профинтерна, затем директор Гослитиздата. В 1939—1946 гг. — заместитель народного комиссара (затем министра) иностранных дел СССР. С XV съезда партии — кандидат в члены ЦК ВКП(б), на XVIII съезде избран членом ЦК ВКП(б). Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

ЛОМОВ А. (ОППОКОВ ГЕОРГИЙ ИПОЛИТОВИЧ) (1888—1938) — партийный и государственный деятель. Член партии с 1903 г. Партийную работу вел в Саратове, Петербурге, Иваново-Вознесенске, Москве. После Февральской революции — член Московского областного бюро и Московского комитета РСДРП(б). В Октябрьские дни 1917 г. — член Московского ВРК, товарищ председателя Моссовета. На II Всероссийском съезде Советов вошел в состав Совнаркома как нарком юстиции. В 1918—1921 гг. — член Президиума и заместитель председателя Президиума ВСНХ. В 1921—1928 гг. — член Сиббюро ЦК РКП(б), Уралбюро ЦК РКП(б), Московского Совета, председатель правления «Донуголь». В 1929 г. вошел в состав Президиума ВСНХ СССР. В 1931—1933 гг. — зам. председателя Госплана СССР. На VII съезде партии избирался кандидатом в члены ЦК РКП(б). Делегат VII (Апрельской) конференции, VI, VIII, X съездов партии. В 1925—1927 гг. — кандидат в члены ЦК, в 1927—1934 гг. — член ЦК ВКП(б). Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

ЛУНАЧАРСКИЙ АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1875—1933) — государственный и партийный деятель. Член партии с 1895 г. После II съезда РСДРП — большевик. Входил в состав редакций большевистских газет «Вперед», «Пролетарий», а затем «Новая жизнь». В годы реакции отходил от марксизма, участвовал в группе «Вперед». Во время первой мировой войны стоял на позициях интернационализма. По возвращении в Россию в 1917 г. вступил в группу межрайонцев, в составе которой на VI съезде РСДРП(б) был принят в большевистскую партию. После Октябрьской социалистической революции до 1929 г. — нарком просвещения, затем председатель Ученого комитета при ЦИК СССР. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Делегат VIII и X съездов РКП(б). С 1930 г. — академик. В августе 1933 г. назначен полномочным представителем СССР в Испании. Публицист, драматург, автор ряда работ по вопросам искусства и литературы.

МАЛКИН БОРИС ФЕДОРОВИЧ (1891—1938) — член партии эсеров с 1908 г. Один из ее организаторов, член ЦК. После Октябрьской социалистической революции — член Президиума ВЦИК II и VI созывов, руководил Петроградским телеграфным агентством, был одним из редакторов «Известий». Весной 1918 г. вступил в члены большевистской партии. В 1919—1921 гг. руководил Центропечатью, работал директором Изогиза. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

МАЛЬКОВ ПАВЕЛ ДМИТРИЕВИЧ (1887—1965) — член партии с 1904 г. Участник революции 1905—1907 гг. С 1910 г. — матрос Балтийского флота. После Февральской революции входил в состав Гельсингфорсского партийного комитета и Центробалта. Активный участник Октябрьской социалистической революции. Командовал сводным отрядом матросов, участвовавшим в штурме Зимнего дворца. С 29 октября (11 ноября) 1917 г. — комендант Смольного, затем комендант Кремля. В 1920—1922 гг. в Красной Армии. В дальнейшем — на руководящей советской работе. Был членом ВЦИК.

МЕТЕЛЕВ АЛЕКСАНДР ДЕНИСОВИЧ (1893—1937) — слесарь Русско-Балтийского вагоностроительного завода в Петербурге. Член партии с 1912 г. Во время первой мировой войны вел агитационную работу в армии. Участник штурма Зимнего дворца. С июня до начала августа 1918 г. — член Архангельского губисполкома и Архангельского горкома партии, затем политработник VI армии Северного фронта, член Пензенского губисполкома и губкома партии. В 1921 г. — управляющий зданиями Кремля и Домами Советов ВЦИК, позднее — зав. административно-хозяйственным отделом ВЦИК. В 1933 г. — уполномоченный ЦИК СССР по Азово-Черноморскому краю. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

МИЛЮТИН ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ (1884—1937) — партийный и государственный деятель. В социал-демократическом движении с 1903 г., с 1910 г. — большевик. На VII (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезде РСДРП(б) был избран членом ЦК партии. На II Всероссийском съезде Советов вошел в Совет Народных Комиссаров в качестве наркома земледелия. В 1918—1921 гг. — зам. председателя ВСНХ, затем работал в Наркомате РКИ, в ЦСУ СССР, зам. председателя Госплана. В 1934—1937 гг. — председатель Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями при ЦИК СССР. Известный экономист-аграрник, автор многочисленных работ. В 1920—1922 гг. — кандидат в члены ЦК партии, в 1924—1934 гг. — член ЦКК ВКП(б), член ВЦИК и ЦИК СССР. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

МСТИСЛАВСКИЙ (МАСЛОВСКИЙ) СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ (1876—1943) — советский писатель. С 1904 г. член партии эсеров. Принимал участие в революции 1905—1907 гг. В 1910 г. заключен в Петропавловскую крепость. После Февральской революции сотрудничал в эсеровской газете «Дело народа». Входил в ЦК партии эсеров. В Октябрьские дни 1917 г. работал в Смольном, был членом Президиума II Всероссийского съезда Советов. После убийства Мирбаха вышел из партии левых эсеров, был членом ЦК украинских боротьбистов. Участник гражданской войны. С 1921 г. — беспартийный. В 1922—1926 гг. — редактор неперIODических изданий в Профинтерне. В последующие годы работал в БСЭ и других советских издательствах.

МУРАЛОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (1877—1937) — государственный и партийный деятель. Вступил в партию в 1903 г. Участник революции 1905—1907 гг.,

первой мировой войны. После Февральской революции по поручению Московского горкома РСДРП(б) возглавил большевистскую фракцию солдатского Совета, входил в состав Военного бюро при МК РСДРП(б). В Октябрьские дни 1917 г. — член Московского Военно-революционного комитета и революционного штаба. 14 ноября 1917 г. по приказу, подписанному В. И. Лениным, назначен командующим войсками Московского военного округа. Один из организаторов победы Советской власти в Москве. В 1919—1920 гг. — член Реввоенсовета III армии Восточного фронта, Восточного фронта, XII армии Юго-Западного фронта. С сентября 1920 г. по февраль 1921 г. — член коллегии Наркомзема. С 1921 г. — командующий войсками МВО, затем Северо-Кавказского военного округа. В 1925—1927 гг. — член Президиума Госплана РСФСР, одновременно ректор Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. На XIV съезде партии избран членом ЦКК ВКП(б). Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

ОБРАЗЦОВ ФИЛИПП ФЕДОРОВИЧ (1879—1937) — крестьянин деревни Васютино Лопатинской волости Весьегонского уезда Тверской губернии. Работая на фабрике Морозова в г. Богородске (ныне г. Ногинск), участвовал в революционном движении, за что в 1915 г. был уволен и выслан из города. В конце 1917 г. и начале 1918 г. по направлению В. И. Ленина работал в Смольном агитатором. Затем — член и председатель исполкома Бежецкого уездного Совета. В последующие годы — на руководящей советской работе, был народным судьей.

ОБУХ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (1895—1972) — член партии с 1917 г. После Февральской революции вел работу в группе молодежи при Московском комитете РСДРП(б). В последующие годы — в органах народного образования и народного хозяйства.

ОСИНСКИЙ Н. (ОБОЛЕНСКИЙ ВАЛЕРИАН ВАЛЕРИАНОВИЧ) (1887—1938) — партийный и государственный деятель, экономист. Член партии с 1907 г. После Февральской революции — член Московского областного бюро РСДРП(б). Делегат VI съезда партии. В Октябрьские дни 1917 г. — член Харьковского ВРК. В ноябре—декабре 1917 г. — главный комиссар — управляющий Госбанком РСФСР, затем первый председатель ВСНХ. С марта 1918 г. в аппарате ВСНХ, в редакции «Правда», в аппарате ВЦИК. В 1920 г. — председатель Тульского губисполкома, член коллегии Наркомпрода. С марта 1921 г. — зам. наркома земледелия, зам. председателя ВСНХ. Делегат VII—X съездов РКП(б), I Конгресса Коминтерна. В 1921—1922 гг. и с 1925 г. — кандидат в члены ЦК партии. Член ВЦИК, ЦИК СССР. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

ПАНЮШКИН ВАСИЛИЙ ЛУКИЧ (1888—1960) — член партии с 1907 г. Партийную работу вел в Петербурге и на Балтийском флоте. В 1917 г. член Военной организации при ЦК РСДРП(б), председатель Псковского ВРК. После Октябрьской социалистической революции комиссар, командир 1-го Социалистического рабоче-крестьянского партизанского отряда ВЦИК (охранял Смольный, вел борьбу

с контрреволюцией), затем член Президиума ВЧК и Комитета революционной обороны Петрограда, член коллегии ВЧК, чрезвычайный военный комиссар Тульской губернии по борьбе с контрреволюцией, чрезвычайный военный комиссар Поволжья, Приуралья и Прикамья по борьбе с контрреволюцией. В 1919—1920 гг. работал в аппарате ЦК РКП(б). С 1921 г. находился на хозяйственной работе в Донбассе, ВСНХ, затем в торгпредстве СССР в Германии. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован и восстановлен в партии.

ПОДВОЙСКИЙ НИКОЛАЙ ИЛЬИЧ (1880—1948) — партийный и военный деятель. Член партии с 1901 г. После Февральской революции — член Петербургского комитета РСДРП(б), редактор газет «Солдатская правда», «Рабочий и солдат», «Солдат», депутат Петроградского Совета, один из руководителей Военной организации при Петербургском комитете партии, председатель Всероссийского бюро фронтовых и тыловых организаций при ЦК РСДРП(б). Делегат VII (Апрельской) конференции и VI съезда РСДРП(б). В Октябрьские дни 1917 г. — председатель ВРК, один из руководителей штурма Зимнего дворца. Во время ликвидации мятежа Керенского — Краснова — командующий Петроградским военным округом. В ноябре 1917 г. — марте 1918 г. — нарком по военным делам. С января 1918 г. — председатель Всероссийской коллегии по организации и управлению Красной Армией, затем член Высшего военного совета, председатель Высшей военной инспекции РККА. С сентября 1918 г. по июль 1919 г. член РВСР, одновременно наркомвоен Украины (январь—сентябрь 1919). В 1919—1923 гг. возглавлял Всевобуч. Член ВЦИК. На XIII, XIV, XV съездах партии избирался членом ЦКК ВКП(б).

ПОПОВ ПАВЕЛ ИЛЬИЧ (1872—1950) — один из организаторов советской статистики. В революционном движении с 1895 г. Член партии с 1925 г. После Октябрьской социалистической революции — управляющий ЦСУ, член Президиума Госплана СССР и РСФСР, член научно-методического совета при ЦСУ СССР.

ПОТАПОВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ (1871—1946) — советский военачальник. Генерал-лейтенант царской армии. Будучи генерал-квартирмейстером Главного управления Генштаба, с июля 1917 г. сотрудничал с Военной организацией при Петербургском комитете РСДРП(б). Одним из первых военных специалистов перешел на сторону Советской власти. В ноябре 1917 г. — мае 1918 г. — начальник Главного управления Генштаба и одновременно помощник управляющего Военным министерством и управделами Наркомвоена (с декабря 1917). С июля по сентябрь 1918 г. — постоянный член, с июня 1919 г. — председатель Военно-законодательного совета при РВСР, с сентября 1921 г. — помощник главного инспектора Всевобуча. Затем на военно-научной и преподавательской работе.

РАДЕК КАРЛ БЕРНГАРДОВИЧ (1885—1939) — деятель польского, германского, российского рабочего движения, публицист. Член партии с 1903 г. В 1908—1914 гг. входил в левое крыло социал-демократической партии Германии. В годы первой мировой войны на интернационалистских позициях. Участник международных социалистических конференций в Циммервальде (1915) и Кинтале (1916).

После Октябрьской социалистической революции работал в наркомате иностранных дел. Был консультантом советской мирной делегации по переговорам в Брест-Литовске о заключении мира между Советской Россией и государствами германской коалиции. В 1919—1924 гг.— член ЦК РКП(б), член Президиума Исполкома Коминтерна, в 1920 г.— секретарь ИККИ. В 1924—1927 гг.— член ЦИК СССР. На XV съезде (1927) был исключен из партии, в 1930 г.— восстановлен. В 1935 г.— член Конституционной комиссии ЦИК СССР. В 1936 г. вновь был исключен из партии. Необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

РАСКОЛЬНИКОВ ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ (1892—1939) — государственный и военный деятель, дипломат, журналист. Член партии с 1910 г. Сотрудничал в большевистских газетах «Звезда» и «Правда». С начала первой мировой войны мобилизован на флот. После Февральской революции 1917 г.— член Кронштадтского комитета РСДРП(б), зам. председателя Совета, редактор газеты «Голос правды». В июльские дни арестован Временным правительством. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, боев под Пулковом в ходе подавления мятежа Керенского—Краснова. После Октябрьской социалистической революции комиссар морского Генштаба, зам. наркома по морским делам, член Реввоенсовета Республики, член Реввоенсовета Восточного фронта, командующий Волжско-Каспийской военной флотилией и Балтийским флотом. С 1921 по 1938 г.— на дипломатической работе: полпред СССР в Афганистане, Эстонии, Дании, Болгарии. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

РОЗАНОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ (1872—1934) — видный хирург-клиницист. С 1910 г. заведовал хирургическим отделением Солдатенковской (теперь им. С. П. Боткина) больницы. Принимал участие в лечении В. И. Ленина. С 1931 г.— профессор Центрального института усовершенствования врачей. Основатель и редактор ряда хирургических журналов.

РЫКОВ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ (1881—1938) — государственный и партийный деятель. Член партии с 1898 г. Участник революций 1905—1907 гг., Октябрьской социалистической революции. В первом Советском правительстве — нарком внутренних дел. С апреля 1918 г. по февраль 1924 г.— председатель Высшего совета народного хозяйства. С 1921 г.— зам. председателя СНК и СТО, в 1924 г.— председатель СНК СССР и председатель СНК РСФСР (был до 1929 г.), в 1926 г.— председатель СТО. В 1931—1936 гг. работал наркомом почт и телеграфов, наркомом связи СССР. На III, IV, VI, IX—XV съездах партии был избран в члены ЦК, на XVII съезде — кандидатом в члены ЦК. В 1920—1924 гг. являлся членом Оргбюро ЦК, в 1922—1930 гг.— членом Политбюро ЦК партии. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

САНАЕВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ (1894—1938) — член партии с 1918 г. С мая 1918 г. по март 1919 г.— председатель Сергачского уездного комитета РКП(б) Нижегородской губернии и член исполкома уездного Совета. Впоследствии — начальник политотдела войск ВОХР Украины и на партийной и советской работе в

Крыму и Саратовской области, работал заместителем председателя Главсуда Крыма. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

САПРОНОВ ТИМОФЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (1887—1939) — государственный и партийный деятель. В партию вступил в 1912 г. В 1918—1919 гг. — председатель Московского губисполкома, в 1919—1920 гг. — председатель Харьковского губревкома. В ноябре 1920 г. назначен председателем Малого Совнаркома и членом коллегии наркомата РКИ (до января 1921 г.). С мая 1921 г. — зам. председателя ВСНХ. Был председателем Главного комитета государственных сооружений, членом Главного концессионного комитета, секретарем Уральского бюро ЦК РКП(б). Неоднократно избирался членом ВЦИК, являлся членом Президиума ВЦИК. На X, XI съездах партии избирался членом ЦК РКП(б). Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

СЕМАШКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1874—1949) — член партии с 1893 г., по профессии врач. Один из организаторов советского здравоохранения. В 1905 г. принимал участие в вооруженном восстании в Нижнем Новгороде. После девятимесячного тюремного заключения эмигрировал за границу. Делегат VI (Пражской) партийной конференции. Вернулся в Россию в 1917 г. Принимал участие в подготовке Октябрьского вооруженного восстания. В 1918—1930 гг. — нарком здравоохранения РСФСР. В 1931 г. перешел на работу во ВЦИК. Был членом Президиума ВЦИК. Действительный член Академии медицинских наук СССР, с 1945 г. — Академии педагогических наук РСФСР. В 1947—1949 гг. — директор Института организации здравоохранения и истории медицины Академии медицинских наук СССР. Автор многих трудов в области социальной гигиены и организации здравоохранения.

СКРЫПНИК МАРИЯ НИКОЛАЕВНА (1883—1968) — член партии с 1905 г. Работала в красноярской и петербургской организациях большевистской партии. В 1913 г. — в редакции журнала «Вопросы страхования». С декабря 1917 г. по февраль 1918 г. — один из секретарей Совнаркома. Участница гражданской войны. В 1919—1920 гг. — член коллегии Наркомзема, затем член коллегии Наркомсобеса УССР. Позднее — на преподавательской и пропагандистской работе.

СМИЛГА ИВАР ТЕНИСОВИЧ (1892—1938) — партийный и военный деятель. Член партии с 1907 г. После Октябрьской социалистической революции — уполномоченный СНК в Финляндии, член Реввоенсовета III армии Восточного и других фронтов. Член ЦК РСДРП с 1917 г. С 1921 по 1923 г. — зам. председателя ВСНХ и начальник Главного управления по топливу. В 1927 г. исключен из партии, в 1930 г. — восстановлен. Впоследствии вновь исключен. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

СОЛОНКО ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ (1882—1976) — по профессии юрист, участник русско-японской и первой мировой войн. Делегат II Всероссийского съезда

Советов. В 1917—1918 гг.— председатель Режицкого уездного Совета, комиссар Советского правительства в Витебской губернии, чрезвычайный комиссар в Симбирской губернии, заведующий юридическим отделом Народного комиссариата внутренних дел. В 1919 г.— начале 1920 г.— уполномоченный штаба XIV армии Южного фронта по железнодорожному транспорту.

СТАЛЬ ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА (1872—1939) — член партии с 1897 г. В 1905 г.— член Московского комитета РСДРП, с 1906 г.— член Петербургского комитета, работала в Петербургской военной организации большевиков. В 1907—1917 гг. жила в эмиграции. После Февральской революции 1917 г.— агитатор и организатор ПК. Активная участница Октябрьской социалистической революции. В годы гражданской войны — на военно-политической работе. С 1921 г.— на ответственной партийной и советской работе.

СТЕКЛОВ (НАХАМКИС) ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ (1873—1941) — в социал-демократическом движении с 1893 г., один из организаторов первых социал-демократических кружков в Одессе. После II съезда РСДРП — большевик. После Февральской революции 1917 г.— член исполкома Петроградского Совета и редактор «Известий Петроградского Совета». После Октябрьской социалистической революции член ВЦИК и ЦИК, редактор газеты «Известия ВЦИК», журнала «Советское строительство», с 1929 г.— зам. председателя Ученого комитета при ЦИК СССР. Автор ряда трудов по истории революционного движения. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

ТОДОРСКИЙ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ (1894—1965) — член партии с 1918 г. Участник первой мировой войны. После Февральской революции — председатель полкового комитета. В 1918—1919 гг.— член исполкома Весьегонского уездного Совета и укома РКП(б), редактор «Известий Весьегонского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» и газеты «Красный Весьегонск», автор книги «Год — с винтовкой и плугом», получившей высокую оценку В. И. Ленина. С августа 1919 г. в Красной Армии, был командиром бригады, дивизии, корпуса, помощником командующего войсками и членом Реввоенсовета Туркестанского фронта. В последующие годы занимал высшие командные должности в военных учреждениях. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован и восстановлен в партии. С 1955 г.— генерал-лейтенант Советской Армии в отставке, занимался литературной деятельностью.

ЦЫПЕРОВИЧ ГРИГОРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (1872—1932) — экономист и литератор. В революционном движении с 1888 г. После Октябрьской социалистической революции работал в профессиональных союзах, в 1918 г.— член Президиума Совета профсоюзов. В 1919 г. вступил в РКП(б). С 1921 по 1929 г. работал в Совете народного хозяйства, был уполномоченным Наркоминдела и одновременно руководил Ленинградской областной плановой комиссией. В последующие годы — ректор Ленинградской промышленной академии, член президиума Ленинградского совнархоза. Автор многочисленных трудов по вопросам экономики.

ЦЮРУПА АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ (1870—1928) — государственный и партийный деятель. Член партии с 1898 г. С ноября 1917 г.— зам. наркома продовольствия, с 1918 г.— нарком продовольствия. С 1921 г.— зам. председателя Совнаркома и СТО. В 1922—1923 гг.— нарком РКИ, в 1923—1925 гг.— председатель Госплана СССР, в 1925 г.— нарком внутренней и внешней торговли. На XII—XV съездах партии избирался членом ЦК, был членом Президиума ВЦИК и ЦИК СССР.

ЧИЧЕРИН ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1872—1936) — государственный и партийный деятель, выдающийся дипломат. Участник революционного движения с 1904 г. С 1905 по 1917 г. был в эмиграции. Член РСДРП с 1905 г., меньшевик, член РКП(б) с 1918 г. С 1918 по 1930 г.— народный комиссар иностранных дел, глава советских делегаций на международных конференциях в Генуе и Лозанне. В 1925—1930 гг.— член ЦК партии. Был членом ВЦИК, ЦИК СССР.

ЧУБАРЬ ВЛАС ЯКОВЛЕВИЧ (1891—1939) — партийный и государственный деятель. Член партии с 1907 г. Революционную работу вел на Украине и в Петрограде. После Февральской революции 1917 г.— член Центрального совета фабзавкомов Петрограда. После Октябрьской социалистической революции — комиссар Главного артиллерийского управления, а затем член Президиума ВСНХ и председатель Государственного объединения машиностроительных заводов. С 1920 г.— председатель Президиума ВСНХ Украины. С 1923 г.— председатель СНК УССР, с 1934 по 1938 г.— зам. председателя СНК и СТО СССР, затем нарком финансов СССР. С 1921 по 1934 г.— член Политбюро ЦК КП(б)У, с 1926 г.— кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и с 1935 г.— член Политбюро ЦК ВКП(б). Член ВЦИК, ЦИК СССР и его Президиума. Депутат Верховного Совета СССР. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

ШЛИХТЕР АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ (1868—1940) — партийный и государственный деятель. Член партии с 1891 г. Активный участник революции 1905—1907 гг. В Октябрьские дни 1917 г.— комиссар продовольствия Москвы и Московской губернии, член ВРК. После Октябрьской социалистической революции — зам. наркома земледелия, нарком продовольствия РСФСР, чрезвычайный комиссар продовольствия в Сибири, в 1919 г.— нарком продовольствия Украины, в 1920 г.— председатель Тамбовского губисполкома, член коллегии Наркомвнешторга, в 1921—1922 гг.— полпред в Австрии, в 1923 г.— член коллегии Наркомата иностранных дел, в 1923—1927 гг.— уполномоченный НКИД на Украине, в 1927—1930 гг.— нарком земледелия УССР, в последующие годы — на научной и партийной работе. С 1923 г. был членом ЦК и Оргбюро ЦК КП(б)У, в 1926—1937 гг.— кандидатом в члены Политбюро ЦК КП(б)У. Избирался членом ВУЦИК и ЦИК СССР, академик.

ШОТМАН АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (1880—1937) — государственный и партийный деятель. Член партии с 1899 г. В 1899—1902 гг.— член Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Делегат II съезда партии. В пе-

риод революции 1905—1907 гг. входил в Петербургский, затем в Одесский комитет РСДРП. В 1911—1912 гг.— член Гельсингфорского комитета социал-демократической партии Финляндии. В 1913 г. кооптирован в ЦК и Русское бюро ЦК РСДРП. С июня 1917 г.— член Петроградского окружного комитета партии. Делегат VI съезда РСДРП. После Октябрьской социалистической революции — зам. наркома почт и телеграфов, член Президиума ВСНХ, председатель Сибирского совнархоза, председатель ЦИК Карельской АССР, работал в ВСНХ и Президиуме ВЦИК. Делегат XIII—XVII съездов партии. В 1924—1934 гг.— член ЦКК. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Был необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно и восстановлен в партии.

ШУЛЬГИН ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ (1894—1965) — член партии с 1917 г. С 1918 по 1921 г.— ответственный работник Народного комиссариата просвещения. Впоследствии на педагогической и научной работе.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Аванесов В. А.— 27, 180, 330
 Авилов (Глебов) Н. П.— 44, 53, 127
 Авксентьев Н. Д.— 70, 71, 72, 161
 Агранов Я. С.— 128
 Адашев — 109, 111
 Аксельрод А. Е.— 86
 Александр — см. Сапронов Т. В. (Александр)
 Александр II (Романов) — 284
 Александр III (Романов) — 54, 284, 295
 Александра Федоровна (Романова) — 24
 Александров — 247
 Александрович П. А.— 213, 215
 Александровы — 247
 Алексеев — 339—340
 Алексеев Г. Д.— 297
 Алексеев М. В.— 377
 Алексей (Романов) — 24
 Алешин С. С.— 288
 Амосов П. Н.— 44, 46, 64
 Амосова — 110, 111
 Андреев Н. А.— 287, 288, 297
 Антипов Н. К.— 60, 79
 Антонов-Овсенко В. А.— 13, 15—16, 41, 42, 209
 Анцелович Н. М.— 54
 Аралов С. И.— 224
 Аргир Константин — 247
 Арманд И. Ф.— 69
 Аросев А. Я.— 194, 203
 Асланов С. И.— 206
 Ахмет Иванович — 293

Б

Бабеф Гракх — 288
 Бабичев А. В.— 288, 289
 Байрон Джордж Ноэл Гордон — 288
 Бакунин М. А.— 288
 Балонов М. М.— 114
 Балтрукевич А. М.— 133
 Бальфур (Balfour) Артур Джеймс — 154
 Барсуков М. И.— 114, 118, 120
 Басенко Л. Е.— 288
 Бебель Август — 287
 Бедняков И. И.— 289
 Беленькая Б. Я.— 132
 Беленький А. Я.— 316, 317, 319, 325, 326
 Бемель П.— 335, 339
 Берзин Р. И.— 207
 Берзин (Зиемелис) Я. А.— 23, 214
 Березкин — 248
 Бетховен Людвиг ван — 288
 Бланки Луи Огюст — 287
 Близниченко А. И.— 288
 Блок А. А.— 288, 290
 Блохин К. Н.— 219
 Блюмкин Я. Г.— 213
 Боголепов Д. П.— 193
 Богословская А. В.— 288
 Болотников И. И.— 288
 Бонч-Бруевич В. Д.— 16, 36, 66, 122, 123, 131, 132, 136, 146, 148
 Бонч-Бруевич (Величкина) В. М.— 116, 308, 368, 370
 Бонч-Бруевич М. Д.— 175, 176, 192
 Борода Митрич — 293

Борхардт Юлиан — 315, 316, 317, 318
 Бош Е. Б.— 279
 Брейер Т. М.— 288
 Бричкина С. Б.— 180
 Бромирский П. И.— 288
 Бронский (Варшавский) М. Г.— 23, 377
 Брут Марк Юний — 288
 Брюханов Н. П.— 242, 267, 337, 338, 339, 340
 Бубнов А. С.— 87
 Буллит Уильям Кристиан — 380
 Бункин Б. Т.— 339
 Бухарин Н. И.— 51, 127, 159—160
 Бушуев П.— 61

В

Вальден П. Б.— 19
 Васильев — 110, 111
 Васильев А. Г.— 236
 Васильев Н. А.— 296
 Ватагин В. А.— 288
 Вацетис И. И.— 196, 202, 203, 214, 218, 219, 224
 Вегер И. С.— 118, 119
 Вейсброд Б. С.— 309
 Вербов — 32
 Вердеревский Д. Н.— 32, 33
 Верхарн Эмиль — 288
 Веснин В. А.— 283
 Ветошкин М. К.— 175
 Вечеслов М. Г.— 114, 119
 Вильгельм II (Гогенцоллерн) — 211, 278, 322
 Вильсон Уилсон Томас Вудро — 312
 Винниченко В. К.— 165
 Виноградов А. А.— 345
 Виноградов Н. Д.— 288—289, 297—298, 302
 Винокуров А. Н.— 114, 116, 118
 Винтер А. В.— 62

Воеводин П. И.— 243, 244—245
 Волнухин С. М.— 288
 Володарский В. (Гольдштейн М. М.) — 17—18, 278, 306, 307
 Вольтер (Аруэ Мари Франсуа) — 288
 Волынский — 227
 Воровский В. В.— 91, 92
 Врангель П. Н.— 381
 Врачев И. Я.— 69
 Врубель М. А.— 288
 Всеволожский Н. А.— 296, 297

Г

Гаазе Гуго — 379
 Габович М. И.— 288
 Гайле В.— 69
 Ганецкий (Фюрстенберг) Я. С.— 92, 94, 95, 96, 97
 Гардинг Уоррен — 154
 Гарибальди Джузеппе — 286, 288
 Гейне Генрих — 288
 Гельферих Карл — 377
 Гетье Ф. А.— 313, 319
 Герасимов М. П.— 291
 Герман — см. Данишевский К. Х.
 Герцен А. И.— 288
 Гиль С. К.— 360
 Глазенап — 92
 Глебов Н. П.— см. Авилов (Глебов) Н. П.
 Голиневич-Шишкина Е. У.— 288
 Головинский М. В.— 118
 Голубкина А. С.— 287
 Горбунов Н. П.— 66, 99, 100, 101, 110, 125, 131, 132, 133, 134, 136, 140, 242, 356
 Гордиенко И. М.— 261
 Горлова Н. Н.— 132
 Горький Максим (Пешков А. М.) — 259, 267
 Гракх Тиберий — 288
 Графтио Г. О.— 62, 63

Грешнева К. М.— 318, 319

Губанов Петруха — 293

Гувер Герберт Кларк — 381

Гуковский И. Э.— 24, 49, 80, 96, 97,
105—106, 242

Гусев С. И. (Драбкин Я. Д.) — 69,
226, 227

Гюго Виктор Мари — 288

Гюрджян А. М.— 288, 289

Д

Данишевский К. Х. (Герман) —
212, 218, 224, 230, 233, 234

Дантон Жорж Жак — 288

Деникин А. И.— 179

Джунковский В. Ф.— 322

Дзержинский Ф. Э.— 13, 62, 91, 93,
147, 180, 202, 214, 216, 306

Дозит К.— 218

Докучаев Н. В.— 296

Домогацкий В. Н.— 287, 288

Драбкина Ф. И.— 24

Дубинецкий — 289

Духонин Н. Н.— 188

Дыбенко — 194

Е

Егоров — 110, 111

Есенин С. А.— 291

Ефимов А. И.— 296

Ефимыч — 293

Ж

Железняк — см. Железняков (Же-
лезняк) А. Г.

Железняков (Железняк) А. Г.—
35—36, 37

Желтышев С. П.— 146, 147

Желябов А. И.— 288

Жолтовский И. В.— 283

Жорес Жан — 286, 288

Жураковский М. Г.— 288

З

Зайцев — 328

Заринь Ю.— 218

Захаров В. Н.— 288

Зиновьев (Радомысльский) Г. Е.—
17, 23, 34, 88, 89, 159—160, 165,
166, 222, 259, 278

Златовратский А. Н.— 283, 288

Золя Эмиль — 288

Зорин Д. Ф.— 54

Зусманович Г. М.— 205

И

Ибсен Генрик — 288

Иванов — 200

Иванов — 255

Иванов Александр Андреевич —
288

Иванов Александр Васильевич —
347

Иванов Андрей Васильевич — 252—
253

Иванов С. В.— 69

Иванов-Кавказский — см. Иванов
(Кавказский) В. Г.

Иванов (Кавказский) В. Г.— 205

Иванов (Михайлов) — см. Иванов-
Михайлов М. С.

Иванов-Михайлов М. С.— 64

Игнатъев К. И.— 32

Извольский А. П.— 188

Измайлов Н. Ф.— 33

Иллят — 231

Иоффе А. А.— 13, 27, 230, 377

Имханицкий А. Я.— 288

Ительсон — 231

Иткинд И. Я.— 288

К

Каблуков Н. А.— 364

Казаков М. Ф.— 288

Калинин М. И.— 13, 73

- Каляев И. П.— 288
 Каменев (Розенфельд) Л. Б.— 23, 25, 38, 88, 89, 167
 Каменев С. С.— 226, 227
 Каменка Б. А.— 91, 92, 93
 Каминский Г. Н.— 247
 Камков (Кац) Б. Д.— 14, 159—160, 165, 166
 Кампанелла Томмазо — 284
 Каплан Ф. Е.— 107, 307, 322
 Капнист А. П.— 32
 Каракозов Д. В.— 288
 Карасев Григорий — 289, 294
 Карахан Л. М.— 161, 229
 Карелин В. А.— 14, 165, 166
 Катанян Р. П.— 231
 Кауль А. И.— 247, 248, 249
 Каутский Карл — 50, 379
 Качан — 110, 111
 Каюров А. В.— 255, 257
 Каюров В. Н.— 258, 259, 263, 264, 265, 270, 271, 273
 Каюров Н. И.— 256
 Кедров М. С.— 177, 178, 184, 207, 208
 Керенский А. Ф.— 12, 13, 14, 16, 18, 19, 23, 27, 29, 32—33, 36, 39, 40, 41, 49, 71, 72, 83, 86, 88, 89, 90, 91, 109, 110, 162, 201
 Керзон Джордж Натаниэль — 381
 Кизас А. П.— 123, 132
 Кипренский О. А.— 288
 Кириш К. В.— 49
 Кисляков — 364
 Классон Р. Э.— 358
 Клемансо Жорж Бенжамен — 381
 Клемперер Г.— 315
 Клычков (Лешенков) С. А.— 291
 Кобозев П. А.— 218
 Коган И. Г.— 93
 Козловский М. И.— 288
 Козловский М. Ю.— 244—245
 Коковцев В. Н.— 188
 Кокшарова Е. К.— 128, 132
 Коллегаев А. Л.— 14
 Коллонтай А. М.— 37, 88, 113
 Колупаев Василий — 256
 Кольцов А. В.— 288
 Кольцов С. В.— 288
 Колчак А. В.— 169, 179, 231, 262, 265
 Комиссаржевская В. Ф.— 288
 Коненков С. Т.— 283, 288, 289, 293, 298
 Корелов — 340
 Корнилов Л. Г.— 36
 Коробов Д. С.— 273, 274
 Коровин К. А.— 283
 Королев — 289
 Королев Б. Д.— 288
 Коросташевский И. Е.— 227
 Косарев В. М.— 181, 244
 Косушкин И. П.— 170, 171
 Крамер В. В.— 319
 Крандиевская — см. Крандиевская-Файдыш Н. В.
 Крандиевская-Файдыш Н. В.— 288
 Красин Л. Б.— 92, 185, 380
 Краснов — 331
 Краснов П. Н.— 39, 40, 126, 193
 Крестинский Н. Н.— 74, 94, 95, 229
 Кривоносов — 261
 Крупская Н. К.— 38, 54, 112, 113, 145, 146, 147, 310, 311, 313, 317, 319, 320, 321, 325, 334, 368, 372, 373
 Крыленко Н. В.— 186, 187, 188, 194, 227, 278
 Кудинов А. А.— 288
 Кузнецов П. В.— 283
 Кукель С. А.— 32
 Курбатов М. А.— 288
 Курлынин А. В.— 98, 99, 100

Л

- Лавернь Альфонс С.— 378
 Лавров Б. В.— 288
 Лаврухин А. Н.— 273

Лазарев П. П.— 316
 Ландер К. И.— 242
 Ларин Ю. (Лурье М. А.) — 27,
 49, 50, 51, 63, 241, 243, 244
 Лассаль Фердинанд — 288
 Лашевич М. М.— 259
 Лацис М. Я. (Судрабс Я. Ф.) —
 67, 220, 329
 Лебедев П. П.— 226, 227
 Левенсон И. З.— 19
 Левин Л. Г.— 319
 Ленский А. А.— 288
 Лепешинская О. Б.— 373—374
 Лепешинская О. П.— 370, 373
 Лепешинский П. Н.— 369, 370,
 373 — 374
 Либерман С. И.— 82
 Липер Рэкс — 154
 Литвинов М. М.— 153, 154, 380
 Лихачев В. М.— 358—360
 Лихачева Р. С.— 358—359, 360
 Ллойд Джордж Дэвид — 320, 380
 Лозовский А. (Дридзо С. А.) —
 50, 53, 63
 Локкарт Роберт Гамильтон Брюс —
 154, 378
 Ломов А. (Оппоков Г. И.) — 24, 104,
 159
 Лукирский С. Г.— 188
 Луначарский А. В.— 34, 167, 284,
 285, 289, 295, 296, 298, 305, 366,
 369
 Львов Г. Е.— 23
 Люберсак Жан — 378

М

Макаров М. Я.— 293
 Максимов А. С.— 33
 Малиновский П. П.— 194, 301, 302,
 303
 Малышев С. В.— 206
 Мальков П. Д.— 146, 147, 325
 Малютин Д. П.— 345, 346

Мамонов Н. Н.— 310—311, 312
 Мамонтов К. К.— 180
 Мандельштам (Одиссей) А. В.—
 191, 193, 196—197
 Мануйлов А. А.— 288
 Мануйлова О. М.— 288
 Марат Жан Поль — 288
 Маркс Карл — 100
 Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.) —
 210
 Масленников — 48
 Маслов П. П.— 71, 72
 Маяковский В. В.— 292
 Мезенцев С. А.— 289
 Менделевич И. А.— 288
 Мендельсон — 92
 Менжинский В. Р.— 86, 126
 Меркуров С. Д.— 287, 288
 Мехоношин К. А.— 41, 218
 Мильда Иван — 261
 Милюков П. Н.— 34, 104
 Милютин В. П.— 26, 50, 125
 Минков И. И.— 325
 Минц В. М.— 308, 309, 312, 313
 Мирбах Вильгельм — 202, 203, 213,
 322, 351, 376
 Михайловский Н. К.— 288
 Михельсон — 264
 Мишуха (Мишка) — 294
 Мотовилов Г. И.— 288
 Мочалов П. И.— 288
 Муравьев М. А.— 201—202, 217, 219
 Муралов Н. И.— 177, 193, 198, 206,
 207, 208, 214, 215
 Мусоргский М. П.— 288
 Мухина В. И.— 287, 288
 Мясников А. Ф.— 194
 Мясников В. С.— 36

Н

Надежный Д. Н.— 193
 Нансен Фритьоф — 381
 Натансон М. А.— 145

Невский — 329
 Невский В. И.— 69, 336
 Некрасов Н. А.— 288
 Нивинский И. И.— 289
 Николаева К. И.— 88—89
 Николай II (Романов) — 24, 101
 Новгородцева (Свердлова) К. Т.—
 330
 Новиков Н. И.— 288
 Ногин В. П.— 123, 125, 132, 322,
 323, 324
 Ногтев А. П.— 177
 Нуланс Жозеф — 378

О

Образцов Ф. Ф.— 102, 344, 345
 Образцова (Рыбакова) А. Ф.— 345
 Обух А. В.— 360
 Обух В. А.— 308, 309, 310, 312, 313,
 320, 358, 359—360
 Обух Н. В.— 360
 Одиссей — Мандельштам А. В.—
 см. Мандельштам (Одиссей) А. В.
 Озеревская Л. Я.— 132
 Оленин — см. Оленин-Лезерович
 М. П.
 Оленин-Лезерович М. П.— 288
 Олторжевский В. К. — 296
 Ольминский (Александров) М. С.—
 303, 373
 Осипов Д. П.— 296
 Орановский Е. В.— 288, 302
 Осендовский — 278
 Осинский Н. (Оболенский В. В.) —
 51, 79, 126, 127
 Орджоникидзе Г. К.— 373, 374
 Оуэн Роберт — 288
 Очкин А. Д.— 316, 318

П

Павликов Иван — 139
 Панюшкин В. Л.— 250, 251

Парский Д. П.— 189
 Пацюрковский В. Б.— 287—288
 Перовская С. Л.— 288
 Пестель П. И.— 288
 Петерс Я. Х.— 214
 Петерсон К. А.— 218, 222
 Петров И. П.— 247, 248, 249
 Петровский Г. И.— 86
 Пече Я. Я.— 214
 Пилсудский Юзеф — 228
 Пилятти С. Ф.— 288
 Платтен Фридрих — 148
 Плеханов Г. В.— 288
 Подвойский Н. И.— 13, 16, 20, 21,
 114, 125, 187, 189, 190—191, 193,
 202, 214, 233, 235
 Пожилыцов С. А.— 288
 Позерн Б. П.— 251
 Познер В. М.— 369, 370
 Познер И. А.— 93
 Покалн П. П.— 320
 Покровский М. Н.— 38, 286, 369, 370
 Полидоров С. И.— 325
 Попенцев А. Ф.— 288
 Попов — 167
 Попов Д. И.— 202, 213, 214
 Попов И. А.— 261
 Попов Т. И.— 197, 198
 Попова В. А.— 288
 Приоров Н. Н.— 321
 Прохоров — 261
 Прошьян П. П.— 190, 209
 Пузицкий — 231
 Пуль Дьюнт Клинтон — 379
 Путна В. К.— 263
 Пятаков Г. Л.— 50, 86, 126, 209

Р

Радек К. Б.— 160, 165, 166
 Радищев А. Н.— 288
 Радугина Л. Н.— 288
 Разин С. Т.— 288, 293, 294

Раковский Х. Г.— 95
 Раскольников Ф. Ф.— 218, 220
 Раттель Н. И.— 188
 Рахманов И. Ф.— 288
 Рачицкий — 203
 Рейн Г. Е.— 115, 119
 Римский-Корсаков Н. А.— 288
 Робеспьер Максимилиен — 286, 288
 Робинс Реймонд — 377
 Родионов Г. Г.— 330
 Розанов В. Н.— 314
 Романов Михаил — 302
 Рошаль С. Г.— 17, 18
 Рублев Андрей — 288
 Румянцев И. П.— 261
 Руссецкая Ю. Н.— 288
 Руссо Жан Жак — 288
 Рыбаков И. И.— 345
 Рыков А. И.— 24, 26, 44, 171, 227,
 242
 Рылеев К. Ф.— 288
 Рындзюнская М. Д.— 288
 Рязанов (Гольдендах) Д. Б.— 50,
 172

С

Савинский — 289
 Салтыков-Щедрин М. Е.— 288
 Сандомирская Б. Ю.— 288
 Саммер И. А.— 175
 Санаев М. И.— 333
 Сапронов Т. В. (Александр) — 324
 Свеаборжцы — 288
 Свердлов В. М.— 181
 Свердлов Я. М.— 13, 24, 70, 99, 102,
 117, 147, 158, 160, 161, 164, 165—
 166, 171, 172, 194, 200, 201, 203—
 204, 212, 218, 222, 224, 235, 236,
 246, 259, 260, 261, 277, 278, 303,
 306, 323, 329, 330, 331, 334, 340,
 347
 Свидерский А. И.— 242
 Сезанн Поль — 288

Семашко Н. А.— 24, 308, 309, 315,
 316—317, 318, 319
 Сергеев В. А.— 288
 Сергеева Ю. П.— 132
 Сергушев М. С.— 330
 Серебров — 266
 Середа С. П.— 26
 Симаков С. И.— 133
 Синайский В. А.— 287
 Синицина А. А.— 288
 Скворцов-Степанов И. И.— 130
 Склянский Э. М.— 176, 180, 279
 Скворода Г. С.— 288
 Скоропадский П. П.— 206
 Скрыпник М. Н.— 128, 132, 134, 138
 Скрыпник Н. А.— 228, 229
 Скрыбин А. Н.— 288
 Смидович П. Г.— 49, 199, 228, 302,
 355
 Смилга И. Т.— 23, 226, 227
 Смирнов В. М.— 23, 48, 49
 Смирнов И. Н.— 181, 267
 Смирнов С. Ф.— 288
 Соболев — 206
 Соколов В. Д.— 288
 Соколов В. И.— 317
 Сокольников (Бриллиант) Г. Я.—
 105, 314—315
 Соловьев — 25
 Соловьев В. С.— 69
 Солонко П. Н.— 68
 Спартак — 286, 288
 Спиридонова М. А.— 145, 166, 200
 Спирин Никифор — 256
 Спундэ А. П.— 96, 97
 Сталин (Джугашвили) И. В.— 13,
 23, 41, 159—160, 167, 170, 171,
 194, 314, 320
 Стасова Е. Д.— 159—160
 Степанов Г. Т.— 341
 Стиннес Гуго — 378
 Страж С. Н.— 288
 Страховская М. М.— 288
 Стучка П. И.— 225, 244—245

Сулейман Н. А.— 188, 189

Суриков В. И.— 288

Суханова (Флаксерман) Г. К.— 13

Сухомлинов В. А.— 188

Сырейщиков С. В.— 288

Сысин А. Н.— 119

Т

Татлин В. Е.— 298

Тепелев — 249

Терновец Б. Н.— 288

Тодорский А. И.— 103, 343

Томский (Ефремов) М. П.— 53, 55,
56, 207

Трофимов — 220

Троцкий (Бронштейн) Л. Д.— 13,
20, 21, 23, 27, 41, 88, 89, 119, 152,
158, 159, 168, 170, 174, 189, 190—
191, 194, 195, 196, 201, 202, 207,
208, 209, 211, 220, 221, 222, 223,
224, 225, 226, 227, 237, 244— 245,
250, 258, 259, 260, 263, 278, 361

Трутовский В. К.— 303

Туманов — 308

Тюрин Е.— 335, 336, 339

Тютчев Ф. И.— 288

У

Ульянов Д. И.— 319

Ульянова-Елизарова А. И.— 54, 145

Ульянова М. А.— 146

Ульянова М. И.— 54, 67, 113, 148,
305, 313, 317, 319, 320, 321, 323,
324, 325, 359, 360

Ульяновы (семья) — 358

Ульянцев Т. И.— 19, 20

Уралов С. Г.— 177

Урицкий М. С.— 13, 25, 159—160,
171, 222, 306, 307

Ус Васька — 293

Успенский Г. И.— 288

Ф

Федюшин Г. Р.— 132

Ферстер Отфрид — 320

Фомин И. А.— 288

Фортулатова Т. А.— 116

Фотиева Л. А.— 262, 336, 337, 340,
346

Фриче В. М.— 302

Фрумкин М. И.— 181, 373, 374

Х

Хаджи-Дубан — 288

Халтурин С. Н.— 288

Харитонов — 69

Хитров Г.— 61

Ховрин Н. А.— 36

Христиансен — 379

Ц

Цветаев — 119

Цветков — 109

Цыперович Г. В.— 58—59

Цюрупа А. Д.— 12, 242, 243, 244—
245, 246, 250, 260, 279, 337

Цюрупа Г. Д.— 52

Ч

Чемберлен — 154

Чернов В. М.— 36, 37, 70, 71, 72, 161,
172

Черногорский Николай — 188

Чичерин Г. В.— 26, 154, 228, 229

Чубарь В. Я.— 60

Чугурин И. Д.— 260, 261

Чудновский Г. И.— 13, 18, 41

Ш

Шадр И. Д.— 287

Шатов В. С.— 17—18

Шахунова П. А.— 132

Шведов Иван — 291

Шевченко Т. Г.— 288

Шервуд Л. В.— 287

Шипов Д. Н.— 126

Шлихтер А. Г.— 86, 141, 240, 241,
243, 244—245

Шляпников А. Г.— 48, 53, 61, 98,
99, 100, 101, 127

Шмидт В. В.— 44, 50, 53, 60

Шмидт О. Ю.— 246

Шопен Фридерик Францишек —
288

Шотман А. В.— 146

Штейнберг И. З.— 159—160, 165

Штеренберг Д. П.— 287, 296,
298

Штернберг П. К.— 369

Шупинская М. Ф.— 290

Шутко К. И.— 190

Ш

Щепанович Л. П.— 288

Щусев А. В.— 283

Э

Эйдук А. В.— 176

Элиава Ш. З.— 175

Ю

Юрьевич С. А.— 288

Я

Ягода Г. Г.— 227

Яковлев Н. Н.— 240, 244

Яковлева В. Н.— 48

Якулов А. Б.— 287

Ястребцов — 288

Яшвили — 197, 198, 200, 202,

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
А. И. РЫКОВ. Владимир Ильич — вождь масс	11
Л. Б. КАМЕНЕВ. Как произошла организация первого в мире рабоче-крестьянского правительства	12
Ф. Ф. РАСКОЛЬНИКОВ. Октябрьская революция	14
В. П. МИЛЮТИН. Страницы из дневника о Ленине	22
Ю. М. СТЕКЛОВ. В этот день. Ключки воспоминаний	27
П. Е. ДЫБЕНКО. Из главы «Октябрьская революция»	32
После Октября	—
Разгон Учредительного собрания	34
А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ. Из октябрьских воспоминаний	38
В. А. АНТОНОВ-ОВСЕНКО. За работой (Набег Краснова)	39
Н. И. ПОДВОЙСКИЙ. В Октябрьские дни	41
В. Я. ЧУБАРЬ. Уроки Ильича	43
М. Н. ЖИВОТОВ. Как зарождался ВСНХ (Из воспоминаний о первых месяцах Октябрьской революции)	46
Н. ОСИНСКИЙ. Из воспоминаний «Из первых дней Высшего совета народного хозяйства»	48
А. В. ШОТМАН. Ленин и ВСНХ	50
Г. В. ЦЫПЕРОВИЧ. Воспоминания о Ленине	52
С. А. ЛОЗОВСКИЙ. Отрывки из воспоминаний	57
Н. П. БОГДАНОВ. В. И. Ленин и рабочие-строители	60
А. М. КАКТЫНЬ. Как Ильич учил нас революционной тактике	63
П. Н. СОЛОНКО. Две встречи с В. И. Лениным	65
Д. И. ГРАЗКИН. Глубокое знание жизни трудящихся	69
А. ЛОМОВ. Владимир Ильич в хозяйственной работе	79
А. С. КИСЕЛЕВ. Из воспоминаний «Октябрьские дни в Иваново-Вознесенске»	82
Л. Н. СТАЛЬ. Работница в Октябре	87
Я. С. ГАНЕЦКИЙ. Ленин и национализация частных банков	89
М. А. АНДРЕЕВ. Беседа с В. И. Лениным о национализации Надеждинского завода (Отрывок из воспоминаний)	98
Ф. Ф. ОБРАЗЦОВ. В Смольном и в Кремле	101
Д. П. БОГОЛЕПОВ. Воспоминания о В. И. Ленине	104
А. М. КОЛЛОНТАЙ. Первые дни Наркомсобеса	108
Ленин думал о большом и не забывал о малом	112
М. И. БАРСУКОВ. Воспоминания главного комиссара Врачебно-санитарного отдела Военно-революционного комитета	114
Н. А. СЕМАШКО. Владимир Ильич и Наркомздрав	119
А. Н. ВИНУКUROV. Ленин и социальное обеспечение	120

Н. П. ГОРБУНОВ. Как создавался в Октябрьские дни рабочий аппарат Совета Народных Комиссаров	122
В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Первые дни Совнаркома	129
Е. К. КОКШАРОВА. В. И. Ленин в Совнаркоме в 1917 году	131
А. Г. ШЛИХТЕР. У Ильича	140
П. Д. МАЛЬКОВ. Из книги «Записки коменданта Кремля»	145
М. Н. СКРЫПНИК. Крестьяне-ходоки у Ильича в Смольном	148
А. А. ИОФФЕ. Эпоха брестских переговоров (<i>Воспоминания</i>)	152
К. Б. РАДЕК. Из статьи «В. И. Ленин (К 25-летию партии)»	157
Б. Ф. МАЛКИН. Владимир Ильич и Брестский мир (<i>Отрывки из воспоминаний</i>)	158
С. Д. МСТИСЛАВСКИЙ. Записи о Ленине	161
И. Т. СМИЛГА. В. И. Ленин и Красная Армия	168
М. С. КЕДРОВ. Из Красной тетради об Ильиче	170
Н. М. ПОТАПОВ. Начало	185
М. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Ленин на военной работе	188
Н. И. МУРАЛОВ. Встречи с Ильичем на военной работе	191
Учиться у него	207
И. С. КОЖЕВНИКОВ. Три встречи с т. Лениным	208
Первая	—
Вторая	209
Третья	210
К. Х. ДАНИШЕВСКИЙ. Встречи с Лениным в годы гражданской войны (1918—1921 годы)	211
И. И. ВАЦЕТИС. Две встречи с Лениным	233
А. Д. МЕТЕЛЕВ. Из воспоминаний «Падение Архангельска (1918—1919 гг.)»	235
П. И. ВОЕВОДИН. Из воспоминаний «20 лет работы в большевистских организациях и встреча с тов. Лениным»	239
В. Л. ПАНЮШКИН. Нужен хлеб	246
А. В. ИВАНОВ. Путиловский рабочий на приеме у Ильича	252
В. Н. КАЮРОВ. Мои встречи и работа с В. И. Лениным в годы революции	254
А. Н. ЛАВРУХИН. Кооператоры у Ленина	273
Е. Б. БОШ. Встречи и беседы с Владимиром Ильичем	275
С. Т. КОНЕНКОВ. Ленин: «Я назвал бы это монументальной пропагандой»	283
Н. Д. ВИНОГРАДОВ. Из «Воспоминаний о монументальной пропаганде в Москве»	296
И. А. ВАЙМАН. С товарищем Лениным	301
В. Н. ШУЛЬГИН. На I Всероссийском съезде по просвещению	304
Г. Е. ЗИНОВЬЕВ. Покушение на т. Ленина (<i>Страничка воспоминаний</i>)	305
А. Н. ВИНУКОВ. Между жизнью и смертью	307
В. Н. РОЗАНОВ. Из воспоминаний о Владимире Ильиче	309
Т. В. САПРОНОВ. Из воспоминаний «Ленин в Горках»	322
М. И. САНАЕВ. Посещение В. И. Ленина	328
Б. Т. БУНКИН. Хлеб рабочим Москвы и Питера в 1918 году	334
А. И. ТОДОРСКИЙ. «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов»	341
А. В. ИВАНОВ. Рукою Ильича	345
С. И. КАНАТЧИКОВ. Мои воспоминания о Владимире Ильиче	347
С. И. ГОПНЕР. Встречи в 1918 году	349
Г. О. ГРАФТИО. Встречи	355
А. В. ВИНТЕР. Он окрылял нас	357

Р. С. ЛИХАЧЕВА, А. В. ОБУХ. В гостях у друзей	358
А. Д. ЦЮРУПА. Владимир Ильич и продовольственная политика	360
П. И. ПОПОВ. Встречи с Лениным. Государственная статистика и Владимир Ильич	363
П. Н. ЛЕПЕШИНСКИЙ. Мои последние встречи с Ильичем	366
Г. В. ЧИЧЕРИН. Ленин и внешняя политика	375
Краткие биографические сведения об авторах воспоминаний	383
Указатель имен	401

В77

**Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 т.
Т. 5/Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— М.: По-
литиздат, 1990.— 412 с.: ил.
ISBN 5—250—01103—9**

Авторы воспоминаний, современники и соратники В. И. Ленина, рассказывают о встречах и совместной работе с Владимиром Ильичем в первый год существования Республики Советов. Имена многих активных участников революционных событий и строительства нового общества в стране долгие годы были преданы забвению. Читатель впервые познакомится с уникальными свидетельствами Г. Е. Зиновьева, А. А. Иоффе, Л. Б. Каменева, С. И. Канатчикова, В. Н. Каюрова, Н. И. Муралова, Н. Осинского, К. Б. Радека, А. И. Рыкова, И. Т. Смильги и многих других.

В 0103020000—119
079(02)—90 Подписное

ББК 13.5

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ**

В 10 томах

Т. 5

На 1-й сторонке суперобложки:

«В. И. Ленин».

С картины художника *С. Сафонова*

На 4-й сторонке суперобложки:

«В. И. Ленин провозглашает Советскую власть
на II Всероссийском съезде Советов».

С картины художника *В. Серова*

На шмуцтитутах рисунки *Н. Жукова*

Заведующий редакцией *В. М. Подугольников*

Редактор *Н. И. Коршикова*

Младший редактор *Н. С. Коблякова*

Художник *А. Л. Чириков*

Художественный редактор *А. Я. Гладышев*

Технический редактор *О. В. Лукоянова*

ИБ № 8349

Сдано в набор 21.11.89. Подписано в печать 06.05.90.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Тип
Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,75. Усл.
кр.-отт. 28,63. Уч.-изд. л. 29,10. Тираж 145 тыс. экз.
Заказ № 5033. Цена 1 р. 60 к., в суперобложке 1 р. 70 к.

Политиздат. 125811,

ГСП, Москва, А47, Миусская пл., 7.

Типография издательства «Горьковская правда».
603006, г. Горький, ул. Фигнер, 32.

В 1990—1991 гг.

В Политиздате выйдут «ВОСПОМИНАНИЯ
О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ» тома 6,
7, 8, 9.

Читатель впервые познакомится с уникаль-
ными свидетельствами Г. Е. Зиновьева,
А. А. Иоффе, Л. Б. Каменева, К. Б. Радека,
А. И. Рыкова, И. Т. Смилги, В. Н. Каюрова и
многих других. Значительная часть воспоми-
наний публиковалась в 20 — начале 30-х го-
дов и с тех пор не переиздавалась.

Scan: Ershov V. G., 2006

